
Стенограмма
Нюрнбергского процесса
Том XII

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2021. — (Первопубликация)

Том двенадцатый стенограммы сверен с аудиозаписями и включает в себя расшифровку судебных заседаний 3-15 мая 1946. В ходе этих заседаний был завершен допрос подсудимого Шахта, защита завершила представление доказательств по делу Шахта. Защита представила доказательства по делу Функа. Защита представила доказательства по делу Дёница. Защита начала представлять доказательства по делу Рёдера. Был допрошен подсудимый Дёниц. Были допрошены свидетели Фокке, Гайлер, Вагнер, Годт, Гесслер, Пуль, Томс. Начался допрос подсудимого Рёдера.

Содержание

День сто двадцатый

Пятница, 3 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Шахт возвращается на место свидетеля*]

Председатель[1]: Завтра трибунал заседает в открытом режиме с 10 часов и перейдет в закрытый режим в 12 по полудню.

Господин Джексон и подсудимый Шахт: переводчики просят, чтобы вы по возможности делали паузы, после вопроса заданного вами и если вы считаете необходимым, с учётом состояния документов, которые вы рассматриваете, читая по–английски или говоря по–английски, делать соответствующую паузу для того, чтобы переводчики, переводящие с английского языка на другие языки могли справиться с переводом. Ясно?

Джексон: Я постоянно извиняюсь перед переводчиками. Сложно преодолеть привычку.

Председатель: Это очень сложно.

Джексон: [*Обращаясь к подсудимому*] Доктор Шахт, кстати, фотография номер 10, которую показали вам вчера, была одним из поводов ношения вами партийного значка, на который вы ссылались, не так ли?

Шахт: Так могло быть.

Джексон: Вы вполне уверены в этом, не так ли?

Шахт: Я не могу точно различить; но так могло быть, и это подтверждает, что эта фотография была сделана после 1937.

Джексон: Это то, что я хотел подтвердить. И фактически, она была сделана после 1941, не так ли? Фактически, Борман не занимал никакой важной государственной должности ранее 1941, не так ли?

Шахт: Борман?

Джексон: Борман, да.

Шахт: Этого я не знаю.

Джексон: Итак, если мы вернёмся к четырехлетнему плану, который начался в 1936, как я понял вы противостояли назначению Геринга ответственным за четырёхлетний план по двум основаниям: первое, вы думали, что этот новый план может помешать вашим функциям; и во–вторых, если бы и был четырёхлетний план, вы не думали, что Геринг подходил для управления им?

---

[1] Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

Шахт: Я не знаю, что вы подразумеваете под «противостоял». Я не был удовлетворен этим и считал выбор Геринга не правильным для какой–либо ведущей позиции в экономике.
Джексон: Фактически, вы описывали Геринга как профана в экономике, не так ли?
Шахт: Да, так любой может сказать в жаркой дискуссии.
Джексон: Или на допросе?
Шахт: Допросы иногда тоже жаркие.
Джексон: Итак, очень скоро Геринг начал вмешиваться в ваши функции, не так ли?
Шахт: Мне кажется он пытался постоянно.
Джексон: Что же, он с этим тоже справился, не так ли?
Шахт: Я не понимаю, что вы подразумеваете под «he got away with it»
Джексон: Что же, это американский сленг, я признаю. Я подразумевал, он справился.
Шахт: В июле 1937 он полностью прижал меня к стенке.
Джексон: Это началось с предложения, сделанного им в отношении горнодобычи?
Шахт: Да.
Джексон: Он также выступил с речью к некоторым промышленникам, не так ли?
Шахт: Я полагаю, что он произнёс несколько речей к промышленникам. Я не знаю, на какую вы ссылаетесь. Я предполагаю, вы подразумеваете речь в декабре 1936 или похожую.
Джексон: Я ссылаюсь на речь, о которой вы говорили нам на допросе, что Геринг собрал промышленников и говорил много глупых вещей об экономике, которые вам пришлось опровергать.
Шахт: Это была встреча 17 декабря 1936.
Джексон: И затем вы написали Герингу жалобу о мерах по горнодобыче?
Шахт: Я полагаю, что вы имеете в виду письмо от 5 августа?
Джексон: Правильно. Этот документ, документ ЕС–497, экземпляр USA–775. И в том письме от августа 1937 вы сказали это, если я цитирую вас правильно:

> «Между тем я непрерывно подчеркивал необходимость увеличения экспорта и активно работал над этим. Сама необходимость как можно быстрее довести наше вооружение до определенного уровня должна выдвинуть на первый план идею максимально возможной прибыли в иностранной валюте и, следовательно, с максимально возможной гарантией сырья, материалов».
>
> Правильно?

Шахт: Я так полагаю.
Джексон: И, мне кажется вы также сказали это:

> «Я разделял вышеуказанный взгляд на экономическую ситуацию, который я разъяснял с первого дня своей работы».
>
> Это тоже правда, не так ли?

Шахт: Да, конечно.

Джексон: Итак, обе эти вещи, правда, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И затем, вы закончили, обратившись к Герингу:

> «Я прошу поверить мне, мой дорогой премьер–министр, что это далеко от меня, каким–либо образом вмешиваться в вашу политику. Я также не предлагал мнения, о своих взглядах, которое не согласовывалось с вашей экономической политикой, правильной или нет. Я полностью симпатизирую вашим действиям. Однако я думаю, что в тоталитарном государстве совершенно невозможно проводить две расходящиеся экономические политики».
>
> И это также было правдой, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И это было основным, в чём вы и Геринг не соглашались, что касалось политики?

Шахт: Касалось чего? – Политики? Я не понимаю, что вы подразумеваете под политикой. Я имею в виду способ ведения дела.

Джексон: Да.

Шахт: Совершенно в стороне от иных разногласий, что у нас имелись.

Джексон: Эти остальные разногласия являлись личными разногласиями. Вы и Геринг не ладили?

Шахт: Напротив. До той поры мы находились в самых дружеских отношениях друг с другом.

Джексон: О, вы были?

Шахт: О, да.

Джексон: Началом ваших разногласий с Герингом была борьба, о том кому из вас доминировать в подготовке к войне?

Шахт: Нет.

Джексон: Что же…

Шахт: Я должен это абсолютно отрицать. Разногласия…

Джексон: Вы хотите сказать, что–то еще?

Шахт: Разногласия, которые привели к моей отставке вытекали из факта, что Геринг хотел принять командование всей экономической политикой, в то время как я нёс за неё ответственность. И у меня было мнение, что тот, кто несет ответственность должен также командовать; и если один командовал, тогда один нёс ответственность. Это формальная причина, почему я попросил об отставке.

Джексон: А теперь, я перейду к вашему допросу от 16 октября 1945, документ PS-3728, экземпляр USA–636, и спрашиваю вас, давали вы следующие показания:

> «После принятия Герингом четырёхлетнего плана – и я должен сказать после получения им контроля над валютой, уже с апреля 1936

– но всё же после четырёхлетнего плана в сентябре 1936, он всегда пытался получить контроль над всей экономической политикой. Одним из объектов, конечно, был пост уполномоченного по военной экономике на случай войны, будучи слишком взволнованным, чтобы получить всё в свои руки, он пытался забрать её у меня. До тех пор пока у меня была должность министра экономики, я возражал этому…»

Вы сделали такое заявление?

Шахт: Мне кажется, это верно.

Джексон: Да, и затем вы описали ваш последний визит к нему после Лютера стремившегося примирить Геринга и вас.

Шахт: Это ошибка; это Гитлер[2], а не Лютер.

Джексон: Очень хорошо.

Вы описывали это следующим образом:

«Затем у меня был последний разговор с Герингом; и в конце беседы Геринг сказал: «Но у меня должно быть право отдавать вам приказы». Тогда я сказал: «Не мне, а моему преемнику». Я никогда не получал приказов от Геринга; и я никогда не делал этого, потому что он был глупым в экономике, а я по крайней мере кое–что знал в ней.

Вопрос: Что же я понял, что это было кульминацией развития, личного дела между вами и Герингом. Это кажется, совершенно очевидно.

Ответ: Разумеется».

Это верно?

Шахт: Да, точно.

Джексон: И затем дознаватель продолжает:

«Позвольте перейти к обязанностям той работы и понять, что он пытался у вас забрать. Было только две возможности, как мне было объяснено; если я ошибаюсь, поправьте меня. Одной могла быть подготовка для мобилизации, а другая была ответственностью на случай войны. В противном случае, должность ничего не значила. Значит, как я это понимаю, вы сопротивлялись изъятию у вас таких вещей, как права быть ответственным за подготовку для мобилизации, и во–вторых, право контроля на случай войны.

Ответ: Верно».

Вы давали такие показания?

Шахт: Господин судья, пожалуйста, вы смешиваете события во времени.

---

[2] Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основательтоталитарной диктатуры Третьего Рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии(1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, верховный главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

Разногласия с Герингом о так называемом уполномоченном по военной экономике случились зимой 1936–37; и так называемый последний разговор с Герингом, который вы только что упоминали, происходил в ноябре 1937. Я заявлял, я думаю в январе 1937, что я был готов передать ведомство и деятельность уполномоченного по военной экономике непосредственно Герингу. Это понятно из меморандума в дневнике Йодля, который здесь часто упоминался.

Тогда в особенности военное министерство и Бломберг[3] в частности, попросили меня сохранить должность уполномоченного по военной экономике, поскольку я был министром экономики, до тех пор, пока я был министром экономики. Вы найдете переписку об этом, которая я думаю уже представлена вами трибуналу.

Джексон: Что же, хорошо; я думаю, даты видны из ваших показаний. Я сейчас не касаюсь, последовательности событий; я касался функций спорных полномочий, которые вы описали в ваших допросах. И вопросы, и ответы, что я зачитал, верны; эти ответы вы тогда давали, не так ли?

Шахт: Да, но я должен сказать следующее: если вы спрашиваете меня об этих отдельных фазах, они дают совершенно иную картину, если вы не выделяете разные периоды. Господин судья, вы не можете упоминать события января и ноября на одном дыхании и затем спрашивать меня об их верности. Это не правильно.

Джексон: Что же, позвольте нам понять, что в этом ошибочно.

Когда был ваш последний разговор с Герингом в котором вы говорили ему о том, что он будет отдавать приказы вашему преемнику, а не вам?

Шахт: Ноябрь 1937.

Джексон: Итак, вопрос служебных обязанностей не имеет никакого отношения ко времени, не так ли? То есть, к уполномоченному по военной экономике, несогласию между вами и Герингом, и с целью пояснить, я зачитаю этот вопрос и снова ваш ответ, я не касаюсь времени; я касаюсь вашего описания работы.

> «Позвольте перейти к обязанностям той работы и понять, что он пытался у вас забрать. Было только две возможности, как мне было объяснено; если я ошибаюсь, поправьте меня. Одной могла быть подготовка для мобилизации, а другая была ответственностью на случай войны. В противном случае, должность ничего не значила. Значит, как я это понимаю, вы сопротивлялись изъятию у вас таких вещей, как права быть ответственным за подготовку для мобилизации, и во–вторых, право контроля на случай войны.
>
> И вы ответили «Верно», не так ли?

Шахт: Эти разногласия…

Джексон: Вы можете ответить мне сначала о том, давали ли вы такой ответ на этот

---

[3] Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (20 апреля 1936 года), в 1933—1938 годах министр обороны (с 1935 — военного министерства) Германии.

вопрос, это правильно?

Шахт: Да, протокол правильный. И теперь я хочу…

Джексон: Хорошо.

Шахт: Но, пожалуйста, позвольте мне закончить.

Джексон: Хорошо, начинайте своё объяснение.

Шахт: Да. Итак, я желаю сказать, что это разногласие между Герингом и мной не имело никакого отношения к разговору в ноябре, и это даже не было разногласие между мной и Герингом. Это разногласие, о которым вы только что зачитали, случилось в январе 1937, но это не было разногласием между Герингом и мной, потому что я говорил тогда: «Освободите меня с поста, уполномоченного по военной экономике и передайте его Герингу». И военный министр, то есть, господин фон Бломберг протестовал против этого, не я. Я был удовлетворен передачей этого поста Герингу.

Джексон: Об этом есть что–либо письменное, доктор Шахт?

Шахт: Документы, которые вы здесь приобщили. Я бы хотел попросить моего защитника посмотреть на эти документы и представить их в ходе повторного допроса. Они приобщались обвинением.

Джексон: Итак, это не факт, что ваши разногласия с Герингом были разногласием личного характера, между вами и ним, за контроль, а не разногласиями в вопросе вооружения? Вы оба хотели перевооружения настолько быстро насколько возможно.

Шахт: Я не хочу продолжать такую игру слов о том было ли это личным или чем–то ещё, господин судья. У меня были разногласия с Герингом по предмету и если вы спрашиваете о том были ли они о вооружении, скорости и степени, я отвечаю, что у меня были сильнейшие разногласия с Герингом по поводу этого.

Я никогда не отрицал, что я хотел перевооружения для того, чтобы достичь равного положения для Германии. Геринг хотел идти дальше и это разногласие нельзя упускать из виду.

Джексон: Теперь я не хочу играть словами и если вы переходите на мою личность говоря о том, что я играю словами, вы вынуждаете меня рассмотреть то, что вы нам рассказывали о Геринге.

Это не факт, что вы рассказывали майору Тилли?

> «В то время как я называл Гитлера аморального типа личностью, я могу относиться к Герингу только как к безнравственному преступнику. Наделенный природой определенной гениальностью, которую он использовал для эксплуатации своей популярности, он был самым эгоцентричным существом которое можно вообразить. Получение политической власти было для него лишь средством личного обогащения и хорошей жизни для себя. Успех остальных наполнял его гневом. Его жадность не знала границ. Его пристрастие к

драгоценностям, золоту и украшениям, и т. д., была невообразимым никаког. Он не знал никакого товарищества. Лишь до тех пор, пока кто–то был для него полезен, он изображал дружбу.

Сведения Геринга во всех сферах, в которых должен был быть компетентен член правительства были нулевыми, особенно в экономической сфере. По всем экономическим вопросам, которые Гитлер доверил ему осенью 1936 у него ни имелось, ни малейшего сведения, хотя он создал необъятный чиновничий аппарат и ошибался в использовании своей власти как владыки всей экономики наиболее возмутительно. В своём личном поведении он был настолько театральным, что его можно было лишь сравнить с Нероном[4]. Леди, которая пила чай с его второй женой сообщала, что он появился там в некого рода римской тоге и сандалиях унизанных камнями, его пальцы украшали бесчисленные драгоценные кольца и полностью покрытый орнаментами, его лицо было загримировано, а губы накрашены».

Вы делали такое заявление майору Тилли?

Шахт: Да.

Джексон: Да. И вы говорите, что вы не имели никаких личных разногласий с Герингом?

Шахт: Господин судья, здесь я попрошу, о том, что не следует путать разные промежутки времени. Я выяснил все эти вещи спустя время, а не в то время о котором вы говорите, то есть, 1936 году.

Джексон: Вы оспариваете показания Гизевиуса[5], что в 1935 он говорил вам об ответственности Геринга за создание Гестапо?

Шахт: Я свидетельствовал здесь, что я знал о лагерях Гестапо, которые создал Геринг и говорил о том, что я был против них. Я это вообще не отрицаю.

Джексон: Но ваша дружба продолжалась, несмотря на эти сведения.

Шахт: Я никогда не дружил с Герингом.

Джексон: Что же…

Шахт: Я определенно не мог отказаться работать с ним, в особенности до тех пора пока я не узнал какого он рода как человек.

Джексон: Хорошо. Рассмотрим внешнеполитические отношения, на которые вы здесь сильно жаловались. Я думаю, вы свидетельствовали о том, что в 1937, когда вы вовсю перевооружались, вы не предвидели никакой войны, правильно?

Шахт: Нет, то, что вы говорите, господин судья, неправильно. В 1937 я не делал всё

---

[4] Нерон (37 — 68) с 50 по 54 год — Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик, наиболее известен под именем Нерон — римский император с 13 октября 54 года, последний из династии Юлиев-Клавдиев. Известен приписываемым ему поджогом Рима.

[5] Ханс Бернд Гизевиус (1904 — 1974) — сотрудник немецкой полиции и абвера армии Германии, один из активных участников заговора против Адольфа Гитлера.

для перевооружения, но с 1935, с осени 1935, я пытался сделать всё возможное для замедления перевооружения.

Джексон: Хорошо. Я отсылаю вас к вашему допросу от 16 октября 1945, и спрашиваю вас, давали ли вы эти ответы на такие вопросы:

> «Вопрос: Тогда позвольте мне вас спросить, в 1937 какого рода войну вы предвидели?
>
> Ответ: Я никогда не предвидел войну. На нас могли напасть, кто-то мог вторгнуться, но даже такого я никогда не ожидал.
>
> Вопрос: Вы этого не ожидали. Вы ожидали возможность мобилизации и концентрации экономических сил в случае войны?
>
> Ответ: В случае нападения на Германию, конечно.
>
> Вопрос: Итак, обращаясь к 1937, вы способны сказать, о каком нападении шла речь?
>
> Ответ: Сэр, я не знаю.
>
> Вопрос: Вы тогда думали об этом?
>
> Ответ: Нет, никогда.
>
> Вопрос: Значит вы считали случайность войны в 1937 настолько отдаленной, что этим можно было пренебречь?
>
> Ответ: Да.
>
> Вопрос: Считали?
>
> Ответ: Да». (Документ номер PS-3728)
>
> Вы давали такие ответы?

Шахт: В этом трибунале я сделал точно такие же заявление как на допросе.

Джексон: Итак, вы свидетельствовали о том, что вы пытались изменить план Гитлера, который заключался в движении и расширении на Восток – вместо этого вы пытались направить его внимание на колонии.

Шахт: Да.

Джексон: Какие колонии? Вы никогда не уточняли.

Шахт: Наши колонии.

Джексон: И где они находились?

Шахт: Я полагаю, вам это известно не хуже меня.

Джексон: Доктор Шахт вы здесь свидетель. Я хочу знать о чём вы говорили Гитлеру, а не то, что знаю я.

Шахт: Ох, о том, что я говорил Гитлеру? Я говорил Гитлеру о том, что мы должны попытаться вернуть часть колоний, которые принадлежали нам, и управление которыми у нас забрали, для того, чтобы мы могли там работать.

Джексон: Какие колонии?

Шахт: Я в особенности думал об африканских колониях.

Джексон: И эти африканские колонии вы считали достаточными для вашего плана на будущую Германию?

Шахт: Не эти, но в целом любую колониальную деятельность и конечно, сначала, я мог лишь ограничивать свои колониальные пожелания собственным имуществом.
Джексон: И ваше имущество, как вы это называете, было африканскими колониями?
Шахт: Лично я их так не называл. Так их называет Версальский договор[6] – «наше имущество».
Джексон: Всё равно вы их желали, вы хотели колоний, о которых говорили.
Шахт: Да.
Джексон: Вы считали, что владение и эксплуатация колониями была необходимостью для Германии, чтобы вы рисовали это своём воображении?
Шахт: Если бы вы заменили слово «эксплуатация» «развитием», мне кажется не будет никакого недопонимания, и в такой степени я с вами полностью соглашусь.
Джексон: Что же, под «развитием» вы имеете в виду торговлю, и я предполагаю, вы ожидали выгоды от торговли?
Шахт: Нет, не только «торговлю», но «развитие природных ресурсов» или экономических возможностей колоний.
Джексон: И ваше предложение заключалось в том, что Германия должна начать полагаться на эти колонии вместо того, чтобы полагаться на расширение на Востоке?
Шахт: Я считал любого рода экспансию внутри европейского континента сущей глупостью.
Джексон: Но вы соглашались с Гитлером в том, что экспансия, либо колониальная или на Востоке, являвлась необходимым условием обеспеченной Германии, которую вы хотели создать.
Шахт: Нет, я никогда так не говорил. Я говорил ему, что это было нонсенсом предпринимать что–то на Востоке. Можно было рассматривать только колониальное развитие.
Джексон: И в качестве политического вопроса вы предлагали, чтобы развитие Германии полагалось на колонии, с которыми вы не имели никакого сухопутного торгового пути в Германию и что, как вы знали, требовало морской мощи для их защиты.
Шахт: Я так вообще не думаю – как вы до такого додумались?
Джексон: Что же, вы бы не добрались до Африки по суше? Вы оказались бы у воды в некотором пункте, не так ли?
Шахт: Можно летать.
Джексон: В чём заключался ваш торговый путь? Вы думали только о воздушном сообщении?
Шахт: Нет, нет. Я думал также о кораблях.

---

[6] Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

Джексон: Да. И Германия тогда не имела морской мощи?

Шахт: Мне кажется, мы имели торговый флот который был довольно значительным.

Джексон: Ваш колониальный план включал перевооружение, превратив Германию в морскую державу для защиты торговых путей в колонии, это вы предлагали?

Шахт: Нет, ни в коей мере.

Джексон: Значит ваш план оставлял торговые пути без охраны?

Шахт: О, нет. Я верил в то, что международное право было бы достаточной защитой.

Джексон: Что же, это то в чём вы не соглашались с Гитлером.

Шахт: Мы никогда не говорили об этом.

Джексон: Что же, в любом случае он отверг ваш план колониального развития?

Шахт: О, нет. Я объяснял здесь, что по моему срочному запросу он отдал мне приказ летом 1936 поднять эти колониальные вопросы.

Джексон: Доктор Шахт, вы не давали такие ответы в своём допросе:

> «Вопрос: Другими словами, во время ваших бесед с Гитлером в 1931 и 1932 касательно колониальной политики, вы не видели его, скажем так, энтузиазма о такой возможности?
>
> Ответ: Ни энтузиазма, ни большой заинтересованности.
>
> Вопрос: Но он высказывал вам в чём его взгляды отличались от возможности приобретения колоний?
>
> Ответ: Нет, мы не вдавались в другие альтернативы».
>
> Вы давали такие ответы?

Шахт: Разумеется.

Джексон: Итак, по крайней мере после дела Фрича[7], вы знали, о том, что Гитлер не намерен придерживаться мира в Европе всеми возможными средствами.

Шахт: Да, у меня были сомнения.

Джексон: И после австрийского аншлюса вы знали о том, что Вермахт являлся важным фактором в его восточной политике?

Шахт: Что же, вы можете так сказать. Я не знаю точно, что вы этим подразумеваете.

Джексон: Что же, ничего не отвечайте если вы не знаете, что я имею в виду, потому что нам вместе станет ясно. За исключением предложения колоний вы не предлагали иных альтернатив его плану экспансии на Восток?

Шахт: Нет.

Джексон: Никогда ни на одном заседании кабинета или где–то ещё вы не

---

[7] Дело Фрича — Бломберга — политический кризис, возникший в 1938 году в высших кругах Третьего рейха, который привёл к изменению формы командования вооружёнными силами государства и значительному усилению влияния НСДАП на внешнюю и внутреннюю политику государства. В результате завершения этого кризиса Гитлер, став верховным главнокомандующим, получил полную свободу действий в реализации своих планов, нацеленных на экспансию. Вернер фон Фрич (1880 — 1939) - генерал-полковник Вермахта. В 1934-1938 главнокомандующий сухопутными войсками.

предлагали никакой другой альтернативы?

Шахт: Нет.

Джексон: Итак, что касается похода в Австрию, я думаю, вы дали такие ответы:

> «Вопрос: Гитлер не использовал именно тот способ, за который вы выступали?
>
> Ответ: Вовсе нет.
>
> Вопрос: Вы поддержали метод который он использовал?
>
> Ответ: Вовсе нет, сэр.
>
> Вопрос: В чем заключался его метод, что он вам не понравился?
>
> Ответ: О, это была просто спешка, застать австрийцев врасплох – или как вы это называете? Это была сила, и я никогда не поддерживал такую силу».
>
> Вы давали такие ответы?

Шахт: Да.

Джексон: Итак, вы здесь сильно жаловались на то, что иностранцы не пришли к вам с поддержкой в разное время ваших усилий блокировать Гитлера, не так ли?

Шахт: Конечно.

Джексон: Во время австрийского аншлюса вам была известна точка зрения США по отношению к нацистскому режиму, высказанная президентом Рузвельтом[8]?

Шахт: Да.

Джексон: И вам было известно его выступление, в котором он выдвинул предложение о том, что следует принять меры против распространения нацистской угрозы?

Шахт: Я не помню, но я, разумеется должен был об этом читать, если это было опубликовано в Германии, как я полагаю.

Джексон: В результате этого Геббельс[9] начал кампанию нападок на президента, не правда ли?

Шахт: Я признаю, что читал об этом.

Джексон: Фактически, вы присоединились к нападкам на иностранцев, критиковавших эти методы, не правда ли?

Шахт: Когда и где? Какие нападки?

Джексон: Хорошо. После аншлюса Австрии, когда была применена сила, которую вы якобы не одобряли, вы немедленно поехали в Австрию и взяли на себя руководство Австрийским национальным банком, не правда ли?

---

[8] Франклин Делано Рузвельт (1882 — 1945) — 32-й президент США.

[9] Йозеф Геббельс (1897 — 1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. Гауляйтер в Берлине с 1926 года и начальник управления пропаганды НСДАП с 1930 года. Министр пропаганды и народного просвещения Германии в 1933-1945. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

Шахт: Да, это был мой долг.
Джексон: Да, что же, вы это сделали.
Шахт: Конечно.
Джексон: И вы ликвидировали его в пользу Рейха?
Шахт: Я его не ликвидировал. Я осуществил его слияние, поглощение.
Джексон: Прошу прощения?
Шахт: Поглотил.
Джексон: Произвели слияние. И вы приняли его служащих?
Шахт: Весь.
Джексон: Хорошо. И распоряжение об этом было подписано вами?
Шахт: Конечно.
Джексон: И вы 21 марта 1938 г. собрали всех служащих?
Шахт: Да.
Джексон: И произнесли перед ними речь?
Шахт: Так точно.
Джексон: Говорили ли вы им среди прочего…
Шахт: Разумеется.
Джексон: Что же, вы пока это не услышали.
Шахт: Да, я слышал это в ходе дела обвинения.
Джексон: Что же, я хочу кое–что, вам процитировать и напомнить.

> «Мне кажется, что будет целесообразно, если мы вспомним эти вещи для того, чтобы разоблачить все ханжеское лицемерие зарубежной прессы. Но, слава богу, все это, в конце концов, никак не может помешать великому германскому народу, потому что Адольф Гитлер создал единство воли и мысли немцев; он скрепил все это новыми мощными вооруженными силами, и он, наконец, облек во внешнюю форму внутреннее единство между Германией и Австрией.
> Я известен тем, что иногда высказываю оскорбительные мысли, и здесь я не хотел бы отклоняться от этой привычки».
> Указано, что в этой части вашей речи раздался смех.
> «Я знаю, что даже в этой стране есть некоторые лица, — я думаю, что их очень немного, — которые не одобряют событий последних дней. Однако я не думаю, чтобы кто-либо сомневался в цели, и надо сказать всем ворчунам, что всех сразу удовлетворить нельзя. Некоторые говорят, что они, быть может, сделали бы по-другому. Однако фактически никто этого не сделал» — здесь в скобках снова стоит слово «смех». Теперь продолжаю цитировать вашу речь:...Это сделал лишь наш Адольф Гитлер (длительные, продолжительные аплодисменты) А если и следует еще что-либо усовершенствовать, то пусть эти улучшения

будут внесены этими ворчунами внутри Германского Рейха и внутри немецкого общества, но нельзя, чтобы это было сделано извне».

Вы это говорили?

Шахт: Да.

Джексон: Другими словами, вы открыто высмеивали тех, кто жаловался на такие методы действия, не правда ли?

Шахт: Если вы так это понимаете.

Джексон: Затем, выступая перед служащими Австрийского национального банка, которых вы приняли, вы сказали следующее:

«Я считаю совершенно невозможным, чтобы хотя бы одно единственное лицо, которое не всем сердцем за Адольфа Гитлера, смогло в будущем сотрудничать с нами». (Громкие продолжительные аплодисменты; возгласы «Sieg Heil[10]»).

Продолжаю цитировать речь:

«Кто с этим не согласен, пусть лучше добровольно покинет нас». (Громкие аплодисменты)»

Скажите, это так было?

Шахт: Да, все они согласились, к удивлению.

Джексон: Итак, Рейхсбанк до 1933 и 1934 был политическим учреждением?

Шахт: Нет.

Джексон: Политики находились в Рейхсбанке?

Шахт: Никогда.

Джексон: В тот день, выступая перед служащими банка, вы сказали — не правда ли? — следующее:

«Рейхсбанк никогда не будет не чем иным, как национал-социалистическим учреждением, или я перестану быть его руководителем». (Громкие продолжительные аплодисменты)».

Так случилось?

Шахт: Да, так точно.

Джексон: Итак, сэр, вы сказали, что вы никогда не присягали Гитлеру?

Шахт: Да.

Джексон: Я спрашиваю вас, говорили ли вы в качестве руководителя Рейхсбанка служащим, которых вы взяли себе в Австрии, следующее. Я цитирую:

«Теперь я попрошу вас встать (присутствующие встают). Теперь мы присягаем в нашей преданности великой семье Рейхсбанка, великому немецкому обществу. Мы присягаем в верности нашему воспрянувшему,
мощному, великогерманскому Рейху. И все эти сердечные чувства

---

[10] Историческое приветствие в гитлеровской Германии;

преданности мы выражаем человеку, который осуществил все эти преобразования. Я прошу вас поднять руки и повторить вслед за мной:

Я клянусь, что я буду преданным и буду повиноваться фюреру Германского Рейха и немецкого народа Адольфу Гитлеру и буду выполнять свои обязанности добросовестно и самоотверженно».

(Присутствующие принимают присягу путем поднятия рук.)

«Вы приняли эту присягу. Плох тот товарищ, который нарушит ее. Нашему фюреру трижды «Sieg Heil!»

Это правильное описание того, что произошло?

Шахт: Эта присяга являлась предписанной для чиновников присягой. Все в ней полностью соответствует тому, о чём я вчера здесь в зале суда показывал, а именно, что мы присягали главе государства. «Мы объединенные перед немецким народом» - я не знаю точно, каково немецкое выражение. Я здесь услышал вашу английскую версию. Эта клятва точно такая же.

Джексон: Я ссылался на документ ЕС–297, экземпляр USA–632. Данный экземпляр я использую.

Значит, вы говорите, что она была безликому главе государства, а не Адольфу Гитлеру?

Шахт: Да. Очевидно, нельзя присягнуть идее. Следовательно, приходится использовать человека. Но я вчера сказал, что я не давал клятвы господину Эберту[11] или господину Гинденбургу[12] или кайзеру, а главе государства как представителю народа.

Джексон: Вы говорили своим сотрудникам, что все эти сердечные чувства присяги выражались в клятве человеку, не так ли?

Шахт: Нет.

Джексон: Это не то, что вы говорили?

Шахт: Нет, это неправильно. Если вы снова её прочитаете, она не говорит о человеке, но о руководителе как главе государства.

Джексон: Что же, неважно кому вы давали присягу…

Шахт: [*Прерывая*] Извините меня. Есть очень большая разница.

Джексон: Что же, мы разберемся. Кому бы вы ни дали эту присягу, в то самое время вы её нарушили, не так ли?

Шахт: Нет. Я никогда не нарушал присягу этому человеку как представителю немецкого народа, но я нарушил свою присягу, когда я выяснил, что этот человек преступник.

---

[11] Фридрих Эберт (1871 — 1925) — немецкий социал-демократ, один из ведущих деятелей СДПГ, лидер её правого, «ревизионистского» крыла. Первый рейхсканцлер Германии после Ноябрьской революции 1918 г., первый президент Германии (Веймарская республика, 1919—1925).

[12] Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Президент Германии (1925—1934).

Джексон: Когда вы запланировали его убить?
Шахт: Да.
Джексон: Вы хотите объяснить трибуналу как вы хотели убить Адольфа Гитлера не убив его также как главу германского государства?
Шахт: Разницы не было, потому что этот человек, к сожалению, являлся главой немецкой нации.
Джексон: Вы говорите, что вы никогда не нарушали присягу?
Шахт: Я не знаю, что вы этим хотите выразить. Я точно не сдержал присягу, которую я дал Гитлеру, потому что Гитлер, к сожалению, был преступником, клятвопреступником, и не было истинного главы государства. Я не знаю, что вы подразумеваете под «нарушением присяги», но я не сохранил ему свою присягу и я горжусь этим.
Джексон: Таким образом, вы распорядились своим служащим принять присягу, которую тогда нарушили и намеревались нарушать?
Шахт: Господин судья, снова вы путаете разные периоды времени. Это был март 1938, когда, как вы слышали, я раньше сказал, что я всё еще сомневался, и поэтому мне ещё не было ясно какого рода человеком был Гитлер. Только, когда в течение 1938 я заметил, что Гитлер идет к войне, я нарушил присягу.
Джексон: Когда вы поняли, что он идет к войне?
Шахт: В течение 1938, когда, судя по событиям, я постепенно стал убеждаться, что Гитлер может ввязаться в войну, то есть, умышленно. Лишь тогда я нарушил присягу.
Джексон: Что же, вы вчера заявили, что вы начали саботаж в правительстве в 1936 и 1937.
Шахт: Да, потому что я не хотел чрезмерного вооружения.
Джексон: И мы выяснили, что вы распорядились о присяге быть верными и преданными своим сотрудникам.

> Итак, я спрашиваю вас, делали ли вы такое заявление на допросе:
> «Вопрос: Но вы делаете такое заявление в конце присяги, после того как каждый поднял свою руку и принес присягу. Вы сказали следующее: «Вы дали клятву. И плох тот товарищ кто её нарушит»?
> Ответ: «Да, я согласен с этим и я должен сказать, что я сам нарушил её.
> Вопрос: Вы также говорите, что призывая к ней аудиторию, вы её уже нарушили?»
> Ответ: С сожалением скажу, что в душе, тогда я уже почувствовал свою верность поколебленной, но я надеялся, что вещи, в конце концов, переменятся».

Шахт: Я рад, что вы процитировали это, потому что это подтверждает, именно то, что я сказал; что я был в сомнениях и что я всё еще надеялся на то, что всё будет

хорошо, то есть, что Гитлер изменится в правильном направлении. Таким образом, это подтверждает именно то, что я сказал.

Джексон: Что же, я уверен мы хотим быть полезными друг другу доктор Шахт.

Шахт: Я убежден в том, что мы оба пытаемся установить истину, господин судья.

Джексон: Итак, после аншлюса, вы, конечно, остались в Рейхсбанке?

Шахт: Да.

Джексон: И вы оставались там после, до января 1939, если это дата?

Шахт: Да.

Джексон: Итак, после этого аншлюса, по векселям МЕФО[13], которые были выданы настал срок погашения, не так ли, в 1938 и 1939?

Шахт: Нет, срок погашения первых векселей МЕФО должен был быть как самое ранее весной 1939. Все они выдавались на 5 лет и я признаю, что первые векселя МЕФО были выданы весной 1934, а значит срок погашения первых векселей МЕФО был весной 1939.

Джексон: Итак, здесь вопрос и ответ. Поправьте меня если я ошибаюсь.

> «Вопрос: Что же, вы в Рейхсбанке использовали фонды доступные вам? Скажем так: при наступлении платежа по векселям, что вы с ними делали?
>
> Ответ: Я запрашивал рейхсминистра финансов о том, может ли он оплатить их, потому что после пяти лет он должен был их выкупить, я думаю, какие-то в 1938 или 1939. Первые векселя МЕФО подлежали оплате и конечно он сказал: «Я не могу».

У вас была беседа с министром финансов в то время, когда вы были президентом Рейхсбанка?

Шахт: Господин судья, я сказал, что в результате наших финансовых операций мы стали как-то беспокоится о том сможем ли мы выкупить наши векселя или нет. Я уже объяснял трибуналу, что во второй половине 1938 министр финансов столкнулся со сложностями и снова пришел, чтобы занять деньги. Соответственно я сказал ему: «Послушайте, всё равно вы окажетесь в такой ситуации, так как вскоре вам придется оплачивать нам выкуп первых векселей МЕФО. Вы не готовы к этому?» И теперь получалось так, это было осенью 1938, что рейхсминистр финансов вообще ничего не сделал для выполнения своих обязательств по погашению векселей МЕФО, это, конечно осенью 1938, привело к чрезвычайно натянутым отношениям с рейхсминистром финансов, то есть, между Рейхсбанком и рейхсминистром финансов.

Джексон: Итак, налоги не давали достаточно доходов для освобождения от этих

---

[13] Векселя «МЕФО» — векселя выпускаемые Рейхсбанком в период Третьего Рейха, с целью финансирования вооружений. Это происходило в ситуации отсутствия финансовых резервов. Векселя «МЕФО» были гарантированы государством, принимались всеми немецкими банками и учитывались затем Рейхсбанком для печатания ничем не обеспеченных банкнот. Векселя «МЕФО» были предназначены исключительно для перевооружения экономики Германии.

векселей, не так ли?

Шахт: Да, вчера я уже объяснял, что риск взятый векселями МЕФО, который я признавал с самого начала, на самом деле не был риском если бы следовали разумной финансовой политике, то есть, если бы с 1938, дальнейшее вооружение не продолжалось и не производились дополнительные глупые расходы, но если бы вместо этого, деньги, поступавшие от налогов и облигаций использовали для погашения платежей по векселям МЕФО.

Джексон: Всё о чём я сейчас спрашиваю, доктор Шахт, это то, что эти векселя не могли быть оплачены от налоговых поступлений.

Шахт: Конечно. Да.

Джексон: А могли бы?

Шахт: Конечно, но, что было удивительной вещью, их не выкупили, деньги были использованы для перевооружения. Могу я кое–что добавить для того, чтобы предоставить вам дальнейшую информацию?

Джексон: Нет, на самом деле меня не касается финансирование, я веду речь о том какого рода беспорядок был ко времени вашей отставки.

Шахт: Да.

Джексон: Векселя МЕФО истекли и не могли быть оплачены?

Шахт: Вскоре.

Джексон: Вскоре был срок оплаты?

Шахт: Да, но они могли быть оплачены. Это ошибка если вы говорите, что их не смогли бы оплатить.

Джексон: Что же, их нельзя было оплатить при текущих ежегодных налогах?

Шахт: Так точно. Вы не заинтересованы и не хотите, чтобы я вам рассказывал, но я совершенно готов объяснить это.

Джексон: Что же, вы объяснили это нам достаточно хорошо.

Шахт: Вы только что сказали, что вы не заинтересованы.

Джексон: Ваши подписки на займ Четвертого Рейха 1938 принесли неудовлетворительные результаты, не так ли?

Шахт: Они вряд ли нравились. Рынок капитала был плохим.

Джексон: И вы сообщили о займе, что было сокращение публичной подписки? И результат был неудовлетворительным?

Шахт: Да.

Джексон: Итак, вы не давали дознавателю такой ответ:

> «Вопрос: Но я спрашиваю вас о том продолжали ли вы в течение периода с 1 апреля 1938 по январь 1939 финансировать вооружение?
>
> Ответ: Сэр, в противном случае эти векселя МЕФО должны были быть возмещены Рейхом, чего не могло быть, потому что у Рейха не было на это денег, и я не мог найти никаких денег для возмещения, потому что они должны были поступать из налогов и займов. Таким образом,

я вынужден был продолжать иметь эти векселя МЕФО и я так, конечно делал».

Вы дали такой ответ?

Шахт: Да, это было в порядке вещей – не позволите ли вы мне сказать – потому что министр финансов не предоставил свои фонды для оплаты векселей МЕФО, но вместо этого передал их на вооружение. Если бы он использовал эти фонды для оплаты векселей МЕФО, всё было бы хорошо.

Джексон: И вы хранили векселя МЕФО, что позволило ему использовать текущие доходы на продолжение планов перевооружения после 1938, не так ли?

Шахт: Господин судья, такой была ситуация. Большая часть векселей МЕФО уже находилась на рынках финансов и капитала. Итак, когда этот рынок был слишком сильно обременен правительством, тогда люди принесли векселя МЕФО в Рейхсбанк, и Рейхсбанк пообещал их принять. Именно это, было огромным нарушением моей политики. Рейхсминистр финансов финансировал вооружение вместо погашения счетов МЕФО, как он обещал.

Джексон: Итак, в таких обстоятельствах вы находились, когда заняли позицию которая привела к вашей отставке из Рейхсбанка?

Шахт: Да.

Джексон: Теперь мы переходим к Чехословакии. Скажите, вы одобряли политику присоединения Судетской области[14] при помощи угрозы прибегнуть к оружию?

Шахт: Нет, вовсе нет.

Джексон: Я полагаю, что вы охарактеризовали метод присоединения Судетской области как неправильный и порицали его?

Шахт: Я не знаю, когда я так сделал. Я сказал, что союзники в результате своей политики подарили Гитлеру Судетскую область, в то время как я все время ожидал, что судетским немцам будет предоставлена автономия.

Джексон: Тогда вы одобряли политику Гитлера в отношении Судетской области? Вы хотите, чтобы вас так поняли?

Шахт: Я никогда ничего не знал о том, что Гитлер требовал еще чего-то помимо автономии.

Джексон: Ваша единственная критика по вопросу Судетской области относилась только к союзникам, насколько я понимаю?

Шахт: Это значит, что она относилась также и к чехам и к самим немцам. Я не хочу играть здесь роль судьи, боже меня сохрани.

Джексон: Ну, хорошо, 16 октября 1945 в экземпляре USA-636, документе PS-3728, я

[14] Судетская область, также Судетенланд — пограничный регион Чехии, промышленно развитая, богатая полезными ископаемыми область на севере и северо-западе Чехии и сельская область на юго-западе и юге Чехии, получившая своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

спрашиваю, не давали ли вы такие ответы на вопросы?

«Вопрос: Вернемся к выступлению против Чехословакии, за которым последовала «умиротворяющая» политика Мюнхена[15] и передача Судетской области Рейху. Скажите, вы тогда одобряли политику приобретения Судетской области?

Ответ: Нет.

Вопрос: Одобряли ли вы в то время политику угрозы Чехословакии оружием для того, чтобы присоединить Судетскую область?

Ответ: Нет, конечно, нет.

Вопрос: Тогда я вас спрашиваю, скажите, поразило ли вас в то время или дошло ли до вашего сознания то, что Гитлер угрожал Чехословакии именно вооруженными силами и военной промышленностью?

Ответ: Он не мог этого сделать без Вермахта».

Скажите, вы дали эти ответы?

Шахт: Так точно.

Джексон: Продолжаем дальше.

«Вопрос: Считали ли вы тот метод, который он применял к судетскому вопросу, неправильным или достойным порицания?

Ответ: Да.

Вопрос: Скажите, вы действительно считали?

Ответ: Да, сэр.

Вопрос: Разве в то время вы не считали, на основании предшествовавших событий и вашего участия в них, что эта армия, которую он использовал в качестве угрозы по отношению к Чехословакии, была, по крайней мере, частично вашим собственным созданием?

Ответ: Я не могу этого отрицать, сэр».

Шахт: Разумеется, нет.

Джексон: Но опять - таки вы стали помогать Гитлеру, когда действия Гитлера оказались успешными?

Шахт: Как вы можете так говорить? Я точно не знал, что Гитлер использует армию с целью угрожать другим нациям.

Джексон: После того как он это сделал, вы явились и приняли на себя чешский банк, не правда ли?

Шахт: Конечно.

Джексон: Хорошо, вы производили расчистку в экономическом отношении

[15] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

захваченных Гитлером территорий, не правда ли?

Шахт: Но, простите, пожалуйста. Ведь он же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну. Вопрос в целом был урегулирован мирно.

Джексон: Ну, в этом отношении у нас имеются ваши показания о роли, которую в этом сыграл Вермахт, и о той роли, которую вы сыграли в создании Вермахта.

Шахт: Я этого никогда не отрицал.

Джексон: Нет. Это я и имею в виду, ссылаясь на ваш допрос от 17 октября (экземпляр USA–616):

> «Вопрос: Итак, после передачи Судетов по Мюнхенскому соглашению, вы, как президент Рейхсбанка, делали что–нибудь на территории Судетов?
>
> Ответ: Я принял филиалы Чешского эмиссионного банка.
>
> Вопрос: И вы также подготовили конверсию валюты, не так ли?
>
> Ответ: Да».

Это то, что вы делали после этого неправильного и предосудительного акта совершенного Гитлером, не так ли?

Шахт: Это не «неправильный и предосудительный» акт «совершенный» Гитлером, но Гитлер получил судетско–немецкую территорию посредством договора, конечно, валюта и учреждения управляющие финансированием были поглощены соответствующей немецкой сферой. Здесь не уместно говорить о несправедливости. Я не поверю, что союзники поставили бы свою подпись под несправедливой вещью.

Джексон: Таким образом, вы думаете, что всё до Мюнхена было правильным?

Шахт: Нет. У меня определенно иное мнение. Было много несправедливости.

Джексон: Вы были в суде, когда Геринг свидетельствовал об угрозе бомбить Прагу – «прекрасный город Прагу»?

Шахт: Благодаря вашему приглашению, я здесь был.

Джексон: Да. Я полагаю, что вы одобряли использование силы, которую вы создали Вермахту?

Шахт: Не одобрял; не одобрял ни при каких обстоятельствах.

Джексон: Вы не думаете, что тогда это была хорошая сделка?

Шахт: Нет, нет, это была жестокая вещь.

Джексон: Что же, доктор, мы нашли кое-что в чём соглашаемся. Вы знали о вторжении в Польшу?

Шахт: Да.

Джексон: Вы относились к ней как к безусловному акту агрессии со стороны Гитлера, не так ли?

Шахт: Абсолютно.

Джексон: Тоже правда о вторжении в Люксембург, не так ли?

Шахт: Абсолютно?
Джексон: И Голландию?
Шахт: Абсолютно.
Джексон: И Данию?
Шахт: Абсолютно.
Джексон: И Норвегию?
Шахт: Абсолютно.
Джексон: И Югославию?
Шахт: Абсолютно.
Джексон: И Россию?
Шахт: Абсолютно сэр; и вы пропустили Норвегию и Бельгию.
Джексон: Да, что же, я дошел до конца своего документа. Весь курс был курсом агрессии?
Шахт: Абсолютно подлежащим осуждению.
Джексон: И успех этой агрессии на каждом шагу из–за Вермахта, для создания которого вы сделали так много?
Шахт: К сожалению.
Джексон: Итак, я намерен перейти к иному предмету и вероятно будет…почти время перерыва.
Председатель: Мы прервемся.

[*Объявлен перерыв*]

Пристав: С позволения трибунала, сообщаю, что подсудимый фон Нейрат отсутствует.
Джексон: Доктор Шахт, в ваших прямых показаниях, вы сослались на фильм, который сняли и демонстрировали в Германии в пропагандистских целях, о вашем поведении по поводу возвращения Гитлера из Парижа после падения Франции.
Шахт: Могу я это поправить? Не я, а мой защитник, говорил об этом фильме и не говорилось о том, что его использовали в пропагандистских целях. Мой защитник просто сказал, что его показывали в кинохронике, так что вероятно его показывали около одной недели.
Джексон: Я прошу продемонстрировать фильм трибуналу. Это очень короткий фильм, и движение в нём очень быстрое. Есть немного перевода, но скорость такая, что мне самому пришлось посмотреть его дважды, чтобы действительно понять о чём он.
Председатель: Вы его сейчас предъявляете?
Джексон: Я бы хотел сейчас его предъявить. Это займет немного, и доктору Шахту нужно стать там где он сможет увидеть, так как я хочу задать ему

несколько вопросов [*обращаясь к подсудимому*] в частности я могу попросить вас опознать людей в нём.

Я попрошу, если можно, показать его дважды для того, чтобы, в конце концов, вы увидели увидеть больше.

Председатель: Конечно.

[*Был продемонстрирован фильм*]

Джексон: Я думаю, что я, упоминая этот экземпляр, который я желаю приобщить в качестве доказательства, сказал о нём как о «пропагандистском фильме». Доктор Дикс так не говорил. Доктор Дикс описал его как «еженедельную кинохронику» и как «еженедельный фильм».

[*Обращаясь к подсудимому*] Пока наша память свежа об этом, вы расскажите трибуналу скольких подсудимых вы опознаете в этом фильме?

Шахт: Взглянувн на него я не смог точно разглядеть кто там был. Однако, я должен полагать, что почти все присутствующие здесь – я говорю по памяти, а не по фильму – либо в свите Гитлера или среди тех, кто его встречал.

Джексон: Пока вы всё еще являлись президентом Рейхсбанка и после акции по принятию чехословацкого банка 29 ноября 1938, вы произнесли речь, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: Это документ EC–611, экземпляр USA–622. Мне сообщили, что фильм станет экземпляром USA–835, и прежде чем я перейду от него, я хочу представить заявление о личности Германа Геринга, которое в документе PS-3936, в качестве экземпляра USA–836.

[*Обращаясь к подсудимому*] Доктор Шахт в этой речи от 29 ноября 1938, если я правильно информирован – и кстати, она была публичной речью, не так ли?

Шахт: Постольку поскольку её произнесли перед Германской академией[16]. Она была полностью публичной, и если она прошла цензуру она разумеется, также упоминалась в газетах. Она была публичной, кто угодно мог её слышать.

Джексон: Вы использовали такой язык, не так ли?:

> «Возможно, что ни один банк–эмитент в мирные времена не проводил такую стремительную политику как Рейхсбанк после захвата власти национал–социализмом. Однако с помощью такой кредитной политики, Германия создала вооружения, не имеющие себе равных, и это вооружение в свою очередь обеспечило наши политические успехи». (Документ EC–611)

---

[16] Академия Германского Права - научное учреждение. Создана 26.6.1933 по инициативе Г. Франка, который и стал её президентом. Законом 11.7.1934 определена цель Академии: разработка новых принципиальных основ германского законодательства "в общих областях права и хозяйства". В 1937 в составе Академии насчитывалось 5 комитетов по различным областям права, в ней работало более 300 сотрудников. Членами Академии были все ведущие германские юристы, а также политические и государственные деятели, имевшие отношение к законотворчеству.

Это верно?

Шахт: Это абсолютно верно, и вы – не позволите мне на будущее высказываться? Это верно и я был очень сильно удивлен, что было необходимо сделать это для того, чтобы создать справедливость в мире.

Джексон: Захват Чехословакии представляет вашу идею справедливости?

Шахт: Я уже говорил вам, что Германия «не захватывала Чехословакию», но что на самом деле союзники преподнесли её на серебряном блюдце.

Джексон: И вы теперь говорите, что это было актом справедливости, или вы осуждаете его? Доктор я не пойму вашу позицию. Просто скажите нам, вы были за это? Вы сегодня за, или против?

Шахт: Против чего? Скажите мне, пожалуйста, против чего и за что?

Джексон: Против захвата Судето методом, которым это было сделано.

Шахт: Я не могу ответить на ваш вопрос по той причине, что как я сказал, их не «захватили», а подарили. Если кто–то даёт мне подарок, подобный этому, я с благодарностью принимаю.

Джексон: Хотя он им и не принадлежал?

Шахт: Что же, это я оставляю за дающим.

Джексон: И хотя его забрали под дулом пистолета, вы всё также приняли бы такой подарок?

Шахт: Нет, его не захватывали «под дулом пистолета».

Джексон: Что же, мы перейдем к вашей речи. Вы также говорили:

> «Вместо слабого и нерешительного правительства сегодня правит единственная, целеустремленная, энергичная личность. Это величайшее чудо, которое случилось в Германии и которое повлияло на все сферы жизни, не исключая экономику и финансы. Нет немецкого экономического чуда. Есть только чудо пробудившегося немецкого самосознания и немецкой дисциплины, и мы обязаны этим чудом нашему фюреру, Адольфу Гитлеру».
>
> Вы так говорили?

Шахт: Конечно. Вот что меня так сильно поразило.

Джексон: В состояла ваша должность как министра без портфеля?

Шахт: Ни в чём.

Джексон: Что за сотрудники у вас были?

Шахт: Одна секретарша.

Джексон: Где вы находились?

Шахт: В двух или трех комнатах моей собственной квартиры, которые я обставил как кабинеты.

Джексон: То есть правительство даже не обставило ваш кабинет?

Шахт: Да, оно платило мне аренду за эти комнаты.

Джексон: О, и с кем вы встречались как министр без портфеля?

Шахт: Я не понимаю. С кем я встречался?

Джексон: Что же, вы проводили какие–нибудь встречи? У вас были какие–нибудь официальные встречи?

Шахт: Я непрерывно здесь заявлял, что после моей отставки из Рейхсбанка, я никогда не имел ни одной встречи или совещания, официального либо иного.

Джексон: Вы кому–нибудь докладывали, или вам кто–нибудь докладывал?

Шахт: Нет, мне никто не докладывал, и я никому не докладывал.

Джексон: Значит я понимаю, что у вас вообще не было никаких обязанностей в этой должности?

Шахт: Абсолютно верно.

Джексон: И вы были министром без портфеля, однако, во время возвращения Гитлера из Франции вы присутствовали на его встрече на железнодорожной станции? И отправились в Рейхстаг послушать его речь?

Шахт: Да.

Джексон: Итак, несмотря на ваш уход с президента Рейхсбанка, правительство продолжало выплачивать вам полное содержание до конца 1942, не так ли?

Шахт: Вчера я заявил, что это неправильно. Я получал своё содержание из Рейхсбанка, которое полагалось мне по контракту, но мне не выплачивалось министерское содержание. Я думаю, в качестве министра я получал определенные надбавки на покрытие расходов, я не могу сказать, сейчас, но я не получал содержания как министр.

Джексон: Что же, я вернусь к вашему допросу от 9 октября 1945 и спрошу вас давали ли вы такие ответы на вопросы на том допросе:

> «Вопрос: Какое содержание вы получали в качестве министра без портфеля?
>
> Ответ: Я не могу сказать точно. Я думаю что–то вроде 24 000 марок, или 20 000 марок. Я не могу сказать точно, но это насчитывало содержание и после пенсию, которую я получал от Рейхсбанка, так что мне не платили дважды. Мне не платили вдвойне.
>
> Вопрос: Другими словами, содержание, что вы получали в качестве министра без портфеля в течение периода, что вы были также президентом Рейхсбанка вычиталось у Рейхсбанка?
>
> Ответ: Да.
>
> Вопрос: Однако, после прерывания вашей связи с Рейхсбанком в январе 1939, вы затем получали полное содержание?
>
> Ответ: Я думаю я получал полное содержание, потому что мой контракт длился до конца июня 1942.
>
> Вопрос: Значит, вы получали полное содержание до конца июня 1942?
>
> Ответ: Полное содержание, но не дополнительное содержание, но с 1 июля 1942 я получал свою пенсию в Рейхсбанке, и снова содержание

министра вычиталось из этого, или наоборот. Что было выше, я не знаю, я получал пенсию от Рейхсбанка в размере приблизительно 30000 марок».

И 11 июля 1945, вас опрашивали в Рёскине, и вы дали следующие ответы:

«Вопрос: Какая дата у вашего контракта?

Ответ: С 8 марта 1939, 1940, 1941, 1942. Четыре года. Четырехлетний контракт.

Вопрос: Вам действительно затем дали четырехлетнее назначение?

«Ответ: Это то, о чём я говорю. После 1942 я получал пенсию от Рейхсбанка.

Вопрос: Какой была сумма вашего содержания и всех иных доходов в Рейхсбанке?

Ответ: Весь доход от Рейхсбанка, включая мои представительские расходы, насчитывал 60 000 марок в год, и пенсия 24 000. Поймите, у меня был краткосрочный контракт, но высокая пенсия. В качестве рейхсминистра без портфеля, у меня было ещё, я думаю также 20 000 или 24 000 марок».

Итак, это верно?

Шахт: Доходы указаны в бумагах и верно здесь приведены, и я на самом деле заявлял, что мне платили только из одного источника. Меня спросили: «Какое содержание вы получали в качестве рейхсминистра?» Я назвал сумму, но я не получал её, она просто вычиталась из моего содержания в Рейхсбанке. И пенсия, как я здесь вижу, в одном случае приводится ошибочно. Мне кажется, у меня была пенсия только в 24 000 марок, в то время как здесь говориться о чем–то вроде 30 000 марок. В своих собственных денежных делах я как–то менее точен, чем в служебных. Однако, мне платили в одном месте, и в основном Рейхсбанк вплоть до – и здесь также сказано неправильно. Это был не конец 1942, а конец июня 1942, когда истёк срок контракта. Затем началась пенсия и платили только её. Как эти двое, то есть, министерство и Рейхсбанк организовали это, мне неизвестно.

Джексон: Что же, вы были вправе и на содержание и на пенсию, и одно отменяло другое, это вы имеете в виду? И такое положение продолжалось до тех пор, пока вы были частью режима?

Шахт: Это в силе и сегодня. Это не имеет ничего общего с режимом. Я всё еще надеюсь получать свою пенсию, как по-другому мне платить за свои расходы?

Джексон: Что же, доктор они не будут очень обременительными.

Когда генерал Бек[17] уходил в отставку, он просил об отставке, не так ли?

Председатель: Минуточку; совершенно излишне кому–либо из присутствующих в

[17] Людвиг Бек (1880 — 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник Генерального штаба Сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Казнён нацистами.

суде демонстрировать своё веселье смехом.
Джексон: Вас просили об отставке, когда уходил генерал Бек?
Шахт: Нет, он так не говорил.
Джексон: Вы помните о показаниях данных Гизевиусом?
Шахт: Да. Это было ошибкой со стороны Гизевиуса.
Джексон: О, что же, в любом случае, когда генерал Бек уходил в отставку, вам резко обратили на это внимание?
Шахт: Он нанёс мне визит и сказал мне об этом за несколько дней до отставки. Я полагаю, что это был приблизительно конец августа или начало сентября 1938.
Джексон: И вы говорите, что вам не было предложений уйти в отставку вместе с Беком?
Шахт: Нет, об этом ничего не говорили. Бек встретился со мной в моей комнате; он ничего подобного не говорил и нами это не обсуждалось.
Джексон: Вам не пришло в голову, что отставка была бы подходящим способом выразить ваш протест тем вещам которые, как вы говорите не одобряли?
Шахт: Нет, вообще не верю в то, что отставка могла быть средством добиться того, что было нужно, и я также очень сильно сожалел, что Бек уходит. То, что случилось – господин судья, было вызвано всей ложной политикой – политикой, которая отчасти вынуждала нас, и отчасти, с сожалением говорю, неправильно нами проводилась. В феврале, был уволен Нейрат. Осенью Бек, в январе 1939 уволили меня. Нас устраняли одного за одним. Если бы наша группа могла – если я также могу говорить за группу – осуществлять совместные действия, как мы надеялись и ожидали, тогда это было бы великолепно. Однако, эти отдельные отставки вообще не имели смысла, по крайней мере, у них не было никакого успеха.
Джексон: Вы чувствовали, что Бек должен оставаться на своём посту и быть нелояльным главе государства?
Шахт: Абсолютно.
Джексон: И, в любом случае, вы продолжали в течение всего времени, при каждом публичном поводе, до падения Франции, считать себя частью правительства и частью режима, не так ли?
Шахт: Что же, я никогда не считал себя частью режима именно потому, что я был против него. Но, конечно, уже с осени 1938 я работал над своей отставкой, как только я понял, что Гитлер не остановил перевооружение, а продолжил его, и когда я стал осведомлен о том, что я беспомощен, действовать против него.
Джексон: Что же, когда вы начали работать над своей отставкой?
Шахт: Простите, я не понял – работал с чем?
Джексон: Когда вы впервые начали работать над своей отставкой с должности.
Шахт: После Мюнхена и после того как мы поняли, что мы больше не можем ожидать разоружения или остановки перевооружения Гитлером и что мы не сможем предотвратить продолжение перевооружения таким образом, в кругах дирекции

Рейхсбанка, мы начали обсуждать этот вопрос и поняли, что мы не можем следовать дальнейшему курсу на перевооружение. Это была последняя четверть 1938.

Джексон: И все эти события, которые вы никогда не одобряли, никогда не были достаточным следствием, чтобы заставить вас уйти в отставку и лишить режим дальнейшего использования вашего имени?

Шахт: До того я всё еще надеялся, что я смогу добиться изменений к лучшему, соответственно я принял все неблагоприятные последствия вытекающие из моего пребывания в должности, даже перед лицом опасности, что меня однажды будут судить, как сегодня.

Джексон: Вы продолжили позволять использовать ваше имя дома и за рубежом несмотря на ваше неодобрение, как вы говорите, вторжению в Польшу?

Шахт: У меня никогда не спрашивали разрешения, и я никогда не давал такого разрешения.

Джексон: Вы прекрасно знали, не так ли, что ваше имя во всякое время много значило для этой группы, и что вы были единственным человеком в этой группе, который мог находиться за рубежом?

Шахт: Первую часть вашего заявления я уже принял вчера за комплимент. Вторая часть, я думаю, не верна. Я думаю, что еще несколько других членов режима также имели «понимание» в зарубежных странах, некоторые из них сидят со мной на скамье подсудимых.

Джексон: Любой иностранный наблюдатель, который читал о делах в Германии, мог бы понять, что вы постоянно поддерживали режим до лишения вас должности министра без портфеля, не так ли?

Шахт: Это абсолютно неправильно. Как я вчера, а также в ходе моего прямого допроса непрерывно заявлял, иностранное вещание всегда ссылалось на меня как на оппонента системы, и все мои многочисленные друзья и знакомые в зарубежных государствах знали, что я был против этой системы и работал против неё. И если сегодня можно назвать какого-нибудь журналиста, который не знал об этом, значит о не знает своей работы.

Джексон: О, вы ссылаетесь на письмо, которое вы написали нью–йоркскому банкиру Леону…?

Шахт: Леону Фрэйзеру[18].

Джексон: Итак, когда вы послали это письмо в Швейцарию, здесь в Берлине находился дипломатический представитель Соединенных Штатов, не так ли?

Шахт: Да.

Джексон: И вы знали, что у него была почтовая связь, по крайней мере, раз в неделю и обычно раз в день с Вашингтоном?

Шахт: Да, я не знал этого, но я это предполагал.

Джексон: И, если бы вы хотели связаться с правительством Соединенных Штатов

[18] Леон Фрэйзер (1889-1945) – американский менеджер. Президент «Первого национального банка Нью-Йорка».

или чиновником Соединенных Штатов, вы могли связаться по обычным каналам?
Шахт: Я не желал связываться с американским правительством или с американским чиновником. Я просто желал возобновить связь с другом, который приглашал меня в январе приехать в Соединенные Штаты, и я сослался на предшествующую переписку между ним и мной в январе.
Джексон: Тогда это снимает вопрос Фрэйзера.

Далее, когда вы были министром без портфеля, согласно вашим показаниям, были начаты агрессивные войны — против Польши в сентябре 1939; против Дании и Норвегии в апреле 1940; против Голландии и Бельгии — в мае 1940; в июне было перемирие[19] с Францией и ее капитуляция; в сентябре 1940 имел место Тройственный пакт[20] между Германией, Италией и Японией; в апреле 1941 произошло нападение на Югославию и Грецию, которое, как вы говорите, было агрессивным; в июне 1941 г. произошло вторжение в Советскую Россию, которое, как вы сказали, было агрессивным; 7 декабря 1941 японцы напали на Пирл-Харбор и после нападения объявили войну США, 8 декабря 1941 Соединенные Штаты объявили войну Японии, но не Германии; 11 декабря 1941 Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам. И все это произошло в области внешней политики, а вы продолжали оставаться на посту министра без портфеля гитлеровского правительства, не так ли?
Шахт: Господин судья…
Джексон: Это не так и не факт?
Шахт: Да, и я желаю кое–что к этому добавить. От дюжины свидетелей которые свидетельствовали здесь и от самого меня, вы снова и снова слышали, что было невозможно односторонне уйти в отставку с должности, потому что если я был поставлен министром главой правительства, я мог уйти лишь с его подписью. Вы также говорили, что в разное время я пытался избавить себя от министерской должности. Кроме бесчисленных показаний свидетелей, включая американцев, в отношении этого, было хорошо известно, что Гитлер никому не разрешал уходить с поста без разрешения. И теперь вы вменяете мне сохранение должности. Я не оставался для собственного удовольствия, но я оставался, потому что я не мог уйти с министра не сделав большого скандала. И почти постоянно, я должен сказать, я пытался добиться такого скандала и достиг его в январе 1943, и я смог избавиться от должности, не без угрозы своей жизни.
Джексон: Что же, я разберусь с вашими объяснениями позже. Я возьму факты.

---

[19] Компьенское перемирие 1940 года — перемирие, заключённое 22 июня 1940 года в Компьенском лесу между нацистской Германией и Францией и завершившее успешную кампанию немецких войск во Франции (май—июнь 1940 года).

[20] Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трёх держав 1940 года или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 года между главными державами Оси. Берлинский пакт предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка и военной взаимопомощи.

Вы открыто не порвали с Гитлером, не ушли со своего поста и после того как началось германское наступление на Россию и до тех пор, пока германская армия не стала отступать, и до того как союзники высадились в Африке, не правда ли?

Шахт: Письмо, благодаря которому мне удалось успешно добиться разрыва, датировано 30 ноября 1942 г. Скандал и его успех датирован 21 января 1943, потому что Гитлер и Геринг и кому-либо участвовавшему в дискуссии, потребовалось 7 недель, чтобы обдумать последствия моего письма.

Джексон*:* Таким образом, из вашего письма явствует, что вы считали, что корабль тонет, не правда ли? То есть, что война проиграна?

Шахт*:* Мои устные и письменные заявления тех времен уже показывали это. Я также говорил здесь об этом. Я свидетельствовал о письме Риббентропу и Функу; здесь я представил ряд фактов подтверждающих, что я никогда не верил в возможность немецкой победы. И мой уход с должности не имеет ничего общего со всеми этими вопросами.

Джексон: Итак, в то время пока вы оставались министром без портфеля, вы думали, что может быть опасно уйти в отставку, и вы были воодушевлены генералами армии совершить измену против главы государства, не так ли?

Шахт: Да, и я хочу сейчас сделать дополняющее заявление об этом. Это было не, потому что моей жизни угрожала опасность то, что я не мог уйти в отставку раньше. Ибо я не боялся угрозы своей жизни, потому что я испытывал это с 1937, постоянно находясь под произволом со стороны партии и её глав.

Вашему вопросу о том пытался ли я составить из ряда генералов заговор, я отвечаю утвердительно.

Джексон: И вы также пытались найти убийц для убийства Гитлера, не так ли?

Шахт: В 1938, когда я предпринял свою первую попытку, я не думал об убийстве Гитлера. Однако, я должен признать, что позже я сказал, что если бы это нельзя было сделать иным способом, мы если возможно, убьём его.

Джексон: Вы говорите: «Мы убили бы его» или вы говорите: «Кто– нибудь еще убил бы его», доктор Шахт?

Шахт: Если бы у меня была возможность убить его, я сам. Я прошу из-за этого не призывать меня к немецкому суду за покушение на убийство, потому что в этом смысле, я конечно виновен.

Джексон: А теперь, чем бы ни была ваша деятельность, она никогда не была достаточно открыта, чтобы во внешнеполитических материалах во Франции, которые как вы сказали, изучало Гестапо, имелись бы намеки на это, не так ли?

Шахт: Да, я заранее не мог освещать этот вопрос в газетах.

Джексон: И Гестапо, при всех этих поисках, никогда не было в состоянии задержать вас до 20 июля[21] после покушения на жизнь Гитлера?

---

[21] Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с

Шахт: Они могли поместить меня под арест гораздо раньше, чем было если бы они были немного умнее, но это выглядит странным свойством любой полицейской силы.

Джексон: И до 1943 режим Гитлера не увольнял вас? До времени видимо они верили, что вы делали больше полезного, чем вредного?

Шахт: Я не знаю, во что они тогда верили, поэтому прошу не спрашивать меня об этом. Спросите кого–либо из режима; у вас тут достаточно людей.

Джексон: Вы не признались, что знали о заговоре 20 июля на жизнь Гитлера?

Шахт: Я знал о нём.

Джексон: Вам известно, что Гизевиус сказал, что вы не знали?

Шахт: Я уже заявлял вчера, что я был проинформирован не только об усилиях Герделера[22], но также постоянно информировался генералом Линдеманом[23], и доказательства полковника Гронау зачитывались здесь. Я также заявлял, что я не информировал своих друзей об этом, потому что было взаимное согласие между нами, что мы не должны говорить кому–либо чего–либо, что может поставить его в неудобное положение в случае пыток в Гестапо.

Джексон: Вы вспоминаете, что Гизевиус говорил о том, что было лишь три гражданских, которые знали о заговоре, который аккуратно хранился среди военнослужащих?

Шахт: Вы понимаете, что даже Гизевиус не был проинформирован обо всех подробностях. Естественно, он не может свидетельствовать о том чего не знает.

Джексон: И значит, доктор Шахт, мы оцениваем ваши показания в свете факта, что вы долгое время предпочитали, курс саботажа политики вашего правительства путем измены против главы государства, нежели чем открытую отставку из кабинета?

Шахт: Вы постоянно ссылаетесь на мою отставку. Я говорю вам и подтверждаю, что отставка была невозможна. Соответственно ваш вывод ошибочный.

Джексон: Хорошо! Давайте посмотрим. В вашем допросе от 16 октября 1945, экземпляр USA–636, вам были заданы некоторые вопросы о генералах армии, и я спрашиваю вас, задавали ли вам такие вопросы, и не давали ли вы таких ответов:

> «Вопрос: «Скажем, предположим, вы были начальником генерального штаба и Гитлер решил напасть на Австрию, вы скажете, что у вас есть право уйти?
>
> Ответ: Я бы сказал: «Сэр, увольте меня».
>
> Вопрос: Вы бы так сказали?

целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года.

[22] Карл Гёрделер (1884 — 1945) — германский политический деятель, один из руководителей консервативного крыла антигитлеровского заговора. Казнен за участие в заговоре против Гитлера.

[23] Фриц Линдеман (1894 —1944) — немецкий офицер, генерал артиллерии, начальник артиллерийско-технического управления. Участник заговора против Адольфа Гитлера. Казнён нацистами.

Ответ: Да.

Вопрос: Значит, у вас была мысль о том, что любой чиновник мог в любое время уйти если он думал, что моральные обязательства были таковы, что он не мог продолжать?

Ответ: Так.

Вопрос: Другими словами, вы чувствовали, что служащие генерального штаба Вермахта, которые были ответственными за приведение в исполнение плана Гитлера виновны наравне с ним?

Ответ: Сэр, вы поставили мне сложный вопрос, и я отвечу «да».

Вы давали такие ответы, не так ли? Вы давали такие ответы?

Шахт: Да, и я хочу дать объяснение этому, если трибунал разрешит. Если бы Гитлер когда–либо дал мне аморальный приказ, я должен был отказаться исполнять его. Это то, о чем я также говорил генералам, и придерживаюсь заявления, которое вы зачитали.

Джексон: Ваша честь я закончил с ним, за исключением, того, что я хотел отметить номера экземпляров. Обращение к Гинденбургу на которое ссылались вчера это PS-3901, и оно станет экземпляром USA–837. Допрос фон Бломберга от октября 1945 это экземпляр USA–838.

Латернзер: Господин председатель, я прошу, чтобы заявление подсудимого Шахта, постольку поскольку его процитировали и оно станет частью протокола следует исключить из протокола. Вопрос, как я его понимаю, заключался в том, считал ли он генеральный штаб настолько же виновным как и Гитлера. Подсудимый Шахт ответил утвердительно на данный вопрос в этом допросе. Вопрос и ответ – начнём с того, что вопрос и ответ недопустимы, потому что свидетель не может судить об этом. Это задача суда. И по этой причине я прошу, чтобы эти показания были исключены из протокола.

Джексон: С позволения трибунала, я, конечно, не предъявляю данное мнение Шахта в качестве доказательства против генерального штаба или против отдельного солдата на процессе. Доказательство, как я думаю, заключалось в достоверности Шахта и его позиции. Я не думаю, что его мнение относительно вины кого–либо еще будет доказательством против этого человека, я думаю, что его мнение по этому вопросу это доказательство против него самого в вопросе достоверности.

Председатель: Да, доктор Дикс.

Дикс: Вопрос судьи Джексона был не о том, считал ли Шахт генералов виновными, но вопросом о том правильно ли, что Шахт на допросе предшествующем трибуналу, давал определенные ответы на определенные вопросы. Другими словами, это был вопрос о событии, имевшем место в прошлом, а не вопрос о мнении или суждении, которое он должен был привести здесь. В качестве защитника Шахта, я не заинтересован в исключении этого отрывка из протокола, за исключением степени, в которой эти слова останутся: «Я Шахт, никогда бы не исполнил аморальный

приказ и аморальное требование Гитлера». Что касается остального в этом ответе, я, как его защитник, заявляю, что вопрос для меня безразличен.

Латернзер: Господин председатель, после заявления судьи Джексона, я отзываю своё возражение.

Александров: Разрешите приступить к перекрестному допросу, господин председатель?

Председатель: Да.

Александров: Подсудимый Шахт, отвечая на вопросы вашего защитника, вы сообщили при каких обстоятельствах, произошло ваше первое знакомство с Гитлером и Герингом. Вы вспомнили, даже, при этом, такую деталь как гороховый суп с салом на ужине у Геринга.

Меня интересуют сейчас, некоторые другие, но более существенные для дела подробности ваших отношений с Гитлером и Герингом. Скажите, по чьей инициативе произошла ваша первая встреча с Гитлером и Герингом??

Шахт: Я уже заявил о том, что мой друг, директор банка фон Штосс[24], пригласил меня на вечер в свой дом для того, чтобы я мог встретиться там с Герингом. Затем состоялась встреча Гитлером, когда Геринг попросил меня пойти к нему домой – то есть, в дом Геринга – чтобы встретиться с Гитлером.

Александров: По каким соображениям, вы приняли тогда приглашение встретиться с Гитлером и Герингом?

Шахт: Национал–социалистическая партия тогда была одной из сильнейших партий в Рейхстаге с 108 местами и национал–социалистическое движение по всей стране было чрезвычайно оживленным. Соответственно я был более или менее заинтересован в знакомстве с ведущими людьми этого движения, которых я до той поры вообще не знал.

Александров: Но вы заявили, что были приглашены Герингом сами, почему именно вас пригласил Геринг для этой встречи?

Шахт: Пожалуйста, спросите об этом господина Геринга.

Александров: А вы сами его не спрашивали?

Шахт: Господин Геринг желал моей встречи с Гитлером, или встречи Гитлера со мной.

Александров: Для чего? С какой целью?

Шахт: Об этом вам нужно спросить господина Геринга.

Александров: Не считаете ли вы, что Гитлер и Геринг намеревались, причем небезуспешно, привлечь вас к участию в фашистском движении, зная вас как видного в Германии деятеля в области экономики и финансов и как человека разделяющего их взгляды?

Шахт: В то время, я не был осведомлён о намерениях этих двух господ. Однако, я могу представить, что это был просто вопрос заинтересованности этих господ

[24] Эмиль фон Штосс (1877-1942) – немецкий банкир. Председатель совета директоров «Немецкого банка».

встретиться с господином Шахтом также как и мне встретиться с господином Гитлером и господином Герингом.

Александров: Это ограничивалось простым интересом. Так я вас понимаю, или были и другие соображения, политического порядка. Вы понимали, что само по себе ваше участие в фашистском движении было выгодно Гитлеру поскольку вы были известным в стране человеком?

Шахт: Что касалось меня, меня интересовало, что это за люди. Как я уже заявил какими были мотивы этих двух господ было мне неизвестны. Моё сотрудничество с фашистским движением совершенно не обсуждалось, и мне не давали…

Александров: Я уже слышал ваши…

Шахт: Пожалуйста, позвольте мне закончить. Моё сотрудничество не оказывалось до июльских выборов 1932. Как я здесь заявил, знакомство состоялось в январе 1931, что было за 1 ½ года до этих выборов. За эти 1 ½ года никакого сотрудничества не было.

Александров: Это мне известно. Скажите, только этими встречами о которых вы здесь рассказали, ограничилось ваше знакомство с Гитлером и Герингом или вы ещё встречались с ними до прихода Гитлера к власти?

Шахт: До июля 1932 я видел Гитлера и Геринга, каждого из них, вероятно однажды, два или три раза – я не могу вспомнить за эти 1 ½ года. Но в любом случае не стоит вопрос никаких частых встреч.

Александров: Как вы объясняете, появление вашего письма Гитлеру от 29 августа 1932, в котором вы предлагали ему свои услуги. Вы помните это письмо?

Шахт: Да.

Александров: Как вы объясняете его появление?

Шахт: Я постоянно об этом говорил. Не будете ли вы любезны прочитать протокол?

Александров: Повторите кратко ещё раз.

Председатель: Если он это уже проходил, этого достаточно.

Александров: Я перехожу к следующему вопросу. Когда и кем вам впервые было сделано предложение принять участие в будущем гитлеровском правительстве и обещан пост президента Рейхсбанка??

Шахт: Президент Рейхсбанка не имел должности в правительстве, но являлся высоким чиновником вне правительства. Впервые какой–то разговор в моём присутствии об этом посту был 30 января 1933, когда я случайно столкнулся с Герингом в приемной отеля «Kaiserhof[25]», и он сказал мне: «А, вот идет наш будущий президент Рейхсбанка».

Александров: Отвечая своему защитнику, вы заявили, что фашистская теория превосходства немецкой расы является ни чем иным как болтовней, что фашистское

[25] «Двор кайзера» (нем.) - первая берлинская гостиница класса «люкс». Располагалась в старом правительственном квартале напротив рейхсканцелярии по адресу Вильгельмплац, 3/5. Гостиница открылась в октябре 1875 года и была полностью разрушена в результате бомбардировки 23 ноября 1943 года.

мировоззрение не является вообще мировоззрением. Что вы были против разрешения так называемой проблемы жизненного пространства путем захватнических войн, что вы были против принципа фюерства установленного фашистской партией, и по этому поводу выступали даже в академии права. Что вы были против фашистской идеологии и методов направленных против евреев?

Правильно это? Вы говорили это? Отвечая на вопросы своего защитника?

Шахт: Да, мы оба это здесь слышали.

Александров: Скажите, что же тогда привело вас к фашизму и сотрудничеству с Гитлером?

Шахт: Меня вообще ничего не привело к фашизму, я никогда не был фашистом.

Александров: А что вас привело к сотрудничеству с Гитлером. В то время когда вы отрицательно относились ко всем основным положениям немецкого фашизма?

Председатель: Генерал Александров, он сказал нам, что по его словам привело его к сотрудничеству с Гитлером. Я думаю, вы должны были это слышать.

Александров: Ну, фактически это имело место.

[*Обращаясь к подсудимому*] На вопрос защитника, почему вы не эмигрировали, вы заявили, что не хотели быть просто мучеником. Скажите, вам известна судьба передовых людей Германии, прогрессивно и демократически настроенных, которая постигла их с приходом Гитлера к власти?

Шахт: Здесь вы путаете. Я не ответил, что я не хотел быть мучеником на вопрос о том хотел ли я эмигрировать, но я сказал: «Эмигранты – то есть, добровольные эмигранты – никогда не служили своей стране», и я не хотел спасать свою собственную жизнь, но я хотел продолжать работу на благо своей страны.

Пункт о мученике был в связи со следующим вопросом, о том ожидал ли я чего–либо хорошего для своей страны, если бы я умер как мученик. На это я ответил: «Мученики служат своей стране, только если их жертва становится известной».

Александров: Достаточно. Я вас понял несколько иначе. Я все же повторяю вам свой вопрос.

Председатель: Я буду очень благодарен, если вы повторите вопрос.

Александров: Вам известна судьба передовых людей Германии прогрессивно и демократически настроенных, которая постигла их с приходом Гитлера к власти. Вам известно, что все эти люди или оказались в изгнании или были заключены в концентрационные лагеря?

Шахт: Я прямо здесь заявил, что когда я говорил об эмигрантах, я подразумевал тех, кто был в изгнании, которые покинули страну не под принуждением, а добровольно – это те о ком я говорил. Отдельные судьбы остальных мне не известны. Если вы спросите меня об отдельных людях, я скажу вам относительно каждого из них, знал ли я об их судьбе или нет.

Александров: Судьба этих лиц общеизвестна. Вы один из немногих видных

деятелей догитлеровской Германии который оказался сотрудничающим с Гитлером. Вы это признаете?

Шахт: Нет.

Александров: Вы заявили, я вынужден снова вернуться к этому же вопросу, что запись в дневнике Геббельса сделанная им 21 ноября 1932 года является ложной. Я ещё раз напомню вам эту запись. Геббельс писал. Цитирую:

> «В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения, он один из немногих кто полностью согласен с позицией фюрера».
>
> Конец цитаты.

Вы продолжаете утверждать, что эта запись не соответствует действительности? Я уже вам задаю этот вопрос.

Шахт: Я никогда не заявлял, что эта запись была ложной. Я лишь заявлял, что у Геббельса сложилось такое впечатление и он ошибся в нём.

Александров: По вашему утверждению это не соответствует действительности, эта запись. По вашему отношению к гитлеровскому режиму. Так это или нет?

Шахт: В целом способ, которым Геббельс представил это, ошибочен; он неправильный.

Александров: Почему же вы не заявили протест? Ведь дневник Геббельса с этой записью был опубликован?

Шахт: Если бы я протестовал против всех неточностей, которые печатали обо мне, я бы никогда не пришел в себя.

Александров: Ну, видите ли это не совсем обычное сообщение. Это дневник Геббельса, достаточно видного деятеля фашистской Германии, в котором он сообщает о ваших политических взглядах. И если вы с ними не были бы согласны, вам целесообразно было бы как-то на это реагировать.

Шахт: Разрешите мне кое-что об этом сказать. Либо вы спрашиваете меня – в любом случае я не хочу иметь здесь двухсторонний спор, если он только односторонний. Я скажу, что дневник Геббельса необычайно посредственный образец произведения.

Александров: Свидетель, Франц Ройтер, ваш биограф и близкий знакомый, в своих письменных показаниях от 6 февраля 1946 года представленных трибуналу вашим защитником под номером 35 сообщил следующее. Цитирую: «Шахт в начале тридцатых годов присоединился к Гитлеру и помогал ему в деле захвате власти…». Конец цитаты.

Вы считаете эти показания свидетеля Франца Ройтера неправильными или подтверждаете?

Шахт: Я считаю их неправильными.

Александров: Какое участие вы лично принимали в обеспечении прихода Гитлера к власти. Я продолжу этот вопрос. При каких обстоятельствах и для какой цели в

феврале месяце 1933 года вами была организована встреча Гитлера с промышленниками. О ней здесь уже упоминалось.

Шахт: Я никаким образом не помогал Гитлеру прийти к власти. Все это здесь долго обсуждали. В феврале 1933 Гитлер уже находился у власти достаточное время. Что касается финансовых и промышленных встреч февраля 1933, это подробно проходили.

Александров: Какую роль играли вы на этом совещании?

Шахт: Это, тоже подробно обсуждали. Пожалуйста, прочитайте об этом в протоколе.

Александров: Я ознакомился, но вы недостаточно точно освещаете события. Я сошлюсь на показания подсудимого Функа от 4 июня 1945 года, чтобы внести ясность в этот вопрос. Это документ номер PS-2828, цитирую показания подсудимого Функа:

> «Я присутствовал на этом совещании. Денег требовал не Геринг, а Шахт. Гитлер вышел из комнаты и Шахт произнес речь прося денег на проведение выборной кампании. Я присутствовал там как беспристрастный свидетель, поскольку я был в дружественных отношениях с промышленниками».

Кончаю цитату. Эти показания подсудимого Функа соответствуют действительности?

Шахт: Господин Функ ошибся. Документ D–203 представленный суду обвинением…

Александров: Но…

Шахт: Пожалуйста, не перебивайте меня. Обвинение приобщило документ, и этот документ показывает, что Геринг руководил просьбой финансовой помощи, а не я.

Александров: Подсудимый Функ допрошенный по этому поводу утверждает, что это речь была произнесена не Герингом, а вами, я вас и спрашиваю, что правильно, что соответствует действительности?

Шахт: Я только что вам сказал, что господин Функ ошибся и что доказательства обвинения правильные.

Александров: Какую же всё-таки вы роль играли в проведении этого совещания?

Шахт: Об этом я тоже подробно говорил. Я…

Председатель: Трибунал уже слышал долгий перекрестный допрос и он не желает заслушивать те же факты или снова проходить вопросы. Скажите трибуналу, есть ли у вас какие–нибудь пункты, в которых в особенности заинтересован Советский Союз, которые не рассмотрели в перекрестном допросе?

Александров: Господин председатель, в своих показаниях, достаточно подробных, подсудимый Шахт не во всех случаях давал достаточно чёткие и ясные ответы которые могли бы удовлетворить. Поэтому, я вынужден, в отдельных крайне редких случаях возвращаться к этим же самым вопросам. В частности остался всё-таки

неясным вопрос, какова же была роль подсудимого Шахта в проведении у Гитлера совещания с промышленниками. На этот вопрос, как мне представляется, подсудимый Шахт чёткого и ясного ответа не дал. Что касается других имеющихся у нас вопросов, их небольшое количество, и я полагаю, что после перерыва в течение тридцати-сорока минут, я смогу закончить перекрёстный допрос. Все эти дополнительные вопросы они представляют для нас и для выяснения виновности подсудимого Шахта определённый интерес.

Председатель: Очень хорошо. Трибунал не готов заслушивать вопросы, которые уже задавали.

Александров: Сейчас может быть вы найдете целесообразным объявить перерыв с тем, чтобы продолжение перекрёстного допроса могло быть.

Председатель: Генерал Александров нет, перекрестный допрос продолжится до перерыва.

Александров: Вы признаете, что являясь в начале председателем Рейхсбанка, а затем министром экономики и генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики вы играли решающую роль в деле подготовки вооружений Германии и таким образом в деле подготовки к ведению захватнических войн?

Шахт: Нет, я категорически это отрицаю.

Александров: Вы являлись генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики?

Шахт: Что же, мы уже говорили об этом десяток раз.

Александров: Я не слышал из ваших уст ни одного раза.

Председатель: Он полностью признал – и конечно, это очевидно – что он был уполномоченным по военной экономике, но то, что вы хотите предъявить ему, принимал ли он участие в качестве уполномоченного по военной экономике в перевооружении для агрессивной войны, и он говорил снова и снова, что это не являлось его целью, что его целью было достичь равенства для Германии. Он так сказал, и мы рассмотрим правда ли это. Но то, что он сказал совершенно ясно.

Александров: Из моих дальнейших вопросов будет ясно, почему я задаю именно этот вопрос.

В течение какого времени вы занимали пост уполномоченного по вопросам военной экономики?

Шахт: Я только что сказал, что не понимаю вопроса – какова длительность? Обо всём этом здесь уже сказано.

Председатель: У нас есть дата, когда он стал уполномоченным по военной экономике и дата когда он перестал им быть.

Александров: Я хочу напомнить вам какие задачи возлагались на вас как на генерального уполномоченного законом об обороне империи от 21 мая 1935 года, я приведу краткие выдержки из раздела второго этого закона под названием «Мобилизация». Пункт 1:

«Для руководства всей военной экономикой фюрер и рейхсканцлер назначает генерального уполномоченного по военной экономике.

2. Задачи генерального уполномоченного по военной экономике заключаются в том, чтобы поставить все экономические силы на службу войны, и обеспечить экономическую жизнь немецкого народа.

3. Ему подчиняются имперский министр хозяйства, имперский министр продовольствия и сельского хозяйства, имперский министр труда, имперский лесничий и все подчинённые непосредственно фюреру и рейхсканцлеру имперские ведомства, далее он ответственно возглавляет финансирование войны по линии имперского министерства и Рейхсбанка. Генеральному уполномоченному по военной экономике предоставляется право издавать в пределах его компетенции правовые распоряжения которые могут отступать от действующих законов».

Кончаю цитаты. Вы признаете, что этим законом вам были предоставлены чрезвычайные полномочия в области военной экономики??

Шахт: Этот документ у суда и я признаю, что вы правильно его зачитали.

Александров: Я, в связи с этим документом спрашиваю вас: я спрашиваю вас не о том правильно ли я огласил этот документ. Я спрашиваю вас: вы признаете, что этим законом вам были предоставлены чрезвычайные полномочия в области военной экономики?

Шахт: У меня были именно такие полномочия, которые описаны в законе.

Александров: Нет, я уже вас спрашиваю, что это были не обычные полномочия, а чрезвычайные полномочия, особые полномочия?

Шахт: Нет, я этого вообще не признаю.

Александров: Значит, закон об обороне империи от 21 мая 1935 года, вы считаете обычным законом?

Шахт: Это был просто обычный закон.

Александров: И функции, которые этим законом возложены были на вас как на уполномоченного по военной экономике, вы считаете также обычными?

Шахт: Как наиболее общее регулирование, которое обычно для каждого генерального штаба.

Председатель: Суд объявляет перерыв.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Да, генерал Александров.

Александров: Господин председатель, учитывая пожелание трибунала, а также обстоятельный допрос подсудимого Шахта произведенный господином Джексоном я, в перерыве, познакомился со стенограммой утреннего заседания и имел

возможность значительно сократить те вопросы которые первоначально намерен был задать подсудимому Шахту. Сейчас у меня имеется к подсудимому Шахту всего два вопроса.

Подсудимый Шахт, 21 мая 1935 года имперским правительством было принято решение относительно совета имперской обороны. Этим решением устанавливалось следующее. Цитирую пункт первый решения:

> «Назначенный фюрером и рейхсканцлером на случай мобилизации генеральный уполномоченный по военной экономике начинает свою работу ещё в мирное время, по указаниям председателя совета имперской обороны он возглавляет экономические приготовления к войне, поскольку они в связи с военной промышленностью не относятся к компетенции имперского военного министра».

Вы признаете, что во исполнение этого решения имперского правительства вы активно участвовали в экономических приготовлениях Германии к агрессивным войнам?

Шахт: Нет, господин обвинитель, я точно этого не признаю.

Александров: 4 марта 1935 года в своём выступлении на весенней ярмарке в Лейпциге, вы сказали следующее, я цитирую документ USA-628 (Документ номер EC–415):

> «Мои, так называемые заграничные друзья не оказывают помощи ни мне, ни делу, а также себе, когда они пытаются доказать мои разногласия с якобы невозможными национал-социалистическими теориями и изображают меня до некоторой степени как хранителя экономического разума. Я могу быть уверен, что всё, что я говорю и делаю имеет полное согласие фюрера, что я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрение фюрера. Таким образом, хранителем экономического разума являюсь не я, а фюрер».

Конец цитаты. Вы подтверждает это своё выступление на весенней ярмарке в Лейпциге?

Шахт: Я признаю это и я бы хотел сделать заявление.

Я постоянно говорил, первое, что мои зарубежные друзья, насколько у меня имелись зарубежные друзья, не оказывали мне услугу, когда они публично говорили, что я был противником Гитлера, потому что это делало моё положение чрезвычайно опасным. Во–вторых, я сказал в той речи, что я бы не делал ничего не соответствующего моим убеждениям, и что Гитлер делал всё, что я ему предлагал, то есть, что это было также его мнение. Если бы я сказал обратное, это было бы выражено. Я был полностью согласен с ним до тех пор, пока его политика согласовывалась с моей, после этого не было и я ушёл.

Александров: У меня вопросов больше нет.

Председатель: Доктор Дикс, вы желаете допросить повторно?

Дикс: Я поставлю лишь несколько вопросов, которые вытекают из перекрестного допроса.

В ходе перекрестного допроса, вновь рассматривали «Новый план» не предоставив доктору Шахту возможности объяснить его и заявить какую роль, если они была, играл этот план в экономике перевооружения и кто был его инициатором, ответственным создателем «Нового плана». Поэтому, могу я теперь поставить вопрос доктору Шахту?

Шахт: «Новый план» был логическим следствием экономического развития, которое последовало за Версальским договором. Я снова кратко скажу, что в результате вывоза немецкого имущества за рубеж, всю организацию немецкой внешней торговли отняли и поэтому огромные трудности возникли для немецкого экспорта.

Однако, без этого экспорта о репарационных платежах, или похожем, не могло быть речи. Несмотря на это, все великие державы, в особенности те, которые соперничали с Германией на мировом рынке, прибегли к повышению пошлин с целью исключить немецкие товары со своих рынков или затруднить Германии продажу своих товаров, таким образом это всё больше и больше стало проблемой развития немецкого экспорта.

Когда Германия, несмотря на это, ввела наименьшие расценки на минимальный размер оплаты труда для поддержания или роста своей экспортной торговли, другие державы вводили иные средства для противодействия немецкому соперничеству. Я вспоминаю различные девальвации иностранных валют, которые снова создавали препятствия конкуренции немецких продуктов. Когда даже этого не оказалось достаточно, была изобретена система квот то есть, сумма немецких товаров, которые импортировались в страну не могли превышать определенную квоту, это было запрещено. Такие квоты для немецкого импорта были введены Голландией, Францией и другими нациями, таким образом немецкий экспорт стал затруднительным.

Все эти меры, препятствующие немецкому экспорту привели к ситуации, когда даже немецкие граждане также не могли больше погашать частные долги за рубежом. Как вы здесь слышали, многие годы я предупреждал против наращивания этих долгов. Меня не послушали. Вам будет интересно, если я кратко скажу вам, что Германия, вопреки моему совету, за пять лет нарастила внешний долг такой же, как Соединенные Штаты за 40 лет до Первой мировой войны.

Германия была высокоразвитой промышленной нацией и не нуждалась в зарубежных деньгах, и Соединенные Штаты тогда развивались в более колониальном направлении и могли быть хорошо использованы для зарубежного капитала.

Теперь мы достигли дна. Когда мы больше не могли выплачивать проценты за границей, некоторые страны прибегли к методу, согласно которому

немецким экспортерам больше не выплачивалась выручка от немецкого экспорта, а конфисковали эти средства и из них сами выплачивали проценты по нашим долгам за рубежом, то есть так сказать, производя расчёты. Это была так называемая «клиринговая[26] система». Частные обязательства конфисковали с целью удовлетворить требования зарубежных кредиторов.

Столкнувшись с таким развитием, я искал способ продолжать немецкий экспорт. Я установил очень простой принцип: «Я покупаю только у тех, кто покупает у меня». Таким образом, я искал страны, которые были готовы удовлетворять свои потребности в Германии, и я готовился покупать там свои товары.

Таким был «Новый план».

Председатель: Доктор Дикс я не знаю, какое мы имеем к этому отношение.

Дикс: Что же, короче говоря, «Новый план» не имел никакого отношения к намерению перевооружаться, не говоря уже о каких–нибудь агрессивных намерениях.

Шахт: Абсолютно никакого.

Дикс: В этой связи, вы можете привести оценку о том какой процент немецкого экономического производства составляла промышленность вооружений?

Шахт: Этот вопрос ставили мне в предыдущих допросах и тогда я не смог ответить на него, потому что я не мог вспомнить, какую сумму тратила Германия на свои вооружения. Сейчас, из показаний, фельдмаршала Кейтеля, мы здесь услышали, что расходы на вооружение в течение тех лет, когда Рейхсбанк всё еще сотрудничал, 1934–35, 1935–36, 1936–37 и так далее, составляли соответственно 5 миллиардов рейхсмарок, 7 миллиардов рейхсмарок и 9 миллиардов рейхсмарок; то есть по оценке экспертов. Всё производство немецкой экономики в течение этих лет можно оценить приблизительно в 50–60 миллиардов рейхсмарок. Если я сравню это с расходами на вооружение, которые указал здесь свидетель, тогда мы получим, что расходы на вооружение насчитывали 10-15 процентов от всей немецкой экономики в течение лет, когда я имел к этому какое-то отношение.

Дикс: Затем, в ходе перекрестного допроса, возник вопрос вашей готовности или неготовности уйти с поста уполномоченного по военной экономике, и с целью подтвердить ваше заявление о том, что генерал фон Бломберг не желал вашего ухода с этой должности, вы сослались на документ, который был приобщён обвинением. Я ссылаюсь на документ ЕС–244 и это письмо от 22 февраля 1937 министра Рейхсвера, фон Бломберга, Гитлеру. Его уже зачитывали, так что нет необходимости делать это снова. Могу я только указать на то, что в последнем параграфе Бломберг выражал желание, чтобы фюрер распорядился или добился от

---

[26] Клиринг (англ. clearing — очистка) — безналичные расчёты между странами, компаниями, предприятиями и банками за поставленные, проданные друг другу товары, ценные бумаги и оказанные услуги, осуществляемые путём взаимного зачёта, исходя из условий баланса платежей.

президента Рейхсбанка того, чтобы он остался в должности, что соответствует заявлению Шахта. Кроме того, в ходе перекрестного допроса господином судьей Джексоном, упоминалась ваша достоверность в заявлении по колониальным устремлениям и с точки зрения колониальной политики без обладания морем – Германия не владела морем – как могла Германия иметь колониальные проблемы? Это был вопрос и ответ и в этой связи я хочу спросить вас: Германия имела колонии до 1914?

Шахт: Да.

Дикс: До 1914, или скажем так между 1884 и 1914, то есть, во время, когда Германия имела колониальные владения, Германия владела морем, в особенности по сравнению с Великобританией?

Шахт: Нет, никоим образом.

Дикс: Этого достаточно. Тогда есть другая проблема с точки зрения достоверности ваших заявлений: было сделано упоминание о моральных конфликтах касающихся вашей присяги Гитлеру, как главе государства, как вы говорите, и намерениях которые вы раскрыли по свержению Гитлера и даже его убийстве. Вы не знаете много случаев в истории, когда лица, занимающие высокий пост в государстве пытались свергнуть главу государства которому они присягали?

Шахт: Мне кажется, вы найдете такие примеры в истории всех наций.

Председатель: Доктор Дикс, нас не касается прошедшая история, не так ли? Вы не думаете, что вопрос о том существовали ли исторические примеры обоснованный вопрос для постановки данному свидетелю?

Дикс: Тогда я дальше это не развиваю, это аргументация и может быть я могу использовать её в своей заключительной речи.

Итак, возвращаясь к вопросу колоний, это не правда, что, помимо ваших личных колониальных устремлений, Германия, правительство Рейха, официально готовилось к приобретению и управлению колониями, и что не существовало департамента колониальной политики до 1942 или 1943 или около того?

Шахт: Что же, в партийной программе прямо изложено, что колониальные требования это часть партийной программы. Конечно, министерство иностранных дел также само занималось этим, и я мне кажется, также в партии был департамент колониальной политики.

Дикс: Под руководством фон Эппа[27]?

Шахт: Да, под руководством Риттера фон Эппа.

Дикс: Тогда относительно вопроса векселей МЕФО, я лишь хочу подытожить: вы склонны считать, что векселя МЕФО должны были послужить тормозом перевооружения, ввиду подписки Рейха на эти векселя, то есть правительство Рейха, было обязано их погасить?

[27] Франц Ксавер фон Эпп (1868 — 1946) — германский военачальник, генерал пехоты (21 июля 1935), рейхсляйтер НСДАП (3 августа 1933), обергруппенфюрер НСКК (1 июля 1932), обергруппенфюрер СА (1 января 1933).

Шахт: Поймите, я сказал очень четко, что ограничение векселей МЕФО пятью годами, и срок их оплаты в 5 лет, автоматически тормозили вооружение.
Дикс: Кроме того, господин судья Джексон рассмотрел то, что имя Шахта, когда он остался министром без портфеля, имело пропагандистскую ценность в пользу нацистского режима заграницей и поэтому служило агрессивным намерениям и их исполнению. В этой связи и с целью сократить представление своих документов, могу я зачитать из своей документальной книги, экземпляр 37 (а), документ Шахт–37 (а); то есть, английский текст на странице 157 и немецкий на странице 149. На странице пятой этих длинных письменных показаний Хельсе заявляет:

> «Зарубежная пресса сделала из отставки» - то есть, увольнения президента Рейхсбанка в 1939 – «верные выводы и интерпретировала их как предупреждающий сигнал. В этой связи в непрерывных разговорах, даже в конце 1938, и по договоренности с доктором Шахтом, я говорил с представителями зарубежных банков–эмитентов, с которыми я встречался на заседаниях совета директоров Банка международных расчетов[28], и информировал их о том, что отставка Шахта и отдельных членов дирекции Рейхсбанка означала то, что дела в Германии шли опасным путём».

Кроме того, обвинитель от Советского Союза обвинял доктора Шахта из–за того, что в биографии Рейтера прямо сказано, что Шахт содействовал режиму на стадии борьбы за власть. В любом случае, это суть. Это правильно, как и цитата из книги Рейтера, но есть кое-что ещё. Мне кажется, нам всё же нужно приобщить экземпляр 35 (документ Шахт–35), страница 133 английского текста и 125 немецкого, и здесь на второй странице длинных письменных показаний мы находим следующие фразы, которые ограничивают аутентичность этой биографии и подтверждают, что она являлась предвзятым произведением. Рейтер говорит в своих письменных показаниях, и я цитирую:

> «Я дважды публиковал биографию доктора Шахта, сначала в конце 1933 в издательском доме Р. Киттлера в Берлине, и в конце 1936 Германским издательским институтом в Штутгарте. Кроме того, что это была фактологическая презентация его жизни и его работы, она также служила цели его защиты от нападок. Таким образом принципы исключительно объективного исторического исследования не применимы к этой публикации, ввиду того, что следовало принимать во внимание оборонительные взгляды которых требовала обстановка».

Нужно знать об этом и прочитать заранее, чтобы можно было оценить

[28] Банк международных расчётов (БМР) (англ. Bank for International Settlements (BIS)) — международная финансовая организация, в функции которой входит содействие сотрудничеству между центральными банками и облегчение международных финансовых расчётов; кроме того, это центр экономических и денежно-кредитных исследований. Основан в 1930.

доказательственное значение этой биографии.

На этом мои вопросы закончены.

Председатель: Подсудимый может удалиться.

Дикс: Сейчас я вызываю свидетеля Фокке[29] с разрешения вашей светлости.

[*Свидетель Фокке занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовете своё полное имя?

Фокке: Вильгельм Фоке.

Председатель: Вы повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.

Дикс: Господин Фоке, вы были членом дирекции Рейхсбанка. Когда вы вошли в дирекцию Рейхсбанка, и когда вышли из неё?

Фокке: Рейхспрезидент Эберт назначил меня членом дирекции Рейхсбанка в 1919, и Гитлер уволил меня с должности 1 февраля 1939. Таким образом, я почти 20 лет был членом дирекции Рейхсбанка и 10 лет из них при Шахте.

Дикс: Извините, но я должен спросить вас, вы были членом партии?

Фокке: Нет.

Дикс: Вы были членом СА?

Фокке: Нет.

Дикс: Вы были членом СС?

Фокке: Нет.

Дикс: Вы были спонсором СА или СС?

Фокке: Нет.

Дикс: Вы не имели никакой связи с партией?

Фокке: Нет.

Дикс: Когда вы встретили Шахта?

Фокке: В 1915, я просто познакомился с ним, но до тех пор пока он не стал комиссаром Рейхсбанка и президентом Рейхсбанка я не узнал его лучше.

Дикс: Я перехожу к периоду первого председательства Шахта в Рейхсбанке, то есть 1923 году. В чём в то время заключалось отношение дирекции Рейхсбанка к кандидатуре Шахта как президента Рейхсбанка?

Фокке: Неодобрительное отношение.

---

[29] Вильгельм Фокке (1886 – 1973) – немецкий государственный деятель. В 1919 – 1939 член совета директоров Рейхсбанка.

Дикс: И по какой причине?

Фокке: Мы хотели Гельфрейха[30] как кандидата на председательство Рейхсбанком, потому что Гельфрейх в тесном сотрудничестве с Рейхсбанком создал рентную марку[31] и стабилизировал валюту.

Но в качестве причины нашего неодобрения Шахта мы называли инцидент из дела Шахта который относился к его деятельности при господине фон Юнге в 1915. Согласно этому, Шахт который пришёл из «Dresdner Bank[32]», оказывал содействие «Dresdner Bank», что фон Юнг считал неправильным, и в то время это стало причиной увольнения Шахта.

Однако, правительство Рейха не учло нашу критику Шахта и как недавно сказал мне министр Зеверинг[33], он использовал пословицу: «Из двух зол выбирают меньшее» и Шахта назначили президентом.

Дикс: Таким образом он оказался для вас президентом и он должен был знать о том, что его не хотела дирекция, или по крайней мере хотела кого-то другого. Следовательно я признаю уместным вопрос о том какими были отношения этой группы, то есть дирекции Рейхсбанка с новым президентом.

Фокке: Шахт вступил в должность в январе 1924. Он собрал всех нас на совещание на котором очень откровенно высказался о ситуации, и суть того, что он сказал заключалась в следующем: что же, вы не одобряли меня в качестве президента, потому что я украл серебряные ложки, но теперь я ваш президент и надеюсь мы будем работать вместе, и мы будем держать ухо востро – так выразился Шахт – однако, если кто-то почувствует, что он не может со мной работать, тогда ему придется принять последствия, и я с радостью помогу найти ему другую должность.

Наши отношения с Шахтом вскоре стали хорошими и мы вместе успешно работали. Было очень хорошо работать с Шахтом. Мы быстро признали, что он был непревзойденным экспертом в своей и нашей области, а также в остальных отношениях его поведение было безупречным. Он был чист в своих делах и не было никакого непотизма[34]. Он также не привел с собой никаких людей которых хотел продвигать. Также он был человеком который во все времена допускал споры и разногласия – он даже приветствовал их. Он не жаловал коллег которые были «соглашателями».

Председатель: Нет никакого обвинения как и никакого вопроса по этому поводу.

---

[30] Карл Гельфрейх (1872 – 1924) – немецкий экономист, финансист и политик. Занимал ряд руководящих должностей в правительстве Германской империи. Был послом Германской империи в РСФСР.

[31] Рентная марка — одна из двух денежных единиц в Германии, находившаяся в обращении с 1923 по 1948 год и состоявшая из 100 рентных пфеннигов. Её введение позволило прекратить гиперинфляцию 1921—1923 годов.

[32] Дрезденский банк — немецкий банк, основанный в 1872. В годы Второй мировой войны активно занимался приобретением активов на оккупированных территориях.

[33] Карл Зеверинг (1875 —1952) — германский политический деятель, социал-демократ, министр внутренних дел Пруссии.

[34] Непотизм (от лат. nepos, род. п. nepotis «внук; племянник», также кумовство (от кум)) — вид фаворитизма, заключающийся в предоставлении привилегий родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств (например, при найме на работу).

Дикс: Совершенно верно, ваша светлость, но я подумал, что будет польза затронуть эти вещи. Но теперь мы в конце, и переходим к президенству Рейхсбанка после 1933.

[*Обращаясь к свидетелю*] После краткого периода отставки, Шахт снова стал президентом Рейхсбанка в 1933. Вы имели с ним какие-нибудь беседы о его отношениях с Гитлером и с партией?

Фокке: Да.

Дикс: Будьте любезны описать трибуналу какие заявления делал вам Шахт?

Фокке: Во-первых, я бы хотел сказать о двух беседах которые я помню почти дословно. В течение периода, когда Шахт не находился в должности, это почти три года, я вряд ли видел его, может быть три-четыре раза на приёмах в Вильгельмштифте. Он никогда не посещал меня, за исключением одного случая, когда Шахт пришёл в банк – может у него там были какие-то дела и посетил меня в кабинете. Мы сразу же…

Дикс: Когда это было?

Фокке: Должно быть это было в 1932, сравнительно незадолго до захвата власти. Мы сразу же начали говорить о политических вопросах, о Гитлере и отношении Шахта к Гитлеру. Я пользуясь случаем серьезно предупредил Шахта по поводу Гитлера и нацистов. Шахт сказал мне: «Господин Фокке, нужно дать этому человеку или этим людям шанс. Если от них не будет пользы они исчезнут. От них избавятся также как от их предшественников».

Я сказал Шахту: «Да, может быть вред немецкому народу окажется таким, что его будет не возместить».

Шахт не воспринял это всерьез, и с какой-то легкой ремаркой вроде: вы старый пессимист или что-то вроде того, он ушел.

Вторая беседа о которой я хочу сообщить состоялась вскоре после повторного прихода Шахта в банк. Наверное это был март 1933 или начало апреля. Тогда Шахт выражал своего рода показной энтузиазм, и я поговорил с ним о его отношении к партии. Я полагал, что Шахт был членом партии. Я сказал ему, что у меня нет планов становиться членом партии и Шахт сказал мне: «Вам не нужно. От вас не требуется. Что вы такое думаете? Я бы не мечтал стать членом партии. Вы можете представить меня склонённым перед партийным знаменем, принявшем партийную дисциплину? И к тому же, подумайте, когда я говорю с Гитлером я должен щёлкать каблуками и говорить: «Мой фюрер» - или обращаясь к нему говорить: «Мой фюрер». Само собой это не для меня. Я остаюсь свободным человеком».

Эта беседа состоялась и эти слова были сказаны Шахтом в то время, когда он был на пике отношений с Гитлером и я много времени думал о том, правда ли это и остаётся правдой то, что Шахт был свободным человеком.

Дела изменились, спустя несколько лет Шахт был вынужден к своему

огорчению признать, что он сильно лишился своей свободы, что он не мог изменить схему финансирования вооружений, которую на него взвалили, когда бы пожелал этого, получилось, что ошейник оказался в руках Гитлера и что займет годы распилить и расшатать этот ошейник, чтобы разорвать его.

Но, несмотря на это, его слова были правдой постольку поскольку они отражали внутреннее отношение Шахта к Гитлеру. Шахт никогда не был слепым последователем. Это было несовместимо с его характером, вручить себя кому-то, продать себя и следовать со слепой преданностью.

Если кто-то характеризует отношение Шахта к Гитлеру таким образом: мой фюрер, вы приказываете, я следую и если фюрер приказал ему подготовить программу вооружения: я профинансирую программу вооружения и фюреру решать как его использовать, будь-то война или мир – это было бы несовместимо с отношением и характером Шахта. Он не был человеком который думал как подчинённый или который мог отказаться от своей свободы, в этом Шахт фундаментально отличался от многих людей на ведущих политических и военных должностях в Германии.

Отношение Шахта как я смог узнать по его характеру и по его заявлениям, можно объяснить как нечто следующее: Шахт восхищался огромной динамической силой этого человека направленной на национальные цели, и он рассчитывал на этого человека, надеясь использовать его как средство для его собственных планов, для планов Шахта в направлении мирной политической и экономической реконструкции и укрепления Германии. Вот, что думал и во что верил Шахт и я понял из многих заявлений Шахта…

Дикс: Это, как я думаю, полностью отвечает на вопрос. Итак, обвинение вменяет Шахту и утверждает, что Гитлер выбрал Шахта, чтобы финансировать вооружение для агрессивной войны. Вы, господин Фокке являлись членом дирекции Рейхсбанка и работали с ним в течение всех этих лет. Таким образом, я прошу вас рассказать трибуналу о том происходило ли, что-нибудь или же вы замечали, что-то такое в деятельности и работе Шахта, что бы оправдало такой упрек.

Фокке: Нет. Шахт часто выражал взгляд, что только мирное развитие могло восстановить Германию и я ни разу не слышал, чтобы он, что-то говорил о том, что он, что-то знал о воинственных намерениях Гитлера. Я обрыскал свою память и вспоминаю три или четыре инцидента которые отвечают на этот вопрос довольно чётко. Я хочу назвать их в связи с этим.

Первым был кредит в 420 миллионов золотых марок, который был оплачен в 1933. Лютер[35], когда обеспечение Рейхсбанка испарилось в кризис…

Дикс: Могу я прервать для сведения трибунала: Лютер был предшественником Шахта.

[35] Ганс Лютер (1879 — 1962) — германский государственный деятель, финансист и дипломат, канцлер Германии (1925—1926), президент Рейхсбанка (1930—1933).

Фокке: …в 1931, когда обеспечение для печатания банкнот пришлось сократить, Лютер в отчаянии направил меня в Англию для того, чтобы взять крупный кредит золотом у Банка Англии, что восстановило бы доверие к Рейхсбанку. Губернатор Норман[36] был совершенно готов помочь мне, но он сказал, что с этой целью также нужно обратиться в Федеральный резервный банк[37] Нью-Йорка и Международный банк в Базеле. Это было сделано и кредит насчитывал 420 миллионов золотых марок, но вмешательство Банка Франции создало политические затруднения которые отсрочили кредит приблизительно на 10-12 дней.

Когда я вернулся в Берлин я был шокирован услышав, что большую часть кредита уже израсходовали. Золото вырвали из наших рук, и я сказал Лютеру: кредит утратил пользу и его нужно немедленно выплатить. Наша честь наш последний актив. Банки которые помогли нам не должны были потерять ни единого пфеннига.

Лютер не смог это понять, и он сказал много слов: что есть, то есть. Мы не знаем для какой цели нам срочно может потребоваться золото. И таким образом кредит растянулся на годы.

Когда Шахт пришёл в банк в 1933, я сказал себе, что Шахт меня поймет и он сразу же меня понял. Он согласился со мной и выплатил этот кредит без замедления. Ему не могло прийти в голову как можно потратить такую огромную сумму золота, и я говорю о том, что если бы Шахт знал о каких-то планах о войне, он бы был дураком выплачивая 420 миллионов золотых марок.

Что касается второго инцидента, я не могу указать точную дату, но мне кажется это было в 1936. Рейхсбанк получил письмо от командования армии или генерального штаба со штампом «Совершенно секретно», с просьбой вывезти золотые резервы Рейхсбанка, ценности и резерв банкнот из приграничных районов Германии во внутреннюю зону. Указывались следующие причины: в случае угрозы нападения на Германию с двух фронтов командование армии решило эвакуировать приграничные районы и ограничить себя центральной зоной, которую можно было оборонять в любых обстоятельствах. Я ещё помню карту которая прилагалась к письму о том, что оборонительная линия на Востоке…

Председатель: Трибуналу кажется, это очень далеко от любого вопроса о котором нам следует решать.

Дикс: Ваша светлость, карта которую хочет описать свидетель ясно и без сомнения показывает, что отношение германского высшего командования в 1936 являлось оборонительным и таким которое принимало величайшие стратегические недостатки, и об этом сообщили Рейхсбанку под председательством Шахта. Мы можем понять из этого сообщения, что никто в то время даже не думал об

---

[36] Монтегю Норман (1871 — 1950) — британский банкир, управляющий Банком Англии в 1920−1944 годах.

[37] Федеральный резервный банк Нью-Йорка — важнейший из 12 резервных банков, входящих в Федеральную резервную систему США.

агрессивных намерениях командования армии.

Председатель: В какое время?

Дикс: 1936, я понял, что он это сказал. Наверное лучше, чтобы он указал дату.

Фокке: Не могу сказать точно, какая дата, но это должен был быть 1936 по моей оценке.

Дикс: Мне кажется это весьма относится к делу. Свидетель может продолжить?

Председатель: Да.

Фокке: Оборонительная линия на Востоке шла от пролива Гофа прямо к Шттетину, я не так хорошо помню где проходила западная линия, но Баден и Рейнланд[38] были вне её.

Рейхсбанк в шоке услышал об этом и об угрозе нападения с двух фронтов на Германию и огромной жертве немецкой территорией. Он также был шокирован мыслью о том, что Рейхсбанк в случае оккупации этих районов противником должен был оставить эти территории безо всякой финансовой поддержки. Таким образом, мы отказали в вышеуказанной просьбе, но что касалось золота, мы разместили его в Берлине, Мюнхене, Нюрнберге и так далее.

Однако, мы больше не имели никаких сомнений после такого совершенно секретного документа, об оборонительном характере наших вооружений и подготовки.

Я перехожу к третьему инциденту. Это было в 1937. В то время, когда экономика уже разогналась и вкладывалось всё больше и больше денег, Шахт попросил поддержки у немецких профессоров экономики и созвал их вместе, чтобы убедить их работать вместе с ним, то есть, постараться проверить такое направление. На этой встрече один из присутствующих задал Шахту вопрос: «Что случиться если начнётся война?». Шахт встал и сказал: «Господа, тогда мы проиграем. Тогда с нами всё кончено. Я прошу вас снять эту тему. Мы не можем волноваться по этому поводу».

Теперь я перехожу к четвёртому инциденту, который также не оставляет никакого сомнения в отношении Шахта или полноты его информированности. Это была беседа сразу после начала войны. В первые несколько дней Шахт, Хельсе, Дрейзе[39], Шнивинд[40] и я встретились для конфиденциальной беседы. Первое, что сказал Шахт было: «Господа, это мошенничество какого мир никогда не видел. Поляки никогда бы не приняли немецкое предложение. Газеты лгут для того, чтобы усыпить немецкий народ. На поляков напали. Гендерсон[41] даже не получил

---

[38] Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

[39] Фридрих Дрейзе (1874-1943) – немецкий банкир. В 1926-1935 вице-президент Рейхсбанка.

[40] Отто Шнивинд (1887-1970) – немецкий политик и экономист. Министериальдиректор министерства экономики. В 1939-1945 банкир.

[41] Невилл Гендерсон (1882 – 1942) – британский дипломат. Посол Великобритании в Германии в 1937-1939 гг.

предложение, а только короткий фрагмент из ноты которую вручили ему вербально. Если когда-либо в начале войны вопрос о виновности был ясен, то в данном случае так оно и есть. Это преступление которое нельзя вообразить».

Затем Шахт продолжил: «Что за безумие начинать войну с военной державой вроде Польши, которую возглавляют лучшие офицеры французского генерального штаба. Наши вооружения плохие. Это сделали шарлатаны. Деньги спустили как попало».

Парируют: «Но у нас значительные воздушные силы», Шахт сказал: «Воздушные силы не решают исход войны, решают сухопутные войска. У нас нет тяжёлых орудий, нет танков, за три недели немецкие армии в Польше сокрушат и затем против нас возникнет коалиция».

Такими были слова Шахта и они произвели на меня глубокое впечатление, для меня это чёткий и ясный ответ на вопрос заданный доктором Диксом.

Дикс: Итак, в ходе тех лет с 1933 по 1939 Шахт, когда-либо говорил вам о предполагаемых или ожидаемых военных планах Гитлера?

Фокке: Нет, никогда.

Дикс: В чём заключалось основное отношение Шахта к мысли о войне, он когда-либо говорил с вами об этом?

Фокке: Да, конечно, весьма часто. Шахт всегда подчеркивал, что война уничтожает и превращает в руины и победителя и побеждённого, и в его и нашей области, он отмечал пример победоносных держав чья экономика и валюта девальвировались и частично стала ущербной. Англия была вынуждена девальвировать свою валюту, во Франции был полный крах финансовой системы, не говоря про другие державы вроде Бельгии, Польши, Румынии и Чехословакии.

Дикс: Шахт делал такие заявления?

Фокке: Да, часто делал. Шахт подробно и четко знал обстановку в нейтральных странах. Шахт снова и снова говорил: снова будут конфликты и война, но у Германии есть толька одна политика, абсолютный нейтралитет. И он приводил примеры Швейцарии, Швеции и так далее, которые разбогатели на своём нейтральном отношении и стали кредиторами наций. Шахт снова и снова решительно это подчеркивал.

Дикс: В связи с этим вы поймете мой вопрос. Как тогда вы можете объяснить или даже как объяснял вам Шахт тот факт, что он вообще финансировал вооружение?

Фокке: Шахт верил в то, что определённое количество вооружений, такое какими владеет каждая страна мира, нужно было и Германии для политического…

Дикс: Могу я вас прервать. Я хочу, чтобы вы говорили только о вещах которые вам говорил Шахт, не ваше мнение о чём думал Шахт, а только то, что Шахт на самом деле сказал вам.

Фокке: Да. Шахт сказал, что внешняя политика без вооружения невозможна в долгосрочной перспективе. Шахт также сказал, что нейтралитет, которого он

требовал для Германии в случае конфликта между крупными державами должна быть вооруженным нейтралитетом. Шахт считал вооружение необходимым, так как в противном случае Германия всегда была бы беззащитной в эпицентре вооружённых наций. Он не думал о явной атаке с какой-то стороны, но он говорил о том, что в каждой стране была милитаристская партия которая могла сегодня или завтра прийти к власти и полностью беспомощная Германия, окружённая остальными нациями была немыслима. Это даже являлось угрозой миру так как это был бы повод однажды напасть на Германию. Однако, наконец, принципиально Шахт видел в вооружении единственное средство оживления немецкой экономики в целом. Нужно было бы строить казармы, строительная промышленность, которая является опорой экономики должна была оживится. Только таким образом, как он надеялся, можно было одолеть безработицу.

Дикс: Итак, события привели к милитаризации Рейнланда, введению обязательной военной службы. Вы имели с Шахтом беседы в которых он говорил о том, что следование такой политике Гитлера может привести к войне, по крайней мере к вооруженной интервенции других наций которые не одобряли такую политику? Такие беседы были между вами и Шахтом?

Фокке: Не в смысле вашего вопроса. Шахт говорил со мной об инцидентах, когда был реоккупирован Рейнланд, то есть, он объяснил мне то как Гитлер в то время, как только Франция заняла в чём-то угрожающее отношение, решился отвести свои оккупационные войска – Гитлер уступил – и это предотвратил господин фон Нейрат, который сказал ему: «Я был против такого шага, но то как это сделали, я принимаю это». То, что Шахт сказал мне тогда об отношении Гитлера заключалось в том, что Гитлер сделал бы всё, что угодно кроме войны. Шахт тоже чувствовал это, как он мне сказал, когда он говорил о дружбе с Польшей, отказе от требования Эльзас-Лотарингии, и в частности гитлеровская политика в первые годы, все это была мирная политика. Лишь потом он начал иметь сомнения касательно внешней политики.

Дикс: В чём заключались принципы и идеи Шахта о внешней политике и как это согласуется с его отношением к гитлеровской внешней политике?

Фокке: Он явно не одобрял, в особенности, конечно, с тех пор как Риббентроп получил влияние во внешней политике, Шахт видел в нём самого непригодного и безответственного советника Гитлера. Но уже до этого были серьёзные разногласия во мнениях между Шахтом и Гитлером по внешней политике.

Например, в отношении России: уже с 1928-1929 Шахт выстроил крупную торговлю с Россией с помощью долгосрочных кредитов которые помогали экономике обеих стран. На него часто нападали из-за этого, но он говорил: «Я знаю, что делаю. Я знаю, что русские платят пунктуально и не торгуются. Они всегда так делают». Шахт был очень зол и не рад, когда тирады Гитлера посягали на отношения с Россией и привели к сокращению торговли.

Также, касательно Китая, Шахт был убеждён в значении торговли с Китаем и почти смог довести её до высокого уровня, когда Гитлер, выразил предпочтение Японии и отозвал немецких советников при Чан Кайши[42], вновь уничтожив все планы Шахта. Шахт понимал, что это была фатальная ошибка и сказал, что Япония никогда не сможет компенсировать нам потерю торговли с Китаем.

Также Шахт всегда выступал за тесное взаимодействие с Соединёнными Штатами, с Англией и с Францией. Шахт восхищался Рузвельтом и гордился тем, что Рузвельт через дипломата Кокерилла находился с ним в постоянном контакте. Шахт был убеждён в необходимости самых лучших отношений с Англией и Францией и по этой самой причине он не одобрил направление Риббентропа в Лондон и активно возражал такому плану.

Шахт был против гитлеровской политики в отношении Италии. Он знал о том, что Муссолини[43] не хотел иметь к нам никакого отношения и он считал его самым ненадёжным и слабейшим партнером.

В отношении Австрии, я знаю только о том, что Шахт весьма высоко думал о Дольфусе[44] и ужаснулся и был шокирован, когда услышал о его убийстве. Также после оккупации Австрии, он не одобрял многое из того, что там происходило.

Могу я в связи с этим, сказать слово о колониальной политике Шахта, которая была своего рода хобби Шахта, и о которой он однажды прочитал лекцию? Я лучше всего могу проиллюстрировать взгляды Шахта рассказав вам о приказах которые он мне давал. Мысль Шахта заключалась в мероприятии с Англией и Францией, и т.д., соответственно эти державы должны были купить португальскую колонию Анголу и передать её Германии, которая бы не осуществляла над ней никакого суверенитета, а эксплуатировала её экономически, и он собрал мнения экспертов…

Председатель: Доктор Дикс, трибунал считает, что это приводят слишком долго.

Дикс: Что же, мы можем опустить отдельные примеры. Покойный фельдмаршал фон Бломберг сделал заявление о том, что Рейхсбанк каждый год получал от министерства Рейхсвера письменное сообщение о состоянии вооружений. Вы, кто находился в дирекции Рейхсбанка, что-то знаете о таком сообщении?

Фокке: Нет, я никогда ничего об этом не слышал.

---

[42] Чан Кайши (1887 — 1975) — военный и политический деятель Китая, возглавивший Гоминьдан в 1925 г. после смерти Сунь Ятсена; президент Китайской республики, маршал и генералиссимус.

[43] Бенито Муссолини (1883 — 1945) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Первый маршал Империи (30 марта 1938). После свержения в 1943—1945 годах возглавлял марионеточную Итальянскую социальную республику, контролировавшую при поддержке немцев часть территории Италии. Казнён итальянскими партизанами.

[44] Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

Дикс: В целом по вашему опыту в Рейхсбанке и вашему опыту из отношения Шахта к его коллегам, вы считаете возможным, что Шахт лично получал такую информацию, и не передавал её кому-нибудь из своих коллег в дирекции Рейхсбанка?

Фокке: Может быть, но я считаю это довольно необычным.

Дикс: Итак, когда Шахт попытался остановить финансирование вооружений и соответственно контролировать перевооружение, и если он попытался, и если вы можете подтвердить это, в чём заключались его причины?

Фокке: Шахт предпринял первые попытки ограничить вооружения, как мне кажется, приблизительно в 1936, когда экономика гнала на полной скорости, дальнейшее вооружение казалось бесконечной спиралью. Рейхсбанк блокировал и мне кажется в 1936, лично Шахт начал предпринимать серьёзные попытки положить конец вооружению.

Дикс: Вам известно по собственному опыту в чём заключались эти попытки?

Фокке: Эти попытки продолжались все следующие годы: во-первых, Шахт попытался повлиять на Гитлера и это оказалось безуспешным. Его влияние снизилось как только он предпринял подобную попытку. Он попытался найти союзников в гражданских министерствах, и также среди генералов. Он также пытался убедить Геринга и он думал, что он его убедил, но это не сработало. Затем Шахт начал борьбу и наконец смог прекратить кредитование Рейхсбанком вооружений. Это получилось в начале марта 1938. Но это не означало, что он прекратил свои усилия для остановки самого перевооружения, и он продолжал использовать всевозможные средства, даже саботаж.

В 1938 он выдал займ в то время, когда знал, что предыдущий кредит ещё не был погашен, когда банки его ещё имели, и он рассчитал новый кредит так, что он был обречен на провал. Мы с нетерпением ожидали того правильными ли были наши вычисления. Мы были рады, когда неудача стала очевидной, и Шахт проинформировал Гитлера.

Ещё одним способом которым он пытался саботировать вооружения был, когда производствам которые обращались за расширением своих фабрик Шахт запрещал делать это и таким образом предотвращал расширение. Ликвидация кредитования Рейхсбанком не только означает, что Рейхсбанк больше не мог финансировать вооружения, но и серьезно била по самим вооружениям. Это проявилось в 1938, когда финансирование стало крайне трудным во всех областях и после отставки Шахта сразу же стало прямым кредитованием банка-эмитента, что всего лишь означает поддержание эластичного кредитования, постоянного кредитования, так сказать, которое требовалось Гитлеру и чего нельзя было получить от Шахта.

Я знаю об этом по собственным воспоминаниям, потому что я протестовал против закона который мне принесли и который Гитлер издал после увольнения

Шахта. Я сказал вице-президенту: «Я не собираюсь иметь к этому никакого отношения».

Соответственно, я сразу же был уволен десять дней спустя после Шахта.

Дикс: Что же, господин Фокке, для постороннего, мотив прекращения финансирования вооружений может быть чисто экономическим. У вас есть какие-нибудь основания, какой-нибудь опыт который показывает, что Шахт теперь также опасался войны и хотел предотвратить войну прекратив кредитование?

Фокке: Да. В любом случае в 1938 такое ощущение, что эта огромная программа перевооружения которая не имела никаких границ приведет к войне становилось сильнее и сильнее, в особенности после Мюнхенского соглашения. Между тем Шахт понял, и я думаю дело Фрича ясно дало ему понять, что Гитлер был врагом, и что оставалось лишь одно, бороться с программой вооружения Гитлера и воинственностью всеми возможными способами. Эти средства, конечно были только финансовыми, такие как саботаж, и т.д., как я уже описал. Последним средством был меморандум который вызвал отставку Шахта.

Дикс: Мы поговорим об этом позднее. Могу я задать вам другой вопрос? Трибуналу известен метод финансирования данного кредита, с помощью векселей МЕФО, поэтому вам ничего не нужно говорить об этом. Что я хочу спросить, вы как юрист считаете, могло финансирование вооружений с помощью векселей МЕФО соответствовать закону о банках?

Фокке: Векселя МЕФО и конструкция этой операции, конечно юридически изучались заранее, и их законность мы обсуждали, и на вопрос о том можно ли ввести эти векселя согласно закону о банках ответили утвердительно. Однако, более серьёзный вопрос заключался в том соответствовали ли эти векселя обычным требования предъявляемым банком-эмитентом к своим резервам. На этот вопрос, конечно ответом является чёткое «нет».

Если кто-то спросит, почему банку не купить коммерческие векселя вместо векселей МЕФО, ответ в том, что в то время на рынке годами не было хороших коммерческих векселей – то есть, с момента краха ввиду экономического кризиса. Уже при Брюнинге[45] разрабатывались схемы содействия и восстановления экономики и кредита, которые все имели похожие черты, то есть, они санкционировались согласно своему характеру как обычные кредиты в чертах полупубличного займа, так как банк стоял перед альтернативой беспомощно стоять на месте и смотреть, что случиться с экономикой или как можно лучше помогать правительству восстанавливать и поддерживать экономику. Все банки-эмитенты в других странах стояли перед такой же альтернативой и реагировали точно также. Таким образом векселя перевооружения, экономически говоря, были ни чем иным как предыдущими векселями по безработице и должны были служить такой же

[45] Генрих Брюнинг (1885 - 1970) — германский политический деятель, рейхсканцлер и министр иностранных дел во время Веймарской республики (1930-1932).

цели. С точки зрения валютной политики резервы старых векселей Рейхсбанка, которые были заморожены в результате депрессии, снова стали хорошими.

Всё регулирование согласно закону о банках, традиционное регулирование банковской и вексельной политики, имело лишь одну цель, а именно, избежать потерь.

Дикс: Господин Фокке, мне кажется для трибунала достаточно если вы смогли подтвердить, что в конце концов правовые эксперты Рейхсбанка объявили векселя МЕФО законными. Ваша светлость, причины этого мы можем опустить.

Теперь мы переходим к меморандуму который вы уже упоминали. Я хочу, чтобы вы описали трибуналу причины которые заставили дирекцию Рейхсбанка с Шахтом во главе, направить Гитлеру меморандум и в чём заключались тактические причины которых дирекция и следовательно Шахт надеялись добиться этим меморандумом.

Фокке: Если бы мы могли говорить откровенно, мы конечно бы сказали: «Вы должны остановить вооружение». Но сам Рейхсбанк так сделать не мог. Вместо этого мы должны были ограничить себя вопросом нашей ответственности за валюту. Таким образом меморандум Рейхсбанка рассматривал вопрос валюты. Говорилось: «Если финансирование вооружений будет продолжено, немецкая валюта рухнет и в Германии будет инфляция».

Меморандум также говорит о неограниченном кредитовании, неограниченном расширении кредитования и неограниченных расходах. Под расходами мы имели в виду вооружение. Это совершенно ясно.

Председатель: Все мы видели меморандум, не так ли?

Дикс: Он не говорит о содержании меморандума, а о причинах, тактических причинах.

[*Обращаясь к свидетелю*] Господин Фокке, поймите, трибуналу известен текст меморандума, поэтому пожалуйста ограничьте себя тем, о чём я вас спросил.

Фокке: Меморандум должен был рассмотреть вопрос валюты, но одновременно, мы давали понять, что мы хотели: ограничение внешней политики. Это ясно показывает, чего мы хотели: ограничение расходов, ограничение внешней политики, внешнеполитических целей. Мы отмечали, что расходы достигли точки после которой мы не могли продолжать, и что нужно положить им конец. Другими словами, политику расходов, то есть программу вооружения нужно было контролировать.

Дикс: Скажите нам, вы ожидали от этого меморандума какого-то эффекта на Гитлера? Чего вы ждали, тактически говоря?

Фокке: Так или иначе меморандум привел бы к прекращению таких недопустимых трат которые привели нас к краху – так как в конце 1938 не было никаких доступных денег, вместо этого был дефицит наличности почти в 1 миллиард. Нужно было понять это и министр финансов был на нашей стороне. Если бы это не

признали, последовал бы удар и нас нужно было освободить от должности. Другой альтернативы не было. Мы предприняли необычный шаг получив на документе подписи всей дирекции.

Дикс: По моему опыту, это довольно необычно, потому что в целом официальный документ Рейхсбанка подписывает президент или его заместитель, не так ли?

Фокке: Правда. Мы хотели подчеркнуть, что вся дирекция единогласно одобрила этот важный документ который должен был положить конец вооружению.

Дикс: Свидетель, это ясно. У вас есть какая-то причина верить в то, что Гитлер осознал этот факт?

Фокке: Да, Гитлер сказал, что-то вроде того, что это «заговор». Думаю такое слово они использовали в армии. Я никогда не был солдатом, но думаю, что когда жалобу подписывают несколько солдат, это выглядит как заговор. Гитлер думал так же.

Дикс: Да, что-то подобное существовало. Но вы там не присутствовали. Кто вам сказал об этом «заговоре»?

Фокке: Я не могу это уже вспомнить. Мне кажется это был господин Бергер[46] из министерства финансов. Но не могу сказать точно.

Дикс: Значит была беседа об этом выражении в министерских кругах?

Фокке: Да.

Дикс: Итак, этот меморандум также содержал комплимент Гитлеру, ссылку на его успех во внешней политике.

Фокке: Да, Шахт имел привычку использовать лесть в работе с Гитлером. Чем сильнее Шахт становился в оппозицию гитлеровскому режиму тем сильнее он использовал лесть. Таким образом, в этом меморандуме, в любом случае в начале где он говорит об успехах Гитлера, он также использовал такую же тактику.

Дикс: И каким было следствие этого меморандума? Пожалуйста, скажите кратко?

Фокке: Результатом было то, что сначала уволили Шахта, затем Крейде и Хельсе, затем меня, Эрхарда и Блессинга[47]. Однако, результатом было то, что за рубежом узнали о том куда идут дела в Германии. Мой коллега Хельсе сделал однозначные заявления в Базеле, и сказал о том, что если нас пришлось уволить, тогда наши друзья узнали бы до чего дошло дело.

Дикс: Господин Хельсе сказал вам это?

Фокке: Да, Хельсе сказал мне это.

Дикс: Ваша светлость, нам ненадолго прерваться? У меня осталось немного, но у меня ещё есть документальные доказательства.

Председатель: Сколько вы думаете продолжать до того как закончите?

Дикс: Очень мало и затем документальные доказательства тоже очень недолго. Мне продолжать?

---

[46] Хуго Бергер (1887 – 1971) – немецкий юрист и чиновник. В 1924 -1945 занимал должности в рейхсминистерстве финансов.

[47] Карл Блессинг (1900-1971) – немецкий банкир. В 1937-1939 член совета директоров Рейхсбанка.

Председатель: Мы првремся.

[*Объявлен перерыв*]

Дикс: Итак, свидетель, вы описали трибуналу то как состоялась отставка ваша и Шахта. Почему Шахт не предпринял этот шаг раньше? Он говорил с вами об этом?
Фокке: Нет. В 1937 и 1937 мы не могли передумать. Сначала все же была надежда на то, что Гитлер пойдет разумным курсом как государственный деятель. Наконец, в 1938 мы пришли к кризису, в частности в связи с Мюнхенским соглашением и который был после Мюнхенского соглашения. Тогда, на самом деле было реальное беспокойство о том, что дело идет к войне и тогда мы поняли, что нам нужно решиться.

Однако, нужно учитывать следующее: банк не мог приводить политическую или военную аргументацию или требования не находящиеся в нашей компетенции. Угроза инфляции, которую мы подчеркнули в этом меморандуме не проявлялась до 1938, когда обращение банкнот в течение последних десяти месяцев в огромной степени увеличилось – больше чем за пять предыдущих лет.
Дикс: Таким образом пока не настал этот год, скажем так, не было предлога, чтобы предпринять такой шаг?
Фокке: Да.
Дикс: Итак, я заканчиваю главным вопросом. Высокий интеллект доктора Шахта не оспаривается – то, что он разочаровался в Гитлере и был им обманут, он сам говорит. Лично вы, при вашей осведомлённости о личности Шахта, наверное должны были иметь собственные мысли о том как можно объяснить такую ошибку Шахта, как получилось его обмануть. Поэтому, если трибунал разрешит, я буду благодарен если вы сможете привести нам ваши личные впечатления об этом, но…
Джексон: Ваша честь, могу я заявить возражение? Я не понимаю как ход мыслей доктора Шахта может объяснить кто-то ещё. У меня не было никаких возражений фактам известным данному свидетелю. Мы даже позволили ему подробно изложить частные беседы. Однако, спекуляция об умозаключениях Шахта, кажется мне за гранью проверяемых доказательств.
Председатель: Доктор Дикс, как я думаю уже говорил, вы не можете приводить свидетельства о мыслях другого человека, вы можете приводить его поступки и заявления.
Дикс: Да, ваша светлость. Когда я задал вопрос я сказал: «Если трибунал разрешит». Мне тоже известен вопрос допустимости…
Председатель: У вас есть ответ: трибунал это не допускает.
Дикс: Тогда мы оставим этот вопрос. Могу я спросить об этом вашу светлость? Конечно, я могу задать вопросы об обращении Шахта с евреями. Лично я думаю, что данная глава рассмотрена настолько исчерпывающе, что не нужно, чтобы

свидетель приводил ещё примеры отношения Шахта. Я бы попросил позволить мне задать такой же вопрос про масонов[48], потому что об этом ничего не сказали.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вам, что-нибудь известно об обращении с масонами или отношении Шахта к масонам?

Фокке: Да. Партия требовала, чтобы масонов устранили с гражданской службы. Шахт сказал: «Я отказываюсь позволять кому-то говорить, что мне нужно делать. Всем известно, что я сам масон, как я могу принимать меры против чиновников из-за того, что они принадлежат к ордену масонов?». И до тех пор пока Шахт находился на должности он сохранял масонов на должности и повышал их.

Дикс: Итак, самый последний вопрос. Вам известно, получал ли, когда-нибудь Шахт какие-нибудь подарки или имел экономическое преимущество во времена Гитлера помимо своего обычного дохода чиновника?

Фокке: Нет, это совершенно не обсуждается в отношении Шахта. Кроме того, он никогда не принимал подарки. Во всех своих делах, что касалось денег он был абсолютно чистым и неподкупным. Я могу привести примеры. Например, когда он ушёл в 1930 он уменьшил свою пенсию меньше чем на половину от пенсии вице-президента или любого члена совета директоров. Он сказал: «Люди отдали банку всю свою жизнь, в то время как я отдал всего несколько лет случайной службы». Я могу привести ещё примеры абсолютной корректности Шахта в данном отношении.

Дикс: Мне кажется трибунал этого не желает, не нужно приводить дальнейшие примеры. На этом мой допрос свидетеля завершен.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать какие-нибудь вопросы?

Штейнбауэр: Свидетель, вы помните финансово-политические мероприятия в связи с аннексией Австрии в марте 1938, то есть в общих чертах?

Тогда были приняты два закона, оба от 17 марта 1938, один о переводе шиллингов в марки, и другой о передаче Австрийского национального банка Рейхсбанку.

Доктор Шахт как свидетель вчера заявил о том, что 11 марта его спросили о том какой обменный курс он считал правильным в случае вступления в Австрию, и он ответил на вопрос сказав, что согласно последнему рыночному курсу два шиллинга за марку было бы правильно.

После аншлюса, мой клиент, доктор Зейсс-Инкварт возражал занижению шиллинга и он смог добиться обмена шиллинга по 1.50 за рейхсмарку. Это правильно?

Фокке: До вступления в Австрию я не слышал ни о каком установлении курса дирекцией Рейхсбанка. Ей поручили этот вопрос только после вступления в Австрию и как эксперты и банкиры они предложили курс который соответствовал

---

[48] Масонство (франкмасонство, фр. Franc-maçonnerie, англ. Freemasonry) — движение, появившееся в виде тайного общества. Этика и философия масонства опираются на монотеистические религии, на древние конституции вольных каменщиков, их регламенты, статуты и уложения.

условиям, и лишь небольшое изменение было внесено по поводу обмена. Правительству нужно было пойти на уступки, если оно хотело склонить австрийское население на свою сторону.

Штейнбауэр: Второй закон касается Австрийского национального банка. Свидетель Шахт сегодня сказал о том, что Австрийский национальный банк не был ликвидирован, а – как он выразился – поглощен. Я посмотрел в этот закон и он прямо говорит в параграфе 2, что Австрийский национальный банк подлежал ликвидации. Это документ номер PS-2313. Свидетель, я спрашиваю, вам об этом, что-нибудь известно? Австрийскому национальному банку оставили функции банка-эмитента или он был ликвидирован?

Фокке: Право печатать банкноты в Австрии, конечно перешло к Рейхсбанку, который как мне известно, принял Австрийский национальный банк в Вене и занимался им. Я не помню подробности. Мой коллега Кезник занимался этим.

Штейнбауэр: Но может быть вы вспомните если я процитирую из официальных докладов Австрийского национального банка, что золотой запас Австрийского национального банка в марте 1933 насчитывал 234 миллиона шиллингов золотом и валютный запас в 174 миллиона шиллингов, что означает, что приблизительно более 400 миллионов шиллингов золотом Рейхсбанк принял у Австрийского национального банка.

Фокке: Я уже не помню эти факты, но если это было сделано, это было сделано по закону, правительством.

Штейнбауэр: Да. У меня есть закон от 17 марта. Я лишь хотел поправить ошибку которую неумышленно допустил господин Шахт. Закон который он сам подписал гласит: «Должен быть ликвидирован». У меня больше нет вопросов.

Латернзер: Свидетель, вы ранее сказали о том, что фундументальное разногласие между доктором Шахтом и высшим военным руководством заключалось в том, что он оставался свободным человеком в своём отношении к режиму. Я хочу спросить, поскольку это заявление кажется выражает мнение о высшем военном руководстве: кого из высшего военного руководства вы знали лично?

Фокке: Никого.

Латернзер: И вы придерживаетесь этого мнения?

Фокке: В нашем кругу Рейхсбанка господина Кейтеля и других господ считали слишком сервильными и слишком уступчивыми в отношении Гитлера.

Латернзер: Но поскольку вы лично не были знакомы с этими людьми, вы думаете, что вы можете выражать в чём-то критическое мнение о них, как делаете вы?

Фокке: Да, я так думаю.

Латернзер: Больше нет вопросов.

Председатель: Кто-нибудь из представителей желает провести перекрёстный допрос?

Джексон: Свидетель, когда вы встретили доктора Шахта впервые, как я понимаю,

это был ваш официальный визит который вы нанесли фон Люмму[49] в Брюссель?
Фокке: Да.
Джексон: В первые годы Первой мировой войны?
Фокке: Да.
Джексон: Какая была должность у Шахта?
Фокке: Не могу сказать. Он просто был одним из штаба. Я встретился с ним, когда меня направили в Брюссель обсудить, что-то с фон Люммом и последний пользуясь случаем представил мне своих сотрудников и среди них Шахта. Нас просто представили.
Джексон: А какой была должность у фон Люмма? Что он делал в Брюсселе?
Фокке: Он был комиссаром банков при главнокомандовании.
Джексон: Главнокомандовании германской армии?
Фокке: Комиссаром банков при оккупационной армии.
Джексон: Назначенным Германией.
Фокке: Без сомнения.
Джексон: Что же, он был немцем, не бельгийцем?
Фокке: Да, он был немцем.
Джексон: Итак, некоторое время спустя фон Люмм уволил Шахта, не так ли?
Фокке: Да.
Джексон: И вы обсуждали это с фон Люммом и также с Шахтом, не так ли? Скажите был ли у вас визит…
Фокке: Я читал официальные доклады в Берлине об увольнении Шахта. Я работал в ведомстве внутренних дел Рейха. Я говорил об этих вещах с Шахтом, когда он стал президентом Рейхсбанка и он однажды говорил со мной об этом.
Джексон: Итак, до того как Шахт был направлен в штаб фон Люмма, он был директором «Dresdner Bank».
Фокке: Да.
Джексон: И увольнение было из-за того, что Шахт передал этому банку значительную сумму бельгийских франков.
Фокке: Да. Я не знаю насколько крупной была эта сумма.
Джексон: Но она была значительной.
Фокке: Может быть.
Джексон: И этим, как подумал фон Люмм, предоставил «Dresdner Bank» преимущество несовместимое с обязанностями Шахта как чиновника?
Фокке: Во всяком случае так это понял фон Люмм. Он имел очень серьезный взгляд на это, который Шахт не будучи гражданским служащим не смог оценить.
Джексон: И фон Люмм созвал совещание и упрекал Шахта?
Фокке: Да.

[49] Карл фон Люмм (1864 – 1930) – немецкий экономист. В 1914-1919 генеральный комиссар банков оккупированной Бельгии.

Джексон: Тогда Шахт дал фон Люмму ответ который он посчитал неискренним, а просто ложью?

Фокке: Да. Так это видел фон Люмм.

Джексон: Итак, об этом вам сказал фон Люмм?

Фокке: Это было написано в докладе который я читал.

Джексон: Итак, когда у вас получилось поговорить об этом с Шахтом и о его ответе фон Люмму, Шахт сказал вам, что это был не совсем открытый ответ, но и не ложь?

Фокке: Да.

Джексон: Однако, заслушав обе стороны, вы вместе со всеми остальными директорами Рейхсбанка возражали назначению Шахта президентом, как вы свидетельствовали.

Фокке: Да.

Джексон: Итак, когда доктор Шахт вернулся в Рейхсбанк при нацистском режиме, как я понимаю, в его отношении было много негодования со стороны дирекции Рейхсбанка, потому что он «в наших глазах тогда был нацистом. Он был рядом с Гитлером и держал в тайне от нас, своих коллег некоторые вещи». Это правильно, не так ли?

Фокке: Я не могу так сказать. Правда, что были чувства против Шахта. Как я уже объяснял, мы полагали, и я полагал – хотя мы в этом ошибались, что он был нацистом. Возможно, что Шахт держал в тайне от нас некоторые вещи, но в любом случае я не знаю делал ли он так и что это были за вещи.

Джексон: Итак, вы не говорили в заявлении о том, что он находился рядом с Гитлером и держал в тайне от «нас, своих коллег» некоторые вещи?

Фокке: Я не знаю держал ли он в тайне от нас что-то. Возможно так, я не могу это подтвердить.

Джексон: Это неправда, что годы спустя, когда наступили фатальные моменты в валютной, ценовой и зарплатной системе «до нас дошли слухи по полуофициальным каналам о том, что доктор Шахт пообещал Гитлеру финансировать вооружения?». Вы это не говорили?

Фокке: О том, что Шахт пообещал Гитлеру? Что же, в определённых кругах были слухи такого характера. Правда ли это я не могу сказать.

Джексон: Итак, после Мюнхенского соглашения и после речи Гитлера в Саарбрюкене вы почувствовали, что этим уничтожены все надежды на мир, не так ли?

Фокке: Да.

Джексон: И с этой даты, вмесе с Пильзеком, вы делали все в своей власти, чтобы убедить Шахта в необходимости решительных действий?

Фокке: Да.

Джексон: Доктор Шахт согласился с вами, но медлил в принятии решительного шага?

Фокке: Да. Он сказал – в принципе Шахт был не против, но он хотел сам решить, когда нужно направить наш меморандум, и так как все мы должны были подписать этот меморандум, и каждый из нас хотел внести поправки, вручение этого меморандума затянулось с октября до 7 января.

Джексон: Соглашение подготовили вы и Пильзек?

Фокке: Да.

Джексон: И вы снова и снова обращались к доктору Шахту?

Фокке: Да.

Джексон: И пока Гитлер не отказался встретиться с ним в Берхтесгадене он не направлял ему меморандум?

Фокке: Это я не знаю. Я впервые услышал здесь о том, что Гитлер отказался принять Шахта в Берхтесгадене. Может быть так. Я слышал только о том, что Шахт был в Берхтесгадене и после его возвращения по моим воспоминаниям, он говорил о встрече с Гитлером и о том, что настал момент направить меморандум.

Джексон: Что же, ваш меморандум единственный источник моей информации, и согласно переводу он гласит: «Наконец в декабре 1938, он решился подписать его после последней попытки поговорить с Гитлером в Берхтесгадене».

Фокке: Да.

Джексон: И тогда, было, что-то вроде финансового кризиса.

Фокке: Да.

Джексон: Значительные трудности, инфляция была за углом, как вы могли сказать.

Фокке: Правительство столкнулось с векселями МЕФО на 3 миллиарда которые почти истекли и которые нужно было обеспечить и у министра финансов был дефицит наличных в 1 миллиард. Министр финансов пришел к нам и попросил нас прекратить это, потому что в противном случае он не смог бы платить содержание с 1 января. Мы отказались. Мы не дали ему ни одного пфеннига. Мы сказали ему о том, что лучшая вещь, что может случиться это банкротство которое станет манифестом показывающим то, что невозможно продолжать такую систему и политику. Тогда он получил деньги у частных банков.

Джексон: И вы и Хельсе, в частности Хельсе, долго предупреждали по поводу такого курса Рейхсбанка, это неправда?

Фокке: Нет, это неправда.

Джексон: Вы и Хельсе, задолго до этого, не предупреждали о том, что векселя МЕФО приведут к проблеме?

Фокке: Конечно, Рейхсбанк годами боролся с векселями МЕФО, которые должны были истечь в марте 1938 и с этого времени Рейхсбанк больше не предоставлял никакого кредитования вооружениям.

Джексон: Итак, после его увольнения из Рейхсбанка вы часто обсуждали дела с Шахтом и выяснили, что он сильно ожесточился против правительства. Это неправда?

Фокке: У меня не было частых встреч с Шахтом. Мы встречались каждые несколько месяцев в начале и потом, когда Шахт уехал в Гюлен, наши встречи прекратились, я видел его только раз или два. Но Шахт стал ожесточённым противником Гитлера не только после увольнения, а в целом он был таким в течение 1938.

Джексон: И вы сказали: «Думаю в душе он надеялся на то, что его призовут после поражения Гитлера, чтобы строить новый и лучший порядок в Германии»?

Фокке: Разумеется. Шахт говорил со мной в Гюлене о людях которые придут после окончательного свержения Гитлера и в беседе мы называли министров которые могли спасти Германии от краха, и Шахт был уверен в том, что его могут позвать на помощь.

Джексон: Больше нет вопросов, ваша честь.

Председатель: Кто-нибудь из обвинения хочет провести перекрёстный допрос?

Дикс: Господин Фокке, в ответ на вопросы господина судьи Джексона, вы объяснили отношение из заявления господина фон Люмма об инциденте в Брюсселе. Вы также сказали трибуналу о заявлении министра Зеверинга, которое он сделал об этом инциденте недавно.

Фокке: Да.

Дикс: Вы также не говорили с председателем Верховного суда Рейха, Симонсом[50], который тогда находился в министерстве иностранных дел и хорошо знал это дело? Вы не говорил с ним про это дело?

Фокке: Да, я говорил с ним и министериальдиректором Левальдом[51]. Тогда я был молодым помощником судьи.

Дикс: Вам нужно сказать трибуналу кем был Левальд.

Фокке: Правильно, что я говорил с Симонсом, который позже стал председателем Верховного суда Рейха и его превосходительством Левальдом, который позже стал заместителем государственного секретаря в ведомстве внутренних дел Рейха, об этих вопросах которые официально стали мне известны как эксперту ведомства внутренних дел Рейха.

Оба господина смеялись над самозабвенным отношением фон Люмма который раздул из мухи слона к несчастью господина Шахта. Они снисходительно улыбались и понимали, что все это огромное преувеличение.

Дикс: Спасибо, довольно. Больше нет вопросов.

Однако, если трибунал разрешит мне, я бы хотел отметить, что Шахт упоминал здесь, что 2 января 1939 он долго говорил с Гитлером в Берхтесгадене. Я не знаю путаю ли я это с заявлением свидетеля или с заявлением его самого. Я лишь хотел это отметить. Если бы он сидел здесь как свидетель он бы мог нам сказать.

---

[50] Вальтер Симонс (1861 — 1937) — немецкий юрист и политик. Будучи председателем Верховного суда (1922-1929), в соответствии с Веймарской конституцией исполнял обязанности Рейхспрезидента Германии в 1925 году.

[51] Теодор Левальд (1860 – 1947) – немецкий государственный деятель и спортивный функционер. В 1910-1918 занимал руководящие посты в министерстве внутренних дел Германской империи.

Ваша светлость, я затрагиваю это, потому что господин судья Джексон заявил о том, что Гитлер не принял Шахта в Берхтесгадене и что это вызвало решение Шахта направить тот меморандум. Я лишь упоминаю это, так как свидетель не может знать о том, что Шахт говорил с Гитлером. Если он не говорил это этим утром или вчера, он скажет об этом в любое время.

Сейчас я не помню. Иногда можно спутать частную информацию с той которую услышал в зале суда.

Председатель: Поставьте микрофон там где подсудимый Шахт сможет говорить и задайте ему вопрос.

[*Микрофон поставили перед подсудимым*]

Дикс: Доктор Шахт, вы свидетельствовали в перекрёстном допросе. Вы хотите сказать трибуналу, что случилось?

Шахт: Когда я говорил здесь я сказал о том, что у меня была долгая беседа 2 января 1939 с Гитлером в Берхтесгадене в Оберзальцберге и после той беседы, в которой предложили создать инфляцию, я посчитал, что настало время предпринять шаг который потом совершил Рейхсбанк, отмежеваться от Гитлера и его методов.

[*Микрофон вернули свидетелю*]

Председатель: Есть один вопрос который я хочу вам задать, свидетель. Подсудимый Шахт, когда-либо говорил вам о том, что он назначен генеральным уполномоченным по военной экономике?

Фокке: Да.

Председатель: Когда?

Фокке: Что же, мне кажется он был назначен на эту должность в 1935. Мне кажется это дата. Не могу сказать точно.

Председатель: Я не спрашиваю о том, когда он был назначен. Я спросил говорил он вам об этом.

Фокке: Я не могу вспомнить, потому что мы не имели никакого отношения к этим вещам. Я знаю только, что либо в 1935 или 1936 – мне кажется это был 1935, он получил такое назначение.

Председатель: Да. Вопрос который я задал, был: подсудимый Шахт, когда-либо говорил вам о том, что его назначили?

Фокке: Да.

Председатель: Когда он вам сказал?

Фокке: Думаю в 1935.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Дикс: Могу я поставить данному свидетелю самый последний вопрос.

Свидетель, вы имели какое-нибудь понимание о важности этой должности?

Фокке: Нет. Я никогда не слышал о том, что Шахт имел какое-нибудь отношение к этой функции кроме того, что у него были специальные бланки для этого. Его деятельность в Рейхсбанке продолжалась также как и раньше, без набора сотрудников в это ведомство, и без – по крайней мере насколько я знаю – использования средств и учреждений Рейхсбанка для этой новой должности.

Дикс: У вас есть какие-нибудь сведения о том имел ли он отдельное ведомство или отдельный штат для осуществления его деятельности как уполномоченного?

Фокке: Вы имеете в виду генерального комиссара по вооружениям?

Дикс: Уполномоченного по военной экономике.

Фокке: Нет, у него не было никакого отдельного ведомства, и как я уже сказал, насколько мне известно не было штата.

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Дикс: Могу я начать со своими документами? Я могу сильно сократить презентацию документов и я уверен в том, что я закончу её до конца заседания, потому что я имел возможность представить большую часть своих документов во время допроса свидетелей. Могу я в целом попросить о том, чтобы было вынесено судебное уведомление обо всём, что я не прочитал и обо всём, что я не предлагаю читать. В связи с этим, я хочу отметить, что все документы из моей документальной книги, за единственным исключением, либо предъявлены или будут предъявлены как экземпляры. Исключение, документ которые не предъявили, экземпляр номер 32. Это часто упоминаемая статья из «Basler Nachrichten[52]» от 14 января 1946, которая по причинам указанным вчера, не предъявлена и не будет предъявлена.

Я перехожу к первому тому моей документальной книги, экземплярам которые пока не предъявили, то есть, первый экземпляр номер 5 (документ Шахт-5) речь Адольфа Гитлера в Рейхстаге от 23 мая 1933. Этот экземпляр читал Шахт во время своего допроса и теперь его предъявляют.

Далее я предъявляю экземпляр номер 23 (экземпляр Шахт-23), письмо Шахта Герману Герингу от 3 ноября 1942. Хотя это письмо предъявило обвинение, мы снова его предъявляем по следующим причинам: в копии, которую предъявило обвинение отсутствуют дата и год и конечно, так как его перевели буквально, тоже самое в нашей копии. Однако, удостоверение профессора Крауса основанное на показаниях Шахта позволило нам составить записку о том, что это письмо должно быть письмом от 3 ноября 1943. Это предъявляют только для того, чтобы упросить для трибунала установление даты. Это был экземпляр номер 23.

[52] «Базельские новости» - швейцарская консервативная газета. Издавалась с 1844 по 1977.

Затем я желаю представить экземпляр номер 27 (документ Шахт-27). Я не собираюсь его читать, я прошу вынести судебное уведомление о нём. Это выступление доктора Шахта на праздничном собрании палаты экономики Рейха в январе 1937.

Затем я предъявляю экземпляр номер 29 (документ Шахт-29), фрагменты из книги Гизевиуса, которые мы хотим предъявить в качестве доказательств и я прошу вас вынести судебное уведомление. Я ничего не буду читать.

Экземпляр номер 33 (документ номер Шахт-33) в моей документальной книге это письмо некоего Мортона[53], бывшего гражданина Франкфурта-на-Майне, который эмигрировал в Англию, человека которого весьма высоко уважали во Франкфурте. Письмо направлено солиситору казначейства Англии и мы получили его здесь от обвинения. Я также прошу вынести судебное уведомление о его содержании и хочу прочитать лишь одну фразу на последней странице. Я цитирую:

> «Последний раз я слышал Шахта косвенно. Лорд Норман который тогда был господином Монтегю Норманом, губернатором Банка Англии, конфиденциально сказал мне в 1939 незадолго до начала войны о том, что он только, что вернулся из Базеля где Шахт передал мне привет. Лорд Норман также сказал мне о том, что Шахт, который вернулся в Германию из Базеля находился в большой опасности так как он был в большой немилости у нацистов».

На этом завершается первый том мой документальной книги и я перехожу к второму тому, который начинается с письменных показаний. Я должен пройти отдельные письменные показания, но я ничего не буду читать.

Первый экземпляр номер 34 (документ Шахт-34), который часто цитировали, письменные показания банкира и шведского генерального консула, доктора Отто Шнивинда который сейчас в Мюнхене. Это очень подробные и исчерпывающие письменные показания и для того, чтобы сэкономить время – здесь 18 страниц которые заняли бы много времени – я ограничу себя тем, что я прочёл из этих письменных показаний, я прошу трибунал вынести судебное уведомление об остальном. Его уже предъявили.

Однако, у меня ещё есть экземпляр номер 35 (документ Шахт-35), который пока не предъявили. Я прошу прощения, его предъявили раньше. Это письменные показания доктора Франца Ройтера. Я представил их, когда говорил о предвзятом характере данной биографии. Я прошу вас вынести судебное уведомление об остальном в этих письменных показаниях.

Следующий экземпляр номер 36 (документ Шахт-36) это письменные показания оберрегинрунгсрата доктора фон Шерпенберга[54], бывшего советника

---

[53] Ричард Мёртон (? – 1960) – немецко-английский предприниматель. Руководитель Металлургической акционерной компании во Франкфурте в 1933-1938, 1947-1960.

[54] Хильгер фон Шерпенберг (1899-1969) – немецкий дипломат. Государственный секретарь министерства иностранных дел в 1958-1961.

посольства в Лондоне, после начальника департамента министерства иностранных дел, а теперь в министерстве юстиции в Мюнхене, приёмного сына доктора Шахта. Я прочитал отрывок и прошу вынести судебное уведомление о непрочитанном фрагменте.

Следующий экземпляр номер 37(а) (документ Шахт-37(а)). Его также предъявили. Здесь также читали на странице 154 немецкого текста о предупреждающем сигнале за рубеж, когда Шахт ушёл с президента Рейхсбанка. Я прошу вынести судебное уведомление об остальном.

Следующие письменные показания от того же самого господина, который также был коллегой доктора Шахта в дирекции Рейхсбанка в то же время, что и господин Фокке, которого мы только, что слышали. Я приобщаю их. Здесь ничего не нужно читать. Я прошу только вынести судебное уведомление.

Следующие письменные показания, экземпляр номер 37(с) (документ Шахт-37(с) того же самого господина и их уже предъявили. Я прошу вынести судебное уведомление об их содержании. Здесь ничего не нужно читать.

Следующий экземпляр номер 38 (документ Шахт-38), письменные показания генерала Томаса[55]. Их пока не предъявляли и я их приобщаю и прошу разрешить прочитать один фрагмент, начиная с первой страницы, это страница 172 английского текста и страница 164 немецкого текста:

> «Вопрос: Шахт заявляет, что влиял на Бломберга, чтобы затянуть перевооружение. Вы можете привести какую-нибудь информацию об этом вопросе? Когда это было?
>
> Ответ: Я был начальником экономического штаба армии, то есть управления экономики и вооружений армии при верховном главнокомандовании Вермахта (ОКВ[56]) с 1934 до времени моего увольнения в январе 1943. В данном качестве у меня была связь с рейхсминистром экономики и президентом Рейхсбанка Ялмаром Шахтом. Вплоть до 1936 Шахт несомненно способствовал перевооружению предоставляя необходимые средства. С 1936 он использовал любую возможность повлиять на Бломберга, чтобы снизить темп и степень перевооружения. Его причины были следующими:
>
> 1. Валютный риск.
>
> 2. Недостаточное производство потребительских товаров.
>
> 3. Угроза внешней политике, которую Шахт видел в чрезмерном вооружении Германии.
>
> Касательно последнего пункта он часто говорил с Бломбергом и мной

---

[55] Георг Томас (1890 — 1946) — генерал пехоты, один из руководителей военной экономики Германии.

[56] ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht, нем. OKW) — Верховное главнокомандование вермахта, центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

> и говорил о том, что никак нельзя позволить, чтобы перевооружение позволило привести к войне. Эти же причины приводили его к Бломбергу в 1936 и снова в 1937 с угрозой его отставки. По обоим случаям Бломберг делегировал меня, чтобы разубедить Шахта от воплощения этой угрозы отставки. Я присутствовал во время совещания между Бломбергом и Шахтом в 1937».

Я прошу вас вынести судебное уведомление об остальном в этих письменных показаниях генерала Томаса.

Следующий экземпляр номер 39 (документ Шахт-39), его часть уже зачитывали, то есть, часть в которой Шахт сыграл роль в инциденте 20 июля вместе с генералом Линдеманом, это письменные показания полковника Гронау. Я прошу трибунал вынести судебное уведомление об остальном.

Тоже самое относится к следующему экземпляру номер 40 (документ Шахт-40). Это заявление под присягой, также коллеги Шахта по министерству экономики, каммердиректора Асмиса, сейчас в отставке. Я также уже читал его части, а именно, отрывки о событиях во время отставки из министерства экономики, и я прошу вынести судебное уведомление об остальном.

Затем мы переходим к экземпляру номер 41 (документ Шахт-41), который письменные показания государственного секретаря Карла Кристиана Шмидта[57], также в отставке. Я пока ничего их них не читал и прошу разрешить прочитать два отрывка.

Первый на странице 182 немецкого текста, страница 190 английского текста:

> «Когда кабинет Брюнинга, который организовал генерал фон Шлейхер…» - это неразборчиво. Думаю должно быть по-другому, но это неразборчиво – «Когда это торпедировал сам Шлейхер, Шахт рассматривал скорое назначение Гитлера главой правительства неизбежным. Он отмечал, что большая масса немецкого народа сказала «да» национал-социализму и что левые, также как и центр должны перейти в состояние пассивной отставки. Недолгая жизнь кабинетов Папена и Шлейхера была ясна ему с самого начала.
>
> Шахт решительно выступал за сотрудничество с национал-социализмом людей имевших опыт в своих областях, в целом не принимая их программу, на которую он всегда иронично ссылался, позже часто назвая её «звериной идеологией» в беседе со мной, но он придерживался мнения о том, что влияние на развитие важных внутренних событий являлось абсолютным патриотическим долгом и он сильно осуждал эмиграцию и обращение к диванной критике».

---

[57] Карл Кристиан Шмидт (1886 – 1955) – немецкий юрист и политик. В 1933-1938 регинрунгспрезидент Дюссельдорфа.

И затем на странице 184 немецкого текста, 192 английского текста, два очень коротких фрагмента:

> «Я вспоминаю многочисленные беседы с доктором Шахтом в которых он заявлял о том, что война экономически невозможная и просто безумная идея, как например, когда он был в Мюльхайме в доме доктора Фрица Тиссена[58], который был тесно связан с Герингом и Гитлером до 1933, но находился в сильной оппозиции с 1934 и также возражал любой идее войны как безумию».
>
> И затем дальше на этой же странице, лишь одна фраза:
>
> «Когда Шахт говорил со мной, он иронически ссылался на планы жизненного пространства Гиммлера[59]-Розенберга против России как образец безумной самонадеянности экстремистских партийных кругов, коньком Шахта было взаимопонимание с Англией».

И так далее, и я прошу вас вынести судебное уведомление об остальном в документе.

Тоже самое относится к в целом экземпляру номер 42 (документ Шахт-42), письменным показаниям директора Верхне-силезских коксовых предприятий[60], Беркемайера[61].

Я перехожу к экземпляру номер 43 (документ Шахт-43). Это уже предъявили и отчасти читали. Это переписка между издателем дневника посла Додда[62] и сэром Невилом Гендерсоном. Я прошу вынести судебное уведомление о той части которую не читали и все, что идет после экземпляра 43. Я прошу вынести судебное уведомление о содержании, и опускаю оглашение.

На этом я завершаю презентацию дела Шахта.

Председатель: Сейчас трибунал продолжит с делом против подсудимого Функа.

Заутер: Господин председатель, с вашего разрешения, первым я вызываю самого подсудимого, доктора Функа для дачи показаний.

[*Подсудимый Функ занимает место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, вы назовёте своё полное имя?

Функ: Вальтер Эмануил Функ.

---

[58] Фриц Тиссен (1873 — 1951) — немецкий предприниматель. Председатель наблюдательного совета «Объединённые сталелитейные заводы» в 1927-1935. В 1939 году эмигрировал из Германии. В 1943-1945 находился в концентрационных лагеря Германии.

[59] Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

[60] «Коксовые предприятия Верхней Силезии» - акционерное общество основанное в 1890 году. Фирма владела коксохимическими заводами и угольными шахтами. В 1937 году была поглашена фирмой «Schering».

[61] Ганс Беркемайер (1873 – 1957) – немецкий промышленный юрист. В 1937 – 1945 председатель наблюдательного совета фирмы Schering.

[62] Уильям Додд (1869 — 1940) — американский историк и дипломат. Посол США в Германии в 1933-1937.

Председатель: Повторите за мной клятву: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Подсудимый повторяет клятву на немецком*]

Председатель: Вы можете сесть.
Заутер: Господин председатель, могу я начать с одного замечания: подсудимый Функ уже многие годы больной человек, и до тюрьмы он некоторое время находился в госпитале, в котором предполагалась операция, которую, однако, не провели из-за условий времени. Учитывая данный факт, и потому что подсудимый крайне заинтересован в завершении своего допроса как можно быстрее, я поставлю подсудимому только те вопросы, которые абсолютно необходимы, чтобы представить вам ясную картину о его личности и действиях.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, когда вы родились?

Функ: 18 августа 1890.
Заутер: Значит вам сейчас 56?
Функ: Да.
Заутер: Сначала, я хочу представить вам наиболее важные характеристики вашей жизни, и упрощая дело вы можете отвечать только «да» или «нет».

Вам 56 лет. Вы родились в Восточной Пруссии?

Функ: Да.
Заутер: Вы происходите из торговой семьи Кёнигсберга?
Функ: Да.
Заутер: Затем вы обучались в университете Берлина, праву и политической науке, литературе и музыке. Вы также происходите из семьи, которая дала ряд художников.
Функ: Да.
Заутер: В течение мировой войны вы сначала были в пехоте, и в 1916 из–за заболевания мочевого пузыря, вы стали непригодны к службе?
Функ: Да.
Заутер: Затем вы стали редактором нескольких крупных газет, и вы рассказывали мне, что долгое время не могли решить стать музыкантом или журналистом. Затем вы решили стать последним, и мне кажется в 1922, вы стали главным редактором «Berliner Borsenzeitung»[63]. Всё это правильно?
Функ: Да.
Заутер: Итак, вероятно вы расскажете нам, какими были политические тенденции этой газеты, в которой вы работали около десяти лет в качестве главного редактора?
Функ: Тенденцией газеты было нечто между центром и правыми. Газета не была

[63] «Газета берлинской биржи» – ежедневная немецкая экономическая газета издававшаяся с 1855 по 1944 гг. С 1921 по 1930 Вальтер Функ являлся её главным редактором.

связана ни с одной партией. Ей владела старая берлинская издательская семья.
Заутер: Каким было отношение газеты к еврейскому вопросу до вашего прихода в редакцию и в течение времени, когда вы были главным редактором?
Функ: Абсолютно нейтральным. Она никоим образом не затрагивала еврейский вопрос.
Заутер: Из письменных показаний доктора Шахта, я понял, что тогда–то есть, в двадцатых – вы вращались в кругах, которые также часто посещал евреи, и где часто обсуждались экономические и политические вопросы, такие как курс золота, и т. д. Это верно?
Функ: Я ничего об этом не знаю.
Заутер: Доктор Шахт утверждал это в этих письменных показаниях от 7 июля 1945 (документ номер PS-3936).
Функ: У меня было много дел с евреями. В этом заключался характер моей профессии. Каждый день на бирже я был рядом с 4000 евреев.
Заутер: Затем в 1931 вы ушли в отставку с главного редактора?
Функ: Да.
Заутер: По какой причине?
Функ: Я был убежден, что национал–социалистическая партия придет к власти в правительстве, и я чувствовал себя призванным заставить услышать свои собственные взгляды в партии.
Заутер: Доктор Функ, вы бы хотели объяснить немного подробнее, какого рода мнения были у вас, в особенности касательно схваток между партиями, между классами того времени?
Функ: Немецкая нация тогда страдала от бедствий, как духовных, так и материальных. Людей разрывала партийная и классовая борьба. Правительство или даже правительства, не имели авторитета. Парламентарная система себя исчерпала, и я сам, за 10 или 12 лет до этого, публично протестовал и боролся против бремени версальских репараций, потому что я был убежден, что эти репарации были главной причиной экономического банкротства Германии. Я сам всю свою жизнь боролся за частное предпринимательство, потому что был убежден, что идея частного предпринимательства неразрывно связана с идеей эффективности и ценности отдельного человека. В особенности в то время я боролся за свободную инициативу производителя, свободную конкуренцию для того, чтобы положить конец безумной классовой борьбе и за создание социального сообщества на основе индустриального сообщества.

Все это было идеями, на которые я находил ответ в своих беседах, в особенности с Грегором Штрассером[64].
Заутер: Кем был Грегор Штрассер, вы кратко расскажите трибуналу?

---

[64] Грегор Штрассер (1892 – 1934) руководящий деятель НСДАП до прихода партии к власти. Депутат Рейхстага в 1924 – 1932 гг. Убит в ходе «Ночи длинных ножей» в 1934.

Функ: Грегор Штрассер тогда, был руководителем организационного управления национал–социалистической партии и в целом рассматривался как второй человек после Адольфа Гитлера. Я…

Председатель: Время прерваться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 4 мая 1946*]

День сто двадцать первый

Суббота, 4 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый вернулся на место свидетеля*]

Заутер: Господин председатель, могу я продолжить допрос подсудимого Функа?

Доктор Функ, вчера вы дали нам краткий отчет о вашей жизни, сказав нам, что вам 56 лет, что вы женаты 25 лет, что вы 10 лет были редактором «Berliner Borsenzeitung» и в заключение вы нам вчера сказали, какими были ваши убеждения относительно будущего развития Германии.

Вероятно, вы снова можете рассказать нам кое–что о вашей точке зрения, поскольку вас вчера прервали и поскольку вчерашним вечером, ваше здоровье была в таком плохом состоянии, что вы едва могли вспомнить, что вы говорили суду. Что же, в чем заключались ваши взгляды на немецкие экономические планы во время, когда вы вступили в партию? Вероятно, вы снова можете коротко пройти это.

Функ: В то время Германия была в эпицентре очень сложного экономического кризиса. Этот кризис был вызван в основном репарациями, способом, которым эти репарации должны были выплачивать и неспособностью правительств у власти решить экономические проблемы. Наиболее разрушительной особенностью репарационной политики было то, что кредиты в немецких марках в огромных суммах выводились в иностранные государства не получая взамен никакого эквивалента. В результате здесь были огромный излишек и избыточное давление на рейхсмарку из–за рубежа. Это вело к инфляции в Германии и страны со стабильными валютами скупали Германию. Немецкая промышленность наращивала тяжкие кредиты и соответственно временно переходила под иностранный контроль, немецкое сельское хозяйство стало закредитовано. Средние классы, являвшиеся основными представителями немецкой культуры, были обездолены. Каждая третья семья в Германии была безработной, и само правительство ни имело ни власти ни отваги решать эти экономические проблемы. И эти проблемы нельзя было решить только экономическими мерами. Первостепенной необходимостью было наличие правительства имеющего полный авторитет и ответственность и затем развития единой политической воли в народе.

Национал–социалисты тогда получили 40 процентов мест в Рейхстаге, людской поток в эту партию возрос до миллионов, в особенности молодых людей, которыми двигал идеализм. Впечатляющая личность фюрера действовала как гигантский магнит. Экономическая программа партии сама была расплывчатой и по

моему мнению, она была подготовлена в основном для пропагандистских целей. О ней были оживленные споры в партийных кругах, с которыми я вступил в контакт в 1931.

Следовательно, в то время я решил оставить свою позицию в качестве редактора газеты с крупным оборотом в средних классах и начал самостоятельно редактировать службу экономических и политических новостей, которые шли к большинству секторов экономики, к ведущим партийным кругам также как и экономически заинтересованным частям Германской национальной партии[65], Народной партии[66], и даже демократам.

Заутер: Доктор Функ, вы ранее приблизительно, сказали, что согласно мнению высказанному в 1931 только правительство с полным авторитетом и единой политической волей могло вывести Германию из кризиса того времени, который был, конечно просто частью мирового кризиса. Вы в то время, когда-либо размышляли, что фюрер-принцип, который позже развивался в нарастающей степени – можно ли было гармонизировать фюрер-принцип с вашими идеями экономической политики? Или выразив от противного, вы тогда ожидали серьезных ошибок в результате этого фюрер-принципа?

Что вы об этом скажете?

Функ: Что касается принципа правления, что же, то есть, фюрер-принципа, никто не мог сказать априори был ли он хорош или плох. Это зависело от существовавших обстоятельств и, прежде всего, от того, кто правил. Демократически–парламентарный принцип не был успешным в Германии. Германия не имела парламентарной или демократической традиции, которая имелась у других стран. Условия, наконец, были такими, что когда правительство принимало решения, несколько голосов экономической партии были решающими и они были наиболее весомыми. Таким образом, другой принцип должен был стать доминирующим, и в авторитарном правительстве, если тот кто обладает полномочиями и ответственностью хороший, тогда правительство тоже хорошее. Фюрер-принцип, по моему мнению, означал, что лучшие люди и лучший человек должны править и что власть тогда бы осуществлялась сверху вниз и ответственность снизу вверх. И в беседах с Гитлером и другими ведущими личностями в партии в 1931, и как я сказал, из веры и энтузиазма, которые немецкий народ привнёс в это политическое движение, я сформировал мнение, что эта партия придёт к власти и что это единственное спасение которое может настать. Я сам хотел воплотить свои экономические идеи на практике в этой партии.

Заутер: Доктор Функ, вы только что говорили о личности Гитлера. С помощью кого вы встретили Гитлера? – то есть, кто те люди в партии, которые впервые склонили

---

[65] Германская национальная народная партия – националистическая и консервативная немецкая политическая партия основанная в 1918. Члены партии входили в состав первого правительства А. Гитлера. Распущена в 1933.

[66] Германская народная партия – праволиберальная немецкая политическая партия основанная в 1918. Распущена в 1933.

вас к партии?

Функ: Как я вчера сказал, в основном Грегор Штрассер, который организовал мою первую встречу с Гитлером. Немногим позже, в Берлине я встретил Германа Геринга. Кроме них у меня было в то время очень мало знакомых в партии, и я сам не играл в ней роли.

Заутер: Когда вы встретили Гитлера, какое впечатление он на вас произвёл? Я хочу сказать заранее, вы были тогда – 1931, я думаю – взрослым мужчиной старше сорока. Какое впечатление тогда на вас произвела личность и цели Гитлера, и т. д.?

Функ: Мой первый разговор с Адольфом Гитлером был очень сдержанным. Это неудивительно, так как я пришёл из мира, который был совершенно чуждым для него. У меня сразу же сложилось впечатление об исключительной личности. Он на лету схватывал все проблемы и знал, как представить их наиболее выразительно, бегло и с ярко выраженной жестикуляцией. У него была привычка погружаться в проблемы в длинных монологах, так сказать, таким способом поднимая проблемы на новый уровень. Тогда я объяснил ему свои экономические идеи и особо сказал ему, что я придерживался идеи частной собственности, которая для меня была фундаментальным принципом моей экономической политики и которая была неотделима от концепции различных способностей человека. Он сам, сердечно со мной согласился и сказал, что его экономическая теория также основана на отборе, то есть, принципе индивидуальной производительности и созидательной личности, и он был очень рад, что я хотел работать в таких линиях в партии и создавать контакты и поддерживать его в экономической сфере – что я на самом деле сделал. Однако, в то же, время, мои отношения с фюрером тогда не стали ближе, потому что он сам сказал: «Сейчас я не могу занимать себя экономической политикой и взгляды, выражаемые моими экономическими теоретиками, такими как господин, Готфрид Федер[67], не обязательно мои собственные».

Сектор экономической политики, который тогда существовал, был под руководством доктора Вагнера[68].

Заутер: Сектор экономической политики чего? Рейхсляйтунга[69]?

Функ: Сектор экономической политики рейхсляйтунга возглавлял некий доктор Вагнер. Меня не приглашали на политические беседы. Близкую связь с фюрером – или тесную связь с фюрером – я действительно имел только в 1933 году и в первой половине 1934, когда, в качестве начальника управления прессы правительства Рейха, я регулярно ему докладывал. Тогда однажды даже случилось, что он внезапно прервал пресс–конференцию выйдя со мной в музыкальную комнату и

[67] Готфрид Федер (1883 – 1941) Немецкий экономист. Национал–социалистический экономический теоретик. В качестве государственного секретаря министерства экономики входил в первое правительство А.Гитлера. После 1934 отошёл от политики.

[68] Отто Вагенер (1888 — 1971) — политический деятель Третьего Рейха, краткое время — начальник штаба СА, затем какое-то время — экономический советник и доверенное лицо Адольфа Гитлера. В годы 2-й мировой войны — генерал-майор вермахта. Итальянским судом был приговорен к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[69] Высший коллективный орган руководством НСДАП.

заставил меня играть для него на пианино.

Затем наши отношения снова охладились, и когда я стал министром экономики фюрер, держал меня более и более на дистанции – имелись ли у него особые причины для этого, как свидетельствовал здесь Ламмерс[70], я не знаю. В течение моей должности в качестве министра, фюрер вызывал меня для консультаций вероятно четыре раза – пять самое большее. Но он на самом деле не нуждался во мне, потому что его экономические директивы давали рейхсмаршалу, ответственному главе экономических дел и позже, с 1942, Шпееру, поскольку вооружение преобладало во всей экономике и, как я сказал, у меня были тесные связи с ним только в 1933 и в первой половине 1934 до смерти рейхспрезидента фон Гинденбурга.

Заутер: Доктор Функ, у вас еще много впереди. Мы хотим сейчас вернуться в 1931 и 1932, время, когда вы вступили в партию. Когда это было?

Функ: Летом 1931.

Заутер: Летом 1931. Вы уже рассказали суду, что по указанным причинам вы не возражали фюрер-принципу.

Функ: Нет, напротив, фюрер-принцип был абсолютной необходимостью.

Заутер: Напротив, вы считали фюрер-принцип необходимым для чрезвычайного периода, который тогда существовал. Итак, меня интересует знать: другие точки зрения, конечно, также были представлены в партийной программе, которые в дальнейшем работали неблагоприятно, и в ходе данного процесса широко использовались против подсудимых. Я укажу на один пример, например, лозунг жизненного пространства; в течение этого процесса вы слышали его снова и снова. Подсудимый, доктор Шахт, также рассматривал эту проблему. Вероятно, вы можете кратко привести свою позицию об этой проблеме и по данному вопросу?

Функ: Проблема выживания это не лозунг и проблема выживания тогда действительно была проблемой немецкого народа. Под проблемой выживания…

Заутер: Вы имеете в виду жизненное пространство?

Функ: … или жизненного пространства – я, тогда не подразумевал покорение зарубежных государств; мысль о войне была такой же чуждой для меня, как и вероятно для большинства остальных немцев. Под жизненным пространством я понимал открытие мира для жизненных интересов Германии, то есть, участие немецкого народа в полезном использовании мировых товаров в которых был сверхизбыток.

Следовало ли это сделать с помощью колоний или концессий или международных торговых соглашений, я себя не затруднял выяснять это.

---

[70] Ганс Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), рейхсминистр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года). Осужден по приговору американского военного трибунала в 1949. Досрочно освобождён в 1951.

Экспансия Германии в мировую экономику перед Первой мировой войной была решающим фактором, который заставил меня стать экономическим журналистом. Участие Германии в румынской нефтяной промышленности, концессия Багдадской железной дороги, рост немецкого влияния в Южной Америке, в Китае, в целом на Дальнем Востоке – всё это меня сильно вдохновляло. Тогда я уже познакомился с такими людьми как Франц Гюнтер из «Discount Bank[71]», Артур фон Гвиннер[72] из «Deutsche Bank[73]», Карл Гельфрейх, крупный гамбургский импортер Витхофт, и многими другими немецкими экономическими первопроходцами, и приступил к своей профессии с полным энтузиазмом молодого журналиста.

Таким образом, жизненное пространство заключалось для меня тогда в осуществлении этих экономических требований, то есть, немецкое участие в мировых товарах и отмена ограничений, которые сжимали нас со всех сторон. Было полной чушью, что Германия со своей стороны должна была платить репарации и долги, в то время как нации кредиторы со своей стороны отказывались принимать платежи в единственно возможном виде, то есть, платежи товарами и продукцией.

Этот период отмечен в мире началом огромной волны протекционистских пошлин. Я вспоминаю американскую экономическую политику того времени, я вспоминаю Оттавские соглашения[74], и эта ошибочная экономическая политика привела к всемирному экономическому кризису в 1929 и 1930 также тяжко ударившему по Германии.

Заутер: Доктор Функ, вы закончили? [*Подсудимый утвердительно кивает*]

Доктор Функ, обвинение в своём судебном обзоре утверждало, что вы приняли участие в формулировании нацисткой программы. Что вы можете об этом сказать?

Функ: Я не знаю, что обвинение понимает под нацисткой программой.

Заутер: Я думаю – партийную программу.

Функ: Это совершенно невозможно. Партийная программа, насколько я знаю, была сформулирована в 1921. В то время я ничего не знал о национал–социализме или Адольфе Гитлере.

Заутер: Свидетель, обвинение далее обвинило вас в разработке так называемой программы восстановления, программы экономического восстановления в 1932, программы реабилитации немецкой экономической жизни. Верно, что вы создали

---

[71] «Discount Bank» (Disconto-Gesellschaft) «Учетное общество» - крупный немецкий банк, основанный в 1851. В 1929 был объединен с «Немецким банком».

[72] Артур фон Гвиннер (1856 – 1931) - немецкий банкир и политик, с 1919 по 1931 был членом правления «Немецкого банка»

[73] «Deutsche Bank» (Немецкий банк) – немецкий финансовый конгломерат, основан в 1870. К 1933 году крупнейший немецкий банк.

[74] Оттавские соглашения – соглашения принятые на экономической конференции Британской империи проходившей в Оттаве с 21 июля 1932 по 20 августа 1932 устанавливающие ограниченные тарифы на товары происходившие из Британской империи и доминионов и вводящие заградительные пошлины для товаров из иных стран.

эту программу экономического восстановления?

Функ: В 1932 я скомпилировал для речи Грегора Штрассера некоторые пункты экономической программы, которые сам Штрассер отметил как исходившие от меня. Он направил их в различные партийные организации в качестве инструкции и вопроса пропаганды.

Программа экономического восстановления, которая по словам обвинения стала экономической библией для партийных функционеров, она, мне кажется, никакая не революционная или даже сенсационная и она могла, как мне кажется, быть принята и воспринята любым демократическим правительством. Я думаю на это указано в книге из которой обвинение взяло различные куски информации.

Заутер: Свидетель, вероятно это напечатано в книге доктора Пауля Ойстраха[75], которую непрерывно цитировали. Эта книга содержит вашу биографию под названием «Вальтер Функ, жизнь для экономики» и использовалась обвинением как документ PS-3505, экземпляр USA–653.

Доктор Функ, передо мной есть текст программы.

Функ: Пожалуйста, прочитайте её.

Заутер: Вся программа занимает половину страницы и в основном ничего в действительности не излагается, что можно рассматривать как характерно национал–социалистические направления мысли.

Функ: Что же, тогда я еще не был национал–социалистом или, по крайней мере, был достаточно молодым членом партии.

Заутер: Эта программа экономического восстановления должна быть на самом деле зачитана для того, чтобы самому убедиться в том насколько мало она содержит характерно национал–социалистических требований. Это программа, про которую Функ говорит, что она могла быть принята почти любым либеральным или демократическим правительством или иной буржуазной партией. Программа называлась «Прямое создание занятости путём новых государственных и частных вложений». Это первое требование. Затем продуктивное предоставление кредита Рейхсбанком без инфляции, скорейшее воссоздание твёрдой валюты и твёрдой финансовой и кредитной экономики для развития производства.

Общее снижение процентных ставок с вниманием к отдельным условиям экономики. Создание ведомства внешней торговли и центрального валютного ведомства. Реорганизация экономических отношений с зарубежными государствами, предоставление преференций жизненно необходимому для внутреннего рынка при особом внимании к экспортной торговле абсолютно необходимой для Германии. Возрождение здоровых публичных финансов, включая общественное страхование. Отмена несостоятельных методов для сбалансированности бюджета. Государственная поддержка сельского хозяйства.

[75] Пауль Ойстрах (1876 – 1939) – немецкий журналист и политик, основатель и сотрудник ряда газет в Германии и Чили.

Реорганизация системы имущественной и земельной собственности согласно принципов производительности и здоровья нации. Расширение баз немецкого сырья, создание новых национальных производств и отраслей, организация фабрик на основе технических нововведений. Всё это включалось в так называемую программу экономического восстановления.

Функ: Эта программа была, как сказало обвинение, официальной партийной догмой по экономическим вопросам. Я был бы рад, если бы партия признавала эти принципы. В последние годы у меня были огромные сложности со всеми этими партийными учреждениями в связи с моим основным отношением к экономической политике. Меня всегда считали, даже в партийных кругах, либералом и чужаком…

Заутер: Либералом?

Функ: Да. Я боролся со всеми коллективистскими тенденциями и, по этой причине, я постоянно вступал в конфликт с Трудовым фронтом[76]. Меня поддерживал, особенно в моих взглядах на частную собственность рейхсмаршал Геринг. Даже в течение войны, он частично денационализировал концерн «Герман Геринг»[77]. Я был противником национализации экономики, потому что национализированная экономика всегда даёт только средние результаты. Национализированная экономика означает стерильную экономику. Экономику, которая без стремления к конкуренции и индивидуальному соперничеству будет оставаться вялой, и добиваться средних результатов. Фюрер ранее, всегда с энтузиазмом соглашался с этими моими принципами. И для меня было огромным разочарованием, когда, наконец, в последние годы, фюрер так остро выступил против буржуазного мира, что практически означало, что рухнуло дело всей моей жизни.

Председатель: Доктор Заутер, трибунал думает, что он может перейти к чему–нибудь более важному, чем его взгляды на государственную экономику и частное предпринимательство.

Заутер: Да, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Доктор Функ, вы точно знаете, что бралась в расчет большая проблема безработицы в то время, когда Гитлер захватил власть. Какие планы у вас были по ликвидации безработицы, поскольку вы знали, что именно это обещание…

Председатель: Доктор Заутер, мы слышали почти от всех подсудимых об условиях в Германии в то время. И здесь нет никаких обвинений против подсудимых из–за немецкой экономики между 1933 и 1939.

Заутер: Господин председатель, я хотел спросить подсудимого доктора Функа лишь о том, как он думал устранить безработицу, из показаний других подсудимых, я понял, что они планировали устранить её иными средствами, такими как

---

[76] Германский трудовой фронт - в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей. Существовал с 1933 по 1945 гг.

[77] Государственный концерн «Герман Геринг» - производственное объединение предприятий немецкой промышленности, конфискованных у евреев и охватывающее отдельные отрасли производства.

перевооружение, и так далее. Насколько я знаю, это не так в его случае, и я думаю, что в суждении о подсудимом Функе, вопрос о том, как он предлагал справиться ликвидацией безработицы, в результате перевооружения или какими-то другими средствами, имеет кое-какое значение. Господин председатель, я не думаю, что это займет много времени. Подсудимый Функ, я уверен будет очень краток.

Вероятно, он может…

Председатель: Я думаю, он может ответить на это одной фразой.

Заутер: Господин Функ, будьте как можно более кратким.

Функ: Если мне нужно ответить только одной фразой, я лишь могу сказать, что тогда я представлял ликвидацию безработицы с помощью очень чёткого плана, но в любом случае без перевооружения, без вооружения…

Заутер: Вместо них?

Функ: Методами, которые мне бы нужно было объяснить. Но в любом случае, вопрос вооружения никогда не приходил…

Заутер: Но – вы, вероятно, можете рассказать нам в нескольких словах?

Функ: Прежде всего, возможности для работы так сказать предоставлялись повсюду. Императивом было создать масштабную дорожно-строительную программу в Германии это было нужно для оживления двигателя промышленности, в особенности автомобильной промышленности, которую, конечно, нужно было подобающим образом защитить. Требовалась обширная программа строительства жилья; требовались сотни тысяч домов…

Заутер: Короче…

Функ: Сельскому хозяйству не хватало механизации и моторизации.

Однако, я должен привести здесь, только две цифры, две пропорции, которые проливают свет на всю ситуацию. До войны две трети общего производства Германии шли на частное потребление и только одна треть на общественные нужды. Следовательно, до этого момента, промышленность вооружений не играла решающей роли.

Заутер: Доктор Функ, теперь мы переходим к другой главе.

Вы вспомните, что обвинение утверждало в своём судебном обзоре, что доказательства в отношении вас в основном косвенные. Поэтому, я полагаю, что оно руководствовалось вашими должностями нежели вашими действиями. По этой причине мне интересно знать, какие партийные должности вы занимали в течение следующего периода.

Функ: Лишь однажды, в 1932 году…

Заутер: То есть в партии – не должности в правительстве.

Функ: Я понимаю. Только в 1932, и тогда только несколько месяцев, я получал партийные поручения, потому что Грегор Штрассер хотел создать для меня собственную должность, по частной экономике. Однако, эта должность была сокращена, спустя несколько месяцев после его ухода из партии и со своих

должностей. Затем в декабре 1932 меня проинструктировали принять ответственность за комитет по экономической политике.
Заутер: В декабре 1932?
Функ: Да. И в феврале 1933, то есть, спустя два месяца, я снова сдал эту должность. Оба назначения были неважными и за короткое время, что они существовали, никогда не действовали. Все господа на скамье бывшие тогда на ведущих должностях в партии могут это подтвердить. Я никогда не имел никакой другой партийной должности, таким образом после 1933 я не получал никаких дальнейших ни партийную должность.
Заутер: Значит, это так называемое управление частной экономики, если я вас правильно понимаю, существовало всего несколько месяцев в 1932 году, но фактически не действовало. И в декабре 1932, вас сделали главой другого ведомства, как он назывался комитета по экономической политике, как он назывался. Затем месяцем спустя, в январе 1933…
Функ: Феврале 1933,
Заутер: Феврале 1933, вскоре после захвата власти, вы отдали эту так называемую должность. Верно?
Функ: Да.
Заутер: Теперь о вашей связи с партией. Вы были членом, какой-либо партийной организации – СА, СС или какой–либо иной части партии?
Функ: Я никогда не принадлежал ни к какой партийной организации, ни к СА ни к СС, ни к какой–либо иной организации, и как я уже сказал, я не принадлежал к руководящему составу.
Заутер: Вы не принадлежали к руководящему составу?
Функ: Нет.
Заутер: Доктор Функ, вам известно, что партийные функционеры, то есть, ветераны партии, и так далее, ежегодно встречались в ноябре в Мюнхене. Вы сами видели фильм, показывающий эту встречу на годовщине.

Вас приглашали на эти собрания 8 и 9 ноября?
Функ: Я не знаю, получал ли я приглашения; это возможно. Но я никогда не был на таких собраниях, эти встречи особо предназначались для старых членов партии и ветеранов партии, в память о марше на Фельдхернхалле[78]. Я никогда не участвовал в этих собраниях, так как я избегал присутствия на крупных собраниях. В течение всего этого времени я только однажды присутствовал на партийном съезде, просто посетив одно или два мероприятия. Массовые собрания всегда создавали для меня психологический дискомфорт.
Заутер: Свидетель, вы получили золотой партийный значок после того как стали министром экономики?

---

[78] Фельдхернхалле (Feldherrnhalle) -- «Зал баварских полководцев» - лоджия в южной части площади Одеонсплац в мюнхенском районе Максфорштадт.

Функ: Нет; я получил его, когда я всё еще был начальником управления прессы в правительстве Рейха.
Заутер: Вы не получили его как министр?
Функ: Нет.
Заутер: Как долго вы были национал–социалистическим депутатом Рейхстага?
Функ: Всего несколько месяцев.
Заутер: С какого по какой?
Функ: С июля 1932 по февраль 1933. Я не получал другое место, потому что председатель партии, председатель парламентской группы, доктор Фрик, проинформировал меня о том, что по указанию фюрера, только старые члены партии получат мандаты и вскоре я получил государственную должность.
Заутер: Свидетель, в отношении законов, которые имеют особое значение для данного процесса, такие как указ о чрезвычайных полномочиях, который практически ликвидировал Рейхстаг; закон запрещающий политические партии или закон о единстве партии и государства – в отношении всех этих законов, которые были подготовкой для последующего развития, вы всё еще были членом Рейхстага в то время или уже перестали быть?
Функ: Я уже не был депутатом Рейхстага. Но даже так, я считал эти законы необходимыми.
Заутер: Это другой вопрос. Но вы больше не были депутатом Рейхстага.
Функ: Нет, я также не был и членом кабинета.
Заутер: Доктор Функ, мы постоянно видели и слышали письменные показания американского генерального консула, Мессерсмита[79], датированные 28 августа 1945, документ номер PS-1760. Он говорит в отрывке который вас касается:

> «Он, являясь редактором одного из ведущих финансовых журналов в Берлине до прихода нацистов, имел очень мало открытой нацистской симпатии, когда они пришли».
>
> Он продолжает говорить:
>
> «…позднее он стал ярым нацистом и одним из их наиболее эффективных инструментов в силу его несомненных качеств в разнообразных сферах».

Вот то, что американский генеральный консул, Мессерсмит говорит о вас. Я хочу напомнить вам ещё один отрывок из книги доктора Ойстраха, которая уже упоминалась и которая называется «Вальтер Функ, жизнь для экономики». То есть PS-3505, который уже использовали и предъявили на этих слушаниях.

В этой книге автор говорит, что назначения, даваемые вам партией, даже если они охватывали период в несколько месяцев, можно считать особо важными.

Что вы можете нам сказать об этих двух цитатах?

---

[79] Джордж Мессерсмит (1883 – 1960) – американский дипломат, с 1930 по 1934 генеральный консул США в Берлине. Посол США в Австрии с 1934 по 1937.

Функ: Я уже заявлял о том, что я объявил себя партийцем и принял свою партийную работу с энтузиазмом. Я никогда не принадлежал к пропагандистской организации, как утверждает господин Мессерсмит. Я вообще не могу вспомнить, чтобы я даже когда–нибудь знал господина Мессерсмита и не помню, чтобы я обсуждал с ним Австрию, о чём он также утверждает.

Заутер: Ни аншлюс Австрии к Германии?

Функ: Я не помню этого, хотя конечно я считал союз Германии и Австрии необходимым, но я не вспоминаю такой дискуссии с господином Мессерсмитом.

Что касается книги доктора Пауля Ойстраха, я сожалею, что обвинение использовало эту книгу в качестве источника информации. Возникли ошибки, которых можно было бы избежать и которые я не опровергну здесь и сейчас. Ойстрах был человеком, который был совершенно вне партии.

Заутер: Кем он был?

Функ: Он владел немецкой газетой в Чили, и несколько лет был политическим редактором «Berliner Borsenzeitung»

Заутер: Политическим редактором?

Функ: Прежде всего, он естественно хотел обеспечить рынок для своей книги и по этой причине он преувеличивал важность моего положения в партии. Он мог думать, что таким образом делал для меня пользу. В любом случае, то как в ней описаны вещи, о них не сказано правильно.

Заутер: Свидетель, в документе номер PS-3563 представленном обвинением, есть заявление о том, что вас, доктора Функа, описывали в нескольких публикациях как советника Гитлера по экономической политике и в другом отрывке о вас говорили как об экономическом уполномоченном Гитлера. Это была партийная должность, или что именно означал такой термин? На какие функции это предположительно указывает?

Функ: Это не была ни партийная должность, ни партийный титул. Пресса часто так меня называла из-за моей деятельности от имени партии в 1932, и это очевидно переняли газетные авторы. Но это не была ни должность, ни титул. На самом деле бессмысленно считать мои занятия того времени такими важными, если бы они действительно имели значение, я должен был сохранить эти должности, когда партия пришла к власти.

Рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства также был рейхсляйтером; государственный секретарь Рейнгардт[80] из министерства финансов, был главой отдела финансовой политики в рейхсляйтунге, и т. д. Но никогда не было «рейхсляйтера по экономике». Когда партия пришла к власти, я покинул Рейхстаг и все партийные организации.

---

[80] Фриц Рейнгардт (1895 – 1969) государственный деятель Германии, в 1934–1937 году — государственный секретарь министерства финансов, экономист, публицист, организатор учебных заведений. Гауляйтер Верхней Баварии (1928), обергруппенфюрер СА (1937)

Заутер: Доктор Функ, партийный экономический совет Рейха – я повторю термин: партийный экономический совет Рейха – упоминался здесь однажды или дважды в ходе этого процесса. Что вам известно о вашем участии в этой партийной организации и об обязанностях и области этой партийной организации?

Функ: Мне пришлось долго подумать, прежде чем я вообще смог вспомнить эту группу, так как в особенности ни Гесс, ни Розенберг, ни Франк ничего такого не помнили. Но я смутно помню, что Готтфрид Федер имел круг людей, которых он вызывал для консультаций и которому дал довольно помпезное название «партийный экономический совет Рейха». После захвата власти эта группа перестала существовать. Я никогда не присутствовал ни на каких заседаниях, и был очень сильно удивлен узнав из обвинительного заключения, что я предположительно был заместителем председателя этой группы. Данная группа вообще не имела никакого значения.

Заутер: Вы назвали Готтфрида Федера.

Функ: Он был ответственным за экономическую программу и догматы партии с её создания до прихода к власти.

Заутер: Значит, он был экономическим теоретиком партии с её основания до прихода к власти?

Функ: Да. Доктор Вагнер и Кепплер[81] позднее его затмили. Кепплеру публично был дан титул экономического советника фюрера.

Заутер: Доктор Функ, если я вас правильно понимаю, лица, которых вы прямо сейчас назвали это те, кого вы считаете экономическими советниками Гитлера?

Функ: Нет, это неправильно.

Заутер: И?

Функ: Гитлер не позволял советовать ему, особенно по экономическим вопросам. Эти были просто люди, которые разбирались с проблемами экономической политики в партийном руководстве, как до меня, так и после.

Заутер: Также с точки зрения публичного продвижения, как Готтфрид Федер?

Функ: Он много писал; например, он подробно занимался проблемой снижения процентной ставки.

Заутер: Доктор Функ, такими были ваши реальные или предполагаемые должности. Теперь я перехожу к вашим государственным должностям. После захвата власти – то есть, в конце января 1933 – вы стали начальником управления прессы в правительстве Рейха. В марте 1933 – вы, когда было создано министерство пропаганды, государственное министерство, вы стали государственным секретарем в этом министерстве пропаганды при министре Геббельсе. Как это случилось?

Функ: Могу я кратко подытожить эти вопросы?

---

[81] Вильгельм Кепплер (1882—1960) — германский государственный деятель, промышленник, обергруппенфюрер СС. В период Второй мировой войны работал в рейхсминистерстве иностранных дел, государственный секретарь для особых поручений МИДа (1938—1945). Руководил предприятиями и фондами в подчинении СС. После поражения нацистской Германии американским трибуналом был приговорен к 10 годам заключения. Освобожден в 1951 году.

Заутер: Минуточку…
Функ: Это было бы гораздо быстрее, чем задавать вопросы по-отдельности.
Заутер: Тогда я бы попросил вас одновременно рассмотреть вопрос, почему вы вошли в министерство пропаганды и были назначены начальником управления прессы в правительстве Рейха, хотя вы обычно занимались экономическими вопросами.
Функ: Рейхсмаршал уже заявлял в своих показаниях; во-первых, что он никогда не знал, что я вообще работал в партии до 1933, и во–вторых, что, как он сам правильно думал, моё назначение начальником управления прессы правительства Рейха стало совершенно удивительным. 29 января 1933 фюрер сказал мне о том, что у него нет никого среди старых членов партии, кто близко знаком с прессой и, что поэтому он, хотел попросить меня занять должность начальника управления прессы, так как в особенности это назначение включало регулярные доклады рейхспрезиденту, которому я очень нравился. Я часто был гостем в его доме и был в дружеских отношениях с его семьей.
Заутер: То есть, Гинденбургу?
Функ: Да, Гинденбургу.

В этом заключались причины, которые побудили Гитлера сделать меня начальником управления прессы правительства Рейха. Начальник управления прессы правительства Рейха был также министериальдиректором в рейхсканцелярии, и мне не нравилась идея внезапно становиться гражданским служащим, так как у меня никогда не было амбиций в таком направлении. Но я принял это назначение под влиянием общего энтузиазма того периода и преданности призывам фюрера.

Я представлял ему регулярные доклады прессы в присутствии Ламмерса. Такие совещания шли только полтора года до смерти рейхспрезидента, после чего они прекратились. Фюрер давал указания для прессы через начальника партийного управления прессы Рейха доктора Дитриха[82], который позднее также стал государственным секретарём в министерстве пропаганды.

Когда создали министерство пропаганды, фюрер попросил меня организовать это министерство, для того, чтобы Геббельс не занимался проблемами администрации, организации и финансами. Затем управление прессы правительства Рейха, за которое я был ответственным до сих пор, было присоединено к министерству пропаганды под непосредственное руководство Геббельса. Оно также имело своего начальника.

С этого времени – то есть, спустя всего 6 недель деятельности в качестве начальника управления прессы правительства Рейха – моя деятельность

---

[82] Отто Дитрих (1897 – 1952) государственный и партийный деятель партийный и государственный деятель нацистской Германии, рейхсляйтер , пресс-секретарь НСДАП , шеф прессы НСДАП , пресс-секретарь правительства Рейха, государственный секретарь министерства народного просвещения и пропаганды Рейха. Американским трибуналом был осужден к 7 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

относительно информации и инструктирования прессы подошла к концу. Затем это делал сам Геббельс, который в целом провёл четкую черту между политическими и административными задачами министерства. Он привёл с собой своих старых сотрудников из пропагандистского руководства партии, чтобы следить за пропагандой.

Мои услуги не потребовались для политической пропаганды. Геббельс заботился об этом с помощью партийного органа, членом которого я не был. Я имел, например, в качестве председателя наблюдательного совета, ответственность за финансы немецкой вещательной корпорации – вопрос сотни миллионов, но я никогда не передавал пропагандистские речи. Я не выступал ни на каких крупных государственных или партийных съездах. Естественно, я полностью учитывал важность пропаганды для руководства государства и восхищался действительно одаренной манере, в которой Геббельс проводил свою пропаганду; но я сам не играл роли в активной пропаганде.

Заутер: Тогда, если я вас правильно понимаю, ваши функции в министерстве пропаганды, которое было конечно, государственным министерством, были чисто административного и организационного характера, и вы оставили саму пропаганду министру, доктору Геббельсу и людям, приведённым им в министерство из партийного пропагандистского органа. Это верно?

Функ: Да. Геббельс естественно требовал исключительного права распоряжаться всем пропагандистским материалом и остальные значительные ограничения налагались на моё положение в качестве государственного секретаря по пропаганде тем фактом, что многие задания, остававшиеся в других министерствах за государственным секретарём, были в данном случае переданы эксперту Геббельса Ханке[83], который позднее стал государственным секретарём и гауляйтером.

Заутер: Ханке?

Функ: Да. Мне не кажется, что в течение всего периода моей деятельности в министерстве пропаганды я подписал хотя бы три распоряжения в качестве заместителя Геббельса. Одна из этих подписей выхвачена обвинением. Эта подпись стоит на приказе об исполнении директивы и устанавливает дату, когда она вступает в силу.

Заутер: В чём заключалась эта директива?

Функ: Распоряжение о применении закона о Палате культуры Рейха[84]. Рейхскабинет принял законодательство в связи с Палатой культуры Рейха. Я не был членом рейхскабинета, но как государственный секретарь министерства пропаганды я,

---

[83] Карл Ханке (1903 – 1945) - государственный и партийный деятель Германии, обергруппенфюрер СС (30 января 1944), последний рейхсфюрер СС (1945). Пропал без вести.

[84] Палата культуры Рейха - созданная по инициативе министерства народного просвещения и пропаганды профессиональная организация творческих работников Третьего рейха. Использовалась в качестве инструмента государственного контроля всех работников сферы искусства, так как творческой деятельностью могли заниматься только лица, состоящие в соответствующей палате Палаты культуры Рейха.

конечно, был формально ответственным и естественно способствовал пропаганде, как делал каждый, кто занимал ведущее положение в официальной или интеллектуальной жизни Германии. Вся культурная жизнь нации была пронизана этой пропагандой в размере соответствующем подавляющему, фундаментальному значению, которое правильно придавили пропаганде в национал–социалистическом государстве.

Заутер: Доктор Функ, обвинение считает вас ответственным за законы принятые в рамках вашей должности в качестве начальника управления прессы правительства Рейха. Я сошлюсь, например, на законы, представленные под номерами документов PS-2962 и PS-2963. Это хорошо известные вам законы которые касаются отмены гражданских прав в Германии и отмены парламентской формы правительства. Я прошу вас объяснить, какое отношение вы имели к этим законам? Вы как начальник управления прессы правительства Рейха имели какое–либо влияние на содержание и принятие этих законов?

Функ: Нет. На этот вопрос уже отрицательно ответили как рейхсмаршал так и доктор Ламмерс. Всё, что мне нужно было делать состояло в передаче содержания этих законов прессе, в соответствии с указаниями, данными мне фюрером.

Заутер: Таким образом, вы, конечно, присутствовали на заседаниях рейхскабинета…

Функ: Да.

Заутер: И вы делали заметки об обсуждениях и резолюциях рейхскабинета…

Функ: Да.

Заутер: В этом заключалась причина вашего присутствия там, но ваша единственная обязанность – и пожалуйста, скажите мне, правильно ли я говорю – заключалась в информировании прессы о принятых решениях после заседаний кабинета? Это верно?

Функ: Да, это верно.

Заутер: Значит, вы не имели никакого влияния на подготовку или содержание законов, ни на голосование? Правильно?

Функ: Да, это правильно. Я не имел ни места, ни голоса в кабинете.

Заутер: Вы были ответственны за газетную политику правительства Рейха – и я подчеркиваю: правительства Рейха, а не партии?

Функ: Я уже сказал о том, что я получал свои указания для прессы от фюрера это длилось 6 недель. Затем доктор Геббельс возглавил газетную политику.

Заутер: Вы уже говорили о том, что доклады о прессе рейхспрезиденту фон Гинденбургу завершились с его смертью в августе 1934?

Функ: Да.

Заутер: И также, с той же даты, вы докладывали о прессе Гитлеру, который был рейхсканцлером, не так ли?

Функ: Да, это верно. Рейхспрезидент Гинденбург тем временем умер.

Заутер: И потом начальник управления прессы Рейха, то есть партийный чиновник, доктор Дитрих, стремился все больше и больше занять ваше место?

Функ: Да, доктор Дитрих был одним из ближайших соратников фюрера и через него фюрер давал указания прессе.

Заутер: Доктор Функ, книга доктора Ойстраха, PS-3505, экземпляр USA–653, который вы уже рассматривали, содержит следующую цитату о вашей газетной политике, и я цитирую:

> «Многие журналисты, работавшие в Берлине и провинциях благодарны Функу за тот способ которым он проводил их желания и жалобы, особенно в течение переходного периода.
>
> Функ ответственен за наиболее широко цитируемые слова о том, что пресса не должна быть «шарманкой», которыми он выступал против единообразия» - используется немецкое слово, одностороннее моделирование и уравнение – «прессы и требовал для неё индивидуальности. Но он также защищал прессу от усилий различных ведомств «заткнуть рот…».
>
> Это верно?

Функ: Да. Я, наверное, писал об этом и в этом заключалось моё мнение. Насколько это было в моей власти, я пытался защищать прессу от стандартизации и произвольного обращения, особенно от рук правительственных ведомств.

Заутер: Мне кажется, вы уже сказали, что вы не принимали участия в политическом руководстве министерством пропаганды – я подчеркиваю, политическом руководстве министерством пропаганды – или в самой пропагандистской работе. Это верно?

Функ: Да, это верно.

Заутер: Господин председатель, я перехожу к новому комплексу. Ваша честь, вы сейчас желаете объявить перерыв?

Председатель: Я думаю, мы продолжим. Мы прервемся в 12 часов.

Заутер: Свидетель, теперь я перехожу к вашему отношению к вопросу антисемитизма. Я так делаю, потому что вас считают более или менее ответственным, вместе с остальными, за эксцессы совершённые против евреев. Вы расскажите нам о принципах, на которых основано ваше отношение?

Функ: Я никогда не был антисемитом на основе расовых принципов. Сначала я думал, что антисемитские требования партийной программы были вопросом пропаганды. Тогда евреи во многих отношениях занимали доминирующее положение в совершенно различных и важных сферах немецкой жизни, и я сам знал много очень мудрых евреев, которые не думали, что это было в интересах евреев, что они должны доминировать в культурной жизни, юридических профессиях, науке и торговле в той степени, которая тогда была…

Тогда народ демонстрировал тенденцию к антисемитизму.

Евреи имели особо сильное влияние на культурную жизнь и их влияние казалось мне в особенности угрожающем в этой сфере, потому что тенденции, которые как я чувствовал, были точно ненемецкими и лишёнными художественного вкуса появлялись как результат еврейского влияния, особенно в области живописи и музыки. Был создан закон о Палате культуры Рейха, радикально исключавший евреев из немецкой культурной жизни, но с возможностью исключений. Я применял эти исключения повсюду, где было возможно. Закон, как я сказал, был принят рейхскабинетом, который несёт за него ответственность. Это было во время, когда я не был членом кабинета. В течение периода своей деятельности в министерстве пропаганды, я делал, что мог для помощи евреям и иным посторонним в культурной жизни.

Любой знающий о моей деятельности в тот период может и должен свидетельствовать об этом.

Заутер: Я представил два письменных показания в моей документальной книге, документы номер Функ–1 и 2. Первые были даны редактором «Frankfurter Zeitung[85]», Альбертом Озером[86]; и вторые, адвокатом, доктором Розеном. Я прошу вас принять судебное уведомление по обоим документам. Первые письменные показания подтверждают, что подсудимый Функ имел большие проблемы защищая интересы вышеуказанного Альберта Озера, редактора «Frankfurter Zeitung» и редакции данной газеты, хотя делая так, он ставил под угрозу своё положение. В особенности, он настаивал на сохранении в членах редакции тех, кто не был арийского происхождения, кто соответственно, согласно намерениям партии, не должен был работать.

Функ: Это не соответствовало намерениям партии, но согласно закону о Палате культуры, чтобы они больше не должны были работать.

Заутер: Также согласно закону, принятому о Палате культуры.

Затем документ номер 2 из документальной книги, письменные показания подготовленные доктором Розеном, который подтверждает, что подсудимый Функ также вмешивался, например, от имени семьи композитора, доктора Рихарда Штрауса[87], и его неарийской внучки и делая так подвергал себя некоторой личной опасности. Эти лишь несколько примеров, но вероятно подсудимый сможет рассказать вам об остальных случаях, в которых он отстаивал интересы людей.

Председатель: Какие номера экземпляров вы присвоили?

Заутер: Номера Функ–1 и 2 в документальной книге. Я приобщаю оригиналы.

---

[85] Франкфуртская газета («Frankfurter Zeitung») – немецкая газета издававшаяся с 1856 по 1943 во Франкфурте. В период с 1933 по 1934 сохраняла относительную редакционную независимость от государства. После 1938 полностью перешла под контроль государства.

[86] Альберт Озер (1878 – 1959) – немецкий журналист по экономическим вопросам, до 1938 являлся главным редактором газеты «Frankfurter Zeitung»

[87] Рихард Штраус (1864 – 1949) - немецкий композитор эпохи позднего романтизма, яркий представитель немецкого экспрессионизма, особенно прославился благодаря своим симфоническим поэмам и операм. Был также выдающимся дирижёром.

Председатель: 1 и 2?
Заутер: 1 и 2.

[*Обращаясь к подсудимому*] Доктор Функ, я только что сказал, что вы сможете – достаточно кратко – привести нам еще несколько примеров случаев, в которых вы использовали ваше официальное положение для защиты интеллигенции и художников, чьи взгляды приводили их к трудностям.

Функ: Рихард Штраус это особый случай. Этот наиболее замечательный живущий композитор оказался в больших неприятностях из-за либретто написанного евреем, Стефаном Цвейгом[88].

Я добился приёма Рихарда Штрауса фюрером и вопрос был разрешен.

Доктор Вильгельм Фуртвенглер[89] оказался в похожих неприятностях, потому что он написал статью, восхвалявшую композитора Хиндемита[90] и композиторы с еврейскими жёнами, такие как Легар[91], Кюннеке[92] и остальные кто всегда оказывался в неприятностях из–за своих усилий избежать запрета на исполнение своих произведений. Я всегда добивался получения разрешения для композиторов, чтобы их произведения исполняли.

Председатель: Подсудимый может говорить, что он помогал сотням евреев, но это в действительности не отменяет факт, что он мог действовать враждебно подписывая распоряжения против еврейской расы – сам помогая нескольким еврейским друзьям. Все равно, я не думаю, что есть необходимость вдаваться в подробности.

Заутер: Господин председатель, мы считаем, что для того, чтобы судить о характере и личности подсудимого, может быть важно знать, подписывал ли он распоряжения, которые были каким–либо образом антисемитскими, потому что как чиновник он считал себя связанным присягой исполнять законы страны, или же он подписывал их, потому что сам был антисемитом, который желал преследовать еврейских граждан и лишать их прав, и только по этой причине…

Председатель: Доктор Заутер, трибунал думает, что вы достаточно ясно обозначили, что он помогал еврейским друзьям, но это не тот вопрос, о котором нужно вдаваться в подробности.

Заутер: Господин председатель, сейчас, в любом случае, я перехожу к другому. Я хочу спросить подсудимого о том, как его деятельность в министерстве пропаганды развивалась в последующие годы.

---

[88] Стефан Цвейг (1881 – 1942) - австрийский писатель, драматург и журналист. Автор множества романов, пьес и беллетризованных биографий.

[89] Вильгельм Фуртвенглер (1886 – 1954) - немецкий дирижёр и композитор.

[90] Пауль Хиндемит (1895 – 1963) - немецкий композитор, альтист, скрипач, дирижёр, педагог и музыкальный теоретик.

[91] Франц Легар (1870 – 1948) - венгерский и австрийский композитор, дирижёр. Наряду с Иоганном Штраусом и Имре Кальманом — крупнейший композитор венской оперетты, основоположник её «неовенского» этапа в начале XX века.

[92] Эдуард Кюннеке (1885 – 1953) – немецкий композитор, дирижёр, пианист, автор популярных оперетт и опер, музыки к кинофильмам, учёный-гуманитарий.

Функ: В том же самом направлении, что я здесь описывал. Постепенно я стал ответственным за крупный культурно-экономический концерн – кинокомпании, вещательные корпорации, театры. Я был директором и председателем наблюдательного совета филармонического оркестра и совета немецкой экономики, который коллективно занимался экономической деятельностью во всей экономической сфере внутри и за рубежом с активным участием в самой экономике. Такими были основные части моей работы.

Заутер: Свидетель, обвинение приобщило под документальным номером PS-3501 письменные показания бывшего начальника управления прессы Рейха – мне кажется – Макса Аммана[93], о вашей деятельности в министерстве пропаганды. Я сейчас хочу на них сослаться. В этих письменных показаниях, мы находим заявление о том, что доктор Функ – и я цитирую дословно:

> «…был во всех отношениях министром в министерстве пропаганды…» - и далее сказано – и я снова цитирую – «Функ осуществлял полный контроль за всеми средствами выражения в Германии: прессой, радио и музыкой».

Теперь, я попрошу вас прокомментировать это, но вы можете сделать это достаточно коротко, потому что я уже приобщил письменные показания Макса Аммана об обратном, на которые я сошлюсь позже.

Функ: Амман знал министерство только извне и поэтому, у него не имелось точных сведений о его внутренних делах. Моя работа проводилась таким способом как я её описал. Это полный абсурд утверждать, что при таком министре как доктор Геббельс министерство возглавлял кто-то кроме кроме министра.

Доктор Геббельс обладал такими исключительными и всеохватывающими функциями в сфере пропаганды, что он затмевал любого.

Заутер: Господин председатель, я приобщаю письменные показания этого же бывшего рейхсляйтера Аммана, касающиеся этого же предмета, в приложении к документальной книге Функа, под документальным номером Функ–14 – это будет экземпляр номер 3 – и я прошу вас принять судебное уведомление об этих письменных показаниях. Я не думаю, что мне нужно их зачитывать. Я подготовил эти письменные показания в присутствии и при содействии члена обвинения. Существенная часть этих письменных показаний от 17 апреля 1945 о том, что рейхсляйтер Макс Амман также признаёт, что Функ не имел никакого отношения к пропаганде как таковой. То есть, он не вещал и не пособничал никаким пропагандистским речам, но в основном занимался организацией и администрированием в министерстве. Итак, господин председатель, я перехожу к должности подсудимого в качестве рейхсминистра экономики.

[*Обращаясь к подсудимому*] Доктор Функ, вы были государственным

---

[93] Макс Амман (1891–1957) - партийный деятель НСДАП, руководитель печати Рейха, рейхсляйтер, обергруппенфюрер СС. Судом по денацификации был приговорен к 10 годам лишения свободы.

секретарём в министерстве пропаганды до 1937. В конце ноября 1937 вы стали рейхсминистром экономики, после вашего предшественника доктора Шахта, оставившего этот пост. Вы можете рассказать нам с необходимой краткостью – конечно – как состоялась эта замена и почему вас позвали на данный пост?

Функ: Это также и для меня было полной неожиданностью. Во время представления в опере, фюрер, который присутствовал, в антракте отвёл меня в сторону в вестибюле и сказал мне, что разногласия между Шахтом и Герингом уже нельзя сгладить, и что поэтому он был вынужден уволить Шахта с должности министра экономики и попросить меня принять пост министра экономики, так как он очень хорошо знал о моих знаниях и опыте в сфере экономики. Он также попросил меня связаться с рейхсмаршалом Герингом, который бы объяснил всё остальное.

Это был мой единственный разговор с фюрером об этом предмете.

Заутер: И затем вы побеседовали с самим Герингом? Вы расскажите нам об этом?

Функ: Затем я направился к рейхсмаршалу, который сказал мне о том, что он в действительности только лишь намеревался поставить государственного секретаря ответственным за рейхсминистерство экономики, но потом он решил, что обширный механизм четырёхлетнего плана должен быть соединен с механизмом министерства экономики. Однако, министру пришлось бы работать в соответствии с его директивами и в частности уполномоченные в отдельных решающих отраслях экономики сохранились бы и получали бы свои директивы напрямую от делегата четырёхлетнего плана. Для того, чтобы приступить к необходимой реорганизации, рейхсмаршал сам принял руководство рейхсминистерством экономики и в феврале 1938 он передал его мне.

Заутер: Значит, Геринг сам был во всех отношениях главой министерства экономики в период около трёх месяцев.

Функ: Реорганизация проходила под его контролем. Контроль за экономической политикой тогда был его в руках, так же как и позднее.

Основные контролирующие ведомства четырёхлетнего плана сохранялись; например, управление валютного контроля, которое давало указания Рейхсбанку; было управление продовольственного контроля, которое давало указания министерству продовольствия и сельского хозяйства; управление контроля за распределением рабочей силы, которое давало указания министерству труда и также уполномоченные отдельных отраслей экономики: угля, химикатов, и т.д., которые находились под прямым контролем делегата четырёхлетнего плана. Некоторые ведомства таким же образом переданные министерству экономики из четырёхлетнего плана, продолжали функционировать совершенно самостоятельно. Они включали управление экономического развития и исследований Рейха, которое находилось под руководством профессора Штрауха, и управление исследования почв Рейха под руководством государственного секретаря Кепплера, названного

здесь в связи со Словакией и Австрией.

Я попытался восстановить независимость этих управлений. Я до сих пор в неведении, что делали эти управления. В любом случае, они думали, что ответственны скорее перед четырехлетним планом, нежели чем перед министерством экономики.

Заутер: Доктор Функ, в том, что вы сказали важно то, что вы получили титул министра, но в реальности не являлись министром, но могли бы иметь положение государственного секретаря и это так называемое министерство экономики полностью подчинялось директивам четырёхлетнего плана – другими словами вашего со–подсудимого Геринга – и было вынуждено следовать этим директивам.

Я вас правильно понял?

Функ: Последнее положение верно. Рейхсмаршал это здесь ясно выразил и подтвердил. Но первое заявление неверно, потому что, по крайней мере формально, я занимал положение министра, который занимался гигантской административной областью которой рейхсмаршал конечно не уделял внимания. Главной задачей реорганизации было то, что рейхсмаршал сохранял за собой управление и контроль экономической политики в наиболее важных и решающих вопросах и давал мне соответствующие указания, но их исполнение было естественно в руках министра и его организаций. Но это, правда, что положения министра, в обычном понимании термина не существовало. Было так сказать, высшее министерство. Но так происходило со мной всю мою жизнь. Я так сказать достиг порога, но мне никогда не позволяли его пересекать.

Заутер: Это не то, что касается данного суда.

Доктор Функ, обвинение утверждает, что хотя вы не были на самом деле министром с обычной ответственностью и самостоятельностью министра, вы, как доктор Функ, рейхсминистр экономики, всё же осуществляли надзор за такими частями немецкой экономики, которые группировались вокруг военной и промышленности вооружений, то есть, в частности, сырье и переработка, как и горнодобыча, стальная промышленность, электростанции, ремесленники, финансы и кредит, внешняя торговля и иностранная валюта. Я отсылаю вас доктор Функ, к заявлениям на странице 22 немецкого перевода судебного обзора, который я обсуждал с вами несколько дней назад.

Функ: Это формально правильно. Но я уже объяснял, как было на самом деле. Я не имел никакого отношения к промышленности вооружений. Промышленность вооружений была сначала в подчинении высшего командования вооруженных сил, в подчинении начальника управления вооружений, генерала Томаса, который состоял в заговоре Шахта, о чем мы здесь слышали. Министр вооружений Тодт[94], который был назначен в 1940, сразу же забрал у меня всю власть над экономикой и позже я

---

[94] Фриц Тодт (1891 – 1942) государственный и политический деятель Германии, министр вооружения и боеприпасов Рейха, обергруппенфюрер СА.

передал всё гражданское производство министру вооружений Шпееру.
Заутер: Что вы имеете в виду под гражданским производством?
Функ: Уголь, химикаты, товары широкого потребления и другие товары. Основные отрасли производства уже названные здесь, как я говорил ранее, были у делегата четырёхлетнего плана. Таким образом, дошло до того, что министерство экономики постепенно стало новым министерством торговли, которое занималось только распространением товаров широкого потребления.
Заутер: Господин председатель, вероятно, мы можем позволить ему продолжить ещё несколько секунд, потому что я затем перейду ко второму предмету президенту Рейхсбанка.
Председатель: Конечно.
Заутер: Пожалуйста, вы коротко продолжите? Вы остановились. Мне кажется вы хотели сказать больше о рабочей силе, золоте и иностранной валюте – о компетентных властях в этом.
Функ: Управление контроля за иностранной валютой в четырехлетнем плане являлось компетентным органом и Рейхсбанк должен был действовать в соответствии с его директивами – по крайней мере, в моё время.
Заутер: И руководство внешней торговлей?
Функ: Это было в руках министерства иностранных дел. Министр иностранных дел упрямо претендовал на это.
Заутер: А чем занималось министерство экономики?
Функ: Министерство экономики и Рейхсбанк обеспечивали техническое исполнение в данной сфере, то есть, техническое исполнение клиринговых соглашений, балансов, и т. д.
Заутер: Господин председатель, я перехожу к отдельной теме. Сейчас я хочу обсудить его положение как президента Рейхсбанка. Я думаю, может быть подошел момент для отложения.
Председатель: Суд отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 6 мая*]

День сто двадцать второй

Понедельник, 6 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый вернулся на место свидетеля*]

Заутер: Господин председатель, я продолжаю мой опрос подсудимого доктора Функа. В субботу мы обсудили назначение доктора Функа рейхсминистром экономики и теперь я перехожу к его назначению президентом Рейхсбанка.

Свидетель, мне кажется, это было в январе 1939, когда вы также стали президентом Рейхсбанка как преемник доктора Шахта. Как состоялось это назначение?

Функ: Я только, что вернулся из путешествия в середине января 1939. Я был вызван к фюреру и обнаружил его в состоянии крайнего волнения. Он сказал мне, что рейхсминистр финансов проинформировал его о том, что доктор Шахт отказал в необходимых финансовых кредитах и что соответственно Рейх находился в финансовых затруднениях. Фюрер в сильном волнении сказал мне о том, что Шахт саботировал его политику, что он больше не потерпит вмешательства Рейхсбанка в его политику и господа в дирекции Рейхсбанка полные дураки если они верили в то, что он бы это потерпел. Ни одно правительство и ни один глава государства в мире не смог бы проводить политику, зависимую от сотрудничества или не сотрудничества с эмиссионным банком.

Фюрер далее заявил о том, что теперь он сам, по предложениям и требованиям рейхсминистра финансов, будет устанавливать все кредиты подлежащие выдаче Рейхсбанком Рейху. Он дал Ламмерсу указание сформулировать вместе с рейхсминистром финансов распоряжение, которым статус Рейхсбанка, установленный положениями Версальского договора, был бы изменен, и тем самым условия одобрения кредитов Рейху определялись бы им самим единолично.

Фюрер далее сказал, что он просит меня принять руководство Рейхсбанком, соответственно я ответил, что был бы рад выполнить его пожелание, но сначала мне нужно от него подтверждение того, что условия для стабилизации валюты будут поддерживаться.

Мнение, которое было озвучено здесь свидетелем, что в результате дальнейшей выдачи кредитов была бы вызвана инфляция ошибочное и полностью несостоятельное. Хотя двенадцатимиллионный кредит мог иметь инфляционный

эффект, двадцатимиллионный кредит не обязательно вёл к инфляции, если бы государство имело необходимые полномочия стабилизировать цены и заработную плату и осуществлять регулирование и администрирование цен, и если бы люди поддерживали надлежащую дисциплину в этом отношении, и если бы, наконец, деньги, которые в результате возросших кредитов представляли избыточную покупательную способность изымались с помощью налогов или займов; тогда, что касалось валюты, абсолютно не было никакой опасности.

Это факт, что рейхсмарка, до окончательного краха, поддерживалась на стабильной основе. Что касалось предметов первой необходимости, покупательная способность денег в Германии была обеспечена. Конечно, их ценность была ограничена постольку поскольку товары широкого потребления производились в очень ограниченном масштабе, так как почти всё производство было передано промышленности вооружений.

Заутер: Доктор Функ, вы закончили?

Функ: Минуточку, пожалуйста. Мне кажется, это очень важный вопрос.

В других странах, во время войны тоже выдавали крупные кредиты, которые никоим образом ни привели к инфляции. Национальный долг в Соединенных Штатах также как и в Англии был относительно, и отчасти даже абсолютно выше, чем в Германии. И в этих странах также, правильная финансовая политика опровергала старый тезис, что война, нужда, привела бы к разрушению денежной ценности.

Немецкий народ до самого конца, до ужасного краха, поддерживал восхитительную дисциплину. Деньги как функция государства имеют свою ценность, и валюта функционирует до тех пор, пока государство имеет власть поддерживать это на стабильной основе, контролировать экономику, и до тех пор, пока сам народ поддерживает необходимую дисциплину.

Таким образом, я принял эту должность, не ведая, что Германия теперь вступала в инфляционный период, но напротив, я хорошо знал, что с помощью подходящей правительственной политики валюту можно защищать, и она защищалась. Однако, основное отличие между позицией Шахта и моей позицией заключалось в том, что во время Шахта Рейхсбанк мог решать о выдаче кредитов Рейху, тогда как у меня это полномочие забрали, и поэтому ответственность за внутренние финансы передали министру финансов или конечно самому фюреру.

Заутер: Доктор Функ у меня есть другой вопрос. Вероятно, несмотря на ваше плохое состояние здоровья сегодня, вы способны говорить немного громче, чтобы стенографисты могли вас проще понимать. Пожалуйста, попытайтесь, и мы сделаем это как можно короче.

Свидетель, затем в дополнение к этим вашим должностям, которые мы обсуждали до сих пор, вы, наконец, имели ещё одну должность в качестве преемника доктора Шахта, а именно, генерального уполномоченного по экономике.

Вы можете привести нам какие-нибудь подробности о вашем взгляде в связи с этим для того, чтобы разъяснить вашу ситуацию, вашу деятельность, и ваши достижения?

Функ: Эта из всех моих позиций была наименее впечатляющей. Как правильно заявил рейхсмаршал, и подтвердил доктор Ламмерс, она существовала только на бумаге. Также и в этом заключалась существенная разница между положением, имевшимся у Шахта, и тем, что имел я.

Шахта назначили генеральным уполномоченным по военной экономике. Я, с другой стороны, был генеральным уполномоченным по экономике. Согласно закону об обороне Рейха от 1938, генеральный уполномоченный по экономике должен был координировать гражданские экономические ведомства в подготовке к войне. Но, между тем, эти экономические ведомства подчинялись делегату четырёхлетнего плана, и я, как генеральный уполномоченный экономике также подчинялся делегату четырёхлетнего плана.

Вследствие этого была путаница и дублирование в вопросах компетенции и полномочий в том виде как их формально изложили. Результатом была директива фюрера почти через несколько месяцев после начала войны которая де юре и формально передала полномочия генерального уполномоченного по экономике, что касалось гражданских экономических ведомств, делегату четырёхлетнего плана.

Заутер: Когда это было?

Функ: Это было в декабре 1939. Здесь осталось только формальное полномочие принимать директивы, то есть, я мог подписывать директивы от имени пяти гражданских экономических департаментов, которые, согласно закону об обороне Рейха, подчинялись уполномоченному. Я сохранял полномочия над министерством экономики и Рейхсбанком, которые я имел в любом случае.

Заутер: Но вы подчинялись даже в этих функциях делегату четырёхлетнего плана, это верно?

Функ: Да, как все гражданские экономические ведомства. Только с самим министерством экономики я имел близкую связь.

Заутер: Свидетель, в августе 1939, то есть, непосредственно перед началом польской кампании, вы как генеральный уполномоченный по экономике созвали гражданские экономические ведомства на встречу для дискуссий, и документ PS-3324 ссылается на эту встречу. Мне кажется важным, чтобы вы определили ваше отношение также и об этом, и особенно со ссылкой на тот факт, что видимо ваше письмо Гитлеру датированное 25 августа являлось результатом данной встречи. Этот вопрос упоминался в вашем судебном обзоре на странице 24. Вы прокомментируете это?

Функ: Во времена Шахта существовала должность генерального уполномоченного по экономике, и был создан рабочий комитет состоявший из представителей различных экономических ведомств, таких как министерство внутренних дел, уполномоченный по администрации, ОКВ, и прежде всего, четырёхлетний план.

Когда Шахт ушел в отставку, руководство этим комитетом и должность уполномоченного по экономике была передана доктору Поссе[95], его бывшему государственному секретарю, в то время как подчиненный Шахта регинрунгсрат Вольтат[96] возглавил ведомство и комитет. Эти люди, конечно, имели постоянные консультации, в которых они обсуждали меры необходимые в экономической сфере для ведения войны. И в этом заключалась организация уполномоченного по экономике, которую я затрагивал в своей речи в Вене, о которой здесь говорили. Она существовала бок о бок с четырёхлетним планом, и в основном была ответственной за плавную конверсию гражданской экономики в военную экономику на случай войны, и за подготовку военно-экономической администрации.

Когда в августе 1939, была угроза войны с Польшей, я собрал вместе начальников гражданских экономических департаментов, а также представителей четырёхлетнего плана, и в ходе совместной консультации, мы выработали меры необходимые для превращения гражданской экономики в военную экономику на случай войны с как можно меньшими неудобствами.

В этом заключались предложения, которые я упоминал в своём письме фюреру датированном 25 августа 1939, в то время, когда немецкие и польские армии уже стояли друг против друга в состоянии полной мобилизации.

Конечно, мои долгом было делать всё, чтобы предотвратить неувязки в гражданской экономике на случай войны, и мой долг как президента Рейхсбанка заключался в том, чтобы наращивать золотовалютные активы Рейхсбанка как можно сильнее.

Прежде всего, это было нужно из-за общеполитического напряжения существовавшего в то время. Это было бы также необходимо если бы война вообще не началась, но даже если бы только были наложены экономические санкции, чего следовало ожидать от общеполитического напряжения существовавшего в то время. И равным образом мой долг как министра экономики заключался в том, чтобы делать всё возможное, чтобы увеличивать производительность.

Но я не занимался финансовыми запросами Вермахта, и не имел никакого отношения к проблемам вооружения, поскольку, как я уже сказал, руководство мирной как и военной экономикой передали делегату четырёхлетнего плана.

Объяснение тому факту, что тогда я держался в стороне от работы этого комитета следующее:

Лично я не верил в то, что будет война, и каждый, кто тогда обсуждал со мной этот предмет подтвердит это. В месяцы перед началом войны я сконцентрировал всю свою деятельность на международных переговорах для достижения лучшего международного экономического порядка, и для улучшения

---

[95] Ганс Поссе (1886 – 1965) - государственный деятель Германии, государственный секретарь рейхсминистерства экономики в 1933 – 1938.

[96] Гельмут Вольтат (1893 — 1982) — высокопоставленный немецкий чиновник в Третьем рейхе. Минстериальдиректор в министерстве экономики в 1934-1938.

торговых отношений между Германией и её зарубежными партнерами.

Тогда было согласовано, что британские министры Хадсон[97] и Стэнли[98] должны были посетить меня в Берлине. Лично я должен был поехать на переговоры в Париж где, в 1937 году, мне удалось познакомиться с несколькими членами кабинета, когда я там организовал крупный немецкий культурный праздник.

Предмет краткосрочных зарубежных кредитов нужно было снова обсудить и урегулировать – так называемый мораторий. Я разработал в этих целях новые предложения, которые встретили с энтузиазмом, особенно в Англии. В июне 1939, состоялась международная финансовая дискуссия в моих ведомствах в Берлине, и ведущие представители банковского мира из Соединенных Штатов, из Англии, из Голландии, Франции, Бельгии, Швейцарии и Швеции приняли в ней участие.

Эти дискуссии привели к результатам, которые удовлетворили все стороны. В то же время я осуществлял обмен или перевод активов Рейхсбанка в зарубежные страны. Этот обмен золотыми акциями тоже рассматривали очень честным и удовлетворительным в зарубежных банковских кругах и в зарубежной прессе.

В июне этого года, я поехал в Голландию, чтобы вести переговоры по торговым соглашениям. Я также участвовал в привычных ежемесячных дискуссиях Банка международных расчетов в Базеле вплоть до начала июля 1939 и несмотря на сильную политическую напряженность, которая тогда существовала я был убежден в том, что войны можно избежать и я озвучивал это убеждение во всех своих дискуссиях, дома и за рубежом. И вот почему в течение этих месяцев я был едва заинтересован в дискуссиях и консультациях о финансировании войны и состоянии военной экономики.

Я, конечно, дал Рейхсбанку указания использовать его доступные экономические активы за рубежом, чтобы приобретать золото и в целом увеличивать наши зарубежные активы. Но за несколько месяцев моей деятельности в этой сфере перед войной, успех этого моего стремления был небольшим. Наши золотые активы и валютные активы, как они были мне переданы Шахтом, оставались в целом неизменными до войны.

В своём опросном листе вице–президенту Рейхсбанка Пулю[99], я попросил осветить эти транзакции, поскольку дирекция Рейхсбанка и его управляющий директор, которым тогда был Пуль, обязаны иметь информацию по данному вопросу. Ответ на этот опросный лист, говорю с сожалением, еще не прибыл.

---

[97] Роберт Хадсон (1886 – 1957) британский консервативный политический деятель, занимал ряд постов в правительстве Великобритании.

[98] Оливер Стэнли (1896 – 1950) британский консервативный политический деятель. Председатель комиссии по торговле в 1937 -1940.

[99] Эмиль Пуль (1889 – 1962) государственный деятель Германии, директор и вице-президент Рейхсбанка. Американским трибуналом был приговорён к 5 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Заутер: Свидетель, вы, очевидно, привели такие подробности, чтобы продемонстрировать, что, несмотря на политическое напряжение времени, вы даже всерьез не думали войне.
Функ: Не до августа 1939.
Заутер: Итак, в ходе этих слушаний, мы слышали о серии дискуссий, которые Гитлер имел с генералами и другими личностями, и которые касались военных и политических вопросах. Всё это были дискуссии, которые как мы должны сказать сегодня, находились в близкой связи с подготовкой к войне.

На каких из этих дискуссий вы присутствовали, и что вы на них узнали?
Функ: Меня никогда не вызвали ни на какие политические и военные дискуссии, и я не участвовал ни в каких из этих дискуссий, которые упоминали здесь в связи с задачей планирования агрессивной войны, насколько это касалось дискуссий у фюрера. Меня также не информировали о содержании этих дискуссий. И насколько я могу вспомнить, я вряд ли когда–либо присутствовал на дискуссиях с рейхсмаршалом, когда они касались этой темы.

Здесь мне предъявили встречу, которая состоялась в октябре 1938.
Заутер: 14 октября 1938? Я могу сказать вам номер документа. Это PS-1301.
Функ: Да.
Заутер: Вы присутствовали на этой встрече?
Функ: Нет.
Заутер: Это была встреча…
Функ: Да, это была встреча, на которой согласно обвинительному заключению против меня, Геринг указывал на то, что фюрер дал ему указание довести вооружение до ненормальной степени. Люфтваффе должны были увеличиться в пять раз, настолько быстро насколько возможно.

Обвинитель, согласно официальному протоколу[100], утверждает о том, что, на этой дискуссии Геринг обратился ко мне словами человека уже находящегося в войне. Я даже не был в Германии в те дни, а был в Болгарии и соответственно я не мог участвовать в этой встрече.
Заутер: Господин председатель, как подтверждение того факта, что подсудимый Функ не находился в Германии во время дискуссии с Герингом 14 октября 1938, я приобщил несколько документов в документальной книге Функа; это выдержки из «Volkischer Beobachter[101]», номера 5, 6, 7 и 8 из документальной книги Функа. Эти документы приобщили в основном, потому что они демонстрируют тот факт, что с 13 октября 1938 по 15 октября 1938 Функ находился в Софии в Болгарии, и поэтому не смог бы присутствовать на встрече с Герингом 14 октября 1938.

Что Функ говорил в Болгарии об экономических отношениях мне нет

[100] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 168 – 169.
[101] «Народный обозреватель» (Volkischer Beobachter) - немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag.

необходимости подробно читать. Но я особо хочу сослаться на его речь от 15 октября 1938, документальная книга Функа, номер 7, в которой подсудимый Функ, в особенности в первом абзаце, публично заявил о том, что у него на уме экономический союз немецкой экономики и экономики юго–восточной Европы, и в которой Функ совершенно точно отвергал одностороннюю зависимость экономики юго–восточных стран от экономической системы Германии.

Следовательно я прошу трибунал вынести судебное уведомление об этих документах в качестве доказательств и с целью экономии времени я более в них не вникаю.

Свидетель, под документальным номером PS–3562, обвинение приобщило документ касающийся совещания от 1 июня 1939. Вы сами не присутствовали на этой встрече, но согласно списку присутствующих там были несколько представителей вашего министерства, а также представитель Рейхсбанка. На этой встрече обсуждались вероятные финансовые потребности Рейха на случай войны, производственная емкость немецкой экономики и Протектората[102] на случай войны. Есть её рукописная пометка, которая говорит о том, что вам должны были представить запись. Вы можете очень кратко заявить, было ли это сделано на самом деле?

Функ: Нет этого не сделали. У меня есть здесь документ. Если бы эту запись представили мне я бы поставил на ней свои инициалы «В.Ф.». Кроме того, этот документ рассматривает постоянные обсуждения, которые я уже упоминал о финансировании войны и мерах необходимых в гражданской экономике на случай войны. Решающие меры по финансированию естественно готовил рейхсминистр финансов и эти меры долго обсуждали на этом совещании, на котором вопрос покрытия расходов с помощью налогов был одной из главных тем. В любом случае, в то время подобные разнообразные обсуждения шли постоянно среди представителей различных ведомств, и они проходили в ведомстве ведущего руководства уполномоченного по экономике. Случайно я сейчас выяснил название, которое я раньше не мог вспомнить: это было учреждение – комитет – который был основан в дни Шахта и позже продолжил работу.

Заутер: Доктор Функ, 30 марта 1939 вы сделали заявление о вашей программе в речи перед центральным комитетом Рейхсбанка.

Я включил эти выдержки из речи, которые имеют значение на данном процессе в документальную книгу Функа под номером 9. Я возвращаюсь к этой речи, потому что её произнесли перед центральным комитетом вскоре после принятия подсудимым должности президента Рейхсбанка, и представляет его программу как президента Рейхсбанка в связи с различными вопросами, которые здесь играют роль.

[102] Протекторат Богемии и Моравии — протекторат нацистской Германии, создан 16 марта 1939 после германской оккупации Чехословакии 15 марта 1939 года.

Доктор Функ, вероятно в нескольких коротких словах вы можете привести нам существенные относящиеся к делу пункты вашей речи, постольку поскольку обвинение в них заинтересовано.

Функ: Мне не кажется, что мне это нужно. Я недавно кратко упоминал, что в те месяцы я вёл международные дискуссии о необходимости нового порядка в международных экономических отношениях, и что я указывал на готовность Германии играть позитивную роль. Таким образом, я не думаю, что нужно что-то читать из этой речи, этим лишь подразумевается, что тогда я не работал над подготовкой войны, а стремился добиться международного экономического взаимопонимания, и что эти мои усилия публично признавали в зарубежных государствах, особенно в Англии.

Заутер: Это намерение, создать благоприятные и доверительные отношения с зарубежными государствами, то есть, с их финансовыми и экономическими кругами, были, я убежден, решающим фактором в последующих мерах на которые вы уже ссылались недавно, а именно, чтобы компенсации зарубежным акционерам Рейхсбанка, которые, я думаю, находились в основном в Англии, Голландии и Швейцарии, были оценены и выплачены наиболее благоприятным способом.

Функ: Да, я уже заявлял об этом.

Заутер: Доктор Функ, вы ранее упоминали письмо, которое вы написали Гитлеру. Это письмо интересует меня постольку, поскольку я бы хотел знать, просто, зачем вы его написали, и почему в нём вы говорите о «ваших предложениях», при том, что в основном они касались вещей, которые на самом деле не исходили от вас. Вероятно, вы скажете несколько слов об этом письме.

Функ: Тон и содержание письма можно объяснить общим настроением которое существовало тогда повсюду в Германии. Помимо этого, это чисто личное письмо фюреру: в нём я поблагодарил его за поздравления с моим днём рождения. По этой причине письмо в немного категорическое. Когда я говорил о «своих предложениях» это могло отражать факт, что я немного раньше лично объяснял фюреру, какие меры будут необходимы если начнётся война. И в основном, это были меры, которые позже приняли как результат совещаний с другими экономическими ведомствами, на которые я сослался в этом письме. Таким образом, для меня не совсем верно говорить: «Мои предложения». Я должен был на самом деле сказать: «Предложения, разработанные совместно с другими экономическими ведомствами»

Заутер: Доктор Функ, вы закончили?

Функ: Нет. Я бы хотел объяснить всё письмо всего в нескольких словах, поскольку это видимо один из столпов обвинения в деле против меня.

Как я сказал, тогда было время, когда две мобилизованных армии стояли друг напротив друга. Это было время, когда весь немецкий народ был в состоянии величайшего волнения из–за постоянных провокаций и плохого обращения с

немецким населением в Польше. Я лично не верил в то, что действительно будет война, так как я считал, что дипломатические переговоры снова будут успешными в предотвращении угрозы войны и на самом деле помогут избежать войны. После практически чудесных успехов фюрера во внешней политике, сердце каждого настоящего немца должно было биться сильнее в ожидании того, что на Востоке тоже были бы воплощены пожелания Германии, то есть, что моя отделенная родная провинция Восточная Пруссия была бы объединена с Рейхом, что древний немецкий город Данциг снова стал бы принадлежать Рейху, и что была бы решена проблема коридора[103].

Подавляющее большинство немецкого народа, включая меня, не верило в то, что этот вопрос закончится войной. Мы скорее были убеждены в том, что у Англии получилось бы оказать давление на Польшу для того, чтобы Польша уступила немецким требованиям Данцига и коридора и не привела бы к войне. Показания свидетеля Гизевиуса должны были ясно показать каждому в мире, что тогда Англия ничего не сделала для оказания успокоительного и примирительного влияния на Польшу. Так, если британское правительство знало о том, что в Германии существовал заговор, в который вовлечены начальник генерального штаба, начальник ОКВ, начальник немецких вооружений и остальные ведущие военные личности и генералы, и что готовится переворот на случай войны, тогда британское правительство на самом деле было бы глупым если бы оно делало, что–то для умиротворения и успокоения Польши. Британское правительство должно быть было убеждено в том, что если Гитлер начнёт войну, произойдёт переворот, революция, мятеж, и что, в первую очередь, не будет войны, и во–вторых, что ненавистный режим Гитлера будет устранен. Никто не мог надеяться на большее.

Заутер: Доктор Функ, мы не хотим говорить о политике, но скорее вернёмся к этому письму от 25 августа 1939. Могу я повторить номер, PS-699. Позвольте нам рассмотреть только это письмо. Если я вас правильно понял, я могу подытожить ваши показания как следующие: это довольно восторженное письмо Гитлеру было написано, потому что вы надеялись на то, что Гитлер с успехом объединит вашу родную провинцию Восточную Пруссию с Рейхом, и наконец разрешит проблему коридора без войны. Я вас правильно понял?

Функ: Да, но в то же время я чувствовал, что, я должен заявить, что я со своей стороны делал всё для того, чтобы гарантировать, что в случае войны экономика мирного времени без помех превратиться в военную экономику. Но это был единственный раз, когда я, как уполномоченный по экономике, вообще действовал в отношении других экономических ведомств и фактически в этом письме я ссылался на своё положение, что можно объяснить совершенно естественно, потому что я был

---

[103] Польский коридор также известный как (Поморское воеводство) и Данцигский коридор) — в период между двумя мировыми войнами (1919—1939 гг.), наименование польской территории, которая отделила германский эксклав Восточная Пруссия от основной территории Германии. Территория Польского коридора была передана Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору.

горд тем, что я должен был, что-то сделать на этой официальной должности, так как каждому человеку нравится быть успешным.

Заутер: Доктор Функ, мы всё еще рассматриваем вопрос о том знали ли вы о намерении Гитлера привести к войне, в особенности к агрессивной войне и совершать завоевания с помощью агрессивных войн. Я хотел бы поставить вам несколько вопросов, на которые простоты ради, вы можете отвечать «да» или «нет»; я бы хотел знать имели ли вы сведения и ваше предчувствие согласно с заявлениями нескольких свидетелей и некоторых со–подсудимых.

Например, рейхсминистр Ламмерс свидетельствовал о том, что вам вообще особенно трудно было увидеть Гитлера, что за долгое время аудиенция была одобрена вам однажды, и что даже по одному поводу, мне кажется, вы ждали дни с Ламмерсом в ставке обещанной аудиенции, и что вам пришлось уехать снова не получив доступ. Это правильно?

Функ: К сожалению, да.

Заутер: Итак, следующий вопрос: нам предъявили несколько документов, которые прямо говорят – мне кажется, они записи Ламмерса – что рейхсминистр экономики, и одно время рейхсминистр иностранных дел, просили вызова на эти дискуссии, что министр Ламмерс делал всё возможное, чтобы этого добиться, но что Гитлер этого не позволил, что он прямо запретил вам и рейхсминистру иностранных дел присутствовать на этих дискуссиях, хотя вы указывали на то, что обсуждались важные вопросы вашего ведомства. Это верно? Вероятно, вы можете ответить просто «да» или «нет»?

Функ: Встреча которую вы упоминаете, касалась развёртывания рабочей силы. Лично я не имел к этому никакого прямого отношения, и министр иностранных дел, наверное, тоже не имел никакого явного интереса. Таким образом, я признаю, что по этим причинам фюрер не нуждался во мне, так как я сказал вчера, что его указания по руководству экономикой отдавались, до 1942 года, рейхсмаршалу как человеку ответственному за эту область, и после 1942 указания давали Шпееру, потому что с этой даты вооружения преобладали во всей экономической жизни, и все экономические решения, по прямому приказу фюрера, должны были уступать нуждам вооружений.

Заутер: Доктор Ламмерс, в своих показаниях от 8 апреля, заявил – я цитирую:

> «Фюрер часто высказывал возражения, они были разными в случае Функа. Гитлер скептически относился к Функу и не хотел его там».

Таковы показания свидетеля, доктора Ламмерса. Вы можете объяснить почему Гитлер не был склонен в вашем отношении?

Функ: Нет, единственное объективное объяснение в том, что он во мне не нуждался.

Заутер: Другими словами, он считал любые дискуссии с вами излишними?

Функ: Да.

Заутер: Свидетель в связи с темой агрессивных войн, меня бы интересовало

следующее: в обвинительном заключении, на странице 30 немецкого судебного обзора, изложено, то есть, что вы лично и с помощью ваших официальных представителей, то есть лично вы, также с помощью назначенных вами представителей, участвовали в подготовке агрессивной войны против России, и в качестве единственного подтверждения этого, представлен документ номер PS-1039, экземпляр USA–146. Из этого документа, кажется, что вы, подсудимый, в конце апреля 1941, предположительно обсуждали с Розенбергом- который был ответственным за восточные территории – экономические вопросы, которые бы возникли, если бы планы нападения на Востоке пришлось осуществлять. Доктор Функ я прошу вас, отметить дату этой дискуссии, конец апреля 1941, незадолго до начала войны против России. Для того, чтобы освежить вашу память я хочу указать на то, что тогда, то есть, до войны с Россией, Розенберг уже был выдвинут в качестве уполномоченного Гитлера для единообразного руководства на восточных территориях. Я прошу вас определить вашу позицию и сказать, можно ли вывести из этой дискуссии, что вы участвовали в агрессивной войне против России, или её планировании и подготовке, и если вы участвовали, то как?

Функ: Я ничего не знал об агрессивной войне против России. Я был очень сильно удивлен, когда я узнал от Ламмерса о том, что фюрер сделал Розенберга уполномоченным по восточноевропейским проблемам. Ламмерс здесь заявил о том, что он уведомил меня об этой кандидатуре по личным причинам, потому что он знал о том, что я был крайне заинтересован в экономических отношениях с Россией. На самом деле, наши взаимные усилия, России также как и Германии смогли значительно расширить наши торговые отношения; в ранние времена, то есть, до Первой мировой войны, немецкая торговля с Россией была решающим фактором в балансе немецкой торговли и насчитывала несколько миллиардов золотых марок.

Русские – я должен здесь это сказать – весьма своевременно обеспечивали нас пшеницей, марганцовой рудой и нефтью, в то время как наши поставки машин отставали по естественной причине, что машины нужно сначала изготовить, поскольку русские заказы в основном были по специализированными машинам. В какой степени поставлялось в Россию армейское снаряжение, я не знаю, я этим не занимался.

И таким образом, я был удивлен назначением Розенберга. Он вызвал меня на короткую дискуссию, в которой сказал мне, что задача поставленная ему фюрером также включала руководство экономическими проблемами. Соответственно я предоставил министериальдиректора своего министерства, доктора Шлоттерера[104], в распоряжение Розенберга для работы над этими проблемами. И когда министерство по восточным делам было создано, насколько я знаю, в июле, доктор Шлоттерер, с несколькими своими коллегами, принял

[104] Густав Шлоттерер (1906 – 1989) – немецкий экономист, государственный и партийный деятель Германии, занимал ряд должностей в министерствах экономики и оккупированных восточных территорий.

руководство экономическим департаментом министерства Розенберга. И одновременно, насколько я помню, доктор Шлоттерер, стал членом экономического оперативного штаба «Восток». Это было учреждение четырёхлетнего плана которое упоминалось здесь непрерывно в ходе слушаний и которое занималось всеми экономическими проблемами оккупированных восточных территорий.

Помимо этого, я не имел никакого отношения к этим вопросам. Естественно я спрашивал Ламмерса, а также Розенберга о том, что всё это означает, и оба говорили мне, что фюрер считал, что война с Россией была бы неизбежной, что вдоль всего восточного фронта русские сконцентрировали крупные силы, что дискуссии с Молотовым[105], в которых я вообще не участвовал, неудовлетворительные, что русские заявили требования относительно Балтики, балканского региона и Дарданелл, которые не могли быть приняты Германией, фюрером. В любом случае, это дело было настолько же неожиданным для меня, как и для немецкого народа, и я убежден, что эта война была величайшим потрясением для немецкого народа.

Председатель: Свидетель говорил об июле. Он имел в виду июль 1940?

Заутер: Насколько я знаю, июль 1941.

Председатель: Вы имеете в виду июль 1941? Это было после начала войны с Россией. Я полагаю, сам свидетель может на это ответить, не так ли?

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы имеете в виду июль 1940?

Функ: Обсуждение с Розенбергом было в конце апреля или начале мая 1941, а министерство Розенберга было создано в июле 1941.

Заутер: Теперь я перехожу к другому пункту выдвинутому обвинением. Вас обвиняют в совершении, в качестве рейхсминистра экономики, наказуемых деяний в связи с преступным планом преследовать евреев и устранить их из экономической жизни. Это события ноября 1938. Следовательно, опишите вашу деятельность в данном отношении.

Функ: Могу я попросить трибунал предоставить мне время для довольно подробного отчета по этой теме. Тогда пункты которые мы рассмотрим, можно будет разобрать гораздо короче. Это пункт обвинения, который затрагивает меня тяжелее всего.

Когда я принял министерство экономики в феврале 1938, я очень скоро получил от партии и в особенности от Геббельса и Лея, требования, устранить евреев из экономической жизни, поскольку их нельзя было терпеть. Мне сказали, что люди всё так же покупали в еврейских магазинах, и что партия не может разрешить своим членам покупать в таких магазинах; партия также принимала за оскорбление тот факт, что какие-то высокопоставленные чиновники, и в частности

---

[105] Молотов Вячеслав Михайлович (1890-1986) - российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

их жёны, также покупали в таких магазинах. Председатель секции Трудового фронта отказался работать с еврейскими управляющими. Были постоянные стычки, мне сказали, что не будет никакого покоя, если меры которые уже вводились здесь и там не распространить до степени полного устранения евреев из экономической жизни.

Закон об организации национального труда, который был принят при моих предшественниках и который также исполнялся ими по согласованию с Германским трудовым фронтом, также вводил политические и партийные функции во внутренней экономике. Управляющий завода был также ответственным перед партией и прежде всего перед государством.

Какие-то еврейские управляющие с готовностью уступали давлению и продавали свои предприятия и организации народу по ценам которые мы вообще не одобряли. Я заключал частные соглашения с отдельными ведущими еврейскими людьми в банковской деятельности, тяжелой промышленности и крупных магазинах, и таким образом приводил к их уходу с позиций в экономической жизни. Покоя не было, и нам пришлось попытаться за определенное время и рядом некоторых распоряжений ускорить и постепенно устранить еврейское влияние из экономической жизни. В этой связи, лично я всегда представлял взгляд на то, что прежде всего, процесс должен осуществляться медленно, с промежутками во времени; во-вторых, что евреям следовало предоставлять адекватные компенсации, и в–третьих, что можно оставить в их руках какие-то экономические средства, в особенности их ценные бумаги, и я в особенности подчеркивал это на встрече с Герингом, которая здесь непрерывно упоминается.

Итак, пока такое развитие приобретало форму, ужасные события ночи 9–10 ноября 1938, возникшие в Мюнхене, обрушились на нас и очень глубоко воздействовали на меня лично. Когда я ехал в своё министерство утром 10 ноября, я видел на улицах и в окнах магазинов разрушения, которые имели место, и я услышал дальнейшие подробности от чиновников моего министерства. Я попытался попасть к Герингу, Геббельсу, и я думаю Гиммлеру, но они пока ехали из Мюнхена. Наконец, я нашёл Геббельса. Я сказал ему о том, что этот террор был выпадом против меня лично, что в результате этого ценные товары которые нельзя было заменить были уничтожены, и что наши отношения с зарубежными государствами, на которые мы в особенности тогда рассчитывали, были бы заметно потрясены.

Геббельс сказал мне о том, что я лично был ответственным за такое положение дел, что я уже давно должен был устранить евреев из экономической жизни, и что фюрер отдал рейхсмаршалу Герингу приказ согласно которому евреев должны были полностью устранить из экономической жизни; я узнал бы дальнейшие подробности от рейхсмаршала. Данную телефонную беседу с Геббельсом он подтвердил позднее, и свидетели подтвердят это.

На следующий день, 11 ноября, меня проинформировали о том, что 12-го

будет встреча с Герингом в качестве делегата четырёхлетнего плана, с целью разрешения еврейской проблемы. Делегат четырёхлетнего плана дал указания министерству подготовить проект распоряжения, который должен быть основой законов для устранения евреев из экономической жизни.

12–го состоялась эта встреча, которую здесь часто обсуждали. Тем утром было обсуждение с рейхсмаршалом на котором присутствовали гауляйтеры. Рейхсмаршал сильно волновался, он говорил о том, что не потерпел бы этого террора и что он возложил бы на разных гауляйтеров ответственность за то, что происходило в их гау.

После этой встречи, таким образом я, относительно успокоился, но на встрече, протокол которой зачитывали несколько раз, Геббельс очень скоро внёс свои самые радикальные требования и соответственно доминировал на всех слушаниях.

Рейхсмаршал стал сильно злиться, и это настроение отразилось в выражениях, оказавшихся в протоколе. Между прочим, протокол полон пробелов и очень неполный. После этой встречи мне было ясно, что именно теперь евреев нужно было устранить из экономической жизни, и что для того, чтобы защитить евреев от полной утраты их прав, от дальнейшего террора, нападений и эксплуатации, нужно было распорядиться о правовых мерах. Я подготовил регулирование, и тоже самое сделал министр финансов, министр внутренних дел, министр юстиции, и так далее, в целях исполнения первоначального распоряжения делегата четырёхлетнего плана которым предусматривалась передача еврейских предприятий и еврейских акций в доверительное управление. Евреям компенсировали трёхпроцентными облигациями, и я всегда видел в этом решении, поскольку министерство экономики участвовало в этом, осуществление честного и соответствующего закону решения о том, чтобы евреи не пострадали от дальнейшей несправедливости. В то время точно не было никакой речи об уничтожении евреев. Однако, план по организованной эмиграции евреев кратко обсуждали на той встрече. Я лично никак не участвовал в террористических, жестоких мерах против евреев. Я глубоко сожалел о них и резко их осуждал. Но я должен был вводить меры об исполнении этих законов с целью защитить евреев от полного лишения прав, и упорядоченным образом исполнять юридические нормы которые тогда разработали.

Заутер: Доктор Функ…

Председатель: Нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Заутер: Свидетель, до перерыва мы напоследок говорили о вашей деятельности касательно распоряжений об исключении евреев из экономической жизни и вы сказали нам о стенограмме заседания с Герингом от 12 ноября 1938. Это документ

номер PS-1816.

Вы уже упоминали, что стенограммы этого совещания были плохо отредактированы и полны пропусков, но мы можем понять из этих записей, что вы открыто и явно оказали сдерживающее влияние, и что вы пытались сохранить ту или иную вещь для евреев. Я, например вижу из записей, что во время совещания вы непрерывно выступали за то, чтобы еврейские магазины должны были снов быстро открыть. Это верно?

Функ: Да.

Заутер: Вы также просили, согласно записям, что евреи должны были сохранить свои акции и доли. Это показано в вопросе, который вы задали. Это верно?

Функ: Я уже сказал о том, что я думал, до времени совещания о том, чтобы евреи могли сохранить свои сбережения и в ходе совещания я сказал, что это было совершенно новым для меня, что евреи должны сдать имевшиеся сбережения. В конечном счете, они получили в распоряжение трёхпроцентные правительственные облигации, но они должны были передать все свои акции и другие доли.

Я также был против подобного распоряжения, потому что правительству тогда бы пришлось принять огромное количество сбережений и перевод таких сбережений был, конечно, сложным.

Заутер: Из записей также, кажется, что Гейдрих[106] выступал за размещение евреев в гетто, и вы вспоминаете, что обвинение уже упоминало здесь это.

Доктор Функ в чём заключалось ваше отношение к предложению Гейдриха?

Функ: Я был против гетто по той простой причине, что считал гетто ужасной вещью. Я не знал ни о каких гетто, но я сказал, что три миллиона евреев разумеется могут жить среди 70 миллионов немцев без гетто. Конечно, я сказал о том, что евреи должны переезжать ближе друг к другу, и один должен помогать другому, мне это было ясно, и я так и сказал во время совещания о том, что отдельный еврей не сможет существовать в условиях, которые были созданы для него.

Заутер: Господин председатель, в этой связи, можно мне позволить отметить два письменных показания, которые я включил в документальную книгу Функа под номером 3 и номером 15, и могу я попросить вашего официального уведомления об их полном содержании в качестве доказательств?

Письменные показания номер 3 в документальной книге, на странице 12 текста, те, что от жены подсудимого, подписанные ей в начале процесса 5 ноября 1945. Из этих письменных показаний которые я должен подытожить в важных фрагментах, мы можем понять, что во время эксцессов против евреев в ноябре 1938, подсудимый вместе со своей женой и своей племянницей находился в Берлине, и

---

[106] Рейнхард Гейдрих (1904 – 1942) государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха, заместитель (исполняющий обязанности) рейхспротектора Богемии и Моравии. Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит чешскими подпольщиками.

следовательно не в Мюнхене где собрались так называемые «старые бойцы» и где министр, доктор Геббельс совершенно внезапно и неожиданно для каждого отдал приказ о еврейских погромах. Госпожа Функ подтверждает в своих письменных показаниях то, что её муж, как только он услышал об эксцессах, в сильнейшем волнении позвонил доктору Геббельсу по телефону и спросил его:

> «Геббельс, вы сошли с ума, совершать такие бесчинства? Это заставляет стыдиться быть немцем. Весь наш престиж за рубежом утрачен. Днём и ночью я пытаюсь сохранить национальное достояние, а вы безрассудно выбрасываете его в окно. Если этот звериный беспорядок немедленно не остановить, я выброшу всё за борт».

Такой, буквально был телефонный разговор, который подсудимый тогда провёл из Берлина с доктором Геббельсом. И остальное содержание этих письменных показаний касается вмешательств, которые подсудимый совершал за отдельных еврейских знакомых. И, господа, они аналогичны письменным показаниям Гейнцу Каллусу[107], который был министериальратом в министерстве экономике при подсудимом Функе.

Я приобщил эти письменные показания под номером 15 из документальной книги Функа. Они датированы 9 декабря 1945, и этот свидетель также подтверждает, что Функ, конечно, был крайне удивлен этими эксцессами, и что потом, он немедленно связался с компетентными властями с целью предотвратить дальнейшие бесчинства.

Таким образом, эти письменные показания подтверждают отчет, который дал сам подсудимый Функ. В связи с этим делом, касающимся евреев, я хочу вернуться к документу номер PS-3498, который можно найти на странице 19 судебного обзора против Функа. Это циркулярное письмо Функа от 6 февраля 1939, опубликованное в официальной газете рейхсминистерства экономики и из которого я цитирую:

> «В какой мере и степени следует применять полномочия четырёхлетнего плана зависит от указаний даваемых мной в соответствии с директивами делегата четырёхлетнего плана».

Я цитирую это потому что и здесь, в официальной публикации того времени, подсудимый Функ прямо выражает, что, также в данной области, он просто должен был подчиняться и исполнять директивы четырёхлетнего плана. Это верно, доктор Функ?

Функ: Да.

Заутер: Доктор Функ, вы ранее сказали, что следуя всему вашему прошлому и вашим основным принципам, и следуя всей вашей философии, вы считали как особо тяжкими обвинения, касающиеся устранения евреев из экономической жизни. И в

---

[107] Гейнц Каллус (1908 – 1961) – немецкий государственный деятель. В 1936-1945 занимал должности в министерстве пропаганды, министерстве экономики и министерстве путей сообщения Германи.

связи с этим я хочу предъявить вам, что во время допроса в Нюрнберге, 22 октября 1945, вы расплакались и сказали офицеру-дознавателю: «Тогда я должен был уйти. Я виновен». И это дословно процитировали по одному случаю во время слушаний. Вероятно, вы можете сказать нам, как случилось это замечание и этот нервный срыв с вашей стороны, указание на который я нахожу в протоколе.
Функ: Меня тогда доставили прямо из госпиталя в тюрьму.
Заутер: Доктор Функ, один вопрос…
Функ: Я не знал заранее, что меня будут обвинять как убийцу и вора и не знаю в чём ещё. Я болел 9 или 10 недель, и был доставлен сюда ночью. В течение тех дней сразу же начались мои допросы. Я должен признать, что американский офицер, который допрашивал меня, полковник Мюррей Герфейн[108], вёл допрос с исключительным вниманием и терпением и снова и снова останавливался, когда я не мог продолжать. И когда меня упрекнули в этих мерах террора и насилия против евреев, я испытал нервный срыв, потому что в тот момент до меня дошло со всей ясностью, что катастрофа началась оттуда дойдя до ужасных и кошмарных вещей, о которых мы здесь услышали и о которых, я по крайней мере частично узнал, с момента своего плена. Тогда я испытывал глубокое чувство стыда и личной вины, и тоже самое, я чувствую сегодня. Но то, что я принимал директивы для исполнения основных приказов и законов, которые приняли, в этом нет преступления против человечности. В этом вопросе я ставил волю государства перед своей совестью и своим внутренним чувством долга, потому что, в конце концов, я был слугой государства. Я также считал себя обязанным действовать соответственно воле фюрера, верховного главы государства, особенно поскольку эти меры были необходимы для защиты евреев, для того, чтобы спасти их от абсолютного отсутствия правовой защиты, от дальнейшего произвола и насилия. Кроме того, им компенсировали, как видно из циркулярного письма, которое вы только что цитировали, я дал строгие указания своим чиновникам исполнять эти юридические инструкции корректным и справедливым способом.

На самом деле ужасно трагично, что именно мне поручили эти вещи. Я уже сказал о том, что я не принимал никакого участия в этих эксцессах против евреев. С самого первого момента я не одобрял их и очень сильно осуждал их, и они очень глубоко на меня воздействовали. Я делал всё, что было в моей власти, чтобы продолжать помогать евреям. Я никогда не думал об уничтожении евреев, и я не принимал никакого участия в этом.
Заутер: Доктор Функ, так как вы только что сказали о том факте, что вы не думали об уничтожении, истреблении евреев, я хочу сослаться на документ, который ранее здесь цитировали: номер PS-3545, это предъявило обвинение. Как вы можете вспомнить, это фотокопия «Frankfurter Zeitung» от 17 ноября 1938, номер которой

[108] Мюррей Герфейн (1907 – 1979) – американский юрист, помощник главного обвинителя от США на Нюрнбергском процессе, в последующем адвокат, судья.

вышел спустя всего несколько дней после инцидентов, которые мы рассматриваем. В этом номере «Frankfurter Zeitung» опубликована ваша речь, в которой вы рассматриваете правовые меры для исключения евреев из немецкой экономической жизни, и вы вспомните, что обвинитель, в своей речи от 11 января 1946, обвинил вас, и я цитирую: «…что программа экономического преследования евреев была лишь частью более крупной программы их уничтожения».

И это соответствует фразе из вашего судебного обзора, которая говорит о том, что это была просто часть, дословно: «Более крупной программы уничтожения евреев». Итак, во всех заявлениях, которые вы делали в то время, я нигде не нахожу указания на то, что вы выступали за уничтожение, истребление евреев, или чтобы вы требовали этого. Что вы скажете о таком взгляде обвинения?

Функ: Никогда в своей жизни, ни устно ни письменно, я не требовал уничтожения или истребления евреев и не делал никаких заявлений об этом. Видимо это высказывание обвинителя, которое, по моему мнению, основано только на воображении или состоянии мысли, как он видел эти вещи с самого начала. Лично я никогда не выступал за уничтожение евреев и ничего не знал об ужасных событиях, которые здесь описали. Я ничего не знал. Я не имел к ним никакого отношения и потом, насколько я помню, я никогда не принимал участия ни в каких мерах против евреев, поскольку этими вопросами уже не занимались мои ведомства. За исключением этих юридических мер, этих исполнительных приказов, мне не кажется, что внутри моих ведомств, я когда–нибудь опять разрешал что-то связанное с еврейскими делами.

Заутер: Доктор Функ это верно, что в связи с исполнением этих директив, которые вам приходилось принимать, вы сами вмешивались в интересах большого числа отдельных лиц, которые страдали от этих директив и которые обращались лично к вам за помощью, и что вы делали это для того, чтобы смягчить эффект этих распоряжений?

Функ: Я следил за тем, чтобы этим директивам следовали честным путём и согласно законам. Однако, исполнение этих распоряжений было не только ответственностью министерства, но и окружного президента и ведомств зависимых от гауляйтеров в Рейхе. До меня доходило много жалоб на способ ариазации, и мои чиновники подтвердят, что я вмешивался в каждом случае, когда меня информировали о таких злоупотреблениях. Я даже уволил чиновника из этого ведомства, когда я услышал о неправильном поведении, позже я также поступил с главой ведомства.

Заутер: Почему?

Функ: Потому что случались такие злоупотребления. Как и раньше я делал всё в моей власти, чтобы помогать евреям эмигрировать, предоставляя им иностранную валюту, таким образом, при исполнении этих директив, я делал всё в своей власти в рамках возможного, чтобы сделать вещи сносными для евреев.

Заутер: Господин председатель, данный вопрос о том каким было на практике отношение Функа к исполнению этих распоряжений, которые он сам как чиновник должен был принимать – данный вопрос я также рассмотрел в опросном листе одобренном вами, который был представлен бывшему государственному секретарю Ландфриду[109]. Этот опросный лист недавно вернулся, но оказалось сотрудники направили неправильный опросный лист, и верный ответ получили только в субботу. Это сейчас переводят и я полагаю, что этот правильный ответ, эти показания государственного секретаря Ландфрида представят вам в течение дня и что тогда их можно включить в приложение как документ номер 16. Вместе с тем, я предполагаю, что не будет никакого возражения моему чтению короткого ответа свидетеля Ландфрида в связи с этим вопросом. Господин Ландфрид был с 1939 по 1943 государственным секретарём…

Председатель: Обвинение видело документ?

Заутер: Да, обвинение имеет документ.

Додд: Мы не видели документ. Мы видели немецкий текст. Я не читаю по–немецки и ни имел возможности прочитать его. Его не перевели.

Председатель: Документ можно предъявить после того как его увидит обвинение. Вам не требуется приобщать его сейчас. У вас есть другие какие-нибудь другие свидетели или нет?

Заутер: Не в связи с этой темой.

Председатель: Нет, нет, но у вас вообще есть свидетели?

Заутер: Один свидетель, доктор Гейдлер, но по другим предметам.

Председатель: И предположительно подсудимого будут перекрестно допрашивать.

Заутер: Да.

Председатель: Значит, эти документы переведут.

Заутер: Да, господин председатель, если вы так желаете, тогда я приобщу этот документ позднее, отдельно.

Председатель: Да.

Заутер: Доктор Функ, теперь я перехожу к обвинению, которое согласно моим сведениям, еще не упоминалось в судебном обзоре, это касается проблемы оккупированных территорий, то есть, ограбления оккупированных территорий, оккупационных расходов, системы клиринга, стабилизации валюты, и похожего. Обвинение утверждает, что вы активно участвовали в программе преступной эксплуатации оккупированных территорий. Это находится в стенограмме слушаний от 11 января 1946[110]. Это обвинение далее не уточнялось, но на заседании от 21 февраля[111] просто есть ссылка на распоряжение рейхсминистра оккупированных

---

[109] Фридрих Ландфрид (1884 – 1952) – немецкий юрист и государственный деятель. В 1933-1943 государственный секретарь министерства экономики Германии.

[110] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV/Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2018.; стр. 171.

[111] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VII/Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @

восточных территорий, подсудимого Розенберга. Данное распоряжение предъявлено обвинением как документ номер PS-1015; это распоряжение министра Востока, Розенберга, рейхскомиссарам на оккупированных восточных территориях. Распоряжение информирует рейхскомиссаров о задаче айнзацштаба Розенберга[112] – он уже упоминался здесь по нескольким поводам – а именно, о сохранении объектов культурной ценности. Думаю я могу полагать, что рейхсминистерство экономики не имело никакого отношения к культурным ценностям как таковым. Но – и это весьма характерно – из письма Розенберга от 7 апреля 1942 видно, что копию направили не только в различные ведомства, но также вам, то есть, в рейхсминистерство экономики. И из этого факта – видимо только из этого факта – советский обвинитель вменил обвинение о том, что вы активно участвовали в ограблении оккупированных территорий. Мне пришлось так подробно объяснять связь для того, чтобы конкретно показать, что мы рассматриваем. Вы можете кратко сказать об этом?

Функ: До момента этого процесса, я даже не знал, чем являлся айнзацштаб Розенберга, какими были его задачи, что он делал. Я не имею никаких сведений о том, что министерство экономики вообще имело какое-то отношение к охране культурных ценностей. Я ничего не могу об этом сказать.

Заутер: Вам нечего сказать об этом?

Функ: Нет, в отношении айнзацштаба Розенберга, нет. О политике на оккупированных территориях, я могу много сказать …

Заутер: Сейчас нас это не интересует.

Функ: Но вы, наверное, захотите услышать об этом позже.

Заутер: Затем, доктор Функ, в опросном листе направленном доктору Ландфриду, которого я уже называл, я задал пять или шесть вопросов касательно вашего отношения к экономической политике на оккупированных территориях. Я также задал ему вопросы о том давали ли вы указания военным командирам или рейхскомиссарам оккупированных территорий, или главам гражданской администрации Эльзас–Лотарингии, и так далее. Затем я спросил, правильно ли, что экономические директивы также для оккупированных территорий не исходили от вас как рейхсминистра экономики, а от делегата четырёхлетнего плана. Затем я спросил о вашем отношении к вопросу эксплуатации оккупированных территорий, в особенности на Западе, черном рынке, девальвации валюты, и похожем.

Я не могу сейчас зачитать заявления свидетеля Ландфрида, потому что, из–за ошибки в офисе, ответы от Ландфрида пришли только в прошлую субботу. Поскольку сейчас заслушивают ваши личные показания, лично вы желаете что–нибудь добавить к этим вопросам, или же хотите подчеркнуть то что я представлю

Военная литература (militera.lib.ru), 2020.; стр. 67.

[112] Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга — нацистская организация, занимавшаяся конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий.

трибуналу как только я получу перевод? Я задал этот вопрос потому что это практически ваша последняя возможность обратиться к этим предметам.

Функ: Я хочу заявить о своей позиции по различным вопросам, но подробности этих проблем естественно лучше смогут объяснить государственные секретари, нежели я.

Касательно директив оккупированным территориям, рейхсмаршал, так же как и рейхсминистр Ламмерс, заявили здесь о том, что я, как рейхсминистр экономики, не имел никаких полномочий принимать инструкции. Рейхсмаршал, в ходе своих показаний здесь, заявил, и я отметил это: «За директивы и экономическую политику проводимую министром экономики и президентом Рейхсбанка Функом, ответственность полностью и исключительно на мне».

И касательно оккупированных территорий, он также сказал, что если бы я принимал специальные указания в ходе официальных дел между министерством и административными ведомствами на оккупированных территориях, тогда они бы вытекали из общих директив рейхсмаршала, и как он сказал, всегда основывались на его личной ответственности.

Положение заключалось в том, что директивы оккупированным территориям в экономической области мог отдавать только делегат четырёхлетнего плана. Проведение экономической политики являлось задачей военных командиров или рейхскомиссаров которые непосредственно подчинялись фюреру. Военные командиры, как и рейхскомиссары, имели в подчинении чиновников из различных ведомств; среди них, конечно, также чиновников из министерства экономики и Рейхсбанка; даже представлявших частные предприятия. Было конечно тесное сотрудничество между ведомствами военных уполномоченных, рейхскомиссарами и представителями различных внутренних ведомств, за исключением оккупированных территорий в России где рейхскомиссары подчинялись особому министру, то есть, рейхсминистру оккупированных восточных территорий. Это было исключение, но если мы как министерство хотели, чтобы что-то сделали военные командиры или рейхскомиссары, нам было нужно сделать запрос или получить приказ делегата четырёхлетнего плана.

Тоже самое относится к главам гражданской администрации в Эльзас–Лотарингии и остальным территориям, где создавалась гражданская администрация. Там также, многочисленные ведомства министерства экономики и Рейхсбанка не имели никакого прямого права принимать директивы.

Однако, я снова подчеркиваю, что конечно существовал близкий официальный контакт между руководящими властями на оккупированных территориях и соответствующими ведомствами Германии.

Лично я – и свидетели подтвердят это в опросных листах которые пока отсутствуют, или в моём лице – прилагал величайшие усилия, чтобы защитить оккупированные территории от эксплуатации. Годами я боролся практически

отчаянной борьбой за поддержание стабильной валюты на этих территориях, потому что снова и снова мне предлагали, что я должен понизить обменный курс на оккупированных территориях, чтобы Германия могла покупать более легко и дешевле в этих странах, я делал всё мыслимое того, чтобы поддерживать экономический порядок на этих территориях. В одном случае, в Дании, я даже смог, перед лицом оппозиции всех остальных ведомств, укрепить датскую крону, потому что Датский национальный банк и датское правительство попросили это по обоснованным причинам.

Я возражал увеличению оккупационных расходов во Франции в 1942, как и в 1944. Меморандум Рейхсбанка, который я согласовал цитировал здесь американский главный обвинитель.

Оккупационные расходы устанавливались не министром экономики и президентом Рейхсбанка, а министром финансов и генерал–квартирмейстером – другими словами, высшим командованием Вермахта – и в случае Франции, Дании и других стран, также министром иностранных дел.

Таким образом, я делал всё, что мог сделать – что угодно в моей власти – чтобы сохранять экономику оккупированных территорий в порядке. Наконец я смог убедить рейхсмаршала принять распоряжение, которое запрещало всему немецкому личному составу покупать на черном рынке, но это случилось только после того как случилось много злоупотреблений в связи с этим.

Я хочу также подчеркнуть, что я считал необходимым для поддержания порядка на оккупированных территориях, чтобы общественную жизнь там не беспокоили, и что следовательно, принципиально, я всегда был против вынужденной или чрезмерной депортации иностранных рабочих с оккупированных территорий в Германию.

Я также высказывал это на совещании с Ламмерсом, которое здесь упоминали. Мои государственные секретари могут это подтвердить. С другой стороны мне было совершенно ясно, что Заукель находился в очень сложной, на самом деле отчаянной ситуации. Снова и снова от него требовали рабочей силы для немецкой экономики. Но, в особенности после того как я передал всё гражданское производство Шпееру и принял участие в центральном планировании, это не только не давало мне преимущества с точки зрения моей работы, чтобы рабочую силу доставляли в Германию из за рубежа, но на самом деле в моих интересах было, чтобы рабочие оставались на оккупированных территориях поскольку производство товаров широкого потребления в большом масштабе переводили на эти территории; как министр ответственный за обеспечения народа товарами широкого потребления я был сильно заинтересован в том, чтобы следить за тем, что правильная работа ведется на оккупированных территориях и что не происходит никаких экономических или социальных волнений.

Однако, мне кажется, что будет более полезно если мои два

государственных секретаря и вице–президент Рейхсбанка, исполнительный директор Рейхсбанка Пуль, сделают подробные заявления об этих проблемах, потому что они были более близко связаны чем я с решением этих вопросов.

Если мне предъявили обвинение в том, что с помощью клиринговых соглашений мы грабили оккупированные территории и зарубежные страны, я могу только сказать, что клиринговое соглашение первоначально не вводилось нами в наших отношениях с оккупированными территориями или во время войны, но, что это был обычный метод торговли между Германией и её деловыми партнерами. Это была система, к которой нас вынудили – и это отмечал Шахт – когда остальные нации прибегали к использованию выручки от немецкого экспорта для оплаты и амортизации немецких долгов.

Однако, всё время я подчеркивал, что клиринговые долги были реальными долгами для торговли и это важно. Я говорил снова и снова, что этот клиринговый долг был подлинным долгом Рейха и был бы оплачен по курсу, покупательной стоимости которая действовала в то время, когда возникли эти обязательства. Я особо заявил об этом, настолько подробно и настолько ясно насколько возможно, в своих речах в Вене, в марте 1944 и в Кёнигсберге, в июле 1944.

Кроме этого, в июле, я внёс предложение о том, что после войны клиринговый долг следовало преобразовать в европейский займ, для того, чтобы он не остался на пути двухстороннего обмена товарами, а был коммерциализирован; из этого можно отчетливо видеть, что я всегда считал клиринговый долг настоящим долгом, таким образом чтобы нации на оккупированных территориях, которые имели такие требования к Германии могли и были бы удовлетворены войной – и, как я постоянно подчеркиваю, по тем же курсам, которые существовали во время, когда возник долг. Однако, если бы странам пришлось оплачивать репарации на основе мирных договоров, тогда бы эти репарации конечно, вполне обоснованно, можно было бы оплатить товарами; и тогда, равным образом обоснованно, было бы возможно создать баланс между немецкими долгами и немецкими требованиями.

Но я никогда не имел ни малейшего сомнения в том факте, что клиринговый долг нужно было рассматривать как настоящий долг. Следовательно, я вынужден отказать в обвинении, что при помощи клиринговой системы мы эксплуатировали оккупированные территории. И я ещё сильнее вынужден отказать в обвинении о том, что я разделяю ответственность за бремя невыносимых расходов, в особенности оккупационных расходов и других денежных расходов, которые возлагали на оккупированные территории. Можно доказать, что я всегда возражал чрезмерному обременению оккупированных территорий. Свидетели позже дадут показания и подтвердят это.

Заутер: Господин председатель, подсудимый сослался на две речи которые он произнес в Вене и Кёнигсберге. Это два выступления которые отчасти рассматривают предмет клиринговых долгов, и отчасти излюбленную тему

подсудимого об экономическом союзе между Германией и её соседними нациями, то есть, экономическом союзе на основе полного равенства.

В интересах времени, могу я попросить о том, чтобы было вынесено судебное уведомление об этих речах, важное содержание которых отчасти довёл подсудимый и отчасти я: речь подсудимого в Вене 10 марта 1944, номер 10 в моей документальной книге, и речь в Кёнигсберге по случая четырёхсотлетия университета его родной провинции, 7 июля 1944, номер 11 в моей документальной книге.

Додд: Господин председатель, если этот документ номер 11 представлен защитой с целью показать, в чём заключалась политика подсудимого к оккупированным странам, тогда я думаю мне правильно отметить, что речь не ссылалась на оккупированные страны, а скорее государства-сателлиты Германии.

Заутер: Господин председатель, могу я также обратить внимание на документ номер PS-3819, который уже представлен обвинением. Это запись, которую подсудимый упоминал, о встрече с министром Ламмерсом от 11 июля 1944.

Согласно этой записи, подсудимый Функ присутствовал на этой встрече, и есть упоминание о нём только в одной фразе, я цитирую, на странице 8 внизу: «Рейхсминистр Функ ожидает значительные неполадки в производстве на ненемецких территориях в случае безжалостных рейдов».

Данную фразу, если вырвать её из контекста, сложно понять, но взглянув на неё в правильной связи, становиться ясно, что подсудимый Функ хотел предупредить против жестокой акции найма иностранных рабочих для немецкого производства и для немецких вооружений. Он предупреждал против любых жестоких мер - против рейдов, как они назывались в протоколе, потому что соответственно, по его мнению, производство на оккупированных территориях было бы нарушено.

Затем, господин председатель, могу я назвать другой документ. Это документ номер PS-2149, и он содержит следующее: заявление Рейхсбанка от 7 декабря 1942, «касательно вопроса повышения французских вкладов в оккупационные расходы».

Могу я заранее сказать, что оккупационные расходы во Франции были увеличены, но не по предложению подсудимого Функа и не с его одобрения, а вопреки его протесту. И это заявление, на которое ссылался подсудимый Функ, и которое я только, что цитировал – оно датировано 11 декабря 1942 – перечисляет причины, почему Функ и его Рейхсбанк очень ясно протестовали против какого–либо увеличения стоимости оккупации.

В этой связи, мне позволят спросить подсудимого о стоимости оккупации Греции.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы слышали показания свидетеля, доктора

Нойбахера[113], который был посланником в Румынии и Греции, и который также здесь подтвердил, что вы пытались снизить стоимость оккупации?
Председатель: Вы еще собираетесь продолжать?
Заутер: Да, господин председатель, я думаю, будет лучше, если мы сейчас прервёмся. Я поставлю ещё несколько вопросов.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал будет отложен этим вечером в половине четвертого.
Заутер: Свидетель, я бы хотел вернуться к вопросу, так называемого ограбления оккупированных стран, как рейхсминистр экономики, которым вы тогда являлись, вы точно можете проинформировать нас из вашего личного опыта и наблюдений о вкладе оккупированных территорий в немецкие военные усилия.
Функ: Достижения оккупированных территорий для общего ведения войны были без сомнения огромным значением. Я всегда относился к оккупированным территориям как синхронизированному с общей немецкой экономикой единому производительному организм для ведения войны, который приведет к новому порядку в Европе. Обычно в оккупированных странах применялись точно такие же основные экономические принципы как и в Германии. В 1944 я собрал статистику, чтобы показать, сколько оккупированные страны произвели для военных усилий за 3 года: 1941, 1942 и 1943, и мы вышли на цифру 90 миллиардов рейхсмарок. Это, конечно, чрезвычайно высокая цифра, но нельзя забывать, что валюты различных стран конвертировали в рейхсмарки. То есть, сниженная покупательная способность различных валют не выражена в этих цифрах. По правде, таким образом, производство ниже, чем могут показать эти рейхсмарки.

В то же время Германия использовала, по крайней мере, две трети всего своего производства, то есть, приблизительно 260 миллиардов марок, для европейских военных усилий, другими словами, почти в три раза больше чем оккупированные страны. Практически до момента вторжения у меня получалось, в случае Франции, регулировать финансовую и монетарную системы и таким образом также экономический и социальный порядок в такой степени, что, в конце немецкой оккупации, французские финансы на самом деле были более здоровыми, чем немецкие финансы, и если бы не было обстоятельств вытекающих из столкновения с войной, Франция смогла бы построить на такой основе здоровую монетарную

[113] Герман Нойбахер (1893 - 1960) был австрийским нацистским политиком, занимавшим ряд дипломатических постов в Третьем рейхе. Во время Второй мировой войны он был назначен ведущим должностным лицом министерства иностранных дел Германии по Греции и на Балканах (включая Сербию , Албанию и Черногорию). Югославским судом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

систему.

Моя статистика в определенной степени подтверждается документом представленным здесь. Это экземпляр RF–22 (документ номер F–515), и касается французских поставок в Германию. Это официальный доклад французского правительства о принудительном труде во Франции. В этом докладе есть таблицы на страницах 38, 39 и 40 показывающие сумму французских поставок в Германию в пропорции к общему французскому производству. Эти цифры показывают, что из всей французской продукции которую мы рассматриваем, за эти три года в среднем от 30 до 35 процентов отправили в Германию для объединенных военных усилий. В некоторых областях, и особенно в тех которые необходимы для обеспечения французского населения, таких как текстиль, фармацевтические поставки, газ, электричество, и так далее, эти цифры значительно ниже и в некоторых случаях насчитывают только от 5-6 процентов. Но как экономист я без колебаний допускаю, что если к этим вопросам не относится с точки зрения совместного ведения войны и совместных экономических взаимоотношений, исключение 35 процентов означает много и естественно должно было иметь серьезные последствия для всей экономики.

У меня на руках нет отдельных цифр по русским территориям. Министерство экономики само по себе было совершенно исключено из военной экономики этих территорий; мы просто пытались позволять некоторым фирмам или компаниям действовать на этих территориях в качестве частных предприятий, то есть, они покупали и продавали на свой собственный риск. Я не принимал участия в управлении этими регионами помимо факта, что я был председателем Континентальной нефтяной компании, которая действовала в этих регионах в соответствии с указаниями четырёхлетнего плана и приказами Вермахта. Но я лично, как председатель наблюдательного совета, должен был заниматься только финансовыми делами этой компании.

Заутер: Свидетель, в конце этого утреннего заседания вы говорили о центральной плановой комиссии, органе, о котором мы много слышали. Вы заявляли, хотя и довольно кратко, что как министр экономики вы не были заинтересованы в том факте, что иностранных рабочих перевозили в Германию, независимо от того для вооружения или других целей. Я вас правильно понял?

Функ: Это относится ко времени, когда я стал членом центральной плановой комиссии.

Заутер: Когда это было?

Функ: Меня позвали в центральную плановую комиссию осенью 1943, когда я передал все производственные вопросы Шпееру и когда, впервые, 22 ноября 1943 я присутствовал на заседании комиссии. Тогда я не только не имел никакого интереса в доставке иностранных рабочих в Германию, но на самом деле, с экономического аспекта, я хотел оставлять рабочих за рубежом, для производства товаров широкого

потребления, в большой степени, переведенных из Германии в оккупированные страны для того, чтобы другими словами это производство, то есть, французское производство или бельгийское производство, могло беспрепятственно работать на немецкое население, я не хотел, чтобы их забирали и в частности не хотел, чтобы их забирали силой, ибо при таком способе весь порядок и вся общественная жизнь были бы нарушены.

До этого времени, как министр экономики, я был естественно заинтересован в том, чтобы немецкая экономика имела рабочих. Однако, этими вопросами не занимались в министерстве экономике, а также в четырехлетнем плане, где генеральный уполномоченный по труду действовал с начала…

Председатель: [*Прерывая*] Конечно мы всё это слышали этим утром. Всё это приводили этим утром.

Заутер: Господин председатель, в связи с центральной плановой комиссией, вероятно, я могу сослаться на еще один документ.

[*Обращаясь к подсудимому*] И это, свидетель – и пожалуйста, ограничьте себя только этим письмом – письмо которое вы однажды написали фельдмаршалу Мильху[114] и которое приобщило, я думаю французское обвинение как экземпляр RF–675 (документ номер RF–675). В этом письме, господин Функ, вы извинялись за такое редкое участие в заседаниях центральной плановой комиссии. И тогда вы направили двух экспертов из вашего министерства на заседание, то есть двух экспертов в сфере администрирования гражданскими поставками, и по экспортной торговле. В качестве своего заместителя, государственного секретаря доктора Гайлера[115], который будет позже вызван в качестве свидетеля, некий Олендорф[116] участвовал в этой встрече центральной плановой комиссии. Вы уже видели этого человека, Олендорфа, в этом зале суда на месте свидетеля. Меня интересует знать, в чем заключались функции этого человека Олендорфа, который видимо, принадлежал к вашему министерству.

Функ: Что касалось переговоров о центральной плановой комиссии, я естественно был заинтересован только в том, чтобы на этом заседании необходимое сырье распределили для товаров широкого потребления и экспортной торговли. По этой причине Олендорф и два других эксперта по товарам широкого потребления были направлены на встречу. Олендорфа привёл в моё министерство государственный секретарь Гайлер. До этого я смутно знал Олендорфа по одному или двум встречам и имел о нём исключительно благоприятное впечатление, так как он имел

[114] Эрхард Мильх (1892 – 1972) немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал. Заместитель Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению. Освобожден досрочно.

[115] Франц Гайлер (1900 – 1972) – немецкий предприниматель и государственный деятель. Группенфюрер СС. В 1943-1945 государственный секретарь министерства экономики Германии.

[116] Отто Олендорф (1907 — 1951) — деятель германских спецслужб, группенфюрер СС и генерал лейтенант полиции. Начальник III управления РСХА, занимавшегося сбором сведений о положении дел внутри страны, начальник айнзатцгруппы D. Казнен по приговору американского трибунала.

чрезвычайно быстрый ум и всегда мог выражать свои мысли наиболее впечатляющим способом. До того времени я даже не знал, что Олендорф ранее занимал должность в главном управлении безопасности Рейха, так как его мне представили как управляющего главным управлением немецкой торговли. Гайлер был начальником этой организации, группы немецкой торговли, и Олендорф был его управляющим и как таковой мне представлен. Следовательно, у меня не имелось никаких возражений о вхождении Олендорфа в министерство и принятии области, которая соответствовала его личной деловой деятельности до сих пор – областью управления товарами широкого потребления.

Затем от Гайлера я выяснил, что Олендорф также служил в РСХА – или как бы это не называли – в качестве начальника управления в СД. Однако, я не делал исключения для такой деятельности, так как я не был полностью знаком с этими задачами, и в любом случае, я не был убежден в том, что будет что–нибудь неприемлемое для министерства. Олендорф был активен в основном как управляющий торговой группой. Насколько я знаю, он имел лишь вспомогательное занятие в РСХА, или как оно называлось. Естественно меня сильно задело и больно удивило, когда я услышал здесь о задачах которые Олендорф с его «айнзацштабом» имел в предыдущие годы в России. Я никогда не слышал ни одного слова об этой деятельности Олендорфа. Он сам никогда не упоминал мне этих вещей и до настоящего момента я не знал о том типе задач, какие имел «айнзацштаб»

Олендорф никогда не говорил о своей деятельности в СД. Гайлер, который знал его гораздо лучше и более близко чем я, лучше способен предоставить информацию. В любом случае я ничего не знал об этой деятельности Олендорфа, которую он в конце концов осуществлял в годы предшествующие этой дате, и меня сильно задело то, что этот человек делал такие вещи.

Заутер: Свидетель, я должен попросить вас заявить о своей позиции в отношении показаний данных здесь другим свидетелем, которого мы видели и слышали в этом зале суда. Этот свидетель доктор Блаха[117], который сообщил в этом зале суда об условиях в концентрационном лагере Дахау[118] и который свидетельствовал – как вы наверное вспомните – что внутри и вокруг Дахау шли общие разговоры, что рейхсминистр экономики, доктор Функ, также присутствовал на одном из официальных визитов в лагерь. Как вы вспоминаете, этот свидетель ответил на мой вопрос, что он сам вас не видел, но что ваше имя упоминалось в этой связи другими заключенными. Вы были когда–либо в Дахау или каких–либо других концентрационных лагерях?

Функ: Нет, я не был ни в Дахау ни в любом другом концентрационном лагере.

Заутер: Вы можете сказать об этом с чистой совестью под присягой?

---

[117] Франтишек Блаха (1896 – 1977) – чешский и чехословацкий медик и политический деятель. Член центрального комитета коммунистической партии Чехословакии.

[118] Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии.

Функ: Да.
Заутер: Свидетель, доктор Блаха, также свидетельствовал о том факте, что эта инспекция в Дахау состоялась после дискуссии, среди министров финансов состоявшейся в Берхтесгадене или Рейхенхалле, или где–то в окрестностях. Поэтому я спрашиваю вас: вы когда–либо участвовали во встрече министров финансов, или, по крайней мере, во время о котором заявляет Блаха?
Функ: Нет, я никогда не принимал участия во встрече министров финансов, потому что я сам никогда не был таким министром. И тогда я вообще не участвовал ни в каких международных дискуссиях. Нет.
Заутер: Доктор Функ, что касалось вашего здоровья, это неудачный день для вас. Вы жаловались на сильные боли, от которых вы страдаете сегодня. Соответственно, я не желаю ставить вам какие–либо иные вопросы, за исключением одного заключительного, на который, я уверен вы способны ответить кратко.

Почему вы оставались в должности рейхсминистра экономики и президента Рейхсбанка до самого конца?
Функ: Я считал себя обязанным оставаться в этой должности столько сколько мог, для того, чтобы служить и приносить пользу своему народу. Именно в течение последних нескольких лет войны моё положение было самым трудным. Управление стало сильно дезорганизовано и мне приходилось предпринимать исключительные усилия с целью обеспечить поставки для населения, в особенности тем кого разбомбили. Мне постоянно приходилось оберегать припасы и склады от произвольных захватов гауляйтерами. В случае с одним гауляйтером, мне пришлось вызывать полицию. Я не следовал политике «выжженной земли» о которой распорядился фюрер, так что даже после оккупации вражескими державами запасы которые остались, могут быть использованы немецким народом.

У меня были указания от фюрера принять распоряжение согласно которому принятие союзной валюты вторжения было бы изменой и наказывалось смертью. Я не принял такого распоряжения. Я прилагал все усилия, чтобы предотвратить разбазаривание и уничтожение государственного имущества и государственных денег. Я сохранил золотые депозиты и валютные депозиты Рейхсбанка, которые были в огромной опасности. Короче, до последней минуты я верил в то, что моим долгом и ответственностью было сохранять должность и быть на ней до самого конца. В особенности, когда мы, немцы узнали о том, что согласно плану Моргентау[119], статус немецкого народа нужно было низвести до овцеводов и козлятников; о том, что вся промышленность была бы уничтожена, что означало бы уничтожение 30 миллионов немцев. И в особенности после личного заявления Черчилля[120] о том, что немецкий народ пострадает от голода и возникнут эпидемии,

---

[119] «План Моргентау» «Программа по предотвращению развязывания Германией 3-й мировой войны» — программа послевоенного преобразования Германии, предложенная министром финансов США Генри Моргентау.
[120] Уинстон Черчилль (1874 — 1965) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 годах.

для меня и каждого достойного немца оставалась единственная вещь, оставаться на своём посту и делать всё в своей власти, чтобы предотвратить хаос.

У меня не было таланта ни предателя ни заговорщика, но я всегда страстно любил своё отечество, а также мой народ, и до самого конца я пытался делать всё возможное служа своей стране и своему народу и принося им пользу.

Заутер: Господин председатель, вероятно в связи с предполагаемым визитом в концентрационный лагерь я могу сослаться на опросный лист, который мы получили от свидетеля, доктора Швидлера, и который находится в дополнительном томе дела Функа как номер 14. Эти письменные показания, о содержании которых я хочу получить ваше официальное уведомление, в сущности подтверждают, что с 1 февраля 1938, свидетель доктор Швидлер, был ежедневным компаньоном подсудимого Функа; что доктор Функ никогда не посещал концентрационный лагерь; и что свидетель узнал бы об этом если бы это имело место.

На этих словах, господин председатель, я завершаю свой допрос подсудимого Функа. Благодарю вас.

Председатель: Кто–нибудь из защитников желает задать вопросы?

Доктор Заутер, вы сказали, что ссылаетесь на письменные показания доктора Швидлера? У которых номер 14? Вы сказали, что ссылаетесь на письменные показания доктора Швидлера у которых вы сказали, был номер 14 в вашей дополнительной книге. Их не видно в нашей.

Заутер: Господин председатель, прошу прощения, это номер 13. Я ошибся. Это номер 13; в дополнительном томе, номер 13, доктор Август Швидлер. Это опросный лист.

Нельте: Свидетель, у меня есть один вопрос, который я хочу вам задать, обвинение обвиняет подсудимого Кейтеля, как начальника ОКВ, вас как уполномоченного по экономике и министра Фрика как уполномоченного по администрации, по одинаковым основаниям. Люди на этих трёх должностях названы в законе об обороне Рейха от 1938. Несомненно, они вероятно исполняли определенные функции, которые могли быть существенными. Обвинение в этой связи говорит о коллегии трёх человек и придаёт много полномочий и значения этой коллегии трёх человек в связи с пунктом обвинения о планировании и подготовке агрессивных войн.

Итак, я спрашиваю вас: существовала такая коллегия трёх человек и в чём заключались функции этих трёх должностей, которые здесь называли, согласно закону об обороне Рейха?

Функ: Из–за путаницы царившей в немецкой администрации мы сами едва ли строго придерживались таких вещей; таким образом неудивительно, если обвинение ошиблось в этом пункте. Я сам никогда не слышал об этом комитете трёх человек или коллегии трёх человек до настоящих слушаний. Я не знал, что я принадлежал к такому комитету трёх человек или коллегии трёх человек или триумвирату или

чему–либо ещё. На основании закона об обороне Рейха похожие полномочия были предоставлены начальнику ОКВ, уполномоченному по администрации, и уполномоченному по экономике. Эти трое, в отклонение от существовавших законов, могли принимать директивы, в которых им нужно было взаимно принимать участие.

Но смысл этого приказа заключался в том, чтобы эти директивы могли быть только подчиненного характера, что в целом применялось единственно в сфере деятельности заинтересованных ведомств. Законодательство по наиболее важным вопросам либо принималось советом министров по обороне Рейха – позже только путём рассмотрения законопроекта от одного министра к другому – или указами фюрера. Насколько я знаю, было только три, четыре или пять встреч этого органа. Позже, указы фюрера были реально, важным способом издавать законы. Их принимал лично фюрер, и заинтересованные ведомства часто лишь информировали о том же самом. Следовательно, комитет трёх человек только фикция.

Нельте: Спасибо. У меня нет дальнейших вопросов.

Дикс: Доктор Функ, вы говорили о законе по регулированию труда, и вы сказали о том, что этот закон был принят при вашем предшественнике. Вы сказали: «Мой предшественник»

Функ: Нет, вы ошибаетесь; я сказал: «Предшественниках».

Дикс: Предшественниках. Вы можете сказать трибуналу при каком рейхсминистре экономики он был принят?

Функ: Этот закон был принят при рейхсминистре экономики докторе Шмитте[121], насколько я помню. И последующее соглашение с Германским трудовым фронтом, наверное, состоялось при Шахте. Я в частности вспоминаю лейпцигские резолюции.

Дикс: Затем вы также упоминали, что в подчинении Шахта находилась должность уполномоченного по военной экономике. Вы вспомните, что свидетель Фокке отрицал существование такой должности Шахта как уполномоченный по военной экономике, и Шахт делал то же самое. Какую должность вы имели в виду? Опишите должность, которую вы имеете в виду.

Функ: Это не была должность в смысле, в котором это здесь интерпретируют. Это был комитет экспертов из различных ведомств, который возглавлял представитель уполномоченного по военной экономике, которым являлся Шахт, и позже мой представитель как уполномоченный по военной экономике. При Шахте это был регинрунгсрат Вольтат, а при мне это был бывший государственный секретарь Шахта Поссе.

Дикс: Разумеетсч. Итак, он идентична рабочему комитету, который возник на основе старого закона об обороне Рейха существовавшего до 1933?

Функ: С этим я не знаком.

Дикс: В любом случае, этот рабочий комитет состоял из различных ведомств?

---

[121] Курт Шмитт (1886 – 1950) - немецкий государственный деятель, 1933 – 1934 рейхсминистр экономики.

Функ: Да.

Дикс: Совместно с ОКВ?

Функ: С ОКВ, с министерством внутренних дел и позже, с решающим участием четырёхлетнего плана.

Дикс: И экспертом Шахта во время работы Шахта был доктор Вольтат?

Функ: Насколько я знаю, да.

Дикс: Тогда еще один вопрос. Вы говорили о так называемом триумвирате со ссылкой на вопрос моего коллеги о подсудимом Кейтеле. Создание триумвирата, деятельность которую вы описали, мне кажется, была после времени Шахта.

Функ: Да, кажется так. Но никакой деятельности не было.

Дикс: Нет.

Функ: Я никогда не участвовал ни в одном заседании так называемой коллегии трёх человек.

Дикс: Нет. Вы сказали, это была фикция.

Функ: Кроме того, ни одной встречи этих трёх человек так и не состоялось.

Дикс: Нет; вы сказали это была фикция.

Серватиус: У меня есть вопрос относительно заработной платы иностранных рабочих. Заукель предпринимал какие–либо особые усилия в связи с переводом заработной платы? Вам, что–нибудь об этом известно?

Функ: Да. Заукель непрерывно настаивал перед Рейхсбанком и рейхсминистерством экономики, что должен быть крупномасштабный перевод заработной платы в зарубежные государства и на оккупированные территории. Естественно мы находились здесь в очень сложном положении, потому что в особенности в юго–восточных европейских странах валюты сильно девальвировались, и покупательная способность немецких денег значительно упала, в то время как я поддерживал стабильный обменный курс для того, чтобы инфляционные тенденции в этих странах не усиливались бы и не привели к полному экономическому хаосу в результате неспособности контролировать валюту. Таким образом нам приходилось вводить надбавки к выплатам немного компенсируя девальвацию денег в оккупированных и других странах. Всего, переводили значительные суммы. Я оцениваю эти суммы по крайней мере в 2 миллиарда рейхсмарок.

Серватиус: Вам известно пытался ли Заукель делать что–нибудь по поводу одежды иностранных рабочих? Что–нибудь делали?

Функ: Он прилагал значительные усилия, и это было в особенности трудным для министра экономики, из-за небольшого количества сырья которое центральная плановая комиссия предоставляла министерству для заботы о населении и в результате растущего количества разбомбленных людей, мы получали все большие запросы на поставки. При этом, несмотря на это, мы пытались выполнять эти требования Заукеля насколько было возможно, но конечно мы полностью не могли этого сделать.

Серватиус: В какой степени поставляли материал для одежды? Вы можете привести какие–либо цифры?

Функ: Нет.

Серватиус: Вам что–либо известно об отношении Заукеля к Гиммлеру, поскольку согласно обвинению, он с ним сотрудничал?

Функ: Я помню один конкретный инцидент. Когда мне нужно было бежать в Тюрингию со своим золотым запасом и оставшейся иностранной валютой, я позвонил однажды вечером Заукелю; государственный секретарь Кепплер, который постоянно здесь упоминался, также присутствовал.

В ходе беседы Заукель и Кепплер стали страшно спорить с Гиммлером. Заукель довольно прямо сказал Гиммлеру о том, что он уничтожил административное единство Германии; что он был главным ответственным за дезорганизацию немецкой администрации, так как с помощью СС он создал государство в государстве. Заукель сказал далее: «Как люди могут сохранять дисциплину, если высшие люди Рейха сами не соблюдают эту дисциплину»?

Серватиус: У меня больше нет вопросов.

Кубушок: Это правда, что после речи фон Папена в Марбурге в июне 1934 Гитлер попросил вас поехать к рейхспрезиденту фон Гинденбургу в его деревенское поместье в Нойдоке и сказать ему следующее:

Вице–канцлер фон Папен, из–за запрета произносить публично свою речь, попросил отставку. Эту отставку нужно было одобрить, потому что фон Папен из-за своей речи в Марбурге был виновен в серьезном нарушении дисциплины рейхскабинета.

Функ: Когда рейхспрезидент фон Гинденбург находился в своём поместье в Нойдоке, он часто приглашал меня. Я уже упоминал, что я дружил с ним. Визит, похоже состоялся, когда возник вопрос речи фон Папена в Марбурге, и рейхсмаршал предложил фюреру, насколько я вспоминаю, чтобы я сообщил рейхспрезиденту об этом инциденте. Фюрер поручил это мне, и я рассказал рейхспрезиденту, что между фюрером и фон Папеном возник конфликт из–за какой-то речи. Я не знал содержания речи, поскольку в то же время её публикация была запрещена. Тогда рейхспрезидент просто ответил: «Если он не придерживается дисциплины, тогда он должен быть готов принять последствия».

Кубушок: Спасибо.

Фриц: Свидетель, когда и где вы встретили вашего со–подсудимого Фриче?

Функ: Когда он работал в отделе прессы министерства пропаганды. Однажды он явился ко мне и хотел денег для «Трансокеанского[122]» и я дал ему эти деньги.

Фриц: Вы тогда были государственным секретарём в министерстве пропаганды?

Функ: Да.

Фриц: Какой это был год?

[122] Трансокеанская служба новостей – немецкая телеграфная служба новостей существовала с 1914 по 1945.

Функ: Должно быть, это было в 1933 или 1934.
Фриц: Когда он пришел к вам, вы знали, какое положение было у Фриче в министерстве пропаганды?
Функ: Я знал, что он был в отделе прессы.
Фриц: У него было ведущее положение? Он, вероятно, был главой управления?
Функ: Нет. Тогда, насколько я помню главой управления был доктор Ханке. Позже Берндт[123].
Фриц: По вашим наблюдениям находился ли Фриче в каком–либо близком контакте с доктором Геббельсом?
Функ: Меня никогда не вызывался ни на какие дискуссии, которые доктор Геббельс ежедневно проводил со своими экспертами. Это делалось с помощью его личного помощника доктора Ханке, который позже стал государственным секретарем. Но поскольку Фриче не был главой департамента, я полагаю, что его также не вызывали на такие дискуссии. Насколько я знаю, большинство глав департаментов вызывали на дискуссии, но точно не Фриче.
Фриц: Значит согласно вашим сведениям, как государственного секретаря в то время, он не был одним из ближайших сотрудников доктора Геббельса, если я вас правильно понял.
Функ: В то время мне так не казалось. Конечно, я не знаю, как было позже.
Председатель: Обвинение?
Додд: Свидетель, вы меня слышите?
Функ: Да.
Додд: Мы слышали из ваших показаний с вечера пятницы, и как мы понимаем из ваших заявлений, вы не признаёте ни в какой степени никакие обвинения вменяемые вам в обвинительном заключении, возможно при одном исключении. Мне не ясно сделали вы или нет признание этим утром в отношении вашего участия в преследовании евреев. Вы теперь скажите нам, намерены вы либо нет признать свою вину или участие в преследовании евреев?
Функ: Этим утром я сказал, что у меня есть глубокое чувство вины и глубокое чувство стыда за вещи, которые происходили с евреями в Германии, и что во время, когда начались террор и насилие я был вовлечен в сильный конфликт со своей совестью. Я чувствовал, я почти могу сказать, что происходит величайшая несправедливость. Однако, я не чувствую вины в отношении обвинительного заключения против меня, то есть, что согласно обвинительному заключению я виновен в преступлениях против человечности, потому что я подписывал директивы по исполнению законов которые принимались вышестоящими ведомствами – законов созданных для того, чтобы евреи не были полностью лишены своих прав, и для того, чтобы они получили какую-то правовую охрану по крайней мере

[123] Альфред Берндт (1905 – 1945) – немецкий журналист, писатель, государственный деятель , являлся руководителем ряда департаментов в рейхсминистерстве народного просвещения и пропаганды. Убит на Восточном фронте.

относительно компенсации и расчётов. Я признаю свою вину, моральную вину, но не вину из-за того, что я подписывал эти директивы по исполнению законов; в любом случае не вину против человечности.

Додд: Хорошо. Это то, что я хотел понять. Вы также сказали трибуналу, что вы – думаю, вы использовали выражение «часто был перед дверью, но никогда не входил», и я понимаю, что это означает, что вы по вашему собственному суждению, вы были на самом деле маленьким человеком в нацистской организации. Это так?

Функ: Да…

Додд: Хорошо. Это ответ. Вы можете объяснить его позже, но для настоящих целей этого достаточно.

Функ: Могу я дать этому объяснение. Я хотел заявить, что при занимаемом мной положении, всегда были вышестоящие власти, которые принимали окончательное решение. Так было дело в отношении всех должностей, что я занимал в государстве.

Додд: Что же, давайте вместе проверим некоторые доказательства, и посмотрим, были вы или нет, всегда фактически подчинённым и были ли вы всегда маленьким человеком, который не попадал внутрь.

Прежде всего, есть один вопрос, который я хочу прояснить перед тем как в целом начать с допросом. Вы вспоминаете, когда подсудимый Шахт давал показания, он сказал трибуналу, что после его ухода из Рейхсбанка у него был кабинет в его квартире, это так?

Функ: Да, он так говорил.

Додд: Итак, вы, конечно, скажите нам, что по другому случаю, он продолжал иметь кабинет в Рейхсбанке. Не так ли?

Функ: Я не знаю, говорил ли я и где я это говорил, но так могло быть. Я был проинформирован, с момента, когда он ушёл, что он всё еще довольно часто приходил в Рейхсбанк, и что за ним сохранялся кабинет. В дополнение у него также был какой-то персонал, секретарь, которого он забрал с собой из Рейхсбанка – и это всё, что я знаю.

Додд: Ещё один вопрос. Вы говорили нам, по другому случаю, что у него был офис в Рейхсбанке, где он работал с какой-то банковской информацией и где он всё еще контактировал с вами время от времени. Это не так? Вы помните, что говорили нам это или нет?

Функ: Нет, такого не было. Шахт редко…

Додд: Если вы не помните, тогда я, вероятно, могу вам немного помочь. Вы помните допрос майором Хирамом Гансом из армии Соединенных Штатов 2 июня, 3 и 4, 1945? Вы его помните? Вы знаете, кто там был – Геринг там был, фон Крозиг[124] там

[124] Иоганн Шверин фон Крозиг (1887-1977) немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. После самоубийства Адольфа Гитлера совместно с гросс-адмиралом Карлом Дёницем сформировал т. н. «Фленсбургское правительство», где занимал должности главного министра (премьер-министра) и министра иностранных дел вплоть до его роспуска 23 мая 1945 года. Американским трибуналом был осужден к 10 годам лишения свободы. Освобожден досрочно.

был, Ламмерс там был…

Функ: Да.

Додд: Хорошо. Вам задавали этот вопрос, не так ли, или скорее, перед этим ответом были какие-то другие вопросы?

Вопрос: «Шахт сохранял какую-либо правительственную должность после его увольнения с президента Рейхсбанка?» Затем Геринг дал ответ: «Рейхсминистра». Затем другой вопрос: «У него были какие-либо функции?» Геринг снова ответил: «Он оставался министром без портфеля». Затем ещё вопрос: «Присутствовал он на каких-нибудь заседаниях кабинета?» Геринг снова ответил: «Тогда не было заседаний кабинета». Вопрос: «Тогда она была чисто почетной?» Геринг сказал: «Практически».

Затем вы прервали таким заявлением (говорит Функ): «Шахт, после своего увольнения, сохранял кабинет в Рейхсбанке, где он работал со статистическими данными Рейхсбанка и где он всё еще контактировал со мной время от времени». Вопрос: «Как долго это длилось?» Ответ: «Это длилось до увольнения Шахта с министра, вероятно в 1943».

Вы давали такие ответы, не так ли?

Функ: Это неправильно. Я так не выразился. Я лишь сказал, что меня проинформировали о том, что он часто приходит в Рейхсбанк, что за ним сохранялся кабинет и что он очень редко говорил со мной. Он редко звонил мне. Это неправильно перевели.

Додд: Вам известно, что я читаю, не так ли? Вам известен этот документ, номер PS-2828?

Функ: Нет.

Додд: Его часть уже в качестве доказательств как экземпляр USA-654. И позже, в другой форме, я приобщу ту часть, которую только что зачитал.

Защитник Заутер, для вас этим утром ссылался на письмо, которое вы написали Гитлеру, я думаю, это было в 1939, очень громоздкое письмо, которое вы говорили было чем–то в чертах времени и также фактически оно было о вашем пятидесятом дне рождения. Это так? У вас была ещё одна причина написать это письмо в связи с вашим днём рождения, не так ли? Вам известно на что я ссылаюсь?

Функ: Да.

Додд: Вы получили 520 000 рейхсмарок от Гитлера в качестве подарка на день рождения?

Функ: Нет, это не правильно.

Додд: Вы не получали подарка от Геринга и Геббельса…

Функ: Да…

Додд: Подождите минуту пока я вникну – вы, кажется, не помните – вы в первую очередь получили подарок от Геринга и Геббельса который составлял 250 000 рейхсмарок от ведущих деловых людей Германии и 270 000 рейхсмарок поступило

со специального счета управляемого Герингом и Геббельсом. Затем Гитлер услышал об этом и приказал вам вернуть эти деньги, потому что они по факту пришли из промышленности, и он сам дал вам так называемое пожертвование в сумме 520 000 рейхсмарок, не так ли?

Функ: Первое неправильно, но последующее верно. Но могу я пояснить подробности; у них совершенно иной характер.

Додд: Начинайте.

Функ: На мой пятидесятый день рождения президент и дирекция Палаты экономики Рейха, главной организации во всей немецкой экономики, вызвали меня и объявили, что за мои более чем 20 лет службы немецкой экономике они хотели, с одобрения фюрера, преподнести мне в подарок поместье в Баварии. Это был сомнительный подарок, позднее я сильно волновался и переживал за него. Там был построен большой дом, потому что, как мне было сказано, фюрер сказал, что он также хотел, чтобы я там работал. Однако, налоги были настолько высокими, что я не мог их платить, ни также заплатить за оставшиеся строительные работы. Соответственно я не обращался к Герингу, но Геринг услышал об этом и дал мне 300 000 рейхсмарок с целью помочь мне в моих финансовых проблемах. Я не получал каких-либо денег от Геббельса, но с одобрения Геббельса кинокомпания в составе Палаты экономики дала мне деньги. Когда фюрер услышал о сложностях в оплате мной налогов и внесению других платежей, он предоставил сумму в 500 000 рейхсмарок в моё распоряжение. С остальными деньгами я получил два пожертвования, одно в 500 000 рейхсмарок Рейхсбанку для семей сотрудников Рейхсбанка убитых на войне и другие 200 000 рейхсмарок рейхсминистерству экономики для семей сотрудников этого ведомства, погибших на войне. Я был способен жить, и платить за содержание этого большого домовладения только, потому, что я имел относительно большой доход. Однако, с самого начала, когда я увидел огромные суммы и расходы связанные в особенности с налогами и т.д., я решил, по договоренности со своей женой, что после моей смерти это поместье должно снова быть пожертвовано Рейхсбанку или моей восточнопрусской родине. Я также обсуждал это несколько раз с дирекцией Рейхсбанка.

Додд: Меня не сильно волнует, что вы с ними делали, я лишь хочу знать получили ли вы их. И вы получили их, не так ли? Вы получили 520 000 рейхсмарок.

Функ: Да.

Додд: Вы также сделали подарок из общественных фондов с вашего собственного счета подсудимому Фрику по одному случаю, не так ли? Вы не давали Фрику на день рождения 12 марта 1942 подарок в 250 000 рейхсмарок?

Функ: Это мне не известно.

Додд: Вы не помните? Вы этого не помните? Вам, что-нибудь известно об остальных подарках, которые давались каким-либо из подсудимых из общественных фондов, также посредством вашего положения как президента Рейхсбанка или как

важного функционера нацистской партии? Вам что-нибудь известно об остальных людях и то, что они получали из казны?

Функ: Эти деньги мной не давались. Они давались из фонда фюрера Ламмерсом. Я не распоряжался такими деньгами.

Додд: Это были общественные фонды, не так ли? Они не поступали откуда-нибудь ещё кроме общества? Вам не известно, что Розенберг получил 250 000 рейхсмарок? Вам это не известно?

Функ: Нет.

Додд: В январе 1944; вы тогда были президентом Рейхсбанка?

Функ: Да, но эти деньги никогда не поступали из Рейхсбанка. Это были деньги из фондов, которые администрировались Ламмерсом и я полагаю, что деньги поступали от пожертвований Адольфа Гитлера или иных фондов. Но Рейхсбанк не имел никакого отношения к этим фондам.

Додд: Вам известно, что фон Нейрат получил 250 000 рейхсмарок 2 февраля 1943? Вам что-нибудь об этом известно? Вы тогда были президентом Рейхбанка.

Функ: Мне об этом ничего не известно.

Додд: Вы слышали о Ламмерсе и его 600 000 рейхсмарок. Вам известно, что Кейтель получил 250 000 рейхсмарок 22 сентября 1942. Вы об этом никогда не слышали?

Функ: Рейхсбанк ни имел никакого отношения ко всем этим вещам.

Додд: Вам известно, что фон Риббентроп получил 500 000 рейхсмарок 30 апреля 1943. Вы никогда об этом не слышали? Генерал Мильх получил 500 000 рейхсмарок в 1941; ни одна из этих вещей не привлекла вашего внимания?

Функ: Я никогда не имел никакого отношения к этим вопросам. Они были заботой Ламмерса и деньги не шли из Рейхсбанка.

Додд: Итак, я понял, что вы говорили, что вы в ранние дни фактически не были экономическим советником Гитлера или нацистской партии. Это ваше собственное суждение, что вы им не были. Однако, факт в том, что вы в целом считались таковым обществом, промышленниками, членами партии и высшими партийными чиновниками. Это не так?

Функ: Меня так называли, как я здесь сказал, на основании моей деятельности в 1932. Я действовал как посредник между фюрером и некоторыми ведущими экономистами и недолго осуществлял деятельность в партии, которая здесь описывалась.

Додд: Вы сами по случаю назвали себя экономическим советником, не так ли? По крайней мере, одному случаю, в ходе допроса, вы не ссылались на себя как на экономического советника партии? Вы это помните?

Функ: Нет.

Додд: Я думаю, вы согласитесь, что вы в целом воспринимались таковым, но в

действительности важна вещь, что об этом думало общество.

Функ: Я здесь свидетельствовал, что так меня называла пресса и из прессы это обозначение видимо попало в протокол. Я сам не использовал такого термина.

Додд: Вы являлись принципиальным контактёром между нацистской партией и промышленностью в самые ранние дни?

Функ: В 1932, и это единственный год, который нам нужно учитывать в связи с деятельностью с партией с моей стороны, потому что я не действовал в партии до или после этого года. Я готовил дискуссии между Гитлером и ведущими людьми промышленности, кого я могу назвать. Но в таком же качестве действовали и другие люди; например, государственный секретарь Кепплер.

Додд: Я не спрашиваю вас о других людях, я спрашиваю вас, являлись ли вы принципиальным контактёром. Действительно вас поощряла промышленность, не так ли, стать активным в партии?

Функ: Да.

Додд: Вы действовали как связной между нацистами и крупной промышленностью в Германии.

Функ: Это не занимало много времени, но я так делал.

Додд: Занимало это много времени или нет, нас это не интересует. Это заняло немного вашего времени. Вы это делали?

Функ: Да.

Додд: Вероятно, вы помните документ номер ЕС-440. В действительности это сделанное вами заявление о подготовке связи немецкой промышленности с партией, с национал-социалистическим руководством государства. Вы помните, что 28 июня 1945 вы подготовили бумагу? Вы можете вспомните, что вы сами говорили: «Кепплер, который позже стал государственным секретарём, и который служил в качестве экономического советника Гитлера до меня…». Вы использовали такую терминологию. Вы вспоминаете это?

Функ: Кепплер?

Додд: Да, он был советником до вас. Вы это помните?

Функ: Да.

Додд: Итак, в министерстве пропаганды, если я вас правильно понял, вы хотите, чтобы трибунал поверил, что вы были чем-то вроде административного функционера, а не очень важным человеком, и вы действительно не знали, что происходит. Такова ваша позиция?

Функ: Нет. У меня имелась достаточно обширная задача, и она была управлением обширной культурной и экономической работой. Я здесь об этом заявлял. Она включала кинокомпании, театры, оркестры, Немецкий совет по рекламе и управление всем немецким радио, стоящие сотни миллионов, то есть, очень широкую деятельность, организационную, экономическую и финансовую деятельность. Но пропаганда была исключительно заботой Геббельса.

Додд: Да. Вам известны политика и задачи министерства пропаганды; у вас не было сомнений о них?

Функ: Да.

Додд: Вам они известны, не так ли?

Функ: Да.

Додд: Хорошо. Итак, мы можем перейти к одному из вопросов, на который я сослался раньше, разъясняя другой вопрос. Вы вспоминаете, что подсудимый Шахт, когда давал показания, сказал, я думаю, что на известной встрече был ряд промышленников собравшихся приветствовать Гитлера, что он не собирал пожертвования? Шахт сказал, что он этого не делал. Я думаю, он сказал, что Геринг или кто-то другой это делал. Вы вспомнили показания Шахта? Вы вспомнили свой допрос по этому предмету?

Функ: Да.

Додд: Вы вспоминаете, что вы тогда нам говорили.

Функ: Да.

Додд: Что вы нам говорили?

Функ: Я сказал, что Шахт после обращений Геринга и Гитлера произнёс короткую речь, и что он попросил присутствовавших, так сказать, пойти в кассу и подписаться, то есть, внести деньги в избирательный фонд. Он собирал пожертвования и говорил, что угольная промышленность…

Додд: Кто?

Функ: Он сказал…

Додд: Кто собирал пожертвования? Я не понял, кого вы подразумевали, говоря «он».

Функ: Шахта.

Додд: Это всё, что я хотел об этом знать. Когда вы впервые узнали, что беспорядки ноября 1938 не были спонтанными?

Функ: Утром 9 ноября, по пути из моего дома в министерство, я впервые увидел, что случилось ночью. До того у меня не имелось ни малейшего намёка на то, что планировались такие эксцессы и террористические меры.

Додд: Я думаю, вы меня недопоняли. Я не спрашиваю вас, когда вы впервые узнали о беспорядках; я спросил вас, когда вы впервые узнали, что они не были спонтанными; когда вы впервые узнали, что они были инспирированы и запланированы кем-то ещё.

Функ: Я обнаружил это позже.

Додд: Насколько позже?

Функ: Я думаю сильно позже. Позже было много дискуссий по этому вопросу и никогда не было ясно, кто являлся зачинщиком этих мер террора и насилия и откуда исходил приказ. Мы знали, что он пришёл из Мюнхена. Мы знали, что в то же время 9 ноября; но, был ли это Геббельс или Гиммлер, и в какой степени

фюрер сам участвовал в этих мерах, я никогда ясно не знал. Из телефонного разговора с Геббельсом, который я сегодня упоминал, было ясно одно: фюрер должен был знать об этом, так как он рассказал мне, что фюрер распорядился, и Геринг также это говорил, чтобы евреев полностью устранили из экономической жизни. Из этого я заключаю, что фюрер сам знал об этом вопросе.

Додд: Итак, из телефонного разговора мы также видим ещё одну вещь. Вы знали, что Геббельс затеял это дело, не так ли, и что это было через день после случившегося? Вы знали, что это не было спонтанным и вот почему вы позвонили Геббельсу и получили от него; не так ли?

Функ: Да.

Додд: Как много дней спустя вы произнесли подстрекательскую речь о том, что следовало делать с евреями? Спустя около шести дней, не так ли? Я ссылаюсь на ту, что опубликована во «Frankfurter Zeitung»; ваш защитник ссылался на неё этим утром.

Функ: Да, начиная с…

Додд: И этой речью вы попытались создать у публики впечатление, что это были спонтанные беспорядки, не так ли?

Функ: Да.

Додд: Это не было правдой, не так ли?

Функ: Тогда я этого не знал. Тогда я всё еще верил, что они действительно одобрялись большинством населения. Гораздо позже я обнаружил, что был привёден в движение обычный механизм.

Додд: Вы сейчас говорите трибуналу, что утром вы позвонили Геббельсу, когда вы были под эффектом от этих беспорядков, вы не были осведомлены о том, что он их начал? Такова ваша позиция?

Функ: В то время я не знал, о том, кто начал этот режим террора и как он осуществлялся; для меня это было совершенной новостью.

Додд: Если вы не знали, кто его начал, вы знали, что кто-то ещё начал его и это не было спонтанным?

Функ: Да.

Додд: И все же в своей речи 15 ноября вы попытались создать у публики впечатление, что это были лишь беспорядки со стороны немецкого народа, не так ли?

Функ: Я основывался на том, что покушение – я не знаю, кем он был; неким атташе в Париже – и в действительности покушение вызвало сильное волнение. В этом нет сомнения.

Додд: Итак, свидетель я думаю, вы поняли мой вопрос. Вы сказали, по случаю, вы использовали такие слова: «Факт в том, что последовал взрыв возмущения немецкого народа из-за имевшей место преступной еврейской атаки против немецкого народа» и тому подобное, и вы продолжали. Вы пытались тем самым

создать впечатление, что это была спонтанная реакция немецкого народа, и я настаиваю, что вы хорошо знали и знали об этом несколько дней, не так ли?

Функ: Но я не знал, как это происходило. Я признаю, что я знал о том, что импульс шёл из того или иного кабинета.

Додд: Что же, верно. Когда вы придумали выражение «хрустальная неделя»? Вам известно, о чём это выражение; откуда оно пришло?

Функ: «Хрустальная неделя?»

Додд: Да.

Функ: Да, я однажды использовал эти слова в связи с этой акцией.

Додд: Вы придумали фразу.

Функ: Потому что многое было разбито вдребезги.

Додд: Вы тот парень, кто начал так выражаться. Вы этот человек, не так ли? Это было ваше выражение?

Функ: Да, я его использовал.

Додд: И вы использовали его – потому что вы произнесли это в речи во «Frankfurter Zeitung»?

Функ: Однажды я охарактеризовал эту акцию таким термином, это, правда, потому что многое было разбито.

Додд: Итак, позвольте нам ненадолго перейти к известному заседанию 12 ноября, когда Геринг и Геббельс и все остальные люди делали свои замечания о евреях и вы сказали, что вы присутствовали. Вы не заявляли своих возражений, чему-либо сказанному в тот день, не так ли?

Функ: Нет. Я просто пытался провести некоторые вещи упорядоченным способом, с целью что-нибудь сохранить, для евреев, например, их вклады и акции. Затем я занимался открытием магазинов, для того, чтобы вещи быстрее сходили на нет, и также делал большее.

Додд: Я это понимаю, но я думал этим утром вы были более чувствительны к этим ужасным вещам случавшимся с евреями, и вы вспоминаете некоторые из предложений сделанных в тот день Герингом и Геббельсом; они это совершенно отвратительные вещи, не так ли?

Функ: Да, я открыто признавал, что я был сильно потрясен…

Додд: Вы были? Что же…

Функ: Меня мучила моя совесть.

Додд: Хорошо. Вы продолжили после этого и произнесли вашу речь во «Frankfurter Zeitung» и вы исполняли данные распоряжения, хотя даже ваша совесть вас мучила; это так?

Функ: Но эти распоряжения были приняты. Я уже подчеркивал это здесь несколько раз. У меня не было угрызений совести, потому что были приняты распоряжения. У меня не было угрызений совести по этой причине. Но сами распоряжения –

Додд: Вот о чём я спрашиваю.
Функ: Но распоряжения были приняты. Причины для них – да; я это признаю.
Додд: Вам известно, что Шахт сказал во время дачи показаний, что если бы он был министром экономики, он не думал, что такие вещи могли случиться? Вы помните, что он это ранее говорил, не так ли?
Функ: Да. У него должны были быть очень сильные и влиятельные связи в партии, иначе он бы не смог быть успешным.
Додд: У вас не было таких связей в партии, не так ли? Вы не состояли в партии, вы были министром?
Функ: Нет, у меня не было таких связей, и я не мог предотвратить эти террористические действия.
Додд: Что же, мы на это посмотрим. Ваш защитник приобщил от вашего имени письменные показания от некого Озера, О–з– е –р–а; вы помните этого человека? О–з–е–р, вы его вспоминаете?
Функ: Да.
Додд: Вы его вспомнили?
Функ: Да.
Додд: И его письменные показания – допрос, я думаю были…
Председатель: Господин Додд, мы прервёмся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Додд: Свидетель, когда нас прервали я интересовался об Озере, О–з–е –р– е; вы его вспомнили? Он был одним из ваших сотрудников во «Frankfurter Zeitung», не так ли?
Функ: Да, он был руководителем берлинского отделения «Frankfurter Zeitung», уважаемым журналистом.
Додд: Да. Вам известно, не так ли, что у вас есть допрос или его письменные показания, которые вы приобщили этому суду; они в вашей документальной книге?
Функ: Он дал их добровольно.
Додд: Что же, я не спрашиваю вас об этом – это правильно – давал он или нет; я только хотел установить, что он так сделал.
Функ: Да.
Додд: Итак, в этих письменных показаниях, как я их прочёл, Озер придерживается того, что вы реально были достаточно любезны к евреям этой газеты. Это не так? Не в этом их смысл; что вы спасали их от увольнения и тому подобное, вы предоставили им исключение из распоряжений?
Функ: Да.
Додд: Хорошо.

Функ: Я позволил ряду редакторов попасть в эти исключения.

Додд: Да, я знаю. Теперь я хочу спросить вас об этом: была реальная причина, иная, чем любезность к евреям, для вашего поведения к этой отдельно взятой газете, не так ли?

Функ: Нет.

Додд: Что же, минуту.

Функ: Я лично не знал этих людей.

Додд: Я не сказал, что вы лично знали этих людей. Я сказал, что была причина, иная, чем ваши чувства к евреям как людям, но о которой вы ещё не говорили трибуналу, как может быть об иной причине.

Функ: В случае с редакторами «Frankfurter Zeitung»?

Додд: Да.

Функ: Нет.

Додд: Итак, это не факт, что вы и вероятно Гитлер и точно Геббельс, и некоторые высокопоставленные в нацистской партии, решили, что газета должна сохранять статус кво, для влияния за рубежом? Это неправда?

Функ: Мы об этом тогда не говорили. Этот вопрос появился позже. Он появился, когда фюрер потребовал, чтобы почти все ежедневные газеты должны были быть приняты партией или слиты с партийными газетами. И по этому поводу я добился исключения для «Frankfurter Zeitung», и «Frankfurter Zeitung» продолжала существовать долгое время. Но это было гораздо позже. Тут, фактически, единственной причиной была помощь нескольким еврейским редакторам.

Додд: Что же…

Функ: Чисто гуманная причина.

Додд: Вы можете так ответить. Я только хотел, получить ваш ответ под протокол, потому что я скажу больше об этом позднее. Я понял, что вы отрицаете, что вы создали политику сохранения статуса кво «Frankfurter Zeitung», потому что она влияла за рубежом?

Функ: Нет, я всегда считал, чтобы «Frankfurter Zeitung» оставалась такой как есть.

Додд: Что же, это было по той причине, что я предполагаю, потому что эти люди были известны в зарубежном финансовом мире, и вы не хотели отказываться от пользы газеты за рубежом? Вот то, что я понимаю, и я скажу, вот почему вы их сохранили, а не потому что вы переживали о плохом положении евреев.

Функ: Нет, не в этом случае. В этом случае не это было причиной.

Додд: Очень хорошо; итак, в отношении ваших занятий в качестве уполномоченного по экономике и их соотношения с войнами, ведущимися против Польши и других держав, у меня есть некоторые вопросы, которые я хочу вам задать. Итак, я сначала скажу вам, о чем они будут, чтобы вы были в курсе. Вы не придерживаетесь того, не так ли, что ваше положение в качестве уполномоченного по экономике не имело сильного отношения к делам Вермахта?

Функ: Да, я это утверждаю. С Вермахтом…

Додд: Итак, у меня в руке есть письмо, которое фон Бломберг написал Герингу. Вы вспоминаете это письмо? Это новый документ и вы его не видели в суде, но вы вспомнили какое-нибудь такое письмо?

Функ: Нет.

Додд: Что же, я прошу вручить вам документ номер ЕС-255.

[*Документ вручили подсудимому*] Господин председатель, он станет экземпляром USA– 839.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, это письмо от фон Бломберга, на самом деле, сейчас меня касается лишь последняя фраза. Вы заметите, что фон Бломберг, в этом письме, ссылается на факт, что был назначен Шахт, но последняя фраза говорит, или в предпоследнем абзаце, он сначала призывает, чтобы вас немедленно назначили, и это подчеркнуто в его письме и в последнем абзаце он говорит:

> «Неотложность единообразной дальнейшей работы по всем приготовлениям для ведения войны не допускает паралича этого ведомства до 15 января 1938».

Кстати это письмо, было написано 29 ноября 1937. Разумеется, фон Бломберг думал о том, что работа, которую он предлагал вам, имела бы очень большое влияние на ведение войны, не так ли?

Функ: Может быть, но в первую очередь, мне не известно об этом письме, и во-вторых, я не был сразу же назначен уполномоченным по экономике, а только в течение 1938. Спустя некоторое время после моего назначения министром экономики, я спросил Ламмерса, почему моё назначение уполномоченным по экономике заняло так долго, он ответил, что сначала следует выяснить мои отношения с делегатом четырёхлетнего плана. В этом заключалась причина, почему прошло несколько месяцев, прежде чем я стал уполномоченным по экономике, потому что нужно было удостовериться в том, что Геринг имеет решающие полномочия в военной экономике…

Додд: Вам действительно не нужно во всё это вдаваться.

Функ: Я не знаю об этом письме, и я никогда не говорил с фон Бломбергом об этом деле.

Додд: Хорошо. Вероятно, вы вспомните, что ОКВ, после вашего назначения, заявило некие возражения вашим полномочиям. Вы это помните?

Функ: Нет.

Додд: Итак, здесь я держу ещё один новый документ, номер ЕС-270, который я прошу показать вам, который станет экземпляром USA-840. Пока вы его ожидаете, я скажу вам, что это письмо, написанное 27 апреля 1938. Вы заметите, что в первом абзаце этого письма из ОКВ сказано, что интерпретация, которую придают указу фюрера – указу от 4 февраля 1938 – не отвечает нуждам тотальной

войны.

И затем спуститесь к третьему абзацу на этой первой странице, и вы найдете другие возражения в отношении ваших полномочий. Видимо тогда ОКВ думало, что вы имеете слишком большое отношение к тому, что являлось бы военными усилиями, и наконец, господин свидетель, на последней странице, если вы посмотрите на этот абзац, вы всё равно увидите эту фразу – на последней странице английского языка; почти в конце письма появляется фраза:

> «Военная экономика, которая подчинена уполномоченному, представляет собой экономический тыл промышленности вооружений».

И я хочу, чтобы вы внимательно посмотрели на слова «промышленности вооружений».

И затем оно продолжается:

> «Если данный этап окажется неудачным, ударная сила вооруженных сил окажется под вопросом».

Я прошу, чтобы вы уделили внимание словам «промышленности вооружений», потому что я вспомнил как этим утром вы говорили о том, что не имели абсолютно никакого отношения к промышленности вооружений, но видимо ОКВ 27 апреля 1938 думало, что имели. Это не так?

Функ: Я также не знаю и это письмо. Я не знаю об отношении ОКВ, но я знаю это: ОКВ, в особенности со-подсудимый фельдмаршал Кейтель, считал, что в то время я, как генеральный уполномоченный по военной экономике, должен был принять полномочия и компетенцию Шахта, но между рейсхмаршалом и фельдмаршалом Кейтелем был разговор – Кейтель мне это подтвердил – в котором рейхсмаршал ясно объявил: «Военная экономика не будет передана Функу». Я могу честно и искренне сказать, что я не имел ни малейшей идеи обо всех этих вещах. Я не знал, какое положение планировало для меня ОКВ. Я никогда не имел такой функции, потому что управление промышленностью вооружений никогда не включали в министерство экономики. Я не помню вопроса.

Додд: Хорошо. Это ваш ответ. Я полагаю, в то время вы также были осведомлены, как вы сказали трибуналу, что вы в действительности подчинялись Герингу и имели низкое положение во всех таких вещах. Это так?

Функ: Да.

Додд: Я собираюсь попросить вас посмотреть на ещё один документ, номер ЕС-271, который станет экземпляром USA-841, и этот документ состоит из письма, которое вы написали Ламмерсу, письма которое Ламмерс написал начальнику высшего командования, фельдмаршалу Кейтелю, и одно или два письма не важных для целей настоящего опроса. Оно было написано 31 марта 1938, и я хочу, чтобы вы перевернули на вторую страницу, потому что там появится ваше

письмо. Первая страница это просто сопроводительное письмо от Ламмерса Кейтелю, но давайте посмотрим на вторую страницу. У вас это есть?

Функ: Да.

Додд: Вы писали Ламмерсу и вы говорите – я не собираюсь зачитывать всё письмо, а только второй абзац. Вы писали Ламмерсу и говорили помимо прочего:

> «По случаю поездки в Австрию я, помимо прочих дел, также побеседовал с фельдмаршалом Герингом о положении уполномоченного по военной экономике. В этой беседе я отметил, что вопреки отношению ОКВ, о котором меня проинформировали, указ от 4 февраля 1938 касательно руководства Вермахтом не изменил положение уполномоченного по военной экономике».

И вы продолжаете – помимо того факта, что указ относился исключительно к командованию вооруженных сил, и тому подобное, и что в особенности последний абзац того указа заявлял, что вы зависели от указаний фюрера – сказано:

> «Более того, помимо указаний фюрера включая решение правительства Рейха от 21 мая 1935, согласно которому уполномоченный по военной экономике, в своей сфере обязанностей как высший орган Рейха, непосредственно подчиняется фюреру.
>
> Генерал-фельдмаршал Геринг заверил меня в том, что моя вышеуказанная интерпретация, была правильной в каждом отношении и также соответствует мнению фюрера. Соответственно я попросил его предоставить мне короткое письменное подтверждение. Фельдмаршал Геринг пообещал одобрить эту просьбу».

Итак, вы написали это письмо Ламмерсу, не так ли, 31 марта 1938, «да» или «нет»?

Функ: Конечно.

Додд: Хорошо. Вы попытались получить верховные полномочия и сделать себя ответственным только перед фюрером и это то, чем было это состязание, и вот о чём документ номер ЕС-271 ссылающийся на это и это ваш ответ на возражение ОКВ о том, что у вас слишком много власти. Господин свидетель, это не выглядит так, будто вы были маленьким человеком?

Функ: Да. Я хотел разъяснить положение, но позднее его разъяснили не в таком смысле, а в том смысле, что я зависел от указаний рейхсмаршала. Я написал это письмо для того, чтобы попытаться добиться разъяснения, но я не помню подробностей этого письма.

Додд: Вы сказали Ламмерсу…

Председатель: Господин Додд, это не то письмо, которое вы только, что зачитали, а письмо, которое ссылается на письмо, которое вы сразу же предъявили ему?

Додд: Да, сэр, это. Оно ссылается на ЕС-271. Я извиняюсь, я сказал 271, я имел в виду 270.

Председатель: Это письмо номер GB 649/38, которое вы только что зачитали. Вы посмотрите на первый абзац ЕС-270; письмо ссылается сюда, с критикой, письмо подсудимого Функа которое вы только что зачитали.

Додд: Да это, ваша честь.

[*Обращаясь к свидетелю*] Господин свидетель, смысл в том, поймите, вы сказали трибуналу, что вы в на самом деле просто работали на Геринга, что вы немного можете сказать об этих вещах, но теперь мы выяснили, что вы написали письмо с утверждением о ваших верховных полномочиях и теперь говорите: «Это факт, что, я в действительности отвечал только перед Гитлером», и, поймите, это несовместимо. Что вы об этом скажете?

Функ: Да, фактически, я никогда так и не добился успеха.

Додд: Итак, позвольте нам понять, получилось ли у вас. Итак, переверните ещё одну страницу этого документа и вы найдете ещё одно письмо от Ламмерса, написанное 6 апреля 1938, и оно написано вам, и он говорит вам, что вы совершенно правы в понимании своего положения, что вы на самом деле подчиняетесь фюреру и что он направил копию вашего письма фельдмаршалу Герингу и командующему ОКВ. Итак, что вы об этом скажете?

Функ: Из этого я понимаю, что я пытался тогда получить этот пост, но фактически никогда этого так и не добился, потому что рейхсмаршал сам позднее заявил о том, что он никогда не передаст мне военную экономику. Формальные полномочия уполномоченного по экономике были переданы четырёхлетнему плану указом фюрера от декабря 1939.

Додд: Что же, это ваш ответ? Итак, насколько я понял, вы также по крайней мере сказали трибуналу, что вы в действительности не имели большого отношения к планированию каких-либо агрессивных войн, и что ваши занятия ограничивались регулированием и, так сказать, контролем за внутренней экономикой. Итак, на самом деле 28 января 1939, которое было за несколько месяцев до вторжения в Польшу, вы рассматривали использование военнопленных, не так ли?

Функ: Этого я не знаю.

Додд: Вы в этом уверены? Теперь я попрошу показать вам ещё один документ, номер ЕС-488, который станет экземпляром USA-842. Это неподписанное письмо, захваченный документ из ваших материалов. Кстати это письмо, было передано за подписью Сарнова. Вы знаете, кем он был, он был вашим заместителем. Итак, это письмо, датированное 28 января 1939, говорит, что его предмет это «На: Использование военнопленных». Затем оно говорит:

> «По закону об обороне Рейха от 4 сентября 1939 я руковожу
> экономическими приготовлениями обороны Рейха,
> за исключением промышленности вооружений».

Затем оно продолжает: «Для использования рабочей силы…» - и тому подобное. Но, я в особенности хотел обратить ваше внимание на предложение во втором абзаце, которое говорит:

> «Дефицит рабочей силы может вынудить меня задействовать военнопленных насколько возможно и практичнее. Следовательно, необходимо провести приготовления в тесном взаимодействии с ОКВ и ГБВ[125]. Ведомства в моём подчинении соответствующим образом примут в этом участие».

Функ: Нет, я никогда не видел этого письма, и никогда его не подписывал. Но это письмо относится к вопросам, о которых я говорил этим утром. Ведомство уполномоченного по экономике – более того, я вижу, «уполномоченный по военной экономике» перечеркнуто – постоянно занималось этими вещами. Я лично не имел никакого отношения к этому.

Додд: Теперь, это скорее игра слов. Это ваше министерство вносило такие предложения, и ваш постоянный заместитель передал это письмо, это не так?

Функ: Нет, это было…

Додд: Итак, вы посмотрите на правый угол этого письма и увидите, не сказано ли: «Уполномоченный по экономике» - и затем приводится адрес и дата.

Функ: Да, и оно подписано «По приказу: Сарнов».

Додд: Это правильно, и он был вашим постоянным заместителем, не так ли?

Функ: Нет.

Додд: Кем он был?

Функ: Он работал только в ведомстве генерального уполномоченного. Моим основным заместителем, ответственным за такие вещи был доктор Поссе.

Додд: Теперь, в любом случае…

Функ: Как я уже сказал, лично я вообще не имел отношения к этим вещам.

Додд: Только что моё внимание обратили, на то, что если вы говорите, что человеком был Поссе, тогда во втором абзаце этого письма вы найдете его имя: «Я могу сослаться на заявления генерал-полковника Кейтеля, государственного секретаря доктора Поссе…». В любом случае, важные люди в вашей организации были вовлечены в эту вещь, не так ли?

Функ: Конечно.

Додд: Хорошо. Итак, вы помните документ номер PS-3562. Это здесь представили как экземпляр USA-662. Это протокол заседания организованного доктором Поссе, вашим заместителем, на котором обсуждали меморандум о финансировании войны, и вы говорили об этом этим утром и вы сказали, что, несмотря на тот факт, что на нём есть пометка «показать министру», вы его никогда не видели.

Функ: Если бы я это видел, здесь были бы мои инициалы.

---

[125] Аббревиатура с немецкого «Генеральный уполномоченный по экономике»

Додд: Что же, так это было или нет, сейчас меня это не касается. Вместо этого, я хочу, чтобы вы послушали, пока я зачитаю из него выдержку. Если вы хотите посмотреть на документ, у вас он есть, но я думаю это вряд ли потребуется. Вы вспомнили, что в этом документе ссылаются на один из ваших меморандумов? Вы помните? Вы помните, что Поссе сказал:

> «Отмечалось, что уполномоченный по экономике преимущественно занимается введением законодательства для военных финансов, идею финансирования военных расходов в результате прогнозирования будущих доходов, ожидается после войны».

Функ: Да.

Додд: Хорошо. Это всё о чем я хотел спросить по этому документу. Мы можем вместе продолжить.

Снова ссылаясь на ваши собственные прямые показания, я понял, что вы рассказали трибуналу, что касалось войны против Польши, вы действительно не знали до определенного времени в августе, что есть даже нечто похожее на войну с Польшей; в какое-то время августа вы думали о том, что это будет разрешено дипломатическими средствами. Это не так?

Функ: При всей вероятности нет. Ибо месяцы была скрытая угроза войны, но даже в августе можно было понять, что война неминуема.

Додд: Вы планировали или готовили экономические планы для войны с Польшей более чем за год до нападения на Польшу? Вы можете ответить на это «да» или «нет».

Функ: Я не знаю.

Додд: Вы имеете в виду, что вы не знали, делали это или нет? Что вы подразумеваете таким ответом? Вы не помните?

Функ: Я не помню.

Додд: Хорошо. Тогда я могу вам помочь. Есть документ, номер PS-3324, который уже в доказательствах. Вы должны его помнить, это экземпляр USA-661. Это речь, что вы произнесли. Не так ли? Вы не помните, что говорили в ней о том, что вы тайно планировали более чем за год войну с Польшей? Вы это помните? Вы хотите посмотреть на документ?

Функ: Да, пожалуйста.

Додд: Здесь фраза:

> «При том, что все экономические и финансовые ведомства использовались в задачах и работе четырёхлетнего плана под руководством фельдмаршала Геринга, военно-экономическая подготовка Германии в другой отрасли также годами хранились в секрете…».
>
> Вы это помните?

Функ: Да, теперь я знаю.

Додд: Вы заметите здесь сказано: «Более чем за год», и вы продолжаете говорить, что это сделали при вас. Это правда?

Функ: Да, в этом заключалась деятельность уполномоченного по гражданской экономике. Я уже объяснял это этим утром.

Додд: Хорошо. Что же, хорошо. Я просто хотел понять ваш ответ…

Функ: Я не говорил о Польше.

Додд: Что же, это была единственная война, когда вы произнесли эту речь. Это был октябрь 1939.

Функ: Подготовку проводили не для конкретной войны, это была…

Додд: Хорошо.

Функ: Это была общая подготовка.

Додд: Итак, в действительности вы и Геринг даже в какой-то мере соревновались за власть, не так ли? Дверь Геринга была одной из тех в которую вы пытались попасть? Вы можете ответить на это очень просто. Вы сказали нам, что вы пытались попасть в эти различные двери, но там останавливались и никогда не входили. Теперь я спрашиваю вас, дверь Геринга была одной из таких?

Функ: Мне так не кажется, это было бы слишком самонадеянно хотеть поста Геринга. Это было далеко от моего намерения. У меня вообще было очень мало амбиций.

Додд: Я не говорю, что вы хотели его пост, но вы хотели кое-какие его полномочия, не так ли? Или вы не помните? Может это решение.

Функ: Нет.

Додд: Что же, ваш человек Поссе был здесь допрошен представителями обвинения и у документа номер PS-3894. Ему задали такие вопросы:

> «Вопрос: В чем заключался характер конфликта между уполномоченным по экономике и четырёхлетним планом?
>
> Ответ: Борьба за власть.
>
> Вопрос: Борьба за власть между Функом и Герингом?
>
> Ответ: Борьба за власть между Функом и Герингом, между Функом и министерством сельского хозяйства и министерством связи.
>
> Вопрос: Как эта борьба разрешилась?
>
> Ответ: Никак. Эта борьба всегда продолжалась под ковром».
>
> Затем мы переходим к:
>
> «Вопрос: Функ, который имел очень важные полномочия как министр экономики и позднее президент Рейхсбанка и как главный уполномоченный по экономике, на самом деле осуществлял эти полномочия?
>
> Ответ: Да. Но полномочия Геринга были сильнее.
>
> Вопрос: Несмотря на это, Функ исполнял важные полномочия?
>
> Ответ: Да, как президент Рейхсбанка, министр экономики и

уполномоченный по экономике.

Поссе был вашим главным заместителем, не так ли?

Функ: Да, но положение Поссе было немного иным. Моим заместителем был Ландфрид, и в Рейхсбанке Пуль. Они знали эти вещи лучше, чем господин Поссе.

Додд: Что же, хорошо.

Функ: Они должны знать об этом больше чем Поссе.

Додд: Вы не думаете, что он действительно знал, о чём он говорит, когда он сказал о вашей борьбе за власть? Таков ваш ответ?

Функ: Нет.

Додд: [*Обращаясь к трибуналу*] Это станет экземпляром USA-843. Мы его до сих пор не приобщали.

Итак, господин свидетель, я хочу спросить вас, о том, когда вы впервые услышали о неминуемом нападении на Россию. Я понимаю, что вы рассказали трибуналу о том, что услышали это в какое-то время – я думаю вы сказали – в мае. Правильно? Или июне?

Функ: Когда назначили Розенберга.

Додд: Что же, это то, что я хочу знать. Когда Розенберг, в апреле 1941, был назначен, вы тогда узнали, что должно было быть нападение на Россию, не так ли? Но этим утром я не думаю, что вы это прояснили. Доктор Функ, это правильно?

Функ: Да, я сказал о том, что была приведена как причина для этого назначения то, что фюрер рассматривал возможной войну с Россией.

Додд: Да, но вам известно, что вы говорили трибуналу этим утром. Вы сказали, что Ламмерс направил вам уведомление о назначении Розенберга из-за вашей заинтересованности в развитии торговых отношений с Россией. Такой ответ вы дали этим утром. Итак, это было не так, не так ли?

Функ: Да, Ламмерс также здесь это говорил.

Додд: Меня не волнует, что говорил Ламмерс. Я сейчас вас спрашиваю, это не факт, что Ламмерс сказал вам, потому что вы должны были взаимодействовать с Розенбергом в подготовке оккупации этих территорий после начала нападения. Сейчас вы можете очень просто на это ответить. Это неправда?

Функ: Нет.

Додд: Сейчас мы посмотрим. Кстати вы знаете, по другому поводу вы дали другой ответ, могу сказать, в кавычках. Вы помните, что говорили дознавателю, что впервые услышали о предстоящем нападении на Россию от Гесса? Вы помните, что давали такой ответ об источнике ваших первоначальных сведений? Вы помните, что говорили это нам?

Функ: Нет.

Додд: Я вам сейчас расскажу об этом. Мы сейчас остановимся на деле Розенберга.

Есть документ номер PS-1031 и он датирован 28 мая 1941, что немногим

больше месяца после назначения Розенберга: «Совершенно секретные записи; встреча с рейхсминистром Функом». Вам известно, что в тот день вы говорили о подделке денег для использования в России и в Украине и на Кавказе? Вы это помните?

Функ: Нет.

Додд: Вы это не помните? Что же, нам лучше взглянуть на документ. У него номер PS-1031, который станет экземпляром USA-844. Вы не помните тот день, когда ваш директор Рейхсбанка Вильгельм сказал, о том, что не должно показаться, что вы подделывали так называемые рублевые банкноты для использования в оккупированных странах? Розенберг был на этой встрече. Это очень короткий меморандум. Вы его читали? Ох, он на странице 4, я думаю, документа, что есть у вас; я извиняюсь. Вы нашли его? Он начинается: «Однако в Украине и на Кавказе, будет необходимо поддерживать нынешнюю валюту, рубль…» - и тому подобное. Вы говорили о денежных проблемах на территории которую ожидали оккупировать, и это было, почти за месяц до нападения и почти через месяц после назначения Розенберга, не так ли? Вы не сможете дать мне ответ?

Функ: Я пока не нашел отрывок. Да, если бы эти страны были завоеваны, было необходимо заниматься этими вопросами.

Додд: Смысл в том, что тогда вы разумеется знали о готовившемся нападении на страны, которые должны были завоевать, не так ли?

Функ: Я ничего не знал о нападении. Я лишь знал о неминуемой опасности войны.

Додд: Что же, хорошо, вы говорите по своему. Важно то, что вы говорили об использовании денег в Украине и на Кавказе, и это случилось месяцем позже.

Функ: Да.

Додд: Хорошо. Есть ещё немного вопросов, которые я хочу задать. Я хочу завершить допрос до отложения. У вас есть, что-нибудь на это сказать? Я всего лишь предложил показать вам, что у вас были сведения о запланированном нападении. Вы знали о том, что нечто случиться на Востоке. Это всё о чем я хотел спросить. Я думаю, что вы согласитесь с этим, не так ли?

Функ: Да.

Додд: Хорошо.

Функ: С назначения Розенберга – и я объяснял это достаточно ясно этим утром – я знал, что угрожала война с Россией.

Додд: Мы полностью согласны. Нам не нужно дальше продолжать. Я понял, что этим утром вы не знали. Всё хорошо. Значит, я неправильно понял. Теперь я понимаю, вы говорите, что вы это знали.

Функ: Этим утром я сказал достаточно ясно, что я был проинформирован о том, что фюрер ожидал войны с Россией, но я не уверен в этом документе, что

касается того кто его написал.

Додд: Что же, я тоже не знаю. Я могу просто сказать вам, что он был захвачен среди остальных документов в материалах Розенберга. Я не могу сказать о нём ничего больше. Я думаю, мы можем поговорить о чем-то ещё, если вы мне позволите. Я действительно не думаю, что есть какая-либо необходимость продолжать с этим.

Функ: Да, но он важен, поскольку эти вещи о рубле приписали мне.

Додд: Я тоже так скажу.

Функ: Здесь сказано, что я сказал, что использование рейхскредиткассы[126] и установление обменного курса представляло значительную опасность. Другими словами, у меня были сомнения относительно предложений сделанных об этом.

Додд: Хорошо. Я рад иметь ваши наблюдения об этом. Итак, я хочу немного поговорить с вами о том, когда вы приняли Рейхсбанк. Поссе был вашим основным заместителем в вашем министерстве экономики, не так ли?

Функ: Моим основным заместителем был Ландфрид.

Додд: И кстати, он был на той же встрече, о которой мы только что говорили. Кто был вашим основным помощником в Рейхсбанке?

Функ: Пуль.

Додд: Он был пережитком дней Шахта, не так ли?

Функ: Да.

Додд: Вы побудили его остаться? Вы просили его остаться?

Функ: Нет.

Додд: Вы говорили, что вы отбирали свой персонал. Это то, что вы говорили этим утром трибуналу.

Функ: Нет. Пуль остался и также Кретшман[127] и Вильгельм.

Додд: Меня не интересует ваше штатное расписание. Я только спрашиваю – и я расскажу вам о смысле. Пуль был надёжным банковским человеком, не так ли? Он был известен в международных банковских кругах. Ему предлагали должность в Чейз банке[128] Нью-Йорка, вам это известно?

Функ: Нет, это мне не известно.

Додд: Что же это правда. В любом случае он был настоящим мужчиной, надежным мужчиной, не так ли?

Функ: Да.

Додд: Вы попросили его в качестве свидетеля, не так ли?

Функ: Да.

---

[126] Кредитные кассы Рейха (Reichskreditkassenscheine) – финансовые учреждения, организованные в структуре Рейхсбанка, на которые были возложены выпуск и снабжение билетами в оккупационных рейхсмарках единого образца всех кредитных касс, организованных на территориях оккупированных стран.

[127] Макс Крештман (1890-1972) - немецкий банкир, служащий Рейхсбанка.

[128] Чейз Банк (Chase Bank) – один из старейших американских банков, основан в 1799. В 30-е годы XX века фактически крупнейший банк мира.

Додд: И вы хотели, чтобы он пришёл сюда, потому что вы верите ему и вы знаете, что он…

Функ: Да.

Додд: Итак, я хочу немного поговорить о золоте Рейхсбанка. Как много золота у вас было у вас в запасе, грубо говоря, в конце 1941. Не рассказывайте мне длинную историю об этом, потому что я не сильно в ней заинтересован. Я просто пытаюсь понять была ли у вас нехватка золота в 1941.

Функ: Когда я получил пост Шахта золотой запас, который я принял, насчитывал около 500 миллионов рейхсмарок.

Додд: Что же, хорошо.

Функ: Насколько мне известно он возрос в сколько-нибудь существенной манере только от бельгийского золота.

Додд: На самом деле – интересно слушать про всё это, но я думаю о другом. Откуда вы получали золото после вашего прихода? Откуда вы получали новые золотые запасы?

Функ: Только обменивая иностранную валюту на золото, и затем, после принятия мной должности, мы получили дополнительно золотой запас чешского национального банка. Но в основном мы увеличили наш запас бельгийским золотом.

Додд: Хорошо. Итак, конечно, золото стало для вас очень важным как вопрос платежа в иностранной валюте. Вы платили золотом дальше с 1942 и 1943, не так ли? Это так?

Функ: Было очень сложно платить золотом.

Додд: Я знаю.

Функ: Потому что страны, с которыми мы всё еще вели деловые отношения, ввели золотое эмбарго. Швеция вообще отказалась принимать золото. Только в Швейцарии мы всё еще могли вести дела обменивая золото на иностранную валюту.

Додд: Я думаю, вы установили, что вам приходилось использовать золото в качестве иностранной валюты в 1942 и 1943 и это всё, что я хотел узнать. Господин Функ, когда вы начали вести дела с СС?

Функ: Дела с СС? Я никогда этого не делал.

Додд: Да, сэр, дела с СС. Вы в этом уверены? Я хочу, чтобы вы серьезно это рассмотрели. Почти конец вашего допроса, и это очень важно для вас. Я снова вас спрашиваю, когда вы начали вести дела с СС?

Функ: Я никогда не начинал дел с СС. Я лишь могу повторить, то что я говорил на предварительном допросе. Пуль однажды проинформировал меня о том, что получен депозит от СС. Сначала я предположил, что это был обычный депозит, то есть, депозит который оставался закрытым и который нас больше не касался, но затем Пуль мне позднее рассказал, что эти депозиты СС должны быть

использованы Рейхсбанком. Я предполагал, что они включали золотые монеты и иностранную валюту, но в основном золотые монеты, которые каждый немецкий гражданин должен был сдать, и которые забирали у заключенных концентрационных лагерей и передавали в Рейхсбанк. Ценности, которые забирали у заключенных в концентрационных лагерях не поступали в Рейхсбанк, но как мы здесь несколько раз слышали, рейхсминистру финансов, то есть…
Додд: Минуточку. У вас была привычка хранить в Рейхсбанке золотые зубы?
Функ: Нет.
Додд: Но они у вас были от СС, не так ли?
Функ: Я не знаю.
Додд: Вы не знаете?

Что же, если угодно вашей чести, у нас есть очень короткий фильм, и я думаю мы сможем показать его до отложения, и я бы хотел показать его свидетелю прежде чем я его допрошу об этом золотом бизнесе в Рейхсбанке. Эта картина была снята союзными силами, когда они вошли в Рейхсбанк, и она покажет золотые зубы и коронки и тому подобное в его хранилищах.
Функ: Я об этом ничего не знаю.
Додд: Думаю, наверное, прежде чем я покажу фильм, я бы хотел – я думаю я смогу это сделать сейчас, я хочу завершить этим вечером – зачитать вам письменные показания этого человека Пуля, который, как вы мне сказали несколько минут назад, был достойным доверия, хорошо информированным человеком и которого вы вызвали в качестве свидетеля. Эти письменные показания датированы 3 мая 1946.
Заутер: Господин председатель, я протестую оглашению письменных показаний господина Пуля. Эти письменные показания наиболее вероятно – я не уверен – взяли здесь в Нюрнберге. Мы не знаем об их содержании. Обвинение сегодня удивляет нас письменными показаниями о которых мы ничего не знали, и в течение десяти минут нам бросили дюжину документов, о которых обвинение утверждает, что они краткие, в то время как, например, среди прочего, я думаю одни письменные показания, составляют двенадцать страниц. Для нас совершенно невозможно, при такой скорости допроса следовать за этими заявлениями и документами. Таким образом я вынужден протестовать использованию сейчас подобных письменных показаний.
Додд: Что же, эти письменные показания взяли 3 мая в Баден-Бадене, Германия. Мы долго пытались соединить воедино эти части дела, и наконец, у нас получилось. Конечно, мы не вручали их доктору Заутеру, потому что мы хотели использовать их для той цели, которую я сейчас хочу достичь. И это письменные показания его помощника Пуля, которого он вызвал в качестве свидетеля и от которого он ожидает опросный лист. Они имеют отношение к очень важной части дела. Я могу сказать, что если нам позволят их использовать, конечно, доктор Заутер будет иметь возможность повторно допросить о них и у него будет вся ночь, если он захочет их

изучить.

Председатель: Господин Додд, вы хотите провести перекрестный допрос свидетеля по данному документу?

Додд: Да, я хочу зачитать их ему и хочу задать ему пару вопросов о них. Я хочу, чтобы он знал, потому что на них основываются два или три вопроса перекрестного допроса и этим опровергаются его заявления сделанные о золоте.

Председатель: Вы можете так сделать. Но доктор Заутер, конечно, сможет, если пожелает, ходатайствовать о вызове данного свидетеля для перекрёстного допроса. И у него будет время, за которое он сможет изучить письменные показания и сделать любые комментарии, которые посчитает нужными.

Додд: Очень хорошо, ваша честь.

Заутер: Господин председатель, могу я сделать всего одно заявление? Сегодня произошёл случай, когда обвинение протестовало тому факту, чтобы был использован документ который обвинение заранее не получило на английском языке. Представитель обвинения сказал мне, что он не понимает по-немецки, и следовательно документ нужно перевести. Я считаю, что защита должна иметь такое же право, как и обвинение.

Если английские документы один за одним бросают мне при отсутствии у меня малейшей идеи об их содержании, тогда я не могу отвечать на них. Постоянно возрастают сложности. Например, я получил документ, содержащий 12 страниц. Прочитали одну фразу из этого документа. Подсудимому не дали времени прочитать хотя бы следующий абзац. Мне самому не дали времени. И, несмотря на это ожидается, что подсудимый немедленно объяснит одну единственную фразу вырванную из контекста, не имея возможности проверить документ. Требовать такого это чересчур.

Председатель: Доктор Заутер, у вас имелся перевод на немецкий язык почти всех документов, если не каждого. И вам также предоставлена возможность изучать документы, когда их переводят на немецкий язык. И эта возможность представиться вам в дальнейшем и если есть какие-нибудь документы, которые использованы в перекрестном допросе и сейчас они не на немецком языке, они будут переведены на немецкий язык и вы их получите. Но раз уж свидетель на перекрестном допросе, документы можно использовать. Если вы захотите повторно допросих о документах после их получения на немецком языке, вы сможете так сделать.

Заутер: Господин председатель, мы защитники также желаем продолжать, а не затягивать слушания. Но мне это совсем не поможет если, за неделю или две, когда я должен, наконец, проверить документы, брошенные сегодня на стол, я должен обратиться к вам, господин председатель, с просьбой снова опросить свидетеля. Мы рады сразу завершить с допросом свидетелей. Но мы просто не можем понять метод господина Додда. Ни я, ни подсудимый не можем понять. Нельзя ожидать от подсудимого объяснений изолированной фразы вырванной из контекста, если у него

нет шанса изучить документ целиком.

Председатель: Господин Додд.

Додд: Могу я приступить к исследованию документа?

Председатель: Господин Додд, у вас есть какое-нибудь возражение просмотру доктором Заутером документа?

Додд: Да, на самом деле есть. Я думаю это могло бы быть новым правилом. Как только началась защита, мы представляли и возражали документами с целью опровержения достоверности различных свидетелей, и использовали эти документы, и на этом основан перекрёстный допрос. Если бы мы передавали такие документы защите до перекрестного допроса, у перекрестного допроса не было бы никакого смысла.

Председатель: Господин Додд, если вы приобщаете документ и предъявляете его в качестве документа свидетелю, тогда его защитник, вправе, должен так считать, получить его в тот же момент.

Додд: Мы совершенно готовы прямо сейчас вручить ему немецкую копию. Она здесь для него, если он хочет получить её, и мы были к этому готовы, когда пришли в зал суда.

Председатель: На немецком языке?

Додд: Да, господин председатель.

Председатель: Я думаю, для нас лучше всего будет отложиться, и затем вы вручите доктору Заутеру, когда вы используете документ, перевод на немецком языке.

Додд: Да, завтра утром, мы его используем.

Председатель: Когда используете его.

Додд: Очень хорошо, сэр.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 7 мая 1946*]

День сто двадцать третий

Вторник, 7 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Функ вернулся на место свидетеля*]

Додд: Свидетель, у вас было совещание с доктором Заутером прошлой ночью после отложения суда, не так ли, около часа?
Функ: Да.
Додд: Итак, мы вчера до перерыва, когда трибунал закрылся, говорили о золотых депозитах в Рейхсбанке, я спросил вас, когда вы начали делать дела с СС, на что вы ответили, что с СС вы ничего общего не имели. Затем вы все-таки сказали и признали, что СС передавало вам некоторые материалы, имущество, некоторые вещи, ранее принадлежавшие заключенным концентрационных лагерей. Правильно ли я понял ваши показания?
Функ: Нет, я сказал, что Пуль однажды сообщил мне, что от СС получен золотой вклад, и он сказал далее несколько иронически, что лучше всего не устанавливать, что он собой представляет. Как я вчера говорил, собственно, этого и нельзя было сделать. Ведь Рейхсбанк не имел никакого права проверять, из чего состоит депозит. Лишь позже при другом докладе Пуля до моего сознания дошло, что выражение «депозит» было им неверно выбрано, что речь шла не о депозите, а о сдаче золота.
Я лично полагал, что речь все еще идет о золотом депозите, что это золото
состоит из золотых монет или иностранной валюты или небольших слитков золота или чего-то похожего, что забиралось у заключенных концентрационных лагерей – каждый в Германии должен был сдавать такие вещи – и они передавались Рейхсбанку, который их использовал. Поскольку вы упомянули вопрос, я вспомнил иной факт, которого не осознавал до сих пор. Меня спрашивали в ходе моего допроса, и в ходе того допроса я не мог сказать «да» на это, потому что в то время я этого не помнил. Меня спрашивали в ходе допроса имел ли я соглашение с рейхсфюрером, чтобы золото, доставленное в Рейхсбанк должно было использоваться Рейхсбанком. Я сказал, что не помню. Однако если господин Пуль сделал такое заявление под присягой, я не могу этого оспаривать. Очевидно, что если доставлявшееся золото поступало в Рейхсбанк, тогда у Рейхсбанка было право использовать такое золото. Я конечно никогда не говорил об этом вопросе с господином Пулем больше чем два или три раза. Что включали в себя эти депозиты или поставки и что с ними делалось, как они использовались, этого я не знаю.

Господин Пуль никогда меня об этом не информировал.

Додд: Что же, давайте посмотрим. У вас в Рейхсбанке не вошло в привычку, принимать драгоценности, оправы для очков, очки, часы, портсигары, бриллианты, золотые коронки, не так ли? Вы обычно принимали такого рода материалы для вкладов в вашем банке?

Функ: Нет; здесь нет вопроса, по моему мнению, что у банка не было права это делать, потому что эти вещи предположительно доставлялись в совершенно иное место. Если я правильно проинформирован о юридическом положении, эти вещи предположительно доставлялись в управление Рейха по благородным металлам, а не в Рейхсбанк. Бриллианты, драгоценности, и драгоценные камни не касались Рейхсбанка ,потому что он не был местом для их продажи. И, по моему мнению, если бы Рейхсбанк это делал, это было бы незаконным.

Додд: Это совершенно верно.

Функ: Если бы это случалось, тогда Рейхсбанк совершал бы незаконное действие. Рейхсбанк не был уполномочен на это.

Додд: И из этого вашего заявления следует, что если это делалось, то вы ничего об этом не знали?

Функ: Нет.

Додд: Вы не знали?

Функ: Нет.

Додд: Вы часто бывали в хранилищах Рейхсбанка, не так ли? Фактически вам нравилось водить по ним посетителей. Я говорю, вы сами часто бывали в хранилищах банка?

Функ: Да, я бывал там, где хранились золотые слитки.

Додд: Я сейчас дойду до золотых слитков. Я пока хочу установить, что вы часто бывали в хранилищах, и ваш ответ, как я его понял, «да» вы бывали?

Функ: Это было обычной вещью, если кто-либо приходил к нам с визитом, в особенности зарубежные посетители, чтобы им показывали комнаты, где хранились золотые слитки, и мы всегда показывали им золотые слитки и всегда шутили о том сможет ли кто поднять золотой слиток или нет. Но я никогда не видел чего-либо ещё за исключением золотых слитков.

Додд: Насколько тяжелыми были золотые слитки, хранившиеся в хранилищах?

Функ: Это были обычные золотые слитки в обращении между банками. Я думаю они различались по весу. Мне кажется, что золотые слитки имеют вес в 20 килограммов. Конечно, вы можете посчитать. Если…

Додд: Ну, хорошо. Меня удовлетворяет ваш ответ. Когда вы посещали хранилища, вы никогда не видели ни одной из тех ценных вещей, которые я назвал: портсигары, оправы, ювелирные изделия, часы и т. д.?

Функ. Никогда. Я, может быть, в общем четыре-пять раз

был в золотохранилищах и всегда лишь для того, чтобы показать посетителям это весьма интересное зрелище.

Додд: Только четыре-пять раз, начиная с 1941 по 1945 гг.?

Функ: Я полагаю, что не больше. Я бывал там лишь с посетителями, обычно с посетителями из-за границы.

Додд: И вы хотите убедить трибунал в том, что вы, будучи президентом Рейхсбанка, никогда не проводили ревизий или инспекций, так называемых хранилищ, и что вы сами лично не проверяли то, что там находилось? По-моему, каждый банкир обычно регулярно производит такие ревизии и инспектирует золотые запасы.

Функ: Нет, никогда. Делами Рейхсбанка руководил не президент. Дела Рейхсбанка вела дирекция. Я никогда не занимался отдельными делами, также и отдельными операциями с золотом в частности, перемещением отдельных золотых запасов небольшого объема и т. д. Если поступало большое количество золота, то об этом сообщали в дирекцию. Дирекция руководила делами, и мне кажется, что об отдельных операциях был информирован только директор ответственный за конкретное управление.

Додд: Вы когда-нибудь имели какое-либо дело с ломбардами?

Функ: С чем?

Додд: Ломбардами. Мне кажется, что в немецком языке есть слово «ломбард».

Функ: Ломбард.

Додд: Чем бы они не были, вам известно, что это такое, не так ли?

Функ: Где что-нибудь закладывают?

Додд: Да.

Функ: Нет, я никогда не предпринимал ничего…

Додд: Хорошо, мы с этим также разберемся позже. Поскольку вы не припоминаете, видели ли вы ценности, которые хранились в ваших складах, мы можем показать вам фильм о хранилищах Рейхсбанка, заснятый союзными войсками.

[*Обращаясь к председателю*] Господин председатель, я попрошу, разрешить подсудимому сесть в зале суда для того, чтобы он мог лучше видеть этот фильм, который, возможно, освежит его память.

Председатель: Да, вы можете его посадить.

[*Был продемонстрирован кинофильм*]

Председатель: Господин Додд, на определенной стадии, я так понял, вы представите доказательства, где был снят этот фильм.

Додд: Да, представлю. Будут письменные показания об обстоятельствах при которых снимался фильм, кто присутствовал и почему; но, для сведения трибунала, он был снят во Франкфурте, когда союзные силы захватили этот город и попали в хранилища Рейхсбанка.

[*Обращаясь к подсудимому*] Просмотрев этот фильм обо всех ценностях, найденных в хранилищах Рейхсбанка год тому назад, вы теперь вспоминаете, что вы действительно имели в своем распоряжении такие ценности в течение трех с лишним лет?

Функ: Ничего подобного я никогда не видел. И у меня такое впечатление, что большая часть этих вещей, показанных в фильме, взята из вкладов, так как люди тысячами приносили шкатулки, опечатанные шкатулки, в которых они сохраняли свои украшения и свои драгоценности и т. д., как это здесь видели, может быть, частично скрытые ценности, то есть те, которые они должны были сдавать, например, иностранную валюту, золотые монеты и т. д. У нас, насколько я знаю, были тысячи запечатанных вкладов, которые Рейхсбанк не мог просматривать. Таким образом, я никогда не видел ни одного предмета из тех, которые были показаны здесь в фильме, и не имею никакого представления о том, откуда взялись эти вещи, кому они принадлежали и для чего они использовались.

Додд: Да, но я спрашивал вас вчера и сейчас я вас вновь спрашиваю, было ли вам известно о том, что когда-либо какие-нибудь лица помещали на хранение в Рейхсбанк зубы, челюсти, коронки, мосты и т д.?

[*Ответа не последовало*]

Додд: Вы видели фильм, и вы видели золотые мосты, пластинки и другие предметы, относящиеся к работе дантиста. Конечно, никто никогда не хранил такие вещи в банке. Так это или нет?

Функ: Что касается о зубов, то это, конечно, особый случай. Откуда появились эти зубы, я не знаю, меня об этом не информировали, что делалось с этими зубами, я тоже не знаю. По моему убеждению, подобные вещи, если они были сданы в Рейхсбанк, должны были быть переданы управлению Рейха по благородным металлам, так как Рейхсбанк не был мастерской по переработке золота. Я не знаю, имел ли Рейхсбанк вообще технические мастерские, чтобы перерабатывать такие вещи. Мне это не известно.

Додд: Отдельные лица не только не передают на хранение свои зубы в Рейхсбанк, но они также не передают на хранение свои оправы для очков, которые вы могли видеть в фильме.

Функ: Да, я ведь это и говорю. Эти вещи, конечно, не были обычными вкладами.

Это разумеется само собой.

Додд: И вы видели, что некоторые предметы, очевидно, были переплавлены. Вы видели, что последний снимок представлял собою предмет, который выглядит так, как будто он прошел процесс переплавки. Скажите, вы видели это?

Что же, пожалуйста, отвечайте, «да» или «нет»? Вы это видели?

Функ: Я не могу сказать точно, должны ли были они сдаваться на переплавку. Я не имею ни малейшего представления об этих технических вопросах. Во всяком случае, мне теперь стало совершенно ясно, а до сих пор было неизвестно, что Рейхсбанк сам осуществлял переплавку, то есть техническую переработку золотых вещей

Додд: Хорошо, давайте посмотрим, что говорит по этому поводу ваш помощник — господин Пуль. Это именно тот человек, которого вы хотели вызвать в качестве свидетеля и который, как вы вчера сказали, заслуживает доверия. У меня имеются его письменные показания, данные под присягой 3 мая 1946 в Баден-Бадене, Германия.

«Эмиль Пуль, под присягой показывает и говорит:

1) Моё имя Эмиль Пуль. Я родился 28 августа 1889 г. в Берлине, в Германии. Я был назначен членом дирекции Рейхсбанка в 1935 году и вице-президентом Рейхсбанка — в 1939 году. Я занимал эти должности до капитуляции Германии.

2) Летом 1942 года Вальтер Функ, президент Рейхсбанка, рейхсминистр экономики беседовал со мной и позднее с господином Фридрихом Вильгельмом, который был также членом дирекции Рейхсбанка.

Функ сказал мне, что он принял меры и урегулировал вопрос с рейхсфюрером Гиммлером о том, чтобы Рейхсбанк получал от СС в виде вкладов золото и драгоценности. Функ приказал мне провести необходимую подготовку вместе с Полем[129], который в качестве начальника экономической секции СС ведал администрацией и экономическим руководством концентрационных лагерей.

3) Я спросил Функа, из какого источника поступало это золото, драгоценности и другие предметы, которые мы должны были принимать от СС. Функ ответил, что это — собственность, конфискованная у населения восточных оккупированных территорий, и просил меня не задавать дальнейших вопросов. Я протестовал против того, чтобы Рейхсбанк хранил подобные ценности. Функ заявил, что мы должны создать

[129] Освальд Поль, (1892 — 1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945).

необходимые условия для хранения таких ценностей и что все это следует держать в строжайшей тайне.

4) Я вместе с одним из ответственных сотрудников, в ведении которого находилась касса и сейфы, провел необходимую подготовку для хранения этих ценностей. На следующем заседании я представил отчет по данному вопросу дирекции Рейхсбанка. Поль, руководитель экономической секции СС, на другой день позвонил мне по телефону и спросил, сообщили ли мне что-нибудь по этому вопросу. Я сказал, что не могу говорить по этому вопросу по телефону. Он пришел ко мне и сообщил, что СС имеет некоторые ювелирные изделия и может передать их в Рейхсбанк на хранение. Я урегулировал с ним вопрос о их доставке, и, начиная с августа 1942 года, мы время от времени получали такие ценности на протяжении нескольких последних лет.

5) В число вещей, которые передавались нам на хранение, входили драгоценности, часы, оправы для очков, золотые пломбы, золотые зубы и другие золотые предметы. В основном, это было захвачено членами СС у евреев, у жертв концентрационных лагерей и других лиц. Это нам стало известно от членов СС, которые пытались превратить все эти ценности, в золото, в наличные и пользовались для этого содействием Рейхсбанка, с ведома и согласия Функа.

В дополнение к золоту и другим предметам организация СС также передавали в Рейхсбанк банкноты, иностранную валюту и другие ценные бумаги с тем, чтобы они хранились в обычном порядке в соответствии с установленным в отношении этих предметов порядком. В отношении драгоценностей и золота Функ мне сказал, что Гиммлер и фон Крозиг, рейхсминистр финансов, достигли соглашения, согласно которому золото и другие золотые вещи должны храниться на счету Рейха, и что этот счет должен передаваться казначейству Рейха.

6) Время от времени при исполнении своих служебных обязанностей я посещал хранилища Рейхсбанка и смотрел, что там хранилось. Функ также время от времени посещал хранилища и подвалы Рейхсбанка.

7) Банк золотовалютных расчётов по указанию Функа также создал возобновляемый фонд, которые, в конце концов, достигал 10—12 миллионов рейхсмарок. Они были предназначены для использования их экономической секцией СС для финансирования

производств, находившихся в ведении СС, на которых применялся труд заключенных концентрационных лагерей.

Я хорошо знаю английский язык и подтверждаю, что все вышеизложенное, насколько мне известно, полностью соответствует действительности. Эмиль Пуль».

Документ номер PS-3944; он подписан Эмилем Пулем и надлежащим образом удостоверен.

Господин председатель, я хочу приобщить эти письменные показания как экземпляр USA-846 и фильм как экземпляр USA-845.

[*Обращаясь к подсудимому*]. После того как вы заслушали эти письменные показания, данные под присягой одним из ваших ближайших сотрудников и членов дирекции Рейхсбанка, которого вы вчера назвали честным человеком, заслуживающим доверия, что вы скажете трибуналу о том, что вам было известно о взаимоотношениях между вашим банком и СС?

Функ*:* Я заявляю, что эти письменные показания Пуля ложные. По всем этим делам о золотых вкладах я говорил с Пулем самое большее три раза, я даже думаю, — два раза. О драгоценных камнях и украшениях я с Пулем никогда не сказал ни единого слова. Для меня это совершенно непостижимо, что человек, который, без сомнения, осуществлял в этом деле известные, функции, вел переговоры с СС, с Полем, хочет переложить вину на меня. Ни на какой счет я не принимаю эту ответственность и прошу, чтобы господина Пуля вызвали сюда, и чтобы в моём присутствии он мог заявить во всех подробностях, когда, где, и как он говорил со мной о разных предметах, и в какой степени я говорил ему, что ему делать.

Я повторю своё заявление, о том, что я ничего не знал о драгоценностях и других поставках из концентрационных лагерей, и что я никогда не говорил с господином Пулем о таких вещах. Я могу лишь повторить то, что я сказал вначале, а именно, что Пуль однажды сообщил мне, что получен золотой депозит от СС. Сейчас я вспомнил, это ускользнуло от меня так как я не уделил всему вопросу слишком много внимания. И что позже — это верно я по его инициативе, я теперь вспоминаю, говорил с рейхсфюрером СС о том, могут ли эти вклады использоваться Рейхсбанком. Рейхсфюрер ответил утвердительно. Но в то время я не говорил с рейхсфюрером о драгоценностях и благородных металлах и часах и подобных вещах. Я говорил только о золоте.

Касаясь того, что Пуль говорил о схеме финансирования – я думаю это заняло ряд лет – я знаю, что однажды господин Пуль пришел ко мне и сказал, что его попросили о кредите неким производствам СС и кто-то вёл с ним переговоры по вопросу. Я спросил его: «Этот кредит обеспечен? Мы получим процент? Он сказал: «Да, до сих пор у них был кредит от «Dresdner Bank» и теперь он должен быть

выплачен». Я сказал: «Очень хорошо, сделайте это». После этого я никогда не слышал чего-либо об этом вопросе. Для меня новость, что кредит был таким крупным, что он выдавался Банком золотовалютных расчетов. Я этого не помню, но это совершенно возможно. Однако, я никогда не слышал чего-либо об этом кредите, который господин Пуль давал неким производствам. Он всегда говорил о производствах, о предприятиях; это был банковский кредит, который ранее был дан частным банком. Я помню, что спросил его однажды, «Кредит был выплачен?». Это было значительно позже. Он сказал, «Нет, его еще не выплатили». Это всё, что я знаю по этому вопросу.

Додд: Хорошо, а что вы скажете относительно последней части письменных показаний, которой вы не коснулись в своем ответе и в которой говорится о том, что был создан кредитный фонд для СС, предназначенный для строительства предприятий близ концентрационных лагерей. Вы помните это? Я вам зачитаю. Пуль говорит: «Рейхсбанк по указанию Функа создал возобновляемый фонд, который, в конце концов, достиг суммы в 10—12 миллионов рейхсмарок и был предназначен для использования их экономическим отделом СС для финансирования производства материалов фабриками, находившимися в ведении СС, на которых работали заключенные концентрационных лагерей». Вы признаете, что вы это делали?

Функ: Как раз об этом я только что упоминал. Пуль однажды, это было, кажется, уже в 1939—1940 гг., сообщил мне, что его посетили господа от хозяйственных предприятий СС и вели с ним переговоры о кредите, который в то время был одобрен «Dresdner Bank» и который они теперь хотели бы получить от Рейхсбанка. Я тогда спросил Пуля: «Будут ли выплачены проценты по этому кредиту, обеспечен ли кредит?» «Конечно», — сказал он. Тогда я сказал: «Хорошо, дайте им этот кредит» как я уже говорил. Это все, что я знаю об этом деле. Я больше ничего не знаю.

Додд: Хорошо, вы также получали вознаграждение за хранение вещей, которые вы получали от СС, тех самых, которые вы видели в фильме, не так ли? Банк получил вознаграждение за свое участие в осуществлении этой программы?

Функ: Я не понял этого вопроса.

Додд: Я сказал, разве не являлось фактом, что СС платили вам в течение более чем трех лет за хранение вещей, которые они вам сдавали?

Функ: Этого я не знаю.

Додд: Да, но вы должны были знать как президент Рейхсбанка о том, платили вам за это или нет. Вы не могли не знать этого, не так ли?

Функ: Это были, наверное, настолько небольшие поступления, что

меня об этом никто не информировал.

Додд: Но что вы ответите, если я вам скажу, что Пуль в своих показаниях указал на то, что банк в течение всех этих лет получал специальное вознаграждение и что в общей сложности 77 раз грузы с драгоценностями, которые вы видели сегодня утром на экране, передавались в Рейхсбанк. Вы согласны с этим?

Функ: Возможно, что это и так, но меня не информировали об этих вещах, я ничего не знаю о них.

Додд: Разве возможно, чтобы вы, будучи президентом Рейхсбанка, ничего не знали об этих 77 поставках и о том, что вы получали вознаграждение за хранение этих драгоценностей. Вы думаете, что это вполне правдоподобно?

Функ: Если совет директоров мне не сообщал об этом, то я мог ничего не знать. По одному случаю мне говорили о золотом вкладе СС который нам доставили. И тогда я узнал об этой кредитной транзакции. Вот всё что я знаю о вопросе.

Додд: Я хочу вам сообщить об одном обстоятельстве, которое, возможно, окажет вам некоторую помощь. Дело в том, что вы время от времени посылали меморандум ряду лиц относительно этих драгоценностей, — и, я думаю, вы знаете об этом, не так ли? Вы в этом меморандуме указывали, что именно у вас находится на хранении и кому вы направляете эти драгоценности. Известны ли вам такие меморандумы?

Функ: Нет.

Додд: В таком случае будет лучше, если вы посмотрите на документ номер PS-3948, экземпляр USA-847, и понять освежит ли он вашу память. Это PS-3948.

[*Документ передали подсудимому*]

Додд: Итак, данный документ меморандум от 15 сентября 1942 г., адресованный, очевидно, на имя директора городского ломбарда в Берлине. Я не собираюсь зачитывать вам весь меморандум, хотя это и очень интересный документ, но, как вы можете видеть, в меморандуме говорится: «Мы передаем вам следующие драгоценности и просим их использовать по возможности самым наилучшим образом». Далее дается перечень этих драгоценностей: 247 колец из платины и серебра, 154 золотых часов, 1601 золотых серег, 13 брошек с драгоценными камнями. Я не буду читать все по порядку. Кое-что я пропускаю и читаю далее: «324 серебряных ручных часов, 12 серебряных подсвечников, бокалы, ложки, вилки, ножи и даже оправы для очков, вставные челюсти, пломбы, 187 жемчужин. 4 бриллианта». Здесь написано: «Hauptkasse[130] германского Рейхсбанка» и подпись неразборчива. Вероятно, если вы посмотрите на оригинал, вы сможете нам

[130] «Главная касса» (нем.)

рассказать кто его подписал.

Функ: Нет, я не знаю, кто его подписывал.

Додд: У вас есть оригинал?

Функ: Не знаю.

Додд: Что же, посмотрите на подпись там и посмотрите, если вы опознаете подпись одного из ваших работников.

Функ: Она говорит – кто-то из нашего отдела кассиров подписал его. Мне не известна подпись.

Додд: Кто-то из вашего банка, не так ли?

Функ: Да, из отдела кассиров. Мне не знакома подпись.

Додд: Вы хотите убедить трибунал в том, что сотрудники вашего Рейхсбанка, направляя все эти драгоценности в городской ломбард, даже не ставили вас об этом в известность?

Функ: Я ничего не знаю об этих операциях, и их можно объяснить лишь тем, что, по-видимому, в Рейхсбанк сдавались вещи, которые он не имел права принимать.

Додд: Я также хотел бы, чтобы вы взглянули на документ PS-3949, составленный четырьмя днями позже, 19 сентября 1942 г. Я представляю этот документ в качестве доказательства за номером USA-848; как вы видите, этот документ представляет собой меморандум относительно передачи банкнотов, золота, серебра и драгоценностей рейхсминистру финансов. В меморандуме также указывается, что дается лишь «частичный перечень» драгоценностей, полученных управлением драгоценных металлов. Я полагаю, нет надобности зачитывать весь меморандум полностью. Вы можете посмотреть и прочитать, но в последних двух абзацах, следующих после той части меморандума, где говорится о том, из чего состояли все эти поставляемые драгоценности так как они прибыли 26 августа 1942, говорится:

> «До того как мы передадим все эти доходы, исчисляющиеся суммой в 1 184 345,59 рейхсмарок, в Reichshauptkasse[131] на счет рейхсминистра финансов, мы просили бы сообщить, под каким номером должны направляться эта и последующие суммы.
>
> Позднее, может быть, будет удобно обратить внимание ответственного сотрудника рейхсминистерства финансов на суммы, переведенные в министерство германским Рейхсбанком».

На документе имеется подпись: «Hauptkasse германского Рейхсбанка» и печать: «Оплачено по чеку, Берлин, 27 октября 1942 г., Hauptkasse».

Функ: Относительно этого документа я думаю, что могу дать объяснение и при том

[131] «Главная касса Рейха» (нем.)

на основании показаний, которые были здесь даны некоторыми свидетелями по вопросу о концентрационных лагерях. Свидетель Олендорф, насколько я знаю, а также еще один свидетель показали, что ценные предметы, которые отбирались у заключенных концентрационных лагерей, передавались рейхсминистру финансов. Я полагаю, что техническая процедура была такова: эти вещи сначала ошибочно передавались Рейхсбанку, но Рейхсбанк ничего не мог сделать с этими украшениями, жемчугом, жемчужными ожерельями и т. д. и всем, что здесь указано, и передавал эти вещи рейхсминистру финансов. Таким образом, здесь со стороны Рейхсбанка был осуществлен расчет за рейхсминистра финансов. Я думаю, что к такому заключению можно прийти на основании этого письма.

Додд: Вы, несомненно, слышали показания Олендорфа о том, что вся собственность, все драгоценности этих несчастных жертв, умерщвленных в концлагерях, передавались рейхсминистру финансов; по-моему, он дал такие показания здесь, в суде. Итак, вы также…

Функ: Об этом я услышал здесь. Это для меня ново, что Рейхсбанк в таком объеме занимался этими делами.

Додд: Вы нам это уже дважды говорили.

Функ: …что Рейхсбанк занимался так подробно такими вопросами.

Додд: Вы утверждаете, что вы не знали, что сотрудники Рейхсбанка занимались этим вопросом так подробно, или вы вообще не знали того, что сотрудники Рейхсбанка занимались этим?

Функ: Я не знал, что из концентрационных лагерей вообще сдавались в Рейхсбанк украшения, часы, портсигары, кольца и так далее, это для меня ново.

Додд: Было ли вам известно о том, что поступало из концентрационных лагерей в Рейхсбанк?

Функ: Да, конечно, — золото, я уже говорил об этом.

Додд: Золотые зубы?

Функ: Я уже сказал, что нет.

Додд: Какое золото из концентрационных лагерей?

Функ: Золото, о котором сообщил мне Пуль, и я полагал, что это были золотые монеты, и вообще золото, которое должно было быть так или иначе сдано в Рейхсбанк, которое Рейхсбанк по закону мог использовать по своему усмотрению. О других предметах я ничего не знаю.

Додд: Скажите, что вам сказал Гиммлер и что вы ответили Гиммлеру, когда вы обсуждали с ним вопрос о получении золота от жертв из концентрационных лагерей? Я думаю трибуналу будет интересно узнать содержание этого разговора. Сообщите трибуналу, когда состоялась беседа, что вам сказал Гиммлер и что вы ему сказали?

Функ: Где состоялась эта беседа, я уже не помню. Я ведь видел Гиммлера очень редко, может быть, раз или два. Я полагаю, что эта беседа имела место при одном из посещений мною Ламмерса в его полевой ставке, где находилась также и полевая ставка Гиммлера, наверное, это было тогда. При этом я лишь кратко, очень кратко говорил об этом.

Додд: Скажите нам, когда это было?

Функ: Это было, приблизительно, в 1943 или 1944 году, я не помню точно.

Додд: Хорошо.

Функ: Я не придавал никакого значения этому делу. А потом я, между прочим, спросил: «Ведь имеется специальный подвал в Рейхсбанке, где хранится золото, которое принадлежит вам, СС. Господа из дирекции Рейхсбанка спросили меня, может ли Рейхсбанк использовать этот вклад для оборота». На это он ответил: «Да». Я с ним ни одного слова не сказал об украшениях или о других подобных вещах или даже о золотых зубах и т. д. Весь разговор относился лишь к этому вопросу.

Додд: Таким образом, вы хотите сказать, что это соглашение было достигнуто совершенно независимо от вас и Гиммлера, между каким-то лицом из вашего Рейхсбанка и каким-то лицом из СС, и что вы не являлись инициатором заключения этого соглашения?

Функ: Да, это был не я.

Додд: Кто из вашего банка заключал это соглашение?

Функ: По-видимому, Пуль или кто-либо другой из дирекции Рейхсбанка с представителем от хозяйственных предприятий СС. А меня информировал об этом Пуль очень коротко.

Додд: Вам известен господин Поль, П–о–л–ь, из СС?

Функ: Я представляю его. Господин Поль никогда со мной не разговаривал об этом.

Додд: Вам известен этот человек?

Функ: Я должен был точно его видеть некоторое время, но господин Поль никогда не разговаривал со мной о таких вопросах. Я никогда с ним не разговаривал.

Додд: Где вы его видели, в банке?

Функ: Да, я видел его однажды в банке, когда он разговаривал с Пулем и другими господами из дирекции Рейхсбанка в ходе обеда. Я проходил по комнате и видел его сидящим там, но лично я никогда не говорил с господином Полем об этих вопросах. Всё это ново для меня, весь предмет.

Додд: Что же, вы вспоминаете показания свидетеля Хёсса[132] в этом зале суда не так

[132] Рудольф Хёсс (1900 — 1947) — комендант концентрационного лагеря Освенцим (4 мая 1940 — 9 ноября 1943), инспектор концентрационных лагерей (9 ноября 1943 - 1945), заместитель главного инспектора концентрационных лагерей в Главном административно-хозяйственном управлении СС, оберштурмбаннфюрер СС. Казнен по приговору польского суда.

давно? Вы вспомнили человека? Он сидел там, где сидите вы. Он сказал, что он уничтожил от 2 ½ до 3 миллионов евреев и других людей в Аушвице[133]. Итак, прежде чем я задам вам следующий вопрос я хочу, чтобы вы вспомнили те показания, и я отмечу для вас то, что может вам помочь. Вы вспоминаете, что он говорил, что Гиммлер отправил за ним в июне 1941, и что Гиммлер говорил ему о поручении окончательного решения еврейской проблемы, чтобы он осуществил такое уничтожение. Вы помните, что он вернулся и осмотрел производства в одном лагере в Польше и обнаружил, что их не достаточно для убийства необходимого количества людей и он построил газовые камеры, в которые могли одновременно помещаться 2000 человек, и его программа уничтожения не могла начаться до конца 1941, и вы заметили, что ваш помощник и доверенное лицо Пуль сказал, что в 1942 начали приходить поставки от СС?

Функ: Нет, я ничего не знал о дате. Я не знал, когда эти вещи случались. Я не имел к ним никакого отношения. Для меня ново, что Рейхсбанк в такой степени занимался такими вещами.

Додд: Тогда я принимаю, что вы стоите на позиции абсолютного отрицания, что когда-либо у вас были какие-либо сведения какого-либо рода об этих операциях с СС или их отношением к жертвам концентрационных лагерей. После просмотра этого фильма, после заслушивания письменных показаний Пуля, вы абсолютно отрицаете какие-либо сведения об этом?

Функ: Только то, что касается ранее сказанного мною.

Додд: Я это понял; однажды был некий золотой депозит, но не более этого. Таково ваше заявление. Позвольте мне спросить вас кое о чём господин Функ…

Функ: Да; то, что эти вещи осуществлялись непрерывно, это для меня новость.

Додд: Хорошо. Вам, по крайней мере, известен один случай, и возможно два, вы помните когда вы сломались и заплакали на допросе, и вы говорили, что вы виновны; и вы вчера приводили объяснение. Вы помните те слезы. Я лишь хочу вас сейчас спросить; я уверен вы помните. Я только пытаюсь сформировать основу для ещё одного вопроса. Вы помните, что случилось?

Функ: Да.

Додд: И вы сказали: «Я виновен». Вы вчера нам говорили, что это было в силу общей напряженности ситуации. Я предлагаю вам, что это факт, что этот вопрос, о котором мы говорим со вчерашнего дня, был на вашей совести все время, о чем вы думали, он лежал на вас тенью даже когда вы были в заключении? И не пора ли рассказать всю историю?

Функ: Я не смогу сказать трибуналу больше чем уже сказал, то есть правду. Пусть господин Пуль отвечает перед богом за эти письменные показания; Совершенно

---

[133] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Биркенау: Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц-Биркенау) — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим

ясно, что господин Пуль теперь пытается опорочить меня и оправдаться сам. Если он годами делал такие вещи с СС, он виновен и ответственен. Я говорил с ним только три или два раза о таких вещах, то есть, о вещах упоминавшихся здесь.

Додд: Вы пытаетесь опорочить Пуля, не так ли?

Функ: Нет. Он опорочил меня и это отвергаю.

Додд: Проблема в том, что на этом золоте была кровь, не так ли, и вы знали об этом с 1942?

Функ: Я не понимаю.

Додд: Я хотел бы задать вам еще один или два вопроса по поводу двух очень небольших документов. Вы заявили трибуналу, что вы не имели ничего общего с разграблением оккупированных территорий. Известно ли вам, что представляла собой корпорация «Roges[134]»?

Функ: Я знаю лишь, что это было общество, которое, как мне кажется, по официальному заданию производило закупки для многих учреждений Рейха.

Додд: Эта корпорация «Roges» производила закупки на черном рынке во Франции за счет излишков фонда оккупационных расходов, не так ли?

Функ: Я был против того, чтобы такие закупки производились на черном рынке.

Додд: Я вас не спрашиваю о том, одобряли ли вы эту деятельность. Я просто вас спрашиваю, действительно ли они делали это или нет?

Функ: Этого я не знаю.

Додд: Хорошо. Взгляните в таком случае на документ PS-2263, составленный одним из ваших помощников — доктором Ландфридом, которого вы также вызывали в качестве свидетеля и которому был направлен опросный лист. Это—письмо от 6 июня 1942 г., адресованное в административное управление ОКВ, в котором говорится:

> «В ответ на мое письмо от 25 апреля 1942 г. – и так далее - верховное командование вооруженных сил передало в мое распоряжение из фонда оккупационных расходов 100 миллионов рейхсмарок. Эта сумма, за исключением 10 миллионов рейхсмарок, уже была передана на хранение, так как торговая корпорация «Roges» (компания по торговле сырьем) в Берлине, предъявляла очень большие требования в отношении закупок сырья на черном рынке во Франции. В целях устранения всяких задержек по производству закупок, вызванных требованиями войны,

[134] Аббр. с нем. Rohstoffhandelsgesellschaft – товарно-коммерческая торговая компания.

> необходимо выдать дополнительные суммы из фонда оккупационных расходов. Согласно информации, полученной от корпорации «Рогес» и экономического бюро военного командования во Франции, для производства таких закупок каждые десять дней необходимо иметь приблизительно 30 миллионов рейхсмарок во французских франках каждые 10 дней.
>
> Согласно сообщению корпорации «Roges», ожидается увеличение таких закупок, и поэтому будет недостаточно тех 100 миллионов рейхсмарок, которые имеются в наличии, как об этом говорится в моем письме от 25 апреля 1942 г., и, кроме того, будет необходима дополнительная сумма в 100 миллионов рейхсмарок».

Из этого письма, написанного вашим сотрудником Ландфридом с очевидностью явствует, что корпорация «Roges», созданная вашим министерством, совершала операции на черном рынке во Франции, используя деньги, которые выжимались из Франции путем чрезмерных оккупационных расходов, не так ли?

Функ: То, что «Roges» делала подобные покупки, — это верно. Эти вопросы уже однажды обсуждались здесь в связи с поручениями, с указаниями, которые были даны в соответствии с четырехлетним планом относительно этих закупок на черном рынке. Но здесь речь идет о разрешенном и организованном государством импорте, а то, против чего мы постоянно боролись, — были неограниченные закупки на черном рынке. Вчера я уже упоминал, что я наконец-то добился успеха в получении директивы рейхсмаршала, чтобы все закупки на черном рынке были остановлены, потому что из-за таких закупок естественно предприниматели уходили с легального рынка.

Додд: Об этом вы сообщали нам вчера. Это было в 1943 году. Во Франции в тот период мало что оставалось для продажи на черном рынке, на белом рынке или на каком-либо другом рынке, не так ли? Эта страна в то время уже была достаточно ограблена.

Функ: В 1943 году, мне кажется, из Франции поступало еще очень много. Во Франции еще работали предприятия, и продукция выпускалась в довольно значительных количествах. Из официальной французской статистики явствует, что еще и в 1943 году значительная часть общей продукции направлялась в Германию, причем эта часть ни в коем случае не была меньше, чем в 1941—1942 гг.

Додд: Хорошо. В любом случае я желал бы кратко остановиться на вопросах, связанных с Россией, так как, как я понял из того, что вы сказали вчера, вы не были в достаточной степени связаны с этим и что вашим представителем при Розенберге являлся некий Шлоттерер.

Функк: С самого начала я предоставил в распоряжение Розенберга министериальдиректора Шлоттерера для того, чтобы в России не работали два экономических бюро или два экономических отдела, а лишь один, а именно — ведомство рейхсминистра по делам восточных территорий.

Додд: Это все, что я хотел узнать. Он был назначен на этот пост и принимал участие в ограблении России в области машин, сырья и товаров, продолжавшемся в течение очень значительного периода времени, и вы были полностью осведомлены обо всем этом.

Функ: Нет, это неверно, это делал не этот человек; эти операции производились экономическим отделом «Восток[135]», который был, как я полагаю, учреждением в системе четырехлетнего плана. Насколько мне известно этими операциями не руководил министр Розенберг и разумеется не министерство экономики.

Додд: Вы сейчас говорите совершенно другое. Поэтому будет лучше, если я оглашу показания, которые вы дали во время предварительного допроса 19 октября 1945 г. в Нюрнберге. Вам был задан следующий вопрос:

> «Частью вашего плана являлся вывоз из России машин, сырья и других материалов и отправка их в Германию, не так ли?».
>
> Вы ответили:
>
> «Да, совершенно верно, но я не участвовал во всем этом. Во всяком случае это делалось».
>
> Следующий вопрос:
>
> «Вопрос: Но ведь вы лично и ваш представитель Шлоттерер участвовали в обсуждении и разработке этих планов?
>
> Ответ: Но я сам лично не участвовал в этом.
>
> Вопрос: Но ведь вы дали вашему представителю Шлоттереру право действовать от вашего имени?
>
> Ответ: Да, Шлоттерер был моим представителем по экономическим вопросам в министерстве Розенберга».

Функ: Нет, это неверно. Эти показания полностью неверны, ибо Шлоттерер был передан в министерство Розенберга, он стал в министерстве Розенберга руководителем экономического управления. Они также неправильны в той степени, поскольку мы отправляли в Россию больше машин, чем мы захватили в России. Когда наши войска пришли в Россию там всё было уничтожено, и с целью навести там порядок в экономике, мы отправили большое количество машин и капиталовложений в Россию.

Додд: Вы хотите тем самым сказать, что вы не давали подобных

[135] Экономический штаб «Восток» - орган экономической координации для восточных оккупированных территорий в структуре управления Четырёхлетнего плана.

ответов во время вашего допроса?

Функ: Нет, эти ответы неверны.

Додд: Это очень интересно. Вчера вы сказали нам, - что ваши ответы на вопросы, которые вам задавал майор Ганз, были неправильны. Вчера я вам зачитал показания, данные вами во время другого допроса, вы сказали, что они также неправильны. Теперь я оглашаю показания, которые вы дали третьему лицу, и вы заявляете, что они тоже неправильны.

Функ: Нет, я говорю, что неверно то, что я сказал.

Додд: Хорошо, я как раз об этом и говорю.

Функ: Они ошибочные.

Додд: Я представлю этот допрос в качестве доказательства; сейчас он не готов к приобщению, но я хочу приобщить его попозже, с разрешения трибунала.

Председатель: Вы сообщите нам, когда вы это сделаете, о номере и тому подобном?

Додд: Да. У меня больше нет вопросов.

Рагинский: После допроса господина Додда, у меня немного остается вопросов дополнительных.

Подсудимый Функ, вы вчера говорили, что ваше министерство к моменту нападения на Советский Союз имело очень ограниченные функции и вы сами были неполноценным министром. В связи с этим я хочу вам задать несколько вопросов о структуре министерства экономики. Скажите, вам известна книга Ганса Квекка[136] под названием «Имперское министерство хозяйства»? Вы знаете о такой книге?

Функ: Нет.

Рагинский: Не знаете? Вам известна такая фамилия — Ганс Квекк?

Функ: Ганс Квекк.

Рагинский: Да. Ганс Квекк. Не знаете?

Функ: Подождите. Квекке.

Рагинский: Квекке. Да. Это советник министерства хозяйства. Да. Знаете.

Функ: Я знаю одного Квекке. Квекке был министериальдиректором в министерстве экономики.

Рагинский: Министерстве экономики.

Функ: Так точно.

Рагинский: Да. И он, конечно, знал и структуру министерства и функции его, не так ли?

Функ: Да, конечно, он должен был это знать.

Рагинский: Да. Я представляю суду как доказательство под номером СССР-451 эту книгу, а вам передадут фотокопию раздела этой книги, чтобы вы могли следить, а я процитирую несколько отрывков. Я прошу открыть на

[136] Ганс Квекк (1901-1945) немецкий юрист, государственный деятель Германии, министериальрат рейхсминистерства экономики. Расстрелян СС за попытку организовать мятеж в Баварии в конце войны.

странице 65. Последний абзац этой страницы. Вы нашли это место?

Функ: Я ещё не нашел. Я только вижу…

Рагинский: Страница 65.

Функ: Да.

Рагинский: Это последний абзац страницы. Нашли, да?

Функ: Структура рейхсминистерства экономики?

Рагинский: Да. Это — структура министерства экономики на 1 июля 1941 г. Вашим постоянным заместителем был некий доктор Ландфрид. Это тот самый Ландфрид, показания которого защитник представил?

Функ: Да.

Рагинский: Я прошу следить за текстом.

> «Ландфриду был подчинен особый отдел, который ведал основными вопросами снабжения сырьем военного хозяйства».
>
> Там сказано, «военное хозяйство»?
>
> Подсудимый Функ, я вас спрашиваю…

Функ: Минуточку, минуточку, где это написано? Где это?

Рагинский: Это находится в разделе второй, отдел С. Вы нашли теперь? Отдел С, пункт второй.

Функ: «Военная экономика», я не вижу этого, я ничего не вижу о военной экономике. Здесь нет ничего о военном хозяйстве, я не могу найти. Зарубежная организация…

Рагинский: Я зачитаю весь этот абзац. А мы ещё до иностранных организаций дойдем.

Функ: Непосредственно подчиненный государственному секретарю в отделе С, особый отдел…

Рагинский: Да, да особый отдел.

Функ: …основные вопросы снабжение сырьем, основные вопросы военной экономики, основные вопросы…

Рагинский: Военного хозяйства. Вот я об этом военном хозяйстве и говорю. «Ему же подчинены вопросы политики рынков, основные вопросы, хозяйственные вопросы в пограничных областях». Министерство состояло из пяти главных управлений, не так ли?

Функ: Да.

Рагинский: Так. И в третьем главном управлении, в третьем главном управлении, это главное управление возглавлял Шмеер[137]. Так?

Функ: Да.

Рагинский: У вас была специальная группа под названием «Освобождение хозяйства от евреев». Так? В 1941 году?

---

[137] Рудольф Шмеер (1905 – 1966) – немецкий нацистский политик. Группенфюрер СА. В 1938 – 1945 занимал должности в рейхсминистерствах экономики и вооружений.

Функ: Да, да. В это время там обрабатывались эти вопросы, это верно. Там были разработаны рабочие постановления, о которых мы вчера долго говорили.

Рагинский: Подсудимый Функ, я прошу следить за текстом, а затем вы пояснения сумеете дать. «Четвертое главное управление возглавлял доктор Клукки. И это управление занималось: банками, валютной политикой и построением финансов». Не так ли?

Функ: Да.

Рагинский: Да. Я полагаю, что вы должны знать структуру своего министерства и не стоит тратить столько времени, чтобы искать это совместно, пятое главное управление возглавлял фон Ягвиц. Так?

Функ: Да.

Рагинский: Это управление занималось особыми экономическими задачами в различных странах. Пятый отдел этого управления занимался военно-экономическими вопросами внешнего хозяйства. Так?

Функ: Да.

Рагинский: Это же управление занималось особыми иностранными платежами, это управление занималось конфискацией вкладов. Это правильно?

Функ: Я этого не понимаю. Здесь говорится об отделе внешней торговли, который занимался только техническими вопросами экспорта.

Рагинский: Возьмите раздел пятый, отдел девизов. Одну минуточку. Отдел девизов. Нашли вы это место?

Функ: Так точно.

Рагинский: Ваше министерство занималось конфискацией вкладов? Так. Скажите вы имели отношение взаимодействию вашего министерства с внешнеполитическим отделом НСДАП? Вам понятен вопрос?

Функ: Так точно.

Рагинский: И у вас в министерстве был специальный отдел, который этим занимался?

Функ: Это следует объяснить тем, что заместитель государственного секретаря фон Ягвиц, который был руководителем этого главного отдела, одновременно работал в Зарубежной организации и для себя лично создал в министерстве центр связи для того, чтобы обрабатывать экономические вопросы которые поступали в министерство, в это управление экспорта, иностранное управление – через Зарубежную организацию. Это было лишь следствием того, что фон Ягвиц одновременно работал в Зарубежной организации и имел посредническое ведомство.

Рагинский: Понятно. Мне понятно. Значит, следует понимать так, что внешнеполитический отдел имел специальные экономические функции заграницей, и он взаимодействовал с вашим министерством в этом направлении, не так ли?

Функ: Нет, это неверно.

Рагинский: Для чего же у вас существовал отдел этот?

Функ: Это не отдел. Заместитель государственного секретаря фон Ягвиц одновременно работал в Зарубежной организации. Я не знаю, какой пост он занимал там, но он работал в Зарубежной организации прежде, чем был переведен рейхсмаршалом в министерство. Потом он сам в своем отделе создал нечто вроде центра связи с Зарубежной организацией, из-за границы ведь часто приезжали в Берлин хозяйственники, принадлежавшие к Зарубежной организации НСДАП, и эти люди сообщали государственному секретарю фон Ягвицу о своих делах, о своем опыте за границей. Больше я ничего не знаю об этом.

Рагинский: Вы хотите уверить, что это была частная инициатива фон Ягвица, вы, как министр, ничего не знали? Да. Я попрошу проследить за последним абзацем.

Функ: Да. Нет, я знал об этом, это происходило с моего ведома…

Рагинский: Нет. Вы послушайте, да, а потом вы ответите. Вы послушайте, что я хочу сказать. Последний абзац, этого раздела структуры, там написано следующее:

> «Пятому главному управлению подчинен внешнеполитический отдел имперского министерства хозяйства. Он (этот самый отдел) обеспечивает взаимодействие между министерством и Заграничной организацией НСДАП».

Значит, идет речь не о личной инициативе фон Ягвица, как вы хотели это здесь заверить, а этот отдел являлся отделом вашего министерства. Вы нашли это место?

Функ: Да. Господин фон Ягвиц руководил этим центром связи для сотрудничества с Зарубежной организацией, во многих случаях это было вполне естественно. Я не знаю, что в этом можно увидеть преступного или необычного.

Рагинский: Мы ещё вернемся к этому вопросу. Господин председатель, я хотел перейти к другому разделу. Не удобно ли сейчас перерыв сделать? У меня будет еще несколько вопросов.

Председатель: Очень хорошо; объявляется перерыв.

[*Объявлен перерыв*]

Рагинский: Вы вчера говорили, что были уполномоченным по хозяйству также неполноценным. Настоящим уполномоченным был Шахт, а вы были второстепенным уполномоченным. Вы помните свою статью под названием «Хозяйственная и финансовая мобилизация»? Вы помните, что вы писали тогда?

Функ: Нет.

Рагинский: Ну, мы не будем терять время, я вам напомню. Я представляю суду как доказательство под номером СССР-452 статью Функа, опубликованную в центральном ежемесячнике НСДАП и «Германского рабочего фронта» в сборнике под названием «Der Schulungsbrief[138]» за 1939 год. Вы писали тогда:

> «Назначенный фюрером генеральным уполномоченным по хозяйству, я считаю своей обязанностью позаботиться о том, чтобы во время военных действий обеспечить также жизненную и боевую силу народа с хозяйственной точки зрения».
>
> Вы нашли это место?

Функ: Да, нашел.

Рагинский: Далее, вы писали:

> «Использование хозяйства для больших политических целей фюрера требует не только твердого и единого руководства всеми хозяйственными и политическими мероприятиями. Индустрия, продовольствие, сельское хозяйство, лесоводство и лесной промысел, внешняя торговля, транспорт, использование рабочей силы, установление зарплаты и цен, финансы и кредит — все это должно быть мобилизовано на то, чтобы весь хозяйственный потенциал поставить на службу обороны империи. Для проведения этой задачи мне как генеральному уполномоченному по хозяйству подчиняются соответственные высшие представители власти империи».
>
> Вы подтверждаете, что так именно вы писали в 1939 году?

Функ: Да.

Рагинский: Вам неясен вопрос?

Председатель: Он сказал — да.

Функ: Нет, нет, мне совершенно ясно. Я сказал, что я это подтверждаю.

Рагинский: Подтверждаете? Вы знаете об изданной в июне 1941 года так называемой «зеленой папке» Геринга? Это оглашалось здесь, на суде. Это директивы по руководству экономикой, а вернее директивы по разграблению оккупированных территорий СССР. Какое участие вы лично принимали в разработке этих директив?

Функ: Я не знаю сейчас, — принимал я участие в этом или нет.

Рагинский: Вы не помните? Как это могло быть, что такие документы составлялись без вас — министра хозяйства, президента Рейхсбанка и генерального уполномоченного по хозяйству?

Функ: Во-первых, тогда я уже не был генеральным уполномоченным по вопросам экономики. Уполномоченным по вопросам военной экономики я вообще никогда не был. Все полномочия и права уполномоченного по

---

[138] Просвещение (Der Schulungsbrief) – ежемесячное пропагандистское издание НСДАП и Немецкого трудового фронта издавалось с 1934 по 1944, предназначенное для доведения до широких масс нацисткой пропаганды.

вопросам экономики вскоре после начала войны перешли к уполномоченному по четырехлетнему плану. Это здесь было уже неоднократно подтверждено и подчеркивалось. Что касается моего личного участия в руководстве экономикой в оккупированных областях, то оно было самым минимальным. Я даже не помню сейчас об этом, так как
всем управлением экономикой в оккупированных восточных областях занимался экономический штаб «Восток» и уполномоченный по четырехлетнему плану в полном сотрудничестве с министерством Розенберга, то есть министерством по делам оккупированных восточных областей. Сам помню лишь о том, что министерство экономики поручало отдельным коммерсантам из Гамбурга и Кельна развивать в оккупированных восточных областях частное хозяйство.

Рагинский: Это уже слышали, каким «развитием» они там занимались. Вы грабеж называете развитием. Вы помните свое выступление в Праге 17 декабря на заседании южно-европейского общества или вам следует напомнить?

Функ: Не нужно.

Рагинский: Не помните. Не нужно?

Функ: Во время предварительного расследования я обратил внимание генерала Александрова на эту речь и сказал ему тогда, что
это было неправильным газетным сообщением, которое спустя короткое время было исправлено, опровергнуто мною.

Рагинский: Одну минуточку, подсудимый Функ, вы несколько предупреждаете события. Вы еще не знаете, о чем я вас хочу спросить. Вы послушайте мой вопрос, а потом будете отвечать. Вы здесь заявляли суду, что ни на каких совещаниях у Гитлера, где обсуждались политические и экономические цели нападения на Советский Союз, вы не принимали участия и что установки и высказывания и планы Гитлера о разделе территориальном Советского Союза, вы о них не знаете, а ведь вы сами в своем выступлении говорили, что «Восток является будущей колонией Германии», колониальной областью Германии. Вы говорили о том, что Восток является будущей колониальной областью Германии?

Функ: Нет. Во время предварительного расследования я уже оспаривал этот факт. Когда мне был предъявлен этот документ, то я сказал,
что я говорил о старых германских колонизаторских областях, и это может, я надеюсь, подтвердить генерал Александров. Он тогда допрашивал меня.

Рагинский: Я не собираюсь вызывать генерала Александрова в качестве свидетеля. Я вас спрашиваю, вы это говорили? Это так написано.

Функ: Нет.

Рагинский: Вы сказали, что вам не нужно напоминать, а именно
это и написано о вашем выступлении, я вам дословно приведу как здесь сказано:

> «Широкие, не открытые еще для Европы сырьевые
> области в восточно-европейском пространстве станут

многообещающей колониальной страной Европы».

А в декабре 1941 года о какой Европе шла речь тогда и о каких старых германских областях, как вы хотите здесь трибуналу сказать? Я спрашиваю, вы говорили?

Функ: Я уже сказал, что я не говорил о колониальных областях, я говорил о старых германских колониальных пространствах.

Рагинский: Да, но здесь не говориться старых пространствах, а здесь говорится о новых пространствах, которые вы хотели завоевать.

Функ: Территория уже была завоёвана. Нам не нужно было её завоевывать. Она была завоёвана немецкими войсками.

Рагинский: Да. Мне это известно, что они были завоёваны и мне известно как вы оттуда уходили.

Вы говорили, что являлись президентом компании «Kontinentale Öl[139]». Эта компания была организована для эксплуатации нефтяных богатств восточных оккупированных территорий, в особенности грозненской и бакинской. Ответьте мне коротко: да или нет?

Функ: Компания действовала не только в оккупированных областях, она занималась разработкой нефтяных запасов на территории всей Европы. Она брала своё начало в румынских нефтяных интересах и везде где немецкие войска оккупировали территории и где были нефтехранилища, этой компании, которая была частью четырёхлетнего плана, давалась задача различными экономическими ведомствами, позднее промышленностью вооружений, по производству нефти на этих территориях и восстановлению разрушенных нефтеносных районов. У компании была огромная восстановительная программа. Лично я был президентом наблюдательного совета и в основном занимался только финансированием этой компании.

Рагинский: Это я слышал, но вы не ответили на мой вопрос. Я вас спрашивал, грозненская и бакинская нефть — эти источники являлись объектом эксплуатации этой компании? Нефтяные источники Кавказа были включены в качестве основного капитала «Kontinentale Öl»?

Функ: Нет.

Рагинский: Нет? Я удовлетворён вашим ответом.

Функ: Это неправильно. Мы не завоевали Кавказ и поэтому Континентальная нефтяная компания не могла действовать на Кавказе.

Рагинский: Да, но Розенберг ведь уже к тому времени составлял доклад о завоевании и эксплуатации Кавказа. Скажите, вы помните, здесь, на суде, оглашалась стенограмма совещания у Геринга от 6 августа 1942 г. с рейхскомиссарами оккупированных областей? Вы помните об этом совещании?

---

[139] «Континентальная нефтяная компания» - созданная в 1941 году фирма-монополист распоряжавшаяся нефтяными ресурсами на оккупированных территориях. Официалльно ликвидирована в 1966 году.

Функ: Да.

Рагинский: Помните. Вы принимали участие в этом совещании?

Функ: Я этого не знаю. Что вы хотите сказать, что на этом совещании говорилось о нефтяных запасах Кавказа? Я этого не знаю.

Рагинский: Нет, я пока ещё ничего не хочу сказать. Я вам поставлю вопрос, и вы ответите. Я спрашиваю: на этом совещании вы присутствовали, вы принимали участие в этом совещании?

Функ: Я этого сейчас уже не знаю, может быть, и принимал.

Рагинский: Вы не помните? В таком случае вам покажут этот документ. Он представлен был суду, он оглашался здесь на суде. Это документ — СССР-170. Он представлялся. Как установлено, на этом совещании намечались наиболее эффективные меры экономического разграбления оккупированных территорий СССР, Польши, Чехословакии, Югославии и других стран. На этом совещании подсудимый Геринг обращался к вам с репликой. Вы припоминаете, что были на этом совещании? Нет?

Функ: Да, я вспомнил, что был на этом совещании. Слова же Геринга, обращенные ко мне, относятся к следующему: после того как русские области были уже заняты, мы посылали коммерсантов, которые привозили туда интересующие население товары. Здесь как раз сказано: «Туда должны быть посланы коммерсанты. Вначале их следует послать в Венецию, чтобы они закупили там товары, которые должны быть ими затем распределены в оккупированных русских областях». Вот что мне тогда сказал Геринг. По крайней мере это то, что можно здесь прочитать.

Рагинский: Я не об этом вас спрашиваю, подсудимый Функ. Вы были на этом совещании или не были? Можете ответить на этот вопрос?

Функ: Конечно, если Геринг там говорил что-то мне, то я присутствовал на этом совещании 6 августа 1942 г.

Рагинский: Вы отвечали здесь на вопросы господина Додда о пополнении золотого запаса Рейхсбанка. Подсудимый Функ, я вам задаю следующий вопрос: вы говорили, что золотые запасы Рейхсбанка пополнялись только золотом Бельгийского банка. А вы разве не знали, что из национального чехословацкого банка было украдено 23 тысячи килограммов золота и перевезено в Рейхсбанк?

Функ: О том, что было украдено, — мне не известно.

Рагинский: А что вам было известно?

Функ: Я вчера здесь совершенно ясно говорил, что золотые запасы, переместились главным образом через принятие золота Бельгийского и Чехословацкого национального банков. О чешском национальном банке

я вчера говорил особо.

Рагинский: Да, но я вас спрашиваю теперь не о Бельгийском, а о Чехословацком банке.

Функ: Так точно. Я вчера уже упоминал о нем. Я говорил о нем.

Председатель: Да, он только что сказал, он говорил о Чехословакии и о золотых запасах Чехословакии.

Рагинский: Господин председатель, вчера он о Чехословакии не сказал, поэтому я этот вопрос поставил. Но если он сегодня подтверждает, то я дальше по этому поводу его спрашивать не намерен, раз он подтвердил.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я перейду к следующему вопросу — к Югославии. 14 апреля 1941 г., то есть до полной оккупации Югославии, главнокомандующий германскими сухопутными войсками издал сообщение для оккупированной югославской территории. Это документ СССР-140/Ю-78, был уже представлен трибуналу. Пунктом девятым этого сообщения определяется принудительный курс югославской валюты — за одну немецкую марку — 20 югославских динар и в принудительном порядке наряду с югославскими динарами вводятся кредитные билеты «Reichskreditkassenscheine» - германской имперской кредитной кассы. Эта валютная операция позволила немецким захватчикам в массах и по дешевой цене вывозить из Югославии разные товары, и прочие ценности и такие операции проводились во всех оккупированных восточных областях. Я вас спрашиваю, вы признаете, что такие операции являлись одним из способов экономического разграбления оккупированных территорий?

Функ: Нет

Рагинский: Нет? Хорошо.

Функ: Важно то, в каком соотношении устанавливаются курсы. В отдельных случаях, в частности, это относится к Франции, я протестовал против занижения курса валюты в оккупированных областях.

Рагинский: Простите, одну минуту, подсудимый Функ, о Франции вы уже говорили, и я бы не хотел отнимать лишнее время у трибунала. Мне кажется, что вам следует отвечать на вопросы.

Функ: Одну минуточку. Я не знаю сейчас, каково было тогда соотношение между динарами и марками. Вообще не я устанавливал курсы. Это исходило от министра финансов и вооруженных сил. Что касается моего участия, то я всегда настаивал на том, чтобы курс валюты не удалялся слишком далеко от курса, который имелся в тот момент и который основывался на покупательной силе денег. Сейчас я уже не знаю, каков был в то время курс динар.

Рагинский: Понятно.

Функ: Что касается кредитных билетов германской кредитной кассы, то они должны, конечно, были прийти вместе с германскими войсками, потому что

иначе нам бы пришлось вводить особые реквизиционные ваучеры, что было бы еще хуже и вредней для населения и всей страны чем работа с признанным средством платежа.

Рагинский: Да. Значит, вы хотите сказать, что вы здесь были не при чем, а все дело было в министре финансов? Скажите, вам известны показания вашего заместителя Ландфрида, аффидевит которого представил ваш защитник? Вы помните, что Ландфрид говорил, он утверждал совсем другое. Ландфрид утверждал, что при определении валютных курсов ваше мнение было окончательным и решающим, при определении валютных курсов в оккупированных странах. Вы не согласны с Ландфридом?

Функ: Когда устанавливались эти курсы, со мной как президентом Рейхсбанка, конечно советовались и как можно подтвердить каждым документом, я всегда выступал за то, чтобы новый курс был как можно ближе к старым курсам установленным на основе покупательной силы, то есть, без недооценки.

Рагинский: Следовательно, принудительный курс в оккупированных странах вводился с вашего ведома и по вашему указанию?

Функ: Нет, меня спрашивали, каково мое мнение.

Рагинский: Ваше мнение?

Функ: Я должен был просто дать мое согласие, то есть директор Рейхсбанка должен был дать свое согласие, но…

Рагинский: Я удовлетворен вашим ответом. Я перехожу к следующему вопросу. 29 мая 1941 г. германский главнокомандующий в Сербии издал распоряжение о сербском национальном банке, которое было уже представлено трибуналу как документ СССР-135. Этим распоряжением был ликвидирован национальный банк Югославии, и все имущество югославского банка было разделено между Германией и ее сателлитами. Вместо югославского национального банка был создан фиктивный так называемый сербский банк, руководителей которого назначал германский генеральный уполномоченный по экономике Сербии. Скажите, вам известно, кто был этим уполномоченным по экономике
в Сербии?

Функ: По-видимому, это был генеральный консул Нейхаузен[140]…

Рагинский: Да. Совершенно правильно, это был Франк Нейхаузен.

Функ: …представитель делегата по четырехлетнему плану.

Рагинский: Он являлся сотрудником министерства экономики?

Функ: Нет.

Рагинский: Нет? Никогда в министерстве экономики не работал?

---

[140] Франц Нейхаузен (1887-1966) - немецкий промышленник и государственный деятель Германии, специальный уполномоченный по экономическим вопросам в зоне немецкого командования в Сербии. Близкий друг Г. Геринга. Югославским судом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Функ: Нет, никогда Нейхаузен не работал в министерстве экономики.

Рагинский: Никогда не работал.

Функ: Нейхаузен, нет. Никогда не работал в министерстве экономики.

Рагинский: А он был сотрудником Геринга?

Функ: Да. Это правильно.

Рагинский: Вы признаете, что такая специфическая валютно-экономическая операция, в результате которой югославское государство и его граждане были ограблены на несколько миллиардов динар, не могла быть проведена без вашего участия и подведомственных вам учреждений?

Функ: Я не знаю точно тех положений, согласно которым были ликвидированы эти банки и основан новый сербский национальный банк. Но само собой разумеется, что Рейхсбанк в таких трансакциях принимал участие.

Рагинский: Я хочу вам задать ещё два вопроса. Таким образом, наряду с открытым грабежом, выразившимся в конфискациях, реквизициях и т. п., которые немецкие захватчики проводили в оккупированных странах Восточной Европы, они использовали до предела все экономические силы этих стран и путем различных валютно-экономических мероприятий, таких, как обесценивание валюты, захват банков, искусственное снижение цен и зарплаты, продолжали экономическое разграбление оккупированных территорий. Вы это признаете, что именно такова была политика Германии в оккупированных странах Восточной Европы?

Функ: Нет.

Рагинский: Не признаете?

Функ: Никоим образом.

Рагинский: Я передаю трибуналу документ за номером СССР-453, Ю-119 — это новый документ, который представляет заметки о совещании у имперского комиссара по установлению цен от 22—23 апреля 1943 г. На этом совещании участвовали референты по вопросам цен всех оккупированных областей. Я зачитаю несколько выдержек из этого документа. На второй странице указано, что:

> «На 1 октября 1942 в Германии работало пять с половиной миллионов иностранных рабочих, из них полтора миллиона военнопленных и четыре миллиона из гражданского населения, в том числе, — как говорится в этом документе, — 1 200 000 с Востока, 1 миллион из бывших польских областей, 200 000 из Чехословакии, 65 000 хорватов, 50 000 сербов и т. д.».
>
> Далее говорится в этом документе:
>
> «Уравнение цен должно быть произведено за счет страны-поставщицы, то есть из сальдо клиринга, которые в большинстве случаев активны для оккупированных областей».

На 14-й странице указывается, что в оккупированных областях:

«Главный интерес не заключается в пользе для населения, а в использовании экономических сил страны».

На странице 16-й имеется такая запись:

«Относительно оккупированных стран восточных областей: цены там гораздо ниже, нежели немецкие цены, что уже до сего времени достигнуты большие выгоды в пользу кассы Рейха».

На странице 19-й даны сведения о клиринговом долге Германии в сумме 9,3 миллиарда марок, причем клиринговое сальдо составляет по Чехословакии минус два миллиона, по Украине минус 82, 5 миллионов, по Сербии — минус 219 миллионов, Хорватии — минус 85 миллионов, Словакии — минус 301 миллион. И, наконец, на странице 22-й документа говорится:

«Цены в оккупированных восточных областях удерживаются на таком низком уровне, на каком это возможно. Уже сейчас достигаются выгоды, но они употребляются на покрытие долгов Рейха, и высота зарплаты, вообще говоря, представляет одну треть немецкой».

Вы признаете, что такой планомерный грабеж, проводившийся немецкими захватчиками в гигантских размерах, не мог быть осуществлен без вашего активного участия как министра экономики, президента Рейхсбанка и генерального уполномоченного по хозяйству?

Функ: Я опять вынужден подчеркнуть, что во время войны я не был уполномоченным по вопросам экономики. Но относительно этого документа я хотел бы сказать следующее. Здесь речь идет о доставленных в Германию рабочих из-за границы и оккупированных стран. Я сам подчеркивал, и это было доказано показаниями, что я в принципе был против доставки из оккупированных областей рабочих рук в большом объеме в Германию, так как это наносило ущерб экономическому порядку этих областей. О насильственной доставке я уже не говорю. Против этого, я, само собой разумеется, также выступал. Если здесь какой-то референт, которого я не знаю, сказал, что внешнеполитические соображения в отношении оккупированных областей не имеют значения, так как самое главное для нас — это использование экономических возможностей в этих областях, а не соблюдение интересов населения, то я должен возражать против этого, поскольку это не является моей точкой зрения. Это, очевидно, личное мнение того референта, которого, еще раз повторяю, я не знаю. Совершенно понятно, что если в оккупированной области не существует должного экономического порядка, то ни о каком производстве в этой области речи не может быть. Если цены там не установлены так, что люди могут существовать и социальная жизнь может держаться в порядке, то ни о какой производительности этих областей не может быть речи. Что касается клиринговых долгов, то я уже

вчера объяснил, что клиринговая система была обычной торговой системой для Германии и что я всегда признавал клиринговые долги настоящими долгами, которые после войны должны были быть оплачены валютой в соответствии с ее покупательной силой. Я в этом не усматриваю никакого разграбления.

Что касается всего остального, то я могу сказать, что экономика оккупированных областей не входила в мою компетенцию, что у меня не было полномочий издавать указания. Мое участие заключалось в том, что я в отдельные учреждения посылал чиновников, как и все другие инстанции, и что между этими учреждениями и инстанциями в самой Германии существовало сотрудничество. За руководство экономикой в оккупированных областях я на себя ответственность не беру. Здесь рейхсмаршал совершенно ясно признал, что вся ответственность за решение экономических вопросов падает на него.

Рагинский: Я понимаю, что сотрудничать — вы сотрудничали, а отвечать — вы не хотите. Вы говорите, что это референт выступал. А вы помните свои показания, которые вы давали 22 октября 1945 г. на допросе?

Функ: Я не знаю, что за допрос…

Рагинский: Не помните. Вас тогда спросили. Когда речь шла о насильственной мобилизации иностранных рабочих, вас спросили, вы об этом знали и никогда не возражали против этого? Не правда ли? Вы ответили: «Нет, почему именно я должен был возражать».

Функ: Нет, это неправильно. Я протестовал против насильственной мобилизации рабочих, против того, что такое громадное количество людей должно было покинуть свои области, так как экономика в данных оккупированных областях замирала вследствие этого.

Рагинский: У меня последний вопрос. Вы помните статью, опубликованную в газете «Das Reich[141]» от 18 августа 1940 г. в связи с вашим пятидесятилетием? Эта статья называется «Вальтер Функ—пионер национал-социалистского экономического мышления». Я несколько отрывков зачитаю из этой статьи:

> «Начиная с 1931 года, Вальтер Функ как личный советник по экономическим вопросам и уполномоченный фюрером по экономике, неутомимо сочетавший работу в партии и хозяйстве, сделался человеком, пролагающим путь для новой позиции немецких предпринимателей. Если при перевороте 1933 года более чем десять лет господствовавшие в немецкой официальной жизни противоречия между политикой и хозяйством, и особенно между политикой и предпринимателями, постепенно

[141]«Рейх» – немецкая еженедельная газета, издавалась с 1940. В газете в том числе печатались редакторские статьи Й. Геббельса. Освещала широкий круг общественно-политических вопросов.

стирались, если существовавшая преданность общему делу стала составной частью всех работ, то это является заслугой Функа, который проводил широкую разъяснительную работу в своих выступлениях и трудах, начиная с 1929 года».

И последний, заключительный абзац этой статьи.

«Вальтер Функ остался себе верен потому, что он был, есть и будет национал-социалистом, борцом, посвящающим все свои работы победе идеалов фюрера».

Каковы идеалы фюрера мы уже все здесь знаем — это знает весь мир. Вы признаете правильным оценки вашей личности и деятельности, которая дана в этой статье?

Функ: В целом — да.

Рагинский: У меня нет больше вопросов.

[*Доктор Дикс подходит к трибуне*]

Председатель: Что вы хотите сказать доктор Дикс?

Дикс: У меня есть только один вопрос к свидетелю, который вытекает из перекрестного допроса господина Додда. Я не мог его задать раньше, поскольку спрошу только о том о чём говорил господин Додд.

Председатель: Да, продолжайте.

Дикс: Свидетель, господин Додд представил вам протокол вашего допроса, согласно которому Шахт, после ухода из Рейхсбанка, всё еще имел там кабинет. Вы слышали здесь показания Шахта. Он четко свидетельствовал, что у него не было кабинета в Рейхсбанке, но что правительство Рейха пользовалось кабинетом в его квартире и вносило аренду, и что правительство Рейха оплачивало секретаря, которого он взял из Рейхсбанка, но которому теперь платило правительство Рейха, а не Рейхсбанк. Такими были показания Шахта. Из вашего ответа господину Додду не совсем ясно есть ли у вас какие-либо сомнения в правильности показаний Шахта. Мне нужно ваше мнение.

Функ: Я ничего не знаю о квартире доктора Шахта. Мне тогда было сказано, что он всё еще часто приходил в Рейхсбанк и что за ним сохранялся кабинет. Если эта информация была неправильной, это не моя вина. Я не сомневаюсь в сказанном доктором Шахтом. Ему лучше знать о договоренностях по поводу его квартиры.

Председатель: Доктор Заутер, вы желаете провести перекрестный допрос?

Заутер: Господин председатель, мы выяснили, что заключительному допросу подсудимого Функа было сложнее следовать, чем остальным случаям, потому что перевод вызвал серьезные сложности. Я откровенно признаю, что я смог понять

только часть сказанного. Подсудимый, вероятно, мог столкнуться с такими же проблемами и поэтому господин председатель я оставлю за собой право, после получения стенографического протокола внести одну или две поправки, если из расшифровки это станет видно. Он также был более сложным для нас, господин председатель, потому что в ходе перекрестного допроса, подсудимому доктору Функу было представлено большое количество пространных документов. Мы постепенно привыкли к таким неожиданностям. Более того, подсудимому Функу предложили давать ответы на вопросы, касающиеся документов, которых он не подписывал, которые не имели никакого отношения к его действиям, которые он…

Председатель: Доктор Заутер, трибунал вообще не увидел признаков того, что подсудимый Функ не мог понять каждый вопрос поставленный ему. И я думаю, что таким образом нет никакой причины для протеста от вашего имени и вы должны поставить какие-либо вопросы при повторном допросе – скажем так, вопросы которые вытекают из перекрестного допроса.

Заутер: Господин председатель, в своих наушниках, по крайней мере на этой стороне, мы не смогли понять ряд вопросов. Относилось ли это именно к этим наушникам или ко всей системе я не знаю.

Председатель: Что же, если бы подсудимый Функ не понял каких-либо вопросов поставленных ему, он мог бы так сказать. Он так не сказал. Он отвечал на все вопросы, с логичной точки зрения, совершенно точно. Вы можете, если хотите спросить его, о том понял ли он вопросы.

Заутер: Итак, господин Функ, обвинение помимо прочего предъявило вам участие в эксплуатации, разграблении Франции. В этой связи верно, что товары, товары широкого потребления которые поступали из Франции, во многих случая произодили из сырья поступавшего из Германии?

Функ: Конечно. Мы постоянно доставляли уголь, кокс, железо и другое сырье во Францию, для того, чтобы она могла производить товары – мы в особенности доставляли такое сырье, которого не имелось в самой Франции. Шёл очень активный обмен продукцией и очень тесное взаимодействие между немецкой и французской экономикой. Даже использовались схожие организационные методы.

Заутер: Доктор Функ, здесь зачитывались выдержки из статьи, которая появилась по поводу вашего юбилея. Вам известен автор этой статьи?

Функ: Да, долгие годы.

Заутер: Вы направляли какой-либо фактический материал для этой статьи?

Функ: Нет.

Заутер: Он о нём не просил?

Функ: Нет, заранее я ничего об этой статье не знал. Я не заказывал на свой день рождения статью.

Заутер: Разумеется. Значит вы ничего не знали о статье и поэтому если я вас правильно понимаю, нет гарантии того, что сказанное в статье полная правда.

Функ: Нет. Но я нахожу, что направленность статьи в целом очень хорошая. Направленность…

Заутер: Свидетель, американский обвинитель вчера спорил с вами по вопросу ваших переговоров с Розенбергом весной 1941 и о том факте, что во время нескольких месяцев до выступления против России, у вас были переговоры с Розенбергом. Он видимо хотел умозаключить, что вы признали, или хотели признать, что у вас были сведения о намерении Гитлера вести против России агрессивную войну. Вам вчера не дали шанса что-нибудь сказать об этом. Следовательно я хочу дать вам ещё одну возможность очень четко заявить о вашем убеждении касающемся той весны 1941, намерений Гитлера, когда вы вели переговоры с Розенбергом, и что вы знали о возможных причинах войны до этого времени.

Функ: Что касается вопроса американского обвинителя, я его не понял как подразумевающий, что я знал что-нибудь об агрессивной войне против России. Обвинитель прямо говорил о подготовке к войне против России. Я сам уже разъяснял, что я был совершенно удивлен, когда Розенбергу поставили задачу, и я был также проинформирован доктором Ламмерсом как и Розенбергом, что причина назначения в том, что фюрер ожидал войны с Россией, потому что Россия развернула большое число войск вдоль всей восточной границы, потому что его переговоры с Молотовым дали подтверждение тому, что Россия придерживалась агрессивной политике на Балканах и Балтике, и тем самым Германия чувствовала угрозу. Следовательно со стороны Германии проводилась подготовка к возможному конфликту с Россией. Также, касательно упоминавшийся американским обвинителем встречи я прямо скажу, что меры касательно валюты, которые здесь обсуждалис, были мной одобрены, потому что мы соответственно создавали условия для стабильности валюты на оккупированных восточных территориях. Следовательно я возражал идее, чтобы немецкую марку вводили там, где русское население не приняло бы её, потому что оно бы даже не смогло её прочитать.

Заутер: Свидетель, советско-русский обвинитель снова и снова указывал на то, что вы были не только президентом Рейхсбанка и рейхсминистром экономики, но также уполномоченным по экономике. Вы это уже поправляли и указали на то, что с самого начала, когда вы были назначены, ваши полномочия в качестве уполномоченного по экономике практически была отняты Герингом, и что я думаю, в декабре 1939, ваши полномочия как уполномоченного по экономике были также формально переданы Герингу.

Додд: Я желаю заявить возражение не только форме, но и сущности такого допроса. Защитник начал сам свидетельствовать, и он свидетельствует по тем же

вопросам, по которым давал показания свидетель на основном допросе, и нам ясно кажется, что это вообще не поможет трибуналу как предмет повторного допроса.

Председатель: Доктор Заутер, это правильно, что вы заставляете свидетеля снова и снова проходить показания которые уже дали? Единственный предмет повторного допроса это разъяснить какие-либо вопросы, которые не были полностью освещены в перекрестном допросе. Свидетель уже разбирался с темами которые вы рассматриваете, в том же самом смысле, как вы их представляете.

Заутер: Я повторяю заявления лишь, потому, что я хочу поставить свидетелю вопрос, касающийся документа, который был представлен только вчера, который до тех пор не приобщался, и о котом я не мог занять какой-либо позиции; и потому что советско-русский обвинитель снова утверждал, что подсудимый также в ходе войны был уполномоченным по экономике, при том, что это не так. Господин председатель…

Председатель: Я сам слышал, то, что свидетель снова и снова говорил, что он не был уполномоченным по экономике в ходе войны. Он непрерывно это говорил.

Заутер: Но это повторялось с этой стороны. Господин председатель, вчера обвинением был приобщен документ номер ЕС-488.

Председатель: Что за документ с которым вы хотите разобраться?

Заутер: Номер ЕС-488. Он представлен вчера, и это письмо датированное 28 января 1939. На обложке отмечено большими буквами «Секретно». Здесь в оригинале заголовок, на котором печатными буквами написано, «Уполномоченный по военной экономике». Настолько большой для заголовка на бумаге. Затем слово «военной» перечёркнуто, и вы можете прочитать только «Уполномоченный по экономике».

Следовательно, до 28 января 1939 титул уполномоченного по военной экономике должно быть был изменен на новый титул «уполномоченного по экономике». Теперь я спрошу подсудимого…

Председатель: Да, я вижу. Его копия перед нами и у нас вообще нет слова «военной».

Заутер: Это видно на фотокопии.

Председатель: Я вижу. Но какой вопрос вы хотите задать?

Заутер: В то время, когда это письмо было написано, уполномоченным был подсудимый Функ. Я хочу попросить разрешения поставить ему вопрос, как можно объяснить, что титул этой должности, то есть – уполномоченного по военной экономики – был изменен. Вопрос будет о том как могло случиться, что титул его должности, «уполномоченный по военной экономике» изменился на новый титул «уполномоченный по экономике».

Функ: Причина…

Заутер: Пожалуйста, секунду, доктор Функ.

Председатель: Я не просил вас прекратить задавать вопрос. Вы можете его поставить. Продолжайте. В чем вопрос?

Заутер: Продолжайте доктор Функ.

Функ: Причина заключалась в том, что согласно старому закону об обороне Рейха, Шахт был назначен уполномоченным по военной экономике, и на основании второго закона об обороне Рейха, который назначил меня, я был назначен уполномоченным по экономике, потому что в то время было совершенно ясно, что особые задачи касающиеся военной экономики – то есть, промышленности вооружений, настоящей военной экономики – больше не оставались у уполномоченного по экономике, но что он, по сути должен был координировать гражданские экономические ведомства.

Заутер: Господин председатель в связи с этим, могу я обратить ваше внимание на ещё один документ, который предъявили вчера. Это номер PS-3562. Здесь заголовок уже с правильным титулом, «уполномоченный по экономике» и это также новый документ который предъявили только вчера. Господин председатель…

Додд: Господин председатель, для ясности протокола, этот документ PS-3562 в доказательствах, и он был приобщен лейтенантом Мельцером во время представления дела против подсудимого Функа.

Председатель: Господин Додд, я не прав если я думаю, что подсудимый Функ заявлял с начала своего основного допроса, что он был назначен генеральным уполномоченным по экономике?

Додд: Именно так сэр. Я полностью это понимаю.

Председатель: И вы это не оспаривали?

Додд: Мы не оспариваем факт, что он так говорил. Но мы оспариваем факт, что он, фактически, был только по экономике. Мы настаиваем на том, что он, фактически, много имел в отношении военных усилий в качестве уполномоченного.

Председатель: Да. Но он так не назывался?

Додд: Нет. И этот документ ЕС-488 во всяком случае не предъявлялся с такой целью, но скорее чтобы показать, что подсудимый участвовал в разговорах о том, что делать с военнопленными после нападения.

Заутер: Вчера был представлен документ о допросе некого Ганса Поссе. Это документ PS-3894. Свидетель Ганс Поссе, бывший государственный секретарь в министерстве экономики и также заместитель уполномоченного по экономике. Этот протокол предъявлен обвинением с целью продемонстрировать, что предположительно была борьба за власть, как там говорится между Функом и Герингом.

Однако, я хочу процитировать свидетеля по нескольким иным пунктам

этого протокола для того, чтобы несколько других пунктов можно было использовать в качестве доказательства.

Свидетель, государственный секретарь Ганс Поссе говорит, например – и я хочу спросить таково ли ваше мнение сегодня – то есть документ PS-3894, страница 2 немецкого перевода, внизу страницы – его спросили: «Как часто вы докладывали Функу в связи с вашими обязанностями заместителя уполномоченного?»

Свидетель затем ответил: «Уполномоченный по экономике в действительности никогда не действовал».

Функ: Я должен повторить, то, что я снова и снова и говорил, и что подтверждалось каждым кого заслушивали по этому вопросу. Это пост существовал только на бумаге.

Заутер: Затем свидетеля спросили о финальной цели работы вас, доктора Функа.

Сказано: «Доктор Поссе, это верно, что должность уполномоченного по экономике была создана с окончательной целью объединения всех экономических функций ввиду подготовки войны?

Свидетель ответил: «Цель заключалась в том, о чем я только что сказал – координировать различные сталкивающиеся экономические интересы. Но не шло разговора о подготовке к войне».

И на той же самой странице, странице 4, внизу, свидетель говорит, я цитирую:

> «Это верно, что целью было координирование всех экономических вопросов, но подготовка к войне не являлась целью. Конечно, если бы военные приготовления стали необходимы, задача уполномоченного по экономике заключалась в работе с этими вопросами и функции координатора».

Функ: Господин Поссе был старым, больным человеком, которого мне пришлось поставить на этот пост. Он был бывшим государственным секретарём при Шахте, и когда я принял его министерство, я получил от Геринга нового государственного секретаря, который к сожалению, позднее стал безумным. И затем ко мне пришёл государственный секретарь доктор Ландфрид, и Поссе, который был формально всё еще в министерстве экономики как государственный секретарь, был без работы. Поэтому я сделал его ответственным служащим уполномоченного по экономике.

Тут, конечно, у него с самого начала были постоянные сложности. Высшее командование вооруженных сил или штаб военной экономики хотели уменьшить полномочия уполномоченного, как можно видеть из письма представленного вчера. И гражданское экономическое управление не хотело следовать его директивам, потому что оно уже подчинялось и следовало директивам делегата четырёхлетнего плана. Таким образом, фактически, в том,

этот нерадостный уполномоченный по экономике занимал пост, который во всех смыслах существовал только на бумаге.

Председатель: Не подошло ли время прерваться?

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Заутер: Господин председатель, у меня есть еще два вопроса, которые я желаю поставить подсудимому доктору Функу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Доктор Функ, до перерыва мы остановились на документе PS-3894, показаниям вашего государственного секретаря Поссе. Я хочу зачитать один отрывок на странице 7 немецкого текста и спрошу вас? согласны ли вы. Свидетеля Поссе обвинение спросило? знал ли он, как заместитель уполномоченного по экономике, о международных отношениях, в особенности о военной ситуации и тому подобном, и он говорит, на странице 7, в центре:

> «Мы никогда ничего не знали о международном положении и мы никогда ничего о нём не слышали, и если бы международная ситуация упоминалась в наших дискуссиях мы могли бы всегда просто озвучивать наши личные мнения».

И несколькими строчками ниже:

«Мы» - он видимо подразумевает себя и доктора Функа –

«мы всегда надеялись на то, что войны не будет».

Вы согласны с этим мнением вашего бывшего государственного секретаря Поссе?

Функ: Да. Я непрерывно говорил о том, что до конца я не верил в то, что будет война, и тоже самое правда для моих коллег, и каждый кто говорил со мной тогда подтвердит это. Господин Поссе был, конечно, еще меньше информирован о политических и военных событиям чем я. Соответственно, это также относится к нему.

Заутер: Тогда я поставлю вам финальный вопрос, свидетель. Вы видели фильм, который представило обвинение. Итак, вы были президентом Рейхсбанка. Соответственно вы возможно поверхностно знакомы с условиями в хранилищах Рейхсбанка, по крайней мере, я полагаю, в Берлине, если и не во Франкфурте, где сняли фильм, и вы также знаете о том как, в особенности в течение войны, эти

вещи, которые хранились в банке в ящиках или пакетах и хранились похожим образом. Доктор Функ возможно, на основе ваших сведений об условиях вы сможете сделать заявление относительно этого короткого фильма, который мы видели.

Функ: Я был совершенно запутан этим фильмом и глубочайше шокирован. Фотографии и в особенности фильмы всегда очень опасные документы, потому что они показывают многие вещи в свете отличном от того, что было на самом деле. Лично у меня создалось впечатление, и я думаю, обвинение, вероятно подтвердит это, что все эти вклады ценностей и вся коллекция ценных вещей поступила из калийных шахт, где хранились по моей инициатив: всё золото, иностранная валюта и остальные ценности Рейхсбанка, так как из-за ужасающей бомбежки Берлина, мы больше не могли работать в Рейхсбанке. Само здание Рейхсбанка в тот воздушный налёт 3 февраля 1945 получило 21 попадание мощных бомб; и только чудом я смог выбраться из подвала с остальными 5000 человек. Золото, иностранная валюта, и все остальные депозиты ценностей были вывезены в калийные шахты в Тюрингии и оттуда я полагаю видимо во Франкфурт. Таким образом речь идёт, в крупной степени, об обычных депозитах вкладчиков, которые передавали свои ценности, своё имущество, в сейфовые хранилища, которые не могли быть изъяты Рейхсбанком. Соответственно я не могу сказать по фильму, какие из этих вещей доставлялись СС, а какие были обычными депозитами. Обвинитель конечно прав, когда он говорит, что никто бы не сдавал золотые зубы в банк. Однако, вполне возможно, что некие функционеры концентрационных лагерей вносили подлинные депозиты в Рейхсбанк, которые содержали такие вещи, сохраняя их для дальнейшего использования. Я думаю, что это возможно. Однако в заключение я должен еще раз сказать, что я ни имел сведений о каких-то таких вещах и о факте, что ювелирные украшения, бриллианты, жемчужины и остальные предметы доставляли в такой степени из концентрационных лагерей в Рейхсбанк. Я ничего не знал о них; мне было неизвестно, и лично я считаю, что Рейхсбанк не был уполномочен на такого рода дела. Это совершенно ясно из одного документа, который содержит отчет министру финансов, что почти всё доставляемое из концентрационных лагерей сначала доставляли в Рейхсбанк, и затем к несчастным чиновникам Рейхсбанка для их сортировки, и отправки в министерству финансов – или скорее ломбародержателю при министре финансов – и подготовке отчета. Таким образом, я должен попросить, чтобы кого-нибудь допросили об этих вопросах – прежде всего самого господина Пуля, и вероятно кого-нибудь ещё кто занимался такими вещами – с целью пояснить, что в действительности происходило, чтобы показать, что лично я вообще не имел сведений об этих вопросах за исключением нескольких фактов, которые я сам описал суду.

Заутер: Господин председатель, я завершаю свой допрос подсудимого Функа, и теперь прошу разрешения допросить свидетеля, которого я вызывал, свидетеля доктора Гайлера.
Председатель: Очень хорошо.
Додд: [*Прерывая*] Господин председатель, могу я поднять один вопрос, до того как свидетеля освободят? Этот документ PS-3894, который мы цитировали и который цитировал подсудимый, содержит ряд других цитат и я думаю, будет лучше, если мы приобщим весь документ в качестве доказательства на четырёх языках; и я буду готов так сделать, чтобы трибунал имел у себя весь текст. До сих пор мы оба из него цитировали, но я думаю наиболее удобно будет для суда, если у него будет весь текст.

Господин председатель, и могу я спросить нам подготовить или мне нужно, что-то сделать, чтобы доставить сюда свидетеля Пуля?
Председатель: Доктор Заутер, у вас есть ходатайство относительно свидетеля Пуля, который давал письменные показания?
Заутер: Относительно свидетеля Эмиля Пуля, господин председатель я заявляю ходатайство, чтобы он был доставлен сюда для перекрестного допроса. Я в любом случае собирался заявить такое ходатайство.
Председатель: Да, конечно, доктор Заутер, свидетель Пуль должен быть доставлен сюда. Он будет доставлен как можно скорее.
Заутер: Благодарю.
Председатель: Теперь подсудимый может вернуться на скамью подсудимых.

[*Свидетель, доктор Гайлер занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовете своё полное имя?
Гайлер: Франц Гайлер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Заутер: Доктор Гайлер, сколько вам лет?
Гайлер: 46 лет.
Заутер: Вы профессиональный гражданский служащий, или же как вы попали в министерство экономики при докторе Функе?
Гайлер: Я независимый предприниматель и коммерсант и как таковой вначале стал главой «экономической группы розничная торговля» в организации промышленной экономики. В данном качестве у меня имелся очень тесный контакт с

министерством экономики. После назначения министра Функа министром экономики я явился к нему с докладом об области своей работы и по этому поводу познакомился с ним. Когда меня сделали ответственным за «группу торговли Рейха», рабочие отношения между организацией под моим руководством и министерством, в особенности между тогдашним государственным секретарём Ландфридом и самим министром, стали очень дружескими.

После разделения министерств осенью 1943, основная задача министерства экономики заключалась в обеспечении немецкого народа, то есть гражданского населения. Как глава торговой организации, я был человеком ответственным за продажу товаров, то есть, приобретение запасов, и в течение совещания с министром Функом по вопросу взаимодействия между торговлей и министерством, господин Ландфрид, который тогда был государственным секретарём внёс предложение о том, чтобы министр Функ призвал меня в своё министерство и сделал меня своим заместителем. Господин Ландфрид верил в то, что в существующих условиях лично он не был достаточно силён, чтобы выполнять такую сложную задачу, поскольку министерство лишилось своего влияние на производство. Затем, когда министр Функ сказал ему в ответ на его предложение, о том, что он, Ландфрид, являлся заместителем министра, Ландфрид ответил, что он не может продолжать выполнять эти задачи и он просит отставку и предлагает, чтобы я был его преемником. Приблизительно две-три недели спустя меня назначили заведовать делами государственного секретаря.

Заутер: Когда было это совещание?

Гайлер: Данное совещание состоялось в октябре 1943, моё назначение состоялось 20 ноября 1943.

Заутер: Таким образом до осени 1943, доктор Гайлер, вы работали в своих организациях только в почётном качестве?

Гайлер: Да.

Заутер: Это была, как я думаю, розничная торговля?

Гайлер: Да, торговля.

Заутер: И таким образом с 1943 вы стали чиновником в рейхсминистерстве экономики в качестве государственного секретаря?

Гайлер: Я стал чиновником в должности государственного секретаря 30 января 1944.

Заутер: На этой должности вы являлись одним из ближайших сотрудников доктора Функа?

Гайлер: Я был его заместителем.

Заутер: Доктор Гайлер, во время встречи которая состоялась у нас позавчера, я обсуждал с вами вопрос о том являлся ли подсудимый Функ особо радикальным человеком или же, напротив, он действовал умеренно и с уважением к другим. Что вам есть сказать на данный вопрос, который может иметь определённое влияние при

формировании мнения о личности подсудимого Функа?

Гайлер: Прежде всего Функ очень человечный, и всегда таким был.

Радикализм совершенно чужд его характеру и сущности. Он больше художник, человек прекрасного художественного чувства и научных мыслей. Мне кажется, можно сказать, что никогда он не был доктринёром или догматиком. Напротив, он был примирителем и стремился урегулировать споры. По этой причине, в частности в партийных кругах, его считали слишком мягким, слишком снисходительным, фактически его много раз обвиняли в слабости. Он пытался защищать внутреннюю экономику от политических посягательств и от излишней суровости, и ввиду его уважения и его отношения к предпринимательской инициативе и его ответственности за экономику и народ, он боролся против излишнего вмешательства в разные сферы предпринимательства даже в течение войны. Он защищал промышленность от поглощений и закрытий. Это в конце концов привело к лишению его ответственности за производство во время решающего этапа войны.

Время от времени вспоминая своё сотрудничество с ним, когда я был ответственным за торговую организацию, это Функ по разным поводам вступался за людей в промышленном мире у которых были политические затруднения. Однако, мне кажется, что ввиду этих отдельных случаев, таких как его вмешательство в интересах генерального консула Холландера или господина Питча, и ввиду его попыток способствовать миру, он в то время вынужден был ожидать тяжких последствий, также ввиду его вмешательства в случае Рихарда Штраусса, как точно известно, и в похожих случаях. Не думаю, что эти отдельные случаи имеют такое значение как наверное следующий: после катастрофы 9 ноября 1938 министерство экономики должно было интенсифицировать процесс ариазации, и в то время нескольких политиков навязали министерству, в особенности господина Шмеера. Я отчетливо помню, что тогда Ландфрид в частности, как и Функ, значительно снизили радикализацию министерства, и Функа и министерство винили за это.

После 8 и 9 ноября у меня сразу же было совещание по поводу событий этой даты с Гиммлером, на которой я озвучил свои жалобы, Гиммлер по этому поводу в конце концов упрекал меня и Функа сказав, помимо прочего:

> «В конце концов, вы люди экономики, и связанные с экономическим руководством тоже виновны в том, что дела зашли слишком далеко. От людей подобных господину Шахту нельзя ожидать чего-нибудь кроме промедления и противостояния воле партии, но если бы вы и Функ и все ваши люди экономики не затянули эти дела, этих эксцессов не случилось бы».

Заутер: Да, доктор Гайлер, ещё один вопрос. Вы также работали с доктором Функом в экономических вопросах оккупированных территорий. Доктор Функ обвиняется в наличии преступной роли в опустошении оккупированных территорий,

а также уничтожении их валютной и экономической системы. Вы могли бы просветить суд как можно короче об отношении и деятельности подсудимого Функа? Как можно короче.

Гайлер: Мне кажется нужно прежде всего заявить о двух фактах: первый, влияние министерства экономики на оккупированных территориях было сравнительно ограниченным. Во-вторых, в течение года, когда я находился в министерстве эти вопросы уже не имели особого значения.

В целом, положение было таким: Функа постоянно обвиняли в мышлении о мире нежели о войне. Мнения выражавшиеся в его речах и в печати ссылались на европейскую экономическую политику, и я полагаю, что эти беседы и публикации или статьи находятся у суда.

Заутер: Да, они здесь.

Гайлер: Функ смотрел на оккупированные территории точно также. Он постоянно возражал чрезмерной эксплуатации оккупированных территорий и выражал взгляд о том, что военное взаимодействие должно создать базис для последующего взаимодействия в мирное время. Его взгляд заключался в том, что доверие и готовность сотрудничать следовало поощрять на оккупированных территориях во время войны. Он выражал взгляд о том, что с черным рынком нельзя бороться с помощью черного рынка и что, поскольку мы были ответственными за оккупированные территории, мы должны были избегать всего, что могло поколебать валютную и экономическую систему этих территорий.

Думаю, я помню, что он также обсуждал вопрос с рейхсмаршалом и защищал свою точку зрения. Он также постоянно возражал необоснованно тяжёлым оккупационным расходам и всегда выступал за снижение наших собственных расходов, то есть, германских расходов на оккупированных территориях. Другими словами, он относился к оккупированным территориям точно также как другим европейским странам и такое отношение лучше всего иллюстрируется речью в Вене, мне кажется, в которой он публично признал подлинными клиринговые долги, высокие значения которых были в результате в основном из-за разницы в ценах, то есть, инфляционных тенденций в странах которые поставляли товары.

Заутер: Доктор Гайлер, подсудимого Функа кроме того обвиняют в наличии преступного соучастия в порабощения зарубежных рабочих. Данное обвинение особо относится к периоду в течение которого вы были коллегой доктора Функа. Вы можете нам кратко рассказать о том, что думал Функ и как действовал в этом отношении?

Гайлер: Не может быть вопроса содействия Функа в вопросах относящихся к использованию зарубежной рабочей силы в то время, а только в рамках его ответственности в центральной плановой комиссии. Но нужно выяснить была ли центральная плановая комиссия вообще ответственной за использование рабочих или же центральная плановая комиссия не делала больше того, что определяла

потребности в рабочей силе различных сфер производства. Однако, независимо от того какими могли быть задачи центральной плановой комиссии, положение Функа в центральной плановой комиссии было следующим:

Функ как министр экономики был ответственным за снабжение гражданского населения и за экспорт. В период после разделения министерств, как мне кажется ни один зарубежный рабочий не работал на производстве для гражданского населения или экспорта. Напротив, Функ постоянно сталкивался с тем фактом, что в течение этого времени немецких и зарубежных рабочих постоянно убирали с производства товаров широкого потребления и ставили на военное производство. Соотвественно, я не могу представить, что подобное обвинение можно предъявить против Функа в связи с данным периодом времени.

По этому поводу, я хочу подчеркнуть ещё один пункт который кажется мне важным. Обеспечение продовольствием зарубежных рабочих являлось серьезным вопросом. Мне кажется, даже господин Заукель подтвердит тот факт, что когда возник данный вопрос, Функ сразу же был готов – при том, что уже была большая нехватка продовольствия для немецкого народа ввиду многочисленных воздушных налётов и разрушений – выделить большое количество припасов и предоставить их зарубежным рабочим.

Заутер: Если я правильно вас понимаю, он пытался проследить за тем, чтобы зарубежных рабочих которые были вынуждены работать в Германии обеспечивали насколько возможно потребительскими товарами: продовольствием, обувью, одеждой и так далее.

Гайлер: В частности обувью и одеждой, Функ не был компетентным за продовольствие.

Заутер: Обувью и одеждой?

Гайлер: Да, у меня особые сведения об этом. И как результат Функ имел значительные затруднения, так как гауляйтеры, в виду сильной нехватки товаров, прилагали все усилия для того, чтобы обеспечить снабжение жителей собственных гау за которые они были ответственными и делали это любыми наличными способами. Функу постоянно приходилось возражать произвольным актам гауляйтеров которые вламывались в обувные магазины своих гау и приобретали запасы предназначенные для общего пользования.

Заутер: Доктор Гайлер, вам известно представлял ли доктор Функ – и я ссылаюсь на то время, когда вы с ним работали – точку зрения о том, что зарубежных рабочих не должны были доставлять на работу в Германию, а скорее, чтобы работу выводили из Германии в зарубежные страны для того, чтобы зарубежный рабочий мог выполнять работу в своей стране и оставаться дома? Пожалуйста ответьте на это.

Гайлер: Я очень хорошо знаю о том, что Функ представлял такую точку зрения, и это соответствует его общему отношению, так как политическое беспокойство и разочарование которые сопутствуют перемещению таких крупных масс временно

вырванных людей противоречило политике умиротворения и восстановления которая определённо являлась целью Функа.

Заутер: Я перехожу к последнему вопросу который я желаю вам задать, доктор Гайлер. Когда германские армии отступали и когда германские территории оккупировали вражеские армии, возникали трудности в обеспечении этих территорий деньгами. В то время Гитлер предположительно запланировал новый закон согласно которому принятие и передача зарубежных оккупационных денег должны были наказываться вплоть до смерти. Доктор Гайлер, сейчас меня не интересует выяснять планировал ли Гитлер сделать это, но меня интересует выяснить, сможете ли вы сказать мне о том как подсудимый Функ отреагировал на это требование Гитлера и какого успеха добился.

Гайлер: В отношении этого можно установить два факта, которые могут быть интересны трибуналу. Я редко видел настолько подавленного Функа как в то время, когда он получил информацию о так называемом указе «о выжженной земле». Мне кажется, он был первым министром издавшим в то время два ясных указа, один от министерства экономики в котором он четко дал указания о том, что везде где находились немцы должна была сохраняться какая-нибудь управляемая экономика, там где необходимо было обеспечить людей, государство должно обеспечивать этих людей.

Второй указ изданный в то же время президентом Рейхсбанка определял, что нужно было заботиться о денежном рынке в оставшихся отделениях Рейхсбанка таким же образом как и заботиться об экономике.

Относительно самого вопроса, я очень отчётливо вспоминаю, что сам фюрер, как говорили, требовал от министерства экономики принять правовое регулирование согласно которому принятие оккупационных денег запрещалось каждому немцу по страхом смерти. Господин Функ энергично возражал этому требованию, мне кажется при помощи господина Ламмерса. Он лично постоянно звонил в ставку и наконец смог отменить указание фюрера.

Заутер: Доктор Гайлер, вы закончили?

Гайлер: Да.

Заутер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Другие защитники желают задать какие-нибудь вопросы?

[*Нет ответа*]

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос?

Додд: Господин свидетель, когда вы вступили в нацистскую партию?

Гайлер: Я правильно вас понял – когда я стал членом НСДАП?

Додд: Правильно.

Гайлер: Декабрь 1931.

Додд: Вы когда-либо занимали какие-нибудь должности в партии?
Гайлер: Нет, я никогда не имел должности в партии.
Додд: Вы являлись главой торговой группы в 1938, Reichsgruppe «Handel»?
Гайлер: Я был главой экономической группы «Розничная торговля» с 1934 и далее, и с 1938 и далее главой рейхсгруппы «Торговля». Данная организация являлась частью организации промышленной экономики и подчинялась рейхсминистерству экономики.
Додд: Членство в этой группе главой которой вы являлись было обязательным, не так ли?
Гайлер: Да.
Додд: Когда вы вступили в СС?
Гайлер: Я вступил в СС в 1933, летом.
Додд: Это была своего рода партийная должность, не так ли, своего рода?
Гайлер: Нет, это не была должность. Я стал связан с СС из-за того, что в Мюнхене 165 предпринимателей арестовали и потому что я знал Гиммлера со студенческих лет – я не видел его с тех пор – предприниматели Мюнхена попросили меня вмешаться за них летом 1933. Но у меня не было должности ни в партии ни в СС.
Додд: Когда вы стали генералом в СС?
Гайлер: Я никогда не был генералом СС. После назначения государственным секретарем, рейхсфюрер пожаловал мне звание группенфюрера в СС.
Додд: Группенфюрер – разве это не равнозначно генералу в СС?
Гайлер: И да и нет. В СС было звание группенфюрера и было звание группенфюрера и генерала полиции или Ваффен-СС, но группенфюрер не являлся генералом если это было лишь почётное звание. Это легко можно понять по форме, потому что мы не носили генеральские эполеты или генеральскую форму.
Додд: Вы хорошо знаете Олендорфа, не так ли?
Гайлер: Да.
Додд: Он одно время работал на вас. Он находился в вашем подчинении. Это не так?
Гайлер: Я работал с Олендорфом с 1938.
Додд: Вам известно, он дал показания данному трибуналу о том, что он наблюдал за убийством 90 000 человек, вы об этом знали?
Гайлер: Я об этом услышал.
Додд: Вы знали об этом в то время, когда это происходило?
Гайлер: Нет.
Додд: Вы знали Поля, эсэсовца – П-о-л-ь?
Гайлер: Могу я попросить снова назвать имя?
Додд: Поль – П-о-л-ь?
Гайлер: Я не помню, чтобы знал эсэсовца Поля.
Додд: Вам известен человек по имени обергруппенфюрер Поль из СС?
Гайлер: Нет – Да, я знаю обергруппенфюрера Поля. Обергруппенфюрер Поль был

начальником административного управления СС.

Додд: У вас были с ним время от времени беседы и встречи?

Гайлер: Официально у меня было несколько бесед с Полем. Обычно они были очень неприятными.

Додд: Что же, это другое дело. Как часто вы бы сказали, между 1943 и концом, временем вашей капитуляции, что вы встречались с Полем, чтобы обсудить вопросы взаимного интереса между СС и вашим министерством экономики? Приблизительно, потому что я не жду от вас точного отчета, но приблизительно сколько раз?

Гайлер: Я должен дать об этом краткое пояснение. Между…

Додд: Дадите потом. Сначала дайте цифру.

Гайлер: Да. Наверное три или четыре раза, наверное всего дважды. Я не знаю точно.

Додд: Вы говорите нам три или четыре раза в год или три или четыре раза в течение периода между 1943 и 1945?

Гайлер: В течение пребывания меня в должности, да, три-четыре раза, это было только один год.

Додд: Вы говорили с ним о взаимодействии Рейхсбанка или министерства экономики в финансировании строительства фабрик рядом с концентрационными лагерями?

Гайлер: Нет.

Додд: Вам известно об этом, не так ли?

Гайлер: Нет. Этот вопрос со мной никогда не обсуждали.

Додд: О чём вы говорили с ним?

Гайлер: Между министерством экономики и СС возник большой спор после того как я принял государственный секретариат в министерстве экономики, Гиммлер дал мне указание передать СС фабрику которая принадлежала гау Берлин. Я боролся против этого и не подчинился указаниям Гиммлера. Материалы об этом точно должны существовать. Затем мне дали указание обсудить этот вопрос с Полем. На этих совещаних и в личной беседе о которой попросил и приказал Гиммлер, я также боролся против указаний Гиммлера, потому что я был фундаментально против наличия у СС собственных промышленных предприятий.

Додд: Вы говорили о таком затруднении с Гиммлером и Полем с подсудимым Функом?

Гайлер: Да, потому что эти трудности имели результатом написание мне Гиммлером письма в декабре в котором он сказал мне о том, что он утратил ко мне доверие и что у него больше нет никакого желания работать со мной. Я сообщил об этом в декабре подсудимому Функу.

Додд: Функ говорил вам о том, что его банк помогал Гиммлеру в строительстве фабрик рядом с концентрационными лагерями?

Гайлер: Я ничего об этом не знаю.

Додд: Вы никогда об этом раньше не слышали?

Гайлер: До сих пор я никогда ничего не слышал о взаимодействии Функа или министерства экономики в финансировании таких зданий или чем-то подобном.

Додд: Думаю это совершенно, ясно, но я хочу установить, что с 1943 по 1945, пока вы были заместителем Функа в министерстве экономики, вопросы закупок на чёрном рынке, и так далее, на оккупированных территориях, перестали иметь сколь-нибудь важное значение, не так ли? Вы сказали это, я понял, что вы сами это говорили несколько минут назад.

Гайлер: В 1944 – и моё время в должности не началось вплоть до 1944, поскольку в декабре министерство полностью разбомбили и мы не могли начать работать до января 1944 – эти вопросы уже не имели никакого решающего значения, поскольку уже шёл обратный процесс.

Додд: Хорошо. Господин свидетель, вы также были на венской речи на которую вы ссылались, которую произнесли в 1944, и она не имела никакого отношения к оккупированным странам, а относилась только к государствам саттелитам. Вам это известно или нет?

Гайлер: Речь в Вене?

Додд: Да, речь в Вене в 1944.

Гайлер: Да это правда, я уже сказал об этом. И речь в Кёнигсберге и речь в Вене прямо не рассматривали оккупированные территории, а Европу в целом. Я…

Додд: Она касалась оккупированных территорий прямо или косвенно? Итак, вы читали эту речь?

Гайлер: Я слышал речь. Совершенно ясно она прямо не имела к ним никакого отношения.

Додд: Наконец, в виду ваших показаний касательно Функа и того, что он думал о принудительном труде, вы знаете, не так ли, что он занимал неуверенное отношение к принуждению людей приезжать в Германию? Вам это известно?

Гайлер: Нет.

Додд: Что же, вам известно, что он сказал на допросе о том, что он не пошевелил и пальцем по этому поводу, при том, что он знал о том, что людей принуждали приезжать в Германию вопреки их воле. Вам это известно?

Гайлер: Нет, я не знаком с этим. У меня с Функом…

Додд: Хорошо. Если бы вы знали, для вас была бы разница, и вы бы изменили свои показания?

Гайлер: Мне неизвестен тот факт, что Функ предположительно имел такое отношение или…

Додд: Очень хорошо. Наверное я могу помочь вам прочитав вам из его допроса от 22 октября 1945, проведенного здесь в Нюрнберге. Помимо прочего, ему задали эти несколько вопросов и он дал несколько ответов:

«Фактически, вы присутствовали на многих совещаниях центральной плановой комиссии, не так ли?»

Функ ответил и сказал:

«Я присутствовал на встречах центральной плановой комиссии только, когда, что-то требовалось для моего небольшого сектора, то есть, что-то что имело отношение к экспорту и промышленности товаров потребления, как например, железа. Я должен был вступать в бой по каждому поводу, чтобы получить несколько тысяч тонн для моей промышленности товаров потребления».

Следующий вопрос был:

«Да, но в течение этих встреч вы присутствовали, вы слышали, не так ли, дискуссии о принудительном труде?»

Функ ответил: «Да».

«Вопрос: И вы знали по этим встречам о том, что политика заключалась в том, чтобы доставлять больше и больше зарубежных рабочих в Рейх вопреки их воле»?

Функ ответил: «Да, разумеется».

«Вопрос: И вы никогда не возражали этому, я так понимаю»?

Функ ответил:

«Нет, зачем я должен был возражать? Это была чья то ещё задача доставлять этих зарубежных рабочих в Рейх.

Вы считали было законным забирать людей вопреки их воле из их домов и доставлять их в Германию»? Это был последний вопрос который я хочу вам задать. Он ответил:

Что же, во время войны случается много вещей которые не являются строго законными. Я никогда не ломал над этим голову».

Итак, если бы вы знали о его отношении из его заявлений сделанных здесь под присягой, вы бы изменили свой взгляд на Функа и это заставило бы вас изменить показания которые вы ранее дали сегодня трибуналу?

Гайлер: Я могу свидетельствовать только о таких вещах о которых знаю лично. Я не могу вспомнить никаких таких заявлений Функа. Я знаю и отчётливо помню, что мы часто говорили об оккупированных территориях, о последующем развитии в Европе, которое должно было являться результатом сотрудничества. Мы также говорили о получении рабочих и о том, что Функ фундаментально имел точку зрения отличавшуюся от той которая преобладала и о том, что он не соглашался с этими вещами. Я могу просто повторить это и если вы спросите меня здесь как свидетеля, я могу сказать только то, что я знаю.

Додд: Вы прошли все ваши вопросы и ответы с доктором Заутером перед тем как дать показания? Вы знали о чем вас будут спрашивать, когда вы сюда явитесь, не так ли?

Гайлер: Доктор Заутер дал мне понять о том, о чем спросит меня и в чем он заинтересован.
Додд: У меня больше нет вопросов.
Председатель: Кто-нибудь из других членов обвинения желает провести перекрёстный допрос? Доктор Заутер вы хотите допросить повторно?
Заутер: Нет.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Заутер: Господин председатель, упустили несколько опросных листов, некоторые из них уже поступили и переводят. Я прошу о том, чтобы потом, наверное после дела против подсудимого Шираха, мне позволили прочитать эти опросные листы. И затем, господин председатель, я хочу сказать кое-что общее. Я уже читал фрагменты из разных документов и просил о том, чтобы все их допустили в качестве доказательства и я хочу повторить эту просьбу обо всех документах. На этом я закончу с делом Функа.

Господин председатель, могу я заявить ещё одну просьбу к вам в данный момент, а именно, чтобы в течение нескольких дней подсудимого фон Шираха освободили от присутствия на заседаниях суда, для того, чтобы подготовить своё дело. В его отсутствие я буду следить за его интересами или же, когда меня здесь не будет, будет мой коллега доктор Нельте. Большое спасибо.
Председатель: Кто выступает за подсудимого Шираха?
Заутер: Я, и когда я не смогу присутствовать, тогда будет доктор Нельте. Один из нас всегда будет в суде и сможет следить за его интересами.
Председатель: Да, очень хорошо, доктор Заутер. Сейчас трибунал прервётся на 10 минут.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Заутер, был документ на который вы не ссылались. Думаю это были письменные показания свидетеля по имени Каллус. Вы приобщили это в качестве доказательства? Это был опросный лист Хайнца Карла Каллуса.
Заутер: Господин председатель, опросный лист Каллуса, уже поступил и сейчас в процессе перевода. Я представлю его как только обвинение получит перевод.
Председатель: Что же, у нас есть перевод на английский язык.
Заутер: Господин председатель, мне кажется то, что есть у вас это письменные показания Каллуса, и кроме этого есть опросный лист Каллуса, который в процессе перевода и который я приобщу позднее.
Председатель: Это взято в форме опросного листа, вопросы и ответы, то что у меня

на руках. Я лишь спросил хотите вы это приобщить.

Заутер: Да, я приобщаю это в качестве доказательства. Я прошу вынести об этом судебное уведомление.

Председатель: Очень хорошо, значит вы присвоили номер, не так ли? Что за номер это будет?

Заутер: Экземпляр номер 5, если угодно.

Председатель: Очень хорошо.

Заутер: Большое спасибо.

Председатель: Теперь, доктор Кранцбюлер.

Кранцбюлер: Господин председатель, сначала я хочу попросить разрешение иметь секретаря, в дополнение к своему помощнику, в зале суда, для того, чтобы упростить предъявление документов.

С разрешения трибунала, сначала я предъявлю ряд документов, и я воспользуюсь документальной книгой обвинения и документальными книгами которые я предъявил. Эти документальные книги включают четыре тома. Содержание в томе I и в томе III.

В первом документе документальной книги обвинения, экземпляре USA-12 (документ номер PS-2887) я хочу исправить ошибку в переводе которая может иметь значение. Здесь сказано, в немецком тексте, рядом с «1939» «контр-адмирал, командующий подводными лодками» и в английском тексте это переведено как «главнокомандующий». Правильный перевод должен быть «флагман подводных лодок». Это важно в связи с тем, что адмирал Дёниц, до своего назначения главнокомандующим флотом в 1943, не являлся членом группы которую обвинение определяет как преступную.

Я снова хочу обратить внимание трибунала на экземпляр GB-190 (документ номер D-652 (a-b). Это морская схема которую представило обвинение. Данная таблица показывает положение германских подводных лодок к западу от Англии на 3 сентября 1939, и обвинение использует данную таблицу в качестве доказательства по вопросу агрессивной войны.

Обвинение правильно говорит, что эти подводные лодки должны были покинуть свои базы ранее. Первый документ, который я приобщаю как Дёниц-1, должен подтвердить, во-первых, что это относится к категории мер к которым обращаются во время кризиса все нации Европы, и что они никоим образом не являлись подготовкой к агрессивной войне против Англии, потому что такую войну не планировали.

Я прочитаю из этого документа – документальной книги, страница 1. Это фрагмент из военного дневника штаба руководства войной на море от сентября 1939, и я читаю запись от 15 августа:

«Готовность (по плану «Белый») следующих мер:»

Председатель: Какая страница?

Кранцбюлер: Страница 1 документальной книги, том I.
Председатель: Да.
Кранцбюлер:

«15.8 готовность (по плану «Белый») следующих мер:
к 15. 8 «Spee[142]» и все атлантические подводные лодки готовы к выходу в море.
к 22.8 Транспорт «Westerwald[143]» готов к выходу в море.
к 25.8 «Deutschland[144]» готов к выходу в море».
И затем мы находим список этих кораблей:
«21.8 Доклад B-службы[145] о срочных мерах французского флота.
23.8 Доклад B-службы: продолжение срочных мер французского флота 3-й степени. Меры английской и французской блокады портов.
25.8. Доклады B-службы: Германские и итальянские пароходы выявляются и сообщаются Францией».
И затем указания:
«31.8 Поступил приказ I от ОКВ о ведении войны: силовое решение на Востоке, нападение на Польшу 1 сентября, 0445 часов. На Западе ответственность за начало боевых действий однозначно должна оставаться на Англии и Франции. Строгий нейтралитет Голландии, Бельгии, Люксембурга, Швейцарии. Западную границу не пересекать. На море никаких враждебных действий или таких которые можно будет интерпретировать как враждебные. Воздушные силы только в обороне.
В случае начала боевых действий западными державами: только оборона, экономное использование сил. Начало агрессивных операций в резерве. Армии удерживать «Западный вал[146]». Морская экономическая война концентрируется против Англии. В целях усиления эффекта вероятное объявление опасных зон. Подготовить и доложить. Балтику следует охранять от вражеского вторжения».
Довольно с этим документом. Следующим документом, Дёниц-2, я хочу

[142] «Адмирал граф Шпее» — третий и самый совершенный немецкий тяжёлый крейсер типа «Германия» времён Второй мировой войны. В довоенном германском флоте числился броненосцем. В военно-морской литературе крейсера данного типа широко известны как «Карманные линкоры» (Pocket battleship) — ироническая классификация кораблей, придуманная британской прессой 1930-х годов. Затоплен командой у побережья Уругвая 17 декабря 1939.
[143] «Вестервальд» (с 1940 – «Нордмарк») – германское судно снабжения и топливозаправщик. Спущено на воду в 1938. Разобрано на лом в 1955.
[144] «Германия» (позднее переименован в «Лютцов») — немецкий тяжёлый крейсер. Головной корабль первой послевоенной серии немецких тяжёлых крейсеров. Спущен на воду в 1931. Принимал участие в боевых действиях Второй мировой войны. 4 мая 1945 затоплен командой.
[145] «Beobachtungsdienst (аббр.)» - отдел наблюдения германской военно-морской разведки в составе ОКМ который занимался перехватом и фиксацией, расшифровкой и анализом вражеских, в частности британских радиограмм.
[146] Западный вал или Западная стена, среди противников Германии также известен как «Линия Зигфрида» — система немецких долговременных укреплений, возведённых в 1936—1940 гг. на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля — немецкая линия обороны на суше. Протяженность около 630 км, средняя глубина 35—100 м. Состояла из полос обеспечения, главной и тыловой, имела около 16 тыс. фортификационных сооружений.

подтвердить, что британские подводные лодки тоже были активными перед началом войны и появились в Гельголандской бухте в самом начале войны. Это на странице 2 документальной книги. Наверное мне нужно лишь отметить, что уже 1 сентября шумы электромоторов слышали в Гельголандской бухте, и что к 4 сентября поступило несколько докладов касательно английских подводных лодок замеченных в Гельголандской бухте.

Теперь я перехожу к документу в связи с которым адмирала Дёница обвинили в соучастии в планировании нападения на Норвегию. Это экземпляр GB-83 (документ номер С-5). Обвинение представило это в качестве доказательства того факта, что адмирал Дёниц играл решающую роль в оккупации Норвегии. Я подробнее обращусь к данному документу во время допроса свидетелей. Я просто хочу сейчас установить некие даты. На документе – и я предъявляю подлинник трибуналу – есть штамп который устанавливает, когда документ был получен высшим командованием. Штамп показывает дату 11 октября 1939.

Председатель: Вы говорите о GB-83?

Кранцбюлер: Да. И сейчас я ссылаюсь на GB-81 (документ номер С-66), страница 6 моей документальной книги. Согласно этому решающий доклад гросс-адмирала Рёдера фюреру уже был сделан к 10 октября 1939, то есть, за день до получения высшим командованием GB-83.

Следующим документом я хочу доказать, что соображения о базах не имели никакого отношения к вопросу агрессивной войны, поскольку речь шла о флагмане подводных лодок, адмирале Дёнице. Я предъявляю документы Дёниц-3 и Дёниц-4. Они на странице 3 и 5 документальной книги. Дёниц-3 это военный дневник флагмана подводных лодок от 3 ноября 1939, и я читаю из второго абзаца, 10 строка сверху:

> «В то же время штаб руководства войной на море сообщает о том, что существует возможность создания базы «Север», которая выглядит весьма многообещающей. Я считаю, что незамедлительное проведение всех необходимых шагов для того, чтобы прийти к ясному суждению о существующих возможностях представляет огромное значение».

И затем следует дискуссия о преимуществах и недостатках такой базы, которая абсолютно идентична соображениям указанным в GB-83. Это вопрос Мурманска в связи с базой «Север», как можно видеть из документа Дёниц-4, и известно, что эти соображения были полностью согласованы с Советским Союзом.

Кроме того, я хочу показать, что вопрос баз постоянно возникал во вражеских флотах безотносительно…

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы немного торопитесь с этими документами и я не уверен в том, что я полностью понимаю какая вам от них польза. База указанная в докладе это Мурманск?

Кранцбюлер: Да. Мурманск. И я хочу использовать это как доказательство, господин председатель, что вопрос баз не имел никакого отношения к тому хотел ли кто-то вести агрессивную войну со страной в которой эти базы размещались. Соображения о Мурманске полностью учитывались при полном согласии Советского Союза, и таким же образом адмирал Дёниц рассматривал норвежские базы. В этом предмет моего доказательства.

Председатель: Но тот факт, что Мурманск предполагали как базу, необходимую с согласия Советского Союза – если так обстояло дело – разве имеет хоть какое-то отношение, к захвату базы в Норвегии без согласия Норвегии.

Кранцбюлер: Господин председатель, отношение к делу заключается для меня в том, что адмирал Дёниц, как командир подводных лодок, в обоих случаях просто получил приказ о выражении своего мнения о базах в определённой стране, но при этом в окончательном анализе ему оставалось мало, что сказать в случае Нарвика и Тронхейма как и в случае Мурманска.

Покровский: В документе номер 3, о котором сейчас говорит защитник подсудимого Дёница, действительно речь идёт о северных базах, но ни о каких планах Советского Союза в этом документе речи нет. И вести здесь речь о каких-то планах Советского Союза по-моему является совершенно неправильным, потому что никаких планов Советского Союза связанных с организацией северных баз не было и нет.

Кранцбюлер: Если у представителя Советского Союза есть какие-то сомнения о том, что эти базы рассматривали с полного согласия Советского Союза, тогда я докажу это вызвав свидетеля.

Председатель: Во всяком случае, документ ничего об этом не говорит.

Кранцбюлер: Документ ничего не говорит об этом.

Председатель: Трибунал не думает, что вам следует делать подобные заявления без каких-либо доказательств, и сейчас вы рассматриваете документ который не содержит никаких доказательств о факте.

Кранцбюлер: Я наверное могу прочитать документ номер Дёниц-4?

Председатель: Это Дёниц-3, не так ли?

Кранцбюлер: Я уже перешёл к Дёниц-4. Я прочитал из Дёниц-3. Теперь я прочту из Дёниц-4, записи от 17 апреля 1939:

> «Командир подводных лодок получает указания штаба руководства войной на море испытать базу «Север». Штаб руководства войной на море считает крайне желательным испытание базы при помощи U-36 в связи с выходом в море в течение нескольких дней. Снабжение для танкера «Phoenizia[147]» в Мурманске прибудет с рыболовецким пароходом в Мурманск к 22 ноября».

Мне кажется, что данная запись очень ясно показывает, что это могло

[147] «Финикия» (нем.)

состояться только с согласия Советского Союза. Кроме того, я хочу показать, что соображения о базах…

Председатель: Минуточку. Доктор Кранцбюлер, трибунал считает, что вам не следует делать такие наблюдения об этих документах которые на самом деле не поддерживают то, что вы говорите. Например, документ номер 3, не содержит никакой такой интерпретации, потому что он ссылается на атаки которые предлагалось совершать против кораблей идущих из русских портов, в параграфе 2. И равным образом ещё один документ на который вы сослались, Дёниц-4, на странице 5, не содержит никакой интерпретации которую вы ему придаете.

Кранцбюлер: Господин председатель, боюсь, что содержание обеих документов представлено слишком быстро. Для любого кто знаком с такими военными дневниками, многие вещи самоочевидны, которые в противном случае не так просто понять.

Документ Дёниц-3 заявляет в той части которую я прочел о том, что возможности создания базы «Север» существуют. Эти возможности могли быть только политическими возможностями, потому что можно создать базу в зарубежной стране только если страна согласна. Документ Дёниц-4 показывает, что спорная база это Мурманск и что эту базу испытывали кораблем снабжения, рыболовецким пароходом и подводной лодкой. По моему мнению это убедительно показывает…

Председатель: Возражение трибунала заключалось в том, что ваше заявление о том, что Советский Союз согласился, и эти документы не содержат никакого подобного заявления.

Кранцбюлер: Я считаю, что в документе Дёниц-4 это ясно видно. Невозможно…

Покровский: Я самым решительным образом протестую против того, чтобы помимо того, что сказано в документах делались какие-то голословные предположения или утверждения, чтобы документы интерпретировались таким образом, как их пытается интерпретировать с первых же шагов своей защиты доктор Кранцбюлер. Я не принадлежу к числу гадалок и хиромантов, я не могу предполагать какие выводы, гипотетически можно сделать из того или иного документа. Я юрист и привык оперировать документами, так как они выглядят. Привык оперировать содержанием документа, так как оно изложено.

Мне думается, что совершенно правильно трибунал разъяснил защитнику о полной невозможности делать такие выводы, какие он здесь пытался сделать. И я просил бы, чтобы защитник был предпупрежден об обязанности ограничиваться таким толкованием какое только и может быть сделано из документа.

Максвелл-Файф: Ваша честь, я был бы благодарен если бы трибунал обратился к общему порядку процедуры. У нас есть ряд возражений значительному количеству документов доктора Кранцбюлера. Я сгруппировал короткий список, насколько возможно, наших возражений, который я могу сейчас вручить трибуналу и конечно

же, доктору Кранцбюлеру. Это вопрос усмотрения трибунала будет ли полезнее посмотреть список до отложения трибунала вечером и может быть принять некие наблюдения доктора Кранцбюлера о них. Затем трибунал сможет вынести решение в отношении отдельных документов до завтрашнего заседания и соответственно сэкономить какое-то время. Я предлагаю это трибуналу на рассмотрение как возможно самую полезную процедуру в таких обстоятельствах.

Председатель: Вы предлагаете, чтобы в какое-то время мы отложились для рассмотрения вашего списка и затем выслушали об этом доктора Кранцбюлера?

Максвелл-Файф: Да.

Председатель: Вы это предлагаете?

Максвелл-Файф: Да, сэр. Я собирался объяснить свой список, предъявить список трибуналу и объяснить его, и затем трибунал мог заслушать доктора Кранцбюлера об этом и отложится в какое угодно подходящее время.

Кранцбюлер: Могу я сказать об этом, господин председатель?

Председатель: Разумеется.

Кранцбюлер: Я не согласен с такой процедурой, господин председатель. В данном трибунале я до сих пор сказал очень мало как защитник, но я считаю, что сейчас мой черед и мне нужно дать разрешение предъявить мои документы в том порядке в каком я планирую и который считаю правильным для моей защиты.

Я прошу трибунал просто представить, что случилось бы если бы, до презентации дела обвинения, я бы сказал о том, что хочу выступить об относимости к делу документов обвинения. Мне кажется, что такое сравнение показывает, что я и не мог бы подумать о такой процедуре. Я постараюсь, перед предъявлением своих документов, объяснить их относимость к делу в большей степени нежели я думал до сих пор. Но я прошу трибунал одобрить, чтобы я представил своё дело сейчас и ограничить обвинение внесением своих предложений, когда я буду предъявлять свои документы по-отдельности.

Максвелл-Файф: Неудобство такого способа, милорд, в том, что мне бы пришлось каждый раз прерывать доктора Кранцбюлера по двум-трем документам и заявлять конкретное возражение отдельному документу, что займет много времени. Я думаю было бы гораздо удобнее если бы я отметил трибуналу свои возражения документам обычным способом с помощью классификации, нежели по-отдельности.

Я полагаюсь на трибунал в распоряжении о том какой метод он будет считать самым удобным. Самое последнее чего я хочу это прерывать презентацию доктора Кранцбюлера, но с другой стороны, метод который предлагает он означает индвидуальные возражения, потому что, конечно, возражение бесполезно если его заявляют после того как доктор Кранцбюлер раскрыл суть документа. Или же, если это и не бесполезно, во всяком случае оно менее весомое.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, предположим, что сэр Дэвид Максвелл-Файф сейчас представит свои возражения документам, будь то группами или как угодно

он хочет, и вы затем ответите ему по-отдельности по каждому документу, отмечая относимость к делу на ваш взгляд каждого документа, как это вам повредит? Трибунал затем рассмотрит ваши аргументы и распорядится о них, и тогда вы узнаете о том какие документы трибунал исключил, и тогда вы сможете ссылаться на любые другие документы как вам угодно.

Единственное возражение здесь и единственное влияние это предотвращение того, чтобы обвинение вставало и прерывало, надевало наушники, и занимало время отдельным возражением каждому документу которому оно желает возразить. Я не могу понять как это вам как-нибудь помешает.

Кранцбюлер: Господин председатель, я не имею возражения выражению обвинением своих возражений. Я просто желаю избежать того, чтобы отвечать на каждое отдельное возражение. Если бы мне разрешили высказать свои взгляды по каждому отдельному документу, тогда у меня нет никакого возражения высказыванию обвинением своих возражений об отдельных документах.

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал хотел бы, чтобы вы высказали свои возражения по данным документам. Затем он позволит доктору Кранцбюлеру начать обсуждение документов, отвечая своей аргументацией о допустимости каждого документа которому вы возражаете, когда придет его очередь.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости. Ваша светлость позволит мне сейчас собрать свои бумаги? Боюсь у меня возражения обвинения только на английском языке, но тем в трибунале кто не понимает английский язык могут помочь номера, во всяком случае, перед ними.

Милорд, первая группа документов которую представляет обвинение не имеет доказательственной ценности. Это D-53. Милорд, «D» в данном случае означает документальная книга Дёница 53, страница 99; и D-49, страницы 130 и 131; D-51 и D-69.

Милорд, первый из этих, D-53, письмо из лагеря военнопленных, претендующее на то, что оно подписано 67 командирами подводных лодок, и оно чисто общего характера. Обвинение полагает, что от него нет пользы, ни по форме ни по содержанию.

Милорд, D-49, который на страницах 130-131, снова совершенно общего характера и не содержит никакого указания о моральной или юридической основе для высказанного мнения.

D-51 и D-69 оба газетные сообщения.

Председатель: Минуточку, сэр Дэвид, 130? У меня есть страница 131. Это письменные показания, или их назвали письменными показаниями?

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Председатель: «На основе документов архивов флотского суда в…».

О, да, думаю документальная книга частично не в таком порядке.

Максвелл-Файф: Да, милорд, может быть так.

Председатель: Это чьё-то заявление под присягой или другое?

Максвелл-Файф: Да, милорд. 130 сразу же перед этим.

Председатель: Да, я нашел. 131 идет где-то перед 130.

Максвелл-Файф: Так, милорд. Это письменные показания бывшего флотского судьи и ваша светлость увидит, что описание которое обвинение дает об общем характере, как я полагаю, оправдано формулировкой документа, сложно понять основание которое учёный оппонент кажется придаёт своим заявлениям.

Милорд, D-51, страница 134, фрагмент из «Volkischer Beobachter» от марта 1945 и обвинение полагает, что тема не относится к вопросам выдвинутым против подсудимого Дёница. Номер 69 ещё одно газетное сообщение из той же газеты от 14 ноября 1939, приводящее список вооруженных британских и французских вооруженных кораблей. Итак, милорд, вторая группа, которую определяем как документы не относящиеся к делу: D-5, D-9, D-10, D-12, D-13, D-29, D-48, D-60, D-74.

Итак, милорд, первый из них, D-5, предмет Норвегии, стремится с помощью сноски привести сводку о документах которые трибунал рассмотрел в связи с рассмотрением документов по делу Рёдера, в отношении которых трибунал выразил свои сомнения, при том, что допустил их перевод. Трибунал вспомнит, что в отношении документов Дёница считалось удобным иметь их перевод без предварительной аргументации. Итак, милорд, такой же самый аргумент применяется к сноске, речи подсудимого фон Риббентропа, сводке документов которые попали в немецкое распоряжение спустя долгое время после речи подсудимого Риббентропа. Обвинение полагает, что они не относятся к делу.

И документы 9, 10, 12 и 13 касаются спасения союзных выживших в 1939-1941 включительно.

Председатель: О, да.

Максвелл-Файф: Милорд, последнее заявление «и видимо полностью не под присягой», ошибка. Следует, что без присяги D-13.

Итак, милорд в отношении позиции о том, что в то время как совершенная правда, что приказ о неспасении был издан подсудимым до 27 мая 1940, на самом деле важный период вращается вокруг 17 сентября 1942. Обвинению кажется ненужным вдаваться в детали более раннего периода. Нет сомнения в том, что были какие-то спасения. Единственное, что обвинение предъявляет подсудимому это то, что он издал приказ, который как доказало обвинение, запрещал спасение, при наличии какой-то опасности.

Председатель: Что за дату вы нам указали, 17 ноября 1942?

Максвелл-Файф: Милорд, приказ о неспасении ранее 27 мая 1940. Мы не можем привести точную дату, но нам известно из ссылки в другом приказе, что это должно было быть до 27 мая 1940. И приказ об уничтожении экипажей торговых судов 17 сентября 1942.

Итак, милорд, документ номер 29 содержит четыре документа рассматривающие показания свидетеля Хейцига. Первый предполагается как письменные показания свидетеля который говорит о характере заявлений подсудимого Дёница которые он делал обычно и не помнит о том, что он говорил о конкретном случае про которой сказал свидетель Хейциг, и он содержит много аргументации.

Второй, письмо направленное защитнику подсудимого Дёница и за исключением одной фразы, отрицающей, что подсудимый говорил в смысле предполагаемом Хейцигом, остальное в заявлении, которое конечно, не под присягой, либо аргументация либо расплывчато или не относится к делу. Оставшиеся два документа, оба видимо не под присягой, содержат утверждения против характера свидетеля Хейцига. Трибунал вспомнит, что не было сделано никаких утверждений против него, что не было никакого перекрёстного допроса о его характере, когда он давал свои показания. И второе касается других лекций которые не являются спорными.

Итак, милорд, следующий документ, D-48, касается предполагаемого хорошего обращения с союзными пленными в германских лагерях для моряков-военнопленных, о чем нет никакого вопроса к подсудимому. D-60, страница 209 касается итальянской и французской опасных зон, что как полагает обвинение, не имеет никакого отношения к зонам объявленным немцами. D-74 и D-60, страница 256 рассматривает взаимоотношения между британскими и французскими торговыми моряками и соответственно флотами и обвинение полагает, что это не относится к делу, что касается британского флота, если у них и есть какое-то кумулятивное отношение к D-67.

Итак, милорд, третья группа детали системы контроля за контрабандой и это D-60, страницы 173-198; D-72; D-60, страницы 204 и 205 и страницы 219-225. Милорд, эти документы рассматривают детали контроля за контрабандой, какие предметы являлись контрабандой, декларации различных правительств, и сказано о том, что детали контроля за контрабандой далеки от поднятых вопросов и совершенно не относятся к делу. Я не думаю, что в презентации против любого из морских подсудимых вообще упоминались декларации о контрабанде, разумеется не в отношении подсудимого Дёница и по соображению обвинения, на самом деле представляет собой вопросы которые как я уверен, не помогут в проблемах по данному делу.

Четвёртая группа, которую можно описать лишь в очень общих чертах, утверждения против союзников. Милорд, главное возражение я излагаю в первом параграфе: эти документы состоят из различных утверждений против союзников, кажется они имеют мало или вообще никакого отношения к вопросам по делу, и в случае предъявления, могут потребовать от обвинения поиска средств для опровержения утверждений в случае чего может потребоваться толстый том

доказательств в опровержение.

Затем есть излолированные, которые касаются утверждений о том, что союзники не брали выживших, есть два: 43, 67; страницы 96 и 90. 31 и 32 касаются союзных нападений на германские спасательные самолёты; 33 обвиняет советскую подводную лодку в потоплении госпитального судна.

И третье, номера 37, 38 и 40, последняя вещь газетное сообщение, утверждающее, что союзники расстреливают выживших. Милорд, вопрос союзного обращения с выжившими исчерпывающим образом рассмотрен фрагментом из германского военно-морского журнала и милорд, мы не возражаем этому, потому что это важно не как доказательство о приводимых фактах, а как доказательство о вопросах которые имели влияние на германское военно-морское командование. С этой целью я совершенно готов к тому, чтобы доктор Кранцбюлер предъявил их и трибунал рассмотрел их. И есть ещё один документ который рассматривает полностью данный пункт, и я совершенно готов позволить его предъявить.

Затем, милорд, остальное утверждает о либо о безжалостных акциях или о нарушениях международного права союзниками, и это номер 19, страница 24, экземпляр Геринга; номера 7 и С-21, страница 91; 47, страницы 120, 121, который также газетное сообщение; 52, 60, страницы 152 и 208; D-75, 81, 82, 85 и 89.

Итак, как я понимаю защиту представленную здесь, утверждение о приказе который как мы говорим ввел уничтожение выживших – заключается не в том, что это была репрессалия[148], а защита в том, что приказ не означал уничтожение, а просто неспасение. На этой основе трудно, на самом деле невозможно, оценить как эти вопросы вообще относятся к делу.

И похожим образом в отношении приказа о расстреле коммандос. Оправдание предполагаемое для приказа изложено в самом приказе. Я не слышал ни от одного подсудимого никакого оправдания этого приказа во время дачи показаний трибуналу. Каждый из подсудимых до сих пор говорил о том, что приказ отдал Гитлер и «одобряли мы его или нет, мы должны были его исполнять».

Таким образом, по моему соображению, здесь нет никакой аргументации которая может находится на втором плане, что нарушения законов и обычаев войны можно в определенных обстоятельствах правомерно считать совершением репрессалий. С такой точки зрения это не представляют, здесь нет никакого допущения, как я понимаю защиту, о нарушениях на которые ответ репрессалия. Таким образом, обвинение полагает, что эти документы также не относятся к делу.

Милорд, я снова постарался как можно короче сделать это, потому что я не хотел занимать много времени, но я постарался поправить их и описать то, что имеет самое большое значение.

Председатель: Трибунал хочет знать, почему вопрос допустимости данных

[148] Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

документов не обсуждался заранее. В других случаях которые мы рассматривали, вопрос допустимости в первую очередь рассматривался вами с помощью критики и возражений, и затем защитников заслушивали в ответ. Затем трибунал принимал решение.

Максвелл-Файф: Милорд, как я понимаю положение, мы представили возражения документам и доктор Кранцбюлер предложил о том, что он бы предпочел, чтобы документы перевели и заявили возражения на следующей стадии. И меня разумеется проинформировали о том, что трибунал с этим согласен и приказал о переводе документа.

Председатель: Может быть, для целей перевода. Но это не обязательно означает допустимость. И в большинстве других случаев, если не во всех, как вы помните, мы проводили аргументацию в открытом заседании на котором вы, или другой сотрудник обвинения, заявляли свои возражения и затем защитники отвечали на эти возражения.

Максвелл-Файф: Милорд, доктор Кранцбюлер только, что вручил – да…

> Решение:
>
> «Трибунал распорядился о том, чтобы документы указанные в вашем ходатайстве можно было перевести, но что вопрос их допустимости будет рассмотрен позднее».

Милорд, боюсь здесь моя вина. Получилось так, если я могу быть совершенно откровенным перед трибуналом, что я должен был выступить до начала дела Дёница с этой аргументацией. Я виноват, и должен принять ответственность. Я необоснованно полагал, что это означало, что аргументация о допустимости будет в начале, или в какое-то подходящее время, в случае Дёница. Милорд, я извиняюсь, и могу лишь выразить своё сожаление.

Милорд, есть одно извинение: в субботу мы имели три книги, и мы получили последнюю только вчера. Таким образом, мы на самом деле не смогли бы сделать это до сегодняшнего дня, даже если бы я об этом думал.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, трибунал считает, что в виду большого количества документов которым возражает обвинение, будет очень неудобно, чтобы вы отвечали на аргументацию сэра Дэвида Максвелл-Файфа по мере работы со своими документами, и таким образом вы должны ответить сейчас и рассмотреть их таким же образом как рассматривали другие защитники эти возражения о допустимости документов. Затем трибунал сможет рассмотреть аргументы представленные сэром Дэвидом Максвелл-Файфом и ваши аргументы в поддержку документов.

Кранцбюлер: Господин председатель, я хочу заметить, что лишь в виду многих возражений которые обвинение предъявляет документам, я должен с практической целью представить все свои документы, так как линия мысли которой следуют в презентации документальных доказательств подразумевает чёткий порядок

представления и нельзя убрать тот или другой документ не нарушив ход мысли. Таким образом, мне кажется, трибунал сэкономил бы значительное время если бы позволил мне ответить на возражения, когда я перейду к конкретному документу.

Председатель: Какая есть разница, предположив, что решение трибунала такое же, о том выступать вам сейчас или потом? Документы которые останутся, которые признают допустимыми, будут теми же самыми. Следовательно, нет никакой разницы. Я не могу понять никакой аргументации в пользу того, что вы говорите.

Кранцбюлер: Господин председатель, мой документальный материал, точно так же как у обвинения, организован с четкой целью и согласно четкой мысли. Если, из 50 документов которые находятся в моем документальном материале, мне нужно выступить по 40, тогда не хватит десяти. Таким образом, мне кажется уместным обсудить все 50, в том порядке в котором я планировал предъявить их трибуналу.

Если трибунал считает, что причин указанных об относимости разных документов недостаточно, тогда можно отказать или отозвать документ которому заявили возражение. Однако, мне кажется своевременным, чтобы я представил свою аргументацию в том порядке в каком планировал, а не в том порядке в каком обвинение заявило возражения. Это поражает в правах мою защиту и нарушает ход мысли и как защитник, мне кажется, моя задача представить собственную линию мысли и не отвечать на линию мысли которую преследует обвинение или его возражения.

Председатель: Что же, если это так, тогда вы можете представить аргументацию об относимости документов в том порядке как они идут.

Кранцюлер: Да.

Председатель: Но вы должны сделать это сейчас.

Кранцбюлер: Да, господин председатель.

Председатель: Вы можете начать с D-5, который первый, и затем продолжить с D-9 и D-10; рассмотрите их в таком порядке.

Доктор Кранцбюлер, трибунал не видит никакой причины почему с вами следует обращаться по другому нежели с любым другим подсудимым. Таким образом, он думает, что вам следует рассмотреть эти документы таким способом каким они здесь сгруппированы. Он бы предпочёл, чтобы вы рассмотрели их сейчас, если вы можете рассмотреть их за разумный промежуток времени. Затем он сможет решить по вопросу о том какие документы следует допустить в течение отложения. В противном случае ему придется откладываться на завтра для рассмотрения вопроса, который пока задерживает процесс.

Кранцбюлер: Господин председатель, конечно, я могу сделать общие заявления касательно групп на которые сослалось обвинение, но я не могу ссылаться на отдельные документы достаточно подробно, чтобы однозначно установить их отношение к делу. Для меня это невозможно, так как мне возразили списком который я не видел заранее. Таким образом я хочу попросить, если я должен указать

причины по каждому документу, чтобы мне предоставили возможность сделать это завтра утром. Однако, если трибунал желает заслушать только общие замечания о группах, я могу сделать это прямо сейчас.

Председатель: Очень хорошо, доктор Кранцбюлер. Трибунал будет отложен и мы заслушаем вас об этих документах завтра утром в 9:30.

Кранцбюлер: Господин председатель, в открытом заседании?

Председатель: Да, разумеется в открытом заседании.

[*Судебное разбирательство отложено до 9 часов 30 минут 8 мая 1946*]

День сто двадцать четвёртый

Среда, 8 мая 1946

Утреннее заседание

Пристав: С позволения трибунала, сообщаю, что отсутствует подсудимый Ширах.
Кранцбюлер: Господин председатель, с разрешения трибунала, я выскажу своё мнение о документах которым возражает обвинение.

Перед тем как я обращусь к отдельным документам, я хочу сказать две вещи касательно групп.

Первое: я прошу трибунал вспомнить, что по общим вопросам морской войны я также защищаю адмирала Рёдера. Я уже упоминал, когда я впервые ходатайствовал о документах, что все обвинения против морской войны нельзя рассматривать по отдельности в отношении Дёница или Рёдера, следовательно доктор Симерс и я согласились с тем, что я должен рассматривать эти обвинения совместно. Я прошу трибунал при оценке вопроса принять во внимание то относятся ли обвинения к делу.

Второе: большое количество возражений обвинение заявило тому факту, что в документах указаны военные меры союзников. Мне кажется, что меня совершенно неправильно поняли, особенно в данной области. Меня не интересует и моим намерением не является порочить любые военные методы, и позднее я подробно продемонстрирую, что документы не подходят для этого. Но я хочу заявить с самого начала, что я хочу показать этими документами какой на самом деле была война на море. Я не могу продемонстрировать это показав только германские методы, но я также должен представить трибуналу методы союзников для того, чтобы доказать, что германские методы, которые похожи на методы союзников были законными. Трибунал даже признал, что это правильно одобрив использование приказов британского адмиралтейства и опросный лист главнокомандующего американским флотом, адмирала Нимица[149].

Я очень благодарен за то, что эти документы одобрили, и мои собственные документы в данной области идут в таких же чертах.

Сейчас я обращаюсь к отдельным документам против которых выдвинули возражения, первый Дёниц-5, который в документальной книге 1, страница 7.
Председатель: Доктор Кранцбюлер, трибунал исследовал все эти документы,

---

[149] Честер Нимиц (1885 — 1966) — адмирал флота, главнокомандующий Тихоокеанским флотом США во время Второй мировой войны (с середины декабря 1941 года). Был одним из наиболее авторитетных специалистов по подводным лодкам в Соединённых Штатах, а также начальником Бюро навигации ВМС США в 1939 году.

поэтому я думаю вы можете рассмотреть их насколько возможно группами.

Кранцбюлер: Очень хорошо.

Председатель: Если возможно, следуйте порядку сэра Дэвида Максвелл-Файфа.

Кранцбюлер: Господин председатель, мне невозможно следовать порядку сэра Дэвида, потому как тогда мне нужно постоянно возвращаться к линии мыслей которую я уже упоминал. Мне кажется, это упростит и ускорит разбирательство если я сформирую группы согласно порядку в котором я собирался их представить, и я хочу напомнить трибуналу, что это мне вчера прямо одобрили.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, для трибунала было бы гораздо удобнее если бы вы следовали порядку в группах. Но если вы считаете это невозможным, трибунал не будет принимать об этом решение.

Кранцбюлер: Я был бы очень благодарен, господин председатель, если бы я мог следовать порядку который подготовил. Он соответствует порядку сэра Дэвида.

Председатель: Очень хорошо.

Кранцбюлер: Касательно вопроса агрессивной войны, у меня есть ещё один документ который нужно предъявить, который Дёниц-5. Это фрагмент из «Documente der Deutschen Politik[150]», и касается вопроса баз в Норвегии. Я считаю данный документ относящимся к делу, потому что он показывает, что со стороны британского адмиралтейства был подготовлен опросный лист по вопросу необходимости такой базы, что полностью соответствует тому, что обвинение вменяет адмиралу Дёницу в документе GB-83 в качестве доказательства агрессивной войны.

Соответственно, я желаю сказать, что ответы на такие опросные листы не имеют никакого отношения к каким-либо соображениям касательно агрессивной войны, которую подчинённое ведомство даже не могло вести. Документ в группе 2 классификации сэра Дэвида.

Председатель: Вы говорите, что сноска означает такую же сноску как остальная часть документа?

Кранцбюлер: Сноска для меня важна, господин председатель. Я копировал ещё одну часть только для того, чтобы провести связь со сноской.

Председатель: Что же, кто написал сноску? Разве сноска не представляет информацию которой тогда не располагало германское адмиралтейство?

Кранцбюлер: Нет, нет.

Председатель: Что же, разве сноска говорит о том, что этим тогда располагало германское адмиралтейство?

Кранцбюлер: Нет, господин председатель. Сноска не была известна в то время германскому адмиралтейству.

Председатель: Это то, что я сказал, сноска была неизвестна германскому адмиралтейству. Кто её написал?

[150] «Документы германской политики» (нем.)

Кранцбюлер: Сноска данного документа, который можно найти в сборнике «Documente der Deutschen Politik…».

Председатель: Её автор подсудимый Риббентроп?

Кранцбюлер: Нет, господин председатель. «Documente der Deutschen Politik» официальный сборник, и сноски писал редактор этого сборника на основании официального материала.

Председатель: Да, понимаю.

Кранцбюлер: Теперь я перехожу документам касающимся в целом войны на море. Большая их часть в группе сэра Дэвида 3. Первый документ Дёниц-60, на странице 152. Он касается американской ноты от 6 октября 1939 и в связи с документом Дёниц-61, которому обвинение не возражает. Это в томе III, документальной книги, господин председатель. Том III, страница 152. Данный документ американский ответ документу который вы найдете за две страницы до этого, на странице 150. Оба документа рассматривают предупреждение нейтральным нациям против подозрительных действий их торговых судов. Вопрос относится к экземпляру GB-193 обвинения. В данном документе вменяется обвинение в приказе о том, что корабли действующие подозрительно – то есть, идущие без огней – следовало топить.

Следующий документ из группы 1 сэра Дэвида, Дёниц-69, на странице 170, в книге 3. Это фрагмент из нескольких копий «Volkischer Beobachter» от ноября и декабря 1939. В этих копиях опубликованы списки вооруженных британских и французских пассажирских судов. Данный документ тоже в связи с предыдущим документом и одним следующим. Все эти документы рассматривают вопрос обращения с пассажирскими судами командования морской войной.

Председатель: Думаю вам лучше приводить номера документов. Вы сказали следующий документ и один перед ним. Думаю вам лучше приводить номера документов.

Кранцбюлер: Да. Это документ 69, господин председатель, Дёниц-69 и это на странице 170, в книге 3.

Председатель: Да, я это знаю, но вы сказали, что-то про похожие документы, или какие-то слова об этом, предыдущих документах.

Кранцбюлер: Это относится к Дёниц-68, на странице 169 документальной книги.

Председатель: Этому возражали?

Кранцбюлер: Нет.

Председатель: Очень хорошо, вам не нужно об этом беспокоится.

Кранцбюлер: Я лишь хотел показать, господин председатель, что данный документ лишь часть доказательства об обращении с пассажирскими судами и должен подтвердить, что германская пресса предостерегала от использования вооружённых пассажирских судов. Следующий документ которому возражает обвинение касается группы 3 «Система котроля контрабанды». Это документы Дёниц-60 со страница

173 по страницу 197 документальной книги и я хочу сформировать из них три группы.

Первая группа, со страницы 173 по страницу 181 касается вопроса контрабанды. Я считаю данный вопрос относящимся к делу, потому что документ GB-191 заявил о том, что германские подводные лодки потопили большое количество союзных судов в то время как эти суда шли по законному торговому пути. Развитие правил против контрабанды покажет трибуналу, что с 12 декабря 1939 и далее, легальный импорт в Англию уже не существовал, а была только контрабанда. Эти документы касающиеся контрабанды важны, кроме того, для немецкой точки зрения, которая стала известна под лозунгом «голодная блокада» и которая играла важную роль во всех германских соображениях о ведении и наращивании войны на море. Документы содержат детали германских норм о контрабанде, британские нормы и два германских заявления об этих нормах о контрабанде.

Следующая группа Дёниц-60, со страницы 183 по страницу 191. Это касается норм о передачи контроля над портами, то есть, британское адмиралтейство вывело контроль над нейтральным торговым судоходством из открытого моря в определённые британские порты. Данная группа также относится к делу в связи с экземпляром GB-191, потому как в данном документе германский штаб войны на море обвинён в осуществлении военных мер против Англии не принимая во внимание опасность для нейтралов. Группа которую я рассмотрел показывает, что для британского адмиралтейства тоже было невозможно предпринимать военные меры не подвергая опасности нейтралов, потому, в результате создания контролируемых портов нейтралов вынуждали заходить в германскую оперативную зону и соответственно, конечно подвергали опасности. Данная опасность подтверждалась самими нейтралами, и документы на страницах 186-189 подтверждают это.

Фрагмент из документа обвинения GB-194 на странице 198 принадлежит к этой же группе. Он содержит новый американский протест против этих контролируемых портов.

Третья группа идёт со страниц 192-197, также Дёниц-60 и касается вопроса экспортного эмбарго. Данное экспортное эмбарго было объявлено против Германии в приказе Совета[151] от 27 ноября 1939. Данная мера важна в вопросе законной торговли, потому как соответственно легальный экспорт соответственно был тоже невозможен. Таким образом экспортная блокада основа тотальной блокады, которую позднее Германия объявила против Англии. Поскольку экземпляр GB-191 оспаривает законность тотальной блокады я должен доказать основание экспортной блокады.

Следующий документ которому возражают это Дёниц-72 на странице 185.

---

[151] Имеется в виду Совет Лиги наций.

Это касается ноты Великобритании Бельгии от 22 сентября. В данной ноте британское правительство заявляет о том, что оно не потерпит никакого наращивания торговли между Бельгией и Германией. Я использую это доказательство для того факта, что экономическое давление как можно видеть из данной ноты являлось естественным и приемлимым средством войны. Данный вопрос относится к делу касательно документа обвинения, экземпляра GB-224. Здесь на странице 6 в пункте (с) сказано, что Германии потребуется оказать экономическое давление на нейтралов и эти заявления представлены обвинением как мера противоречащая международному праву.

Следующая группа содержит следующие документы: Дёниц-60, страница 204; Дёниц-72, страница 207; Дёниц-60, страница 208; Дениц-60, страница 209 и Дёниц-75, страница 218. Все эти документы касаются развития германских оперативных зон и признания оперативных зон объявленных противниками. Эти документы относятся к вопросу обращения с нейтралами. В экземпляре GB-191 штабу войны на море предъявлено обвинение, что без всякого внимания был отдан приказ торпедировать нейтральные корабли. Мои доказательства докажут, что это происходило только в тех районах которые нейтралов предпреждали не использовать, и что это допустимая мера войны, как показано практикой противника.

Я хочу индивидуально сослаться на два документа которые содержат практики противоположной стороны. Дёниц-60, страница 208, касается заявления господина Черчилля от 8 мая 1940 относительно торпедирования кораблей в Ютландском море. Данный документ и следующий, Дёниц-60, страница 209, я хотел предъявить свидетелю. Дёниц-60, страница 209, касается французского заявления об опасной зоне рядом с Италией. Я использую оба документа в качестве доказательства практического состояния войны на море и хочу обсудить их со свидетелем. Само собой, что методы противника оказали какое-то влияние на немецкие практики.

Следующая группа содержит документы Дёниц-60, страницы 219, 222 и 224. Они рассматривают британскую систему навицертов[152]. Навицерты как можно видеть из этих документов, были сертификатами которые все нейтральные корабли должны были получать от британского консульства перед выходом в море. Корабли которые отказывались использовать навицерты конфисковали. Система навицертов относится к делу в двух отношениях.

Первое, в германском заявлении касательно тотальной блокады против Англии от 17 августа 1940 в качестве одной причины для такой блокады. Во-вторых, с немецкой точки зрения являлось ненейтральным актом со стороны нейтралов подчиняться такой системе. Данный вопрос играет значительную роль в установлении того в какой мере сама Германия с этого времени воспринимала

[152] Навицерт; морское охранное свидетельство (об отсутствии военной контрабанды на судне).

нейтралов в оперативном районе. Наконец, система навицертов показывает развитие совершенно нового военно-морского права и это для меня самый важный предмет.

Следующий документ Дёниц-60, страница 256. Это французский указ от 11 ноября 1939 касательно создания опознавательного знака для экипажей торговых судов которые могли мобилизовать. Данный документ относится к вопросу о том следовало ли считать экипажи торговых судов на данной стадии комбатантами или нонкомбатантами. Детали указа как мне кажется, покаывают, что их следовало считать комбатантами.

Двумя следующими документами я хочу возразить доказательственной ценности документа обвинения, экземпляру GB-191. Это касается моих документов Дёниц-81, страница 223 и Дёниц-82, страница 234. Я сказал о том, что эти два документа оспаривают доказательственную ценность документа GB-191. Это доклад британского министерства иностранных дел о германской войне на море. На странице 1 данный доклад атакует статью 72 германских призовых правил[153] в которых говорится о том, что корабли можно топить если их нельзя доставить в порт. Документ GB-191 говорит о том, что это противоречит традиционной британской концепции.

Мой документ Дёниц-81 показывает потопление германского сухогруза «Olinda[154]» британским крейсером «Ajax[155]» в первый день войны. Это единственный пример, чтобы показать, что заявление в докладе британского министерства иностранных дел, согласно которому британский флот не топил корабли если их нельзя было доставить в порт, неправильное.

В этом же самом докладе британского министерства иностранных дел, германские подводные лодки обвинялись в том, что не делали разницы между вооружёнными и невооружёнными торговыми судами. Позднее я представлю суду приказы о вооружённых и невооруженных торговых судах.

Своим следующим документом я просто желаю защитить подводные лодки от того, чтобы интерпретировать всякую ошибку как злой умысел. Таким образом в Дёниц-82, я представляю заявление британского министерства иностранных дел которое подтверждает, что крайне трудно если невозможно, в некоторых случаях отличить между вооружёнными торговыми судами и невооруженными торговыми судами.

Следующий документ, Дёниц-85, страница 242, содержит заявление американского секретаря флота, господина Нокса[156], касательно вопроса сохранения

---

[153] Призовое право — отрасль права, регулировавшая отношения по поводу частного имущества, при известных обстоятельствах захваченного воюющими на море или в пресных водах (корабль и его груз). Призом называлось как это имущество, так и сам акт («захват»). К началу Второй мировой войны практически не применялось на практике.

[154] «Олинда» - немецкое грузовое судно. Спущено на воду в 1927. Потоплено экипажем после обстрела английским крейсером «Аякс» 3 сентября 1939.

[155] «Аякс» - легкий крейсер ВМС Великобритании. Спущен на воду в 1934. Разобран на лом в 1949.

[156] Франклин Нокс (1874 — 1944) — американский газетный редактор и издатель, кандидат в вице-президенты от Республиканской партии США, секретарь военно-морских сил США во время большей части Второй мировой войны.

в тайне потопления германских подводных лодок американскими военно-морскими силами. Для меня это важно в связи с документом обвинения, экземпляром GB-194. В данном документе меры, которые должен был предпринимать военно-морской штаб для сохранения в тайне потопления подводных лодок, то есть использование в качестве предлога фиктивного потопления минами, представлены как мошеннические. Я хочу привести этим пример того, что во время войны военные меры естественно можно хранить в секрете, но это никак не доказательство против их законности.

Следующий документ Дёниц-89, на странице 246. Это список составленный штабом руководства войной на море о нарушениях нейтралитета совершённых Соединёнными Штатами с сентября 1939 по 29 сентября 1941. Документ важный для противопоставления документу обвинения, экземпляру GB-195, который содержит приказ Адольфа Гитлера от июля 1941 в котором сказано, что в будущем даже с торговыми судами Соединённых Штатов следовало обращаться в зоне германской блокады таким же образом как со всеми остальными нейтральными судами, то есть, их должны были топить.

Обвинение интерпретировало данный приказ как доказательство циничного и оппортунистического ведения подводной войны адмиралом Дёницем. Я желаю показать, представив данный список, что с немецкой точки зрения совершенно понятно и обоснованно если летом 1941 кто-то не предоставлял Соединённым Штатам более лучшего положения чем остальным нейтралам.

Теперь я перехожу к предмету обращения с потерпевшими кораблекрушение выжившими. Эти документы в томе I документальной книги. Первый документ Дёниц-9, на странице 11, приводит описание сверхтщательных мер предпринятых германскими подводными лодками для спасения выживших в сентябре и октябре 1939. Это важно для адмирала Дёница…

Председатель: Конечно здесь должна быть их группа, не так ли? Нет ли у вас ряда документов которые рассматривают кораблекрушения?

Кранцбюлер: Да, есть ряд документов.

Председатель: Вы не можете рассмотреть их совместно?

Кранцбюлер: Да, господин председатель, я могу их собрать. Они документы Дениц-9, страница 11, Дёниц-10, страница 12, Дёниц-12, страница 18 и Дёниц-13, страница 19-26 и страница 49, и Дёниц-19 на странице 34. Все эти документы относятся к экземпляру GB-196 обвинения. Это приказ от зимы 1939-40 в котором ограничивались спасательные меры подводных лодок. Сэр Дэвид возразил данной группе тем, что неважно если, после данного приказа зимы 1939-40, спасения также проводились. Я не могу разделить это мнение. Если обвинение вменяет адмиралу Дёницу издание приказа об ограничении спасательных мер зимой 1939-40, тогда важно заметить, в чем заключались причины издания приказа и какие имелись практические последствия. Я утверждаю, что приказ можно отнести, во-первых, к

боевым условиям подводных лодок вдоль британских берегов, и во-вторых, сверхтщательным спасательным мерам предпринимаемым командирами. Приказ в целом не запрещал спасательные меры и это будет показано заявлениями командиров, которые я представил как Дёниц-13.

Председатель: Вы можете привести нам страницу где мы можем найти эти экземпляры GB? Например, GB-196.

Кранцбюлер: Да. Это в британской документальной книге на странице 33. В документальной книге обвинения, господин председатель.

Председатель: GB-195?

Кранцбюлер: Страница 32, господин председатель.

Председатель: Спасибо.

Кранцбюлер: Я хочу высказать свою позицию по формальному возражению. Некоторые из этих заявлений не заявления под присягой. Я ссылаюсь на статью 19 устава, согласно которой трибунал вправе использовать все доказательства которые имеют доказательственную ценность. Мне кажется, что письменный доклад офицера о его деятельности в качестве командира имеет доказательственную ценность, даже если он подготовлен не под присягой. Такой доклад в германском военно-морском суде был бы без вопросов принят в качестве доказательства.

Последний документ в данной группе, Дёниц-19, страница 34, касается документа обвинения, экземпляра GB-199. Это радиограмма на странице 36 британской документальной книги обвинения. Она касается радиограммы которую подводная лодка под командованием капитан-лейтенанта Шахта[157] получила от адмирала Дёница и рассматривает спасение или неспасение англичан и итальянцев.

Документ Дёниц-19 это журнал подводной лодки Шахта и показывает, первое, вооружения и экипаж «Laconia[158]», чей экипаж обсуждается, и второе, он объясняет почему спасли сравнительно мало многочисленных итальянцев и сравнительно много менее многочисленных англичан. События были известны адмиралу Дёницу по радиограммам.

Документ Дёниц-29…

Председатель: Доктор Кранцбюлер, как я вам сказал, трибунал прочёл и исследовал все эти документы и следовательно вам не нужно вдаваться в них как небольшую группу, и вам не нужно вдаваться в каждый документ, если вы готовы отметить характер группы.

Кранцбюлер: Тогда я хочу назвать документы Дёниц-29 на страницах 54-59 документальной книги; Дёниц-31, страница 64; Дёниц-32 на странице 65; Дёниц-33 на странице 66; Дёниц-37 на странице 78; Дёниц-38 на странице 80 и Дёниц-40 на странице 86, эти документы тоже касались предмета выживших. Дёниц-29 касался

---

[157] Харро Шахт (1907-1943) - немецкий офицер-подводник, капитан 2-го ранга (1 января 1944 года, посмертно). Погиб вместе с экипажем в результате бомбардировки американским самолётом.

[158] «Лаконика» - британский пассажирский корабль, с 1 октября 1941 транспортное судно министерства военного транспорта Великобритании. Потоплено 12 сентября 1942.

заявления свидетеля Хейцига.

Обвинение заявило о том, что я не могу оспаривать характер Хейцига, потому что не затрагивал это во время перекрёстного допроса Хейцига. В связи с этим я желаю сказать, что по моему мнению я атаковал достоверность Хейцига во время перекрёстного допроса насколько это было тогда возможно. Я узнал о существовании свидетеля лишь за три дня до его появления.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы начинаете рассматривать каждый документ. Вы привели нам целый ряд документов которые все попадают в данную группу, обращение с кораблекрушениями, и мы уже видели эти документы и таким образом, мы можем рассмотреть их как группу. Нам не нужны подробности в вопросе достоверности Хейцига, это уже есть у нас.

Кранцбюлер: Господин председатель, мне кажется очень сложно судить об отношении к делу документов если мне не позволяют говорить о том с чем они связаны. Например, следующие три документа, Дёниц-31, 32 и 33 относятся к GB-200. Это приказ флагмана подводных лодок рассматривающий обращение с так называемыми спасательными судами. Трибунал вспомнит, что обвинение заявило о том, что оно не возражало приказу как таковому в связи с потоплением спасательных судов, а только тенденции убивать выживших также потопляя спасательные суда.

Мои документы являются важными для данного вопроса и показывают, что таким образом оно применяет моральные стандарты которых не существует во время войны. Я желаю показать такое сравнение с помощью морских спасательных самолётов. Британские воздушные силы правомерно сбивали спасательные морские самолёты, потому что не было никакого соглашения запрещающего это. Таким образом моральные соображения не удерживали британские воздушные силы от нападений на спасательные самолёты, если международное право допускало это, и мы имеем здесь именно такую же точку зрения касательно спасательных судов.

В случае потопления парохода «Steuben[159]», я хочу поправить ошибку. Это документ Дёниц-33. Он не рассматривает как вчера сказал сэр Дэвид, потопление госпитального судна русской подводной лодкой, а касается потопления германского транспортного судна перевозившего раненых. Таким образом данное потопление было полностью оправданным и я хочу показать данным документом, что штаб руководства войной на море ни минуту не считал это неоправданным. Господин председатель, мне кажется, что я должен высказаться более подробно о документах Дёниц-37, 38 и 40, так как это именно те документы которым возразило обвинение, потому что они показывают использование союзниками определённых военных мер.

---

[159] «Генерал Штойбен» — немецкий пассажирский океанский лайнер. Спущен на воду в 1922 году под названием «Мюнхен». В 1930 году лайнер сгорел в порту Нью-Йорка, после чего был отремонтирован и в 1931 году переименован в «Генерал Штойбен» (в честь 200-летия со дня рождения американского генерала прусского происхождения — участника войны за независимость США), а в 1938 году — в «Штойбен». Потоплен советской подводной лодкой С-13 10 февраля 1945 года.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, как я уже вам более чем один раз сказал, трибунал не желает заслушивать вас по каждому отдельному документу. Мы уже рассмотрели документы и хотим, чтобы вы рассмотрели их группами и указали на предмет к которому они относятся.
Кранцбюлер: Господин председатель, могу я хотя бы назвать документы обвинения на которые ссылаются мои документы?
Председатель: Да, разумеется.
Кранцбюлер: Дёниц-37 ссылается на документ обвинения, экземпляр D-638 (GB-220). Это заявление адмирала Дёница по делу «Athenia[160]». В конце этого заявления упоминается вопрос наказания командира подводной лодки и обвинение видимо вменяет адмиралу Дёницу ненаказание командира за исключением дисциплинарного характера. Я хочу доказать документом Дёниц-37, что командир сразу же допустит отдельные военные меры даже если они не правильные или по крайней мере отчасти неправильные.

Дёниц-38 в связи с документом Дёниц-39, которому обвинение не возражает. Он затрагивает только одну деталь из документа Дёниц-39. Данный документ говорит об отношении штаба руководства войной на море предположительным сообщениям о расстреле союзниками выживших и похожим инцидентам. Дёниц-38 предназначен показать, что самое внимательное отношение штаба руководства войной на море не основывалось на нехватке доказательств, так как он имел письменные показания в доказательство этого и несмотря на это отвергал всякую возможность репрессалий.

Дёниц-40 в связи с документом Дёниц-42 который я представил и в отношении которого не заявили возражения. В данном документе рассматриваются весьма печальные соображения о том можно ли стрелять в выживших или нет. Я хочу показать, что такие соображения, вероятно негуманны и невозможны после войны, но во время войны такие вопросы исследовали и в определённых случаях отвечали утвердительно, согласно военной необходимости.

Следующие два документа, Геринг-7, на странице 89 и С-21, на странице 91 рассматривают документ обвинения, экземпляр GB-205. Это радиограмма касательно потопления союзного катера. GB-205 на странице 53 документальной книги обвинения. Обвинение в связи с этим документом вменило нашему военно-морскому командованию попытку терроризировать экипажи нейтральных судов. Оба моих документа, Геринг-7 и С-21 приводят немного примеров о том, что в терроризации нет ничего незаконного и что естественно каждая воюющая сторона предпринимая военные меры учитывает психологический эффект этих мер на противника.

---

[160] «Атения» - британский пассажирский лайнер. 3 сентября 1939 года, всего через несколько часов после объявления правительством Соединённого Королевства войны Германии, подводная лодка U-30 под командованием оберлейтенанта Фрица-Юлиуса Лемпа потопила «Атению».

Следующая группа документ Дёниц-43, на странице 95, Дёниц-90, на странице 258 и Дёниц-67, на странице 96. Все они рассматривают предмет того обязан ли был корабль проводить спасение если самому кораблю угрожала опасность и относится к документу обвинения, GB-196 на странице 33 документальной книги обвинения и GB-199 на странице 36 книги обвинения. Они показывают первоначальные методы британского флота…

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы сказали нам о предмете к которому они относятся. То есть, они относятся к тому предмету обязан ли корабль спасать если ему угрожают, и это, вы говорите, ответ на GB-196 и 199. Зачем вы должны говорить нам, что-то ещё?

Кранцбюлер: Если этого достаточно, тогда я продолжаю, господин председатель. Последний документ в данной группе Дёниц-53, страница 99. Это заявление почти 60 командиров подводных лодок из английского лагеря для военнопленных и они рассматривают тот факт, что они никогда не получали приказа убивать выживших. Обвинение возразило ему, потому что посчитало его слишком общим и не под присягой. Мне кажется, что он содержит очень конкретное заявление касательно предполагаемого приказа об уничтожении. Кроме того, это официальное сообщение германских командиров как военнопленных своему начальнику, английскому коменданту лагеря, и я получил его от британского военного ведомства, я прошу трибунал особо одобрить данный документ, потому он имеет высокую доказательственную и моральную ценность для меня лично и для моего клиента.

Последняя группа документов которым возразили идёт под названием «Заговор». Это в документальной книге, том II, господин председатель, Дёниц-47 и относится к экземпляру GB-212. Дёниц-47 на странице 120. Документ обвинения экземпляр GB-212. На странице 75 указан инцидент, а именно, что адмирал Дёниц одобрил тот факт, что избавились от предателя в лагере военнопленных. Дёниц-47 показывает, что устранение предателей это чрезвычайная мера которая одобрялась всеми воевашими правительствами.

Дёниц-48 рассматривает предмет обращения с военнопленными. Он ссылается на документ обвинения, экземпляр GB-209. Дёниц-48 на странице 122 моей документальной книги и GB-209 на странице 68 документальной книги обвинения. В связи с GB-209, который рассматривает возможность отказа от Женевской конвенции[161], обвинение вменяет Дёницу желание без зазрения рисковать жизнями 150000 американских и более 50000 британских военнопленных. По моему мнению, недостаточно просто такое заявление обвинению, но я должен доказать, что с теми военнопленными за которых был лично ответственным адмирал Дёниц не только обращались согласно международного права, но образцово и как

[161] Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

можно видеть из британского заявления, которое имеется в доказательствах «справедливо и внимательно».

Следующий документ Дёниц-49 касается обращения с местным населением. Это на странице 130. Это относится к документам обвинения GB-210, документальная книга обвинения страница 69 и GB-211, документальная книга обвинения страница 72. Согласно этим двум документам обвинения, адмирал Дёниц связан с заговором по совершению преступлений против местного населения оккупированных территорий. И снова, я бы хотел показать, что в данном секторе за который он был ответственным лично, он делал всё необходимое, чтобы защитить жителей оккупированных территорий. Поэтому я представил доказательства касательно приговоров вынесенных флотскими судами для защиты местных жителей, которые утверждал адмирал Дёниц даже в случае смертных приговоров в отношении немецких солдат.

Обвинение заявляет о том, что данный документ тоже слишком общий. Документ имеет приложение приблизительно с 80 отдельными примерами приговоров. Я не включил эти примеры, для того, чтобы сэкономить время переводчиков, но если трибунал считает это необходимым, я разумеется представлю перевод данного приложения.

Последняя группа содержит Дёниц-51, на странице 134 и Дёниц-52 на странице 135. Они связаны с документом обвинения GB-188, на странице 10 британской документальной книги. Это речь адмирала Дёница в связи со смертью Адольфа Гитлера. В связи с этим документом и ещё одним, обвинение вменяет ему бытность фанатичным нацистом и как такового в затягивании войны за счёт мужчин, женщин и детей этой страны. Однако, именно этот документ обвинения показывает, что он считал затягивание капитуляции нужным для того, чтобы позволить как можно большему количеству людей попасть с Востока на Запад и таким образом обеспечить им безопасность.

Документы Дёниц-51 и Дёниц-52 докажут, что фактически сотни тысяч, если не миллионы немецких людей оказались в безопасности в течение последних недель войны.

Председатель: Предположительно мы поймем это из документов. Эти детали в документах, не так ли, что вы скажете?

Кранцбюлер: Мне больше ничего не нужно об этом говорить, господин председатель.

Председатель: Всё это в документах? Доктор Кранцбюлер, трибунал склонен думать, что это сэкономит время если после решения по документам, вы вызовете первым подсудимого Дёница. Вы готовы сделать это?

Кранцбюлер: Я не был готов к этому, но могу это сделать.

Председатель: Что же, цель этого в том, чтобы постараться сэкономить время, и трибунал считает, что в ходе допроса подсудимого можно рассмотреть значительное

количество этих документов как в прямом так и перекрёстном допросе.

Кранцбюлер: Да, господин председатель. Однако, сложность в том, что в ходе допроса адмирала Дёница я бы хотел рассчитывать на содержание документов и я бы хотел обсудить с ним некоторые документы. Но я не знаю одобрит ли трибунал документы сейчас или нет.

Председатель: Что я предлагаю, это чтобы сейчас трибунал рассмотрел относимость документов к делу, допустимость этих документов, и затем сказать вам – вынести решение – о допуске документов. Тогда вы будете знать какие документы допустили. Затем вы вызовете адмирала Дёница и конечно допросите его в связи с документами которые допущены, и как я вам сказал, трибунал уже просмотрел эти документы.

Кранцбюлер: Да, я согласен с этим, господин председатель. Я вызову адмирала Дёница если трибунал считает это правильным.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы рассматривали документ Дёниц-60, который содержит очень много страниц на которые вы желаете ссылаться. Когда мы распорядимся по поводу них, вам нужно присвоить отдельные номера экземпляров каждому документы – каждому который мы признаем допустимым и который вы пожелаете предъявить в качестве доказательства.

Кранцбюлер: Господин председатель, могу я заметить, что это одна книга. Дёниц-60 одна книга. Вот почему я не присвоил номера экземпляров, потому что я предъявляю её как один документ.

Председатель: Да, но она содержит столь много страниц, что будет более удобно, не так ли, присвоить каждой отдельной странице отдельный номер экземпляра?

Кранцбюлер: Да.

Председатель: Кажется это относится к самым разным предметам.

Кранцбюлер: Да, сборник документов.

Председатель: Так как вы рассмотрели различные предметы в совершенно ином порядке нежели их рассматривал сэр Дэвид Максвелл-Файф, я думаю будет правильно, чтобы мы выслушали всё, что он хочет об этом сказать. Если, конечно вы хотите, что-то сказать, сэр Дэвидл.

Максвелл-Файф: Разумеется, милорд. Милорд, я услышал, что трибунал сказал о том, что у него была возможность изучить документы и таким образом я собираюсь быть очень кратким в любых замечаниях которые мне нужно сделать, и могу я дать одно объяснение прежде чем рассмотрю несколько вопросов?

Мой друг, полковник Покровский хотел дать понять – как думаю вчера это было ясно для трибунала – что нет никаких возражений документам 3 и 4 из-за того, что они касаются секретной базы на Севере, что важно только для нападений против лесовозов из северо-русских портов. Чему возражают, как я думаю отметил трибунал, это то, что заявление доктора Кранцбюлера не имело никакого основания в документах. Полковник Покровский крайне настаивал на том, чтобы я уточнил это

от имени обвинения.

Милорд, думаю есть только два вопроса которые мне нужно подчеркнуть в ответе трибуналу. Первый по моей группе 3, детали системы контроля контрабанды. Милорд, я полагаю, что в аргументации доктора Кранцбюлера есть аргументация non sequitur[162]. Он говорит о том, что прежде всего осуществление контрабанды торговыми судами, доводя свою аргументацию до логического вывода, давало бы право воюющей стороне незамедлительно топить. Это, как я полагаю, с большим уважением к нему, совершенно неправильно, и не следует из этого, потому что вы создаете определённые правила и списки контрабанды, чтобы право топить любое судно вообще возникло.

Похожим образом, его вторая мысль в отношении британской системы навицертов. Эту систему использовали в Первую мировую войну и она хорошо известна. И снова, важен non sequitur или отсутствие связи, что если нейтрал идет в один из контролируемых портов и получает навицерт, это не создаёт нейтралу какой-то ненейтральный акт делая из него военный корабль, позицию которую мой друг – доктор Кранцбюлер – должен принять во внимание, чтобы убедить в этой аргументации.

Его третья группа предназначена представить документы показывающие экономическое давление, например, Бельгии, в отношении импорта товаров. Морским подсудимым не вменяется экономическое давление, им вменяется убийство людей в открытом море. И снова, я рассмотрел это очень кратко, и обвинение полагает и решительно имеет взгляд, что в целом такие документальные доказательства грубо отступают от вопроса данного дела.

Теперь вторая группа вопросов о которой я хочу сказать. Я могу привести в качестве примера документ приводящий ряд утверждений о ненейтральных актах Соединённых Штатов. Обвинение говорит, что потопление разных групп нейтралов на месте, рассматривали как чисто политический вопрос, согласно премуществу или, воздерживаясь, как недостаток который Германия могла получить из своих отношений с этими нейтралами. И это не поможет в ответе на утверждение обвинения. Это факт о котором можно судить, в том право ли обвинение. Не поможет говорить о том, что Соединённые Штаты совершали некие ненейтральные акты. Во всяком случае, это поддерживало бы утверждение обвинения о том, что потопление на месте применялось произвольно в соответствии с политическими преимуществами, которые можно было получить от этого.

И ещё один единственный пункт, и снова мой друг, полковник Покровский, желает, чтобы я подчеркнул это – то, что эти сборники заявлений не под присягой, конечно имеют совершенно другое положение с точки зрению любого юридического стандарта, по сравнению с сообщениями офицеров сделанных при

[162] Non sequitur (с лат. — «не вяжется») — нерелевантный довод, термин для обозначения логической ошибки, где предоставленный довод не связан с заключением.

исполнении ими обязанностей. Это допустимо во всех военных судах, наверное в каждой стране мира. Это сборник ad hoc[163]. Они не только не под присягой, но они расплывчатые, нечёткие и недостаточно относятся к порядку которого придерживались по делу обвинения.

Милорд, я попытался высказаться коротко, но я хотел, чтобы трибунал оценил это в отношении всех этих трёх групп и в особенности, если могу сказать, по группам 3 и 4, обвинение решительно относится к этому вопросу. Я благодарен трибуналу за предоставление мне возможности сказать это.

Председатель: Объявлен перерыв.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Пристав: С позволения трибунала, подсудимый Штрайхер отсутствует с данного заседания.

Председатель: Я рассмотрю документы в том порядке в каком их рассмотрел флотский судья Кранцбюлер.

Трибунал отказывает в Дёниц-5, страница 7 документальной книги.

Трибунал отказывает Дёниц-60, страница 152.

Трибунал допускает Дёниц-69, страница 170.

Трибунал отказывает Дёниц-60, страницы 173-197.

Трибунал отказывает Дёниц-72, страница 185.

Трибунал отказывает Дёниц-60, страница 204.

Он отказывает Дёниц-74, страница 207.

Он отказывает Дёниц-60, страница 208.

Он отказывает Дёниц-75, страница 209.

Он отказывает Дёниц-60, страница 219, страница 222 и страница 224.

Он допускает Дёниц-60, страница 256.

Он отказывает Дёниц-81, страница 233 и 234; 234 будет Дёниц-84.

Он отказывает Дёниц-85, страница 242.

Он отказывает Дёниц-89, страница 246.

Он допускает Дёниц-9, страница 11 и Дёниц-10, страница 12.

Он отказывает Дёниц-12, страница 18.

Он допускает Дёниц-13, страницы 19-26 и страница 49.

Он допускает Дёниц-19, страница 34

[163] Ad hoc — латинская фраза, означающая «специально для этого», «по особому случаю». Как правило, фраза обозначает способ решения специфической проблемы или задачи, который невозможно приспособить для решения других задач и который не вписывается в общую стратегию решений, составляет некоторое исключение.

Он допускает Дёниц-29, страницы 54-59, оставив – то есть, не допуская – страницу 58.

Он отказывает Дёниц-31, страница 64.

Он отказывает Дёниц-32, страница 65.

Он отказывает Дёниц-33, страница 66.

Он допускает Дёниц-37, страница 78.

Он отказывает Дёниц-38, страница 80.

Он отказывает Дёниц-40, страница 86.

Он отказывает Геринг номер 7, страница 89.

В связи со следующим экземпляром, страница 91, трибунал хотел бы узнать у флотского судьи Кранцбюлера не приобщалось ли это в качестве доказательства. Это страница 91 в документальной книге Дёница на английском языке, том II, страница 91.

Он озаглавлен «C-21, GB-194».

Кранцбюлер: Это фрагмент из документа который обвинение представило и который таким образом уже в доказательствах.

Председатель: Очень хорошо, мы не будем себя этим затруднять.

Трибунал отказывает Дёниц-43, страница 95.

Он допускает Дёниц-90, страница 258.

Он допускает Дёниц-67, страница 96.

Он допускает Дёниц-53, страница 99.

Он отказывает Дёниц-47, страница 120.

Он допускает Дёниц-48, страница 122.

Он отказывает Дёниц-49, страница 131.

Он отказывает Дёниц-51 и 52, страницы 134 и 135.

На этом всё.

Трибунал сегодня будет отложен в четверть пятого и он будет затем заседать в закрытом режиме.

Кранцбюлер: С разрешения трибунала, я вызываю адмирала Дёница в качестве свидетеля.

[*Подсудимый Дёниц занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?

Дёниц: Карл Дёниц.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[*Подсудимый повторяет клятву на немецком*]

Председатель: Вы можете сесть.
Кранцбюлер: Адмирал, с 1910 вы являетесь профессиональным офицером, это верно?
Дёниц: С 1910 я являюсь профессиональным солдатом, а офицером с 1913.
Кранцбюлер: Да. В течение мировой войны, Первой мировой войны, вы служили на подводной лодке?
Дёниц: Да, с 1918.
Кранцбюлер: До конца?
Дёниц: До конца войны.
Кранцбюлер: После Первой мировой войны, когда у вас снова возник контакт со службой на подводных лодках?
Дёниц: С 27 сентября 1935 я стал командующим флотилии подводных лодок «Веддиген[164]», первой немецкой флотилии подводных лодок после 1918. В качестве введения в командование, то есть, в сентябре 1935, я провёл несколько дней в Турции, с целью дойти до неё на подводной лодке и восполнить пробел с 1918.
Кранцбюлер: Таким образом, с 1918 по 1935 вы не имели никакого отношения к подводным лодкам?
Дёниц: Нет, вообще никакого.
Кранцбюлер: Каким было ваше звание, когда вы пришли в службу на подводных лодках?
Дёниц: Я был фрегаттен-капитаном.
Кранцбюлер: Из чего в то время состояла немецкая служба подводных лодок?
Дёниц: Флотилия подводных лодок Веддиген, в которой я стал командующим, состояла из трёх небольших лодок по 250 тонн каждая, так называемых «Einbaume[165]». Кроме того, для целей обучения было шесть в каком-то роде меньших лодок в училище подводных лодок, которое не находилось под моим командованием. Тогда были на плаву и службе вероятно еще шесть таких маленьких лодок.
Кранцбюлер: Кто сообщил вам об этом командовании в качестве командующего флотилии подводных лодок?
Дёниц: Адмирал Рёдер.
Кранцбюлер: Адмирал Рёдер по этому поводу отдал приказ, чтобы вооружения подводных лодок были подготовлены для конкретной войны?
Дёниц: Нет. Я просто получил приказ, с целью восполнить пробел с 1918, готовить подводные лодки к управлению, погружению и стрельбе.
Кранцбюлер: Вы готовили подводные лодки к войне против торгового

---

[164] 1-я флотилия подводных лодок Кригсмарине — подразделение военно-морского флота Третьего Рейха. Было названо в честь капитан-лейтенанта Отто Веддигена, под командованием которого U-9 в сентябре 1914 года за полтора часа потопила три британских крейсера типа «Кресси»: «Абукир», «Кресси» и «Хог»
[165] «Einbaume» (нем.) - чёлн, каноэ, выдолбленный из целого бревна. Подводные лодки типа II выпускались с 1935 по 1941. Прозвище получили за свою неустойчивость.

судоходства?

Дёниц: Да. Я инструктировал командиров о том, как им себя следовало вести, если они остановят торговое судно, и я также отдавал соответствующий тактический приказ для каждого командира.

Кранцбюлер: Вы этим подразумеваете, что подготовка к войне против торговцев была подготовкой к войне согласно призовым правилам?

Дёниц: Да.

Кранцбюлер: То есть, приготовления касались остановки кораблей в море?

Дёниц: Единственным указанием, которое я дал, касательно войны против торговых судов, было указание о том, как подводной лодке следовало вести себя с торговым кораблей при остановке и досмотре, установлении места назначения, и тому подобном. Мне кажется, позднее в 1938 году, когда вышел проект немецких призовых правил, я направил его флотилиям для инструктирования командиров.

Кранцбюлер: Вы разработали новую тактику подводных лодок под названием «тактика волчьих стай». В чем заключалась эта тактика стай, и что она означала в связи с войной против торгового судоходства согласно призовым правилам?

Дёниц: Подводные лодки всех флотов до сих пор действовали одиночно, в отличие от всех иных категорий кораблей которые, тактически взаимодействуя, пытались достичь лучших результатов. Создание «тактики волчьих стай было не более чем разрывом с принципом отдельной акции каждой подводной лодки и попыткой использовать подводные лодки коллективно таким же самым образом как военные корабли. Такой способ коллективных действий естественно являлся необходимым, когда нужно было атаковать подразделение, будь то подразделение военных кораблей, то есть, нескольких военных кораблей, или конвой. Таким образом, такая «тактика волчьих стай» не имела никакого отношения к войне против торгового судоходства согласно призовым правилам. Это тактическая мера, чтобы бороться с подразделениями кораблей, и конечно конвоями где порядку установленному призовыми правилами нельзя было следовать.

Кранцбюлер: Вам давали задачу, или даже обязывали готовиться к войне, против определенного противника?

Дёниц: Такой общей задачи я не получал. У меня была задача развивать насколько возможно службу подводных лодок, так как это долг каждого фронтового офицера всех вооруженных сил всех наций, для того, чтобы быть готовым ко всяким военным неожиданностям. Однажды, в 1937 или 1938, в мобилизационном плане флота, мой приказ гласил, что в случае если Франция попытается сорвать перевооружение нападением на Германию, задача немецких подводных лодок будет заключаться в атаках транспортов в Средиземноморье, которые бы шли из Северной Африки во Францию. Тогда с этой мыслью я провёл манёвры в Северном море. Если вы спрашиваете меня о точной цели или линии действий, то, насколько я помню, это была единственная задача, которую я получил, в отношении штаба

руководства войной на море. Это случилось в 1936 или 1937 году. По моим воспоминаниям, этот план приняли, на тот случай если перевооружение Германии, в то время безоружной, могло быть прервано той или иной мерой.

Кранцбюлер: Тогда, в 1939, немецкая служба подводных лодок технически или тактически готовилась к морской войне против Англии?

Дёниц: Нет. Немецкая служба подводных лодок, осенью 1939, состояла приблизительно из тридцати-сорока функционирующих лодок. Это означало, что в любое время около одной-трети можно было использовать в операциях. В виду суровой реальности, ситуация позднее оказалась гораздо хуже. Например, был один месяц, когда у нас в море было только две лодки. С таким небольшим количеством подводных лодок, конечно, было возможно только уколоть такую великую морскую державу как Англия. То, что мы не были готовы к войне с Англией на море, это, по моему мнению, лучше и яснее видно из того факта, что вооружения флота пришлось радикально изменить в начале войны. Существовало намерение создать однородный флот, который конечно, в пропорции, будучи меньше британского флота, не смог бы вести войну против Англии. Эту программу строительства однородного флота пришлось прекратить, когда началась война с Англией; достраивались только такие крупные корабли, которые были близки к завершению. От всего остального отказались и отправили на лом. Это было необходимо с целью освободить строительные ресурсы для постройки подводных лодок. И этим также объясняется, почему немецкая подводная война, в этой прошедшей войне, действительно началась лишь в 1942, то есть, когда подводные лодки, заказанные к постройке в начале войны были готовы действовать. С мирного времени, то есть с 1940, пополнения подводных лодок вряд ли возмещали потери.

Кранцбюлер: Обвинение непрерывно называло вооружение подводных лодок агрессивным оружием. Что вы на это скажете?

Дёниц: Да, это правильно. Конечно, подводные лодки имели задачу приближения к противнику и торпедной атаки. Следовательно, в этом отношении подводная лодка агрессивное оружие.

Кранцбюлер: Вы хотите сказать, что это оружие для агрессивной войны?

Дёниц: Агрессивна или оборонительна война это политическое решение, и следовательно, это не имеет никакого отношения к военным соображениям. Я конечно же могу использовать подводную лодку в оборонительной войне, потому что в оборонительной войне также нужно атаковать вражеские корабли. Конечно, я могу использовать подводные лодки таким же образом в политически агрессивной войне. Если из этого следует вывод, что военные флота, у которых имелись подводные лодки, планировали агрессивную войну, тогда все нации – а все военные флота этих наций имеют подводных лодок, фактически больше чем у Германии, в два, в три раза больше – планировали агрессивную войну.

Кранцбюлер: Вы как флагман подводных лодок, лично имели какое-нибудь

отношение к планированию войны как таковому?

Дёниц: Нет, вообще никакого. Моя задача заключалась в том, чтобы разрабатывать боевую и тактическую готовность подводных лодок, и готовить моих офицеров и людей.

Кранцбюлер: До начала этой войны вы делали какие-нибудь предложения или вносили предложения касательно войны против определенного противника?

Дёниц: Нет, ни разу.

Кранцбюлер: Вы так делали после начала этой войны касательно нового противника?

Дёниц: Нет, в этом случае также.

Кранцбюлер: Обвинение приобщило некоторые документы, которые содержат ваши приказы подводным лодкам и которые датированы до начала войны. Приказ о размещении определенных подводных лодок на Балтике и к Западу от Англии, и приказ перед норвежской акцией по дислокации подводных лодок вдоль норвежского побережья. Поэтому я спрашиваю вас, когда, с какого времени, вас, как флагмана подводных лодок, или с 1939 командира подводных лодок, информировали о существоваших планах?

Дёниц: Я получал информацию о планах от штаба руководства войной на море только после того, как эти планы были подготовлены; то есть, только если бы мне нужно было каким-то образом принять участие в осуществлении плана и только за время необходимое для своевременного выполнения моей военной задачи.

Кранцбюлер: Адмирал, возьмем случай норвежской акции. Когда вы узнали о намерении оккупировать Норвегию и что за информацию вы получали в связи с этим?

Дёниц: 5 марта 1940 меня вызвали из Вильгельмсхафена[166] в Берлин, в штаб руководства войной на море, и на этой встрече мне дали указания о плане и моей задаче.

Кранцбюлер: Сейчас я представлю вам запись из журнала боевых действий штаба руководства войной на море, которую я предъявляю трибуналу как экземпляр Дёниц номер 6. Это на странице 8 документальной книги 1.

> «5 марта 1940: Флагман подводных лодок принимает участие в совещании с начальником штаба руководства войной на море в Берлине.
>
> Предмет совещания: Подготовка оккупации Норвегии и Дании германским Вермахтом».

Дёниц: Да.

Кранцбюлер: В случае с Норвегией или предыдущем случае с началом войны с

---

[166] Вильгельмсхафен — город окружного подчинения на севере Германии, в Нижней Саксонии. Основан в 1869 королём Пруссии Вильгельмом I как база прусского флота. Был главной базой ВМС Германии в двух мировых войнах.

Польшей, у вас была возможность изучить, приведут или должны привести к ведению агрессивной войны ваши тактические указания, которые вы должны были дать своим подводным лодкам?

Дёниц: Нет, у меня не было ни возможности, ни на самом деле, полномочий сделать это. Я хочу спросить, какой солдат, какой нации которому ставят какую угодно военную задачу, имел право прийти в свой генеральный штаб и попросить проверить или обосновать можно ли было избежать такой задачи. Это бы означало, что солдаты…

Председатель: Доктор Кранцбюлер, трибунал сам решит с точки зрения права о том была война агрессивной или нет. Он не хочет слушать об этом от данного свидетеля, который профессиональный моряк, в чем заключается его взгляд на правовой вопрос.

Кранцбюлер: Господин председатель, мне кажется, мой вопрос неправильно поняли. Я не спросил адмирала Дёница о том, считал ли он войну агрессивной или нет, но я спросил его, была ли у него возможность или задача, как у солдата, проверить станут ли его приказы средствами агрессивной войны. Таким образом, он должен выразить своё мнение о задаче, которая имелась у него как у солдата, а не о вопросе являлась война агрессивной или нет.

Председатель: Он может рассказать нам, в чём фактически заключалась его задача, но он здесь не для того, чтобы выступать с аргументацией по делу. Он может заявить о фактах – что он и сделал.

Кранцбюлер: Господин председатель, также нельзя позволить подсудимому рассказать о соображениях, которые он имел или не имел? Что я имею в виду, это то, что из этого вытекают обвинения, и у подсудимого должна быть возможность заявить о своей позиции относительно таких обвинений.

Председатель: Мы хотим заслушать показания. Вы оспариваете его дело от выступите по его делу о тех показания которые он даёт. Он здесь не для того, чтобы выступать перед нами по поводу права. Это не предмет показаний.

Кранцбюлер: Господин председатель, я спрошу о его соображениях.

Адмирал, в связи с приказами, которые вы отдавали подводным лодкам до войны или в связи с приказами, которые вы отдали перед началом норвежской акции – вы когда-либо имели какие-либо соображения о том приведёт ли это к агрессивной войне?

Дёниц: Я получил военные приказы как солдат, и моя задача заключалась в том, чтобы выполнить эти военные задачи. Веди политическое руководство агрессивную войну или нет, проводи оно оборонительные меры, об этом решать не мне, это не моё дело.

Кранцбюлер: Как командир подводных лодок, от кого вы получили свои приказы о ведении подводными лодками военных действий?

Дёниц: От начальника СКЛ[167], штаба руководства войной на море.

Кранцбюлер: Кто это был?

Дёниц: Гросс-адмирал Рёдер.

Кранцбюлер: В чем заключались приказы которые вы получили в начале войны, то есть, начиная с сентября 1939, о ведении боевых действий подводными лодками?

Дёниц: Война против торговцев согласно призовым правилам, то есть согласно Лондонскому пакту[168].

Кранцбюлер: Какие корабли согласно этому приказу, вы могли атаковать без предварительного предупреждения?

Дёниц: Тогда я мог атаковать без предупреждения все корабли, которые охранялись либо военно-морскими судами или находившиеся под воздушным прикрытием. Кроме того, мне разрешалось применять вооруженную силу против любого корабля, который остановившись, отправлял радиосообщения или сопротивлялся приказу остановиться, или не подчинялся приказу остановиться.

Кранцбюлер: Итак, нет сомнения в том, несколько недель спустя после начала войны, была интенсифицирована война против торговцев. Вам известно, была ли такая интенсификация запланирована, и если известно, почему она была запланирована?

Дёниц: Я знал о том, что штаб руководства войной на море намеревался согласно событиям, согласно развитию тактики противника, отвечать ударом на удар, как об сказано или говорилось в приказе, с помощью интенсификации боевых действий.

Кранцбюлер: В чем заключались меры противника и с другой стороны, в чем заключался ваш собственный опыт в связи с мерами предпринятыми противником, которые привели к интенсификации боевых действий?

Дёниц: С самого начала войны наш опыт заключался в том, что все торговцы не только давали преимущество своими радиоустановками, при попытках их остановить, но и в том, что они незамедлительно отправляли сообщения, как только они видели любую подводную лодку на горизонте. Следовательно, было совершенно ясно, что все торговцы сотрудничали с военной разведывательной службой. Кроме того, только спустя несколько дней с начала войны мы выяснили, что торговцы были вооружены и пользовались своим вооружением.

Кранцбюлер: Какие приказы со стороны Германии возникли в результате такого опыта?

Дёниц: Сначала появился приказ о том, чтобы торговцев, которые отправляли радиограммы будучи остановленными, можно было атаковать без предупреждения. Также был отдан приказ о том, чтобы торговцев чьё вооружение было несомненно

---

[167] Аббр с нем. Seekriegsleitung – штаб руководства войной на море. В 1937-1945 центр руководства военно-морскими операциями при главнокомандующем флотом.

[168] Имеются в виду Лондонские морские договоры 1930 и 1936 - устанавливающие требования к водоизмещению судов, статусу различных типов кораблей. Наиболее важным было распространением на подводные лодки статуса надводных судов со всеми вытекающими из этого правами.

опознано, то есть, о чьём вооружении любой знал из британских публикаций, можно было атаковать без предупреждения.

Кранцбюлер: Данный приказ касательно атак на вооруженных торговцев был отдан 4 октября 1939, это верно?

Дёниц: Кажется так.

Кранцбюлер: Вскоре после этого был второй приказ, согласно которому всех вражеских торговцев можно было атаковать и почему этот приказ был отдан?

Дёниц: Мне кажется, что штаб руководства войной на море решил об этом приказе на основании британской публикации, которая говорила о том, что теперь было завершено вооружение торговцев. В дополнение, была передача Британского адмиралтейства от 1 октября о том, что торговцам указывали таранить немецкие подводные лодки и кроме того – как говорилось в начале – без сомнений было ясно, что каждый торговец был частью разведывательной службы противника, и его радиограммы о встрече с подводной лодкой определяли использование надводных или воздушных сил.

Кранцбюлер: У вас были какие-либо доклады от подводных лодок, согласно которым подводным лодкам действительно угрожала такая тактика вражеских торговцев и их атаковали вражеские надводные и воздушные силы?

Дёниц: Да. В этой связи я получал довольно большое количество докладов, и поскольку немецкие меры всегда предпринимались спустя 4 недели после осознания того, что противник применяет такую тактику у меня были очень серьезные потери в промежуток – в период, когда я всё еще придерживался односторонних, опасных для меня обязательств.

Кранцбюлер: Под этими обязательствами, вы ссылаетесь на обязательство вести войну против торговцев согласно призовым правилам в течение периода, когда торговые корабли противника отказывались от своего мирного характера?

Дёниц: Да.

Кранцбюлер: Вы позднее протестовали против директив штаба руководства войной на море, которые вели к интенсификации войны с торговцами, или вы одобряли эти директивы?

Дёниц: Нет, я не протестовал против них. Напротив, я считал их оправданными, потому что как я говорил ранее, иначе я был бы связан односторонним обязательством, что означало для меня серьезные потери.

Кранцбюлер: Такая интенсификация войны против торговцев в результате приказа стрелять по вооруженным торговцам, и позднее приказа атаковать всех вражеских торговцев, основывалась на свободном суждении штаба руководства войной на море, или была вынужденным развитием?

Дёниц: Такое развитие, как я уже сказал, было полностью вынужденным. Если торговцы вооружались и использовали свои вооружения, и если они отправляли сообщения с призывом помощи, они вынуждали подводную лодку погружаться и

атаковать без предупреждения.

Такое же вынужденное развитие, в районах, которые мы патрулировали, было таким же в случае британских субмарин, и точно также применялось к американским и русским субмаринам.

Кранцбюлер: Если, с одной стороны, торговец направляет сообщение и открывает огонь, а с другой стороны субмарина по этой причине, атакует без предупреждения, у какой стороны имеется преимущество, согласно вашему опыту? На стороне торговца или на стороне субмарины?

Дёниц: В океанском районе, где нет постоянного патрулирования противника вдоль побережья ни военно-морскими силами ни авиацией, субмарина имеет преимущество. Но во всех остальных районах корабль получает против субмарины главный калибр, и следовательно субмарина вынуждена обращаться с этим кораблем как с военным, что означает, что её вынуждали погружаться и терять скорость. Таким образом, во всех океанских районах, за исключением прибрежных вод, которые можно было постоянно контролировать, преимущество в вооружениях было за торговцем.

Кранцбюлер: Вы считаете, что приказы штаба руководства войной на море на самом деле оставались в границах того, что являлось военной необходимостью из-за вражеских мер, или эти приказы выходили за границы военной необходимости?

Дёниц: Они оставались абсолютно в границах того, что было необходимым. Я уже объяснял, что последующие шаги всегда предпринимали постепенно и после очень внимательного изучения штабом руководства войной на море. Такое очень осторожное изучение также могло быть мотивировано тем фактом, что по политическим причинам любой ненужной интенсификации на Западе нужно было избегать.

Кранцбюлер: Адмирал, указанные нами приказы того времени основывались только на немецком опыте и без точных сведений о приказах, которые принимались британской стороной. Итак, я хочу представить вам эти приказы, сейчас у нас есть информация о них благодаря распоряжению трибунала, и я хочу спросить вас, совпадали ли эти отдельные приказы с вашим опытом или они были чем-то иным. Я приобщаю приказы британского адмиралтейства в качестве экземпляра Дёниц-67. Они на странице 163 документальной книги 3. Как вам известно, это «Наставления для британского флота 1938», и я обращаю ваше внимание на страницу 164, параграф про донесения о противнике.

Дёниц: Здесь нет нумерации.

Кранцбюлер: Это D.M.S[169]. 3-1-55, параграф про радио. Заголовок «Донесения о противнике».

Дёниц: Да.

Кранцбюлер: Я зачитаю вам параграф:

[169] Аббр. с англ. Director of Merchant Seaman – руководитель торгового судоходства.

> «Как только капитан торгового корабля понимает, что корабль или самолёт в поле зрения это противник, его первая и самая важная обязанность доложить о характере и позиции противника беспроводным телеграфом. Такое донесение, сделанное своевременно означает спасение не только самого корабля, но и многих других; так как это может дать возможность уничтожить напавшего с помощью наших военных кораблей или авиации, возможность, которая может не повториться».

Затем есть ещё подробности, которые я не желаю зачитывать, о манере и методе, когда и как эти радиограммы нужно было передавать. Этот приказ соответствует вашему опыту?

Дёниц: Да. В этом приказе есть не только указание направлять радиограммы если корабль остановила подводная лодка – что само по себе, согласно международному праву, оправдывало подводной лодке использовать силу против корабля – но помимо этого сказано о том, что как только вражеский корабль в поле зрения то сигнал должен быть передан для того, чтобы военно-морские силы могли атаковать.

Кранцбюлер: Значит, этот приказ согласуется с опытом о котором докладывали наши подводные лодки?

Дёниц: Полностью.

Кранцбюлер: Теперь я обращаю ваше внимание на параграф D. M. S. 2-VII, на странице 165, то есть параграф об открытии огня: «Условия, при которых можно открывать огонь».

> «(a) В отношении противника действующего в соответствии с международным правом. – Так как вооружение предназначено только для целей самообороны, его следует использовать только в отношении противника, который явно пытается захватить или потопить торговый корабль. С началом войны следует предполагать, что противник будет действовать в соответствии с международным правом, и поэтому огонь не следует открывать до явно выраженной попытки захвата. Как только становиться ясно, что будет необходимо сопротивление для того, чтобы предотвратить захват, следует немедленно открывать огонь.
>
> (b) В отношении противника действующего с нарушением международного права. – Если, по мере развития войны, к сожалению станет ясно, что в нарушение международного права противник принял политику нападений на торговые корабли без предупреждения, будет допустимо открывать огонь по вражескому судну, субмарине или самолёту, даже до его атаки или требования капитуляции, если такие меры способствуют предотвращению получению им благоприятной позиции для нападения».

Данный приказ, то есть, приказ (a) и (b), согласуется с полученным

опытом?

Дёниц: На практике нельзя было установить никакой разницы между (a) и (b). Я хочу обратить внимание в этой связи на D. M. S. 3-III, страница 167, пункт IV; то есть последний параграф из указанного номера (b).

Кранцбюлер: Минуту, вы подразумеваете (b) – V?

Дёниц: Здесь написано (b) – IV. Здесь…

Кранцбюлер: Господин председатель, это не напечатали.

Дёниц:

> «Корабли, оснащенные оборонительным вооружением, открывают огонь, чтобы держать противника на дистанции» - то есть (b) – IV – «если вы считаете, что он явно намеревается захватить и что он приблизиться настолько близко, что угрожает вашим шансам на спасение».

Таким образом, это означает, что как только корабль замечает подводную лодку, у которой в ходе войны предположительно должна быть причина для захвата – корабль, для собственной обороны, открывает огонь, как только она входит в радиус; то есть, когда субмарина входит в зону обстрела его орудий. Корабль используя свои орудия для наступательных действий, не может действовать иначе.

Кранцбюлер: Адмирал, вооруженные вражеские суда тогда действовали способом, который вы описали, то есть, он действительно стреляли, как только субмарина входила в зону обстрела?

Дёниц: Да. Уже - по моим воспоминаниям первый доклад об этом пришёл с подводной лодки 6 сентября 1939.

Кранцбюлер: Однако, с этим приказом, мы находим дальнейшее дополнение как AMS I-118, датированное 13 июня 1940, на странице 165, и там мы читаем:

> «Со ссылкой на часть 1, статью 53 D.M.S, сейчас считается явным,что в подводных и воздушных операциях противник следует политикенападений на торговые суда без предупреждения. Следовательно подпараграф (b) настоящей статьи, следует считать вступившим в силу».

Тогда это означает, что приказ, который мы уже прочитали, (b) нужно было считать вступившим в силу только с 13 июня 1940. Вы хотите сказать, что в действительности до этого, с самого начала, вы действовали в соответствии с приказом (b)?

Дёниц: Я уже заявил о том, что между наступательным и оборонительным использованием вооружений корабля против субмарины, практически нет никакой разницы, что это чисто теоретическое разграничение. Но даже если бы кто-то провёл между ними разграничение, тогда без сомнений доклад «Reuters»[170] – мне кажется, датированный 9 сентября – который неправильно сказал, что мы вели

---

[170] Агентство «Рейтер» — одно из крупнейших в мире международных агентств новостей и финансовой информации, существует с середины XIX века. Основано в 1851.

неограниченную подводную войну[171] предназначался для того, чтобы сообщить капитанам кораблей о том, что теперь действовал случай (b).

Кранцбюлер: Теперь я представлю вам директиву об обращении с глубинными бомбами на торговых кораблях. Это на странице 168, список ссылок. Заголовок «Список ссылок (D), дата «14 сентября 1939». Я читаю:

> «Следующие инструкции направлены всем W.P.S[172].:
>
> Принято решение снаряжать одной направляющей глубинной бомбы[173] с ручным рычагом, в количестве трех глубинных бомб, все вооруженные торговые суда от 12 узлов[174] и выше».

Затем есть ещё подробности и в конце замечание о подготовке экипажей для применения глубинных бомб. Список рассылки показывает многочисленных морских офицеров.

У вас был опыт использования глубинных бомб торговыми судами и наблюдались ли такие атаки глубинными бомбами с торговых кораблей?

Дёниц: Да, постоянно.

Кранцбюлер: Говоря о корабле со скоростью 12 узлов или более, можно сказать, что атака глубинной бомбой против подводной лодки это оборонительная мера?

Дёниц: Нет. Каждая атака глубинной бомбой против субмарины это явная и абсолютно наступательная акция, так как субмарина погружается и она безвредна под водой, в то время как надводное судно, которое хочет провести атаку глубинной бомбой приближается настолько близко насколько возможно к позиции, где предположительно находится подводная лодка, для того, чтобы сбросить глубинную бомбу как можно точнее сверху подводной лодки. Эсминец, то есть, военный корабль, не атакует субмарину каким-то другим способом.

Кранцбюлер: Следовательно, вы обосновали способ, которым вы атаковали вражеские корабли этой тактикой используемой вражескими торговцами. Однако, нейтральные корабли тоже пострадали, и обвинение прямо вменяет это немецкому подводному командованию. Что вы на это скажете?

Дёниц: Нейтральные торговцы, согласно политическим приказам, приказам штаба руководства войной на море, атаковали без предупреждения только, когда они находились в оперативных зонах, которые точно обозначались как таковые, или естественно, только, когда они не действовали как нейтралы, но как корабли, принимавшие участие в войне.

---

[171] Неограниченная подводная война — тип военных действий на морском театре военных действий, при котором подводные лодки топят гражданские торговые суда без соблюдения Правил ведения морской войны, установленных Гаагскими конвенциями и Женевской конвенцией

[172] Аббр. с англ. Warship Production Superintendent – должность британского флота ответственная за обеспечение вооружением боевых кораблей.

[173] Глубинная бомба — снаряд с сильным взрывчатым веществом или атомным зарядом, заключённым в металлический корпус цилиндрической, сфероцилиндрической, каплеобразной или др. формы. Взрыв глубинной бомбы разрушает корпус подводной лодки и приводит к её уничтожению или повреждению.

[174] Узел — единица измерения скорости. Равен скорости равномерного движения, при которой тело за один час проходит путь, равный одной морской миле. Применяется в мореходной и авиационной практике.

Кранцбюлер: Обвинение представило в качестве доказательства документ, согласно которому, в определённых океанских районах, начиная с января 1940, разрешались атаки на нейтралов без предупреждения. Я ссылаюсь на документ обвинения GB–194. Я зачитаю вам фразу, которую обвинение предъявляет вам.

Председатель: Вы можете нам сказать, где это?

Кранцбюлер: Господин председатель, это в британской документальной книге, страница 30. В документальной книге обвинения, страница 30.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я зачитаю вам фразу, которую вам вменяют:

> «В Бристольском заливе, атака без предупреждения разрешена против всех кораблей, где возможно заявить о том, что произошло столкновение с миной».

Данный приказ датирован 1 января 1940. Вы можете мне сказать действительно ли нейтралов предостерегали от использования этих судоходных путей?

Дёниц: Да. Германия, 24 ноября 1939 направила нейтралам ноту, предостерегавшую их от использования этих путей и рекомендовавшую нейтралам использовать методы Соединенных Штатов, в результате которых американским кораблям – для того, чтобы избегать любых инцидентов – было запрещено входить в воды вокруг Англии.

Кранцбюлер: Я вручу вам ноту, о которой вы говорите, и я в тоже время предъявляю её трибуналу как экземпляр Дёниц-73, находящийся на странице 206 документальной книги. Она в документальной книге 4, страница 206.

Это выдержка из журнала боевых действий штаба руководства войной на море, датированная 24 ноября 1939. Имеется следующий текст:

> «Миссиям, согласно прилагаемому списку.
>
> Телеграмма.
>
> Дополнение к радиограмме от 22 октября.
>
> Пожалуйста, проинформируйте правительство о следующем:
>
> С момента выхода предостережения (следует вставить дату) об использовании английских и французских кораблей, необходимо зафиксировать два новых факта:
>
> (a) Соединенные Штаты запретили своим кораблям заходить в точно определенный район.
>
> (b) Многочисленные вражеские торговые корабли вооружены. Известно, что эти вооруженные корабли имеют указания агрессивно использовать свои вооружения и таранить подводные лодки.
>
> Два этих новых факта дают правительству Рейха повод обновить и подчеркнуть своё предостережение о том, что в виду участившихся столкновений, ведущихся всеми средствами современной военной техники в водах вокруг Британских островов и окрестностях

французского побережья, безопасность нейтральных судов в этом районе больше не может гарантироваться.

Таким образом, германское правительство срочно рекомендует выбирать юг и восток от немецкой зоны объявленной опасной при пересечении Северного моря.

Для того, чтобы поддерживать мирное судоходство нейтральных государств и с целью избежать потерь в людях и имуществе нейтралов, правительство Рейха кроме того считает себя обязанным срочно рекомендовать законодательные меры, следующие пути правительства США, которое учитывая опасности современной войны, запрещает своим кораблям заходить в точно определенный район, в котором согласно словам президента Соединенных Штатов, судоходство американских судов может оказаться под угрозой военных действий.

Правительство Рейха вынуждено отметить, что оно отказывается от любой ответственности за последствия отступлений от рекомендаций и предостережений».

Адмирал, вы ссылались на эту ноту?

Дёниц: Да.

Кранцбюлер: Другими словами, по вашему мнению, эти потопления в Бристольском заливе с 1 января могли совершаться законно?

Дёниц: Да, эти океанские районы были четко ограниченными районами, в которых с обеих сторон постоянно велись боевые действия. Нейтралов прямо предостерегли от использования этих районов. Если они входили в этот район, они подвергались риску получить повреждения. Англия делала похожее в своих оперативных районах в наших водах.

Кранцбюлер: С тех пор как вы считали эти потопления законными, зачем был отдан приказ по возможности атаковать без предупреждения не будучи обнаруженными, для того, чтобы поддерживать фикцию, что произошло столкновение с миной? Это не указывает на нечистую совесть?

Дёниц: Нет. Во время войны нет никакой главной обязанности информировать противника о том какими средствами ведётся бой. Другими словами это не вопрос законности, а вопрос военной или политической целесообразности.

Англия в своих оперативных районах тоже не информировала нас о средствах которые она использует или использовала; и мне известно сколь много головных болей это вызывало у меня, когда я был главнокомандующим флотом, стремясь экономно использовать малые средства, что у нас имелись.

Это принципиально. В то время когда, как командир подводных лодок, я получил приказ имитировать там где возможно столкновения с минами, я считал это по военному целесообразным, потому что у контрразведки оставались сомнения в

том, нужно было использовать минные тральщики или оборонительные средства подводных лодок.

Другими словами, это было военное преимущество для нации ведущей войну, и сегодня я считаю, что политические причины также могли повлиять на это решение, с целью избежать осложнений с нейтральными странами.

Кранцбюлер: Как, по вашему мнению, могли возникнуть осложнения с нейтральными странами, если такой вид боевых действий на море был законным?

Дёниц: Во время Первой мировой войны мы ощутили, какую роль играла пропаганда. Поэтому, я думаю возможно, что наше правительство, наше политическое руководство, также по этой причине, могли отдать такой приказ.

Кранцбюлер: Из вашего собственного опыта вам ничего не известно об этих политических причинах?

Дёниц: Вообще ничего.

Кранцбюлер: До сих пор вы говорили о приказах, которые вы получали для подводных лодок, сначала для борьбы с вражескими кораблями, и во-вторых для борьбы или обыска нейтральных судов. Эти приказы исполняли на самом деле? В этом заключалась ваша основная ответственность, не так ли?

Дёниц: Ни один командир подводной лодки преднамеренно не переступал приказ, или не исполнял его. Конечно, учитывая большое число военно-морских боевых действий, которое пошло на несколько тысяч за 5 ½ лет войны, произошло очень немного отдельных случаев, в которых по ошибке, такому приказу не следовали.

Кранцбюлер: Как могла случиться такая ошибка?

Дёниц: Каждый моряк знает, как легко ошибиться в идентификации на море; не только в ходе войны, но и в мирное время, из-за видимости, погодных условий, и других факторов.

Кранцбюлер: Также возможно, что субмарины, действовали на границах оперативных районов, хотя они уже были за границами этих районов?

Дёниц: Конечно, это также было возможно. И снова, каждому моряку известно, что после нескольких дней плохой погоды, например, может очень просто произойти неточность в курсе корабля. Однако, это случается не только в случае субмарины, но также и корабля, у которого складывается впечатление нахождения вне оперативного района во время торпедирования.

Кранцбюлер: Какие шаги вы предпринимали как командир подводных лодок, когда вы слышали о таком случае, случае в котором подводная лодка переступала приказы, даже по ошибке?

Дёниц: Главное заключалось в превентивных мерах, и это делалось при помощи их подготовки к тому, чтобы командир тщательно, спокойно и внимательно действовал перед тем как принять решение. Более того, данная подготовка уже проводилась в мирное время, таким образом организация наших подводных лодок несла девиз: «Мы уважаемая фирма».

Вторая мера заключалась в том, что во время войны каждый командир, до выхода из порта и после возвращения из похода, должен была являться ко мне лично. То есть, перед выходом из порта он должен был быть мною проинструктирован.

Кранцбюлер: Адмирал, я прошу прощения. Это не продолжалось, когда вы были главнокомандующим флотом, не так ли?

Дёниц: Это ограничилось после 1943, после того как я стал главнокомандующим. Даже потом это продолжалось. В любом случае, моё чёткое распоряжение, в моё время как командира подводных лодок заключалось в том, что задача командира считалась выполненной и удовлетворительной только после его доклада мне обо всех подробностях. Если, по такому случаю, я мог установить халатность, тогда я принимал своё решение согласно характеру дела, как о дисциплинарном воздействии или военно-полевом разбирательстве.

Кранцбюлер: Я обнаружил здесь запись в GB-198, на странице 230, в документальной книге 4 обвинения, которую я хотел бы вам зачитать. Это журнал боевых действий командира подводных лодок, то есть, вас.

Я читаю запись от 25 сентября 1942:

> «Ю-512 сообщает, что до торпедирования «Monte Gorbea[175]» было опознано как нейтральный корабль. Предполагаемые подозрения о закамуфлированном английском корабле недостаточны и не оправдывают потопление. Командир предстанет перед военно-полевым судом за своё поведение. Все лодки в море будут уведомлены».

Два дня спустя, 27 сентября 1942, всем была направлена радиограмма. Я читаю:

> «Общая радиограмма:
> Главнокомандующий флотом вновь лично и прямо приказал о том, чтобы все командиры подводных лодок точно следовали приказам касательно обращения с нейтральными кораблями. Нарушения этих приказов будут иметь бесчетные политические последствия. Данный приказ немедленно довести до всех командиров».

Будьте любезны рассказать мне, чем завершались военно-полевые суды, о которых вы там приказали?

Дёниц: Я направил свою радиограмму командиру, сказав о том, что за потопление, после его возвращения он будет отвечать перед военно-полевым судом. Командир не вернулся из похода. Таким образом, военно-полевой суд не состоялся.

Кранцбюлер: Вы, в каком-нибудь другом случае, знали о том, как военно-полевой суд решал сложную задачу о командирах подводных лодок, когда вы приказывали о

---

[175] «Монте Горбеа» - испанское торговое судно, 19 сентября 1942 потоплено немецкой подводной лодкой Ю-512, в 60 милях западнее о. Мартиника в Атлантическом океане.

военно-полевом суде?

Дёниц: Да. Я помню дело против капитан-лейтенанта Кремера[176], которого пришлось оправдать военно-полевому суду, потому что было доказано, что перед атакой, перед залпом, он еще раз убедился в перископ об идентификации корабля – это был немецкий блокадопрорыватель[177] – и несмотря на это, посчитал, что это был другой корабль, вражеский корабль, и он обоснованно потопил его. Другими словами, здесь не было халатности, и таким образом он был оправдан.

Кранцбюлер: Принимая во внимание все результаты ваших мер по подготовке и наказанию личного состава, у вас складывается впечатление, что делалось достаточно для того, чтобы командиры подводных лодок соблюдали ваши приказы, или командиры подводных лодок в отдалённом периоде не соблюдали ваши приказы?

Дёниц: Я вообще не думаю, что нужно обсуждать этот вопрос. Простые факты говорят сами за себя. В течение 5 ½ лет, субмарины приняли участие в нескольких тысячах военно-морских столкновений. Ряд инцидентов это крайне малая часть и мне известно, что это результат единого руководства всеми командирами субмарин, координации и также их надлежащей подготовки и их ответственности.

Кранцбюлер: Обвинение представило документ GB-195 на странице 32 документальной книги обвинения. В данном документе включен приказ фюрера, датированный 18 июля 1941, и он гласит следующее:

> «В первоначальном оперативном районе, который соответствует степени запретной зоны США для кораблей США и который не затрагивает маршрут США - Исландия, разрешены атаки на корабли с американским или британским эскортом или торговцев США без сопровождения».

Адмирал, в связи с этим приказом фюрера, обвинение, назвало ваше отношение циничным и оппортунистским. Будьте любезны объяснить трибуналу, что в действительности означал этот приказ?

Дёниц: В августе 1940 Германия объявила этот оперативный район в английских водах. Однако корабли США прямо исключались из атак без предупреждения, из-за того что, как мне кажется, политическое руководство хотело избежать любой возможности инцидента с США. Я сказал политическое руководство. Обвинение вменяет мне, моё обращение и отношение, моё разное отношение к нейтралам, мастерскую ловкость в приспособленчестве, то есть ведомости цинизмом и оппортунизмом. Ясно, что отношение государства к нейтралам это чисто политическое дело, и что такое отношение определяется исключительно

[176] Петер-Эрих Кремер (1911-1992) — немецкий офицер-подводник, корветтен-капитан (11 июля 1944 года). 31 января 1942 по ошибке атаковал немецкий блокадопрорыватель «Шпреевальд»

[177] Блокадопрорыватель - корабль или торговое судно, осуществляющее преднамеренный вход в блокируемый район или выход из него в целях оказания военной или экономической помощи государству, подвергшемуся блокаде, либо в иных целях, нарушающих режим блокады.

политическим руководством конкретной нации ведущей войну.

Кранцбюлер: Другими словами вы хотите сказать, что вы не имели никакого отношения к обращению с данным вопросом?

Дёниц: Как солдат я не имел ни малейшего влияния на вопрос о том, как политическое руководство считало нужным обращаться с тем или иным нейтралом. Однако относительно этого конкретного случая, из сведений в приказах полученных через начальника штаба руководства войной на море от политического руководства, я хочу сказать следующее: мне кажется, что политическое руководство делало всё, чтобы избежать любого инцидента в открытом море с Соединенными Штатами. Во-первых, я уже сказал о том, что подводным лодкам на самом деле запретили даже останавливать американские корабли. Во-вторых…

Кранцбюлер: Адмирал, минуточку. Где их останавливать, в оперативном районе или вне оперативного района?

Дёниц: Поначалу, везде.

Во-вторых, что американская трехсотмильная зона безопасности[178] без всяких вопросов признавалась Германией, хотя согласно существовавшему международному праву разрешалась только трёхмильная зона[179].

В-третьих, что…

Председатель: Доктор Кранцбюлер, интересующее различие, которое можно провести между Соединенными Штатами и остальными нейтралами не относится к данному процессу, не так ли? Какая разница в этом разграничении?

Кранцбюлер: В связи с документом, цитированным мной, GB-195, обвинение вменяет, что адмирал Дёниц вёл свою подводную войну цинично и оппортунистически: то есть, в том, что он с одним нейтралом обращался хорошо, а с другим плохо. Данное обвинение прямо предъявлено, и я хочу предоставить возможность адмиралу Дёницу сделать заявление в ответ на это обвинение. Он уже сказал о том, что он не имел никакого отношения к обращению с этим вопросом.

Председатель: Что ещё он может об этом сказать?

Кранцбюлер: Господин председатель, согласно принципам устава, солдат также признаётся ответственным за приказы которые он исполнял. По этой причине, я считаю, что он должен заявить, складывалось ли у него со своей стороны впечатление, что он получал циничные и оппортунистические приказы или же напротив у него не складывалось впечатление о том, что делалось всё, чтобы избежать конфликта и что приказы которые были отданы являлись нужными и правильными.

Председатель: Вы сейчас рассматриваете приказ о кораблях Соединенных Штатов.

Кранцбюлер: Да, я почти закончил.

---

[178] Панамериканская зона безопасности – установленная Панамской декларацией (1939) зона в 300 морских миль от побережья Северной и Южной Америки в которой запрещались военные действия.

[179] Принятое в США и Великобритании расстояние для измерения территориальных вод.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, вы хотите, сказать что-нибудь ещё о третьем пункте?

Дёниц: Я хотел упомянуть ещё два или три пункта по предмету.

Кранцбюлер: Я думаю это возможно.

Дёниц: Например, я предложил, чтобы были поставлены мины перед Галифаксом, британским портом Новой Шотландии и перед Рейкьявиком, обеими базами, важными для военных кораблей и торгового судоходства. Политическое руководство, фюрер, отказал в этом, потому что хотел избежать любой возможности трений с Соединенными Штатами.

Кранцбюлер: Могу я сформулировать вопрос таким образом, что вы, из приказов по обращению с кораблями США, никоим образом не имели впечатления о том, что оппортунизм или цинизм здесь доминировали, но, что всё делалось с величайшей сдержанностью с целью избежать конфликта с Соединенными Штатами?

Дёниц: Да. Фактически это зашло настолько далеко, что когда американские эсминцы летом 1941 получили приказы атаковать немецкие субмарины, то есть, до начала войны, когда они всё ещё были нейтральными, мне запретили отвечать, тогда я был вынужден запретить субмаринам в этой районе атаковать даже британские эсминцы, для того, чтобы избежать ошибочного принятия субмариной американского корабля за британский.

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 9 мая 1946*]

День сто двадцать пятый

Четверг, 9 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Дёниц вернулся на место свидетеля*]

Кранцбюлер: С разрешения трибунала я продолжу свой допрос свидетеля.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, сколько торговых судов было потоплено немецкими подводными лодками за время войны?

Дёниц: Согласно союзным данным, 2472.

Кранцбюлер: Сколько боевых столкновений, по вашей оценке, было необходимо для этого?

Дёниц: Мне кажется, торпедированные корабли не включены в эту цифру 2472 потопленных корабля; и, конечно, не каждая атака вела к успеху. Я оцениваю, что за 5 ½ лет, вероятно было 5000 или 6000 боестолкновений.

Кранцбюлер: Во время всех этих боестолкновений какие-нибудь командиры подводных лодок подчиненные вам озвучивали вам возражения тому, как действовали подводные лодки?

Дёниц: Нет, никогда.

Кранцбюлер: Что бы вы сделали с командиром, который отказался исполнять указания о ведении боевых действий?

Дёниц: Во-первых, я бы его обследовал; если бы подтвердилось, что он нормальный, я бы отдал его военно-полевому суду.

Кранцбюлер: Вы бы могли так сделать, только имея чистую совесть, если бы вы сами принимали полную ответственность за эти приказы, которые вы либо отдавали или которые вы передавали.

Дёниц: Естественно.

Кранцбюлер: В боях с подводными лодками, экипажи торговых кораблей, несомненно, лишались жизни. Вы считали экипажи вражеских торговцев солдатами или гражданскими, и по каким причинам?

Дёниц: Германия считала экипажи торговцев комбатантами, потому что они сражались с оружием, которое в большом количестве размещалось на борту торговых кораблей. По нашим сведениям один или два человека из королевского флота находились на борту, обслуживая это оружие, но, что касалось остальных стрелков они были частью экипажа корабля.

Кранцбюлер: Сколько было на одно орудие?

Дёниц: Это отличалось в зависимости от размера оружия, вероятно от пяти до семи.

Затем, дополнительно были подносчики боеприпасов. Тоже относилось к обслуживанию направляющих глубинных бомб и метателям глубинных бомб.

Члены экипажа, фактически сражались с оружием, как и немногие солдаты, которые находились на борту. Само собой, что экипаж рассматривался как подразделение, так как на крейсере мы также не могли различать между человеком в машинном отделении, в котельной и человеком, служащим у орудия на палубе.

Кранцбюлер: Такой взгляд, что члены экипажей вражеских торговых кораблей были комбатантами, имел какое-либо влияние на то можно и нужно ли было их спасать? Или же это не имело никакого влияния?

Дёниц: Нет, никоим образом. Конечно, каждый солдат имеет право быть спасенным, если обстоятельства его противника позволяют это. Но данный факт должен был влиять и на право атаковать такой экипаж.

Кранцбюлер: Вы имеете в виду, что они могли бы сражаться до тех пор, пока они находились на борту корабля?

Дёниц: Да, не может быть какого-то другого вопроса – это означает сражение с оружием, используемым против корабля как часть военно-морских боевых действий.

Кранцбюлер: Вам известно, что обвинение представило документ о дискуссии между Адольфом Гитлером и японским послом, Осимой[180]. Эта дискуссия состоялась 3 января 1942. Это экземпляр GB-197, на странице 34 документальной книги обвинения. В данном документе Гитлер обещает японскому послу, что он отдаст приказ убивать потерпевших кораблекрушение, и обвинение делает вывод из этого документа, что Гитлер в действительности давал такой приказ и что вы исполняли такой приказ.

Вы, напрямую, или через штаб руководства войной на море, получали письменный приказ такого характера?

Дёниц: Я впервые услышал об этой дискуссии и её содержании, когда здесь предъявили запись.

Кранцбюлер: Адмирал, могу я попросить ответить на мой вопрос? Я спросил, вы получали письменный приказ?

Дёниц: Нет, я не получал ни письменного ни устного приказа. Я вообще ничего не знал об этой дискуссии; я узнал о ней из документа, который увидел здесь.

Кранцбюлер: Когда вы впервые увидели Гитлера после даты дискуссии, то есть января 1942?

Дёниц: Вместе с гросс-адмиралом Рёдером я был в ставке 14 мая 1942 и рассказывал ему о ситуации в кампании подводных лодок.

Кранцбюлер: Есть записка, написанная вами об этой дискуссии с фюрером, и я

---

[180] Хироси Осима (1886 — 1975) — барон, генерал Императорской Армии Японии, посол Японии в нацистской Германии во время Второй мировой войны. Осужден на Токийском процессе к пожизненному лишению свободы. Помилован в 1955.

хочу обратить на неё ваше внимание. Это Дёниц-16, находящийся на странице 29 документальной книги номер 1. Я предъявляю документ, Дёниц-16. Я зачитаю вам его. Заглавие гласит:

> «Доклад 14 мая 1942 командира субмарин фюреру в присутствии главнокомандующего флотом» - то есть гросс-адмирала Рёдера.
>
> Таким образом, необходимо улучшать вооружение субмарин всеми возможными средствами, для того, чтобы субмарины могли поспевать за оборонительными мерами. Самая важная разработка это торпеда с магнитным детонатором[181], что сильно повысило бы точность торпед выпущенных по эсминцам и таким образом улучшило её оборону; прежде всего это бы существенно ускорило затопление торпедированных кораблей, в результате чего мы бы сэкономим торпеды и также защитим субмарину от контрмер, постольку поскольку он бы смогла быстрее покинуть зону боевых действий».
>
> И теперь, решающая фраза:
>
> «Магнитный детонатор также будет иметь большое преимущество, в том, что экипаж не сможет спастись из-за быстрого затопления торпедированного корабля. Большие потери в людях без сомнения вызовут сложности в комплектовании экипажей для огромной программы американского строительства».

Эта последняя фраза, которую я зачитал относится к тому, что вы сказали по поводу борьбы с вооружённым экипажем…?

Председатель: Кажется, вы придаёте значимость данному документу. Следовательно, вы не должны ставить о нём наводящий вопрос. Вы должны спросить подсудимого о том, что означает документ, а не о ваших мыслях о нём.

Кранцбюлер: Адмирал, что означало такое изложение?

Дёниц: Оно означает, что для нас было важно, вследствие дискуссии с фюрером в его ставке, найти хороший магнитный детонатор, который бы приводил к более быстрому затоплению кораблей и соответственно приводил к результатам отмеченным в этом докладе в журнале боевых действий.

Кранцбюлер: Вы можете сказать мне, какие успехи вы подразумеваете под этим, что касалось экипажей?

Дёниц: Я имею в виду, что не потребовалось бы несколько торпед, как раньше, чтобы потопить корабль в результате долгой и сложной атаки, но что одна торпеда, или очень мало, достаточно для достижения более быстрой потери корабля и экипажа.

Кранцбюлер: Вы, в ходе этой дискуссии с фюрером, затрагивали вопрос…

Дёниц: Да.

---

[181] Магнитный детонатор – устройство реагирующее на магнитное поле цели и вызывающее подрыв взрывчатого вещества в торпеде или мине.

Кранцбюлер: Минуточку – вопрос о том можно ли предусмотреть другие средства, что приведут к потерям среди экипажей?

Дёниц: Да.

Кранцбюлер: Каким способом и кем?

Дёниц: Фюрер привёл факт, что в свете опыта, большой процент экипажей из-за превосходства в спасательных средствах, добирался домой и использовался снова и снова для комплектования новых кораблей, и он спросил о том, нельзя ли предпринять акцию против спасательных судов.

Кранцбюлер: Что вы подразумеваете под предпринять акцию?

Дёниц: На этой дискуссии, в которой участвовал гросс-адмирал Рёдер, я это однозначно отвергал и сказал ему, что единственная возможность вызвать потери в экипаже это сама атака, приводящая к быстрому затоплению корабля за счёт усиленного воздействия оружия. Отсюда это замечание в моём журнале боевых действий. Мне кажется, поскольку я узнал здесь от обвинения о дискуссии между фюрером и Осимой, что этот вопрос фюрера гросс-адмиралу Рёдеру и мне, возник из той дискуссии.

Кранцбюлер: Существуют письменные показания гросс-адмирала Рёдера. Вам известно содержание. Содержание соответствует вашим воспоминаниям о дискуссии?

Дёниц: Да, полностью.

Кранцбюлер: Тогда я хочу предъявить трибуналу, как Дёниц-17, письменные показания гросс-адмирала Рёдера; поскольку у них такое же содержание, я могу избежать их оглашения.

Максвелл-Файф: Я собирался сказать в помощь трибуналу, я понимаю, что подсудимый Рёдер готов к даче показаний, таким образом у меня нет никакого формального возражения приобщению этих письменных показаний.

Председатель: Очень хорошо.

Кранцбюлер: Это номер Дёниц-17 и находится на странице 33 документальной книге 1.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы только, что сказали, что вы отвергли предложение убивать выживших в спасательных шлюпках и заявили это фюреру. Однако, обвинение представило два документа, приказ от зимы 1939-40 и второй приказ от осени 1942, в котором вы ограничивали или запрещали спасательные мероприятия. Нет противоречия между приказами и вашим отношением к предложению фюрера?

Дёниц: Нет. Эти две вещи никак не связаны друг с другом. Нужно очень четко различать здесь между вопросом спасения или неспасения, и это вопрос военной возможности. Во время войны тоже может возникать необходимость воздерживаться от спасения. Например, если вашему кораблю соответственно угрожали, это было бы ошибочным с военной точки зрения, и кроме того, не имело

бы ценности для тех кого нужно было спасать, и ни один командир ни одной нации не ожидал спасения, соответственно, если его кораблю угрожали.

Британский флот верно занял очень четкую, однозначную позицию по этому поводу, что в таких случаях в спасении отказывали и это очевидно, также из их действий и команд. Это первый пункт.

Кранцбюлер: Адмирал, вы говорите только о безопасности корабля как о причине не проводить спасение.

Дёниц: Конечно, могли быть другие причины. Например, ясно, что на войне выполнение задачи первостепенно. Никто не начнёт спасать, если например, после подавления одного оппонента, на месте появляется ещё один. Тогда, само собой, сражение с вторым оппонентом более важно, чем спасение тех, кто уже потерял свой корабль.

Другой вопрос касался нападения на потерпевших кораблекрушение, и это…

Кранцбюлер: Адмирал, кого бы вы назвали потерпевшими кораблекрушение?

Дёниц: Потерпевших кораблекрушение людей из экипажа, которые, после потопления их корабля, уже не могут сражаться и тех кто либо в спасательных шлюпках или иных спасательных средствах на воде.

Кранцбюлер: Да.

Дёниц: Стрельба в таких людей это вопрос, касающийся морской этики и должен отвергаться при любых и всяких обстоятельствах. В германском флоте и силах подводных лодок данный принцип, по моему твердому убеждению, никогда не нарушался, за единственным исключением дела Экка[182]. Никакого приказа ни в какой форме по этому поводу никогда не отдавали.

Кранцбюлер: Я хочу обратить ваше внимание на один из приказов предъявленных обвинением. Это ваш постоянный военный приказ номер 154; экземпляр номер GB-196 и в моей документальной книге на страницах 13-15. Я передам вам этот приказ, и я прошу вас перейти к последнему абзацу, который читало обвинение. Здесь сказано, я снова прочту это:

> «Не спасать никаких людей; не брать их с собой; не заботиться ни о каких лодках с корабля. Погодные условия и близость суши не существенны. Вас лично касается только безопасность вашей лодки и усилия по достижению дополнительного успеха. Мы должны быть суровы в этой войне. Враг начал войну с целью уничтожить нас, таким образом, остальное не важно».

Обвинение заявило о том, что данный приказ вышел, согласно их данным, до мая 1940. По вашим сведениям можно установить более точную дату?

Дёниц: По моим воспоминаниям, я отдал этот приказ в конце ноября или начале

[182] Хайнц-Вильгельм Экк (1916 – 1945) – немецкий подводник. Капитан-лейтенант. Казнён по приговору британского трибунала.

декабря 1939, по следующим причинам:

Месяц у меня в распоряжении была лишь горстка подводных лодок. Для того, чтобы эти небольшие силы вообще могли быть эффективными, я вынужден был направить эти лодки близко к английскому побережью, прямо перед портами. Дополнительно, магнитные мины сами зарекомендовали себя очень ценным орудием войны. Таким образом, я снарядил эти лодки, как минами, так и торпедами и приказал им после миноукладки, действовать в водах ближе к берегу, непосредственно рядом с портами. Там они боролись в постоянных и ближних боях и под наблюдением военно-морских и воздушных патрулей. За каждой замеченной или выявленной подводной лодкой охотились подразделения по охоте за подводными лодками и воздушные патрули появлялись на месте боя.

Сами по себе подводные лодки, почти без исключения или полностью имели своими целями только корабли, которые охраняли или сопровождали какой-то охраной. Таким образом, для подводной лодкой было бы самоубийством, при таком положении, всплывать и спасать.

Все командиры были очень молоды, я был единственным имевшим опыт с Первой мировой войны. И мне приходилось говорить им это очень настойчиво и решительно, потому что молодому командиру было сложно судить об обстановке также как мог делать я.

Кранцбюлер: Опыт спасательных мероприятий уже сыграл в этом роль?

Дёниц: Да. В первые месяцы войны у меня был очень горький опыт. Я пострадал от очень больших потерь в морских районах удаленных от какого-либо побережья; и так как очень скоро я получил информацию через женевский Красный крест, о том, что многих членов экипажей спасли, было ясно, что эти подводные лодки потеряли в надводном положении. Если бы их потеряли под водой, выживание стольких членов экипажей было бы невозможным. У меня также имелись доклады о том, что были самоотверженные поступки по спасению, достаточно оправданные с человеческой точки зрения, но очень опасные для подводных лодок с военной точки зрения. И теперь, конечно, поскольку я не хотел борьбы в открытом море, а ближе к гаваням или прибрежным гаваням районах, я вынужден был предупредить подводные лодки о больших опасностях, фактическом самоубийстве.

И, проводя параллель, английские подводные лодки в водах Ютландии, районах, где мы преобладали, не демонстрировали, само собой и совершенно правильно, вообще никакой заботы о потерпевших кораблекрушение, при том, что без сомнения наша оборона составляла только часть от британской.

Кранцбюлер: Вы говорите, что данный приказ применялся к подводным лодкам, которые действовали в непосредственном присутствии вражеской обороны. Вы можете, самим приказом, продемонстрировать правдивость этого?

Дёниц: Да, весь приказ рассматривает только, или признаёт присутствие вражеской обороны; он касается борьбы с конвоями. Например, он гласит: «Близкая дистанция

также лучшая безопасность для лодки…».

Кранцбюлер: Какой номер вы читаете?

Дёниц: Что же, приказ сформулирован таким образом, что номер 1 рассматривает в первую очередь мореплавание, а не бой. Однако предупреждение против вражеской воздушной обороны здесь также приводится, и в этом предупреждении про контрмеры даётся понять, что это полностью касалось выходящих кораблей. В противном случае я бы очевидно, не отдал приказ о мореплавании. Номер 2 рассматривает время до атаки. Здесь упоминаются моральные запреты, которые каждый солдат должен преодолевать перед атакой.

Кранцбюлер: Адмирал, вам нужно только обратиться к цифрам которые показывают, что приказ касался борьбы с вражеской обороной.

Дёниц: Очень хорошо. Тогда я процитирую из 2(d). Здесь сказано:

> «Близкая дистанция также лучшая безопасность для лодки.
>
> Находясь поблизости от судов» - то есть, торговцев – «корабли охранения» - то есть эсминцы – «в первую очередь не используют никаких глубинных бомб. Если выстрелить по конвою с близкого квадранта» - заметьте, что мы рассматриваем конвои – «и затем выполнить погружение, тогда возможно как можно быстрее оказаться под другими кораблями конвоя и таким образом оставаться в безопасности от глубинных бомб».

Затем следующий абзац, который рассматривает ночные условия, говорит:

> «Оставаться над водой. Выходить на воду. Возможно, делать круг и уходить в тыл».

Любой моряк знает, что можно сделать круг или уйти в тыл вражеских кораблей охранения. Далее, в третьем абзаце, я предостерегаю от слишком быстрого погружения, потому что это ослепляет подводную лодку, и я говорю:

> «Лишь тогда, когда предоставляется возможность для новой атаки, или обнаруживается точка через которую можно оторваться от преследующего противника».

Затем пункт (c), то есть, 3(c) и здесь сказано:

> «Во время атаки на конвой может потребоваться погружение на глубину 20 метров, чтобы уйти от патрулей или авиации и избежать опасности обнаружения и тарана…».

Таким образом, здесь мы говорим о конвоях. Итак, мы переходим к пункту (d) и здесь сказано:

> «Может быть необходимо погрузиться на глубину, когда, например, эсминец движется прямо на перископ…».

И затем следуют инструкции о том, как действовать в случае атаки глубинными бомбами, весь приказ рассматривает…

Председатель: Я не думаю, что необходимо вдаваться во все эти подробности

военной тактики. Он указал на параграф «е». Он дал своё объяснение этого параграфа, и я не думаю, что есть необходимость вдаваться в иные тактики.

Дёниц: Я лишь хочу сказать, что последний параграф о неспасении не следует рассматривать в одиночку, а в таком контексте: во-первых, подводные лодки вынуждены были сражаться в присутствии вражеской обороны рядом с английскими портами и устьями рек; и во-вторых, целями были корабли в конвоях, или охраняемые корабли, как ясно видно из документа в целом.

Кранцбюлер: Вы сказали, что данный приказ был отдан приблизительно в декабре 1939. Немецкие подводные лодки после отданного приказа в действительности продолжали спасать? Какой у вас опыт?

Дёниц: Я сказал о том, что приказ был отдан для этой конкретной цели на время зимних месяцев. Так как подводные лодки, которые согласно моим воспоминаниям, снова вышли в Атлантику только после норвежской кампании, для этих подводных лодок применялся общий приказ о спасении и этот приказ квалифицировался только одним способом, а именно, что нельзя было пытаться спасать, если безопасность подводной лодки этого не позволяла. Факты показывают, что подводные лодки действовали в таком свете.

Кранцбюлер: Значит, вы имеете в виду, что у вас были доклады от командиров подводных лодок о спасательных мероприятиях?

Дёниц: Я получал такие доклады от каждой вернувшейся подводной лодки, и соответственно из корабельных журналов.

Кранцбюлер: Когда этот приказ, который мы только, что обсуждали, был формально отменен?

Дёниц: По моим сведениям этот приказ был захвачен или взят трофеем Англией с Ю-13, которая была уничтожена глубинными бомбами на самом мелководье Даунса рядом с устьем Темзы. Конечно, для этой лодки, этот приказ ещё мог применяться в мае 1940. Затем в 1940 году, после норвежской кампании, я снова сделал открытые воды Атлантики центром боевых операций, и для этих лодок этот приказ не применялся, как доказано тем фактом, что спасения проводились, что я только, что объяснил.

Затем я полностью отменил приказ так как он содержал первые практические инструкции о том, как подводные лодки должны были действовать в отношении конвоя и позже стал ненужным, так потом это стало второй натурой командиров подводных лодок. По моим воспоминаниям приказ полностью отменили в ноябре 1940 как самое позднее.

Кранцбюлер: Адмирал, у меня есть содержание «Действующих военных приказов от 1942» и это можно найти на странице 16 документальной книги номер 1. Я предъявляю его как Дёниц-11. В этом содержании, номер 154, который касается приказа, который мы только что обсуждали пустой. Это означает, что данный

приказ уже не существовал во время, когда были приняты «Действующий военные приказы от 1942»?

Дёниц: Да, к тому времени он прекратил существование.

Кранцбюлер: Когда были составлялись действующие приказы на 1942 год?

Дёниц: В течение 1941 года.

Кранцбюлер: Когда вы получали доклады от командиров о спасательных мерах, вы возражали этим мерам? Вы критиковали или запрещали их?

Дёниц: Нет, как правило, нет, только если впоследствии моё беспокойство было слишком большим. Например, у меня был доклад от командира о том, что из-за того, что он слишком долго оставался со спасательными шлюпками и таким образом преследовался эскортом – или наверное – вызванными по радио, его лодку сильно атаковал глубинными бомбами и серьезно повредил эскорт – то чего бы не произошло если бы он вовремя покинул место – тогда я естественно указывал ему на то, что его действия были ошибочными с военной точки зрения. Я также убежден в том, что я терял корабли из-за спасения. Конечно, я не мог этого подтвердить, поскольку лодки потеряны. Но такова в целом ментальность командира; и это совершенно естественно, для каждого моряка, придерживаться с мирных дней взгляда, что спасение это самый благородный и самый почётный поступок, который он может совершить. И мне кажется, не было ни одного офицера в германском флоте – это без сомнения, правда и для остальных наций – который, например, не считал бы медаль за спасение, спасение с личным риском, высшей наградой мирного времени. В виду такого основного отношения всегда было очень опасным не менять его на военную перспективу и принцип, что безопасность собственного корабля идёт в первую очередь и что в конце концов война это серьёзная штука.

Кранцбюлер: В какие годы следовали практике которую вы сейчас описали, о том, что подводные лодки не спасали, когда им самим угрожала опасность?

Дёниц: В 1940, то есть ближе к концу 1939, экономической войной руководил призовой указ постольку, поскольку подводные лодки всё ещё действовали индивидуально. Затем настали операции, ближе к вражескому побережью, в 1939-40, которые я описывал, приказ номер 154 относился к этим операциям. Затем пришла норвежская кампания, и затем, когда подводная война возобновилась весной 1940, этот приказ о спасении или не спасении если самой подводной лодке угрожали, применялся в 1940, 1941 и 1942 до осени.

Кранцбюлер: Приказ был отдан в письменном виде?

Дёниц: Нет, в этом не было необходимости, так как общий приказ о спасении был само собой разумеющимся, и кроме того это содержалось в определённых приказах штаба руководства войной на море в начале войны. Норма о не спасении, если безопасность субмарины была ставкой, принята в каждом флоте и особо отмечал это в своих докладах о случаях который я сейчас описывал.

Кранцбюлер: В июне 1942 был приказ о спасении капитанов. Это номер Дёниц-22; я прошу прощения – это Дёниц номер 23, и он находится на странице 45 документальной книги 1, и настоящим я предъявляю его. Это выдержка из журнала боевых действий штаба руководства войной на море от 5 июня 1942. Я цитирую:

> «Согласно указаниям, полученным от штаба руководства войной на море командир подводных лодок приказал субмаринам брать на борт в качестве пленных капитанов потопленных кораблей с их документами, если это возможно не подвергая опасности лодку и не угрожая боеспособности».

Как появился этот приказ?

Дёниц: Здесь речь идёт о приказе штаба руководство войной на море о том, что капитанов нужно было брать в качестве пленных, то есть, доставлять их домой и это снова нечто иное, нежели спасение. Штаб руководства войной на море считал – и правильно – что поскольку мы не могли доставить довольно высокий процент, скажем 80-90 процентов экипажей потопленных торговцев – тогда, по крайней мере, тогда по крайней мере нам нужно было следить за тем, чтобы противник лишался самых важных и существенных частей экипажа, то есть капитанов, отсюда приказ забирать капитанов из их спасательных шлюпок на подводные лодки как пленных.

Кранцбюлер: Этот приказ существовал в той или иной форме до конца войны?

Дёниц: Да, позже он даже был включен в действующие приказы, потому что это был приказ штаба руководства войной на море.

Кранцбюлер: Его исполняли до конца войны и с какими результатами?

Дёниц: Да, по моим воспоминаниям его исполняли временами даже в последние несколько лет войны. Но в целом результат этого приказа был невелик. Я лично могу вспомнить только несколько случаев. Но из писем, которые я сейчас получил от моих командиров и которые я прочел, я обнаружил, что ещё несколько случаев, нежели мне казалось, всего, наверное 10 или 12 как самое большое.

Кранцбюлер: К чему вы относите то, что, несмотря на прямой приказ, столь мало капитанов взяли в плен.

Дёниц: Основная причина без сомнения, заключалась в том, что по нарастающей, чем больше подводных лодок атаковали вражеские конвои, тем совершеннее была вражеская система конвоеев. Основной костяк подводных лодок участвовал в борьбе против конвоеев. В нескольких других случаях не всегда было возможно по причине безопасности приблизиться к спасательным шлюпкам для того, чтобы подобрать капитана. И в-третьих, мне кажется, что командиры подводных лодок неохотно, совершенно правильно со своей точки зрения не хотели иметь капитана на борту в течении миссии. В любом случае я знаю о том, что командиров вообще не обрадовал этот приказ.

Кранцбюлер: Адмирал, теперь я перехожу к документу, который на самом деле ядро обвинения против вас. Это документ GB-199, страница 36 британской документальной книги. Это ваша радиограмма от 17 сентября, и обвинение утверждает, что это приказ по уничтожению потерпевших кораблекрушение. Он настолько важен, что я его снова вам зачитаю.

> «Всем командирам:
>
> 1. Никаких попыток не следует делать для того, чтобы спасать членов экипажей потопленных судов. Это распространяется на вылавливание людей из воды и помещение их в спасательные лодки, выправление перевернутых спасательных лодок и снабжение людей пищей и водой. Спасение команд противоречит элементарным требованиям ведения войны — уничтожению вражеских судов и команд.
>
> 2. Приказы относительно захвата капитанов и главных инженеров все еще остаются в силе.
>
> 3. Помощь потерпевшим кораблекрушение следует оказывать только в том случае, если их сообщения могут быть важны для вашей лодки.
>
> 4. Будьте жестоки, помните, что враг не принимает во внимание присутствие женщин и детей, когда бомбардирует германские города».

Пожалуйста, опишите трибуналу предысторию данного приказа, который решающий по своим намерениям. Прежде всего опишите общую военную обстановку, из который возник приказ.

Дёниц: В сентябре 1942 основной костяк немецких подводных лодок боролся с конвоями. Центром притяжения развертывания подводных лодок была Северная Атлантика, где охраняемые конвои действовали между Англией и Америкой. Подводные лодки на севере боролись таким же образом, атакую только конвои в Мурманск. Другого судоходства в этом районе не было. Такая же ситуация существовала в Средиземноморье; здесь также целями наших атак были конвои. Помимо этого, часть лодок направили напрямую к американским портам, Тринидаду, Нью-Йорку, Бостону и другим центрам плотного морского судоходства. Небольшое количество подводных лодок также сражалось в открытых районах в центре и на юге Атлантики. Критерием того времени было, то, что мощные англо-американские воздушные силы патрулировали повсюду и возросли в огромных количествах. Это вызывало у меня сильную озабоченность, так как очевидно самолёт, ввиду его скорости, представляет наиболее серьезную угрозу подводной лодке. И это не причуда с моей стороны, так как с лета 1942 – то есть, за несколько месяцев до сентября, когда этот приказ был отдан – потери подводных лодок в результате воздушных атак внезапно выросли, мне кажется более чем на триста процентов.

Кранцбюлер: Адмирал, для разъяснения этого положения, я вручаю вам график, который я бы хотел предъявить трибуналу в качестве доказательства как Дёниц-99.Вы, используя график, объясните кривую потерь?

Дёниц: Совершенно ясно, что этот график, показывающий потери подводных лодок согласуется с заявлениями, которые я только что сделал. Можно увидеть, что до июня 1942 потери подводных лодок находились в границах разумного и затем – в июле 1942 – внезапно случилось то, что я сейчас описал. В то время как ежемесячные потери до того варьировались как показывает график между 4, 2, 5, 3, 4 или 2 подводными лодками, с июля ежемесячные потери подскочили до 10, 11, 8, 13, 14. Затем идут два зимних месяца декабрь и январь, которые использовались для тщательного обслуживания кораблей; и этим объясняется снижение, которое, однако, не изменило направление потерь.

Такое развитие вызвало у меня сильную озабоченность и привело к большому числу приказов командирам субмарин о том, как они должны действовать на поверхности; так как потери были вызваны нахождением лодок над водой, поскольку самолёты могли заметить или обнаружить их; и таким образом лодки были вынуждены насколько возможно ограничить свою надводную деятельность. Эти потери также вынудили меня направить меморандум в штаб руководства войной на море.

Кранцбюлер: Когда?

Дёниц: Меморандум был написан летом, в июне.

Кранцбюлер: В июне 1942?

Дёниц: В июне 1942 или июле. На вершине моего успеха, мне пришло в голову, что воздушная мощь однажды может задушить нас и загнать под воду. Таким образом, несмотря на большие успехи, которые еще имелись, мои страхи за будущее были велики, и то, что они не были воображаемыми показано направлением потерь после выхода субмарин из доков в феврале 1943; в тот месяц было потеряно 18 лодок; в марте 15; в апреле 14. И затем потери подскочили до 38.

Самолет, неожиданный самолет, и оборудование самолётов радарами[183] – которые, по моему мнению, следующее за атомной бомбой, решающее победоносное изобретение англо-американцев – привели к краху подводной войны. Подводные лодки вынуждали погружаться, они вообще не могли сохранять надводное положение. Их обнаруживали не только, когда самолет замечал их, но этот инструмент - радар на самом деле обнаруживал их за 60 морских миль, вне зоны видимости, днём и ночью. Конечно, такая необходимость оставаться под водой была невозможной для старых подводных лодок, так как они должны были

[183] Радар - система для обнаружения воздушных, морских и наземных объектов, а также для определения их дальности, скорости и геометрических параметров. Использует метод радиолокации, основанный на излучении радиоволн и регистрации их отражений от объектов.

оставаться на поверхности по крайней мере для подзарядки батарей. Такое развитие вынудило меня, следовательно, оборудовать старые подводные лодки так называемым шноркелем[184], и строить совершенно новые подводные силы, которые могли оставаться под водой и которые могли, например, идти из Германии в Японию, вообще без надводного положения. Таким образом, очевидно, что я находился постоянно угрожающей ситуации.

Кранцбюлер: Адмирал, для того, чтобы охарактеризовать ситуацию я хочу обратить ваше внимание на ваш журнал боевых действий. Это будет номер Дёниц-18, воспроизведённый на странице 32, том I. Я хочу зачитать только содержание записей с 2 по 14 сентября; страница 32:

> «2 сентября Ю-256 обнаружена и бомбардирована самолётом; непригодна для плавания и погружения;
> 3 сентября самолёт замечает подводную лодку;
> 4 сентября Ю-756 не докладывает несмотря на запросы с 1 сентября, рядом с конвоем; предположительно потеряна.
> 5 сентября самолёт замечает подводную лодку;
> 6 сентября Ю-705 вероятно потеряна из-за вражеской воздушной атаки;
> 7 сентября Ю-130 бомбардирована бомбардировщиком «Boeing»;
> 8 сентября Ю-202 атакована самолётом у Бискайского залива.
> 9 сентября…».

Председатель: Доктор Кранцбюлер, подсудимый уже рассказал нам о потерях и причине потерь. Что хорошего в том, чтобы приводить нам подробности о фактах борьбы самолётов с подводными лодками?

Кранцбюлер: Господин председатель, я хотел показать, что показания адмирала Дёница подтверждаются записями в его журнале того времени. Но если трибунал…

Председатель: Это общеизвестные сведения. Мы можем это прочитать. Во всяком случае, если вы просто обратите наше внимание на документ мы его прочитаем. Нам не нужно, чтобы вы зачитывали его подробности.

Кранцбюлер: Да, господин председатель, я так и сделаю.

Дёниц: Это типичная и характерная запись в моём журнале боевых действий тех недель и дней до издания мной приказа, но я хотел добавить следующее: авиация была очень опасной особенно по психологическим причинам: когда авиации нет на месте, командир подводной лодки понимает свою обстановку очень ясно, но в следующий момент, когда появляется авиация, его ситуация совершенно безнадёжна. И это случалось не только с молодыми командирами, но и старыми опытными командирами, которые помнили старые добрые времена. Вероятно я могу

[184] Шноркель - устройство для работы двигателя под водой (РДП), устройство для компрессоров (УДК) — устройство на подводной лодке для забора воздуха, необходимого для работы двигателя внутреннего сгорания под водой, а также для пополнения запасов воздуха высокого давления и вентиляции отсеков.

довольно кратко привести ясный пример. Экипажу подводной лодки требуется одна минута, чтобы попасть внутрь через люк до того как она сможет погрузиться под воду. Самолет пролетает в среднем 6 000 метров за минуту. Таким образом, подводная лодка, чтобы полностью погрузиться – и не быть разбомбленной пока она ещё на поверхности – должна заметить самолет, по крайней мере, за 6000 метров. Но этого также недостаточно, так как даже погрузившаяся подводная лодка всё еще не достигнет безопасной глубины. Следовательно, подводная лодка, должна заметить самолет ещё раньше, а именно, на самом краю поля зрения. Такие образом, абсолютное условие успеха заключается в том, чтобы подводная лодка была в состоянии постоянной тревоги, чтобы, прежде всего она шла на максимальной скорости, потому что чем больше скорость, тем быстрее лодка погружается; и, во-вторых, чтобы как можно меньше людей находилось на палубе для того, чтобы они могли попасть внутрь подводной лодки как можно быстрее, что означает, что на верхней палубе вообще не должно быть людей, и тому подобное. Итак, спасательная работа, которая требовала нахождения на верхней палубе с целью помочь и позаботиться о многих людях и что даже означает взятие на буксир ряда спасательных шлюпок, естественно совершенно препятствует состоянию тревоги, и подводная лодка, как следствие, безнадёжно открывалась для любой атаки с воздуха.

Кранцбюлер: Господин председатель, сейчас я хочу рассмотреть сам вопрос «Laconia», по которому я бы не хотел прерываться. Если трибунал согласен, я бы предложил объявить перерыв.

[*Объявлен перерыв*]

Кранцбюлер: Адмирал, вы только что описали вражеское превосходство в воздухе в сентябре 1942. В течение этих дней сентября вы получили доклад о потоплении британского транспорта «Laconia» Я предъявляю трибуналу журналы боевых действий, касательно этого инцидента под номерами Дёниц-18, 20, 21 и 22. Это журналы боевых действий командиров подводных лодок и командиров субмарин которые принимали участие в этой акции. Капитан-лейтенанты Хартенштайн[185], Шахт и Вюрдеманн[186]. Они воспроизведены в документальной книге на странице 34 и следующих страницах. Я зачитаю вам доклад, который вы получили. Это на странице 35 документальной книги, 13 сентября, 01 час 25 минут. Я читаю:

> «Радиограмма направлена по американской сети:
> Хартенштайн потопил британский корабль «Laconia».
> Затем приводится позиция и сообщение продолжается:

[185] Вернер Хартенштайн (1908 — 1943) — немецкий подводник времён Второй мировой войны. Погиб вместе с экипажем в результате бомбардировки американским самолётом.
[186] Эрих Вюрдеманн (1914-1943) – немецкий офицер-подводник. Погиб во время налёта американской авиации.

«К сожалению, с 1500 итальянских военнопленных. До сих пор подобрано 90…».

Затем подробности, и конец: «Запрашиваю приказов».

Я вручаю вам документ…

Председатель: Где вы сейчас?

Кранцбюлер: Господин председатель, запись от 13 сентября, время 01 час 25 минут, номер в начале строки; внизу страницы.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я вручил вам документы, чтобы освежить вашу память. Пожалуйста, сначала расскажите мне, какое впечатление или какие сведения вы имели об этом корабле «Laconia» о потоплении которого сообщили, и о его экипаже.

Дёниц: Я знал из справочника по вооруженным британским кораблям который мы имели в своём распоряжении, что «Laconia» была вооружена 14 орудиями. Следовательно я сделал вывод, что у него должен был быть британский экипаж, по крайней мере, в 500 человек. Когда я услышал, что там, на борту также были итальянские пленные, мне было ясно, что число нужно было увеличить на охрану пленников.

Кранцбюлер: Пожалуйста, теперь, на основании документов опишите, основные события, окружавшие ваш приказ от 17 сентября, и раскройте подробности, во-первых, спасения или неспасения британцев или итальянцев, и во-вторых, вашу озабоченность о безопасности интересующих подводных лодок.

Дёниц: Когда я получил этот доклад, я радировал всем подводным лодкам во всём районе. Я отдал приказ:

«Шахт, группа «Белый медведь»[187], Вюрдеманн и Виламовиц[188], немедленно следовать к Хартенштайну.

Хартенштайн был командиром который потопил корабль. Позднее, я вернул несколько лодок из-за того, что их расстояние от места было слишком велико. Ближайшая от района лодка получившая приказы участвовать в спасении была в 710 милях, и поэтому не могла прибыть ранее двух дней.

Прежде всего, я спросил Хартенштайна, командира который потопил корабль, направила ли «Laconia» радиограммы, потому что я надеялся на то, что в результате придут на помощь британские и американские корабли. Хартенштайн подтвердил это, и кроме того, он сам отправил следующую радиограмму на английском…

Кранцбюлер: Господин председатель, это на странице 36, под цифрой 6 часов 00 минут.

---

[187] «Белый медведь» (нем.) – наименование «волчьей стаи» действовавшей в Южной Атлантике.

[188] Георг фон Виламовиц-Мёллендорф (1893 – 1943) – немецкий подводник. После повреждения американской авиацией подводной лодки затопил её вместе с собой.

Дёниц: «Если какой-нибудь корабль окажет помощь потерпевшему кораблекрушение экипажу «Laconia», я не буду атаковать его, если не буду атакован кораблём или воздушными силами».

Кратко суммируя, у меня сложилось впечатление из докладов от подводных лодок, что они начали спасательную работу с большим рвением.

Кранцбюлер: Сколько подводных лодок там было?

Дёниц: Там было три или четыре субмарины. Я получил доклады о том, что число взятых на борт каждой подводной лодки было от 100 до 200. Мне кажется у Хартенштайна было 156 и ещё одна 131. Я получал доклады, которые говорили об экипаже, взятом из спасательных шлюпок; один доклад упоминал 35 итальянцев, 25 англичан и 4 поляков; ещё один, 30 итальянцев и 24 англичанина; третий, 26 итальянцев, 39 англичан и 3 поляков. Я получил доклады о буксировке спасательных шлюпок за субмаринами. Все эти доклады вызвали у меня сильную обеспокоенность, потому что я точно знал, что это хорошо не кончится.

Моя озабоченность в то время выразилась в сообщении радированном субмаринам четыре раза: «Проинструктировать лодки брать столько, сколько позволит погружаться». Очевидно, что, если бы в узком пространстве подводных лодок – наши подводные лодки были вдвое меньше вражеских – толпилось бы от 100 до 200 дополнительных людей, субмарина уже находилась в абсолютной опасности, не говоря о готовности к бою.

Кроме того, я отправил сообщение: «Всем лодки должны брать столько людей…»

Председатель: Все эти сообщения в документе?

Кранцбюлер: Да.

Председатель: Что же, где они? Почему он не ссылается на их время?

Кранцбюлер: Все сообщения находятся в трёх журналах подводных лодок. Первое сообщение на странице 36, господин председатель, под группой 07 часов 20 минут. Я зачитаю его.

> «Получена радиограмма» - сообщение от адмирала Дёница – Хартенштайну оставаться рядом с местом затопления. Поддерживать способность к погружению. Инструктировать лодки брать столько, чтобы сохранить полную способность к погружению».

Дёниц: Затем я отправил ещё одно сообщение:

> «Безопасность подводной лодки не ставить под угрозу ни при каких обстоятельствах».

Кранцбюлер: Господин председатель, это сообщение на странице 40, под датой 17 сентября 01 час 40 минут.

Дёниц:

> «Предпринимать все подходящие меры с беспощадностью, включая

прекращение всех спасательных действий».

Кроме того, я отправил сообщение:

«Лодки должны всё время быть свободны для аварийного погружения и подводного использования».

Кранцбюлер: Это на странице 37, под 07 часами 40 минутами, заголовок 3.

Дёниц:

«Опасаться вражеского вмешательства с помощью самолётов и субмарин».

Кранцбюлер: «Всем лодкам, также Хартенштайну, брать столько людей, чтобы лодки были полностью готовы для подводного использования».

Дёниц: То, что моя озабоченность была оправданной, совершенно очевидно из сообщения, которое отправил Хартенштайн и которое говорило о том, что он был атакован бомбами с американского бомбардировщика.

Кранцбюлер: Господин председатель это сообщение, на странице 39, под 13 часами 11 минутами. Это экстренное сообщение, и под 23 часами 04 минутами есть весь текст сообщения, которое я хочу зачитать.

Дёниц: По этому поводу…

Кранцбюлер: Адмирал, минуту. Сообщение гласит:

«Радиограмма отправлена: от Хартенштайна» - адмиралу Дёницу – «Бомбардирован пять раз американским «Liberator[189]» в бреющем полете, при буксировке четырёх полных шлюпок, несмотря на флаг Красного креста, 4 квадратных метра на мостике и при хорошей видимости. Оба перископа не работают. Прерываем спасение; всё за борт; курс на Запад. Ремонт».

Дёниц: Хартенштайн, как можно увидеть из последующего доклада, тогда также имел на борту своей субмарины 55 англичан и 55 итальянцев. В ходе первой бомбардировки в одну из спасательных шлюпок попала бомба и она перевернулась, и согласно докладу по его возвращению там были значительные потери среди спасенных.

В ходе второй атаки, одна бомба взорвалась прямо в середине субмарины и серьезно её повредила; он сообщил о том, что было лишь чудом немецкой судостроительной техники, что субмарину не разорвало на куски.

Председатель: Где он сейчас? Что за страница?

Кранцбюлер: Господин председатель он говорит о событиях, которые описаны на страницах 38 и 39.

---

[189] Консолидэйтед B-24 «Освободитель» — американский тяжёлый бомбардировщик времён Второй мировой войны, разработан фирмой «Консолидейтед». Самый массовый бомбардировщик в истории авиации.

Председатель: Трибуналу помогло бы, как вам известно, если бы вы придерживались какого-то порядка вместо перехода к одной странице и затем к 40, и затем возвращаясь к 38.

Кранцбюлер: Господин председатель, причина в том, что мы используем два разных журнала.

Адмирал, вы не расскажите нам о мерах принятых вами после доклада Хартенштайна о том, что его непрерывно атаковали в ходе спасательных мероприятий?

Дёниц: Я долго обдумывал должен ли я, после такого опыта прервать все попытки спасения; и, несомненно, с военной точки зрения, так было бы правильно сделать, потому что атака ясно показала, что угрожало подводным лодкам.

Это решение стало для меня еще более тяжелым, потому что мне позвонили из штаба руководства войной на море по поводу того, что фюрер не желал, чтобы я рисковал какими-нибудь субмаринами при спасательной работе или чтобы вызывать их из удаленных районов. Последовало очень жаркое совещание с моим штабом, и я помню его завершающее заявление: «Теперь я не могу выбросить этих людей в воду. Я позабочусь».

Конечно, мне было ясно, что мне нужно принять полную ответственность за дальнейшие потери и с военной точки зрения продолжение спасательной работы было ошибочным. Об этом я получил подтверждение с субмарины Ю-506 от Вюрдеманна, который также сообщил – мне кажется, на следующее утро – что его бомбили с самолёта.

Кранцбюлер: Господин председатель это доклад, на странице 42 журнала Вюрдеманна, запись от 17 сентября 23 часа 43 минуты. Он сообщил:

> «Передача выживших на «Annamite[190]» завершёна» - затем поступили подробности – «атакованы гидропланом в полдень. Полная готовность к бою».

Дёниц: Третья субмарина, Шахта, Ю-507, отправила радиограмму о том, что у него столько то людей на борту, и он буксирует четыре спасательных шлюпки с англичанами и поляками.

Кранцбюлер: Этот сообщение на странице 40, первый доклад.

Дёниц: Конечно, потом, я приказал ему сбросить эти лодки, потому что это бремя сделало бы невозможным погружение.

Кранцбюлер: Это второе сообщение на странице 40.

Дёниц: Позднее, он снова отправил длинное сообщение, описывая обеспечение итальянцев и англичан в лодке.

Кранцбюлер: Это на странице 41, в 23 часа 10 минут. Я зачитаю отрывок:

> «Передал 163 итальянца на «Annamite» - «Annamite» был французским

---

[190] «Аннамит» - французский минный тральщик типа «Шамуа».

> крейсером привлеченным для содействия в спасении. – Штурман с «Laconia» и ещё один английский офицер на борту. Семь спасательных шлюпок с приблизительно 330 англичанами и поляками, среди них 15 женщин и 16 детей, размещены на Qu. FE 9612, женщины и дети остались на борту на одну ночь. Обеспечили всех потерпевших кораблекрушение горячей едой и питьем, одеждой и перевязкой при необходимости. Замечены еще четыре лодки у трейбанкера Qu. FE 9619».

Дёниц: Потому что я приказал ему отвязать спасательные шлюпки, и мы считали это общее сообщение в качестве дополнительного следующего доклада, он был отменен другим сообщением; и из этого, обвинение ошибочно сделало вывод, что я запретил спасать англичан. То, что я не запрещал это видно из того факта, что я не заявил возражений многим докладам о спасении англичан.

На самом деле, в конце у меня сложилось впечатление, что итальянцам не очень хорошо пришлось при спасении. Такое впечатление было правильным, что видно из цифр тех кого спасли. Из 811 англичан около 800 было спасено, а из 1800 итальянцев 450.

Кранцбюлер: Адмирал, я хочу еще раз прояснить даты всей акции. «Laconia» была торпедирована 12 сентября. Когда была воздушная атака на спасательные шлюпки?

Дёниц: 16-го.

Кранцбюлер: В ночь 16-го? На 17-е?

Дёниц: На 16-е.

Кранцбюлер: На 16-е сентября. Значит, сколько заняло спасение в целом?

Дёниц: Четыре дня.

Кранцбюлер: И потом оно продолжалось, до каких пор?

Дёниц: До передачи их на французские военные корабли, которые мы уведомили.

Кранцбюлер: Итак, в чём заключается связь между инцидентом с «Laconia», который вы только, что описали, и приказом, который обвинение вменяет как приказ по уничтожению?

Дёниц: Помимо моего сильного и постоянного волнения за субмарины и сильного ощущения, что британцы и американцы не помогут, несмотря на близость Фритауна, я очень четко понял из этой акции, что прошло время, когда подводные лодки без опаски могли проводить на поверхности такие операции. Две бомбовые атаки ясно показали, что, несмотря на хорошую погоду, несмотря на большое число людей которых спасли, которые были ещё более видимы для летчиков, чем в обычных сложных условиях моря, когда нужно спасать мало людей, опасность субмаринам была настолько большой, что, как единственный ответственный за лодки и жизни их экипажей, я был вынужден запретить спасательные действия перед лицом вездесущих – не могут сказать по-другому – вездесущих огромных

англо-американских воздушных сил. Я хочу отметить, только как пример, что все субмарины, которые приняли участие в спасательной операции были потеряны из-за бомбардировок в их следующем бою или вскоре после этого. Обстановка при которой противник убивает спасателей в то время как они подвергают себя огромной личной опасности на действительно и категорически противоречит здравому смыслу и элементарным законам войны.

Кранцбюлер: Адмирал, по мнению обвинения, вы использовали этот инцидент, для осуществления на практике идеи, которой вы уже долгое время благоволили, а именно, убийству в будущем потерпевших кораблекрушение. Пожалуйста, выскажитесь об этом.

Дёниц: На самом деле, я ничего не могу сказать перед лицом такого обвинения. Всё дело касалось спасения или не спасения; всё развитие привело к тому, что приказ ясно говорит против такого обвинения. Фактом было то, что мы спасали с рвением и при этом нас бомбили; также фактом было то, что командование подводных лодок и я оказались перед серьезным решением, и мы действовали гуманным способом, который с военной точки зрения был ошибочным. Таким образом, я думаю, что не нужно больше никаких слов в опровержение этого обвинения.

Кранцбюлер: Адмирал, теперь я должен представить вам формулировку этого приказа, из которой обвинение сделало свои выводы. Я уже читал это; во втором параграфе он говорит: «Спасение команд противоречит элементарным требованиям ведения войны — уничтожению вражеских судов и команд».

Что означает эта фраза?

Дёниц: Данная фраза, конечно по смыслу предназначалась быть оправданием. Сейчас обвинение говорит, что я мог совершенно просто приказать, о том, что безопасность не допускала это, что преобладание воздушных сил противника не допускало это – и как мы увидели это в случае с «Laconia», я приказал об этом четыре раза. Но это устаревшая причина. Это была заезженная пластинка, если я могу использовать такое выражение, и теперь стремился высказать командирам субмарин причину, которая бы исключала всякое усмотрение и всякое независимое решение командиров. Так как снова и снова у меня был такой опыт, по причинам указанным ранее, чистое небо считалось слишком благоприятным со стороны подводных лодок и это вело к потере субмарины или что командир, в роли спасателя, больше не был хозяином своим решениям, как показал случай «Laconia»; следовательно ни при каких обстоятельствах – вообще ни при каких – я не хотел повторять старую причину которая бы снова дала командиру подводной лодки повод сказать: «Что же, сейчас нет никакой опасности воздушной атаки»; то есть, я не хотел давать ему шанс действовать независимо, принимать своё собственное решение, как например, говорить себе: «Поскольку опасность воздушной атаки больше не допускает». Это именно то, чего я не хотел. Я не хотел возникновения

спора в уме одного из 200 командиров подводных лодок. Как и не хотел сказать: «Если кто-нибудь с большим самопожертвованием спасает противника и в процессе оказывается убит, тогда это противоречит самым элементарным законам войны». Я мог бы сказать и так. Но я не хотел так говорить, и поэтому я сформулировал фразу так как она есть.

Председатель: Вы не ссылались на приказ, но вы сослались на страницу 36 судебного обзора обвинения, или даже британскую документальную книгу?

Кранцбюлер: Да, господин председатель, страница 36 британской документальной книги.

Председатель: Здесь два приказа, не так ли?

Кранцбюлер: Нет. Это один приказ с четырьмя пронумерованными частями.

Председатель: Что же, здесь два параграфа, не так ли? Есть параграф 1 и есть параграф 2 от 17 сентября 1942.

Кранцбюлер: Я думаю, вы имеете в виду выдержку из журнала боевых действий командира подводной лодки, который также на странице 36 документальной книги.

Председатель: Не лучше ли вам зачитать фразу, на которую вы ссылаетесь?

Кранцбюлер: Да. Сейчас я говорю о второй фразе, датированной 17 сентября, под заголовком 1, на странице 36 документальной книги обвинения.

Председатель: Да.

Кранцбюлер: Вторая фраза гласит: «Спасение команд противоречит элементарным требованиям ведения войны — уничтожению вражеских судов и команд». Это фраза, которую сейчас комментировал адмирал Дёниц.

Председатель: На странице 36, первый приказ, приказ «Всем командирам» и параграф 1 начинается: «Не предпринимать никаких попыток по спасению моряков с кораблей…» На этот параграф вы ссылаетесь?

Кранцбюлер: Да, господин председатель и из этого я имею в виду вторую фразу. «Спасение команд противоречит элементарным требованиям ведения войны — уничтожению вражеских судов и команд»

Председатель: Что насчёт следующего параграфа, 17 сентября 1942, параграф 2?

Кранцбюлер: Я как раз хотел представить его ему. Это запись в журнале боевых действий, о которой я бы хотел его сейчас спросить.

Адмирал, сейчас я приведу вам запись из вашего военного дневника от 17 сентября; здесь мы находим:

> «Всех командиров снова уведомили о том, что попытки спасать экипажи потопленных судов противоречат элементарным законам войны после уничтожения вражеских кораблей и их экипажей. Приказы о захвате капитанов и главных инженеров остаются в силе».

Председатель: Это перевели по-другому в нашем документе. Вы сказали: «После уничтожения вражеских кораблей…». В нашем переводе «…уничтожая вражеские корабли и их экипажи».

Кранцбюлер: Господин председатель, я думаю, должно быть «в результате», а не «после».

Дёниц: Эта запись в военном дневнике ссылается на радио приказ, четыре стандартных радиосообщения, которые я отправил в ходе инцидента с «Laconia» и которые также были приняты.

Кранцбюлер: Адмирал, минуту. Пожалуйста, сначала объясните трибуналу как были сделаны такие записи в журнале боевых действий. Кто вёл дневник? Вы сами вели или кто это делал?

Дёниц: Так как я ничего здесь не скрываю, я должен сказать, что ведение журнала боевых действий было для меня сложным вопросом, потому что рядом не было офицеров пригодных к этой задаче. Эта запись, как я подозревал и как мне здесь подтвердили, была сделана бывшим фрегаттен-капитаном, который попытался сжать мои приказы в ходе этого дела в подобную запись. Конечно, я был ответственным за каждую запись, но эта запись в реальности не имела никаких действительных последствий; существенным был мой радиоприказ.

Кранцбюлер: Адмирал, решающее здесь, по моему мнению, то, что эта запись, запись о ваших фактических соображениях или же это всего лишь запись, которая была внесена подчиненным согласно его осведомленности и способностям.

Дёниц: Правильно последнее. Мои собственные долгие размышления касались приказа штаба руководства войной на море, приказа фюрера, и моего собственного серьезного решения, должен я или нет прекратить такой способ войны, но они не вошли в журнал боевых действий.

Кранцбюлер: Адмирал, вы объясните, что означала в журнале боевых действий запись: «Все командиры снова уведомлены» и тому подобное.

Дёниц: Я точно не знаю, что это означает. Мой штаб, который здесь, говорил мне, сказал мне о том, что это относилось к четырём радиограммам которые я направил, потому что до случая с «Laconia» не делалось никаких заявлений об этом предмете. Таким образом «снова», означает, что это была пятая радиограмма.

Кранцбюлер: Таким образом, приказ от 17 сентября 1942 был, для вас, концом инцидента с «Laconia»?

Дёниц: Да.

Кранцбюлер: Кому он был направлен?

Дёниц: По моим лучшим воспоминаниям, он был направлен только субмаринам в открытом море. Для иных оперативных районов – Северной Атлантики, Центральной Атлантики, Южной Атлантики – у нас имелись иные радиоканалы. Поскольку другие субмарины находились в контакте с конвоями и таким образом не

могли проводить спасение, они могли просто положить приказ под сукно. Но сейчас я обнаружил, что приказ был отправлен на все субмарины, то есть, по всем каналам; конечно это был технический вопрос связи который не мог причинить никакого вреда.

Кранцбюлер: Вы сказали, что фундаментальное соображение подчеркивающее весь приказ заключалось в подавляющей угрозе воздушной атаки. Если это верно, как вы могли в этом же самом приказе придерживаться директивы о спасении капитанов и главных инженеров? Это можно найти под заголовком 2.

Дёниц: Есть, конечно, большая разница в риске между спасательными мерами для которых субмарина должна остановиться, и людям нужно выйти на палубу, и кратким всплытием для подбора капитана, потому что в это время просто всплывшая субмарина остаётся в состоянии тревоги, в то время как в ином случае эта готовность полностью нарушается.

Однако, одна вещь ясна. Существовала военная необходимость в захвате капитанов, о чём я получил приказы от штаба руководства войной на море. Принципиально и в целом, я бы сказал, что преследуя военную цель, то есть, не спасательную работу, а захват важных противников, нужно и можно идти на определённый риск. Кроме того, это дополнение было на мой взгляд несущественным, потому что я знал, что на практике это даст очень скудный результат, я могу сказать вообще никаких результатов.

Я помню совершенно ясно, как спрашивал себя: «Зачем мы их подбираем»? Однако наше намерение не заключалось в том, чтобы отказаться от приказа такой важности. Важным было то, что во-первых меньше был риск невозможности поддерживать состояние тревоги во время спасения, и во-вторых, следование важной военной цели.

Кранцбюлер: Что вы подразумеваете последней фразой приказа «Быть жестокими?»

Дёниц: Я проповедовал своим командирам подводных лодок 5 ½ лет, что они должны быть строгими к себе. И когда отдав этот приказ, я снова почувствовал, что я должен очень резко подчеркнуть своим командирам всю свою озабоченность и мою тяжелую ответственность за субмарины, и таким образом необходимость запрета спасательных действий в виду превосходящей силы вражеских воздушных сил. В конце концов очень, ясно что на одной стороне есть безжалостность войны, необходимость сохранения собственной субмарины, а с другой стороны традиционная сентиментальность моряка.

Кранцбюлер: Вы слышали свидетеля, корветтен-капитана Мёле[191] заявившего в этом суде, что он неправильно понял приказ в том смысле, что выживших следовало

[191] Карл-Хайнц Мёле (1910 - 1996) — немецкий офицер-подводник, капитан 3-го ранга (1 марта 1943 года). С июня 1941 года Мёле командовал 5-й флотилией и базой подводных лодок в Киле.

убивать, и в нескольких случаях он инструктировал командиров субмарин в таком смысле.

Дёниц: Мёле…

Кранцбюлер: Адмирал, минуту. Сначала я хочу задать вопрос. Как командующий, вы не должны принять ответственность за неправильное понимание вашего приказа?

Дёниц: Конечно, я ответственный за все приказы, за их форму и их содержание. Мёле, однако, это единственный человек который имел сомнения о смысле приказа. Я сожалею о том, что Мёле не нашел повода немедленно развеять эти сомнения, либо через меня, к кому каждый мог всегда прийти, или через многочисленных офицеров штаба, которые как сотрудники моего штаба, также были либо частично ответственными или участвовали в подготовке этих приказов; или, как иная альтернатива, через своего непосредственного начальника в Киле. Я убежден, что мало командиров подводных лодок кому он сообщил о своих сомнениях остались не тронутыми ими. Если были какие-либо последствия я бы, конечно, беру за них ответственность.

Кранцбюлер: Вы ознакомились с делом капитан-лейтенанта Экка, который после затопления греческого парохода «Peleus[192]» весной 1944 действительно стрелял по спасательным шлюпкам. Каков ваш взгляд на этот инцидент?

Дёниц: Как заявил капитан-лейтенант Экк в конце своего допроса под присягой, он ничего не знал об интерпретации Мёле или сомнениях Мёле как и полностью перепутанного сообщения и моего решения по делу Ю-386. Это был инцидент, который упоминал Мёле, когда субмарина заметила пневматические плоты с летчиками, и я озвучил своё неодобрение, потому что он не взял их на борт. Письменную критику его действий тоже направили ему. С другой стороны, какой-то авторитет указывал на то, что он не уничтожил этих выживших. Экк ничего не знал об интерпретации или сомнениях Мёле, ни об этом деле. Он действовал по своему решению, и его целью было не убить выживших, а убрать обломки; потому что он был убежден в том, что иначе эти обломки на следующий день дадут ключ англо-американским самолётам и что их бы нашли и уничтожили. Таким образом его задача заключалась в совершенно другом, чем сказано в интерпретации Мёле.

Кранцбюлер: Экк сказал во время своего допроса, что он рассчитывал на ваше одобрение его действий. Вы когда-либо слышали что-нибудь о случае Экка в ходе войны?

Дёниц: Нет. Здесь во время моего допроса я услышал о том, что Экка взяли в плен во время этой же операции.

Кранцбюлер: Вы одобряете его действия, зная о них теперь?

---

[192] «Пелей» - греческое торговое судно. Спущено на воду в 1928. Потоплено 13.03.1944 немецкой подводной лодкой. С целью скрыть следы нападения капитан немецкой подводной лодки принял решение убить членов экипажа.

Дёниц: Я не одобряю его действий, потому что, как я уже сказал, в этом отношении нельзя отступать от военной этики ни при каких обстоятельствах. Однако, я хочу сказать, что капитан-лейтенант Экк предстал перед очень тяжким решением. Он должен был нести ответственность за свою лодку и свой экипаж, и эта ответственность самая серьёзная на войне. Следовательно, если по этой причине он верил в то, что иначе он будет обнаружен и уничтожен – и эта причина не была необоснованной, потому что в том же оперативном районе и в то же самое время, я думаю, разбомбили четыре субмарины– если он пришел к такому решению по этой причине, тогда бы германский военно-полевой суд несомненно принял бы это во внимание.

Мне кажется, что после войны взгляд на события меняется, и не полностью осознается огромная ответственность, которую к несчастью несёт командир.

Кранцбюлер: Кроме случая Экка, вы, в течение войны или после, слышали о каком-либо примере, когда командир подводной лодки стрелял по потерпевшим кораблекрушение людям или спасательным плотам?

Дёниц: Ни единого.

Кранцбюлер: Вам известны, не так ли, документы обвинения, которые описывают потопление кораблей «Noreen Mary[193]» и «Antonico[194]»? Вы признаёте или нет весомость этих документов в качестве доказательств согласно вашему опыту в данных вопросах?

Дёниц: Нет. Мне кажется, что они не могут выдержать испытание беспристрастной проверкой. У нас есть много похожих докладов о другой стороне, и мы всегда считали, и также заявляли об этом мнении в письменном виде фюреру и ОКВ, что следует смотреть на эти случаи с большим скептицизмом, потому что потерпевший кораблекрушение человек может легко поверить в то, что в него стреляли, в то время как стреляли вообще не в него, а в корабль, то есть, подобные промахи.

Тот факт, что обвинение приводит эти два примера подтверждает, что моё убеждение правильное, что кроме случая Экка не было никаких дальнейших подобных примеров случившихся за эти долгие годы в рядах крупных германских подводных сил.

Кранцбюлер: Вы ранее упоминали дискуссию с фюрером в мае 1942, во время которой изучалась проблема, допустимо ли убивать выживших, или, по крайней мере она затрагивалась фюрером. Этот вопрос вы когда-либо пересматривали как командующий подводными лодками или штабом руководства войной на море.

Дёниц: Когда я стал главнокомандующим флотом…

---

[193] «Норин Мэри» - британский траулер. Спущен на воду в 1916. Потоплен 05.06.1944 немецкой подводной лодкой.

[194] «Антонико» (порт.) – бразильское торговое судно. Спущено на воду в 1919. Потоплено 28.09.1942 немецкой подводной лодкой.

Кранцбюлер: Это было в 1943?

Дёниц: Я думаю летом 1943, я получил письмо из министерства иностранных дел, в котором меня информировали о том, что около 87 процентов из экипажей торговых кораблей, которые потопили, вернулись домой. Мне сказали о том, что это упущение и спросили можно ли с этим, что-нибудь сделать.

Соответственно, я отправил письмо министерству иностранных дел, в котором я написал о том, что уже был вынужден запретить спасение, потому что оно угрожало субмаринам, и что другие меры для меня не обсуждаются.

Кранцбюлер: Есть запись в журнале боевых действий штаба руководства войной на море, которая рассматривает данный случай. Я предъявляю эту запись как Дёниц-42, на страницах 92-94 в томе II документальной книги.

Я прочитаю в качестве введения первое и второе предложения на странице 92. Запись датирована 4 апреля 1943.

> «Германское министерство иностранных дел отметило заявление британского министра транспорта, согласно которому, следовало, что с потопленных судов, в среднем 87 процентов экипажей было спасено. По теме данного заявления штаб руководства войной на море дал исчерпывающий ответ министерству иностранных дел».

Затем есть ответ на следующих страницах, и я хочу обратить ваше внимание сначала на первую часть, под заглавием 1, рядом с числом потопленных кораблей конвоев. Что важно в связи с этим?

Дёниц: Значит, столько людей вернулись домой.

Кранцбюлер: Кроме того, под заглавием 2, упоминается, что морякам не требуется долгий период подготовки, за исключением офицеров, и что приказ подбирать капитанов и главных инженеров уже существует. В чём смысл этого?

Дёниц: Этим предназначалось подчеркнуть, что о подобном вопросе судят в неправильном свете.

Кранцбюлер: Адмирал, минуту. Под «подобном вопросе», вы подразумеваете бесполезность, с военной точки зрения, убийства потерпевших кораблекрушение?

Дёниц: Я имею в виду, что экипажи всегда были доступны для противника, или можно было подготовить неопытных людей.

Кранцбюлер: Под заглавием 4, вы отмечаете большую опасность репрессалий против экипажей ваших субмарин. Такие репрессалии против экипажей немецких подводных лодок случались когда-нибудь во время войны?

Дёниц: Я не знаю. Я ничего не слышал о репрессалиях в связи с этим. Я получал только достоверные доклады о том, что когда бомбили и уничтожали с воздуха подводные лодки, в людей, плавающих на воде стреляли. Но было ли это отдельными актами или репрессалиями проводимыми по приказам, я не знаю. Я полагаю это были отдельные акты.

Кранцбюлер: Решающий пункт из всего письма кажется будет в заголовке 3; я вам это прочитаю:

> «Директива предпринимать действия против спасательных шлюпок потопленных судов и членов экипажей дрейфующих в море, была бы по психологическим причинам, вряд ли приемлемой для экипажей подводных лодок, так как это бы противоречило самым глубоким чувствам всех моряков. Такая директива может быть рассмотрена только если этим можно добиться решающего военного успеха».

Адмирал, вы лично постоянно говорили о жестокости войны. Вы, несмотря на это, считаете что психологически от экипажей подводных лодок нельзя было ожидать выполнения такого приказа? И почему?

Дёниц: Мы, подводники знали о том, что нам нужно очень сильно сражаться против великих морских держав. Германия имела в своём распоряжении для этой военно-морской войны ничего кроме подводных лодок. Таким образом, с самого начала – уже в мирное время – я готовил экипажи субмарин в духе чистого идеализма и патриотизма.

Это было необходимо, и я продолжал такую подготовку в ходе войны и поддерживал это с помощью очень близких контактов с людьми на базах. Нужно было добиваться очень высокой морали, очень высокого боевого духа, потому что иначе суровую борьбу и огромные потери, как показано в графике, было бы невозможно морально выдержать. Но, несмотря на такие высокие потери, мы продолжали бороться, потому что было нужно и мы подготовились к своим потерям и снова и снова восполняли наши силы добровольцами полными энтузиазма и полными моральной силы, лишь, потому что мораль была так высока. И я бы никогда, даже во время наших наибольших потерь, не позволил бы, чтобы этим людям отдали приказ, который был неэтичным или который бы повредил их боевой морали; ещё менее маловероятно, что я бы сам отдал такой приказ, ибо я вкладывал всё своё доверие в эту высокую боевую мораль и стремился поддерживать это.

Кранцбюлер: Вы сказали, подводные силы пополнялись добровольцами, не так ли?

Дёниц: У нас были практически только добровольцы.

Кранцбюлер: Также и во время самых высоких потерь?

Дёниц: Да, даже во время самых высоких потерь, в период, когда каждый знал, что он примет участие в среднем в двух миссиях, а затем исчезнет.

Кранцбюлер: Как высоки были ваши потери?

Дёниц: По моим воспоминаниям, наши общие потери составили 640 или 670.

Кранцбюлер: А членов экипажей?

Дёниц: Всего у нас было 40000 человек в силах субмарин. Из этих 40000 человек 30000 не вернулось, и из этих 30000, 25 000 было убито и только 5000 взяли в плен.

Большинство субмарин было уничтожено с воздуха в обширных морских районах, Атлантике, где спасение не обсуждается.

Кранцбюлер: Господин председатель, сейчас я перехожу к новому предмету. Будет ли сейчас подходящее время для перерыва?

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Кранцбюлер: Теперь я перехожу к теме так называемого заговора. Обвинением вменяет вам с 1932 соучастие, на основе ваших близких связей с партией, в заговоре, чтобы способствовать агрессивным войнам и совершать военные преступления. Где вы находились в течение недель захвата власти национал-социалистами в начале 1933?

Дёниц: Непосредственно после января 1933, мне кажется, это было 1 февраля, я убыл в отпуск в Голландскую Ост-Индию[195] и Цейлон, путешествие, которое длилось вплоть до лета 1933. Этот отпуск был предоставлен мне по рекомендации гросс-адмирала Рёдера президентом Гинденбургом.

Кранцбюлер: После этого, вы стали командиром крейсера зарубежного базирования?

Дёниц: Осенью 1934 я прошёл в качестве капитана крейсера «Emden[196]» через Атлантику, вокруг Африки в Индийский океан, и обратно.

Кранцбюлер: Перед этим пребыванием за рубежом или после вашего возвращения в 1935 и до назначения вас главнокомандующим флотом в 1943 году, вы были каким-то образом политически активным?

Дёниц: Я не был политически активным до 1 мая 1945, когда я стал главой государства, но не раньше.

Кранцбюлер: Обвинение предъявило документ, а именно, письменные показания посла Мессерсмита. Они имеют номер USA-57 (документ номер PS-1760) и у меня есть важные выдержки в моей документальной книге, томе II, страница 100. В данных письменных показаниях посол Мессерсмит говорит, что с 1930 по весну 1934 он действовал как генеральный консул Соединенных Штатов в Берлине. Затем, до июля 1937, он находился в Вене и оттуда он уехал в Вашингтон. Он приводит своё мнение о вас с замечанием: «Среди людей кого я часто видел, и к кому относятся мои заявления были следующие…». Затем упоминается ваше имя. Из

---

[195] Голландская Ост-Индия — голландские колониальные владения на островах Малайского архипелага и в западной части острова Новая Гвинея. Образовалась в 1800 году в результате национализации Голландской Ост-Индской компании. Существовала до японской оккупации в марте 1942 года.

[196] «Эмден» — немецкий лёгкий крейсер времён Второй мировой войны. В строю с 1925 по 1945. Повреждённый крейсер был взорван экипажем.

этого должно возникнуть впечатление, что в течение периода времени вы были активным в политических кругах Берлина или Вены. Это верно?

Дёниц: Нет. В то время я был фрегаттен-капитаном, и с конца 1934 я был капитаном цур зее.

Кранцбюлер: С разрешения трибунала я направил опросный лист послу Мессерсмиту для того, чтобы установить на каких фактах он основывает своё мнение. На этот опросный лист ответили, и я предъявляю его как экземпляр Дёниц-45. Ответы находятся на странице 102 документальной книги, и я цитирую:

> «В течение моего пребывания в Берлине и во время моих последующих частых визитов как сказано в моих предыдущих письменных показаниях, я видел адмирал Карла Дёница и говорил с ним по нескольким случаям. Однако, я не вёл дневника и не способен точно сказать, когда и где состоялись встречи, в каком качестве адмирал Дёниц там появлялся, или тема или темы наших бесед. Моё суждение о Дёнице высказанное мной в предыдущих письменных показаниях основано на личных сведениях и на общих сведениях, которые я получал из различных источников, описанных в моих предыдущих письменных показаниях».

Адмирал, вы видели и говорили с послом Мессерсмитом где-нибудь и когда-нибудь?

Дёниц: Я никогда его не видел, и я услышал это имя здесь впервые. Также, в обсуждаемое время, я не был в Берлине. Я был в Вильгельмсхафене на побережье Северного моря или в Индийском океане. Если он предполагает, что разговаривал со мной, это должно было быть в Вильгелмсхафене или в Индийском океане. Поскольку такого не было, мне кажется, что он ошибся, и что он должно быть он меня с кем-то перепутал.

Кранцбюлер: Вы были членом НСДАП?

Дёниц: 30 января 1944 я получил от фюрера, в качестве награды золотой партийный значок; и я полагаю, что соответственно я стал почетным членом партии.

Кранцбюлер: Когда вы познакомились с Адольфом Гитлером и как часто вы его видели до назначения вас главнокомандующим флотом?

Дёниц: Я впервые увидел Адольфа Гитлера, когда, в присутствии гросс-адмирала Рёдера осенью 1934, я проинформировал его о своём отправлении за иностранными запасными частями как капитан крейсера «Emden». Я снова увидел его на следующий день после моего возвращения с «Emden». С осени 1934 до начала войны в 1939, за 5 лет, я видел его всего четыре раза, включая два случая, когда я докладывал о чём уже сказал.

Кранцбюлер: И какими были два других случая? Это были политические или военные поводы?

Дёниц: Один был военным вопросом, когда он осматривал флот на Балтийском море, и я стоял рядом с ним на мостике флагманского корабля для того, чтобы дать ему необходимые объяснения в то время как две подводные лодки показывали атакующие маневры.

Другим поводом было приглашение всех высших офицеров армии и флота, когда была закончена новая рейхсканцелярия на Фоссштрассе. Это было в 1938 или 1939. Я видел его там, но не говорил с ним.

Кранцбюлер: Сколько раз во время войны, до вашего назначения главнокомандующим флотом, вы видели фюрера?

Дёниц: В годах с 1939 по 1943 я видел фюрера четыре раза, каждый раз, когда делались короткие военные доклады о военных действиях подводных лодок и всегда в присутствии больших групп.

Кранцбюлер: До этого времени у вас были какие-либо дискуссии, которые выходили за чисто военные рамки?

Дёниц: Нет, вообще не было.

Кранцбюлер: Когда вы были назначены главнокомандующим флотом как преемник гросс-адмирала Рёдера?

Дёниц: 30 января 1943.

Кранцбюлер: Война, которую тогда вела Германия находилась в наступательной или оборонительной стадии?

Дёниц: На решительно оборонительной стадии.

Кранцбюлер: В ваших глазах должность главнокомандующего флотом, которую вам предложили, была военной или политической?

Дёниц: Само по себе было очевидно, что это чисто военная должность, а именно, это первый солдат во главе флота. Моё назначение на эту должность также состоялось по чисто военным причинам, которые мотивировали гросс-адмирала Рёдера предложить моё имя на эту должность. Чисто военные соображения были решающими в отношении этого назначения.

Кранцбюлер: Адмирал, вам известно, что обвинение делает весьма далеко идущие выводы из вашего принятия этого назначения как главнокомандующего флотом, в особенности со ссылкой на заговор. Обвинение утверждает, что в результате принятия этой должности вы одобрили предыдущие события, все стремления партии с 1920 или 1933 и всю германскую политику, внутреннюю и внешнюю, по крайней мере с 1933. Вы были осведомлены о значимости такой внешней политики? Вы это вообще принимали во внимание?

Дёниц: Эта идея никогда не приходила мне в голову. И я не думал, что есть солдат, который, когда он получает военную команду, стал бы занимать себя подобными мыслями или осознавать такие соображения. Моё назначение в качестве главнокомандующего флотом представлялось мне приказом, который я, конечно

должен был соблюдать, также, как я должен был соблюдать каждый любой другой военный приказ, до тех пор, пока по состоянию здоровья я был бы не способен так делать. Поскольку я был здоров и верил в то, что смогу принести пользу флоту, я естественно принял это командование с внутренним убеждением. Что-либо еще было бы дезертирством или неподчинением.

Кранцбюлер: Затем как главнокомандующий флотом вы вошли в очень близкий контакт с Адольфом Гитлером. Вам также известно, какие выводы обвинение делает из этих отношений. Пожалуйста, расскажите мне о том, в чём заключались эти отношения и на чем они основывались?

Дёниц: Для того, чтобы быть кратким, вероятно я могу объяснить вопрос следующим образом:

Эти отношения основывались на трёх узлах. Прежде всего, я принял и согласился с национальными и социальными идеями национал- социализма: национальными идеями, которые находили выражение в чести и достоинстве нации, её свободе и равенстве с другими нациями и её безопасностью; и социальными доводами, которые в качестве своей основы имели: никакой классовой борьбы, а гуманное и социальное уважение каждого человека независимо от его класса, профессии или экономического положения, и с другой стороны, подчинение каждого и всякого интересам общего блага. Естественно я относился с восхищением к высочайшему авторитету Адольфа Гитлера и с радостью признавал это, когда в мирное время он так быстро без кровопролития добился успеха в реализации своих национальных и социальных целей.

Моим вторым узлом была моя присяга. Адольф Гитлер, легальным и законным способом стал верховным главнокомандующим Вермахта, которому Вермахт поклялся в верности. То, что эта присяга была для меня священной само по себе очевидно и мне кажется, что достоинство в этом мире повсюду будет на стороне того кто хранит свою присягу.

Третьим узлом были мои личные отношения: до того как я стал главнокомандующим флотом, мне кажется, у Гитлера не имелось никакой чёткой концепции обо мне и моей личности. Он также очень редко видел меня и всегда в крупных кругах. Поэтому вопрос о том, как сложатся мои отношения с ним, был полностью открытым, когда я стал главнокомандующим флотом. Моё начало в связи с этим было очень неблагоприятным. Это усложнялось, во-первых, из-за неминуемого и затем фактического краха подводной войны, и во-вторых, моим отказом, также как и отказом гросс-адмирала Рёдера, разобрать на лом крупные корабли, которые по мнению Гитлера не имели боевой ценности в виду подавляющего превосходства противника. Я, как и гросс-адмирал Рёдер, возражали слому этих кораблей, и только после перебранки он окончательно согласился. Но,

несмотря на это, я очень скоро заметил, что в военно-морских вопросах он доверял мне и в остальных отношениях он хорошо относился ко мне.

Адольф Гитлер всегда видел во мне только первого солдата флота. Он никогда не просил моего совета в военных вопросах, которые не касались флота, ни в отношении армии или воздушных сил; я никогда не выражал своё мнение по вопросам касающимся армии или воздушных сил, потому что в основном у меня не было достаточных сведений в этих вопросах. Конечно, он никогда не консультировался со мной в политических вопросах внутреннего или внешнего характера.

Кранцбюлер: Адмирал, вы сказали, что он никогда не просил у вас совета по политическим вопросам. Но такие вопросы могли возникать в связи с вопросами флота. Вы в них также не участвовали?

Дёниц: Если под «политическим» вы подразумеваете, например, консультации командиров с так называемыми «офицерами национал-социалистического руководства», тогда, конечно, я принимал участие, потому что это оказалось в сфере флота, или скорее должно было стать заботой флота. Такие случаи естественно были.

Кранцбюлер: Кроме этих вопросов, Гитлер когда-либо считал вас главным советником, как заявляет обвинение и о чём оно сделало вывод из длинного списка встреч, которые были у вас с Гитлером с 1943 в его ставке?

Дёниц: Прежде всего, принципиально, не может быть никакого вопроса общих консультаций с фюрером; как я уже сказал, фюрер просил и получал советы от меня только по вопросам, касавшимся флота и ведения войны на море – вопросов исключительно и абсолютно ограниченных моей сферой деятельности.

Кранцбюлер: Согласно представленной таблице, между 1943 и 1945 вас вызывали иногда однажды, иногда дважды в месяц в ставку фюрера. Пожалуйста, опишите трибуналу что происходило, что касалось вас, в один из дней в ставке фюрера – что вам было нужно там делать.

Дёниц: За два или три месяца до краха, когда фюрер находился в Берлине, я летал в его ставку почти каждые 2 или 3 недели, но только если у меня были какие-то конкретные вопросы флота, по которым мне требовалось его решение. По таким поводам я участвовал в полуденных дискуссиях об общей военной обстановке, то есть, доклад, который штаб фюрера делал ему о том, что произошло на фронтах войны за прошедшие 24 часа. На этих военных дискуссиях обстановка армии и воздушных сил имела основное значение, я говорил только, когда мой морской эксперт докладывал о военно-морской обстановке, и он нуждался во мне для дополнения к его докладу. Затем в указанный момент, который определялся адъютантской службой, я делал свой военный доклад, который был целью моей поездки. Когда делался этот доклад присутствовали только те кого касались

вопросы, то есть, когда это был вопрос пополнения, и т.д., фельдмаршал Кейтель или генерал-полковник Йодль в основном всегда присутствовали.

Когда я прибывал в его ставку каждые две или три недели – позднее в 1944 иногда бывал интервал в шесть недель – фюрер приглашал меня на обед. Эти приглашения полностью прекратились после 20 июля 1944, дня покушения.

Я никогда не получал от фюрера приказа, который как-либо нарушал военную этику. Ни я, ни кто-либо другой во флоте – и это моё убеждение – ничего не знали о массовом уничтожении людей, о чём я узнал здесь из обвинительного заключения, или, что касалось концентрационных лагерей, после капитуляции в мае 1945.

В Гитлере я видел мощную личность, у который был чрезвычайный интеллект и энергия и практически универсальные познания, от которой казалось исходила сила и которая владела замечательной силой убеждения. С другой стороны, я специально очень редко ездил в его ставку, так как я чувствовал, что у меня так лучше получиться сохранить свою силу к инициативе и во-вторых, потому что после нескольких дней, скажем двух или трёх дней в его ставке, я чувствовал, что мне нужно освободиться от его силы убеждать. Я говорю вам это, потому что в этой связи я, несомненно, был более удачлив чем его штаб, который постоянно оказывался открытым для его могучей личности с её силой убеждения.

Кранцбюлер: Адмирал, вы только что сказали, что вы никогда не получали никакого приказа который нарушал военную этику. Вам известен приказ коммандос от осени 1942. Вы не получали этот приказ?

Дёниц: Я был проинформирован об этом приказе после его принятия, когда ещё был командиром подводных лодок. Для солдат на фронте приказ был однозначным. Я чувствовал, что это был очень тяжелый вопрос, но в пункте первом данного приказа ясно и однозначно говорилось, что военнослужащие вражеских сил, из-за своего поведения, из-за убийства пленных, выводили себя за рамки Женевской конвенции и что поэтому фюрер приказал о репрессалиях, и что эти меры репрессалий, дополнительно, опубликовали в сводке Вермахта.

Кранцбюлер: Следовательно, солдат, который получал этот приказ не имел ни права, ни возможности, ни полномочий требовать оправдания или расследования; это означает, что такой приказ был оправданным? Как командир подводных лодок вы имели какое-либо отношение к исполнению этого приказа?

Дёниц: Нет, ни малейшего.

Кранцбюлер: Насколько вы помните, вы как главнокомандующий флотом имели какое-либо отношение к исполнению данного приказа?

Дёниц: Насколько я помню, меня никогда не касался этот приказ как главнокомандующего флотом. Нельзя забывать, во-первых, что этот указ прямо исключает взятие таких пленных в боях на море, и во-вторых, что флот не имел

никаких территориальных полномочий на суше, и по этой последней причине реже оказывался в состоянии необходимости исполнять какой-либо пункт данного приказа.

Кранцбюлер: Вам известен документ предъявленный обвинением, который описывает, как летом 1943 подразделение коммандос было расстреляно в Норвегии. Я имею в виду экземпляр обвинения GB-208. Инцидент описан здесь как демонстрирующий, что экипаж норвежского торпедного катера был взят в плен на норвежском острове. Этот моторный торпедный катер был обвинен в военной деятельности на море. Документ не говорит, кто взял в плен экипаж, но он говорит, что члены экипажа были одеты в свою форму, когда их взяли в плен, что их допросил флотский офицер, и что по приказу адмиралу фон Шрёдера[197] его передали СД. СД их позднее расстреляло. Вы знали об этом инциденте или вам докладывали как главнокомандующему?

Дёниц: Я узнал об этом из судебного обзора обвинения.

Кранцбюлер: Вы можете объяснить факт, что инцидент такого характера не привлёк вашего внимания? Об этом не должны были вам докладывать?

Дёниц: Если бы этот вопрос касался флота, то есть, если бы этот экипаж был захвачен флотом, адмирал фон Шрёдер, который был там командующим, абсолютно должен был доложить об этом вопросе главнокомандующему флотом. Я также убеждён в том, что он бы сделал так, так как правила на этот счёт были однозначными. Я также убежден в том, что военно-морской эксперт в высшем командовании флота, который занимался такими вопросами, доложил бы мне об этом как главнокомандующему.

Кранцбюлер: Какое ваше мнение, об этом деле сейчас узнав о нём из документа обвинения?

Дёниц: Если верно то, что это касается экипажа торпедного катера который имел военные задачи на море, тогда эта мера, расстрел который случился, был в любом случае совершенно ошибочным, так как это прямо противоречило даже этому приказу о коммандос. Но я считаю, что об этом не может быть и речи, так как я не верю в то, что адмирал фон Шрёдер, которого я лично знаю как особо рыцарственного моряка, марал бы руки в чём-то подобном. Из обстоятельств инцидента, тот факт, что об этом не сообщили высшему командованию, то что этот инцидент, как теперь установлено очтением немецких газет того времени, никогда не упоминался в коммюнике Вермахта, как должно было быть если бы вопрос касался Вермахта, из всех этих обстоятельств я полагаю, что инцидент был следующим:

---

[197] Отто фон Шрёдер (1888 - 1945) – немецкий адмирал. Командующий зоной западного побережья Норвегии. Покончил жизнь самоубийством находясь в норвежском плену.

Что полиция арестовала этих людей на острове; что их забрали с острова на судне на Берген; что там один или два, если я правильно помню, флотских офицера допросили их, поскольку флот, конечно, был заинтересован в этом допросе; и что затем этих людей передали СД, поскольку они уже были пленными СД. Я не могу объяснить это иначе.

Кранцбюлер: Значит вы желаете сказать, что, по вашему мнению эти люди никогда не были пленными флота?

Дёниц: Нет. Если бы они были, был бы сделан доклад высшему командованию.

Кранцбюлер: Безотносительно к данным вопросам, я хочу спросить вас, вы не могли как главнокомандующий, и во время своих визитов в ставку фюрера прийти к опыту который бы заставил вас разорвать связь с Адольфом Гитлером?

Дёниц: Я уже сказал о том, что касалось моей деятельности, даже в ставке, я строго ограничивался своим собственным ведомством, поскольку это была особенность фюрера слушать лицо только о вопросах, которые прямо его касаются. Также было самоочевидно, что на дискуссиях о военной обстановке обсуждались чисто военные вопросы, то есть, ни проблемы внутренней политики, СД или СС, до тех пор пока это не был вопрос дивизий СС на военной службе под командованием одного из армейских командиров. Таким образом у меня не было никаких сведений об этих вещах. Как я уже сказал, я никогда не получал от фюрера никакого приказа, который каким-то образом нарушал военную этику. Таким образом, я твердо верил, что во всех отношениях я сохраню флот незапятнанным до последнего человека до самого конца. В войне на море моё внимание фокусировалось на море; и флот, такой небольшой, пытался выполнять свой долг согласно своим задачам. Поэтому у меня вообще не было никакой причины разрывать с фюрером.

Кранцбюлер: Такая причина не всегда обязательно ссылается на преступление; это могло произойти по политическими соображениям, не имеющим никакого отношения к преступлениям. Вы слышали непрерывно оглашаемый вопрос, о том, не нужен ли был путч. Вы входили в контакт с таким движением или сами планировали путч?

Дёниц: Нет. Слово «путч» часто использовалось в этом зале суда самым широким кругом людей. Легко сказать, но мне кажется, нужно понимать огромное значение подобной деятельности.

Немецкая нация была втянута в борьбу не на жизнь, а на смерть. Она была окружена врагами как крепость. И ясно, что следуя метафоре о крепости, что любое потрясение изнутри, несомненно, воздействовало бы на нашу военную мощь и силу сопротивления. Следовательно, любой, кто нарушает свою верность и присягу, чтобы планировать и добиться переворота во время такой борьбы за выживание должен был быть глубоко убежден в том, что нация любой ценой нуждается в таком перевороте и должен осознавать свою ответственность.

Несмотря на это, каждая нация будет судить о таком человеке как о предателе, и история не оправдает его до тех пор, пока успех переворота на самом деле не приведёт к благополучию и процветанию своего народа. Однако, этого бы не было в случае с Германии.

Если бы, например путч 20 июля был успешным, тогда распад, если и постепенный, привёл бы в Германии к борьбе против носителей оружия, здесь СС, там другой группы, к полному хаосу внутри Германии – ибо твёрдая структура государства тогда бы разрушилась и это неизбежно привело бы к развалу и краху нашей силы к борьбе на фронте.

Председатель: Трибунал считает, что подсудимый произносит длинную и политическую речь. Это на самом деле имеет мало значения к вопросам которые нам нужно рассматривать.

Кранцбюлер: Господин председатель, я считал, что вопрос о том обязан ли был главнокомандующий добиваться переворота является основным пунктом обвинения, пунктом, относящимся к вопросу соглашался он или нет с системой, которая охарактеризована как преступная. Если трибунал считает этот вопрос недопустимым, я дальше на нём не настаиваю.

Председатель: Я не думаю, что обвинение выдвинуло взгляд, что кто-либо должен был создать путч.

Кранцбюлер: Мне казался самоочевидным такой взгляд обвинения.

Адмирал, обвинение предъявило два документа, датированные зимой 1943 и маем 1945, содержащие речи, произнесенные вами перед войсками. Обвинением вменяет вам проповедование национал-социалистических идей войскам. Пожалуйста, определите свою позицию по этому положению.

Дёниц: Когда в феврале 1943 я стал главнокомандующим флотом, я был ответственным за боевую мощь всего флота. Основным источником силы в этой войне было единство нашего народа. И тем, кто больше всего получал от этого единства были вооруженные силы, так как любая пробоина внутри Германии оказал бы воздействие на войска и снизила бы боевой дух в чём заключалась их задача. Флот, в особенности в Первую мировую войну, имел подобный печальный опыт в 1917-18.

Таким образом во всех своих речах я пытался сохранить это единство и чувствовал, что мы были гарантами такого единства. Это было нужно и правильно и в особенности нужно для меня как руководителя войск. Я не мог призывать к разобщению или распаду, и у них был свой эффект. Сила борьбы и дисциплина во флоте были на высоком уровне до конца. И мне кажется, что в каждой нации такое достижение считается правильным и хорошим достижением для руководителя войск. В этом заключались мои причины говорить так как я делал.

Кранцбюлер: 30 апреля 1945, вы стали главой государства в качестве преемника Адольфа Гитлера; и обвинение заключает из этого, что до этого времени вы также должны были быть близким доверенным лицом Гитлера, поскольку только доверенное лицо могло быть избрано в качестве преемника Гитлера в государственных вопросах. Вы расскажите мне, как вы стали его преемником и говорил ли когда-либо Гитлер о такой возможности?

Дёниц: С 20 июля 1944 я не видел фюрера наедине, а только на больших дискуссиях о военном положении. Он никогда не говорил со мной по вопросу о преемнике, даже не намекал. Это было совершенно естественно и ясно, поскольку согласно закону, рейхсмаршал был его преемником; и печального недопонимания между фюрером и рейхсмаршалом не случилось до апреля 1945, во время когда я уже не был в Берлине.

Кранцбюлер: Где вы были?

Дёниц: Я был в Гольштейне. Таким образом, ни у фюрера, ни у меня не было ни малейшего подозрения, что я стану его преемником.

Кранцбюлер: Как, в результате каких мер или приказов, это случилось?

Дёниц: 30 апреля 1945, вечером, я получил радиограмму из ставки о том, что фюрер назначил меня своим преемником и что я был уполномочен предпринять все меры, которые я считал необходимыми.

На следующее утро, то есть, 1 мая, я получил ещё одну радиограмму с более подробной директивой, которая говорила, что я должен был стать рейхспрезидентом; министр Геббельс - рейхсканцлером; Борман - министром партии и Зейсс-Инкварт, министром иностранных дел.

Кранцбюлер: Вы придерживались этой директивы?

Дёниц: Данная радиограмма прежде всего противоречила предыдущей радиограмме которая ясно говорили: «Вы можете делать всё, что сочтёте нужным». Принципиально я никогда не придерживался второй радиограммы, так как если я должен был принять ответственность, тогда на меня не должны были возлагаться никакие условия. В-третьих, ни при каких обстоятельствах я бы не согласился работать с указанными людьми, за исключением Зейсс-Инкварта.

Ранним утром 1 мая у меня состоялась дискуссия с министром финансов, графом Шверином фон Крозигом, и я попросил его принять дела правительства, постольку поскольку мы ещё могли об этом говорить. Я сделал это, потому что во время случайной дискуссии, которая состоялась несколькими днями ранее, я понял, что мы придерживались одинакового взгляда, взгляда на то, что немецкий народ принадлежал к христианскому Западу, что основа будущих условий жизни это абсолютно законная безопасность личности и частной собственности.

Кранцбюлер: Адмирал, вам известно, так называемое «политическое завещание» Адольфа Гитлера, в котором на вас возлагалось продолжение войны. Вы тогда получили подобный приказ?

Дёниц: Нет. Я впервые увидел это завещание несколько недель назад здесь, когда оно стало публичным в прессе. Как я сказал, я бы не принял никакого приказа, никакого ограничения моей деятельности во время, когда положение Германии было безнадёжным и мне была вручена ответственность.

Кранцбюлер: Обвинение предъявило документ, в котором вы призвали военное руководств весной 1945 упорно продолжать до конца. Это экземпляр GB-212. В связи с этим вас обвиняют как фанатичного нациста, который готов был продолжать безнадёжную войну за счет женщин и детей своего народа. Пожалуйста, определите вашу позицию в отношении такого особо тяжкого обвинения.

Дёниц: В связи с этим, я могу сказать следующее: весной 1945 я не был главой государства, я был солдатом. Продолжать борьбу или нет, было политическим решением. Глава государства хотел продолжать борьбу. Я как солдат должен был подчиняться. Невозможно, чтобы в государстве один солдат заявил: «Я буду сражаться», в то время как другой скажет: «Я не буду сражаться». Я не мог дать никакого другого совета, при том как видел вещи, по следующим причинам:

Первое: на Востоке крах нашего фронта в один момент означал уничтожение людей живущих за линией фронта. Мы знали об этом из-за практического опыта и из докладов, поступавших к нам. Вера всего народа заключалась в том, что солдат на Востоке должен был выполнять свой военный долг в эти трудные месяцы войны, эти последние тяжёлые месяцы войны. Это было особенно важно, потому что в противном случае немецкие женщины и дети погибли бы.

Флот был играл значительную роль на Востоке. У него было около 100 000 человек на суше, и все надводные суда были сконцентрированы на Балтике для перевозки войск, оружия, раненых, и прежде всего беженцев. Таким образом само существование немецкого народа в этот последний тяжёлый период зависело, прежде всего, от солдат, боровшихся до конца.

Во-вторых: если бы мы капитулировали в первые несколько месяцев весны или зимой 1945, тогда из всего, что мы знали о вражеских намерениях по поводу, страна, согласно Ялтинскому соглашению[198], была бы разорвана на части и разделена и немецкая земля была бы оккупирована также как и сегодня.

В-третьих: капитуляция означает, что армия, солдаты, остаются там, где они есть и становятся пленными. Это означает, что если бы мы капитулировали в

---

[198] Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав (4–11 февраля 1945) — вторая по счёту многосторонняя встреча лидеров трех стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — во время Второй мировой войны, посвящённая установлению послевоенного мирового порядка.

январе или феврале 1945, например, 2 миллиона солдат на Востоке, попали бы в руки русских. То, что об этих миллионах не смогли бы позаботиться в холодную зиму очевидно и мы бы потеряли много людей, так как даже во время капитуляции в мае 1945 – то есть, поздней весной – на Западе невозможно было позаботиться о пленных согласно Женевским конвенциям. Затем, как я уже сказал, поскольку Ялтинское соглашение вступило бы в силу, мы потеряли бы на Востоке гораздо больше людей, которые оттуда ещё не сбежали.

Когда 1 мая я стал главой государства, обстоятельства отличались. К этому времени, фронты, Восточный и Западный фронты, подошли так близко друг к другу, что за несколько дней люди, войска, солдаты, армии и огромные массы беженцев можно было перевезти с Востока на Запад. Когда я стал главой государства 1 мая, таким образом, я стремился заключить мир как можно быстрее и капитулировать, таким образом, спасая немецкую кровь и доставляя людей с Востока на Запад; и я действовал соответственно, уже 2 мая, начав переговоры с генералом Монтгомери[199] по капитуляции территории перед его армией, и Голландии и Дании которые мы ещё твёрдо удерживали; и сразу же после этого, я начал переговоры с генералом Эйзенхауэром[200].

Такой же основной принцип – спасение и сохранение немецкого населения – мотивировали меня зимой стоять перед горькой необходимостью продолжать сражаться. Очень больно было то, что наши города всё еще бомбили на куски и что из-за этих бомбовых атак и продолжения борьбе были потеряны ещё жизни. Число этих людей от 300 000 до 400 000, большинство из которых сгинули в бомбардировке Дрездена[201], которую не понять с военной точки зрения и которую нельзя было предвидеть. Вместе с тем, эта цифра относительно мала в сравнении с миллионами немецких людей, солдат и гражданского населения, которых мы бы потеряли на Востоке, если бы капитулировали зимой.

Таким образом, я считаю, что было необходимо действовать так как делал я: во-первых, пока я был солдатом призывать войска продолжать сражаться, и потом, когда в мае я стал главой государства, сразу же капитулировать. Соответственно не были потеряны немецкие жизни, а скорее спасены.

Кранцбюлер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

---

[199] Бернард Монтгомери (1887 — 1976) — британский фельдмаршал (1944), крупный военачальник Второй мировой войны.

[200] Дуайт Эйзенхауэр (1890 — 1969) — американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США (1953 — 1961).

[201] Бомбардировка Дрездена — серия бомбардировок немецкого города Дрезден, осуществлённых Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США 13—15 февраля 1945 года во время Второй мировой войны.

Председатель: Кто-нибудь из остальных защитников желает задать какие-либо вопросы?

Симерс: Адмирал Дёниц, вы уже объясняли, что гросс-адмирал Рёдер и флот летом 1939 не верили, несмотря на определённые зловещие признаки, в то, что война скоро начнётся. Поскольку вы видели гросс-адмирала Рёдера летом 1939, я хочу, чтобы вы кратко дополнили это. Прежде всего, по какому поводу у вас была подробная беседа с гросс-адмиралом Рёдером?

Дёниц: Гросс-адмирал Рёдер в середине июля 1939 был погружен манёврами субмарин моего флота в Балтийском море. После манёвров…

Симерс: Могу я сначала спросить кое о чём? В чём заключались эти манёвры? Как велики они были и где они проводились?

Дёниц: Я собрал на Балтике все субмарины, которые завершили свои испытания. Я не могу вспомнить точную цифру, но я думаю там было около 30. Затем на манёврах я показал гросс-адмиралу Рёдеру на что способны эти субмарины.

Симерс: Все эти субмарины были способны к навигации в Атлантике?

Дёниц: Да, были способны, и дополнительно были небольшие субмарины меньшего тоннажа, которые могли действовать только в Северном море.

Симерс: Следовательно, это означает, что в то время у вас было не более чем две дюжины субмарин способных к навигации в Атлантике; это верно?

Дёниц: Эта цифра тоже слишком высокая. В то время у нас даже не было 15 субмарин пригодных к навигации в Атлантике. К началу войны, насколько я помню, мы вышли в море с пятнадцатью субмаринами способными к навигации в Атлантике.

Симерс: В течение этих нескольких дней, когда вы находились с Рёдером на манёврах вы лично говорили с ним?

Дёниц: Да. Гросс-адмирал Рёдер сказал мне – и он повторил это всему офицерскому корпусу в своей заключительной речи в Свинемюнде о том, что фюрер проинформировал его о том, что ни при каких обстоятельствах не должна возникнуть война на Западе, так как это был бы Finis Germaniae[202]. Я попросил отпуск и непосредственно после манёвров я отправился в отпуск с 24 июля на шестинедельный отдых в Бад Гастайне. Я говорю это просто потому, что это показывает, как мы тогда относились к ситуации.

Симерс: Но затем, довольно быстро пришла война, не так ли, и вы прервали отпуск который запланировали?

Дёниц: Меня вызвали по телефону в середине августа.

[202] Конец Германии (лат.)

Симерс: Эти слова, что не должны было быть войны с Англией, и слова, Finis Germaniae, Рёдер сказал их в ходе личного разговора или только в той речи в Свинемюнде?

Дёниц: Что касалось смысла, да. Что касалось точных слов, я не помню сейчас, что он сказал в основной речи и что было сказано до этого. В любом случае он точно сказал об этом во время основной речи.

Зимерс: Большое спасибо.

Латернзер: Адмирал, с 30 января 1943 вы стали главнокомандующим флотом и соответственно членом группы, которую здесь обвиняют, генерального штаба и ОКВ?

Дёниц: Да.

Латернзер: Я хотел спросить вас, были ли у вас, после вашего назначения, дискуссии с любыми членами этих групп относительно планов или целей как они изложены в обвинительном заключении?

Дёниц: Нет, ни с кем из них.

Латернзер: После вашего прихода на должность, вы уволили всех старших командиров во флоте. В чём заключались причины для этого?

Дёниц: Поскольку я был на 7 или 10 лет младше, чем остальные командующие на флоте, как например, адмирал Карльс[203], адмирал Бём[204], и остальные, это было естественно сложным для обеих сторон. Они освобождались по этим причинам, мне кажется, несмотря на взаимное уважение и почтение.

Латерзнер: Скольких командиров во флоте это затронуло?

Дёниц: Я думаю трёх или четырёх.

Латернзер: Был близкий личный и официальный контакт между флотом с одной стороны и армией и воздушными силами с другой?

Дёниц: Нет, вовсе нет.

Латернзер: Вы знали большинство членов обвиняемой группы?

Дёниц: Нет. До моего времени как главнокомандующего флотом, я знал только тех, кто оказывался со мной в том же районе. Например, когда я был во Франции, я знал фельдмаршала фон Рундштедта[205]. После того как я стал главнокомандующим я знал только тех, кого встречал от случая к случаю, когда бывал ставке, где они должны были представлять какие-то армейские доклады на крупном совещании о военной обстановке.

Латернзер: Значит вам неизвестно большинство членов этих групп?

Дёниц: Нет.

---

[203] Рольф Карльс (1885 —1945) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (19 июля 1940 года). В 1940-1943 начальник Северного командования германского флота. Убит во время налёта союзной авиации.

[204] Герман Бём (1884 —1972) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 апреля 1941 года).

[205] Герд фон Рунштедт (1875 —1953) — немецкий генерал-фельдмаршал времён Второй мировой войны. Командовал крупными соединениями в европейских кампаниях. В начальной фазе операции «Барбаросса» командовал группой армий «Юг».

Латернзер: Командиры которые были вам известны имели общую политическую цель?

Дёниц: Что касалось армии и воздушных сил, я не могу сказать. Что касается флота, ответ «нет». Мы были солдатами, и я был заинтересован в том, что мог выполнить солдат, что он собой представлял, и я не занимал себя в основном политической линией жизни, пока это не воздействовало на его действия как солдата.

В качестве примера я хочу упомянуть факт, что мой ближайший коллега, который с 1934 до самого конца в 1945 всегда сопровождал меня в качестве моего адъютанта и позднее начальника штаба, был чрезвычайно критичен к национал-социализму – мягко говоря – без влияния этого на наше официальное сотрудничество или моё личное отношение к нему соответственно, что показывает долгая совместная работа.

Латернзер: Могу я спросить имя этого начальника штаба, на которого вы сослались?

Дёниц: Адмирал Годт[206].

Латернзер: Адмирал Годт. Вам известны какие-либо замечания сделанные Гитлером относительно отношения генералов из армии? Вопрос относится только к тем кто принадлежит к обвиняемой группе.

Дёниц: На дискуссиях о военной обстановке, я естественно слышал быстрое замечание о каком-то армейском командире, но я не могу сказать сегодня, почему это делалось или на кого ссылалось.

Латернзер: Вы достаточно часто присутствовали в ходе совещаний о ситуации в ставке фюрера. Вы замечали по таким случаям, что главнокомандующие в присутствии Гитлера высказывали взгляды противоречащие ему?

Дёниц: Да, это разумеется случалось.

Латернзер: Вы можете вспомнить какой-нибудь конкретный пример?

Дёниц: Я помню, что когда обсуждался вопрос отступления на северном секторе Востока, армейский командир этого сектора фронта не имел такое же мнение как фюрер, и это вызвало спор.

Латернзер: Этот командир смог убедить в своих возражениях?

Дёниц: Мне кажется, частично, но я бы хотел спросить об этом армейского офицера, потому что я естественно я не знаю этих подробностей настолько четко и аутентично.

Латернзер: Высшее руководство флота имело какое-нибудь отношение к айнзацгруппам СД?

Дёниц: Флот, нет. Что касалось армии, мне так не кажется, я полагаю, что нет. Но пожалуйста, не спрашивайте меня о чём то кроме флота.

---

[206] Эберхардт Годт (1900 – 1995) немецкий адмирал, командующий подводными лодками Кригсмарине с 30 января 1943.

Латернзер: Да. Этот вопрос ссылался только на флот. И теперь, кое-какие вопросы о региональных командующих флота. Командующие региональными группами флота – военно-морскими командованиями имели широкие территориальные полномочия?

Дёниц: Нет. Согласно известному KG-40, то есть плану военной организации 1940, у флота не было территориальных полномочий на суше. Его задача на суше должна была заключаться в обороне берега под командованием армии и согласно секторам, то есть, в подчинении командования дивизий размещенных в конкретном секторе. Кроме того, что они принимали участие в боях в прибрежных водах.

Латернзер: Значит, эти региональные командующие во флоте были, поэтому простыми войсковыми командирами?

Дёниц: Да.

Латернзер: Командиры этих региональных командований флота имели какие-либо влияние на формулирование приказов относительно подводной войны?

Дёниц: Нет, вообще нет.

Латернзер: Они влияли на решения относительно того как следовало топить корабли?

Дёниц: Нет, вообще нет.

Латернзер: И они влияли на приказы относительно обращения с личным составом потерпевшим кораблекрушение?

Дёниц: Нет.

Латернзер: Итак, обладатель должности начальника штаба руководства войной на море также принадлежит к этой группе. В чём заключались задачи начальника штаба руководства войной на море?

Дёниц: Это было высшее командование, должность которая разрабатывала чисто военные, тактические и оперативные вопросы флота.

Латернзер: Начальник штаба руководства войной на море имел полномочия отдавать приказы?

Дёниц: Нет.

Латернзер: Значит его положение было похоже на положение начальника генерального штаба воздушных сил или армии?

Дёниц: Я прошу прощения, сначала мне нужно выяснить смысл.

Я полагаю, что под «начальником руководства войной на море» вы имеете в виду начальника штаба руководства войной на море? Во время гросс-адмирала Рёдера название «начальник руководства войной на море» было аналогичным «главнокомандующему флотом». Должность о которой вы спросили, в моё время как главнокомандующего флотом называлась «начальник штаба руководства войной на море»; название «начальник штаба руководства войной на море» было заменёно

на «начальника штаба руководства войной на море», но это было лицо и оно подчинялось главнокомандующему флотом.

Латернзер: Во флоте был штаб адмиралов соответствующий генеральному штабу армии?

Дёниц: Нет, этого не существовало. Такое учреждение не существовало. Необходимые консультанты, «помощники в управлении», как мы их называли, приходили с фронта, служили в штабе и затем возвращались на фронт.

Латернзер: Теперь я задам вам последний вопрос. Свидетель Гизевиус заявил в этом зале суда, что высшее военное руководство погрязло в коррупции в результате приёма подарков. Вы сами получали какой-то подарок?

Дёниц: Кроме содержания на которое я имел право, я не получил ни пфеннига; я не получал никаких подарков. И тоже самое относится ко всем офицерам флота.

Латернзер: Большое спасибо. У меня больше нет вопросов.

Нельте: Свидетель, вы присутствовали, когда здесь допрашивали свидетеля Гизевиуса. Этот свидетель, не приводя никаких конкретных фактов, высказал следующее суждение: «Кейтель имел одну из наиболее влиятельных позиций в Третьем Рейхе». И по другому пункту он сказал: «Я получал очень точную информацию относительно огромного влияния, которое Кейтель имел на всё относящееся к армии и соответственно также на тех кто представлял армии перед немецким народом».

Вы, кто может судить о таких вопросах, скажите мне, верно ли это суждение о положении подсудимого Кейтеля, его функции?

Дёниц: Я считаю это очень сильным преувеличением. Я думаю, что положение фельдмаршала Кейтеля описали здесь настолько однозначно, что означает теперь, что должно быть ясно, что то, что содержится в этих словах вообще неправильно.

Нельте: Я должен понять из этого, что вы подтверждаете, как правильное описание положения и функций какое приводилось рейхсмаршалом Герингом и самим фельдмаршалом Кейтелем?

Дёниц: Да, это совершенно верно.

Нельте: Свидетель Гизевиус судил об этих вопросах, не на основании своих собственных сведений, а на основании информации полученной от адмирала Канариса[207]. Вам известен адмирал Канарис?

Дёниц: Я знал адмирала Канариса со времени, когда он еще служил во флоте.

Нельте: Позднее, когда он был начальником разведывательной службы по зарубежным государствам в ОКВ, у вас с ним были дискуссии? Он не встречался с вами как начальник разведывательной службы?

---

[207] Вильгельм Канарис (1887 —1945) — немецкий военный деятель, начальник абвера (службы военной разведки и контрразведки) в 1935—1944 года. Адмирал с 1940 года. Казнён за участие в заговоре против Гитлера.

Дёниц: После того как я стал главнокомандующим флотом, он посетил меня и сделал доклад по информационным вопросам которые как он думал он предоставить флоту, моёй сфере интересов. Но это был его последний доклад мне. После этого, конечно, я получал от него или его ведомства письменные информационные доклады которые касались флота.

Нельте: Я прав говоря о том, что положение адмирала Канариса как начальника разведки, то есть, шпионажа, контршпионажа, саботажа и разведки, имело важное значение для всего ведения войны?

Дёниц: Его должность или ведомство?

Нельте: Он был начальником целого ведомства, не так ли?

Дёниц: Конечно, он работал для всех вооруженных сил, всех трёх родов войск вооруженных сил; и в связи с этим я должен сказать, если вы спрашиваете меня о важности, что я считал, что информация которую мы получали от него и которая интересовала флот была на самом деле очень скудной.

Нельте: Канарис когда-либо жаловался вам, что фельдмаршал Кейтель в ОКВ каким-либо способом препятствовал и затруднял ему осуществление его деятельности, чтобы он не мог передавать свои данные и доклады?

Дёниц: Он никогда этого не делал, и конечно, он мог сделать так только во время первого доклада. Нет, он так никогда не делал.

Нельте: Ссылаясь на Канариса я бы хотел узнать сможете ли вы рассказать мне, что-нибудь о его характере и соответственно его достоверности в качестве источника информации; считаете ли вы его надёжным?

Дёниц: Адмирал Канарис, находясь во флоте, был офицером, который показывал мало доверия. Он был человеком совершенно отличавшимся от нас – мы говорили, что он имеет семь душ в груди.

Председатель: Доктор Нельте, мы не хотим знать об адмирале Канарисе, когда он был во флоте. Я не думаю, что есть какая-нибудь польза рассказывать нам, что адмирал Канарис был во флоте. Единственно возможная допустимость была бы в его характере, когда он был главой разведки.

Нельте: Господин председатель, вы не думаете, что если, кто-то ненадежен и не достоверен как капитан цур зее, он может быть таким же адмиралом в ОКВ? Вы думаете, что это могло измениться с годами?

[*Обращаясь к подсудимому*] Но вместе с тем, я благодарен вам за ответ на этот вопрос и теперь я прошу вас ответить на следующий вопрос. Это правда, что Гитлер запретил всем родам войск вооруженных сил делать доклады по любым политическим вопросам и что он требовал, чтобы они ограничивали себя своей областью работы?

Дёниц: Да, это правда.

Нельте: Свидетель Гизевиус заявил, что фельдмаршал Кейтель угрожал офицерам в его подчинении, что он бы передал их Гестапо если бы они занимались политическими вопросами, и я спрашиваю вас: это правда, что согласно правилам, применявшимся к вооруженным силам, полиция – включая Гестапо, СД, криминальную полицию – не имела никакой юрисдикции над военнослужащими вооруженных сил, независимо от их звания?
Дёниц: Верно.
Нельте: И также правильно то, что рода войск вооруженных сил и также ОКВ стоило большого труда сохранять такую прерогативу, что касалось полиции?
Дёниц: Да, это правда.
Нельте: Значит, какая-либо предполагаемая угроза, названная Гизевиусом о передаче этих людей Гестапо, не могла произойти?
Дёниц: Нет.
Нельте: И правильно то, что все офицеры ОКВ кому делали такие заявления естественно знали об этом?
Дёниц: Естественно. Солдат был субъектом военной юрисдикции, и никто не мог вмешиваться в вооруженные силы.
Нельте: Более того, фельдмаршал Кейтель, как начальник ОКВ имел право разбираться с офицерами, служившими в ОКВ без уведомления и согласия главнокомандующего родом войск к которому принадлежал офицер? Он мог повысить такого офицера, уволить его, или что-нибудь вроде этого?
Дёниц: Офицер рода войск вооруженных сил – например флота – командировался в ОКВ на конкретную должность и таким образом командировался от флота в ОКВ. Если этому офицеру нужно было предоставить другую должность в ОКВ, тогда нужно было бы проконсультироваться с родом войск к которому он принадлежал.
Нельте: Неправильно говорить, что эти офицеры были в штатном расписании своего рода войск вооруженных сил, поскольку ОКВ не было родом войск вооруженных сил и не было подразделением; другими словами, если бы было повышение, например о нём бы приказывал флот? Если бы вам пришлось повысить Канариса, вы как главнокомандующий флотом, должны были приказать о таком повышении, предположив, конечно, что вы согласились с таким предложением? Это был просто вопрос фактического командования личным составом?
Дёниц: Эти офицеры командировались в ОКВ. Насколько я могу вспомнить, они всё еще находились в штатном расписании флота под заглавием, «командированные флотом в ОКВ».
Нельте: Но они не покидали флота как рода войск вооруженных сил, не так ли?
Дёниц: О повышении таких офицеров, я думаю, решало управление кадров флота по договоренности с ОКВ, и я думаю также, что никто не мог быть командирован – я считаю это самоочевидным – без согласия заинтересованного рода войск.

Нельте: Свидетель Гизевиус заявил, что определённые люди, среди них фельдмаршал Кейтель в военных вопросах, сформировали узкий круг молчания вокруг Гитлера для того, чтобы никто кроме них не мог к нему приблизиться. Я спрашиваю вас, возможно, чтобы фельдмаршал Кейтель держал вас, как главнокомандующего флотом, вдалеке от Гитлера, если вы хотели ему доложить?

Дёниц: Нет.

Нельте: Таким же образом, фельдмаршалу Кейтелю было возможно не допускать главнокомандующего воздушными силами, если последний хотел докладывать фюреру?

Дёниц: Нет.

Нельте: И как это было с главнокомандующим армией?

Дёниц: Об этом мне ничего не известно. Когда я был главнокомандующим флотом такой должности не было.

Нельте: Тогда как это было для начальника генерального штаба армии? Он в любое время мог докладывать фюреру в обход фельдмаршала Кейтеля?

Дёниц: Фельдмаршалу Кейтелю было невозможно кого-то не пускать, и он бы так никогда не делал.

Нельте: В ответ на вопрос обвинения, свидетель Гизевиус в этом зале суда заявил, что его группа передавала доклады фельдмаршалу Кейтелю через Канариса, которые рассматривали преступления против человечности приводимыми здесь обвинением. Эти доклады маскировались как «зарубежные доклады».

Я спрашиваю вас, подобные замаскированные «зарубежные доклады» когда-либо представлял вам или направлял вам Канарис?

Дёниц: Нет.

Нельте: Из ваших сведений о личности Кейтеля, вы считаете возможным, чтобы он утаивал от фюрера важные доклады которые представляли ему?

Дёниц: Я считаю, такое абсолютно не обсуждается.

Председатель: Я не думаю, что это подходящий вопрос.

Нельте: Данным вопросом я хотел закончить своё рассмотрение данного вопроса, но у меня есть ещё один вопрос, который можно быстро рассмотреть.

Господин председатель, в вашем сообщении от 26 марта 1946, вы дали мне разрешение приобщить письменные показания адмирала Дёница касательно функций и положения начальника ОКВ. Получив эти письменные показания, я вручил их обвинению 13 апреля для изучения, и я понимаю, что возражений по этим письменным показаниям нет. Однако, мне ещё не вернули оригинал, который я вручал 13 апреля, и я не знаю представило ли их обвинение трибуналу или нет.

Председатель: Мне ничего не известно о письменных показаниях, о которых вы говорите.

Нельте: Таким образом я вынужден поставить адмиралу Дёницу вопросы, которые по большей части такие же вопросы которые я уже задавал самому фельдмаршалу Кейтелю.

Председатель: Обвинение вообще возражает письменным показаниям?

Нельте: Нет, оно не заявило никаких возражений. Следовательно, если они вернуться я предъявлю их как экземпляр, не зачитывая их.

Председатель: Очень хорошо.

Нельте: Спасибо.

Дикс: Свидетель вы заявили о том, что СД и Гестапо, фактически, вся полиция не имела никакой юрисдикции над военнослужащими вооруженных сил – например, они не могли арестовывать военнослужащих вооруженных сил. Я вас правильно понял?

Дёниц: Да.

Дикс: Свидетель, вам известно, что все офицеры, или в любом случае большинство из них, которых заподозрили в участии в деле 20 июля, были арестованы сотрудникам СД и направлены для допросов в СД и управление СД, где их арестовали, в тюрьмы СД и содержали там под охраной СД, а не под военной охраной?

Дёниц: Нет, об этом я не знаю, потому что после 20 июля, насколько я помню, был отдан приказ особо говоривший, что СД должна была предоставить родам войск вооруженных сил имена тех солдат кто участвовал в путче и что этих солдат затем следовало уволить из родов войск вооруженных сил, в особенности следуя принципу невмешательства в рода войск вооруженных сил, чтобы тогда СД имело право действовать.

Дикс: Этот приказ вышел, но вероятно мы можем перейти к объяснению этого приказа, если вы ответите на дальнейшие вопросы, которые я хочу вам задать.

Свидетель, вам известно, что допрос, допрос этих офицеров арестованных в связи с 20 июля, производился исключительно сотрудниками Гестапо и СД, а не офицерами, то есть, сотрудниками военных судов?

Дёниц: Я могу судить только о двух случаях, которые были во флоте. Я получил информацию о том, что эти два офицера участвовали. Я задал им вопросы, и они это подтвердили. Соответственно этих офицеров уволили из флота. После этого допросы, конечно, проводились вне флота, но мне известно, что мои флотские судьи всё еще сами занимались этими офицерами и допросами.

Дикс: Кто их уволил?

Дёниц: Флот.

Дикс: То есть вы?

Дёниц: Да.

Дикс: Свидетель, вам известно, что следом за расследованием относительно 20 июля был сформирован комитет генералов под председательством фельдмаршала фон Рундштедта?

Дёниц: Да, я слышал об этом.

Дикс: И этот комитет, на основании материалов СД, решал о том, нужно ли увольнять офицера или заставить уйти из армии, для того, чтобы его можно было передать гражданскому суду, а именно, Народному суду[208]?

Дёниц: Об этом мне неизвестно.

Дикс: Могу я предложить вам, что я считаю, что приказ, который вы правильно описали…

Председатель: Доктор Дикс, вы связаны его ответом. Он сказал, что он ничего об этом не знал. Тогда вы не можете предлагать ему, чтобы случалось. Если он говорит, что ему ничего об этом неизвестно, вы должны принять его ответ.

Дикс: Я просто хотел сказать ему, что приказ, на который я ранее ссылался, который действительно существует и который затрагивает решение о том увольнять ли человека из армии и передавать гражданским властям, имеет отношение к комитету под председательством фельдмаршала фон Рундштедта, который должен был решать по вопросу, нужно ли увольнять офицера и соответственно передавать, не военному суду, а Народному суду?

Председатель: Я понял, что свидетель сказал, что ему ничего об этом не известно. Я думаю, вы связаны таким ответом.

Дикс: Могу я кое-что добавить?

Председатель: От чьего имени вы представляете эти вопросы? Вы защитник подсудимого Шахта.

Дикс: Вопросы моего коллеги, касательно Кейтеля были поставлены для опровержения достоверности свидетеля Гизевиуса. Защита Шахта естественно заинтересована в достоверности свидетеля Гизевиуса. Защита поставила три вопроса в связи с достоверностью Гизевиуса, таким образом касательно дела Шахта. Могу я кое-что добавить?

Председатель: Очень хорошо.

Дикс: Я задаю вопросы, которым ваша светлость возражает только потому, что я думаю, возможно, что ответ свидетеля мог быть основан на ошибке, а именно, что он перепутал общее регулирование говорившее, что солдата должны были уволить до его передачи в руки СД с приказом говорившем о том, что комитет фон Рундштедта должен был решать о том нужно ли было увольнять офицера из армии, для того, чтобы его можно было передать Народному суду, не СД. СД просто проводило расследование, предварительное расследование.

Председатель: О чем вы хотите его спросить?

---

[208] Народная судебная палата — высший чрезвычайный судебный орган Третьего Рейха

Дикс: Адмирал, я думаю, вы поняли мой вопрос, или вы хотите, чтобы я его повторил?

Дёниц: Я не могу сказать вам ничего другого.

Серватиус: Свидетель, как командир субмарин, вы однажды имели какой-то официальный контакт с Заукелем?

Дёниц: Нет, не официальный, а частный.

Серватиус: По какому поводу?

Дёниц: Субмарина, которая должна была выйти в Атлантику на 8 недель, сообщила мне о том, что она обнаружила после выхода из порта, что гауляйтер Заукель пробрался на борт. Я немедленно отправил радиограмму приказав субмарине вернуться обратно и посадить его на ближайший пароход.

Серватиус: В чём заключался мотив Заукеля?

Дёниц: Несомненно, воинственный. Он хотел снова выйти в море.

Серватиус: Но он был гауляйтером. У него не было особых причин демонстрировать, что он также был готов сражаться в войне и не хотел оставаться позади?

Дёниц: Меня удивило, что он, как гауляйтер, должен был хотеть выйти в море, но в любом случае, я считал, что он был мужчиной, чьё сердце в правильном месте.

Серватиус: Вы верите в то, что его мотивы были идеалистическими?

Дёниц: Конечно. Ничего другого не может быть поводом для путешествия на субмарине.

Серватиус: У меня больше нет вопросов.

Штейнбауэр: Адмирал, вы помните, что как глава государства, 1 мая 1945 приказали рейхскомиссару оккупированных Нидерландов прибыть во Фленсбург и доложить вам?

Дёниц: Да.

Штейнбаэур: Вы также помните, что в связи с этим мой клиент попросил вас отменить приказ первоначально направленный главнокомандующему в Нидерландах о том, чтобы все дамбы были взорваны в случае нападения и отдать приказ, чтобы были обезврежены заминированные пункты.

Дёниц: Да, он это сделал. Это соответствовало моим принципам, так как, когда я стал главой государства я отдал приказ, чтобы все разрушения на оккупированных территориях, включая например Чехословакию, должны были немедленно прекратиться.

Штёйнбауэр: В конце своего доклада, он попросил у вас разрешения вернуться в свою ставку в Нидерландах вместо того, чтобы оставаться в Германии?

Дёниц: Да, он делал это непрерывно. Он попытался вернуться обратно – погодная ситуация была сложной – в Нидерланды на торпедном катере.

Штейнбауэр: Большое спасибо.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я хочу, чтобы, прежде всего вы ответили мне на несколько вопросов по поводу вашего назначения главнокомандующим флотом 30 января 1943. Скажите, как главнокомандующий флотом, вы имели ранг, который приравнивался к рангу рейхсминистра, разве это не так?

Дёниц: Да, это верно.

Максвелл-Файф: Вы также имели право принимать участие в заседаниях кабинета, если такие заседания имели место?

Дёниц: У меня имелись полномочия принимать участие в заседаниях в тех случаях, когда фюрер отдавал распоряжение о том, чтобы я присутствовал на том или ином совещании. Но я должен сказать, что ни одного заседания рейхскабинета не проводилось с моего времени как главнокомандующего с 1943.

Максвелл-Файф: С того времени как вы стали главнокомандующим флотом, правительство Рейха, в известной степени, было представлено в штабе Гитлера, не так ли?

Дёниц: Правильно.

Максвелл-Файф: Это была военная диктатура, когда диктатор встречался с нужными ему людьми в своих военных штабах. Так или нет?

Дёниц: Нельзя сказать, что это была военная диктатура, это вообще не была диктатура. Был военный сектор и гражданский сектор и оба компонента, были объединены в руках фюрера.

Максвелл-Файф: Понимаю. Я принимаю последнюю часть вашего ответа, и мы не спорим про первую.

Вы видели его 119 раз в течение двух лет. Вы согласны с этим?

Дёниц: Да, причем следует сказать, что с 30 января 1943 г., то есть после того как я стал главнокомандующим флотом, до конца января 1945 года, то есть приблизительно за два последних года, число моих посещений равнялось, кажется, 57. Это число было таким большим потому, что в последние месяцы войны я принимал участие в ежедневных обсуждениях военной обстановки, которые имели место на Фоссштрассе в Берлине.

Максвелл-Файф: Я хочу спросить вас относительно некоторых из этих совещаний. На некоторых из них присутствовал подсудимый Шпеер, не так ли?

Дёниц: Я не помню, чтобы он присутствовал на обсуждении военной обстановки. Министру Шпееру как лицу гражданскому, собственно, нечего было делать на обсуждении военной обстановки. Но, может быть, он и присутствовал время от времени, тогда, когда речь шла, например, о производстве танков, то есть о вещах, которые находились в непосредственной связи с какими-либо военными соображениями

фюрера.

Максвелл-Файф: Это как раз то, о чем я хотел вас спросить. Подсудимый Шпеер присутствовал на тех совещаниях, когда обсуждался вопрос о снабжении различных родов войск, включая вопрос о снабжении флота?

Дёниц: Вопросы снабжения флота никогда не обсуждались на больших военных совещаниях. Эти вопросы, как я уже сказал, обсуждал только фюрер лично, обычно в присутствии Кейтеля и Иодля. Обычно я докладывал фюреру, заранее переговорив с министром Шпеером, которому я, когда я стал главнокомандующим флотом, передоверил все снабжение военно-морских сил. Таково было положение в общих чертах.

Максвелл-Файф: Занимая положение главнокомандующего флотом, вы, очевидно, должны были интересоваться вопросами очередности распределения материалов и использования рабочей силы. Вы хотели, очевидно, знать, как должна была быть распределена рабочая сила на ближайший период времени. Не так ли?

Дёниц: Я пытался добиться того, чтобы на основании решения фюрера министру Шпееру было поручено строить как можно больше, например, новых подводных лодок, которые были в то время для меня необходимы; однако существовали пределы производственной мощности, поскольку министр Шпеер должен был удовлетворять запросы всех родов войск вооруженных сил.

Максвелл-Файф: И поэтому вы должны были быть очень заинтересованы в том, чтобы узнать данные о рабочей силе, необходимой для снабжения военно-морского флота и другого снабжения, с тем, чтобы убедиться, что вы получаете вашу справедливую долю?

Дёниц: Извиняюсь, но я не смогу не это ответить. Я никогда не знал и не знаю до сих пор, какое количество рабочих Шпеер использовал на производстве вооружения для флота. Я даже не знаю, мог ли Шпеер дать мне такой ответ, потому что строительство подводных лодок, например, велось на многих промышленных предприятиях по всему Германскому Рейху. Затем комплектующие собирали на судоверфях. О том, какое их количество работало на флот, я не имею ни малейшего представления.

Максвелл-Файф: Вы помните, что вы говорили о Шпеере как о человеке, который держит в своих руках производство Европы? Это было 17 декабря 1943 г. Несколько позже я вам покажу этот документ. Но вы помните, что вы о нем так говорили?

Дёниц: Да, я это очень хорошо помню.

Максвелл-Файф: Разве вы не знали о том, что Шпеер получал свою рабочую силу из числа иностранных рабочих, которые доставлялись в Рейх?

Дёниц: Само собой разумеется, я знал, что в Германии были иностранные рабочие.

Самоочевидно, что как главнокомандующий флотом меня не касалось то, как нанимали этих рабочих. Это было не моё дело.

Максвелл-Файф: Разве гауляйтер Заукель не рассказывал вам по поводу своей поездки, что он доставил 5 000 000 иностранных рабочих в Рейх, из которых лишь 200 000 прибыли добровольно?

Дёниц: Я ни одного раза не имел переговоров с гауляйтером Заукелем. Я вообще ни с кем не говорил по вопросу о рабочей силе.

Максвелл-Файф: Итак, подсудимый, вы были главой ведомства пять или шесть лет войны. Разве Германия, как и любая другая страна, не выискивали любых доступных рабочих для труда? Разве у вас не было срочной необходимости в рабочей силе, как и любого воюющего государства.

Дёниц: Я думаю, нам также требовались рабочие.

Максвелл-Файф: И вы заявляете трибуналу, что после совещания с Гитлером и Шпеером вы не знали, что рабочая сила доставлялась путем насильственного угона иностранных рабочих в Рейх?

Дёниц: Во время моих совещаний с Гитлером и Шпеером методы набора рабочей силы вообще не обсуждались. Методы меня вообще не интересовали. В ходе этих совещаний вопрос рабочей силы вообще не обсуждался. Я просто был заинтересован в том, как много субмарин я получал, то есть как велика моя доля в количестве построенных кораблей.

Максвелл-Файф: Вы хотите сказать трибуналу, что вы обсуждали эти вопросы со Шпеером и что он вам никогда не говорил, откуда он получал рабочую силу? Это ваш ответ на этот вопрос?

Дёниц: Да, я это утверждаю.

Максвелл-Файф: Вы помните, прежде чем мы перейдем от промышленного этапа, что вы вместе с фюрером присутствовали на неких заседаниях представителей угля и транспорта и гауляйтера Кауфмана[209], рейхскомиссара морских перевозок?

Дёниц: Нет.

Максвелл-Файф: Вы можете принять от меня, что они отмечены как присутствовавшие на этих заседаниях. Вы в целом занимались проблемами поставок и транспорта?

Дёниц: Никогда. Что касалось морского транспорта – это правда. Я думал о вещах на суше. Я думал, вы имели в виду сушу. Я уже заявлял, что в конце войны я был сильно заинтересован в тоннаже торговых судов, потому что этот тоннаж, в котором я сильно нуждался с целью осуществления военных перевозок из Норвегии, с Востока и на Восток, и перевозки беженцев, не находился под моей юрисдикцией, а у гауляйтера Кауфмана, рейхскомиссара морских перевозок. Таким образом на этих

[209] Карл Кауфман (1900 —1969) - партийный и государственный деятель эпохи «Третьего рейха», гауляйтер и рейхсштатгальтер Гамбурга, обергруппенфюрер СС (30 января 1943 года). С 30 мая 1942 рейхскомиссар морских перевозок. После войны приговаривался различными судами к незначительным наказаниям.

заседаниях и дискуссиях по ситуации с морским транспортом, я конечно присутствовал.

Максвелл-Файф: Позвольте перейти к предмету этих 119 дней. На 39 днях в ставке также присутствовал подсудимый Кейтель и почти такое же число, подсудимый Йодль.

Дёниц: Я извиняюсь; я не понял даты.

Максвелл-Файф: Я скажу снова. На 39 из этих совещаний с января 1943 по апрель 1945 присутствовал подсудимый Кейтель и почти такое же число, подсудимый Йодль. Итак, это правильно, что вы обсуждали или слышали в их присутствии про общее стратегическое положение?

Дёниц: Я могу сказать, что слово «встреча» недостаточно описывает этот вопрос. Это было скорее, как я…

Максвелл-Файф: Что же, выбирайте слово; приведите своё слово.

Дёниц: Это было, как я его описывал, широкое обсуждение военной обстановки; и на таких дискуссиях, я также слышал доклады об армейской ситуации. Это я раньше объяснял.

Максвелл-Файф: Я лишь хочу совершенно четко понять, что за эти 2 года у вас когда-либо имелась возможность понять и осознать военно-стратегическое положение; разве не так, нет?

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: А теперь, на 20 из них присутствовал подсудимый Геринг. Подсудимый Геринг представлял себя в двух качествах; как главнокомандующий Люфтваффе и как политик. Что он делал по этим 20 случаям?

Дёниц: Рейхсмаршал Геринг когда обсуждалась военная ситуация бывал там как главнокомандующий воздушными силами.

Максвелл-Файф: И значит от подсудимого Геринга у вас были полные сведения и осознание воздушной обстановки и положение Люфтваффе в этот период?

Дёниц: В силу моего случайного присутствия на этих дискуссиях, на которых разбирались только с сегментами – общая картина никогда не приводилась в таких дискуссиях – постольку, я мог сформировать мнение из этих сегментов, которое естественно было всегда фрагментарным. Это было причиной, почему я никогда делал заявлений по военным вопросам вне флота.

Максвелл-Файф: Я хочу задать еще один вопрос. Согласно тому, что заявил доктор Латернзер, 29 июня 1944 г., помимо подсудимых Кейтеля, Йодля и Геринга, также присутствовали на этом совещании и маршал фон Рундштедт и маршал Роммель[210]. Я хочу напомнить вам, что это было через три недели после того, как союзники начали вторжение в Западную Европу. Вам дана была полная возможность — не так ли? — ознакомиться со

[210] Эрвин Роммель (1891 —1944) — немецкий генерал-фельдмаршал (1942) и командующий войсками Оси в Северной Африке. Покончил жизнь самоубийством после неудачного покушения на Гитлера.

стратегическим положением после вторжения союзников в Нормандию. Разве это не так?

Дёниц: Да, я тогда на основании этого получил представление о положении в Нормандии после высадки там противника и был в состоянии доложить фюреру, какие из моих небольших новых средств борьбы я могу использовать в этом районе.

Максвелл-Файф: Теперь давайте рассмотрим деятельность другой части правительства в общих чертах.

Рейхсфюрер СС Гиммлер также присутствовал на ряде таких совещаний. Так это было или нет?

Дёниц: Да, когда там присутствовал рейхсфюрер СС Гиммлер, — насколько я помню, это было раз или два, — он там представлял интересы своих войск СС.

Максвелл-Файф: Гиммлер, согласно имеющимся данным, присутствовал, по крайней мере, на семи таких совещаниях, а его представитель в штабе фюрера — Фегелейн[211] присутствовал, по имеющимся данным, по крайней мере, на пяти таких совещаниях. Что Гиммлер говорил там о войсках СС, о подвигах дивизии «Мертвая голова[212]»?

Дёниц: Фегелейн присутствовал на обсуждении обстановки всегда, так как он был постоянным представителем. Когда рейхсфюрер СС присутствовал на обсуждении, он говорил только о Ваффен-СС и притом только о тех дивизиях Ваффен-СС, которые использовались где-нибудь в составе сухопутных сил. Я не знаю названий этих отдельных дивизий. Я не думаю, что они включали «Мертвую голову»; я никогда не слышал об их делах; там был «Викинг[213]» или…

Максвелл-Файф: Войска СС использовались в большом количестве в концентрационных лагерях, и вы говорите, что Гиммлер никогда не говорил об этом?

Дёниц: О том, что дивизия «Мертвая голова» использовалась в концентрационных лагерях, я узнал лишь здесь, в Нюрнберге. Я уже говорил, что в ходе военных дискуссий обсуждались военные вопросы.

Максвелл-Файф: Итак, подсудимый Кальтенбруннер докладывал только однажды, 26 февраля 1945, когда было собрание известных людей СС. Что вы тогда с ним

[211] Герман Фегелейн (1906 —1945) — немецкий военный деятель, группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС (1944), зять Евы Браун. Расстрелян в последние дни войны по приказу Адольфа Гитлера.

[212] Танковая дивизия СС «Мёртвая голова» - соединение войск СС. Сформирована в период с 16 октября по 1 ноября 1939 года в учебном лагере СС в Дахау как дивизия моторизованной пехоты. Основу составили чины соединений СС «Мёртвая голова», а также офицеры частей усиления СС и Данцигский хаймвер СС. Первым командиром стал основатель инспектор концлагерей Теодор Эйке.

[213] 5-я танковая дивизия СС «Викинг» (нем. 5. SS-Panzer-Division „Wiking“) или дивизия СС «Викинг» была образована 20 ноября 1940 в качестве дивизии войск СС. В её состав входили добровольцы из Нидерландов, Бельгии и скандинавских стран.

обсуждали?

Дёниц: Это не верно, что Кальтенбруннер был там только однажды. Насколько я помню, он был там два, три или четыре раза; в любом случае, в ходе последних месяцев войны я видел его два, три или четыре раза. Кальтенбруннер никогда не говорил там ни слова; насколько я помню, он просто слушал и стоял в стороне.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы рассказали трибуналу о том, какой вопрос обсуждался на совещании, когда на нем присутствовали не только Кальтенбруннер, но и обергруппенфюрер СС Штайнер[214], ваш адъютант и генерал-лейтенант Винтер[215]. Для чего эти господа присутствовали на этом совещании и что они вам сообщили?

Дёниц: Что за капитан и что за генерал-лейтенант Гюнтер?

Максвелл-Файф: Капитан фон Ассман[216]; я понял, что он был вашим капитан-адъютантом, хотя я могу ошибаться – капитан цур зее Ассман. Тогда там был генерал-лейтенант Винтер, обергруппенфюрер Штайнер и обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер. Что вы обсуждали 26 февраля 1945?

Дёниц: Я хочу отметить в этой связи один факт: капитан фон Ассман присутствовал на каждой дискуссии об общей обстановке.

Максвелл-Файф: Секунду. Вы можете рассказать нам после, но прежде всего, выслушайте мой вопрос. Что вы обсуждали с этими людьми из СС 26 февраля 1945?

Дёниц: Этого я уже не помню, но я помню, что Штайнер получил приказ относительно использования армейской группы, которая в Померании должна была нанести удар с севера на юг, чтобы помочь Берлину. Я думаю, возможно, что, когда присутствовал Штайнер, обсуждался этот вопрос, который меня не касался.

Максвелл-Файф: Итак, я лишь хочу, чтобы вы подумали, прежде чем я оставлю этот пункт. Вы согласны со мной в том, что на ряде встреч, многих встречах, присутствовали Кейтель и Йодль, не так часто Геринг, на которых вам представляли армейскую и воздушную ситуацию в Германии; там присутствовал подсудимый Шпеер, который представлял вам положение промышленности; там присутствовал Гиммлер, или его представитель Фегелейн, который приводил вам положение с безопасностью; и вы сами присутствовали, и представляли морское положение. На всех встречах присутствовал фюрер, который принимал решения.

Подсудимый, я говорю вам, что вы принимали полное участие в правительстве Германии в ходе этих лет, как и всякий, помимо самого Адольфа Гитлера.

---

[214] Феликс Штайнер (1896 - 1966) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. С 5 февраля по 5 марта 1945 – командующий 11-й армией в составе группы армий «Висла».

[215] Август Винтер (1897 – 1979) – генерал-лейтенант Вермахта. В декабре 1944 – мае 1945 заместитель начальника оперативного штаба ОКВ.

[216] Хайнц Ассман (1904 – 1954) – немецкий офицер, с 1943 представитель военно-морского флота в оперативном штабе ОКВ.

Дёниц: По моему мнению, описание неверно. На этих дискуссиях по общей обстановке ни Шпеер ни кто-либо ещё не делали полного обзора о сделанном. Напротив, обсуждались только острые вопросы дня. Как я сказал, обсуждались события последних 24 часов, и что должно быть сделано. Чтобы там был штаб, который в своих докладах приводил общую картину – это совершенно не обсуждалось; этого вообще не было. Единственным у кого была полная картина был фюрер. На этих дискуссиях о военной обстановке обсуждались развитие последних 24 часов и предпринимаемые меры. Таковы факты.

Следовательно нельзя сказать, что у кого-либо из участников была целостная картина. Скорее у каждого имелся четкий взгляд на своё собственное ведомство, за которое он был ответственным. Общая картина в уме каких-либо участников не обсуждались. Она была только у фюрера.

Максвелл-Файф: Что же, я не хочу с вами спорить; но, подсудимый, я полагаю, что вы скажете – также, как мы слышали от многих других подсудимых – что вам ничего не известно о программе рабского труда, вам ничего не известно об уничтожении евреев и вам ничего не известно о каких-либо плохих условиях в концентрационных лагерях. Я полагаю, вы собираетесь сказать нам, что вам об этом вообще ничего не известно, не так ли?

Дёниц: Это самоочевидно, поскольку мы здесь услышали, как все эти вещи держались в тайне; и если задуматься о факте, что каждый в этой войне отдавался своим задачам с максимумом энергии, в этом вообще нет ничего удивительного. Приводя пример, я узнал об условиях в концентрационных лагерях…

Максвелл-Файф: Я лишь хотел вашего ответа сейчас, и вы его дали. Я хочу, чтобы вы перешли к вопросу, который вам был хорошо известен, — вопросу относительно приказа о расстреле «коммандос», изданного фюрером 18 октября 1942 г. Вы сообщили нам, что узнали об этих приказах в период, когда были командующим подводным флотом. Помните ли вы документ, согласно которому штаб военно-морского флота распространял этот приказ? Вы помните, что там говорилось следующее:

> «Этот приказ не должен распространяться в письменном виде командующими флотилий, командующими соединений или офицерам и этого ранга.
>
> После распространения этих приказов в устной форме низшим инстанциям вышеозначенные офицеры должны передать этот приказ высшим властям, которые несут ответственность за изъятие и уничтожение этого приказа».
>
> Вы помните это?

Дёниц: Да, я снова прочитал его здесь, когда увидел здесь приказ. На обратной странице, однако, также сказано, что об этом мероприятии было сообщено в приказе по вооруженным силам.

Максвелл-Файф: Что я хочу узнать это вас это: к чему такая огромная секретность у этого приказы при рассылке по флоту?

Дёниц: Я не понял этого вопроса. Я не знаю, соблюдалась ли вообще огромная секретность. По моему мнению, в 1942 все морские офицеры были о нём проинформированы.

Максвелл-Файф: Это 28 октября, 10 дней после его принятия. Я не собираюсь пререкаться с вами о прилагательных, подсудимый. Позвольте поставить его так: почему морская рассылка требовала такой степени секретности?

Дёниц: Я не знаю. Я не составлял список рассылки. Как офицер на фронте я тогда получил этот приказ. Я не знаю.

Максвелл-Файф: За 3 месяца до вашего командования флотом. Вы никогда не направляли запросов?

Дёниц: Прошу прощения.

Максвелл-Файф: Вы никогда не делали никаких запросов?

Дёниц: Нет, не делал. Я сказал вам, что увидел этот приказ в качестве командующего подводными лодками и что касалось моей сферы деятельности этот приказ, по крайней мере, меня не затронул и во-вторых, то что людей брали в плен во время морских столкновений прямо допускалось; значит, поскольку это происходило, этот приказ в то время не был ни актуальным, ни действительно значимым. В виду огромного числа вещей, которыми я занимался, когда я стал главнокомандующим флотом, было совершенно естественно, что мне не случилось поднимать вопрос этого нового приказа.

Максвелл-Файф: Когда подойдет время, я собираюсь представить вам, меморандум морского штаба демонстрирующий, что он был представлен вам. Вы этого не помните?

Дёниц: Если вы ссылаетесь на меморандум, который в моём судебном обзоре, тогда я могу лишь сказать, что этот меморандум не представлялся мне, как можно ясно увидеть из этой пометки.

Максвелл-Файф: Я хочу спросить вас до отложения трибунала: одобрили вы этот приказ или нет?

Дёниц: Я уже сказал вам, так как я…

Максвелл-Файф: Нет, не сказали. Я хочу, чтобы вы сказали трибуналу сейчас, и вы можете ответить либо «я одобрял» либо «я не одобрял». Вы одобряли этот приказ для своих командиров?

Дёниц: Сегодня, после того как я узнал, что основания для этого приказа не были столь несомненными, я не согласен с этим приказом…

Максвелл-Файф: Вы одобряли этот приказ, когда стали главнокомандующим флотом Германии в начале 1943 года? Вы одобрили этот приказ тогда?

Дёниц: Я, будучи главнокомандующим военно-морским флотом, не

занимался этим приказом. Как я относился к этому приказу, когда я был главнокомандующим подводным флотом, я уже объяснил. Я отнесся к этому приказу как к приказу о репрессалиях. Мне было не до того, чтобы начинать расследование или связываться с ведомством которое отдало приказ, выясняя, была ли основа приказа правильной или нет. Мне было не до того начинать изучение основ международного права. И это было совершенно ясно из пункта 1 приказа, что враг, противник, выводил себя за рамки Женевской конвенции, потому что он убивал пленных, и что поэтому мы должны были делать подобные вещи как репрессалии. Были ли полностью оправданы в пункте 1 эти меры репрессалий или не были, то есть, это то чего я не мог знать, и не знал.

Максвелл-Файф: Это последний вопрос. Я хочу, чтобы вы попытались ответить на него прямым ответом, если сможете. В начале 1943 вы одобряли или нет, этот приказ?

Дёниц: Я не могу дать вам ответ, потому что в начале 1943, я не думал о приказе и не занимался им. Поэтому я не могу сказать, как этот приказ воздействовал на меня в определенное время. Я могу сказать вам лишь как он воздействовал на меня, когда я прочитал его в качестве главнокомандующего подводными лодками; и я могу также рассказать вам, что я отрицательно отношусь к этому приказу сейчас, после того как узнал, что данные, которые привели к изданию этого приказа, не были обоснованными. И, в-третьих, я могу сказать вам, что я лично отвергал такого рода репрессалии в морской войне – любого рода, в любом случае, и вообще как предложение.

Максвелл-Файф: Я задам вам некоторые вопросы об этом завтра, так как время прерваться.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 10 мая 1946*]

День сто двадцать шестой

Пятница, 10 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Дёниц вернулся на место свидетеля*]

Председатель: Сэр Дэвид, я понимаю, есть дополнительные ходатайства о свидетелях и документах, которые вероятно не займут много времени. Это так?
Максвелл-Файф: Милорд, на самом деле я не получил окончательных указаний. Я быстро выясню это. Я разберусь с майором Баррингтоном. Мне сказали, что это так.
Председатель: Таким образом, трибунал предлагает заседать в открытом режиме завтра до четверти 12 в общем порядке и затем принять дополнительные ходатайства в четверть 12 и затем перейти в закрытый режим.
Максвелл-Файф: Милорд, завтра к четверти 12 мы будем готовы.
Председатель: Очень хорошо.
Максвелл-Файф: Подсудимый, первый документ на который я хочу, что вы взглянули в отношении приказа фюрера о коммандос от 18 октября 1942 на странице 65 английской документальной книги. Это документ номер С-178, экземпляр USA-544. Вы увидите, что этот документ датирован 11 февраля 1943. То есть в каких-то 12 днях после вашего принятия должности главнокомандующего, и

вы увидите из ссылки, что он направлен в «1. СКЛ Ii[217]. То есть в отдел международного права и призового права вашего оперативного штаба, не так ли – отдел адмирала Экардта?

Дёниц: Нет. Он адресован первому отделу штаба руководства войной на море, то есть оперативному отделу. Он исходит от Экардта и направлен в первый отдел, то есть начальнику отдела.

Максвелл-Файф: Но я думаю я совершенно прав – ссылка, о которой я вас спросил, 1. СКЛ Ii, то есть, ведомство адмирала Экардта? Это ссылка на международный отдел адмирала Экардта?

Дёниц: Нет, нет, нет. Это ведомство, в котором служил адмирал Экардт . Адмирал Экардт служил в этом ведомство.

Максвелл-Файф: И три СКЛ в следующей строчке это управление прессы как вы говорили, не так ли?

Дёниц: Нет. Третье управление СКЛ собирало информацию, направляемую во флот и докладывало о ней.

Максвелл-Файф: Я отмечаю, что это была разведка и пресса. Это правильно или нет?

Дёниц: Да, это была разведка и пресса.

Максвелл-Файф: Итак, я лишь хочу вашей помощи трибуналу по трём пунктам документа. Вы помните, я вчера вас спрашивал о стандарте секретности первоначального приказа фюрера о коммандос от 18 октября. Если вы посмотрите на второй абзац вы увидите, что он гласит:

> «…был присвоен гриф совершенно секретно, потому что в нём указано (1) что… организация саботажа …может иметь важные последствия…и (2) что расстрел одетых в форму военнослужащих действующих по военным приказам должен осуществляться даже после их добровольной сдачи в плен и просьбы помилования».
>
> Вы это видите?

Дёниц: Да, я прочёл это.

Максвелл-Файф: Вы согласны с тем, что это было одной из причин присвоения приказу грифа совершенно секретно?

Дёниц: Данный обмен записками между Экардтом и начальником отдела не доходил до меня, что очевидно по инициалам в книге…

Максвелл-Файф: В этом причина, по которой вы не отвечаете на мой вопрос? Вы согласны с тем, что это причина присвоения приказу грифа совершенно секретно?

Дёниц: Я не знаю. Я не могу вам сказать, потому что я не отдавал приказа о коммандос. В приказе о коммандос с одной стороны говорилось о том, что эти люди убивали пленных. Так я это прочёл как командир флота подводных лодок; и с другой стороны…

---

[217] Operationsabteilung (1/Skl) (нем. Оперативный штаб) – отдел в составе штаба руководством войной на море.

Максвелл-Файф: Я дам вам ещё одну возможность ответить на мой вопрос. Вы были главнокомандующим германским флотом. Вы говорите, что не способны ответить на этот вопрос: причина, указанная в параграфе 2 этого документа правильная причина присваивать секретность приказу фюрера от 18 октября? Итак, у вас есть последняя возможность ответить на этот вопрос. Вы будете отвечать или не хотите?

Дёниц: Да, буду. Я считаю это возможным, так как в частности правовой эксперт здесь думает так же. Я не знаю, правильно ли это, потому что я не отдавал приказ. С другой стороны, в приказе сказано о том, чтобы эти вещи не публиковались в приказах по армии.

Максвелл-Файф: Это было следующим пунктом. Следующий параграф говорит о том, что нужно было публиковать в приказах по армии про уничтожение саботажных подразделений в бою, конечно не то, что их расстреляло бы – я бы сказал, тихо убило – СД после боя. Я хочу, чтобы вы отметили следующий параграф. Следующий параграф затрагивает трудность о том, сколько саботажников нужно считать саботажным подразделением и предлагает, что до десяти точно будет саботажным подразделением.

Теперь, если вы посмотрите на последний параграф – я зачитаю вам, достаточно медленно:

> «Следует полагать, что контрразведка III[218] ознакомилась с приказами фюрера и таким образом соответственно ответит на возражения генерального штаба армии и оперативного штаба воздушных сил. Что касается военно-морского флота, еще неизвестно, следует ли использовать этот случай, чтобы убедиться, что» - заметьте следующие слова – «после совещания с главнокомандующим флотом, в том, что все управления имеют совершенно ясную концепцию в отношении обращения с военнослужащими подразделений коммандос».

Вы говорите трибуналу, что после этой памятной записки из отдела Экардта, которая должна была быть показана 1. СКЛ, вашему штабному управлению, что с вами никогда о нём не консультировались?

Дёниц: Да, я так скажу, и при помощи свидетеля я докажу, что здесь нет ни инициалов ни списка рассылки; и этот свидетель подтвердит совершенно четко, что я не получал об этом доклада.

Максвелл-Файф: Адмирал Вагнер[219] был вашим начальником штаба?

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: Правильно, мы не займем много времени.

---

[218] Имеется в виду III управление РСХА – контрразведка внутри Германии.

[219] Герхард Вагнер (1898 – 1987) – немецкий адмирал. Морской атташе в Испании. Начальник оперативного отдела штаба руководством войной на море.

Дёниц: Он не был моим начальником штаба; он был начальником этого отдела. Он был начальником отдела 1 СКЛ, которому был направлен этот приказ. Он без сомнения знает, что никакого доклада мне не делалось. Обстоятельства совершенно ясны.

Максвелл-Файф: Что же, я оставлю это, если вы говорите, что его не видели; и я попрошу вас взглянуть на документ номер PS-551.

Милорд, я передам трибуналу копию. Это экземпляр USA-551, он был приобщен генералом Тейлором 7 января.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, это документ который датирован 26 июня 1944; и он касается приказа фюрера; и он говорит, как его применять после высадки союзных сил во Франции; и если вы посмотрите на рассылку, вы увидите, что номер 4 это ОКМ[220], 1. СКЛ. Это отдел, о котором вы недавно меня достаточно поправляли. Итак, вы – вам показывали этот документ, который говорит, что приказ фюрера применяется к подразделениям коммандос действующих вне непосредственной зоны боевых действий в Нормандии? Вам показывали этот документ?

Дёниц: Нет, его мне ни при каких обстоятельствах не показывали - и совершенно правильно, так как флот не участвовал в деле.

Максвелл-Файф: Вы вчера говорили мне, что вы занимались вопросом и что у вас были маленькие лодки, действующие в нормандских операциях. Это то, что вы говорили мне вчера вечером. У вас поменялись воспоминания со вчерашнего вечера?

Дёниц: Нет, совсем нет. Но эти одноместные субмарины плавали над водой и не имели никакого отношения к коммандос на сухопутном фронте. Это также ясно из документа, – я не знаю, оригинальный ли это документ из 1СКЛ, потому что я не вижу инициала. Однако я убежден, что он мне не представлялся, потому что он не имел никакого отношения к флоту.

Максвелл-Файф: Я понимаю. Вы посмотрите на документ номер PS-537, который датирован 30 июля 1944.

Милорд, этот экземпляр USA-553, также представлен генералом Тейлором 7 января.

Дёниц: Где он?

Максвелл-Файф: Сержант-майор покажет вам место. Это документ, применяемый к «военным миссиям» коммандос и вы снова увидите, что рассылка включает ОКМ, управление СКЛ. Вы видите этот приказ?

Дёниц: Да, могу.

Максвелл-Файф: Вы видите время рассылки, конец июля 1944?

Дёниц: Совершенно ясно, что этот приказ снова не представлялся мне, так как не

---

[220] ОКМ (нем. Oberkommando der Marine; нем. OKM) — верховное командование флотом, высший орган управления ВМФ Германии до и во время Второй мировой войны.

имел отношения к флоту. Флот не имел никакого отношения к борьбе с партизанами.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы очень быстро просмотрели, потому что я не хочу тратить слишком много времени на него, на документ номер PS-512.

Милорд, это экземпляр USA-546, который также был представлен генералом Тейлором 7 января.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, это доклад рассматривающий вопрос о том не следовало ли убивать коммандос немедленно для того, что их можно было допросить, и вопрос о том, прикрывалось ли это последней фразой приказа фюрера, и я обращаю ваше внимание на тот факт, что это относится, в отношении допросов, к второй фразе:

> «Значение данной меры было доказано случаями Гломфьорда, двухместной торпеды в Тронхейме и планера в Ставангере».

Дёниц: Я не могу сейчас найти.

Максвелл-Файф: Это PS-512.

Председатель: Сэр Дэвид, не следует ли вам прочитать первую фразу.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости.

Дёниц: Этот документ датирован 1942. В то время я был командиром подводных лодок от атлантического побережья до Бискайского залива. Мне вообще неизвестна эта бумага.

Максвелл-Файф: Таков ваш ответ, но это 14 декабря 1942; и затрагивает пункт который обсуждается в первой фразе, которую милорд распорядился зачитать:

> «Совершенно секретно: согласно последней фразе приказа фюрера от 18 октября, отдельных саботажников можно в настоящее время пощадить для того, чтобы сохранить их для допроса».

Затем следует фраза прочитанная мной. Вот о чём шла речь, и я собирался спросить вас, о том доходило до вас это положение, когда вы приняли главнокомандование флотом в январе 1943? Просто взгляните на последнюю фразу.

> «Красный крест и БДС[221] протестуют против немедленного исполнения приказа фюрера…».

Дёниц: Я прошу прощения, но я пока не смог найти, где это. Я пока не нашёл последнюю фразу. Где это?

Председатель: Наш перевод говорит: «После немедленного исполнения…»

Максвелл-Файф: Милорд, «после»: я извиняюсь. Это моя ошибка. Я сильно обязан вашей светлости. «Протестовали после немедленного…» Я прошу прощения вашей светлости – я ошибся.

Дёниц: Это датировано декабрём 1942.

---

[221] Аббр. с нем. Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des Sicherheitsdienstes – командующий полицией безопасности и службой безопасности.

Максвелл-Файф: Это лишь за шесть недель до вашего прихода.
Дёниц: Да. Мне не известен этот телепринт. В любом случае, это вероятно не Красный крест, а вероятно Рекомос, рейхскомиссар морских первозок – или как то так. БДС вероятно это руководитель СС в Норвегии.
Максвелл-Файф: Но я подумал смысл в том, что для вас имели некоторый интерес двухместные торпеды. Я думал, это могло ссылаться на вас как вопрос флотского интереса. Однако, если нет, то я перехожу к документу после вашего назначения. Передайте подсудимому документ номер PS-526, от 10 мая 1943.

Милорд, это USA-502 представленный моим другом полковником Стори 2 января.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы видите, что в этом отчете – он из ведомства подсудимого Йодля, и имеет описание ведомства подсудимого Йодля – о вражеском катере, который провёл операцию на Шетландских островах, катере норвежского флота; и он приводит его вооружение, и он говорит, что это была организация саботажа укреплённых пунктов, артиллерийских позиций, мест размещения штабов и войск, и мостов и что приказ фюрера исполнило СД. Это был катер, который был взорван норвежским флотом, я полагаю после атаки на него, и десять пленных были убиты. Это привлекло ваше внимание?
Дёниц: Это показывали мне в ходе допроса, и меня также спрашивали, был ли у меня телефонный разговор с фельдмаршалом Кейтелем. Потом было обнаружено, что командир района Вермахта, связался с ОКВ. Это было вопросом армии и СД, не флота.
Максвелл-Файф: Если вы отрицаете, что слышали об этом когда-либо, вы перевернёте на страницу 100 документальной книги.

Милорд, это на странице 67 британской документальной книги.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это сводка, сводка о процессе СД…
Дёниц: Где это? Я не могу это найти.
Максвелл-Файф: Страница 100, я вам сказал. Если вы посмотрите на неё, я думаю, вы найдете. Это страница 67 английского языка, если вы предпочитаете следить на этом языке.

Итак, я объясню вам; я думаю, вы читали его раньше, потому что вы ссылались на это. Это сводка военного прокурора о процессе над эсэсовцами, о показаниях которые давали, и я просто хочу понять, об этом ли вы думаете.

Если вы посмотрите на параграф 4, вы увидите, что они создавались для этой морской операции в Лервике, на Шетландских островах, с целью совершать торпедные атаки на немецкие поставки с берегов Норвегии и с целью укладки мин. Параграф 5:

> «Защита не оспаривала, что каждый член экипажа был одет в форму во время пленения и было достаточно показаний от многих лиц, несколько из которых немцы, что они все время были одеты в форму

после пленения».

Итак, вы это вчера упоминали. Вы увидите это в параграфе 6:

«Свидетель заявил, что весь экипаж был пленён и взят на борт германского военного судна, которое находилось под командованием адмирала фон Шрёдера, адмирала Западного побережья. Экипаж забрали на Бергенхус; и там их допрашивал лейтенант Фангер, лейтенант морского резерва, по приказам корветтен-капитана Эгона Драшера, обоих из германской военно-морской контрразведки; и этот допрос проводился по приказам адмирала Западного побережья. Лейтенант Фангер сообщил офицеру ответственному за отдел разведки на Бергене, что, по его мнению, все члены экипажа имели право на обращение с ними как с военнопленными и этот офицер в свою очередь ответил как устно, так и письменно морскому командующему, Бергена и письменно адмиралу Западного побережья»

- и это адмирал фон Шрёдер.

Теперь я хочу зачитать вам одну фразу, которая, в виду этого, я не думаю, будет принята вами как вырванная из контекста показаний лейтенанта Фангера на данном процессе. Его спросили:

«У вас вообще есть какие-либо мысли о том, почему этих людей передали СД»?

В ответ на этот вопрос, я хочу, чтобы вы сказали мне, кто был ответственным за их передачу. Это были ваши офицеры, ваше окружение; это был главный в командовании на норвежском побережье, адмирал фон Шрёдер, командующий этим сектором, чьи люди захватили экипаж. Это ваши собственные офицеры. Это правда, что вы вчера говорили суду, что экипаж захватило СД? У вас есть какая-либо причина думать, что лейтенант Фангер не говорил правду?

Председатель: Откуда вы цитируете?

Максвелл-Файф: Это стенографическая запись процесса над СС.

Председатель: Её допустили?

Максвелл-Файф: Нет, милорд, не была, но она в рамках статьи 19.

Кранцбюлер: Мне не известен документ, который используется. Пожалуйста, могу я его получить? Используются стенографические записи, которых я не видел; и согласно решению трибунала о перекрестных допросах они должны быть даны мне, когда заслушивается свидетель.

Максвелл-Файф: Милорд, при всём уважении, но это положение возникло вчера, когда подсудимый сделал определенные заявления про адмирала фон Шрёдера. Я оспариваю эти заявления, и единственный путь которым я могу это сделать использовать документы, которые я иначе не намеревался использовать. Конечно, я должным образом позволю доктору Кранцбюлеру посмотреть на них.

Председатель: У вас есть копия на немецком языке? Нужно было вручить на

немецком языке, это доказательство.

Максвелл-Файф: У меня есть только английский перевод, и я позволю доктору Кранцбюлеру посмотреть на него, но это всё что у меня есть.

Председатель: У вас есть ещё одна копия, которую вы можете ему вручить?

Максвелл-Файф: Нет, мне направили лишь одну копию.

Председатель: После того как вы пройдете это, вы вручите эту копию доктору Кранцбюлеру?

Максвелл-Файф: Да, сэр.

Председатель: Очень хорошо.

Максвелл-Файф: Итак подсудимый, у вас есть какая-либо причина предполагать, что ваш офицер, лейтенант Фангер, не говорил правду, когда он говорит, что этих людей взял в плен адмирал фон Шрёдер?

Дёниц: У меня нет никакой причины оспаривать это заявление, потому что весь вопрос мне совершенно неизвестен. Я уже заявлял, что об инциденте мне не докладывали, ни – как я могу подтвердить – высшему командованию флота; и я вчера вам говорил, что эти люди – здесь в параграфе 6 – были захвачены на острове не флотом, а подразделением полицией. Соответственно адмирал фон Шрёдер сказал, что они были не пленными флота, а полицейскими заключенными и должны были быть переданы полиции; и по этой причине он не сделал доклада.

Я полагаю, что случилось так. Я сам не могу восстановить все подробности истории или объяснить, как она произошла, потому что о ней мне не докладывали.

Максвелл-Файф: Это то, к чему я вернусь через мгновение. Нигде не сказано, что они были захвачены полицией, и фактически они были захвачены силами адмирала фон Шрёдера, который атаковал этот остров, к которому была пришвартована эта лодка.

Дёниц: Мне это неизвестно. Документ говорит, что люди достигли острова – причина не ясна. То, что людей потом доставили с острова на какой-то лодке совершенно ясно, но естественно они могли оставаться задержанными полицией, если их захватила полиция или береговая охрана. Это как я думаю единственное объяснение, в виду личности адмирала фон Шрёдера.

Максвелл-Файф: Я лишь спросил вас – ваш собственный офицер, лейтенант Фангер, говорит, что они были захвачены войсками адмирала фон Шрёдера, и вы говорите если так говорит лейтенант Фангер, что у вас нет никакой причины верить в то, что он не говорил правду, правильно?

Дёниц: Моя оценка личности фон Шрёдера заставила меня вчера предположить, что дело было так. Поскольку сегодня меня проинформировали о заявлении лейтенанта Фангера, дело могло произойти иначе, так как я мог ошибаться.

Максвелл-Файф: Вы посмотрите на конец параграфа 8, последняя фраза:

> «Была беседа между Бломбергом[222] из СС и адмиралом фон Шрёдером…».
>
> И затем последняя фраза:
>
> «Адмирал фон Шрёдер сказал Бломбергу, что экипаж этой торпедной лодки должен быть передан СД согласно приказам фюрера» - и затем их передали.
>
> И сотрудник СД, который проводил этот допрос, заявил на процессе:
>
> «…что после допроса он считал, что члены экипажа были вправе на обращение с ними как с военнопленными, и что он проинформировал своего вышестоящего офицера».

Несмотря на доклад и представления вышестоящему офицеру с экипажем разобрались по приказу фюрера и казнили, и он описывает, как их расстреляли и от тел тайно избавились. Вы говорите, что никогда не слышали об этом?

Дёниц: Нет. Я так говорю и у меня есть свидетели в подтверждение этого. Если сотрудник СД думал, что эти люди не подпадают под это правило, он был обязан доложить своим вышестоящим начальникам и его начальники были обязаны предпринять соответствующие шаги.

Максвелл-Файф: Вы говорите, вы уже заняли позицию, что флот допросил их, военно-морская разведка сказала, что с ними должны были обращаться как с военнопленными, и адмирал фон Шрёдер сказал, что их должны были передать СД, и что СС допросили их и сказали, что с ними должны обращаться как с военнопленными, и несмотря на это этих людей убили? И вы говорите, что ничего об этом не знали? Ваш капитан цур зее Вильдеман говорил вам, что нибудь касательно этого. В–и–л–ь–д–е–м–а–н.

Дёниц: Я его не знаю.

Максвелл-Файф: Позвольте мне привести его для ваших воспоминаний. В то время он был офицером штаба адмирала фон Шрёдера и занимался этим вопросом. Итак, капитан Вильдеман, и я полагаю, мы должны полагать, до тех пор пока вам неизвестно, нечто обратное, что он достоверный офицер, говорит:

> «Я знаю, что фон Шрёдер подготовил письменный доклад об этой акции, и мне неизвестна ни одна причина почему о передаче пленных СД не должны были докладывать».

Вы всё ещё не говорите, что никогда не получали никакого доклада от фон Шрёдера?

Дёниц: Да, я всё ещё говорю, что я не получал никакого доклада, и я равным образом убежден в том, что высшее командование флота также его не получало. У меня есть свидетель в подтверждение этого. Мне неизвестно, куда направили доклад. Адмирал фон Шрёдер не был прямо подчинен высшему командованию

---

[222] Ганс Бломберг (1906 – 1946) – немецкий юрист. Оберштурмбаннфюрер СС. В 1940-1944 командир полиции безопасности в Бергене. Казнён по приговору британского трибунала.

флота; и доклад мог быть отправлен в ОКВ, если этот доклад вообще делался. В любом случае высшее командование флота не получало доклада об этом отдельном вопросе, из-за чего моё предположение в первую очередь, что эти люди были захвачены на острове полицией. Иначе, я думаю, адмирал фон Шрёдер доложил бы об этом.

Максвелл-Файф: Прежде чем вы сделаете какое-либо дальнейшее заявление, я хочу, чтобы вы подумали о чем-то дальнейшем, о чем говорил капитан Вильдеман, которого вы вероятно хорошо знали: «После капитуляции адмирал фон Шрёдер много раз говорил, что англичане вменят ему ответственность за передачу пленных СД» и адмиралу фон Шрёдеру приказали отбыть в Англию как пленному, когда он застрелился. Вам известно, что адмирал фон Шрёдер застрелился?

Дёниц: Я услышал об этом здесь.

Максвелл-Файф: Вам известно, что он переживал об ответственности за этот приказ?

Дёниц: Нет, у меня нет ни малейшей мысли об этом. Я только здесь услышал о самоубийстве.

Максвелл-Файф: Вы также говорите трибуналу, что адмирал фон Шрёдер вам не докладывал? Вы помните, что спустя несколько дней после захвата этого МТК[223] адмирал фон Шрёдер получил Рыцарский крест Железного креста?

Дёниц: Да, но это не имеет никакой связи с данным вопросом. Он не докладывал об этом вопросе, и он, насколько я помню также не поехал в Берлин за Рыцарским крестом.

Максвелл-Файф: Были награждены ещё два офицера, обер-лейтенант Нелле и зее обер-фенрих Бём; и в рекомендациях и цитатах захват МТК приводился в качестве причины этого награждения. Вы говорите, что вам ничего об этом неизвестно?

Дёниц: Мне об этом ничего неизвестно и я ничего не мог об этом знать, потому что компетентные вышестоящие офицеры должны были заниматься этими награждениями, а не я сам. Высшее командование флота не получало доклада об этом вопросе; иначе его бы мне передали. У меня столь много доверия к моему высшему командованию, и мой свидетель тоже покажет, что он также не получал его и что он должен был так сделать если бы он пришёл в военно-морской флот.

Максвелл-Файф: Мой последний вопрос, и я оставлю эту тему: адмирал фон Шрёдер был вашим подчиненным офицером, и согласно вам, очень доблестным офицером. Вы хотите, чтобы трибунал понял, что ответственность, которая сломала и заставила адмирала фон Шрёдера совершить самоубийство была его ответственностью, что он никогда не консультировался с вами, и вы ни принимаете ответственность за его действия? Вы хотите, чтобы трибунал это понял?

Дёниц: Да. Я клянусь в этом; потому что если адмирал фон Шрёдер действительно совершил самоубийство в связи с этим инцидентом, тогда он совершил ошибку,

[223] Моторный торпедный катер.

потому что обращался с военнослужащими, участвующими в военно-морской операции ошибочно. Если это верно, он действовал против приказов. В любом случае, ни малейшего намека на дело до меня не доходило.

Председатель: Сэр Дэвид, вы не спросите свидетеля о том, что он имел в виду, когда говорил, что фон Шрёдер не был прямо подчинен флоту? Он был подчинен адмиралу Цилиаксу[224], не так ли, который тогда был в отпуске?

Дёниц: Я сказал, что он не был прямо подчинен высшему командованию флота в Берлине. Значит, если адмирал фон Шрёдер делал какой-либо доклад о деле, доклад не приходил мне напрямую, а шёл его непосредственному вышестоящему начальнику, который был в Норвегии.

Максвелл-Файф: И этим вышестоящим начальником был адмирал Цилиакс, который был в отпуске – но я сейчас опускаю отпуск; его непосредственным вышестоящим начальником был адмирал Цилиакс?

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: Я хочу довести до вас это совершенно ясно: вы имеете в виду, что по операциям в Норвегии адмирал Цилиакс действовал при командующем – поправьте меня, если я ошибаюсь – это был генерал фон Фалькенхорст[225]? Я не помню, вероятно, вы можете мне помочь. Вы помните, что этот адмирал действовал, подчиняясь главнокомандующему в Норвегии, что значит, вы скажите трибуналу…

Дёниц: Да, что касалось территории адмирал Цилиакс не был подчинен высшему командованию флота, а командующему Вермахтом в Норвегии, генералу фон Фалькенхорсту; но я могу лишь сказать, что если самоубийство Шрёдера связано с этим делом, тогда приказ коммандос осуществлялся не правильно, когда с этими людьми, которые были военнослужащими флота и были направлены для военно-морской операции, не обращались как с военнопленными. Если так произошло – мне не известно – тогда на месте была совершена ошибка.

Максвелл-Файф: Но в любом случае вы говорите, что, несмотря на эти награды за эту акцию вы как главнокомандующий флотом вообще ничего не знали о ней. Вы так говорите?

Дёниц: Я наградил Рыцарским крестом адмирала фон Шрёдера по совершенно иным причинам. Я награждал им. Мне ничего не известно о наградах остальных упомянутых вами людей. Меня это никак не касалось, потому что их непосредственные вышестоящие начальники это делали. Я не знал действительно ли эти награждения были связаны с историей или имелись другие причины. Я всё ещё не могу вообразить – и не верю – что такой человек как адмирал фон Шрёдер так

---

[224] Отто Цилиакс (1891 —1964) — немецкий адмирал (1943). С 1943 – главнокомандующий немецкими военно-морскими силами в Норвегии.

[225] Николаус фон Фалькенхорст (1885 —1968) — германский военачальник времен Первой и Второй мировых войн. Именно он осуществлял операцию «Везерюбунг», в результате которой были завоеваны Дания и Норвегия. В дальнейшем руководил действиями германского контингента в Норвегии, в том числе во время нападения на Советский Союз. Командующий армией «Норвегия» с 19 декабря 1940 по 18 декабря 1944. Осуждён британско-норвежским судом к смертной казни, наказание было заменено на 20 лет лишения свободы. Освобождён досрочно.

обращался с военнослужащими флота. Документ не говорит, что они были убиты в морском бою, но были захвачены на острове. Мне кажется характерным, что высшему командованию флота не должно было как-либо докладываться об этом, поскольку приказы в этом отношении были отданы, и что доклад Вермахту не должен был ссылаться на это в соответствии с приказом коммандос. Все эти факторы против этого. Я лично не способен сформировать мнение о вопросе.

Максвелл-Файф: Подсудимый, я не собираюсь вдаваться в подробности. Вы можете принять от меня, что доказательство в этом суде, что тот катер был атакован двумя подразделениями морского флота. Если доктор Кранцбюлер обнаружит мою ошибку, я с радостью это признаю. Но мы перейдем к иному предмету. Время идет.

Вы перевернёте на страницу 105 документальной книги?

Дёниц: Тогда я могу лишь сказать, что это явное нарушение приказов и что высшее командование флота не было проинформировано.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы перешли к следующему положению, 105 в немецкой, 71 в английской документальной книге. Теперь у нас не будет каких-либо проблем с этим документом, потому что он подписан вами. Это меморандум о вопросе дополнительной рабочей силы для судостроительства; и вы вероятно с ним хорошо знакомы. Но вы посмотрите на первое предложение?

Дёниц: Я прошу прощения, где эта страница?

Максвелл-Файф: Страница 105, экземпляр GB-211 (документ номер С-195), английская страница 71.

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: Итак, если вы посмотрите на первое предложение:

> «Кроме того, я предлагаю усиливать судоверфи, рабочей партией заключенных из концентрационных лагерей…».

Я не думаю, что нам нужно утруждать себя медниками, но если вы посмотрите на конец документа, самое последнее, вы увидите пункт 2 с с суммированием:

> «12 000 заключенных концентрационных лагерей будут задействованы на верфях как дополнительная рабочая сила. Служба безопасности с этим согласна».

Итак, это ваш документ, значит…

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: Мы можем принять за факт то, что вам было известно о существовании концентрационных лагерей?

Дёниц: Этого я никогда не отрицал.

Максвелл-Файф: И я полагаю, что вы пошли еще дальше — не правда ли? — когда вас спросили об этом 28 сентября. Тогда вы сказали:

> «Я в целом знал о том, что у нас имелись концентрационные лагеря.
>
> Это ясно.

Вопрос: От кого вы узнали об этом?

Ответ: Весь немецкий народ знал об этом».

Вы помните, что вы именно так сказали?

Дёниц: Да. Немецкий народ знал, что существовали концентрационные лагери, но он ничего не знал о положении в них и применявшихся там методах.

Максвелл-Файф: Должны быть для вас было сюрпризом, когда подсудимый фон Риббентроп сказал, что он слышал о двух: Ораниенбурге и Дахау? Скорее это был для вас сюрприз, не так ли?

Дёниц: Нет, это вообще не было для меня сюрпризом, потому что я сам знал только о Дахау и Ораниенбурге.

Максвелл-Файф: Но вы здесь сказали, что знали о том, что были концентрационные лагеря. Откуда вы собирались получить рабочую силу? Из каких лагерей?

Дёниц: Из этих лагерей.

Максвелл-Файф: Вы думаете, что вся рабочая сила доставлялась бы из Германии или она частично была бы иностранными рабочими?

Дёниц: Я вообще об этом не думал. Я хочу сейчас объяснить, как заявлялись эти требования.

В конце войны мне была поставлена задача организации крупномасштабных перевозок в Балтийском море. Постепенно возникла необходимость перевозить сотни тысяч обездоленных беженцев из прибрежных районов Восточной и Западной Пруссии где они подвергались голоду, эпидемиям и бомбардировкам и доставлять их в Германию. По этой причине я делал запросы о торговых судах, которые действительно не были в моей юрисдикции; и, сделав так, я узнал, что из восьми кораблей заказанных в Дании, семь уничтожено саботажниками на последнем этапе сборки. Я созвал совещание всех ведомств, связанных с этими кораблями и спросил их: «Как я могу помочь вам, чтобы мы быстрее получили тоннаж и починили поврежденные корабли? Мне представили предложения от различных ведомств вне флота, включая предложение, что восстановительная работа, и т. д. могла быть ускорена использованием заключенных из концентрационных лагерей. В оправдание, указывалось на то, что в виду превосходных условий с продовольствием, такое трудоустройство было бы очень популярным. Поскольку я ничего ни знал о методах и условиях в концентрационных лагерях, я включил эти предложения в свою подборку как само собой разумеющиеся, в особенности поскольку не было вопроса создания для них худших условий, поскольку им было бы дано лучшее продовольствие при работе. И я знал, что если я сделаю противоположное, я мог быть обвинен здесь в отказе дать этим людям возможность получить лучшее продовольствие. У меня не было ни малейшей причины это делать, так как в то время я ничего не знал о каких-либо

методах в концентрационных лагерях.

Максвелл-Файф: Убежден, мы благодарны за ваше объяснение. Я только хочу, чтобы вы мне ответили на следующее: после того как вы выдвинули предложение о том, чтобы вам предоставили 12 000 рабочих из концентрационных лагерей — получили вы их или нет?

Дёниц: Я этого не знаю. Об этом я больше не беспокоился. После того совещания я подготовил и представил фюреру меморандум…

Максвелл-Файф: Пожалуйста, придерживайтесь прямого ответа. Ответ ваш заключается в том, что вы не знаете, получили вы их или нет, если допустить, что вы их действительно получили.

Дёниц: Я вообще не получал людей, поскольку я не имел никакого отношения к верфям. Поэтому я не знаю, каким образом лица, ответственные за работу на верфях, получали рабочее пополнение. Этого я не знаю.

Максвелл-Файф: Но вы придерживаетесь позиции некоторой ответственности; если вы получили 12 000 человек из концентрационных лагерей в судостроительной промышленности, они работали рядом с людьми, которые не были в концентрационных лагерях, разве нет?

Дёниц: Именно так.

Максвелл-Файф: Вы говорили этому трибуналу, что когда вы запрашивали и могли получить 12 000 человек из концентрационных лагерей, которые работали рядом с людьми не из концентрационных лагерей, что условия в концентрационных лагерях оставались в секрете от остальных людей и всех руководителей Германии?

Дёниц: Прежде всего, я не знал прибыли ли они. Во-вторых, если они прибыли, я могу очень хорошо представить, что у них был приказ не разговаривать; и в-третьих, я даже не знал из каких лагерей они прибыли и были ли это люди которые уже были помещены в другие лагеря по поводу выполнения работы. В любом случае, я не беспокоился об исполнении и методах, и т.д., потому что это не было моим делом; я действовал от имени уполномоченных и нефлотских ведомств, которым требовались рабочие с целью быстрого ремонта, так чтобы что-нибудь было сделано для ремонта торгового флота. Это было моим долгом, учитывая обстоятельства, в которых я осуществлял перевозки этих беженцев. Я сделал бы то же самое сегодня. Такова моя позиция.

Максвелл-Файф: А теперь, посмотрите немного ниже четвёртого параграфа документа, после того как сказано: «Заметка переводчика». Если вы посмотрите на английский, параграф начинается: «Так как повсеместно…». Вы нашли это? Это то, как вы говорили нам, после выражения вашей обеспокоенности о саботаже на датских и норвежских верфях. Я лишь хочу, чтобы вы взглянули на ваше предложение о разбирательстве с саботажниками.

«Так как повсеместно меры конкретного искупления принимаемые в

> отношении всех рабочих партий в которых случался саботаж оказались успешными, и как пример, судостроительный саботаж во Франции оказался полностью подавленным, возможно рассмотреть похожие меры для скандинавских стран».

Подсудимый, это то, что вы предлагали, коллективные наказания всей рабочей партии, где случался саботаж; не так ли?

Дёниц: Да. Могу я привести объяснение в этой связи?

Максвелл-Файф: Хорошо. Но иначе, это так?

Дёниц: Ведомства вне флота связанные с судостроением заявили на совещании, что саботаж во Франции был предотвращен введением определенных искупительных мер. Из письменных показаний офицера присутствовавшего на совещании и готовившего протокол или краткий меморандум, сейчас я убедился, что тогда эти меры означали изъятие дополнительных пайков предпринятое руководством верфи. Вот что это означало. И, во-вторых, переходя к Норвегии и Дании я сказал этим людям:

> «Нам невозможно строить там корабли на нашу валюту и с нашими материалами, только, чтобы получить их уничтожение саботажем – и конечно же при содействии рабочих верфи – когда они почти готовы. Что мы можем с этим сделать»?

Ответ который мне дали был о том, что единственным способом было отделять их от саботажников и собирать их в лагеря.

Максвелл-Файф: Все объяснение, данное вами трибуналу об этом документе таково? У вас есть, что добавить к этому документу?

Дёниц: Правильно. Должен добавить, что с рабочими обращались именно тем же самым способом, как и с нашими рабочими, размещенными в бараках. Датские и норвежские рабочие не страдали от малейшего дискомфорта.

Максвелл-Файф: Я хочу, чтобы вы посмотрели на ещё одну фразу:

> «В результате использования рабочих партий таких как рабочие концентрационных лагерей, их производительность не только повысилась бы на 100 процентов, но и снижение их предыдущих хороших зарплат, может в результате заставить воздержаться от саботажа…»

Это честно представляет ваш взгляд на способ обращения с норвежскими и датскими рабочими, не так ли?

Дёниц: Это была мера безопасности позволяющая удерживать саботаж под контролем.

Максвелл-Файф: А теперь, вернёмся обратно на страницу 70 английской документальной книги, страницу 103 немецкой документальной книги. Это выдержка из протокола совещания между вами и Гитлером 1 июля 1944, подписанного вами. У вас он есть?

Дёниц: Ещё нет.

Максвелл-Файф: Страница 70 на английском, страница 112 немецкого текста (экземпляр номер GB–210).

Дёниц: Нашёл.

Максвелл-Файф: В связи с всеобщей забастовкой в Копенгагене[226], фюрер сказал:

> «Единственное средство против террора это террор. Военно-полевые слушания создают мучеников. История показывает, что имена таких людей на устах каждого, в то время как молчание в отношении многих тысяч тех кто лишился жизни в похожих обстоятельствах без военно-полевых слушаний».

Молчание в отношении тех, кого осудили без суда! Вы согласны с этим заявлением Гитлера?

Дёниц: Нет.

Максвелл-Файф: Тогда почему вы представили это оперативному штабу для рассылки, если вы это не одобряли?

Дёниц: Я не согласен с этой процедурой, но это выражает идею фюрера. Это не было обсуждение между фюрером и мной; это в целом записи о военной обстановке, подготовленные офицером который сопровождал меня и содержат совершенно разные пункты.

Максвелл-Файф: Вы попытаетесь ответить на мой вопрос? Это совершенно просто. Вопрос: почему вы представили её оперативному штабу для рассылки? Что такого интересного было в ней для ваших офицеров? Что вы думали было ценным для ваших офицеров, что это за образчик дикости который я процитировал вам?

Дёниц: Это объясняется очень просто. Офицер, который вёл протокол, включил это с целью проинформировать наши судостроительные заводы о том, что в Копенгагене была всеобщая забастовка. Этот единственный параграф из долгой дискуссии об обстановке был внесен сопровождавшим офицером, Вагнером, по причине, которую я вам привел, чтобы предупредить наших людей о всеобщей забастовке в Копенгагене. Смысл в этом.

Максвелл-Файф: Итак, подсудимый, я не собираюсь с вами спорить о ваших сведениях по документам подписанных вами. У меня есть вопросы которые касаются документов, которые вы не подписывали, так что перейдем к ещё одному.

Дёниц: Документ мне известен. Мне он известен, потому что я его подписывал.

Максвелл-Файф: Страница 69, то есть страница 4 в английской документальной книге или страница 102 в немецкой документальной книге (экземпляр номер GB–209), протокол совещания от 19 февраля 1945, между вами и Гитлером.

Дёниц: Нет, это не верно.

Максвелл-Файф: Нет, я прошу прощения. Это выдержка из протокола совещания у Гитлера от 19 февраля 1945; и затем здесь пометка…

---

[226] Всеобщая забастовка в Копенгагене прошла с 3 по 4 июля 1944 г.

Дёниц: Нет. Тут сказано: участие главнокомандующего флотом в обсуждении обстановки у фюрера. Это не было особым совещанием об общей военной обстановке.

Максвелл-Файф: Я не имею в виду «особое» я сказал совещание у Гитлера 19-го.

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: Итак, первая фраза из параграфа 1 говорит:

> «Фюрер рассматривает должна ли Германия денонсировать Женевскую конвенцию».
>
> Последняя фраза:
>
> «Приказы фюрера главнокомандующему флотом рассмотреть за и против такого шага и заявить о своём мнении насколько возможно быстрее».

И если вы посмотрите на следующий протокол совещания от 20 февраля, который озаглавлен: «Участие главнокомандующего флотом на совещании у фюрера 20 февраля в 16 часов 00 минут», он гласит следующее:

> «Главнокомандующий флотом проинформировал в ставке фюрера начальника оперативного штаба вооруженных сил генерал-полковника Йодля и представителя министра иностранных дел, посла Хевеля[227], о своих взглядах в отношении возможной денонсации Германией Женевских соглашений. С военной точки зрения не было оснований для такого шага что касалось войны на море. Напротив, отрицательное перевешивало положительное. Даже с общей точки зрения главнокомандующему флотом кажется, что эта мера не даст преимущества».
>
> Теперь взгляните на последнее предложение:
>
> «Будет лучше осуществлять меры, рассматриваемые необходимыми без предупреждения и любой ценой сохраняющие лицо перед миром».

Это означает, представляя это грубым и жестоким языком: «Не денонсируйте конвенцию, но нарушайте её там, где посчитаете нужным». Не так ли?

Дёниц: Нет, не правда.

Максвелл-Файф: Что это значит? Рассмотрим слово за словом. «Будет лучше осуществлять меры, рассматриваемые необходимыми…». Такие меры не противоречили правилам Женевской конвенции?

Дёниц: Я должен дать этому объяснение.

Максвелл-Файф: Сначала ответьте на мой вопрос, а потом дадите пояснение. Вы делаете наоборот, но попытайтесь ответить на мой вопрос: «Эти меры рассматривались необходимыми» - если они не означают меры противоречащие

---

[227] Вальтер Хевель (1904 — 1945) — немецкий дипломат во время Второй мировой войны и в межвоенный период, активный член НСДАП. Представитель МИД Германии при ставке Гитлера. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

условиям Женевской конвенции, что они означают? Сначала ответьте на этот вопрос.

Дёниц: Они были мерами против наших собственных войск. Я слышал, или мне было сказано или говорилось о намерении фюрера, что из-за прорыва фронта на Западе и опасений, что американская и британская пропаганда могут привести к дезертирству, он намеревался отступить от Женевской конвенции, так что я сказал своему штабу: «Как это возможно в связи с предусматривающимся сломом вековой системы международного права?». Я мог сказать что-нибудь вроде: «Необходимые меры должны быть предприняты». Здесь не было мысли о конкретных мерах в этой связи и никакие подобные меры не вводились. Мои собственные взгляды на обращение с военнопленными лучше всего услышать от 8000 британских военнопленных, которые были в моих лагерях. Такова ситуация относительно этого вопроса. Все начальники родов войск Вермахта протестовали против идеи денонсации Женевской конвенции. Они не были в пользу этой идеи.

Максвелл-Файф: Это ваше общее объяснение «осуществления мер рассматриваемых необходимыми?» Вам больше нечего добавить по этому пункту? Что же, я перейду к ещё одному. Вы помните, что говорили вчера доктору Кранцбюлеру, что когда вы стали главнокомандующим флотом, что война была чисто оборонительной войной? Вы помните, что вчера говорили это своему защитнику?

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: Что же, позвольте мне предложить вам, вы помните о дискуссии по морским перевозкам в Сицилию и Сардинию? Вы помните дискуссию об этом, и вы помните ваше предостережение Гитлеру, что ваши потери подводных лодок были от 15 до 17 в месяц и что положение с будущем подводной войны казалось довольно туманным. Вы это помните?

Дёниц: Помню.

Максвелл-Файф: И вы помните, что Гитлер сказал: «Потери слишком велики. Так не может продолжаться». И вы сказали Гитлеру:

> «Теперь у нас есть лишь небольшой выход для походов в Бискайском заливе, и его контроль включает огромные сложности и уже занимает до десяти дней. Главнокомандующий флотом видит лучшим стратегическим решением оккупацию Испании, включая Гибралтар».
>
> И Гитлер заметил:
>
> «В 1940 ещё было возможно сотрудничество с Испанией; но теперь, против воли Испании, наши ресурсы уже не адекватны».

Вы помните это предложение Гитлеру 14 мая 1943, и Гитлера говорившего, что его ресурсы неадекватны?

Дёниц: Я не думаю, что я предлагал фюреру, чтобы мы должны были оккупировать Испанию. Я описывал обстановку очень четко; я сказал, что мы были блокированы в

маленьком уголке Бискайского залива и что обстановка была бы иной если было бы больше места. Однако, этим не предлагалось что учитывая оборонительную обстановку, мы должны были оккупировать Испанию.

Максвелл-Файф: Позвольте нам прояснить, я сейчас вам процитирую из известного дневника адмирала Ассмана[228], дословный перевод.

Милорд, оригинал в Лондоне. Я получу копию и представлю её и удостоверю. Это положение вновь возникло лишь вчера, и я его не получил. Я дам и покажу доктору Кранцбюлеру этот дневник.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это слова из записей адмирала Ассмана:

> «Главнокомандующий флотом продолжает: теперь у нас лишь небольшой выход для походов в Бискайском заливе, и его контроль включает огромные сложности и уже занимает десять дней.
>
> Главнокомандующий флотом видит лучшим стратегическим решением оккупацию Испании, включая Гибралтар».

Вы говорили, что «лучшее стратегическое решение лежит в оккупации Испании, включая Гибралтар»?

Дёниц: Это возможно. Если эта формулировка здесь, то возможно, что я так выразился.

Максвелл-Файф: Милорд, я собираюсь перейти от этого общего…

Председатель: Сэр Дэвид, вы полностью пропустили С-158 на странице 69?

Максвелл-Файф: Милорд, да, но я могу легко к этому вернуться, милорд.

Председатель: Что же, второе предложение параграфа 1 кажется, имеет некоторое отношение к ответам данным подсудимым.

Максвелл-Файф: Милорд, я извиняюсь, но я пытался сделать покороче – касаясь важнейшего – и я извиняюсь, если я пропустил предметы.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый вы вернётесь к последнему документу, С–158. Тому, что про Женевскую конвенцию; это на странице 69 английской книги; 102 немецкой, какой бы вы не следовали. Сержант-майор вам поможет найти это.

Итак, если вы посмотрите на первый параграф, после зачитанного мной предложения: «Фюрер рассматривает должна ли Германия денонсировать Женевскую конвенцию», он продолжается:

> «Не только русские, но также западные державы нарушают международное право своими действиями против беззащитного населения и в жилых районах и городах. Следовательно, кажется целесообразным следовать тому же курсу с целью продемонстрировать противнику, что мы намерены сражаться за своё существование любыми средствами, и также такими мерами призывать наш народ сопротивляться до последнего».

---

[228] Курт Ассман (1883 – 1962) – немецкий адмирал. В 1937 – 1943 руководитель военно-морского архива Германии.

Ни это ли, то на что здесь ссылается «тот же курс» - не были они такими же «мерами, рассматриваемыми необходимыми» на которые вы ссылались во втором протоколе?

Дёниц: Свидетель, который готовил эти два протокола способен точно объяснить, где и когда эта информация давалась. Мне самому лишь говорили, также как свидетельствовал рейхсмаршал, что раздраженность фюрера была из-за того, что наш Западный фронт не удерживался, и люди с удовольствием становились американскими и английскими военнопленными. Так возник вопрос; и такую информацию я изначально получил.

Я не могу привести мнение об этих протоколах, которые готовились офицером. Лучше было бы адмиралу Вагнеру привести более точные подробности этого. Большего я не могу сказать под присягой. Я считал, что денонсация Женевской конвенции была принципиальной ошибкой и была неправильной. Я привёл практическое доказательство своих взглядов на обращение с военнопленными. Всё остальное неправильно.

Максвелл-Файф: Я хочу дать понять, что обвинение вменяет вам то, что вы не были готовы денонсировать конвенцию, но были готовы к действиям противоречащим конвенции и ничего об этом не говорить; и вот, что предложил последней фразой.

Милорд, я собираюсь перейти к войне на море.

Дёниц: Я прошу прощения, но могу я сказать еще немного? Если предпринимаются меры против дезертирства, они должны быть преданы огласке. Они должны иметь устрашающий эффект; и значит, мне никогда не пришло бы в голову делать их секретными. Напротив моя мысль заключалась в том «как вообще можно выйти из Женевской конвенции?». И это то, что я высказал

Максвелл-Файф: Документ понятен.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Максвелл-Файф: Подсудимый, было ли вам известно, что в первый день войны командование флота обратилось к министерству иностранных дел с заявлением о том, что максимальный ущерб Англии может быть нанесен, принимая во внимание наличие военно-морских сил, только в том случае, если подводным лодкам будет разрешено неограниченное использование оружия без предупреждения против союзных и нейтральных судов на обширных водных пространствах? Знали ли вы о том, что с самого первого дня войны командование военно-морского флота заявило об этом германскому министерству иностранных дел?

Дёниц: Мне не кажется, что штаб руководства войной на море в то время направил мне подобный меморандум, если его, когда-либо составляли, о чём я не знаю.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу, чтобы вы попытались вспомнить, потому что это достаточно важно. Вы говорите, что морское командование никогда не информировало флагмана подводных лодок, о своём взгляде на войну?

Дёниц: Я не знаю. Я не могу вспомнить, чтобы штаб руководством войной на море когда-либо информировал меня о таком письме министерству иностранных дел. Мне не кажется, что они это сделали, я не знаю.

Максвелл-Файф: В таком случае, возможно, вам будет легче вспомнить об этом, если вы взглянете на это письмо.

Милорд, это документ номер D-851 и он станет экземпляромGB-451.

Дёниц: Нет, я не знаю этой бумаги.

Максвелл-Файф: Я буду останавливаться на отдельных частях этого документа, потому что вы, может быть, не знаете первой его части, я вам ее прочитаю, и затем мы вместе обратимся к меморандуму.

> «С почтением доводится до сведения государственного секретаря», то есть барона фон Вайцзеккера[229], «с приложением меморандума.
>
> Начальник оперативного отдела штаба руководства войной на море капитан Фрике[230] информировал меня по телефону о том, что фюрер уже рассматривал этот вопрос. Однако здесь создалось такое впечатление, что надо вновь заняться этим вопросом, с политической точки зрения вновь представить его на рассмотрение фюреру. Капитан Фрике в связи с этим послал корветтен-капитана Нойбауэра[231] в министерство иностранных дел для того, чтобы подвергнуть этот вопрос дальнейшему обсуждению».

Это подписано Альбрехтом 3 сентября 1939 г.». Затем идет текст меморандума.

> «Вопрос о неограниченной подводной войне против Англии обсуждается в прилагаемом документе, представленном высшим командованием флота.
>
> Командование флотом пришло к тому заключению, что максимальный ущерб Англии может быть нанесен, принимая во внимание наличие сил, только в том случае, если подводным лодкам разрешат неограниченное использование оружия без предупреждения против неприятельских и нейтральных судов в запретной зоне, указанной на прилагаемой карте.

---

[229] Эрнст фон Вайцзеккер (1882 —1951) — германский дипломат, бригадефюрер СС. 1938 – 1943 государственный секретарь министерства иностранных дел. Американским трибуналом был осуждён к 7 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[230] Курт Фрике (1889 – 1945) – немецкий адмирал, в годы второй мировой войны высшем командовании флотом. С 1943 командующим военно-морскими силами Юга. Убит во время битвы за Берлин.

[231] Карл-Хайнц Нойбауэр (1903 - ?) – деятель германского флота. В 1937-1940 референт ОКМ. В 1943-1945 занимал должности начальника штаба в различных региональных командованиях ВМФ Германии.

Военно-морское командование при этом учитывает, что:

а) тем самым Германия открыто откажется от соглашения 1936 года относительно ведения экономической войны; b) военные операции такого рода не смогут быть оправданы на основании общепринятых до настоящего времени принципов международного права».

И затем продолжается рассмотрение этого вопроса.

Заявляете ли вы данному трибуналу, что подсудимый Рёдер никогда не консультировался с вами по этому вопросу и никогда не сообщал вам об этом до тех пор, пока эти документы не были переданы в министерство иностранных дел?

Дёниц: Нет, этого он не делал и это демонстрируется тем фактом, что это меморандум от начальника оперативного управления государственному секретарю, то есть, переговоры между Берлином и министерством иностранных дел; и фронтовой командующий, чья ставка была на побережье и который по всем практическим задачам был ответственен за подводные лодки, не имел к этому никакого отношения.

Мне не известно это письмо.

Максвелл-Файф: Что же, вы говорите о том, что вы приступили к своим действиям в начале войны не зная о точке зрения высшего командования флотом?

Дёниц: Я не был проинформирован об этом письме. Я уже сказал, что мои сведения о нём…

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос был о том, известен ли был вам взгляд высшего командования флотом. Ответьте на вопрос.

Дёниц: Нет, я не знал об этом. Я знал о том, что взгляд высшего морского командования заключался в том, чтобы следовать за мерами противника. Я знал об этом.

Максвелл-Файф: Подсудимый, но вы понимаете всю разницу. Это то, что вы долго рассказывали, давая свои показания позавчера и вчера, что отвечали шагом на шаг, на меры противника. Вы давали показания. Вы говорите, что вы не знали об этом взгляде подсудимого Рёдера, сформированном на первый день войны? Вы говорите, что вообще не знали, не имели подозрений о таком взгляде Рёдера?

Дёниц: Нет; я не знал этого, потому что я не знал об этом письме; и не знал было ли это взглядом господина Рёдера. Я не знаю.

Максвелл-Файф: Что же, я снова не хочу спорить с вами; но если командующий, начальник флота – и я думаю, что в то время, он называл себя также начальником военно-морского штаба – позволяет начальнику своего оперативного управления представить этот взгляд министерству иностранных дел – это практика немецкого флота позволять капитанам передавать подобный взгляд, при том, что его не разделяет главнокомандующий?

Это смешно, не так ли? Ни один главнокомандующий не позволит нижестоящему офицеру представлять взгляд министерству иностранных дел если он

его не разделяет, не так ли?

Дёниц: Спросите, пожалуйста, об этом главнокомандующего флотом Рёдера. Я не могу дать вам какую-либо информацию о том, как написано это письмо.

Максвелл-Файф: Подсудимый я сделаю это с большим удовольствием; но сейчас, вы понимаете, у меня есть вопросы о предметах, которые предлагали вы, и мой следующий вопрос это: это не было следованием взгляду и желанию, выраженным в этом меморандуме, чтобы командование подводными лодками с самого начала игнорировало Лондонский договор[232] о предупреждении кораблей?

Дёниц: Нет, напротив, совершенно противоположно. На Западе мы хотели избегать любых дальнейших осложнений, и мы стремились настолько долго насколько возможно сражаться в соответствии с Лондонским соглашением. Это можно увидеть из всех директив получаемых подводными лодками.

Председатель: Сэр Дэвид, вероятно, вы сами обратите его внимание на предпоследний параграф этого меморандума?

Максвелл-Файф: Милорд, вероятно, я должен. Милорд, я зачитаю три, потому что если вы заметите, он продолжается:

> «Высшее командование не утверждает, что Англия может быть побеждена неограниченной подводной войной. Уменьшение судоходства с мировым торговым центром Англии вызовет серьезные затруднения в её национальной экономики для нейтралов, для которых мы не сможем предоставлять компенсации.
>
> Точки зрения, основанные на внешней политике благоприятствуют использованию метода неограниченной подводной войны, только если Англия даст нам оправдание, с целью оформить такую войну как репрессалию.
>
> Кажется необходимым, в виду величайшего значения сферы внешней политики в предпринятом решении, чтобы оно должно было быть не только результатом военных соображений, но и полностью учитывать потребности внешней политики».

Я крайне обязан, ваша светлость.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы слышали о какой-либо квалификации этого взгляда, который вызывался соображениями внешней политики? Вы что-нибудь об этом слышали?

Дёниц: Нет, я лишь могу повторить, то, что я здесь впервые увидел документ.

Максвелл-Файф: Понимаю. А теперь, я хочу, чтобы вы, до продолжения с вопросом, посмотрели на страницу 19 английской документальной книги, страницу 49 немецкой.

Милорд, здесь содержится весь договор, который очень короткий. Милорд у меня есть заверенная копия, если ваша светлость захочет взглянуть на неё,

---

[232] Имеется в виду ст. 22 Лондонского морского договора 1930.

но она приводится здесь в двух параграфах.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы видите:

«1. В действиях относительно торговых судов, субмарины должны следовать правилам международного права которые распространяются на надводные суда.

2. В частности, за исключением случая упорного отказа остановиться при своевременных сигналах или при активном сопротивлении посещении или обыску, военный корабль, будь то надводное судно или субмарина, не может потопить или лишить способности передвижения торговое судно в первую очередь, не разместив в безопасности пассажиров, экипаж и судовые документы. Для этой цели корабельные шлюпки не учитываются в качестве безопасного места до тех пор, пока пассажирам и экипажу не гарантирована при существующих морских и погодных условиях достижимость суши, или присутствие иного судна, которые в состоянии взять их на борт».

Я специально напомнил вам это, потому что у меня есть некоторые вопросы для вас об этом.

Вы перевернёте страницу и посмотрите внизу страницы 20 в английской документальной книге – это либо страница 50 или 51 в немецкой документальной книги – где приводятся какие-то цифры.

Вы нашли страницу?

Дёниц: Да, я прочитал.

Максвелл-Файф: Вы прочитали. Вы увидите, что сказано в двух фразах в начале:

«В некоторых ранних случаях германский командир позволял экипажу торгового судна ясно понять; и он даже делал некоторые приготовления, прежде чем уничтожить судно. Такое уничтожение было в соответствии со статьей 72 призовых правил; и, следовательно, для цели этого документа, немцам без сомнения предоставляется преимущество».

Следующие цифры для записи. По первому году войны:

«Потоплено кораблей: 241.

Запротоколированных атак: 221.

Незаконных атак: 112. По крайней мере, 79 из этих 112 кораблей были торпедированы без предупреждения. Это конечно не включает, корабли конвоев».

Подсудимый, я хотел, чтобы вы полностью понимали, что это исключает, прежде всего, корабли, где предпринимались какие-нибудь меры для безопасности экипажа и во-вторых, это исключает корабли конвоев.

Итак, вы каким-либо образом оспариваете эти цифры, о том, что в первый год войны было 79 атак без предупреждения?

Дёниц: Да. Эти цифры нельзя проверить. Вчера я заявлял, что вследствие использования кораблями оружия мы должны были предпринимать иные меры. Значит, я не могу проверить был ли этот доклад, который по иным причинам выглядит для меня очень похожим на пропаганду, учитывая поведение экипажей и их сопротивление, и т.д. То есть, мне невозможно проверить эти цифры или сказать на чём они основаны. В любом случае, немецкая точка зрения была такой, что она учитывала правовые соображения, что корабли были вооружены и что они передавали разведданные – были частью разведывательной организации – и что с той поры против этих судов предпринимались действия без предупреждения. Я уже упоминал факт того, что Англия действовала точно также, и так делали другие нации.

Максвелл-Файф: Я собираюсь задать вам несколько вопросов об этом, но возьмем один пример. Скажите, было ли сделано какое-нибудь предупреждение перед потоплением «Athenia»?

Дёниц: Нет, я уже сказал, что в этом случае имела место ошибка; «Athenia» была принята за вспомогательный крейсер[233]. Потопление вспомогательного крейсера без предупреждения совершенно законно. Я также уже заявлял, что при допросе о деле, я обнаружил, что командир должен был быть более осторожен и поэтому он был наказан.

Максвелл-Файф: Приходило ли вам когда-либо в голову, что случаи потопления торгового судна без предупреждения означали смерть или ужасные страдания для команды и моряков торгового флота?

Дёниц: Если торговые корабли…

Максвелл-Файф: Просто ответьте на вопрос.

Дёниц: Если торговый корабль действует как торговый корабль, с ним соответственно обращаются. Если нет, тогда субмарина должна проводить атаку. Это законно и соответствует международному праву. Тоже самое происходило с немецкими торговыми кораблями.

Максвелл-Файф: Я не об этом вас спрашивал. Я хотел знать, потому что это важно для кое-каких пунктов: с вами когда-либо происходило, вы когда-либо учитывали, что вы собираетесь также причинить смерть или страдания экипажам торговых кораблей которые были потоплены без предупреждения?

Скажите нам, это случалось с вами или нет?

Дёниц: Само собой. Но если торговый корабль потоплен законно, то ничего не поделаешь, война, и во время войны такие страдания бывают и в других местах.

Максвелл-Файф: Рассматриваете ли вы с гордостью тот факт, что 35 000

[233] Вспомогательный крейсер — быстроходный коммерческий корабль или пассажирский лайнер, оборудованный вооружением и применяющийся в ходе военных действий на море как сторожевое, патрульное, досмотровое или конвойное судно (в ВМФ Великобритании), либо как рейдер в (ВМФ Германии и ВМФ Японии).

британских моряков торгового флота погибли в течение войны? Вы смотрите на это как на достижение или с сожалением?

Дёниц: Люди гибнут во время войны, и этим никто не гордится. Это неправильное выражение. Это необходимость, суровая необходимость войны.

Максвелл-Файф: Что же, теперь, просто посмотрите на страницу 29 английской документальной книги, или страницу 58 немецкой, где вы найдете. Это документ номер С-191, экземпляр GB-193. Это 22 сентября, 19 дней после начала войны.

> «Флагман подводных лодок намерен разрешить подводным лодкам топить без предупреждения любое судно, без огней.
>
> Предыдущие указания, позволяющие атаковать французские военные и торговые корабли только в качестве оборонительной меры, только французские или англо-французские конвои только к северу от широты Бреста и запрещающие атаки на все пассажирские корабли, вызвали огромные сложности для подводных лодок, в особенность ночью. На практике, возможности атаковать ночью нет, так как подводная лодка не может безошибочным способом, предотвращающим ошибки идентифицировать цель, которая затемнена. Если политическая обстановка такова, что даже возможные ошибки должны быть урегулированы, подводным лодкам должно быть запрещено совершать любые ночные атаки в водах в которых французские и английские морские силы или торговые суда могут перемещаться. С другой стороны, в морских районах, где только ожидаются английские подразделения, меры желаемые флагманом подводных лодок, могут быть осуществлены. Разрешение на такой шаг не будет дано в письменном виде, но требует простого негласного одобрения штаба морских операций. Командиры подводных лодок будут проинформированы из уст в уста» - и заметьте последнюю строчку – «и потопление торгового корабля вероятно должно оправдываться в журнале боевых действий как из-за смешения с военным кораблём или вспомогательным крейсером».

Итак, просто скажите мне – воспользуйтесь шансом – вы считаете плавание без огней таким же, как длящийся отказ остановиться при своевременном уведомлении или активным сопротивлением посещению или обыску, в рамках договора? Какой из этих вещей вы это считали?

Дёниц: Если торговый корабль действует как военный корабль…

Максвелл-Файф: Прежде всего, вы должны ответить на мой вопрос, если трибунал не установит иного; и тогда вы можете дать своё пояснение. Мой вопрос таков: вы считаете, что плавание без огней такое же, как длящийся отказ остановиться при своевременном уведомлении или активное сопротивление посещению или обыску? Вы считаете это либо тем или другим? Да?

Дёниц: Вопрос не правильно выражен, потому что мы рассматривали определенный оперативный район, в котором британские и французские…
Председатель: Подсудимый, отвечайте, пожалуйста, на вопрос.
Дёниц: Я прошу прощения?
Максвелл-Файф: Вы считаете, плавание без огней длящимся отказом остановиться при своевременном уведомлении, которое является одним из предметов договора, или активным сопротивлением посещению или обыску, которое является другим предметом установленным договором? Итак, вы считаете, что плавание без огней это один или оба предмета указанные в договоре?
Дёниц: Если торговый корабль плывёт без огней, оно должно нести риск быть принятым за военный корабль, потому что ночью невозможно различить между торговым кораблем и военным кораблём. Во время принятия приказа, он касался оперативного района, в котором затемненные транспорты шли из Англии во Францию.
Максвелл-Файф: Ваш ответ не о том, что это охватывалось договором, но в результате одного вопросов в договоре, но ваше объяснение заключалось в том, что вы думали, что вправе торпедировать без предупреждения любой корабль, который по ошибке мог быть принят за военный корабль. Это ваш ответ, не так ли?
Дёниц: Да.
Максвелл-Файф: Зачем подсудимый фон Риббентроп и все эти морские советники предусмотрели, в каких случаях Германия придерживается договора, если вы собирались интерпретировать его таким образом? Вас когда-либо спрашивали об этом до ратификации Германией этого договора в 1936?
Дёниц: Меня не спрашивали перед подписанием этого договора; Германия придерживалась договора на практике, так как я очень хорошо это знал, до тех пор, пока не были введены контрмеры; и тогда я получил приказы действовать соответствующе.
Максвелл-Файф: Позвольте посмотреть на документы и понять, если вы сможете, вероятно, немного больше мне помочь по другим пунктам. Почему эта акция основывалась на негласном одобрении военно-морского штаба? Почему у военно-морского штаба не было отваги говорить о своём одобрении приказа, если он был правильным?
Дёниц: Да; бумага, показанная мне это запись или меморандум сделанный молодым офицером штаба руководства войной на море. Фактически – это было идеей этого отдельного офицера штаба руководства войной на море; и как я указывал здесь, я не знаю о вопросе – фактически штаб руководства войной на море никогда не давал мне такого приказа. Содержание бумаги фикция.
Максвелл-Файф: Нет, конечно, они вообще не хотели отдавать приказа. Вы понимаете, это заявляется с огромной откровенностью, что вы действовали фактически по негласному одобрению военно-морского штаба, что значит военно-

морской штаб может сказать, как и вы сказали сейчас: «Мы не отдавали приказа» и нижестоящие офицеры действовали по негласному слову, и я хочу знать – вы были главнокомандующим германским флотом – почему это делалось таким способом, почему это делалось негласными словами, устными приказами?

Дёниц: Нет, это точно не правильно. Это был идеей молодого офицера. Приказ, который я получил из штаба руководства войной на море строго заявлял, что затемненные суда могут быть потоплены в том районе, где английские транспорты шли из Англии во Францию. Значит, вы поймите, он не содержал ни одну из вещей, указанных в этом меморандуме. Нет сомнения, что начальник отдела и похоже начальник штаба руководства войной на море отказался и отверг эту совершенно невозможную идею и отдал мне тот краткий и строгий приказ.

Максвелл-Файф: Вы предлагаете трибуналу, что эти жизненно важные пункты – «негласное одобрение военного штаба, командиры подводных лодок проинформированы из уст в уста» - что молодому офицеру штаба позволили представить неправильный меморандум и принять его неисправленным? Это такой способ, таково состояние эффективности штаба германского флота?

Дёниц: Нет, это недопонимание. В действительности он был исправлен. То есть записка представленная служащим штабом руководства войной на море, которую его вышестоящее начальство не одобрило. Она была исправлена. Не было негласной договоренности, а был строгий и ясный приказ для меня; это значит, что идея молодого офицера уже была отвергнута самим штабом руководства войной на море.

Максвелл-Файф: Вам известно, что оригинал с инициалами адмирала фон Фридебурга[234]?

Дёниц: Нет, это совершенная ошибка, это невозможно. «Фд» так тут написано – это значит Фресдорф[235]. Это был капитан-лейтенант Фресдорф. Он был служащим штаба руководства войной на море – не Фридебург. Он был молодым офицером в первом управлении штаба руководства войной на море. Вообще обо всех этих вещах я узнал здесь. Его начальник, адмирал Вагнер, он это уже осудил. Это не был Фридебург, а Фресдорф. Таким способом этот молодой офицер обдумал это, но в действительности был отдан четкий приказ без таких вещей.

Максвелл-Файф: Возьмем другую часть. «Потопление торгового корабля должно вероятно оправдываться в журнале боевых действий как из-за смешения с военным кораблём или вспомогательным крейсером» Вы согласны с подделкой записей после вашего потопления корабля?

Дёниц: Нет, и этого не делалось. Это также относится к той же категории – идеям офицера. Никакого приказа никогда не отдавалось. Приказ штаба руководства войной на море, отданный мне в этой связи представлен и это ясный и краткий

---

[234] Ганс фон Фридебург (1895 — 1945) — немецкий военно-морской офицер, генерал-адмирал (30 января 1945). В мае 1945 главком ВМФ Германии. После подписании акта капитуляции германских вооружённых сил в Берлине, по возвращению во Фленсбург покончил жизнь самоубийством.

[235] Вернер Фресдорф (1908 – 1939) – референт СКЛ в 1938-1939. Погиб в авиакатастрофе.

приказ, без вещей упомянутых здесь.

Максвелл-Файф: Конечно, вы учитываете, что эти вещи, согласно меморандуму указывались без приказов. Не было никакого приказа, потому что приказ, отданный приказ – потому что если бы это было сделано без приказа этого бы не случилось. Вы предполагаете – вы взваливаете это на плечи капитан-лейтенанта, который придумал эти три позорных факта: негласное одобрение, устные инструкции командирам, и подделка приказов? Вы говорите, что они существовали только в уме капитан-лейтенанта? Вы это говорите трибуналу?

Дёниц: Да, да, конечно, потому что есть ясный, краткий приказ отданный мне штабом руководства войной на море в котором эти вещи не упоминались. И также ясно я передавал свои приказы. Так это было. Этот меморандум эти идеи того офицера, уже были отвергнуты начальником его ведомства в Берлине. Мне был отдан ясный приказ, однако, и тут не имелось никакого отношения к журналу боевых действий и всем упоминавшимся вещам. Этот приказ доступен.

Максвелл-Файф: Что же, мы должны будем спросить, как я понимаю, адмирала Вагнера о том, откуда у этого капитан-лейтенанта возникли такие идеи, это так, и он ли их выдвинул? Вы это говорите нам, Вагнер способен разобраться с этим, не так ли?

Дёниц: Адмиралу Вагнеру самому всё об этом известно, потому что этот служащий был в его управлении в Берлине.

Максвелл-Файф: Понимаю. Что же, если вы возлагаете это на капитан-лейтенанта, перейдем к другому пункту. В середине ноября…

Дёниц: Я никого никак не порочу, но это были идеи молодого офицера, которые уже были отвергнуты начальником его управления. Я никого не порочу. Я никого не обвиняю.

Максвелл-Файф: Понимаю. Я думал, порочите.

А теперь, перейдём к другому пункту. В середине ноября 1939, Германия приняла предостережение, что она потопит без предупреждения вооруженные торговые корабли. Вам неизвестно, что до этого предупреждения – если вы хотите посмотреть на пункт, вы найдете его на странице 21 английской документальной книги или с 51 по 52 немецкой документальной книги. Это прямо перед концом, приблизительно пять строчек.

> «На середину ноября, счет» - то есть 20 – «британских торговых судов уже незаконно потопленных орудийным огнём или торпедированных субмаринами».

Председатель: О какой странице вы говорите?

Максвелл-Файф: Милорд, страница 21, приблизительно десять строк перед концом.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый, вы понимаете, что я предполагаю, то, что заявление, предостережение, о том, что вы потопите

вооруженные торговые корабли, не делало на практике различий с уже принятой вами практикой потопления невооруженных судов без предупреждения.

Дёниц: В начале октября, если правильно помню, я получил приказ или разрешение, законное разрешение, топить вооруженные торговые корабли. С того момента я действовал соответствующе.

Максвелл-Файф: Просто скажите мне: вашим мнением было, что простое наличие вооружений, орудия, на торговом корабле, представляло собой активное сопротивление посещению и обыску в рамках договора; или это было новое дополнение для руководства немецкой подводной войной, которую вы ввели совершенно независимо от договора?

Дёниц: Само собой разумеется, что если у корабля есть орудие на борту, он им воспользуется. Было бы односторонним обязательством, если бы субмарина, самоубийственным путём, ожидала пока другое судно выстрелит первым. Это взаимное соглашение, и нельзя ни при каких обстоятельствах ждать ожидания субмариной первого выстрела. И, как я сказал ранее, на практике пароходы использовали свои орудия, как только они были в радиусе поражения.

Максвелл-Файф: Подсудимый, но вам известно, вооружение торговых кораблей, было хорошо известно в прошлой войне. Оно было, хорошо известно за 20 лет до подписания этого договора. И вы согласитесь со мной, не так ли, что в договоре не было ни слова запрещающего вооружение торговых кораблей? Почему вы не давали этим кораблям возможности воздержаться от сопротивления или остановиться? Почему перед лицом договора, который вы подписали лишь 3 годами раньше? Вот это я хочу узнать. Если вы не можете мне сказать, если вы скажете, что это спорный вопрос, я спрошу адмирала Рёдера. Сейчас, вы скажете нам, или вы можете нам сказать, почему вы не соблюдали договор?

Дёниц: Это не было нарушением договора. Я не эксперт по международному праву. Я солдат; и я действовал согласно моим военным приказам. Конечно, самоубийство для субмарины ждать пока в неё выстрелят первыми. Само собой разумеется, что пароход несёт орудия не для забавы, а для их использования. И я уже объяснял, как они их использовали.

Максвелл-Файф: Что же, теперь, ещё один предмет, потому что в виду ваших показаний я должен пройти эти пункты.

Вы приказывали своим командирам рассматривать использование радио как активное сопротивление? Вы рассматривали, что использование радио торговым судном это активное сопротивление в рамках договора?

Дёниц: 24 сентября, приказом штаба руководства войной на море…

Максвелл-Файф: Нет, нет, подсудимый, сначала просто ответьте на вопрос, и затем приводите объяснение. Я говорил это вам почти 20 раз вчера и сегодня. Вы рассматривали использование радио торговыми кораблями как активное сопротивление?

Дёниц: В целом установлено международным правом, что торговый корабль может быть обстрелян, если он использует своё радио, во время остановки. Например, это также во французских призовых правилах. С целью избежать более жестких мер, мы, как правило, так не делали. Это правило, соответствующее международному праву, вступило в силу только в конце сентября, когда я получил конкретный приказ или разрешение сделать это.

Максвелл-Файф: Скажите мне, германское адмиралтейство не знало в 1936, что большинство торговцев имели радио?

Дёниц: Конечно, но в соответствии с Международной конференцией по международному праву – я это случайно узнал, потому что сноска на это находилась в призовых правилах – в соответствии с этой конференцией 1923, им не разрешалось использовать радио после остановки. Это международный закон, и он находился во всех инструкциях. Мне точно известно, что французские инструкции говорили то же самое.

Максвелл-Файф: В любом случае, германское адмиралтейство и германское министерство иностранных дел никак не упомянули использование радио в этом договоре.

Что я предполагаю – я хочу, чтобы вы поняли – это то, что вы вообще никак не волновались о договоре там где он не подходил к вашим операциям в этой войне.

Дёниц: Это неправда.

Максвелл-Файф: Итак, перейдем к нейтралам. Я не слышал от вас, что вы разбирались с нейтралами, потому что они были вооружены, но возьмем конкретный пример.

«12 ноября 1939…».

Дёниц: Я никогда не говорил, что нейтралы были вооружены.

Максвелл-Файф: Так я и думал. Что же, мы это исключим. Мы возьмем пример.

Милорд, это приводится на странице 20 документальной книги, и в середине параграфа (экземпляр номер GB-191).

[*Обращаясь к подсудимому*]

«12 ноября, норвежец «Arne Kjode[236]» был торпедирован в Северном море вообще без предупреждения. Это был танкер, направлявшийся из одного нейтрального порта в другой».

Итак, подсудимый, вы классифицировали танкеры, направляющиеся из одного нейтрального порта в другой в качестве военных кораблей; или по этой причине судно было торпедировано без предупреждения? Капитан и четверо из экипажа лишились жизни. Остальных людей подобрали много часов спустя в открытой лодке. Почему вы торпедировали нейтральные суда без предупреждения? Это лишь 12 ноября в Северном море, танкер шёл из одного нейтрального порта в

---

[236] «Арне Къоде» - норвежский танкер, 12 ноября 1939 тяжело поврежден в результате атаки подводной лодки Ю-41.

другой.

Дёниц: Что же, командир субмарины в этом случае не понял, во-первых, что корабль идет из одного нейтрального порта в другой, но данный корабль…

Максвелл-Файф: Следовательно…

Дёниц: Нет, не по этой причине; нет. Но этот корабль направлялся к Англии и он перепутал его с английским кораблем. Вот почему он его торпедировал. Мне известен этот случай.

Максвелл-Файф: Вы одобряете эту акцию командира субмарины?

Дёниц: Нет; это утверждение сделано вами самим и оно на практике опровергалось нашей чистой подводной войной и фактом, что тут была совершена ошибка.

Максвелл-Файф: В случае сомнений, торпеди…

Дёниц: Это один из случаев…

Максвелл-Файф: Вы его не одобряете: в случае сомнений, торпедировать без предупреждения? Таков ваш взгляд?

Дёниц: Нет, нет; это просто ваше утверждение. Если один или два примера ошибок найти за время 5 ½ лет чистой подводной войны, это ничего не подтверждает; но это противоречит вашему утверждению.

Максвелл-Файф: Да. Что же, если хотите, теперь, посмотрим на вашу чистую подводную войну. Переверните на страницу 30 английской книги или страницы с 59 по 60 немецкой книги.

Итак, первое из этого – это запись об интенсификации подводной войны. Вы говорите, что по директиве высшего командования вооруженных сил от 30 декабря – это от 1 января 1940:

> «…фюрер, по докладу главнокомандующего флотом» - то есть подсудимого Рёдера – «решил: (а) греческие торговые суда рассматриваются как вражеские торговые суда в зоне вокруг Британии объявленной запретной США».

Милорд, здесь ошибка в переводе. Вы видите, что он говорит: «блокированной США и Британией». Правильный перевод должен быть «в зоне вокруг Британии объявленной запретной США»

Итак, подсудимый, в любом случае намеренно я не хочу делать ошибочных заявлений. Вы включили греческие суда, потому что вы верили, что большинство греческого торгового флота были британским фрахтом[237], были зафрахтованы Британией? По этой причине?

Дёниц: Да. Вероятно, вот почему штаб руководства войной на море отдал приказ, потому что греческий флот служил Англии. Я полагал, что такими были причины штаба руководства войной на море.

Максвелл-Файф: Предположим это было причиной. Я не хочу занимать время этим положением. То, что я хочу знать это: это означало, что любой греческий корабль в

[237] Фрахт — в праве: обусловленная договором или законом плата за перевозку груза.

этих водах был бы потоплен без предупреждения?

Дёниц: Да. Здесь говорится, чтобы с ними должны были обращаться как с вражескими кораблями.

Максвелл-Файф: Тогда, в итоге, это означает, что греческий торговец с тех пор был бы потоплен без предупреждения если бы вошёл в зону вокруг британского побережья.

Итак, вы упоминали Бристольский залив, и вы приводили ваше объяснение следующей фразе. Вы говорите, что все корабли могли быть атакованы без предупреждения. Для внешнего потребления, эти атаки должны были приводиться как столкновения с минами.

Я лишь хочу у вас выяснить. Вы не предполагали, что причиной высшего командования флотом было сокрытие лабиринта операций подводных лодок; причиной было избегать затруднений с нейтралами, чьё хорошее отношение вы хотели сохранить, не так ли?

Дёниц: Я уже заявлял вчера о своей позиции. Эти вопросы связывались с политическим руководством, и я ничего об этом не знал. Я сам, как командующий подводными лодками, смотрел на них только с угла военного преимущества или целесообразности, также как Англия делала в похожих вещах. Какими были политические причины, я не могу сказать.

Максвелл-Файф: Подсудимый, таково в целом моё предположение вам, вам известно, что вы действовали с военной необходимостью, указанной в этом меморандуме морского командования о том, что максимального ущерба Англии можно было достичь неограниченным использованием оружия без предупреждения. Но позвольте нам взглянуть на следующее.

Дёниц: Это были определенные районы, которые нейтралам предостерегалось пересекать. Вчера я заявлял, что той же процедуре следовали в английских оперативных районах. Если нейтрал, несмотря на эти предостережения, входил в те районы, в которых постоянно велись боевые действия с одной и с другой стороны, у них был риск получить повреждения. Такими были причины, которые заставили штаб руководства войной на море принять эти приказы.

Максвелл-Файф: Так как вы это упомянули, сначала я должен рассмотреть ваши районы. Ваша зона, которая опубликована, была от Фарерских островов до Бордо и в 500 милях к западу от Ирландии. То есть, вашей зоной было 750 000 квадратных миль; это верно? Ваша зона вокруг Британии была от Фарерских островов до Бордо, и в 500 милях к западу от Ирландии?

Дёниц: Да, это оперативный район августа 1940.

Максвелл-Файф: Да, августа 1940.

Дёниц: И она соответствовала степени, так называемой боевой зоны, в которую Америка запретила входить своим торговым судам.

Максвелл-Файф: Вы говорите она соответствовала. Давайте посмотрим и

разберемся в этих двух вещах. Соединенные Штаты в то время сказали, что их торговые корабли не должны были входить в эту зону. Вы сказали, что если любой торговый корабль входил в эту зону, в размере 750 000 квадратных миль, ни один из законов и обычаев войны на применялся, и что корабль можно было уничтожить любыми средствами на ваш выбор.

Это ваш взгляд, не так ли?

Дёниц: Да, это немецкая точка зрения на международное право, которое также применялось к остальным нациям, что оперативные районы вокруг противника допустимы. Я могу повторить, что я не специалист в международном праве, а солдат, и я сужу согласно здравому смыслу. Мне это кажется само собой разумеющимся, что океанский район или океанская зона, вокруг Англии не могла оставляться в беспрепятственном владении противника.

Максвелл-Файф: Я не думаю, что вы вообще это оспариваете; но я хочу четко выяснить. Вашим взглядом было, что это правильно, что если вы установили оперативную зону в такой степени, любой нейтральный корабль – и вы согласны с тем, что это нейтральный корабль – входивший невооруженным в эту зону мог быть уничтожен любыми средствами на ваш выбор? В этом заключался ваш взгляд на ведение войны на море; правильно, не так ли?

Дёниц: Да; и есть достаточно британских заявлений, которые говорят, что во время войны – а мы воевали с Англией – нельзя позволять нейтралам входить и предоставлять помощь воюющим сторонам, особенно если они ранее предостерегались от этого. Это полностью соответствует международному праву.

Максвелл-Файф: Мы обсудим предмет права с трибуналом. Мне нужны факты.

Такую позицию вы занимали? И равным образом, если обнаруживалось нейтральное судно вне зоны использующее своё радио, вы обращались с ним как с кораблем воюющей державы, не так ли? Если нейтральное судно использовало радио после обнаружения субмариной, вы бы обращались с ним как с военным кораблём воюющей державы, не так ли?

Дёниц: Да, в соответствии с регулированием международного права.

Максвелл-Файф: Понимаю. Как я скажу, оставим вопросы права трибуналу. Я не собираюсь спорить с вами об этом. Но, помимо международного права в целом, вас когда-либо задевало, что метод обращения с нейтральными кораблями полностью не учитывал жизни и безопасность людей на кораблях? Вас это когда-либо задевало?

Дёниц: Я уже сказал, что нейтралы предостерегались от пересечения этих боевых зон. Если они входили в боевые зоны, они несли риск получить повреждения, или уйти из них. Такова война. Например, на суше также не учитывается нейтральный конвой грузовиков, везущий боеприпасы или снабжение противнику. По нему бы стреляли таким же самым способом как по вражескому транспорту. Следовательно, совершенно допустимо превращать моря вокруг вражеской страны в боевые районы.

Такая позиция известна мне в международном праве, хотя я только лишь солдат.

Максвелл-Файф: Понимаю.

Дёниц: Строгий нейтралитет требует избегания боевых районов. Любой входящий в боевой район должен осознавать последствия.

Максвелл-Файф: Понимаю. Таков ваш взгляд? Я не думаю, что возможно представить его более честно.

Дёниц: И по этой причине Соединенные Штаты открыто запретили входить в эти зоны в ноябре, потому что они отказывались входить в боевые районы.

Максвелл-Файф: На ваш взгляд, любой нейтральный корабль который входил в 750 000 квадратных миль вокруг Британии совершал не-нейтральный акт и при обнаружении подлежал потоплению без предупреждения. Таков ваш взгляд на то, как следовало вести войну на море; это верно, не так ли?

Дёниц: Да. Специальные линии оставались открытыми для нейтралов. Они не должны были входить в боевые районы до тех пор, пока они шли в Англию. Тогда они должны были нести риск войны.

Максвелл-Файф: Я лишь хочу, чтобы вы мне сказали, если вы вернетесь к документу С-21; то есть, на странице 30 английской книги и страницам с 59-60 немецкой, вы понимаете, что во всех этих случаях – возьмите один параграф 2, страница 5:

> «Совещание у начальника штаба морских операций» - 2 января; это была «интенсификация мер» в связи с планом «Желтый», то есть вторжением в Голландию и Бельгию – «потопления подводными лодками…без какого-либо предупреждения, всех кораблей, в водах вблизи от вражеских берегов, возле которых применяются мины».

Почему, если, как только что вы несколько раз говорили трибуналу, действовали в соответствии с тем, что вам кажется, было международным правом, почему вы действовали так только в районах, где использовались мины?

Дёниц: Я уже объяснял, что это не было вопросом законности, а военной целесообразности. По военным причинам я не мог давать противнику открытой информации о боевых средствах, используемых в районе который мог быть заминирован. Вы действовали таким же способом. Я напомню вам о французской зоне опасности, которую объявили, соответствующую заминированным районам вокруг Италии. Вы также не заявляли, какое оружие вами использовалось. Это не имеет никакого отношения к законности. Это чисто вопрос военной целесообразности.

Максвелл-Файф: Поймите, я думаю, вы учитываете, что положение, которое я вам представил таково: что вы притворялись для нейтралов, что вы действуете в соответствии с Лондонским договором, в то время как вы в действительности не действовали в соответствии с договором, а в соответствии с принятыми вами инструкциями, основанными на военной необходимости.

Что я вам предполагаю, это то, что высшее командование флота притворялось, и получив преимущество обманным путём казалось выполняло договор. И это, я полагаю, цель этих приказов, чтобы вы так делали только там, где поставлены мины. Об этом вы думали?

Дёниц: Это неправда, что мы пытались одурачить нейтралов. Мы прямо предостерегли нейтралов, что боевые действия ведутся в этих оперативных районах и что если они войдут они пострадают. Мы никак не притворялись; мы прямо говорили им: «Не входите в эти зоны». Англия делала тоже самое.

Председатель: Сэр Дэвид, следующее предложение не относится к этому?

Максвелл-Файф: Да, ваша светлость; я крайне обязан вашей светлости.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы посмотрите на следующее предложение в II-1, где сказано следующее?

> «В целях поддержания общей интенсификации войны настоящим приказом, флоту разрешается топить подводными лодками, без какого-либо предупреждения, все корабли в тех водах вблизи вражеских берегов, в которых применяются мины. В этом случае, для внешнего потребления, должен создаваться вид, что использовались мины. Поведение, и использование подводными лодками оружия, должны это учитывать».

Вы говорите, перед лицом этого предложения, что вы не пытались одурачить нейтралов – используя вашу собственную фразу? Вы всё ещё говорите, что вы не пытались одурачить нейтралов?

Дёниц: Нет, мы их не дурачили, потому что мы предостерегали их заранее. Во время войны я не говорю о том, какое оружие намерен применять; я могу очень хорошо закамуфлировать своё оружие. Но нейтралов не дурачили. Напротив, им говорили: «Не входите в эти зоны». После этого, вопрос о том какой именно военный метод я использую в этих районах больше не касался нейтралов.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу, чтобы вы рассказали трибуналу, каким был ваш взгляд на вашу ответственность за моряков с потопленных кораблей? Вы думали о положениях Лондонского договора, и вы согласитесь, что вашей ответственностью было спасать моряков из шлюпок потопленного корабля всегда, когда вы могли так делать, не ставя под угрозу свой корабль? В целом, это верно?

Дёниц: Конечно, если само судно действовало в соответствии с Лондонским соглашением, или до тех пор, пока этого не случалось в упоминавшемся оперативном районе.

Максвелл-Файф: О? Вы это действительно имеете в виду? То есть, если вы потопили нейтральный корабль, который вошел в эту зону, вы считали, что вы освобождены от каких-либо обязанностей по Лондонскому соглашению об обеспечении безопасности экипажей?

Дёниц: В оперативных районах я был обязан заботиться о выживших после

боестолкновения, если позволяет боевая обстановка. Тому же следовали на Балтике и во многих оперативных районах.

Максвелл-Файф: Подсудимый это то, что я вам сказал. Пожалуйста, поверьте мне, я не хочу выдвигать каких-нибудь ложных положений. Я говорю вам: если они могли так делать без угрозы своим кораблям, то есть, без риска потерять свои корабли. Позвольте четко выяснить: вы говорите, что в зоне, которую вы установили, не было обязанности предоставлять экипажам безопасность, что вы не брали на себя ответственности по обеспечению безопасности экипажа?

Дёниц: Я заявил о том, что был обязан позаботиться о выживших после боестолкновения, если позволяла боевая обстановка. Это составляет часть Женевской конвенции или соглашения о её применении.

Максвелл-Файф: Значит было неважно потоплен корабль в зоне или нет. Согласно тому, что вы говорите, вы следовали одинаковой обязанности по отношении к выжившим было это в зоне или вне зоны. Верно?

Дёниц: Нет, не верно, потому что вне зоны с нейтралами обращались в соответствии с призовыми правилами, только внутри зоны нет.

Максвелл-Файф: Что я не могу понять – и на самом деле, я надеюсь, я не очень глуп – в чём разница? В чём разница, которую вы учитывали в вашей ответственности к выжившим, если они были потоплены в зоне или вне зоны? Это я хочу выяснить.

Дёниц: Разница в том, что с нейтралами вне зоны обращались в соответствии с призовыми правилами. Согласно Лондонскому соглашению, мы были обязаны, до потопления судна, понять, что экипаж в безопасности и в границах достижимости суши. Такого обязательства не было внутри зоны. В этом случае мы действовали в соответствии с Гаагским соглашением по применению Женевской конвенции, которая предусматривает, что выжившим оказывается уход после боя, если позволяет боевая обстановка.

Максвелл-Файф: Вы согласны, что приказ в прямых терминах уничтожать, убивать выживших с потопленного корабля, был бы ужасным?

Дёниц: Я уже заявлял, что атаки на выживших противоречили солдатской идее о честном бою и что я никогда не ставил своего имени под каким-либо приказом, в малейшей степени ведущим к такого рода вещам – даже когда мне это предлагалось как мера репрессалии.

Максвелл-Файф: Вы согласитесь, что даже при дисциплине в вашем ведомстве, была возможность того, что некоторые командиры подводных лодок отказались бы выполнять приказ уничтожать выживших?

Дёниц: Никакого такого приказа не отдавалось.

Максвелл-Файф: Я думаю это достаточно честный вопрос. Что если бы он выражался в термина: «Уничтожайте выживших после потопления корабля»? Вы знали своих офицеров. Была бы, в каком-либо случае, некая опасность, что

некоторые из них откажутся выполнять этот приказ?

Дёниц: Да. Насколько мне известно, в моих силах подводных лодок, это вызвало бы бурю возмущения против такого приказа. Их чистый и честный идеализм никогда не позволил бы им так сделать; и я никогда не отдавал такого приказа и не позволял, чтобы он был отдан.

Максвелл-Файф: Да, это то, что я вам говорю.

Итак, взгляните на страницу 33 английской документальной книги. В ней содержится ваш собственный действующий приказ номер 154 (экземпляр номер GB-196). Позвольте мне медленно зачитать его вам, если трибунал не против. Он гласит:

> «Не подбирать никаких выживших и не брать их с собой; не беспокоится о шлюпках торгового судна. Погодные условия и близость суши несущественны. Вас лично касается только безопасность вашей лодки и усилия по достижению вашего следующего успеха настолько быстро насколько возможно. Мы должны быть суровы в этой войне.

Прежде всего, скажите мне, что вы имели в виду под «вашим следующим успехом»? Не означает ли это следующей атаки на судно?

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: Итак, просто взгляните на этот ваш приказ и сравните его со словами Лондонского договора. Договор, вы помните, говорит, что военный корабль, включая субмарину, не может потопить или лишить способности передвижения торговое судно в первую очередь, не разместив пассажиров, экипаж и судовые документы в безопасности. Для этой цели корабельные шлюпки не учитываются в качестве безопасного места до тех пор, пока пассажирам и экипажу не гарантирована при существующих морских и погодных условиях достижимость суши, или присутствие иного судна, которые в состоянии взять их на борт.

Подсудимый, когда вы готовили этот приказ у вас имелась перед глазами эта статья Лондонского договора, не так ли? И вы осмысленно исключили из своего приказа вопросы, упоминавшиеся в Лондонском договоре? Послушайте свой приказ: не беспокоится о шлюпках. Погодные условия» - это одна вещь, упомянутая в договоре – «и близость суши» - другая вещь, упомянутая в договоре – «не существенны».

Ваш приказ можно другим языком представить почти также ясно: «Без учёта вопросов урегулированных параграфом 2 Лондонского договора».

Теперь скажите мне, у вас не было перед глазами Лондонского договора, когда вы готовили этот приказ?

Дёниц: Конечно, я держал в уме и перед моими глазами Лондонский договор. Однако, я вчера, заявлял в подробностях, что мы были в условиях боестолкновения, корабля с эскортом, как в целом показано в приказе. Вы взяли

лишь один параграф. Поэтому, не стояло вопроса о применении Лондонского соглашения, которое не относилось к судам с эскортом.

Во-вторых, мы думали о районе непосредственно прилежащим к постоянным позициям вражеской обороны в гаванях на британском побережье. Лондонское соглашение не имело никакого отношения к борьбе с кораблями при эскорте. Это две совершенно разные вещи; и этот приказ применялся к этому району и борьбе с кораблями под эскортом. Я вчера подробно это объяснял.

Максвелл-Файф: Но если вы говорите, что применяли это только, когда стоял вопрос нападения на корабли конвоя, вы посмотрите на страницу 26 английской документальной книги и страницу 57 немецкой документальной книги? Там вы найдете отчет о потоплении «Sheaf Mead[238]» 27 мая 1940. И если вы посмотрите на судовой журнал подводной лодки рядом со временем 16 часов 48 минут, страницу 27 английского и страницу 57 немецкого (экземпляр номер GB-192) – вот что говорит судовой журнал:

> «Плавает куча обломков. Мы приблизились для определения названия. Экипаж спасал себя на обломках и опрокинутых лодках. Мы выловили буй; на нём никакого названия. Я спросил человека на плоту. Он сказал, с трудом поворачивая голову «Nixname[239]» молодой парень, находящийся в воде звал: «Помогите, помогите, пожалуйста». Остальные были сдержаны; они выглядели подваленными и усталыми и смотрели с холодной ненавистью на своих лицах. Возвращаемся на прежний курс».

Если вы перевернете на страницу 57 немецкой документальной книги, или страницу 28 английской, вы найдете последнее предложение из доклада о выживших описывающее как субмарина делала это:

> «Они плавали вокруг полчаса, фотографируя нас в воде. Также они смотрели на нас, но ничего не говорили. Затем она погрузилась и ушла, не оказав вообще никакой помощи».

Подсудимый, здесь вы видите, что ваш собственный командир сказал, что он видел там молодого парня, в воде зовущего: «Помогите, помогите, пожалуйста» и ваша субмарина сделала несколько фотографий, погрузилась и ушла.

Председатель: Сэр Дэвид, вы сами не сослались на отрывок немного дальше названия судна, под 16 часами 48 минутами, «Это не ясно…»?

Максвелл-Файф: «Это не ясно плыло ли оно как обычный торговый корабль. Следующее как кажется указывает на обратное».

И затем, милорд, он приводит ряд вопросов.

Милорд, конечно, сейчас я на моменте с выжившими. Я не беру этот

---

[238] «Шиф Мид» - британское торговое судно. Спущено на воду в 1924. Потоплено 27.05.1940 немецкой подводной лодкой.

[239] Ложное название корабля, озвученное британскими моряками.

пример как предмет ошибочного потопления; я взял это как пример исполнения этого приказа.

Я очень обязан вашей светлости, но вот почему я этого не сделал.

Председатель: Трибунал прервется.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Максвелл-Файф: Подсудимый должен был иметь возможность посмотреть на судовой журнал Ю-37. Вашей практикой в мае 1940 не было лично просматривать судовые журналы всех подводных лодок, когда они приходили?

Дёниц: Всё время мне устно докладывали командиры субмарин. Только судовые журналы которые прибыли или были закончены несколько недель спустя или спустя какое-то время после внесения записей, так как их нужно было писать в порту, представлял мне мой начальник штаба, если они содержали что-то особенное в дополнение к устному докладу.

Максвелл-Файф: Вы помните просмотр судового журнала Ю-37 участвовавшей в инциденте?

Дёниц: Нет.

Максвелл-Файф: Вы не заметили, что «Sheaf Mead» не плыло в конвое?

Дёниц: Да. Мне это известно. И я знаю, что он был вооруженным кораблём, согласно имевшимся у командира приказам, он был вправе потопить его как вооруженный корабль. Из его судового журнала видно, что он не мог решить запускать ли торпеду пока не убедился, что корабль был вооружен. Здесь это очень ясно высказано.

Максвелл-Файф: Пожалуйста, могу я объяснить его светлости, что у меня нет вопроса потопления. У меня вопрос о выживших. Вы предприняли какую-либо меру к командиру подводной лодки, капитан-лейтенанту Эрнсту[240], за неоказание помощи выжившим?

Дёниц: Нет. Но я сказал ему, что если бы он был на месте где должно было проходить такое спасение, он должен был помочь.

Максвелл-Файф: Он разве просто не исполнял ваш приказ 154 от ноября или декабря 1939?

Дёниц: Нет, не исполнял.

Максвелл-Файф: Что же, теперь…

Дёниц: Я уже заявлял, к каким водам это применялось и это применялось только к

[240] Виктор Эрн (1907 — 1997) — немецкий офицер-подводник, капитан 2-го ранга (1 мая 1944 года).

кораблям, которые охранялись.

Максвелл-Файф: Что же, теперь, вы посмотрите на страницу 34 английской документальной книги, страницу 69 немецкой документальной книги. Это доклад о беседе между Гитлером и Осимой, и вы говорите, что вам ничего о нём не говорили. Сейчас я хочу, чтобы вы следили чуть ниже середины, середины выдержки, где сказано:

> «После того как фюрер дал дальнейшие объяснения по карте, он указал, что сколько бы судов ни построили Соединенные Штаты, одной из самых больших проблем для них будет недостаток личного состава. По этой причине даже торговые суда должны топиться без предупреждения с намерением уничтожить по возможности максимальное число членов команд. Когда обнаружится, что большинство моряков погибло при потоплении судов, американцы столкнутся с трудностями в наборе новых команд. Подготовка членов экипажей требует очень много времени».

Итак, вы соглашались с аргументом Гитлера, что столкнувшись с потерей многих моряков в потоплениях, американцы испытают трудности с призывом новых людей? Вы думали, что это был обоснованный аргумент в вопросе морской войны против Соединенных Штатов?

Дёниц: Я уже дал свой ответ на этот вопрос в письменном виде министерству иностранных дел, и я четко заявил о своём мнении, которое заключалось в том, что я мне не казалось, что подготовка моряков займет долгое время, и что у Америки нет в их недостатка. Соответственно я бы также не считал, что это послужило бы устрашением если у них было достаточно людей.

Максвелл-Файф: Значит, вы не согласны с обоснованием фюрера по этому положению?

Дёниц: Нет, я не согласен с последней частью, а именно, что была бы нехватка моряков.

Максвелл-Файф: Нет, первый пункт, о котором я хочу вашего мнения прямо говорит: «Когда обнаружится, что большинство моряков погибло при потоплении судов, американцы столкнутся с трудностями в наборе новых команд». То есть, я предлагаю вам, что новые люди были бы напуганы новостями о потоплении и убийстве первых людей. Вы согласны с тем, что это был обоснованный аргумент? Вот на что мне нужен ваш взгляд.

Дёниц: Это личная точка зрения. Испугались бы они или нет, это американский вопрос, о котором я не могу судить.

Максвелл-Файф: Вы посмотрите на вашу собственную документальную книгу, том 1, страница 29 в английской версии, что ваш доклад фюреру от 14 мая 1942. Вы видите последнюю фразу, где вы оправдываете дистанционный детонатор? Вы говорите:

> «Дистанционный детонатор также будет иметь большое преимущество, в том, что экипаж не сможет спастись из-за быстрого затопления торпедированного корабля. Большие потери в людях без сомнения вызовут сложности в комплектовании экипажей для огромной программы американского строительства».

Дёниц: Это совершенно ясно, это верно. Если у меня больше нет старых экипажей, мне нужно собрать новые. Так сложнее. Здесь ничего не сказано о запугивании, но высказывает утвердительный факт, что нужно готовить новые экипажы.

Максвелл-Файф: Значит мы должны понять, что вы не думали, что был бы какой-то устрашающий или терроризующий эффект в виде составления новых экипажей, если бы старые экипажи потопили при условии в которых они бы лишились своих жизней.

Дёниц: Это вопрос мнения, это зависит от отваги, храбрости людей. Американский секретарь Нокс сказал о том, что если бы в мирное время – в 1941 – о потоплениях немецкими подводными лодками не публиковалось, он бы ожидал от этого устрашающего эффекта на мои подводные лодки. Это было его мнение. Я могу лишь сказать, что тихое исчезновение в результате американских потоплений в мирное время не напугало мои подводные лодки. Это дело вкуса.

Максвелл-Файф: Что же, 14 мая фюрер давил на вас, чтобы предпринять действия против экипажей после потопления судна. Это не так?

Дёниц: Да. Он спросил, не можем ли мы предпринять акцию против экипажей и я уже сказал, после услышанной здесь дискуссии с Осимой, мне кажется, данный вопрос мне и гросс-адмиралу Рёдеру был результатом дискуссии с Осимой.

Мой ответ, конечно, известен; это было «нет».

Максвелл-Файф: Вашим ответом было «нет», и было бы гораздо лучше иметь дистанционный детонатор и убить их пока они ещё находились на лодке. В этом заключался ваш ответ, разве нет?

Дёниц: Нет. Моим ответом было: действия против потерпевшего кораблекрушение личного состава не обсуждаются, но одобряется, чтобы в бою следовало использовать наилучшее оружие. Каждая нация так делает.

Максвелл-Файф: Да, но объект вашего оружия, как совершенно ясно изложено, был экипажем не способным спасти себя в связи с быстрым затоплением корабля. Вот почему вы хотели использовать дистанционный детонатор.

Дёниц: Да. И конечно также, потому что мы считали экипажи пароходов в комбатантами, поскольку они сражались с оружием.

Максвелл-Файф: Что же, я не буду снова рассматривать это, но это было у вас на уме. Итак, фюрер снова поднял это 5 сентября 1942, как показано в вашей документальной книге, том II, страница 81.

Дёниц: У меня этого нет. Где это?

Максвелл-Файф: Это начинается с дискуссии в ОКВ 5 сентября 1942. Это

экземпляр Дёниц-39, страница 81, и это в английской документальной книге, том II.
Дёниц: Да, теперь есть.
Максвелл-Файф: Это вытекает из инцидента с потоплением миноносца, «Ulm[241]» и здесь вопрос стреляли ли британские эсминцы с пулемётов по солдатам в спасательных шлюпках; и фюрер отдал приказы морскому командованию принять приказ, в соответствии с которым «наши военные корабли воспользуются репрессалиями»; и если вы посмотрите немного ниже, вы увидите, что вопрос исследовал ваш оперативный штаб, и он сказал:

> «Нельзя без сомнения доказать, что огонь был направлен на экипаж находящийся в спасательных шлюпках. Вражеский огонь очевидно был направлен на сам корабль».

Затем вы обсуждаете вопрос о применении репрессалий, внизу страницы, и вы говорите:

> «Штаб руководства войной на море считает, что до принятия приказов о репрессалиях, следует принять во внимание, не будут ли такие меры, если противник применит их против нас, в итоге более вредными для нас, чем для противника. Даже сейчас наши лодки способны лишь в немногих случаях спасать потерпевшие кораблекрушение вражеские экипажи буксируя спасательные шлюпки, и т. д., в то время как экипажи потопленных немецких подводных лодок и торговых судов до сих пор, как правило, подбираются противником. Следовательно, ситуация может измениться в нашу пользу если бы мы получили приказы, в качестве меры репрессалии, чтобы потерпевшие кораблекрушение вражеские экипажи не только не должны были спасать, но и о том, что их следует подвергать обстрелу. Важно то, что до сих не было доказано, что в зафиксированных случаях в которых противник использовал оружие против потерпевших кораблекрушение немцев подобная акция являлась результатом, или прикрывалась, приказом официального британского ведомства. Таким образом нам нужно держать в уме, что сведения о таком немецком приказе будут использованы вражеской пропагандой таким способом, последствия которого непросто предвидеть».

Кранцбюлер: Господин председатель, я возражаю такого рода процедуре. Документ, о котором проводится этот перекрестный допрос это документ подготовленный мной, и я его еще не приобщал. Мне, не известно установлено ли в этом суде, что экземпляры защиты приобщаются обвинением. По этой причине я предложил начать с документальных доказательств, для того, чтобы обвинение также имело бы возможность использовать мои экземпляры в перекрёстном допросе.

---

[241] «Ульм» - немецкий миноносец, потоплен британскими военными кораблями 25 августа 1942.

Председатель: У вас есть какие-либо возражения документу, который в вашей документальной книге приобщается в качестве доказательства?
Кранцбюлер: Я лишь хочу избежать предъявления моих документов обвинением в перекрестном допросе, потому что это мешает моим документальным доказательствам. Этот конкретный случай не играет для меня решающей роли, но если обвинение предлагает представить другие мои документы, которые ещё не предъявлены, я хочу попросить прервать перекрестный допрос, и сначала воспользоваться возможностью предъявить свои документы.
Председатель: Это трата времени, разве нет? В этом нет ничего хорошего; это лишь трата времени.
Кранцбюлер: Господин председатель, я не думаю, что это будет тратой времени, если я, защитник, прошу позволить мне самому приобщить свои собственные документы трибуналу и чтобы они не цитировались трибуналу обвинением из моей документальной книги, потому что манера представления и вопросы, задаваемые обвинением, конечно, придают документам совершенно явное значение.
Председатель: Доктор Кранцбюлер, трибунал думает, что не имеется возражения данному курсу. У вас уже имелась возможность представить этот документ свидетелю. У вас будет дальнейшая возможность снова представить ему это в повторном допросе.
Максвелл-Файф: Значит, на вас оказывалось, обновленное давление, чтобы принять такой курс, то есть, стрелять по экипажам потопленных судов и это в сентябре, не так ли?
Дёниц: Нет, это не верно. Я узнал об этом документе про морскую войну лишь здесь, следовательно, я не находился под давлением; но правда, что, в соответствии с этим документом, штаб руководства войной на море видимо имел приказы от ОКВ составить список всех таких случаев, и что штаб руководства войной на море занял очень правильную точку зрения, что следует быть очень осторожным в суждении о таких случаях и что уведомлялись о мерах против репрессалий. Мне кажется, что составление данного документа убедило нас, в том, что следует принципиально воздерживаться от таких мер репрессалий.
Максвелл-Файф: Вам известно, что по указаниям Гитлера, ОКВ в сентябре направило запрос об этом в военно-морское командование?
Дёниц: Нет, мне это не известно. Я только что сказал об этой записи в журнале боевых действий штаба руководства войной на море и приложенному к нему приложению. Я впервые услышал об этом здесь.
Максвелл-Файф: Вы здесь впервые об этом услышали?
Дёниц: Мне не известно о записи в журнале боевых действий штаба руководства войной на море. Это делалось в Берлине, и я тогда был командиром подводного флота во Франции.
Максвелл-Файф: Что же, если вы говорите трибуналу, что в сентябре вы не знали

об этом, тогда мы перейдем к другому документу. Вы говорите, что вы не знали об этом в сентябре 1942?

Дёниц: Нет.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу, как и вы – я не хочу проходить с вами по подробностям «Laconia», но я лишь хочу, чтобы вы рассказали мне об одной, я думаю, одной или двух записях. Я думаю, они на странице 40 вашей собственной документальной книги.

Председатель: Это не на странице 41?

Максвелл-Файф: Я крайне обязан вашей светлости.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это на странице 41, внизу. Это от 20 сентября, 13 часов 20 минут. Это ваша радиограмма подводной лодке Шахта. Вы видите это?

Дёниц: Да, и я объяснил вчера это в больших подробностях.

Максвелл-Файф: Я лишь хочу знать: это, правда, то, что говорилось в вашей радиограмме, что лодке сообщили спасать итальянских союзников, и не спасать и заботиться об англичанах и поляках? Это правда?

Дёниц: Это верно, потому что судно доложило мне, что оно буксирует четыре лодки – и это сказано на странице 40: «…с британцами на буксире». Было ясно, учитывая общую ситуацию, что субмарина с лодками на буксире не могла оставаться на поверхности без огромной угрозы себе. Отсюда на странице 40 под заглавием 2 приводятся приказы и инструкции: «Лодки с британцами и поляками отпустить в дрейф». Я хотел избавиться от лодок. В этом заключалась моя единственная причина. И лишь потом – страница 41 – когда от него пришла длинная радиограмма, которая сама по себе являлась повторением, но которая была интерпретировано как означавшая, что после двух воздушных атак он снова угрожал своей лодке останавливаясь и подбирая людей, лишь тогда он получил эту радиограмму, после того как меня постепенно осенило – в ходе первых четырёх дней, или вероятно трёх дней, я не имел ничего против спасения британцев – то, что итальянцы, которые, в конце концов, были нашими союзниками, оказались в худшем положении, что на деле и подтвердилось.

Максвелл-Файф: Вы дали долгое объяснение. Итак, эта радиограмма правдивая, что лодке было передано спасать итальянских союзников, не спасая и не заботясь об англичанах и поляках? Это правда или нет?

Дёниц: Конечно; радиограмма содержала обе инструкции и также становится однозначно ясным, как и из сложившегося у меня впечатления, что спасенные британцы превысили числом итальянцев, которых оставили тонуть.

Максвелл-Файф: Итак, есть одно положение, которое я хочу немного прояснить. Когда вас допрашивали об этом вопросе, вы сказали, что вы находились тогда под огромным давлением; и, я думаю, что давление шло к вам Гитлера только через капитана Фрике. Это правильно?

Дёниц: Нет, «только» неправильно. Это было «также». Давление как я четко здесь

объяснял, было из-за обеспокоенности за судьбу моих субмарин, потому что я знал, что они находились под значительной угрозой; во-вторых, конечно, из приказов фюрера отданных Фрике. Но я также здесь заявлял, что, несмотря на этот приказ, даже если это не было по-военному правильным действовать таким способом, я продолжал спасать. Однако, давление, моё беспокойство и тревога, по большей части были вызваны судьбой самих субмарин.

Максвелл-Файф: Значит, в то время вам было нужно доложить фюреру 14 мая; затем у вас был инцидент с «Laconia», и в течение этого инцидента вы находились под давлением фюрера. Итак, это не потому что…

Дёниц: Я прошу прощения, но…

Максвелл-Файф: Позвольте мне задать свой вопрос.

Дёниц: Я думаю, тут вкралась ошибка.

Максвелл-Файф: Очень хорошо, я её исправлю. У вас должен был быть доклад фюреру 14 мая. Вы мне это сказали. Затем была «Laconia» …

Дёниц: В случае с «Laconia» не имелось никакого отношения к приказу фюрера. В случае с «Laconia» фюрер отдал приказы, и совершенно правильно, чтобы никакие лодки не стремились спасать под угрозой. Это нечто совершенно отличавшееся от предмета 14 мая.

Максвелл-Файф: Я сейчас пытаюсь соединить вопросы, которые вам нужно рассмотреть. У вас были 14-е мая, инцидент «Laconia», и затем приказ остановиться, поступивший от фюрера.

Дёниц: Нет, в случае с инцидентом «Laconia» я вообще никогда не думал о приказе или дискуссии с фюрером 14 мая, и не мог, потому что это был совершенно иной предмет. Это совершенно иной вопрос, здесь это чисто вопрос спасения. Тут вообще нет никакой связи между этими двумя.

Максвелл-Файф: Мы посмотрим на это. Переверните на страницу 36 британской документальной книги, или страницы с 71-75 в немецкой документальной книге.

Итак, вы сказали нам, что вас в основном касалась безопасность своих собственных лодок и вашего личного состава.

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф: Зачем вы вставили в приказ: «Спасение команд противоречит элементарным требованиям ведения войны — уничтожению вражеских судов и команд»? В чём заключался смысл вставлять эти слова, если вы не имели в виду поощрение людей уничтожать вражеские корабли и экипажи?

Дёниц: Я вчера это очень подробно объяснял. Я проповедовал в ходе всех этих лет: вы не должны спасать, когда ваша безопасность в опасности. В случае с «Laconia» я сам в своей тревоге и беспокойстве сообщал это по радио войскам много раз. Помимо этого, я снова и снова обнаруживал, что командиры субмарин слишком легко воспринимали опасность с воздуха. Я также продемонстрировал, как это следует психологически объяснять. Я вчера описывал превосходящий рост

воздушных сил, и соответственно ни при каких обстоятельствах не хотел давать свои людям повода, если была опасность с воздуха, или поскольку вам угрожали с воздуха, и т. д., что вы не должны спасать, или же спасение противоречило бы элементарным требованиям войны; потому что я не хотел оставлять своим командирам на обсуждение есть ли опасность с воздуха или нет. После всего моего опыта понесенных потерь и в виду всё возрастающей воздушной мощи, которая как показала история, становилась сильнее и сильнее, я дал четкий приказ командирам основанный на этом опыте: «Вы не можете так продолжать, или пока мы спасаем врага, нас атакует и убивает противник». Таким образом не нужно было обоснование. Я не желал предоставлять командирам, другой возможности осмыслить или обсудить. Я уже говорил вам вчера, что я мог добавить: «Если теперь, в виду опасности с воздуха, нас убивает тот же самый враг во время его спасения, тогда спасение противоречит элементарным требованиям войны». Я не хотел так делать, потому что я не хотел каких-либо обсуждений. У всех нас складывалось впечатление, что этот рефрен: «Не спасайте, если есть опасность с воздуха», был избитым, потому что он вместе с тем означал, что командиры утрачивали бы свою свободу действий, и могли использовать уловки.

Максвелл-Файф: Но если бы вы просто сказали: «Вам запрещается спасать», и если бы вы хотели привести причину: «Вам вообще запрещается спасать, потому что в виду воздушного прикрытия союзников этот вопрос слишком опасен для вашей собственной безопасности и безопасности лодки в целом», это должно было быть совершенно ясным. Почему вы так это не высказали?

Дёниц: Нет, так я не мог сделать. Я сказал так лишь потому, что у какого-то командира на каком-то морском театре военных действий могла возникнуть идея, что опасности с воздуха нет, а в следующий момент появился бы самолет и он был бы разбит. Я уже всё это говорил, отвечая на ваше предположение.

Максвелл-Файф: Итак, во время, когда вы отдавали приказ у вас было два опытных штабных офицера, – капитаны Годт и Гесслер[242], не так ли?

Дёниц: Да, это верно.

Максвелл-Файф: И капитан Годт и капитан Гесслер решительно советовали вам не отдавать такой приказ, не так ли?

Дёниц: Насколько я помню, они сказала нечто вроде: «Костяк субмарин» - я это здесь говорил – «костяк подводных лодок, то есть, более чем 90 процентов подводных лодок уже сражаются с конвоями, а значит, для них такой вопрос не обсуждается.

В этом заключался вопрос: должны мы вообще издать такой общий приказ, и не сделает ли дальнейшее развитие которое всё время вынуждало нас издавать новые приказы, а именно: «Оставаться на поверхности как можно короче», такой

---

[242] Гюнтер Гесслер 1909 - 1968) — немецкий офицер-подводник, капитан 2-го ранга (1 декабря 1944 года). первый заместитель начальника штаба подводных сил.

приказ излишним? Однако, поскольку я был ответственным за предупреждение любой возможной опасности субмарине, я должен был отдать данный приказ и мой штаб, что касалось этой меры, со мной полностью согласился.

Максвелл-Файф: Вы не говорили, когда вас допрашивали 22 октября и по другим поводам: «Годт и Хесслер говорили мне: «Не отправляйте эту радиограмму – поймите, однажды может возникнуть ошибочное представление о ней; может быть ошибочная интерпретация». Разве вы так не говорили?

Дёниц: Да, я это говорил, и, правда в том, что такое замечание могло быть сделано. Но подводные лодки не интерпретировали его неправильно; никто не думал об этом, иначе мы бы не отдали приказ. Но мы думали об эффектах на внешний мир.

Максвелл-Файф: И не в этом заключался эффект который вы хотели произвести: что у вас был бы приказ, о котором можно было говорить как о запрещавшем спасение, и поощрявшем командиров субмарин которые так считали, уничтожать выживших?

Дёниц: Нет, это абсолютно неправильно, и это также подтверждается документами которые мы представили.

Помимо случая Мёле, никто недопонимал этот приказ и когда мы готовили приказ мы были об этом осведомлены. Это стало ясно из переговоров, которые шли с командирами подводных лодок, и это становиться ясно из поисковых запросов, когда я запросил, думали ли они об этом. Приказ вообще этого не демонстрирует это, ни даёт причины которая вела к этому. Дело в том, что мы спасали изо всех сил. Вопросом было «спасать или не спасать» и ничего более. Это ключ к делу «Laconia»

Максвелл-Файф: Вы сказали, что «мы отдали приказ». Вы помните, что говорили на допросе 6 октября: «Я полностью и лично ответственный за это, потому что капитаны Годт и Хесслер оба прямо заявили, что они считают телеграмму двусмысленной или возможной для ошибочной интерпретации».

Вы помните, что так говорили: «Я полностью и лично ответственный» потому что оба офицера вашего штаба указали на то, что он был двусмысленным? Вы так говорили?

Дёниц: Я так не думаю. Я не думаю, что мог так сказать. Я не уверен, но я скажу следующее:

Во время допроса мне сказали, что капитаны Годт и Гесслер подготовили этот приказ, и в ответ я сказал: «Это не соответствует действительности, я ответственный за приказ». Более того, основной пункт дискуссии об этом приказе заключался в том можно ли отдавать такой приказ. То, что в голову капитана Годта или капитана Гесслера, когда-либо пришло, что такой приказ мог быть неправильно понят нами – подводными лодками – совершенно ошибочно. Я категорически заявил об этом во время допроса. Я чётко сказал, что такое рассмотрение и обсуждение вопроса о том нужно ли было издавать приказ или нет вообще не имела никакого отношения к этим двум господам. Это совершенно ясно; и это также

содержится в допросе.

Максвелл-Файф: Вы дали понять, что это был первый повод. Я дал понять, что вы не порочите своего нижестоящего офицера, который возражал против этого, и вы сами принимаете ответственность в связи с этим. Это правда, эти младшие офицеры оба решительно заявили, что они считали телеграмму двусмысленной и возможной к неправильной интерпретации; это правильно, не так ли, они так сказали?

Дёниц: Я не видел дискуссии после её завершения, и я её не подписывал. Я могу сказать вам совершенно четко – и это ясно из другой дискуссии – что я сказал, что я сам несу полную ответственность. Для меня это было существенным. Единственная причина почему возник вопрос в целом, из-за того, что офицер-дознаватель сказал мне, что эти офицеры готовили приказ, и затем насколько я помню, была идея, что ни в коем случае офицеры не несут ответственность за мой приказ. В этом заключалась суть дела.

Максвелл-Файф: Что же, в любом случае, вы не изменяете сказанное вами несколько минут назад, о том, что и капитан Годт и капитан Гесслер выступали против этого приказа, не так ли?

Дёниц: По моим воспоминаниям, сначала оба выступили против. Теперь я услышал, что оба говорят, что не выступали против него, но что вероятно я или кто-то ещё мог выступать против него. Я точно не знаю. Я вспоминаю, что сначала оба выступили против принятия такого приказа во время, когда 90 процентов наших субмарин уже были задействованы в сражениях с конвоями, и когда нас всё равно загнали под воду и невозможно было проводить никакое спасение так как мы были под водой; и я сказал: «Нет, разумеется пока будут случаи, в которое такое может случиться и в которой командир столкнётся с неловкой ситуацией и в таком случае я хочу освободить его от такого решения». В этом заключалась причина и значением дискуссии, ничего более.

Максвелл-Файф: Мы продолжим. Это первая часть приказа. Теперь возьмем параграф 2: «Приказы по доставке капитанов и главных инженеров сохраняются» Итак, подсудимый, вы прекрасно знали, что по приказу искать капитана или главного инженера, подводная лодка должна была проходить мимо спасательных шлюпок или обломков и спрашивать: «Где капитан?». И вам очень хорошо известно, что обычной практикой британского торгового флота являлась попытка спрятать капитана и предотвратить его обнаружение. Это не практичное положение с которым вам приходилось иметь дело, что вы должны были идти мимо спасательных шлюпок и спрашивать капитана, если вы хотели его получить? Это не так?

Дёниц: Нет, точно нет. Я вчера совершенно четко заявлял, что, первое, риск взять на борт одного человека был гораздо меньше, что касалось времени, и не ограничивал бы аварийное погружение лодки, в то время как спасательные мероприятия жестко ограничивали способность к аварийному погружению. Во-вторых, это была военная

задача поставленная штабом руководства войной на море за который, как всегда бывает в случае войны, нужно идти на какой-то риск; и, в-третьих, что значение этого параграфа казалось всем нам, несущественным, результаты всегда были слабыми. Данный приказ, если вы хотите выстроить его так и вырвать его из контекста, опровергает ваше утверждение о том, что я хотел уничтожать этих людей; потому что я хотел брать пленных, и если бы я намеревался сначала кого-нибудь убить, тогда бы я точно не брал его как пленного.

Максвелл-Файф: Я говорю вам, что вторая часть приказа о том, что вы должны были брать капитанов и главных инженеров, чтобы узнать от них что-нибудь.

Посмотрите на третий параграф: «Помощь потерпевшим кораблекрушение следует оказывать только в том случае, если их сообщения могут быть важны для вашей лодки» то есть, чтобы вы узнали от них о позиции союзных кораблей или мерах союзников против субмарин. Этот пункт противоречит второму и третьему, не так ли? Вы брали пленных, если бы вы могли получить от них, что-то полезное?

Дёниц: Думаю самой собой разумеется, что мы старались получить как можно больше информации, и поскольку я не мог взять на подводную лодку весь экипаж в качестве пленных, я вынужден был ограничить себя наиболее важными людьми. Поэтому я изымал этих людей из дальнейшего использования, в то время как остальные могли быть снова задействованы. Конечно, в виду ограниченного пространства на подводной лодке, я не брал неважных людей, а самых важных.

Максвелл-Файф: Я не хочу занимать этим много времени, но я хочу, чтобы вы сказали мне это: я понял ваше объяснение слову «снова» в журнале боевых действий, должно заключаться в том, что вы обратили внимание определённых командиров на ваши телеграммы во время инцидента с «Laconia», это ваше объяснение?

Дёниц: Нет, это не ссылалось на командиров подводных лодок; и я мне кажется, что слово «снова», как говорит мой штаб, ссылалось на те четыре радиограммы, про смысл которых мы читали последние несколько дней и которые вчера предъявили трибуналу.

Максвелл-Файф: Я недавно поставил вам вопрос, и вы сказали «снова» ссылается на сообщения, отправленные вами во время инцидента с «Laconia» Я думаю, вы согласны с этим, не так ли? Не бойтесь соглашаться со мной. Когда это было?

Дёниц: Вчера мне объяснили, что было четыре радиограммы, и я полагал, что лицо подытожило все события, и что вероятно так он его представлял. Он был главным старшиной и мне неизвестно, что он имел в виду под словом «снова».

Максвелл-Файф: Итак, вы говорите, что никогда не слышали о беседах Гитлера и Осимы, которые я недавно представил вам?

Дёниц: Нет.

Максвелл-Файф: Следовательно, можно полагать, а может нет, что лейтенант Хейциг, который давал показания тоже не слышал о беседах; вы не думаете, что он

не мог об этом слышать?
Дёниц: Я полагаю, это не обсуждается.
Максвелл-Файф: Вы заметили, что Хейциг сказал в своих показаниях, что во время лекции он услышал от вас тот же аргумент, что Гитлер привёл в своих беседах с Осимой?
Дёниц: Прежде всего, я хочу заявить, что Хейциг здесь на этом свидетельском месте говорил нечто отличное от того, что он говорил во время своего допроса. Во время перекрестного допроса он признал здесь, что я ничего не говорил о борьбе против личного состава потерпевшего кораблекрушение; во-вторых, всё остальное сказанное им настолько расплывчато, что я не придаю большой ценности его достоверности; в-третьих, он заявил совершенно четко, что я не говорил это на лекции, а во время обсуждения, которое само по себе не имеет никакого значения; и в-четвертых, вполне может быть, что обсуждался предмет строительной программы Америки и укомплектования новых кораблей подготовленными экипажами. Возможно, что это было во время обсуждения.
Максвелл-Файф: Вы теперь говорите, что вы согласны с тем, что никогда не поднимали обсуждение американской судостроительной программы и сложность поиска экипажей? Вы в этом согласны с Хейцигом?
Дёниц: Немецкая пресса была заполнена этим. Каждый читал и знал о судостроительной программе. Приводились фотографии…
Максвелл-Файф: Но я предлагаю аргумент, вам известно, что эта строительная программа была бы бесполезна, если бы вы могли уничтожить или запугать достаточно экипажей торгового флота. Это положение беседы Гитлера, и Хейциг сказал, что вы об этом говорили. Вы это говорили?
Дёниц: Я всегда придерживался взгляда, что потери экипажей сделают укомплектование сложным, и об этом сказано в моём журнале боевых действий рядом с похожими идеями, и вероятно я говорил что-то такого рода своим курсантам.
Максвелл-Файф: Вы посмотрите на страницу 37 документальной книги обвинения, страницу 76 немецкого перевода? Это приказ, датированный 7 октября 1943 (документ номер D-663, экземпляр номер GB-200). Я лишь хочу, чтобы вы посмотрели на последнее предложение: «В виду желаемого уничтожения экипажей кораблей, их затопление имеет огромную ценность».
Дёниц: Я читал это.
Максвелл-Файф: «В виду желаемого уничтожения экипажей кораблей, их затопление имеет огромную ценность», и на это постоянно давилось, нужда в экипажах кораблей.
Дёниц: Да, конечно, но в ходе сражения. Совершенно ясно, что эти спасательные корабли были мощно вооружены. Они имели самолет и могли быть потоплены также как и остальные корабли конвоя. Если в наличии был экипаж парохода

естественно наше желание заключалось в том, чтобы потопить их, поскольку мы были вправе топить такие экипажи. Более того они использовались как ловушки для подводных лодок рядом с пароходами.

Максвелл-Файф: По вопросу правоты или ошибочности потопления спасательных судов, уничтожения экипажей кораблей, я хочу задать вам ещё один или два вопроса о Мёле. Он командовал флотилией подводных лодок с 1942 до конца войны. Почти три года; и он нам говорил, у него был ряд наград за безупречную службу. Вы говорите трибуналу, что Мёле три года без вашего или вашего штаба сведения, проводил инструктажи с командирами субмарин на совершенно ошибочной основе? Вы видели каждого командира подводной лодки после возвращения.

Дёниц: Я сожалею, что корветтен-капитан Мёле, является одним из тех, кто говорил о своих сомнениях в этом приказе, как он здесь заявлял, сразу же не доложившем об этом. Я не мог знать, что у него есть эти сомнения. У него имелась любая возможность развеять эти сомнения и мне неизвестно, и никто из моего штаба не мог подумать, что у него были такие мысли.

Максвелл-Файф: Итак, у меня здесь есть письмо, письмо от вдовы одного из ваших командиров субмарин. Я не мог найти командира и это письмо от его вдовы. Я хочу, чтобы вы сказали, что вы думаете об отрывке в нём.

Она говорит – во втором абзаце – «Капитан Мёле говорит, что он не нашёл ни одного командира подводной лодки, который возражал приказу стрелять по беспомощным морякам, которые находились в бедствии на море».

Кранцбюлер: Я возражаю использованию данного письма. Я думаю, подобное письмо нельзя использовать как экземпляр. Это не присяга, и типичный пример письма, которое господин судья Джексон постоянно характеризовал.

Максвелл-Файф: Единственное о чём я говорю: сам человек не вернулся. Его вдова может предоставить информацию о том, как он понимал свои приказы перед выходом. Я должен приобщить представить его доказательственную ценность. Я думаю это согласно статье 19. Я не буду использовать его если в этом у трибунал есть малейшее сомнение.

Дёниц: Оно также полно неправильных заявлений. Здесь сказано, что он, Прин[243], умер в концентрационном лагере, что неправда.

Председатель: Минуточку.

Дёниц: Это неправда.

Кранцбюлер: Господин председатель, я только сейчас закончил читать всё письмо.

Председатель: Что же, трибунал сейчас рассмотрит вопрос.

Кранцбюлер: Могу я сначала заявить один аргумент в этой связи?

Председатель: Что же, мы услышали аргумент, и мы рассмотрели вопрос.

Трибунал думает, что оно нежелательно и что этот документ не должен быть использован.

---

[243] Гюнтер Прин (1908 – 1941) – немецкий подводник.

Максвелл-Файф: Как ваша светлость пожелает.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь я хочу быстро разобраться с отрывком в вашей собственной документальной книги, которую доктор Кранцбюлер представил вам вчера. Это том 2, страница 92, экземпляр 42. Прежде чем я задам вопрос об этом, есть один пункт, в котором я хочу, чтобы вы мне помогли. В своём допросе от 22 октября вы сказали, что около двух месяцев спустя после того приказа от 17 сентября вы отдали подводным лодкам приказы вообще быть на поверхности. Это правильно? Вы отдали приказы, запрещающие подводным лодкам быть на поверхности, правильно?

Дёниц: Насколько это вообще возможно для субмарины так не делать. Мы всё время, днём и ночью, вносили изменения, и это зависело от степени угрозы и погодных условий давали ли мы приказы подводным лодкам идти в надводном положении и перезаряжаться на заходу.

Максвелл-Файф: Они не всплывали после атак, вообще не всплывать на поверхность до или после атак; не такой эффект у вашего приказа?

Дёниц: Конечно, субмарины, например, ночью, должны быть на поверхности для атак, но основная вещь заключалась в том, чтобы избегать любого риска в походе.

Максвелл-Файф: Затем, два месяца спустя был приказ о том, чтобы они были на поверхности как можно меньше, и вы говорите мне, это был ваш приказ?

Дёниц: Насколько возможно они должны были пытаться всеми средствами избегать опасности с воздуха.

Максвелл-Файф: Вы отдавали приказы о всплытии?

Дёниц: Как я уже сказал, я отдавал им довольно много приказов, согласно погоде, согласно тому в какой части моря они были, и было ли это днём или ночью. Приказы различались согласно этим факторам, потому что опасность зависела от этих элементов и соответственно менялась. Также вносились изменения; если у нас был плохой опыт, если мы понимали, что ночью было опаснее, чем днём, тогда мы всплывали днём. У нас сложилось впечатление, что в конце было лучше на поверхности днём, потому что тогда можно было, по крайней мере, заранее определиться с направлением атаки с воздуха, и соответственно мы изменяли.

Максвелл-Файф: Но это факт, что довольно скоро после этого приказа воздушное прикрытие союзников стало таким мощным, что – я цитирую ваши собственные слова; вы говорите: «Два месяца позже субмарины уже не в состоянии всплыть». То есть, как я это понял, всплытие стало очень сложным из-за тяжёлых воздушных атак союзников, это правильно?

Дёниц: Да, они не давали шанса всплыть в определенных водах, не будучи сразу атакованными. В этом смысл. Однако субмарины находились в готовности, в высшей степени готовности – и это большая разница, так как спасательные работы срывают готовность, при этом тяжелые потери случались на пике готовности.

Максвелл-Файф: Итак, я хочу, чтобы вы посмотрели на страницу 93. Это страница

после той, на которую я сослался в томе II вашей документальной книги; вы видите параграф 1?

Дёниц: Да.

Максвелл-Файф:

> «Процент торговых судов вне конвоев в 1941 насчитывал 40 процентов; за весь 1942 едва 30 процентов; в последний квартал 1942 57 процентов; в январе 1943, около 65 процентов; в феврале около 70 процентов; и в марте 80 процентов».

Вашим худшим периодом были первые три квартала 1942, разве не так? Так видно из ваших данных.

Дёниц: Какой «худший период»? Что вы имеете в виду? Я не понимаю.

Максвелл-Файф: Что же, это на странице 93, параграф 1.

Дёниц: Да, но, что вы имеете в виду под «худшим периодом»?

Максвелл-Файф: Что же, процент потопленных торговых судов в конвоях в 1941 насчитывал 40 процентов.

Дёниц: Вы имеете в виду торговые корабли?

Максвелл-Файф: Да, я читаю ваш собственный журнал боевых действий, или даже журнал боевых действий военно-морского штаба. «За весь 1942 едва 30 процентов…»

Дёниц: Из конвоев?

Максвелл-Файф: Да, конвоев. Значит худшим периодом были первые три квартала 1942?

Дёниц: Нет. В 1942, как я уже сказал в своём описании общей обстановки, большое число субмарин просто были вне портов, они были у Нью-Йорка, Тринидада, и т.д., а значит, они здесь не упоминались. В этом списке только потопления, произведённые теми стаями, которые атаковали конвои в Северной Атлантике.

Максвелл-Файф: Но это не правильно, что эти данные означают, что вашим худшим периодом были три первых квартала 1942? Должно быть, было около 30 процентов.

Дёниц: Нет, моим наиболее успешным периодом был 1942 год.

Максвелл-Файф: Что же, как вы можете называть это наиболее успешным периодом если за весь 1942 год процент потопленных торговых судов в конвоях только 30 процентов, в то время как в январе и феврале и марте, он вырос до 65, 70 и 80 процентов?

Дёниц: Совершенно верно, это так. Из торговых кораблей, потопленных в 1942, 30 процентов были потоплены в Атлантике, но общая цифра была гораздо больше, чем например в 1943, когда было потоплено 65 и 70 процентов; и это лишь потому, что со времени 1943 мы больше не могли быть рядом с таким портом как Нью-Йорк. Это показывает проценты потоплений только в

атлантических конвоях.

Максвелл-Файф: Поймите, то что я вам говорю, это то, что в 1942, когда ваш процент из конвоев был низким, когда на вас оказывалось давление, о что мы с вами уже прошли, была каждая причина для вас отдать однозначный приказ, который окажет влияние на убеждение командиров субмарин уничтожать экипажи кораблей. В 1943 ваши подводные лодки не всплывали, ваша пропорция с конвоями выросла, и не было никакой причины ужесточать ваш приказ. Вот, что я вам говорю подсудимый.

Дёниц: Я считаю это совершенно ошибочным.

Максвелл-Файф: Теперь я лишь хочу…

Дёниц: Дело было так. Как я уже говорил, с лета 1942 и далее мы поняли, что опасность с воздуха внезапно возросла. Эта опасность с воздуха заставила себя почувствовать во всех водах, также в тех водах, где субмарины не сражались с конвоями или не сражались рядом с портами.

Максвелл-Файф: Итак, я лишь хочу вашей помощи по другому пункту. Доктор Кранцбюлер вчера сказал вам, что капитан-лейтенант Экк сказал, что если бы он вернулся, он не ожидал от вас каких-либо возражений или злости к нему за расстрел экипажа «Peleus». Вы сказали, что вам известно, что Экк держал этот ваш приказ в столе, когда он расстреливал экипаж «Peleus»?

Дёниц: Да, но я также знал, что этот приказ не имел ни малейшего эффекта на его решение, но что, как выразился сам Экк, его решением было расстрелять обломки; и он имел совершенно иную цель, а именно, убрать обломки, потому что он опасался за свою лодку, которую размажут на куски как и остальные лодки в те будни. Он четко заявил, что в его уме вообще не было связи между приказом, ссылающимся на «Laconia», который был у него на борту случайно, и его решением.

Максвелл-Файф: Итак, вам известны два других случая перед трибуналом, «Noreen Mary» и «Antonico», которые на страницах 47 и 52 документальной книги обвинения, где свидетели приводят различные доказательства об осуществлении атаки на них подводной лодкой, когда в одном случае по обломкам, а в другом случае по спасательной шлюпке. Вы посмотрите про «Noreen Mary» на странице 47 документальной книги? Заявление выжившего на страницах с 49 по 50. Он касается этого пункта; он говорит в четвёртом параграфе – страница 85 немецкой книги…

Дёниц: У меня есть английская документальная книга.

Максвелл-Файф: Это страница 50 английской; у меня есть английский документ:

> «Я плавал вокруг пока мне не попался сломанный нос нашей спасательной шлюпки, который был, перевёрнут , и взобрался на его верх. Даже теперь субмарина не погружалась, а осмысленно плыла в моём направлении и с расстояния около 60 или 70 ярдов начала

> стрелять прямо в меня короткими очередями из пулемёта. Так как их намерение было совершенно очевидно я упал в воду и оставался в ней до тех пор, пока субмарина не перестала стрелять и погрузилась, после чего я забрался на днище лодки».

Заявление бразильского господина вы найдете на странице 52. Вы нашли?

Дёниц: Да, нашёл.

Максвелл-Файф: Пятнадцатая строчка снизу, он говорит: «…противник безжалостно обстреливал беззащитных моряков в спасательной шлюпке номер 2…»

Предположим – конечно нужно полагать, что господин Макалистер и сеньор Оливейру Сильва говорят правду, вы скажете, что эти офицеры подводных лодок действовали сами по себе?

Дёниц: Возможно, что эти люди могли вообразить эти происшествия. Однако, я хочу указать на то, что в ночном бою – возьмем сначала пример «Antonico» - который длился 20 минут, можно было легко вообразить, что стрельба направленная по кораблю попала по спасательной шлюпке. В любом случае, если кто-либо делает доклад о ночном бое, длившемся 20 минут, тогда это субъективный доклад, и каждый, кто знает, как эти доклады варьируются, знает, как просто моряку совершить ошибку. Если, во время ночного боя, подводная лодка хотела уничтожить этих людей, тогда она не оставалась бы там 20 минут, в особенности, поскольку лицо заявляет, что он не видел субмарины в темноте. Это точно всё очень расплывчатые заявления.

Случай с «Noreen Mary» довольно похож. Много заявлений в этих показания разумеется не правда; так, например, что субмарина несла свастику. Ни единая субмарина не выходила в море раскрашенной таким образом. Если кто-то в каких-то обломках или в спасательной шлюпке и там поблизости выстрелы, тогда ему очень просто почувствовать, что в него стреляют. Именно по этой причине мы назвали довольно много случаев с англо-американской стороны, не потому что мы хотели предъявить обвинение, а потому что хотели показать то насколько скептичным нужно быть к таким индивидуальным докладам.

И единственные случаи за 5 ½ лет войны, во время нескольких тысяч атак, те, что представлены здесь.

Максвелл-Файф: Да, и в ходе этих 2 ½ лет командиры субмарин расстреливали выживших, вам не достаточно таких случаев, не так ли? Я хочу спросить вас о другом…

Дёниц: Командиры субмарин за исключением дела Экка никогда не расстреливали потерпевших кораблекрушение людей. Нет ни единого примера. Это неправда.

Максвелл-Файф: Вы так говорите.

Дёниц: Ни в одном деле это не подтвердилось. Напротив, они прилагали все усилия для спасения. Никакого приказа действовать против потерпевших кораблекрушение людей ни отдавали подводным силам, за исключением дела Экка и для это было явная причина. Это факт.

Максвелл-Файф: Теперь скажите, знали ли вы о том, что судовой журнал подводной лодки, потопившей «Athenia», был подделан после этого происшествия?

Дёниц: Нет, он не был подделан. Был издан совершенно четкий приказ о том, что случай с «Athenia» необходимо сохранить в тайне по политическим соображениям, и поэтому должны были быть изменены записи в судовых журналах.

Максвелл-Файф: Понятно. Вам не нравится слово «подделан». Хорошо, я буду употреблять слово «изменен» для определения того, что одна страница журнала была вырезана и заменена фальшивой. Вы об этом знали?

Дёниц: Сейчас я не могу сказать этого. Возможно, что капитан Лемп[244] получил от меня или моего штаба указание: «Этот случай сохранить в тайне». И поэтому он или командир флотилии вел дневник военных действий, который направлялся в десять различных отделов флота, и изменил его. Что ещё он мог сделать? Он не мог сделать иначе.

Максвелл-Файф: Я хочу знать, по вашему ли приказу и с вашего ли ведома тот корабельный журнал был изменен, я предположу, с правды на ложь, которая существует сегодня? Вы можете ответить?

Дёниц: Да, это произошло либо по моему приказу, либо, если бы этого не было сделано, я должен был отдать такой приказ, так как существовало политическое указание: «Этот случай сохранять в тайне». У сражающихся людей нет никакого другого выбора, следовательно, кроме как изменить судовой журнал. Командиры подводных лодок никогда не получали приказа вносить ложные записи, но в отдельном случае «Athenia», где было приказано сохранять в секрете, это не было отмечено в судовом журнале.

Максвелл-Файф: Что же, теперь остается еще один вопрос, который я хотел бы у вас выяснить, причем очень коротко. Вы были убежденным приверженцем идеологического воспитания ваших военнослужащих, не правда ли?

Дёниц: Да, я объяснил свои причины.

Максвелл-Файф: Что же, я лишь хочу это понять, и затем вы можете привести свои причины. Вы думали это нонсенс, чтобы солдат не участвовал в политике, не так ли? Если вы хотите…

Дёниц: Конечно. Солдат не имеет никакого отношения к политике, но, с другой

[244] Фриц-Юлиус Лемп (1913 – 1941) - немецкий подводник. Погиб вместе с подводной лодкой после её повреждения в бою.

стороны, он естественно должен был стоять за свою страну в войне.

Максвелл-Файф: И вы хотели, чтобы ваши командиры внедряли в военно-морской флот доктрины нацистской идеологии, не так ли?

Дёниц: Я хотел рассказать командирам в войсках, что единство немецкого народа существовавшее тогда была источником силы нашего ведения войны и что соответственно, поскольку мы пользовались преимуществом этого единства, мы также должны были понимать, что это единство должно продолжаться, потому что во время мировой войны у нас был очень точный плохой опыт из-за этого. Любая нехватка единства в народе обязательно влияла на ведение войны.

Максвелл-Файф: Взгляните на страницу 7 английской книги документов (документ номер D-640, экземпляр номер GB-186). Мне кажется, что там написано почти в точности то, что я спросил. Последнее предложение гласит:

> «Весь офицерский состав должен быть настолько пропитан доктринами, чтобы он чувствовал себя полностью ответственным за национал-социалистическое государство в целом. Офицер является представителем государства; пустая болтовня о том, что офицер должен быть совершенно аполитичен, является полнейшим абсурдом».

Ваша точка зрения такова, не правда ли?

Дёниц: Я сказал это. Но следует прочитать с самого начала, где написано, что наша дисциплина и наша энергия сейчас неизмеримо выше, чем в 1918 году, и именно потому, что нас поддерживает единство народа. А если бы этого не было, то наши войска давно были бы разбиты. По этой причине я так и сказал.

Максвелл-Файф: Скажите мне, к насколько многим людям вы это относили, или как много из них было во флоте к 15 февраля 1944? Я хочу понять, на какую массу вы пытались воздействовать. Как много? Четверть миллиона?

Дёниц: 600 000 или 700 000.

Максвелл-Файф: Теперь я хотел бы, чтобы вы обратили внимание на страницу 8 английской книги документов, где приводятся выдержки из вашего выступления в «день героев», 12 марта 1944 г. Вы сказали следующее:

> «Что стало бы с нашей родиной, если бы фюрер не объединил нас под знаменем национал-социализма. Разбитые на различные партии, осаждаемые распространяющимся ядом еврейства и не имея никаких средств защиты, мы бы давно уже надломились под тяжестью этой войны и предали бы себя врагу, который бы нас безжалостно уничтожил». (документ номер PS-2878)

Я спрашиваю вас, что вы имели в виду под «распространяющимся ядом еврейства»?

Дёниц: Я подразумевал, что мы живём в состоянии единства и что это единство представляет силу и что все элементы и все силы…

Максвелл-Файф: Нет, я не об этом спрашиваю. Я спрашиваю вас, что вы подразумевали под «распространяющимся ядом еврейства». Это ваша фраза, и вы объясните нам, что вы под ней подразумевали.

Дёниц: Я могу представить себе, что населению городов очень трудно было бы выдержать последствия бомбардировок, если бы оказывалось такое влияние. Это я и хотел сказать здесь.

Максвелл-Файф: Что же, теперь, вы можете сказать мне снова; что вы имели в виду под «распространяющимся ядом еврейства»?

Дёниц: Это значит, что он мог иметь разъедающий эффект на силу выносливости народа, и в этой борьбе не на жизнь, а на смерть нашей страны, я как солдат, в особенности волновался об этом.

Максвелл-Файф: Что же, сейчас, это то, что я хочу знать. Вы были верховным главнокомандующим и пропагандировали 600 000 или 700 000 человек. Почему вы убеждали их в том, что евреи распространяют яд в партийной политике? Зачем это было? Зачем было это ваше возражение евреям, которое заставляло вас думать, что они должны плохо влиять на Германию?

Дёниц: Это заявление было сделано во время моей памятной речи на день героев. Это показывает, что я считал, что выносливость, сила выносливости народа, как она состояла, могла быть лучше сохранена, чем если бы в нации были еврейские элементы.

Максвелл-Файф: Подобное высказывание относительно «распространяющегося яда еврейства» создавало мировоззрение, которое привело к умерщвлению 5 или 6 миллионов евреев за последние несколько лет. И вы хотите сказать, что ничего не знали относительно действий и намерений, направленных на то, чтобы покончить с евреями и истребить их?

Дёниц: Да, само собой разумеется, я утверждаю это. Я ровно ничего не знал об этом и если делалось такое заявление, тогда это не добавляет доказательств того, что у меня были какие-либо мысли о каких-нибудь убийствах евреев. Это было в 1943 году.

Максвелл-Файф: Что же, что я говорю вам это то, что вы присоединялись к охоте на эту несчастную часть вашего сообщества и вели шесть или семь сотен тысяч во флоте на такую же охоту.

Итак, взгляните на страницу 76 документальной книги в этой последней ссылке на вас…

Дёниц: Никто среди моих людей не думал использовать насилие против евреев, ни один из них, и никто не мог прийти к такому выводу из этой фразы.

Максвелл-Файф: Что же, теперь, взгляните на страницу 76. Это там где вы

рассматриваете повышение унтер-офицеров и людей, которые показали себя личностями в войне. Вы, прежде всего, сказали:

> «Я хочу, чтобы руководителей подразделений ответственных за рядовой и унтер-офицерский состав и командиров флотилий и остальных вышестоящих командиров больше интересовало повышение этих старшин и людей которые в этой войне зарекомендовали себя в особых ситуациях, благодаря своему внутреннему отношению и твердости, своей энергичной и внутренней настойчивости, короче, ввиду их личных качеств, они способны самостоятельно принимать верные решения и выполнять их не отмахиваясь от своей цели и с готовностью принимая ответственность.
>
> Один пример: На вспомогательном крейсере «Kormoran[245]», который использовался как тюрьма в Австралии, оберфельдфебель, действующий как старший по лагерю, систематически и незаметно покончил со всеми коммунистами, которые выдали себя среди заключенных лагерей. Этот старшина уверен в моём полном признании его решения и его исполнения; и после его возвращения я сделаю всё возможное, что смогу для его повышения, так как он зарекомендовал себя готовым для руководства».

В этом заключалась ваша идея руководства в данном национал-социалистически пропитанном флоте; что он должен убивать политических оппонентов способом, который не будет обнаружен охранниками?

Дёниц: Нет, это не так. Мне было доложено, что там был информатор, который, когда доставляли новые экипажи, проникал в лагерь, и после подслушивания, передавал информацию противнику. Результатом было, что в силу этой информации мы теряли подводные лодки. И тогда случилось, что старший человек в лагере, старшина, решил устранить этого человека как предателя. Об этом было мне доложено и я докажу это свидетелем. По моему мнению, и каждая нация признаёт что, действовавший как любой другой кто оказывается в крайне трудной ситуации и он должен…

Максвелл-Файф: Подсудимый, почему вы не сказали это? Если бы вы сказали, что этот человек убил шпиона, который распространял опасную информацию, я бы вам это не предъявил. Но то, что вы говорите, это то, что это были коммунисты, которые выдали себя, и этот человек убил их в тайне от охраны. Почему вы вставили коммунистов в свой приказ, если вы имеете в виду шпиона?

Дёниц: Я думаю, это приказ из балтийской ставки. Мне было сказано, что это

---

[245] «Баклан» — немецкий вспомогательный крейсер времён Второй мировой войны. HSK-8, бывшее торговое судно «Штейермарк», в германском флоте обозначался как «Судно № 41», во флоте Великобритании — «Рейдер „G“». Спущен на воду в 1938. Потоплен в 1941 году в бою с австралийским крейсером «Сидней».

касалось шпиона, и это то, что подтвердит свидетель. Если были причины – вероятно разведывательные причины – не разглашать этого…

Максвелл-Файф: Вы возлагаете ответственность за этот приказ на одного из ваших младших офицеров? Вы говорите, это был один их ваших младших офицеров, который представил приказ подобный этому? Это вообще не то, что вы имели в виду? Вы так говорите?

Дёниц: Я просто сказал о том, как возник приказ; до сих пор, я ни разу не уклонялся от ответственности.

Максвелл-Файф: Хорошо.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Есть дальнейший перекрестный допрос?

Покровский: У советского обвинения, милорд, есть несколько вопросов к подсудимому Дёницу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Скажите, подсудимый Дёниц, обращение к германскому народу и ваш приказ войскам в связи со смертью Гитлера были составлены вами 30 апреля 1945 г., не так ли?

Дёниц: Так точно.

Покровский: В этих документах вы сообщали, что преемником Гитлера, которого он назначил сам, являетесь именно вы. Это правильно?

Дёниц: Так точно.

Покровский: Задавали ли вы себе вопрос, почему именно на вас пал выбор Гитлера?

Дёниц: Так точно. Этот вопрос я задал себе, когда получил эту телеграмму, и я пришел к заключению, что, после того как рейхсмаршал сошел со сцены, я был старшим солдатом самостоятельной части вооруженных сил и что это было причиной моего назначения.

Покровский: В обращении к армии и народу вы требовали продолжения военных действий и всех желавших прекратить сопротивление называли трусами и предателями. Не так ли?

Дёниц: Так точно.

Покровский: Через несколько дней после этого, вы дали директиву Кейтелю капитулировать безоговорочно, это правильно?

Дёниц: Так точно. Я сказал довольно ясно в первом приказе, что я бы сражался на Востоке до тех пор пока войска и беженцы можно было спасать с Востока и вывозить на Запад и что не сражался бы ни секундой дольше. В этом заключалось моё намерение, и это также прямо высказано в моём приказе.

Покровский: Кстати говоря, об этом не было ясно сказано в этом приказе, но это

не так важно. Согласны ли вы с тем, что и 30 апреля…

Дёниц: Я…

Покровский: Вы выслушайте вопрос. Согласны ли вы с тем, что и 30 апреля, то есть в тот день, когда вы издали оба документа, о которых мы с вами сейчас говорим, была абсолютно ясна бесперспективность и бесцельность дальнейшего сопротивления гитлеровской Германии.

Вы поняли мой вопрос?

Дёниц: Да, я понял вопрос.

Покровский: Пожалуйста.

Дёниц: Я могу сказать следующее: на Востоке я должен был продолжать бороться для того, чтобы спасти беженцев, двигавшихся на Запад. Разумеется это очень ясно сказано. Я сказал о том, что мы продолжим бороться на Востоке лишь до тех пор пока сотни и тысячи семей из немецкой восточной территории можно было безопасно доставить на Запад.

Покровский: Вы не ответили на мой вопрос, Дёниц, хотя он был поставлен абсолютно ясно. Я могу его повторить, чтобы вам удалось, его всё-таки понять. Согласны ли вы с тем, что уже 30 апреля была абсолютно ясна бесперспективность и бесцельность дальнейшего сопротивления гитлеровской Германии? Да или нет?

Дёниц: Нет, нет, это не было ясно. С военной точки зрения поражение было абсолютным, и была только одна проблема спасения как можно большего количества людей, и поэтому мы должны были продолжать сопротивление на Востоке. Следовательно, сопротивление на Востоке имело смысл.

Покровский: Очень хорошо. Я вас понял. Но будете ли вы отрицать, что ваш призыв продолжать войну привел к дополнительному кровопролитию?

Дёниц: Очень незначительному, в сравнении с одним-двумя миллионами, которые бы погибли в противном случае.

Покровский: Давайте не будем сравнивать. Минуточку, минуточку подождите, Дёниц. Подождите Дёниц, проводить сравнения. Сначала ответьте, потом объясняйте. Порядок такой существует здесь всё время. «Да» или «нет», а потом объясните, пожалуйста. Вы поняли меня?

Дёниц: Конечно, в сражении на Востоке в течение этих нескольких дней могли быть дальнейшие потери, но они были необходимы для того, чтобы спасти сотни тысяч беженцев.

Покровский: Вы не ответили на мой вопрос. Я повторяю его третий раз.

Председатель: Он ответил; он сказал: «Да», что это привело бы к кровопролитию. Это ответ на ваш вопрос.

Покровский: Благодарю вас.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я хочу, чтобы вы окончательно уточнили вопрос о том, рассматриваете ли вы себя прежде всего как политика или

как солдата, который только выполнял приказы своего прямого начальства без всякого анализа политического смысла и содержания этих приказов?

Дёниц: Я не полностью понял вопрос. Как глава государства после 1 мая я был политиком.

Покровский: А до этого?

Дёниц: Чисто солдатом.

Покровский: 8 мая 1946 г. в 16 часов 35 минут, в этом зале вы сказали: «Как солдат я не имел в виду тех политических соображений, которые могли существовать». 10 мая, в 12 часов 35 минут здесь, вы сказали, когда речь шла о подводной войне: «Всё это касается политических целей. Я же как солдат занимался военными задачами». Это правильно?

Дёниц: Совершенно правильно. Я и говорю, что до 1 мая 1945 г. я был только солдатом. Как только я стал главой государства я передал высшее командование флотом, потому что я стал главой государства и следовательно политической личностью.

Покровский: Сэр Дэвид Файф минут пятнадцать назад обращался к двум документам, в частности к документу GB-186, D-640. Он привел вам одну фразу, которая находится в очень резком противоречии с тем, что вы сказали сейчас. Вы помните эту фразу? «Бессмысленна болтовня...»

Дёниц: Да, я помню ее очень хорошо.

Покровский: Вот я прошу вас сказать, как можно примирить эти крайне противоречивые высказывания. Это высказывание о болтовне, что офицер — не политик, имело место 15 февраля 1944 г., тогда, когда вы не были главой государства. Правильно?

Дёниц: Если солдат во время войны стоит за свою нацию и за свое правительство, то он тем самым не становится политиком. Так сказано в этой фразе, и это имелось в виду.

Покровский: Попробуем уточнить, так ли обстоит дело на самом деле. Вы несколько раз, в очень определённой форме здесь на суде, утверждали, что долгие годы до войны и во время войны воспитывали флот в духе чистого идеализма и твёрдого уважения к законам и обычаям войны. Это правильно?

Дёниц: Правильно, да.

Покровский: В частности, 9 мая, вчера, в 12 часов 50 минут, вы сказали: «Я воспитал подводный флот в духе чистого идеализма и продолжал подобное воспитание во время войны. Это было мне необходимо, чтобы добиться высокой боевой морали». Через пять минут в тот же день, вы сказали, говоря о морском флоте: «Я никогда не мог бы потерпеть, чтобы этим людям был дан приказ, противоречащий этой морали, не говоря уже о том, чтобы я сам мог дать такой приказ». Вы подтверждаете, что вы сказали именно так, или приблизительно так, если учесть возможную неточность перевода? Правильно?

Дёниц: Конечно; так я говорил.

Покровский: Я хочу, чтобы вы посмотрели на имеющийся в вашем распоряжении документ вашего защитника, это Дёниц-91. Под этим номером ваш защитник представляет выдержку из показаний, сделанным под присягой неким Йоахимом Рудольфи[246]. Чтобы не отнимать времени у суда, я хочу, чтобы вы коротко одним словом, «да» или «нет», сказали правильно ли показывает Рудольфи, что вы решительно возражали против введения в вооружённых силах Германии так называемых «народных гитлеровских судов». Вы поняли меня?

Дёниц: Я был против передачи юридических дел от флота другим судам. Я сказал, что если кто-то несёт ответственность за род войск, у него также должна быть военно-полевая юрисдикция. Сказано так.

Покровский: Вы знакомы с показаниями Рудольфи?

Дёниц: Да, знаком.

Покровский: Вы помните, на первой странице той выдержки которая представляется вами суду, сказано, что:

> «В начале лета 1943 года, началась первая угрожающая попытка подорвать аполитичное судопроизводство в вооружённых силах»

Вот, правильно ли освещает вопрос Рудольфи и верно ли, что вы возражали против этой попытки ввести сугубо политические суды во флот и в войска? Это верно?

Дёниц: По моим воспоминаниям, моё сопротивление началось летом 1943. Может быть, что уже весной юрисдикции Вермахта угрожали. Может быть, но я об этом не знал.

Покровский: Подтверждаете ли вы, Дёниц или нет, что именно эти так называемые «Народные суды» должны были заниматься тем, что Рудольфи рассматривает как хотя бы малейший намёк на политический выпад. Это его формулировка, которую вы можете найти на первой странице имеющейся в книге документов документа D-91.

Дёниц: Как я уже заявил, моя точка зрения была следующей: я хотел сохранить своих солдат под своей юрисдикцией. Я не мог судить о процедурах вне флота, потому что я не знал юридической процедуры. Моя мысль заключалась в том, что мои солдаты должны были оставаться со мной и быть судимы мною.

Покровский: За все виды преступлений, в том числе и политических преступления, не так ли? Я правильно вас понял?

Дёниц: Да, я это имел в виду; я заявил, что считал, что они должны были оставаться в юрисдикции флота.

Покровский: Будете ли вы отрицать, Дёниц, что вы проповедовали и всячески поощряли убийство беззащитных людей из состава военнослужащих германской армии исключительно по политическим причинам и рассматривали такие

---

[246] Йоахим Рудольфи (1898 – 1990) – немецкий юрист. В 1937 – 1945 начальник правового управления ОКМ.

убийства из-за угла как проявление высокой боевой доблести?

Дёниц: Я вас не понимаю. Я не знаю, что вы имеете в виду.

Покровский: Вы не поняли вопроса?

Дёниц: Нет, я вообще не понял вашего вопроса.

Покровский: Я могу его повторить. Может быть, от этого он станет яснее. Я спрашиваю: будете ли вы отрицать тот факт, что вы проповедовали пользу убийств одними военнослужащими германской армии, других военнослужащих германской армии исключительно по политическим мотивам? Теперь вам понятен вопрос?

Дёниц: Как вы пришли к такому вопросу?

Председатель: Трибунал не находит ваш вопрос достаточно ясным.

Покровский: Я имею в виду, милорд, приказ № 19 по балтийскому флоту, который был освещён частично сэром Дэвидом. Один пункт этого приказа, он позволяет внести абсолютную ясность в подлинные мотивы издания этого документа, там сказано… Там высказана одна мысль, в исключительно ясной форме – с вашего разрешения я прочту один абзац из этого документа. «Например» - сказано в приказе номер 19, это предпоследний абзац - «в лагере для пленных на вспомогательном крейсере «Kormoran» в Австралии один оберфельдфебель …».

Председатель: Какой параграф?

Покровский: Это предпоследний параграф документа D-650, страница 4 английского текста. Простите, четвёртая немецкого текста и третья английского текста.

Председатель: Это уже было в перекрестном допросе.

Покровский: Нет. Это место не было зачитано. И оно представляет, как раз, существенное значение для дела.

Председатель: Мы только что слышали такой же вопрос, тот же самый пример, оглашался сэром Дэвидом Максвеллом-Файфом, не более получаса назад.

Покровский: Но сэр Дэвид Файф, зачитывая этот пример, не зачитал той фразы которая сейчас интересует меня и которая позволяет внести окончательную ясность в позицию Дёница. Поэтому я и позволил себе ещё раз вернуться к этому документу. Там сказано…

Председатель: На какую фразу вы ссылаетесь?

Покровский: Первое предложение второго абзаца с конца. Тот абзац который начинается словом: «Например. Например, в лагере для пленных…»

Председатель: Вы совершенно неправы. Он зачитал весь параграф. Полковник Покровский, сэр Дэвид Максвелл-Файф зачитал весь параграф.

Покровский: Когда, с вашего разрешения, я прочту эти несколько слов, вы убедитесь, что они как раз не были прочитаны, они очень важны, сэр. В Австралии…

Председатель: Полковник Покровский, я сделал отметку в своём блокноте, которая показывает, что всё было зачитано; что подсудимого перекрестно допрашивали о значении слова «коммунист»; и что он объяснил это, сказав, что он ссылался на шпиона среди членов экипажа, который мог выдать секреты субмарин. Весь предмет полностью пройден сэром Дэвидом Максвеллом-Файфом, и трибунал не желает ничего об этом заслушивать.

Покровский: Мне совершенно необходимо зачитать два слова из этой фразы, которая не была зачитана здесь. Я прошу вашего разрешения зачитать эти два слова.

Председатель: Какие два слова, вы говорите не читали? Назовите два слова.

Покровский: «Планомерно» и «незаметно».

Председатель: Что за слова?

Покровский: «Планомерно» и «незаметно», то есть по определённому плану, речь идёт не об одном случае, а об определённом плане, о системе.

Председатель: Да, но полковник Покровский всё это зачитывали. Должны быть вы это пропустили.

Покровский: Если они были зачитаны. Я не говорю о том, что были они пропущены случайно или нет.

Председатель: Это было зачитано сэром Дэвидом Максвелл-Файфом и представлено свидетелю, подсудимому.

Покровский: Может быть, сэр Дэвид их случайно опустил, но они мне очень важны именно в плане моей постановки вопроса, потому что Дёниц утверждал, что речь шла об убийстве одного шпиона, а на самом деле в приказе говорится о плановом истреблении коммунистов, вернее тех людей которыми какой-то оберфельдфебель считал коммунистами.

Председатель: Это именно то, что сэр Дэвид Максвелл-Файф представил свидетелю. Он сказал: «Как вы можете говорить, что это относится к случаю шпионов или одного шпиона, когда это относилось ко всем коммунистам?» Именно этот вопрос он ему поставил.

Покровский: Может быть, я не совсем правильно сумел понять, то что переводил наш переводчик, но этого не было сказано в переводе.

Тогда с вашего разрешения я пойду дальше, к следующему вопросу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Будете ли вы отрицать, Дёниц, что в этом приказе, в качестве единственного примера подлинной воинской доблести – той доблести, которая служит основным поводом для внеочередного производства в унтер-офицерские и офицерские чины – вами приводились именно эти планомерные убийства из-за угла, по политическим мотивам? Оспариваете ли вы правильность изложения этого приказ так как он был изложен здесь?

Дёниц: Нет, это совершенно неправильно. Этот приказ ссылается на один инцидент в лагере для военнопленных, и тут следует учитывать перед какой

серьезной дилеммой оказался старший в лагере и что он действовал в ответственной и корректной манере устраняя в интересах нашей войны как предателя того коммуниста который одновременно был шпионом. Для него было бы проще, если бы он позволил идти всему своим чередом, что привело бы к ущербу подводным лодкам и вызвало потери. Он знал, что после возвращения домой ему это зачтётся. Такова причина, почему я отдал приказ.

Покровский: Может быть, вы согласитесь с тем, что события, так как вы их освещаете сейчас, ничего общего не имеют с тем, что было написано в вашем приказе?

Председатель: Я уже сказал вам, что трибунал не желает заслушивать дальнейший перекрестный допрос об этом предмете. Вы продолжаете это делать, и я должен снова четко обратить ваше внимание на решение трибунала о том, что трибунал не будет заслушивать дальнейший перекрёстный допрос по данному предмету.

Покровский: В свете этого документа, как вы расцениваете ваши разговоры о каких-то якобы принципиальных возражениях против чрезвычайных политических судов во флоте? Тех принципиальных соображений, о которых показывает доктор Рудольфи. Как вы примиряете эти противоречия?

Дёниц: Я не понял, что вы сказали.

Покровский: Вы говорите, что здесь речь идёт не о политических актах, в то время как в приказе мы имеем совершенно определённую формулировку, а доктор Рудольфи показывает, что вы боролись против политизации судебного аппарата в войсках и во флоте, тут явное противоречие, и я хочу, чтобы вы объяснили это противоречие.

Дёниц: Я не вижу никакого противоречия, потому что доктор Рудольфи говорит, что я был против передачи юридических дел судам вне флота и потому что дело «Cormoran» касается акции старшего в лагере, в далёком лагере для военнопленных за рубежом. Он решился на эту акцию лишь после тяжкого раздумья, зная, что дома он будет в ответе перед военно-полевым судом. Он сделал это, потому что посчитал необходимым, в интересах ведения войны, прекратить потери субмарин из-за предательства. Это две совершенно разных вещи. Там речь идёт об отдельном случае в лагере «Cormoran».

Покровский: То, что вы показываете сейчас, является повторением уже сказанного вами и того, что трибунал, как вы слышали, не хочет больше слышать, а не ответом на мой вопрос. Я понимаю этот факт совершенно иначе.

Дёниц: Да. Отвечая на ваш вопрос, я не могу говорить ничего кроме правды, и это я и делаю.

Покровский: Понятия об истине могут быть очень различные. Я, например, расцениваю этот вопрос совершенно иначе, этот факт.

Дёниц: Простите меня. Я здесь под присягой, и вы не хотите обвинить меня в

том, что я говорю неправду, не так ли?

Покровский: Мы говорим не о ложных показаниях, а о разном подходе к понятию истины. Я, например, считаю, что данным приказом, вы проявили себя подлинным…

Дёниц: Нет, я не могу с этим согласиться.

Покровский: Подождите. Что вы проявили себя подлинным…

Председатель: Полковник Покровский, будьте добры поставить вопрос, если вы хотите задать вопрос?

Покровский: Я хочу ему задать вопрос, милорд, и должен объяснить почему я этот вопрос задаю.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я рассматриваю этот ваш приказ как прямое проявление вашей подлинной преданности, фанатической преданности фашизму; и в связи с этим, хочу спросить вас, не считаете ли вы, что именно потому, что вы проявляли себя таким фанатичным последователем фашизма, фашистской идеи, на вас как на своем преемнике и остановился Гитлер, которому вы были известны как его фанатический последователь, способный призывать армию к любому преступлению в духе гитлеровских заговорщиков и называть эти преступления чистым идеализмом? Вы поняли мой вопрос?

Дёниц: Да, на это я могу лишь ответить, что я этого не знаю. Я уже объяснил вам, что законным преемником был рейхсмаршал, но что в результате прискорбного недоразумения, возникшего за несколько дней до моего назначения, он был исключен из игры, и я после него был следующим старшим по чину солдатом из самостоятельного рода вооруженных сил. Я думаю, что этот момент был решающим. То, что фюрер доверял мне, возможно, тоже играло при этом некоторую роль.

Покровский: У советского обвинения, милорд, больше нет вопросов к этому подсудимому.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы хотите повторно допросить?

Кранцбюлер: Господин председатель, я хочу задать ещё несколько вопросов.

[*Обращаясь к подсудимому*] Адмирал, во время перекрестного допроса сэром Дэвидом вас спросили о ваших сведениях об условиях в концентрационных лагерях; и вы хотели сделать дополняющее заявление, которое тогда не смогли сделать. Какие личные связи у вас были с какими-либо заключенными концентрационных лагерей, и были у вас вообще какие-нибудь связи?

Дёниц: Я не имел никаких связей ни с кем кого отправили в концентрационный лагерь, за исключением пастора Нимеллёра[247]. Пастор Нимеллёр был моим бывшим товарищем по флоту. Когда моего единственного сына убили, он выразил соболезнования; и по этому поводу я спрашивал как у него дела.

---

[247] Мартин Нимёллер (1892 — 1984) - немецкий протестантский богослов, пастор протестантской евангелической церкви, один из самых известных в Германии противников нацизма, президент Всемирного совета церквей.

Кранцбюлер: Когда это было?

Дёниц: Это было летом 1944, и я получил ответ, что у него всё в порядке.

Кранцбюлер: Вы прямо ему написали, или как это получилось?

Дёниц: Нет. Я получил эту информацию от третьего лица.

Кранцбюлер: Это было единственное сообщение, полученное вами из концентрационного лагеря?

Дёниц: Единственное которое я получал.

Кранцбюлер: В перекрестном допросе был представлен доклад капитана Ассмана о совещании с фюрером в мае 1943. Вы помните его содержание. Вы предположительно сказали, что в виду настоящей военно-морской обстановки, было желательно, чтобы Германия овладела Испанией и Гибралтаром. В связи с этим вы вносили какое-нибудь положительное предложение? Этого нельзя понять из документа.

Дёниц: Конечно, когда я обсуждал обстановку, я упоминал опасность от узкой полосы вдоль Бискайского залива; и я сказал, что для нас было бы более благоприятным, если бы мы могли выпускать наши подводные лодки из более широкого района. В то время никто даже не помышлял о действиях против Испании, либо при согласии Испании или в форме нападения. Было совершенно очевидно, что наших сил было для этого недостаточно. С другой стороны, совершенно понятно, что выражая свою озабоченность узкой полосе, я говорил о том, что было бы лучше если бы район был больше. Вот что я имел в виду своим заявлением. Я ссылался на подводную войну, а не на какой-то шаг против Испании на суше. Для как военно-морского офицера было бы совершенно невозможно вносить предложение напасть на Испанию.

Кранцбюлер: В связи с потоплением «Athenia» был намёк на то, что ваше заявление рассматривалось как извинение; то есть, что командир субмарины перепутал «Athenia» с вспомогательным крейсером. Поэтому, я хочу предъявить вам выдержку из судового журнала командира в этой акции и я хочу, чтобы вы подтвердили, на самом ли деле этот тот же самый командир. Я прочитаю вам из документальной книги обвинения, экземпляр GB-222, на странице 142 моей документальной книги, том III. Это судовой журнал субмарины Ю-30. Отрывок датирован 11 сентября 1939, страница 142 в документальной книге, том III.

> «Замечено затемненное судно. Преследую. Зигзагообразный курс выдает торговый корабль. Требую остановки светопередачей морзе. Пароход сигнализирует «не понял», пытается скрыться при сильном шквале и отправляет SOS: «Преследует субмарина» и докладывает о позиции по радиотелеграфу.
>
> Посылаю сигнал «стоп» по радио и световой сигнал морзе.
>
> Обгоняю. Первые 5 выстрелов пулемётом С/30 перед носом корабля. Пароход не реагирует. Частично развернулся, около 90 градусов,

> прямо на лодку. Отправляет: «Всё еще преследуют». Поэтому, открыт огонь с кормового 8.8 см орудия. Английский пароход «Blairlogie[248]», 4 425 тонн.
>
> После 18 выстрелов и трёх попаданий, пароход останавливается. Экипаж погружается в шлюпки. Последняя радиограмма: «Обстреляны, садимся в шлюпки». Огонь немедленно прекратили, когда показан аварийный сигнал и пароход остановился.
>
> Подошли к спасательным шлюпкам, отдали приказы следовать на юг. Пароход потоплен торпедой. Потом экипажи на шлюпках обеспечены сигаретами и Steinhäger[249]. 32 человека в двух шлюпках. Стреляем красными ракетами до рассвета. Поскольку американский пароход «American Skipper[250]», поблизости, мы отплываем. Экипаж спасен».

Адмирал, вы можете подтвердить, что эта запись того же самого командира, который за девять дней до этого торпедировал «Athenia»?

Дёниц: Да, это тот же самый командир, который незадолго до этого совершил эту ошибку.

Кранцбюлер: В перекрестном допросе снова утверждали и очень явно, что вы отправили командирам приказ уничтожать. Я хочу представить вам письмо, подписанное различными командирами подводных лодок. Вам известно это письмо и известны эти подписи, и я хочу попросить вас сказать мне, были ли эти командиры подводных лодок которые подписались, взяты в плен до сентября 1942, то есть, до ваших предполагаемых приказов уничтожать, или же их взяли в плен после.

Я читаю из документальной книги, том II, страница 99, Дёниц-53, который я предъявляю трибуналу. Оно адресовано командиру лагеря военнопленных, лагеря 18, в лагере Фезерстон парк в Англии. Я получил его через британское военное министерство и генерального секретаря суда. Я читаю под датой от 18 января 1946, и текст следующий:

> «Нижеподписавшиеся командиры, которые сейчас в данном лагере и чьи подводные лодки действовали на фронте, желают сделать следующее заявление вам, сэр, и выразить просьбу, чтобы данное заявление было доставлено в Международный военный трибунал в Нюрнберге.
>
> Из прессы и радио мы узнали о том, что гросс-адмиралу Дёницу вменяется принятие приказа уничтожать выживших из экипажей торпедированных кораблей и не брать никаких пленных. Нижеподписавшиеся заявляют под присягой, что ни письменно, ни

[248] «Блэрлоги» - британский пароход, потоплен 11 сентября 1939 подводной лодкой Ю-30 в 200 милях западнее Ирландии.
[249] Штайнхагер – разновидность немецкого джина.
[250] «Американский шкипер» (англ.)

> устно, такой приказа гросс-адмиралом Дёницем не отдавался. Был приказ о том, что по причинам безопасности лодки, из-за того, что возросла опасность от оборонительных средств всех видов, чтобы мы не находились на поверхности после торпедирования. Причиной этого был опыт показывающий, что если лодка всплыла для спасательной операции, как делали в первые годы войны, нам следовало ждать собственного уничтожения. Этот приказ нельзя было понимать неправильно. К нему никогда не относились, как к приказу уничтожать экипажи потерпевшие кораблекрушение.
>
> Нижеподписавшиеся заявляют, что руководство всегда воспитывало германский флот уважать писанные и неписанные законы и правила моря. Мы всегда относились к этому как нашей чести соблюдать эти законы и рыцарски сражаться на море».

Затем идут подписи 67 немецких командиров субмарин, которые сейчас военнопленные в британских руках.

Адмирал, я спрашиваю вас – вам известны эти подписи – этих командиров взяли в плен до сентября 1942 или после сентября 1942?

Дёниц: Большинство из них без сомнения стали пленными после сентября 1942. Для того, чтобы удостовериться в этом, я хочу снова взглянуть на список. Но большинство из них без сомнения были взяты в плен после сентября 1942.

Кранцбюлер: Довольно. У меня больше нет вопросов.

Латернзер: Господин председатель, я хочу разъяснить лишь одно положение, которое возникло в перекрестном допросе.

Адмирал, во время перекрестного допроса, вы заявили о том, что вы присутствовали на совещаниях по обстановке 19 и 20 февраля, и вы сказали…

Дёниц: Нет, что эта дата…

Латернзер: Я сделал пометку об этом, и вы сразу узнаете совещание. Во время совещания по обстановке 19 февраля, Гитлер предположительно внёс предложение выйти из Женевской конвенции. Я прошу сказать мне: какие высшие военные руководители присутствовали на совещании по обстановке?

Дёниц: Мне кажется, здесь ошибка. Я не слышал данный вопрос или предложение фюрера из его собственных уст, но мне сказал об этом морской офицер, который регулярно принимал участие в этих совещаниях по обстановке. Таким образом, я точно не знаю, верна ли дата, и мне также неизвестно, кто присутствовал, когда фюрер впервые сделал это заявление. В любом случае, я помню, что вопрос снова обсуждали на следующий день или два дня спустя; и тогда, как мне кажется, рейхсмаршал, и конечно Йодль и фельдмаршал Кейтель, присутствовали. В любом случае, весь Вермахт был единодушно против этого; по моим воспоминаниям, фюрер, из-за наших возражений, снова не возвращался к вопросу.

Латернзер: Спасибо. У меня больше нет вопросов.
Председатель: Подсудимый может вернуться на скамью.

[*Подсудимый покидает место свидетеля*]

Кранцбюлер: Господин председатель, после опыта сегодняшнего перекрёстного допроса, я считаю уместным предъявить свою документы трибуналу, если это угодно трибуналу, до того как вызову дальнейших свидетелей. Мне кажется, что я соответственно сокращу допрос свидетелей и это можно будет проще понять.
Председатель: Очень хорошо, доктор Кранцбюлер.
Кранцбюлер: Могу я сначала напомнить трибуналу, что экземпляры обвинения GB-224 и GB-191 содержат одинаковые общие обвинения в отношении подводной войны на которые ссылаются мои многие следующие документы. Документы рассматривающие эти общие обвинения в документальных книгах 3 и 4.

Во-первых, я предъявляю документ Дёниц-54 который содержит германскую декларацию о приверженности Лондонскому подводному протоколу. Мне не нужно читать это, потому что об этом постоянно говорили.

Затем, я прошу трибунал вынести уведомление о германских призовых правилах, фрагмент из которых можно найти на странице 137. Я хочу отметить, что статья 74 слово в слово согласуется с регулированием Лондонского протокола.

В то же время могу заметить, как видно на странице 138, что данные призовые правила не были подписаны главнокомандующим флотом. Это к вопросу о том являлся ли главнокомандующий флотом членом правительства Рейха. Он не имел никаких полномочий подписывать эти правила.

Следующий документ который я предъявляю, Дёниц-55. Это приказ от 3 сентября 1939 с которым подводные лодки вступили в войну. Я не знаю настолько ли хорошо эти документы известны трибуналу, что мне нужно просто суммировать их или же лучше зачитать из них фрагменты.
Председатель: Думаю вы можете сказать о них совместно, на самом деле, кратко характеризуя к чему они относятся.
Кранцбюлер: Да. Приказ от 3 сентября указывает лодкам обращать сильное внимание на все правила войны на море. Он приказывает о том, что войну следует вести согласно призовым правилам. Кроме того, он предусматривает подготовительный приказ об интенсификации экономической войны ввиду вооружения вражеских торговых судов. Данный приказ на странице 140. Так как я обращусь к этому позже, допрашивая свидетеля, мне не нужно это читать.

Я хочу прочитать трибуналу из английского документа, чтобы показать, что лодки на самом деле действовали согласно этим приказам. Это экземпляр номер GB-191. Это в подлиннике на странице 5, господин председатель. Этой фразы нет в английской выдержке и вот почему я прочитаю по-английски из подлинника:

«Таким образом немцы начали с правил, которые были, в любом случае, ясным, разумным и не бесчеловечным документом.

Командиры германских субмарин, за некоторыми исключениями вели себя в соответствии с этими нормами в первые месяцы войны. На самом деле, в одном случае, субмарина приказала экипажу траулера уходить на шлюпке, так как корабль нужно было потопить. Но, когда командир увидел состояние шлюпки, он сказал: «Тринадцать человек в такой шлюпке! Вы, англичане поступаете не хорошо, направляя в море корабль с такой шлюпкой». И шкиперу сказали высадить экипаж на траулер и идти домой на полной скорости, с бутылкой немецкого джина и добрыми пожеланиями командира субмарины».

Это английское мнение взятое из документа обвинения.

Мой следующий документ, Дёниц-56, фрагмент из журнала боевых действий штаба руководства войной на море от 9 сентября 1939, на странице 141.

«Английское информационное ведомство распространяет через «Reuters» новости о том, что Германия открыла тотальную подводную войну».

Затем, как Дёниц-57, на странице 143, я хочу предъявить трибуналу отчёт об опыте, который имел штаб руководства войной на море до этой даты. Это запись от 21 сентября 1939 в журнале боевых действий штаба руководства войной на море. Я читаю цифру 2:

«Командиры подводных лодок которые вернулись сообщают о следующем ценном опыте:

… (b) Англичане, отчасти также нейтральные пароходы, резкие зигзаги, отчасти затемнение. Английские пароходы остановившись, немедленно радируют SOS с точной позицией. Английские самолёты идут в бой с подводными лодками.

(c) Английские пароходы постоянно пытались скрыться. Некоторые пароходы вооружены, один пароход ответил огнём.

(d) До сих пор не было злоупотреблений со стороны нейтральных пароходов».

Документ на странице 144 из документальной книги уже в доказательствах. Это фрагмент из экземпляра GB-222, журнал боевых действий подводной лодки Ю-30 от 14 сентября. Я прочитаю только несколько фраз в начале:

«Дымовая завеса. Пароход идёт зигзагообразным курсом. Восточным курсом. Обгоняю. Заметив, поворачивает на противоположный курс и сигнализирует SOS.

Английский пароход «Fanad Head[251]», 5200 тонн, приписан Белфаст.

---

[251] «Фанад хед» - британский грузовой пароход. Спущен на воду в 1917. Потоплен немецкой подводной лодкой 14.09.1939 года.

> Преследую на полной скорости. Так как пароход не реагирует на приказ остановиться, один выстрел перед носом с расстояния 2000 метров. Пароход останавливается. Экипаж садится в шлюпки. Шлюпки выводятся из опасной зоны».

Я суммирую следующее: это показывает как подводная лодка, в результате радиограммы с парохода была атакована самолётами, какие сложности имелись в том, чтобы призовой экипаж оказался снова на борту, и как, несмотря на бомбардировку самолётами, она не потопила пароход до тех пор пока два английских офицера которые находились на борту не выпрыгнули за борт и не были спасены подводной лодкой. Погоня с глубинными бомбами длилась десять часов.

Следующий документ, Дёниц-58, показывает, что торговые суда действовали агрессивно против подводных лодок, и что это также выдержка из журнала боевых действий штаба руководства войной на море. Я читаю запись от 24 сентября:

> «Командир флота субмарин сообщает, что 6 сентября английский пароход «Manaar[252]», будучи остановленным Ю-38, после предупредительного выстрела, попытался скрыться. Пароход направил радиограмму и открыл огонь из кормового орудия. Корабль был оставлен только после четырех или пяти попаданий, затем поптоплен».
>
> Затем, еще одно сообщение от 22 сентября:
>
> «Англичане сообщают, что, когда был потоплен английский пароход «Akenside[253]», германскую подводную лодку протаранил паровой траулер».

Из документа обвинения, экземпляра GB-193, который копирован на странице 147, я хочу отметить мнение о точке зрения штаба руководства войной на море про радиограммы. Я читаю цифру 2, две фразы, начиная со второй:

> «Почти в каждом случае, английские пароходы при виде подводных лодок, радируют SOS и указывают свою позицию. После этих сообщений SOS с корабля, спустя какое-то время всегда появлялись английские самолёты, что ясно даёт понять, что у англичан это вопрос военной меры и организованная процедура. SOS вместе с указанием позиции таким образом следует считать передачей военной информации, даже сопротивлением».

Следующий документ, Дёниц-59, показывает одобрение записки представленной командиром флота субмарин о том, что корабли которые использовали своё радио остановившись следовало топить. Я читаю запись от 24 ноября 1939. Это в самом низу. Цифра 4:

---

[252] «Манар» - британский грузовой пароход. Спущен на воду в 1917. Потоплен 6.09. 1939 немецкой подводной лодкой.

[253] «Акенсайд» - британский грузовой пароход. Спущен на воду в 1917.Потоплен 22.09.1939.

«На основе одобрения фюрера, следующий приказ отдан группам и командиру флота субмарин:

4) Следует использовать вооружённую силу против всех торговых судов использующих радио, когда им приказали остановиться. Они подлежат захвату или потоплению без всякого исключения. Следует предпринимать меры по спасению экипажа».

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 11 мая 1946*]

День сто двадцать седьмой

Суббота, 11 мая 1946

Утреннее заседание

Кранцбюлер: Господин председатель, я продолжаю предъявлять документы касательно морской войны. Мой следующий документ напечатан на странице 149 документальной книги номер 3. Это декларация британского первого лорда адмиралтейства от 26 сентября 1939 о вооружении британского торгового флота. В данной декларации он объявляет о том, что за короткое время весь британский торговый флот будет вооружён. Затем он говорит о подготовке экипажей, и в заключение он благодарит своих предшественников за заботу с которой они проводили эту работу до начала войны.

Я предъявляю документ Дёниц-60. Дёниц-60 это большая подборка документов касательно законов войны на море. Она содержит всего 550 документов. Согласно просьбе председателя, я присвоил особые номера последующим документам.

Я перейду к некоторым документам которые рассматривают обращение с кораблями которые действовали подозрительно и по этой причине были атакованы подводными лодками. Первый документ из этой серии – Дёниц-61, страница 150. Это предостережение нейтральному судоходству о подозрительной тактике. Это предостережение было направлено в ноте всем нейтральным миссиям. В конце оно отмечает, что корабли должны избегать ошибочного принятия за вражеские военные корабли или вспомогательные крейсера, в особенности ночью. Есть предостережение от всяческой подозрительной тактики, например, изменения курса, использования радио при встрече с германскими военно-морскими силами, зигзагообразный курс, затемнение, не остановка по требованию и вражеский эскорт.

Это предостережение повторяется в документе Дёниц-62, который на странице 153, обновленная нота от 19 октября 1939 нейтральным правительствам. Документ 63 образец того как нейтральное правительство, а именно датское правительство, согласно германским нотам, предостерегало свои торговые суда от подозрительного поведения. Это находится на странице 154. Я хочу снова вам напомнить, что первое предостережение было дано 28 сентября.

Мой следующий документ, Дёниц-64, показывает, что 2 октября, был издан приказ субмаринам атаковать затемнённые суда в определённых оперативных районах близких к британскому побережью. Этот приказ особо важный в виду вчерашнего перекрёстного допроса, где был задан вопрос о том был ли вообще издан такой приказ или же этот предмет довели до командиров устно с указанием

подделывать свои журналы. Я читаю приказ от 2 октября 1939 на странице 155.

> «Приказ СКЛ (штаб руководства войной на море) фронту:
>
> Поскольку следует полагать, что затемнённые суда замеченные у английских и французских берегов – военные корабли или вспомогательные военные корабли, в отношении затемнённых судов разрешается ведение боевых действий в следующийх водах».

Следует район вокруг британского побережья. Фрагмент взятый из журнала боевых действий командира субмарин от этой же даты показывает передачу данного приказа субмаринам.

Готовность британского торгового судоходства совершать агрессию против германских субмарин мотивировалась и поощрялась следующим документом который я хочу показать. Он пронумерован Дёниц-101 и на странице 156. Старый номер был Дёниц-60, господин председатель. Это объявляение британского адмиралтейства, которое я прочитаю:

> «Британское адмиралтейство 1 октябя распространило следующее предупреждение британскому торговому флоту:
>
> В течение последних нескольких дней германские подводные лодки были атакованы британскими торговыми судами. В связи с этим германское радио заявляет о том, что германские подводные лодки до сих пор соблюдали правила международного права о предупреждении торговых судов перед их атакой.
>
> Однако теперь, Германия намерена отвечать рассматривая каждое британское торговое судно в качестве военного корабля. В то время как вышеуказанный факт совершенно неправильный, это может указывать на незамедлительно изменение политики германской подводной войны.
>
> Будьте готовы столкнуться с этим. Адмиралтейство».

На странице 157 есть второй доклад от той же даты. «Британское адмиралтейство объявляет о том, что германские субмарины преследуют новую стратегию. Английские лодки призывают таранить каждую германскую субмарину».

Следующий документ, Дёниц-65, содержит приказы изданные в результате вооружения, и вооружённого сопротивления торговых судов. Я читаю приказ от 4 октября 1939, который был издан СКЛ фронту.

> «Субмаринам разрешается немедленно атаковать любым доступным способом вражеские торговые суда которые явно вооружены или объявлены таковыми на основании убедительных доказательств полученных штабом руководства войной на море. Насколько допускают обстоятельства, следует предпринимать меры по спасению экипажа после устранения любой возможной угрозы для субмарины.

Пассажирские суда не используемые для перевозки войск пока не атаковать даже при наличии вооружения».

Фрагмент ниже показывает передачу приказа субмаринам. Опыт полученный на войне до этого периода суммирован в документе на странице 159, которая фрагмент из экземпляра обвинения GB-196 «Действующий военный приказ 171», командира субмарин. Я хочу прочитать только из параграфа 4, первая фраза:

«Тактика вражеских торговых судов. Следующие указания изданы для британского судоходства…».

Председатель: Что за дата у документа?

Кранцбюлер: Документ издан до мая 1940. Я вызову свидетеля, чтобы дать правильную дату, господин председатель, я полагаю это было в октябре 1939:

«Британский торговый флот получил следующие указания:

(а) Бороться с каждой германской субмариной всеми доступными средствами, таранить или атаковать её глубинными бомбами, при наличии».

Дальше идут детали.

Опыт полученный в операциях британской торговой службы суммируется в следующем документе, в приказе. Он пронумерован Дёниц-66 и на странице 161. Я прочитаю приказ, который датирован 17 октября 1939:

«В 15 часов 00 минут командиру субмарин был дан следующий приказ:

Субмаринам разрешается немедленное и полное использование всех боевых средств против всех торговых судов явно имеющих вражеского гражданство, так как в каждом случае следует ожидать попыток тарана или иных форм активного сопротивления. Настоящим сделано исключение в случае вражеских пассажирских судов».

На странице 162 я воспроизвёл ещё одну часть документа Дёниц-62, который уже предъявили. Это нота нейтральным странам датированная 22 октября 1939, определяющая поведение со стороны кораблей, которое по немецкому мнению, несовместимо с мирным характером торгового судна. Я читаю из длинного абзаца, второе предложение:

«Согласно предыдущему опыту подобной тактики можно точно ожидать от английских и французских кораблей, в частности при плавании в конвоях: недопустимое использование радио, плавание без огней и кроме того вооружённое сопротивление и агрессивные действия».

Дальше, германское правительство по этой причине предостерегает нейтральные нации от использования вражеских кораблей. Германские приказы издавались вследствие опыта полученного нашими подводными лодками.

Я уже предъявил следующий документ, Дёниц-67, на странице 163 et

sequentes[254] и я хочу пояснить на основе доклада британского адмиралтейства, который на странице 163, что приказы для торгового судоходства публиковались в «Справочнике по обороне торговых кораблей» от января 1938 – это издали до войны.

Теперь я перехожу к нескольким документам касательно обращения с пассажирскими судами. Они имеют важное отношение к делу «Athenia», поскольку «Athenia» было пассажирским судном.

Документ Дёниц-68 представляет некое доказательство обращения с пассажирскими судами. Сначала идёт приказ изданный 4 сентября 1939, который я хочу зачитать:

> «По приказам фюрера, в настоящее время нельзя предпринимать никакой враждебной акции против пассажирских судов даже в составе конвоя».

Следующий фрагмент на этой же странице содержит доклады об использовании пассажирских судов в качестве войсковых транспортов.

Я прочитаю выдержку из директив о ведении войны против торгового судоходства с октября до середины ноября 1939, страница 3. Так как началось самое полное использование пассажирских судов для перевозки войск, уже было невозможно оправдать их исключение, по крайней мере, когда они плыли в конвое. Следующий приказ был издан 29 октября: я прочитаю приказ, который датирован 29 октября. Это внизу страницы:

> «Пассажирские лайнеры во вражеских конвоях подлежат неограниченной вооружённой атаке со стороны подводных лодок».

Следующий документ, Дёниц-69, на странице 170, показывает, что в ноябре и декабре германская пресса издала предостережение от использования вооружённых пассажирских судов с помощью опубликования списков таких судов.

Следующий документ, Дёниц-70, на странице 171. Это приказ изданный 7 ноября 1939 СКЛ командиру подводных лодок. Я читаю приказ:

> «Подводным лодкам разрешается немедленно атаковать всем оружием все пассажирские суда которые явно можно опознать как вражеские суда и чьё вооружение выявлено или уже известно».

Это было около шести недель спустя после дачи разрешения атаковать другие вооружённые корабли.

Дёниц-71 показывает, что подводным лодкам также не разрешали атаковать затемнённые пассажирские суда вплоть до 23 февраля 1940, 5 месяцев – нет, 4 месяца – спустя после дачи разрешения атаковать остальные корабли.

Теперь я перехожу к экземпляру обвинения GB-224, который воспроизведен на страницах 199-203 в томе четвертом моей документальной книги. Я снова хочу подчеркнуть, что цель данного документа заключалась в том, чтобы в

---

[254] «И следующих» (лат.)

частности инкриминировать адмирала Рёдера, и что это описывалось обвинением как циничное отрицание международного права. Я хочу подчеркнуть, для начала, что согласно названию речь идёт о рассуждениях штаба руководства войной на море о возможностях интенсификации экономической войны против Англии. Я прочитаю несколько абзацев или краткий отчёт о них, чтобы показать, что было проведено самое тщательное изучение международного права. Первый абзац озаглавлен «Цели войны».

> «В предложении фюрера восстановить справедливый и почётный мир и создать новый политический порядок в центральной Европе отказано. Противник хочет войны, с целью уничтожить Германию. В борьбе к которой сейчас вынудили Германию, чтобы защитить своё существование и права, Германия должна использовать своё оружие беспощадно с полным уважением правил солдатского ведения войны».

Затем следует параграф в котором сказано, что противник тоже беспощаден в осуществлении своих планов. На следующей странице, странице 200, есть несколько фраз основного значения, которые я хочу прочитать. Я читаю из параграфа: «Военные требования» четвёртая фраза:

> «Все также желательно основывать военные меры на существующем принципе международного права, однако военные меры признаваемые необходимыми следует предпринимать если они вероятно приведут к рещающим военным успехам, даже если они не признаются международным правом. По этой причине, военному оружию которое эффективно ломает вражескую силу сопротивления принципиально нужно придавать правовое обоснование, даже если с данной целью нужно будет создать новые правила войны на море.
>
> После взвешивания политических, военных и экономических соображений в отношении войны в целом, верховное главнокомандование должно решить о военной процедуре и юридических правилах войны подлежащих применению».

Затем ряд выдержек, чтобы показать способ которым штаб руководства войной на море изучал юридический аспект ситуации, то есть, нынешний юридический аспект ситуации, ситуации которая могла бы возникнуть в случае осады Англии или блокады Англии. Конец, который на странице 203, подчеркивает политический характер окончательного решения. Я прочту это:

> «Решение о том какую форму должна принять интенсификация экономической войны и определить время для перехода к самой интенсивной и таким образом окончательной форме войны на море в данной войне имеет далекоидущее политическое значение. Это может сделать только верховное главнокомандование, которое сопоставит

друг с другом военные, политические и экономические потребности».

Я хочу добавить, что данный документ датирован 15 октября 1939.

В конце ноября 1939 штаб руководства войной на море прянял следующее…

Председатель: В нашем документе это 3 ноября. Вы сейчас сказали, что была какая-то дата в октябре.

Кранцбюлер: 15 октября, господин председатель. Это меморандум от 15 октября, который предъявлен.

Председатель: Что же, я думал речь шла об экземпляре GB-224. Это тот, что вы сейчас прочитали.

Кранцбюлер: Да.

Председатель: Это озаглавлено на нашей странице 199, 3 ноября 1939.

Кранцбюлер: Да, господин председатель. 3 ноября, дата к которой меморандум был разослан высшему командованию вооружённых сил и министерству иностранных дел. Мне только, что сказали, что в английском тексте, выше слова «меморандум», видимо не напечатана дата. В подлиннике сказано прямо над словом «меморандум», «Берлин, 15 октября 1939».

Председатель: Очень хорошо.

Кранцбюлер: Я уже предъявил документ Дёниц-73, на странице 206 в которой нейтралов предостерегали от входа в зону которая соответствует американской боевой зоне объявленной президентом Рузвельтом 4 ноября.

Немецкая точка зрения, что вход в данную зону представляет опасность для всех нейтралов в результате их действий, также была опубликована в прессе. Следовательно, я предъявляю документ Дёниц-103 на странице 210. Это интервью которое дал адмирал Рёдер представителю National Broadcasting Company[255] Нью-Йорка 4 марта 1940. Я хочу зачитать несколько фраз из этого документа. Во втором абзаце адмирал Рёдер отмечает угрозу существующую для нейтральных торговых судов если бы они действовали военным образом и соотвественно принимались бы за вражеские корабли. Последняя фраза абзаца гласит:

> «Немецкую позицию можно чётко выразить формулой: всякий кто полагается на использование оружия должен быть готов к атаке при помощи оружия».
>
> Я прочитаю два последних абзаца:
>
> «Обсуждая возможность того, что могут быть частые разногласия во мнении, главнокомандующий флотом отметил приказ президента Рузвельта запрещающий американское судоходство вокруг Англии. Он сказал: «Запрет лучшее доказательство против английской практики принуждения нейтралов заходить в эти зоны не имея

---

[255] Национальная широковещательная компания (сокр. NBC) — американская коммерческая телекомпания (в прошлом телерадиокомпания) и принадлежащая ей телевизионная сеть. Основана в 1926.

возможности гарантировать их безопасность. Германия может лишь рекомендовать всем нейтралам подражать политике вашего президента.

Вопрос: Таким образом, в связи с таким положением дел нет никакой охраны нейтрального судоходства в угрожаемых зонах?

Ответ: Наверное, нет, до тех пор пока Англия придерживается своих методов…».

С крахом Франции вся боевая зона США была объявлена германской зоной блокады. Это показано следующим документом Дёниц-104, страница 212. Я читаю с середины длинного абзаца на этой странице:

«Весь морской район вокруг Англии таким образом оказывается оперативным театром. Каждый корабль входящий в данную зону несёт риск уничтожения не только при помощи мин, но и других боевых средств…».

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы назвали это экземпляром Дёниц-60 или…

Кранцбюлер: Первоначально это был тоже один из документов из Дёниц-60, господин председатель, которому я сейчас присвоил новый номер. Теперь это Дёниц-104.

Председатель: Да, спасибо.

Кранцбюлер:

«Весь морской район вокруг Англии таким образом оказывается оперативным театром. Каждый корабль входящий в данную зону несёт риск уничтожения не только при помощи мин, но и других боевых средств. По этой причине германское правительство издает новое и самое срочное предостережение от вхождения в опасную зону»

В конце ноты германское правительство отказывается принимать любую ответственность за ущерб или убытки причинённые в данном районе.

Я представляю в качестве следующего документа, на странице 214, с новым номером экземпляра Дёниц-105, официальное германское заявление в связи с объявлением о тотальной блокаде от 17 августа 1940. Я просто называю это.

Сейчас я перехожу к нескольким документам об обращении с нейтралами вне объявленных опасных зон. Как первый документ, я предъявляю, на странице 226 фрагмент из экземпляра обвинения GB-196. Действующий военный приказ командира подводных лодок, который также был издан до мая 1940. Я читаю первые фразы:

«Не подлежат потоплению:

(a) Все корабли явно опознанные как нейтральные до тех пор пока они не (1) идут в любом вражеском конвое, (2) идут в объявленной опасной зоне».

Следующий документ, Дёниц-76, страница 227 показывает озабоченность штаба руководства войной на море тем, чтобы нейтралов опознавали как таковых. Я читаю первые фразы из записи от 10 января 1942:

> «В виду дальнейшего распространения войны, штаб руководства войной на море запросил министерство иностранных дел вновь отметить нейтральным судоходных нациям, за исключением Швеции о необходимости тщательно обозначать свои корабли для того, чтобы их по ошибке не принимали за вражеские корабли».

Следующий документ Дёниц-77, на странице 228, запись датированная 24 июня 1942 из журнала боевых действий флагмана подводных лодок:

«Всем командирам вновь даны подробные указания об их поведении к нейтралам».

Я уже предъявил документ Дёниц-78 – извините, его не предъявляли. Дёниц-78, страница 229 содержит примеры внимания командира подводных лодок к нейтралам. Запись от 23 ноября 1942 показывает, что субмарине было приказано покинуть некий район лишь потому, что там был большой нейтральный трафик.Вторая запись от декабря 1942 уточняет, что с португальскими военно-морскими танкерами нужно было обращаться в соответствии с директивами, другими словами, разрешалось пропускать.

На странице 230 есть документ который я уже упоминал. Он содержит отчёт о военно-полевых слушаниях предпринятых против командира который по ошибке торпедировал нейтрала.

Следующий документ, Дёниц-79, на странице 231, приказ вводящий способ обращения с нейтралами который оставался в силе до конца войны. Не думаю, что мне нужно читать это. Я снова подчёркиваю необходимость нейтральным кораблям быть опознаваемыми и ссылается на судоходные соглашения которые были заключены с рядом стран, такими как Испания, Португалия, Швеция и Швейцария…

Председатель: Какая здесь правильная дата? Вы сказали…

Кранцбюлер: Август 1944, господин председатель.

Председатель: Это в подлиннике…

Кранцбюлер: Первоначальной датой было 1 апреля 1943. Приказ был пересмотрен 1 августа 1944 на основе доработок вызванных судоходными соглашениями.

Пока я рассматривал общие принципы которые атаковал экземпляр обвинения GB-191 и GB-224. Сейчас я хочу предъявить несколько документов об отдельных пунктах находящихся в экземпляре обвинения GB-191. Здесь упоминалась речь Адольфа Гитлера заканчивающаяся словами:

> «Каждый корабль, с сопровождением или без, который входит в радиус досягаемости наших торпед – будет торпедирован».

Сейчас я хочу представить как Дёниц-80, на странице 232, фрагмент из

этой речи. Он показывает, что в таком контексте заявление фюрера применялось только к кораблям возившим военные материалы в Англию.

Я перехожу к двум примерам указанным в GB-191 как характерным примерам незаконной германской войны на море. Первый это случай датского парохода «Vendia[256]». Документ обвинения говорит:

> «30 сентября 1939 г. имело место первое потопление нейтрального судна подводной лодкой без предупреждения и с потерями человеческих жизней. Это было датское судно «Вендиа».

В связи с этим я предъявляю Дёниц-83, на странице 235. Это журнал субмарины Ю-3, которая потопила «Vendia».

> «Пароход постепенно разворачивается и набирает скорость. Лодка догоняет очень медленно. Очевидная попытка скрыться. Пароход явно опознан как датский пароход «Vendia». Лодка снижает скорость и расчехляет пулемёт. Несколько предупредительных выстрелов перед носом парохода. Затем пароход останавливается очень медленно, пока ничего не происходит. Затем ещё несколько выстрелов. «Vendia» видима.
>
> 10 минут на палубе ничего не заметно, чтобы устранить подозрение в возможном сопротивлении. В 11 часов 24 минуты внезапно вижу волны у носа и движение винтов. Пароход резко срывается в сторону лодки. Вахтенный офицер и старпом согласны с моим взглядом, что это попытка тарана. По этой причине я поворачиваю туда же куда пароход. Выстрел торпеды через 30 секунд, точка прицеливания – нос, точка попадания, крайняя точка кормы. Корма вырвана и отброшена. Передняя часть остаётся на плаву.
>
> Рискуя потерей собственного экипажа и лодки (возмущённое море и многочисленные обломки) спасли шесть человек из датского экипажа, среди них капитан и рулевой. Невозможно заметить никаких других выживших. Между тем подходит датский пароход «Swawa» и останавливается. Он просит направить на лодку свои бумаги. Он везёт груз из Амстердама в Копенгаген. Шестерых спасенных передали экипажу для репатриации».
>
> Я читаю предпоследнее предложение на следующей странице:
>
> «После передачи экипажа парохода, узнал о том, что главный инженер парохода сказал котельщику Бланку о том, что капитан собирался таранить субмарину».

Документ на странице 237, фрагмент из экземпляра обвинения GB-82, показывает, что случай «Vendia» составил повод для протеста германского правительства датскому правительству.

---

[256] «Вендиа» - датское торговое судно. Спущено на воду в 1924. Потоплено 30.09.1939 немецкой подводной лодкой.

Сейчас я рассмотрю потопление «City of Benares[257]» от 18 сентября 1940. В связи с этим сначала я хочу прочитать несколько фраз из документа обвинения, потому что по моему мнению это характеризует доказательственную ценность всего экземпляра GB-191. Я читаю из британской документальной книги, страница 23, начиная с отрывка где обвинение закончило читать. Трибунал вспомнит, что «City of Benares» имел на борту детей. Отчёт министерства иностранных дел гласит:

> «Капитан подводной лодки предположительно не мог знать, о том, что на борту «City of Benares» имелись дети, когда он выпустил торпеды. Вероятно он даже не знал название корабля, при том, что доказательства решительно говорят о том, что он несколько часов преследовал его перед тем как торпедировать. Однако, он должен был знать о том, что это был большой торговый корабль, вероятно с гражданскими пассажирами на борту, и разумеется с экипажем торговых моряков. Он знал о состоянии погоды, и знал о том, что было шесть миль от суши и при этом он следовал за ним вне района блокады и умышленно воздерживался от торпедирования вплоть до ночи, когда шансы на спасение сильно снизились бы».

Следующим документ я предъявляю Дёниц-84, страница 238 журнал подводной лодки 48, которая потопила «City of Benares». Я читаю запись от 17 сентября 1940:

> «Время 00 часов 02 минуты. Заметили конвой. Курс приблизительно 240 градусов, скорость 7 морских миль. Поддерживаю контакт, так как подводная атака уже невозможна из-за сильного волнения. С конвоем не видно никакого эскорта».

Я суммирую запись от 18 сентября 1940.

Она описывает обстрел торпедой судна относящегося к этому конвою - «City of Benares».

Несколько минут спустя в 00 часов 07 минут, субмарина атаковала второй корабль в конвое, британский пароход «Marina[258]». Оба судна послали радиограммы. Двадцать минут спустя субмарина снова провела артиллерийское сражение с танкером из конвоя. Вот подлинная история «City of Benares».

Я снова воспроизвожу экземпляр обвинения GB-192 на странице 240. Речь идёт о потоплении «Sheaf Mead». В связи с этим я хочу отметить, что это судно было сильно вооружено и что оно никак не было торговым судном, а ловушкой для субмарин. Экземпляр обвинения GB-195, о котором шла речь на вчерашнем слушании, содержит приказ изданный фюрером в июле 1941 об атаках на торговые суда Соединённых Штатов в зоне блокады объявленной вокруг Англии. На основе

---

[257] «Город Бенарес» - британский пассажирский пароход. Во время Второй мировой войны использовался для эвакуации детей из Англии в Канаду. Спущен на воду в 1936. Потоплен 18.09.1940 немецкой подводной лодкой.

[258] «Марина» - британский грузовой пароход. Спущен на воду в 1935. Потоплен 18.09.1940 немецкой подводной лодкой.

данного документа, обвинение вменяет Дёницу ведение циничной и оппортунистической войны против нейтралов.

Мой следующий документ Дёниц-86, страница 243. Он показывает усилия которые предпринимали для того, чтобы избежать конфликта с Соединёнными Штатами. Я читаю запись от 5 марта 1940, из журнала боевых действий штаба руководства войной на море:

> «Относительно ведения экономической войны, штабу военно-морских сил отданы приказы о том, чтобы корабли США не останавливали, не захватывали и не топили. Причина заключается в гарантии главнокомандующего флотом американскому военно-морскому атташе, которого он принял 20 февраля, о том, что германские субмарины имели приказы не останавливать вообще никакие американские корабли. Все возможности возникающие между США и Германией в результате экономической войны соответственно будут устранены с самого начала».

Следовательно, данный приказ означает, что от призовых мероприятий отказались.

Следующий документ, Дёниц-87, страница 244, демонстрирует практическое признание американской зоны нейтралитета. Он гласит:

«4 апреля 1941. Следующая радиограмма направлена всем кораблям в море:

> Американскую зону нейтралитета следует соблюдать к югу от 20 северной широты только на дистанции в 300 морских миль от побережья. По внешнеполитическим причинам, в настоящее время следует соблюдать данное ограничение к северу от вышеуказанной линии».

Это означает полное признание нейтральной зоны.

Следующий документ, Дёниц-88 демонстрирует отношение президента Рузвельта к вопросу нейтральности в отношении Германии в этой войне. Это фрагмент из речи от 11 сентября 1941 и она хорошо известна:

> «Гитлеру известно, что он должен стать хозяином морей если он хочет завладеть миром. Ему известно, что сначала он должен разорвать мост из кораблей который мы строим в Атлантике и по которому мы постоянно перевозим военные материалы которые помогут в конце концов, уничтожить его и его труды. Он должен уничтожать наши патрули на море и в воздухе».

Я хочу сказать несколько слов о взгляде также выраженном в экземпляре GB-191, а именно о том, что экипажи вражеских торговых судов были гражданскими и некомбатантами. На странице 254 документальной книги я воспроизвел часть из документа Дёниц-67, которую я уже предъявил. Это фрагмент

из конфиденциальных приказов адмиралтейства флоту и касается орудийной подготовки гражданских экипажей торговых судов. Я лишь желаю сослаться на первую страницу этих приказов которая говорит о том, что как правило, у орудия должен быть только один моряк, всех остальных нужно набирать из экипажа судна. Я читаю параграф под названием «Подготовка», раздел (d):

> «Дополнительно к подносчику боеприпасов и людям специально подготовленным к обслуживания орудий, ещё пять-семь человек – в зависимости от размера орудия необходимы для того, чтобы составить орудийный расчёт и подносить боеприпасы из ящика».

За этим следуют правила о подготовке в порту и орудийная муштровка экипажей.

Следующий документ, перенумерован в Дёниц-106, циркулярное письмо изданное французским министром торгового флота 11 ноября 1939. Оно касается создания специлиальной нашивки для людей служащих на торговых судах которые подлежали военной службе. Это на странице 256. Я хочу отметить, что данный указ был подписан главой военного кабинета, контр-адмиралом. Характер приказа демонстрируется предпоследним параграфом:

> «Данную нарукавную повязку можно носить только во Франции или во французских колониях. Ни при каких обстоятельствах люди с выданной нарукавной повязкой не могут носить её в зарубежных водах».

Я перехожу к нескольким документам касательно вопроса спасения выживших. Эти документы можно найти в документальных книгах 1 и 2.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы не думаете, что вам было бы достаточно сослаться на эти документы указав нам номера и не оглашая их? Как вы говорите, они касаются спасения.

Кранцбюлер: Мне кажется я могу сделать это с большей их частью. На странице 9 воспроизведена Гаагская конвенция[259] о применении Женевской конвенции к войне на море. Страница 10, документ Дёниц-8, приказ от 4 октября 1939 о потоплении вооружённых торговцев. Он содержит уже прочитанный приказ, а именно, что спасение нужно проводить всегда, когда возможно не ставить под угрозу собственный корабль.

Дёниц-9, страница 12, приводит примеры преувеличенных спасательных мероприятий со стороны германских субмарин, что даже позволяло вражеским кораблям проходить без атаки во время такого боя. Дёниц-10 рассматривает тот же самый предмет и приводит дальнейший пример.

Подборка заявлений командиров в Дёниц-13 находятся на страницах 19-26. Я хочу рассмотреть вместе с этим военный приказ 154, который экземпляр

---

[259] Имеется в виду Гаагская конвенция от 6 июля 1906 года о применении к войне на море принципов Женевской конвенции 1864 года.

обвинения GB-196. Эти заявления содержат многочисленные примеры, взятые за все годы войны, о спасательных мерах со стороны германских субмарин. Одно из этих заявлений дополнено фотографиями – страница 21 – которые включены в подлинник. Факты указанные в этих заявлениях подтверждаются документом Дёниц-14, страница 27, где есть доклад о спасательных мерах в судовом журнале субмарины, и в конце мы находим фразу: «Принятие британских лётчиков на борт санкционировано». Это подписано командиром подводных лодок.

Следующий документ, Дёниц-15 снова фрагмент из журнала, с примером спасательных мер после битвы с конвоем. Это страница 28, следующие два документа касаются приказа «Laconia». Трибунал разрешил мне использовать действующие военные приказы 511 и 513 в перекрёстном допросе Мёле. Они касаются захвата капитанов, главных инженеров и воздушных экипажей. Я предъявляю их как Дёниц-24 и 25 и их можно найти на страницах 46 и 47. Я хочу отметить, что оба приказа прямо говорят о том, что захват следовало предпринимать насколько возможно не подвергая лодки опасности.

Документ Дёниц-25 объясняет, что британское адмиралтейство, в свою очередь издало приказы предотвращать захват британских капитанов германскими субмаринами. Следующий фрагмент, на странице 48, приводит пример показывающий, что данный британский приказ исполнялся и, что подводная лодка безуспешно искала среди спасательных шлюпок капитана.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, вы можете сообщить трибуналу к чему относится и что означает параграф 2 на странице 46?

Кранцбюлер: Параграф относится к действующему военному приказу номер 101, то есть, приказу определяющему какие нейтральные корабли можно топить. Это конечно, в районе блокады.

Председатель: Это бы означало, что этих офицеров должны были топить вместе с кораблём или что?

Кранцбюлер: Нет, господин председатель. Это означает, что капитанов и старших офицеров нейтральных кораблей можно было оставлять в спасательных шлюпках и не требовалось брать на борт субмарины из спасательных шлюпок. Тот факт, что было гораздо безопаснее в спасательных шлюпках нежели в субмарине виден из английского приказа дающего капитанам указание оставаться в спасательных шлюпках и прятаться от подводных лодок.

Председатель: Что если они не имели спасательных шлюпок?

Кранцбюлер: Господин председатель, мне кажется, что такой случай здесь нельзя исключить. Я не знаю ни одного случая где корабль не имел спасательных шлюпок, в особенности в 1943, в каком году вышел приказ. Каждый корабль предусматривал не только спасательные лодки, но и автоматические надувные плоты.

Цифра 2 ссылается только на вопрос захвата нейтральных капитанов. Могу я продолжать?

Председатель: Да, можете.

Кранцбюлер: Ряд примеров показывающих, что капитанов спасали после издания этих приказов цитирован в заявлениях командиров воспроизведённых на страницах 22, 25 и 26 в экземпляре номер Дёниц-13.

Я перехожу к случаю субмарины Ю-386, который обильно фигурирует в заявлении корветтен-капитана Мёле. Трибунал вспомнит, что данный случай был решающей причиной того как Мёле интерпретировал приказ «Laconia». В связи с этим делом, я предъявляю экземпляр номер Дёниц-26, письменные показания капитана Витта[260]. Я хочу прочитать из них несколько абзацев.

Председатель: Какая страница?

Кранцбюлер: На странице 50, господин председатель.

> «В ноябре 1943, во время моих официальных обязанностей как сотрудника штаба командира подводных лодок, у меня была беседа с лейтенантом Альбрехтом[261], командиром подводной лодки Ю-386, о его опыте во время боя который он только, что завершил. Альбрехт сообщил мне о том, что на широте мыса Финнистере в Бискайском заливе, он обнаружил белым днём резиновую лодку с потерпевшими крушение британскими лётчиками. Он не предпринял никаких шагов, чтобы спасти их, потому что он был на пути в формировавшийся конвой. Он мог дойти до него только без остановки. Кроме того он опасался…».

Председатель: Доктор Кранцбюлер, нужно вдаваться в детали каждого конкретного случая? Я имею в виду, все они зависят от конкретных обстоятельств. Вам не нужно очень тщательно читать документы. На данной стадии дела этого не нужно.

Кранцбюлер: Очень хорошо, господин председатель. Я буду только докладывать.

Письменные показания вкратце о том, что командира проинформировали о том, что ему следовало вернуть этих лётчиков. То есть, другими словами, противоположное тому, что сказал Мёле в этом зале суда. Правильность заявлений капитана Витта подтверждается следующим документом, Дёниц-27, который журнал подводной лодки и содержит комментарии командира подводной лодки выражающие неодобрение тому факту, что англичан плавающих на плотах не взяли на борт.

Факт, что отношение адмирала Дёница к спасению основывалось не на жестокости, а на военной необходимости показан на странице 53 следующего документа Дёниц-28. Он рассматривал спасение собственного личного состава и пришёл к выводу, что военные соображения могут запретить такое спасение. Следующий документ Дёниц-29 касается заявления сделанного свидетелем

---

[260] Ганс-Людвиг Витт (1909 — 1980) — немецкий офицер-подводник, капитан 3-го ранга (1 февраля 1943 года). В 1943-1944 сотрудник штаба командира подводных лодок Кригсмарине.

[261] Рольф Альбрехт (1920 – 1986) – немецкий подводник. В июне 1943 – феврале 1944 командир подводной лодки Ю-386.

Хейцигом. Это страница 54 и следующая. Он начинается с письменных показаний адъютанта, капитан-лейтенанта Фёрмана, который описывает общие мысли которыми руководствовался в беседах адмирал Дёниц. В конце он подчеркивает тот факт, что к нему никогда, в связи с выступлениями адмирала Дёница не обращались молодые офицеры, которые выражали какие-либо сомнения в обращении с потерпевшими кораблекрушение людьми.

На странице 56 есть заявление лейтенанта Кресса, который присутствовал на той же лекции, что и Хейциг. Он говорит о том, что ни прямо ни косвенно адмирал Дёниц не отдавал приказа об убийстве выживших.

Это подтверждается заявлением лейтенанта Штайнхофа на странице 59. Соображения которые взвешивал в то время штаб руководства войной на море в вопросе борьбы с экипажами иллюстрируется следующим документом Дёниц-30, который воспроизведен на страницах 60 и 61. И снова, никак не упоминается убийство выживших. Это запись о совещании с фюрером от 28 сентября 1942, на котором присутствовали адмирал Рёдер и адмирал Дёниц.

Трибунал вспомнит экземпляр GB-200, который описывает спасательные корабли в качестве желательных целей. Этот же самый документ заявляет о том, что они имеют значение как ловушки для субмарин. По этой причине, я воспроизвёл на странице 63 действующий военный приказ номер 173 от 2 мая 1940. Этот приказ заявляет о том, что согласно указаниям британского адмиралтейства, ловушки для подводных лодок использовались в конвоях. Документ Дёниц-34, на странице 67 документальной книги 2, показывает, что обращение со спасательными судами не имеет никакого отношения к неприкосновенности госпитальных судов. Это последний из действующих приказов ссылающийся на госпитальные суда и он датирован 1 августа 1944. Он начинается со слов: «Нельзя топить госпитальные суда».

Мой следующий документ Дёниц-35 предназначен показать, что штаб руководства войной на море на самом деле выходил за рамки норм международного права о неприкосновенности госпитальных судов, так как, запись от 17 июля 1941 доказывает, что советское правительство со своей стороны отказалось от соглашения по госпитальным судам, руководствуясь нарушениями международного права совершёнными Германией на суше. Согласно статье 18 соглашения о госпитальных судах, это означало, что соглашение больше не связывало ни одну подписавшую сторону.

В документе Дёниц-36, страница 69 и следующая, я предъявляю единственный известный пример командира подводной лодки действительно стрелявшего в спасательные средства. Это допрос капитан-лейтенанта Экка проведённый 21 ноября 1945 по приказу данного трибунала. Это было за 10 дней до его расстрела.

Следуя пожеланию трибунала, я ограничу себя итогом.

После потопления греческого парохода «Peleus», Экк попытался потопить спасательные шлюпки и обломки с помощью орудийного огня. Причина которую он указал, заключалась в том, что таким способом он хотел избавиться от обломков и избежать обнаружения вражеским самолётом. Он заявляет о том, что на борту у него был приказ «Laconia», но что этот приказ вообще не имел никакого влияния на его решение. Фактически, он даже не подумал о нём. Он получал свои указания от Мёле, но ничего не слышал об убийстве выживших, чего якобы желали? и он ничего не знал о примере с Ю-386. В конце допроса Экк заявляет о том, что он ожидал одобрения своей акции адмиралом Дёницем. Далее следует ссылка на вчерашний перекрёстный допрос по вопросу о том одобрял ли адмирал Дёниц…
Председатель: Доктор Кранцбюлер, мы прервёмся на несколько минут – ненадолго.
Кранцбюлер: Очень хорошо.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Доктор Кранцбюлер, как вам известно, трибунал собирался рассмотреть ходатайства о документах и свидетелях, но если вы сможете закончить со своими документами за короткое время, он бы хотел продолжить и закончить, если вы можете.
Кранцбюлер: Господин председатель, мне кажется, что даже с учётом текущей скорости, мне нужен час. Поэтому я хочу попросить вас, разрешить продолжить утром в понедельник.
Председатель: Что же, доктор Кранцбюлер, если вы думаете, что это будет так долго, конечно нам нужно отложить это до утра понедельника, но трибунал надеется на то, что вам не потребуется дольше этого, потому что детали этих документов на самом деле не помогают трибуналу. Это снова будут подробно проходить как в ваших речах так и в дальнейшем рассмотрении трибуналом.
Кранцбюлер: Я ограничу себя прояснением связей, господин председатель, но несмотря на это, я думаю было бы лучше если бы я сделал это утром в понедельник.
Председатель: Очень хорошо, да. Тогда трибунал рассмотрит ходатайства. Да, сэр Дэвид.
Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, первое ходатайство от имени подсудимого фон Шираха, который попросил некоего Ганса Маршалека[262] в качестве свидетеля для перекрёстного допроса. Обвинение уже представило письменные показания этого человека и оно не имеет возражения вызову его в качестве свидетеля.

Милорд, второе ходатайство от имени подсудимого фон Шираха в отношении некоего Кауфмана. Защита желает направить Кауфману опросные листы

[262] Ганс Маршалек (1914 – 2011) - австрийский социалист и член движения сопротивления. В 1941-1945 был заключённым в концентрационном лагере Маутхаузен.

вместо вызова Кауфмана, который уже допущен в качестве свидетеля. Здесь нет никакого возражения.

Милорд, следующий вопрос это ходатайство доктора Зейдля от имени подсудимого Гесса и это просьба о пяти документах относящихся к советско-германским соглашениям августа и сентября 1939. И это также просьба о вызове посла Гаусса[263] в качестве свидетеля в связи с вышеуказанным. Но позиция в отношении предыдущих ходатайств довольно длинная и не вдаваясь в детали, я скажу трибуналу, что данный вопрос уже обсуждали по шести поводам. Я располагаю деталями если трибунал хочет их иметь.

Председатель: Нет, потому что трибунал распорядился о том, что эти документы нужно перевести, не так ли?

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Председатель: И тогда трибунал сможет их рассмотреть?

Максвелл-Файф: Так, милорд. Трибунал распорядился об их переводе 25 марта и милорд, если я могу напомнить вашей светлости только факты, 28 марта госпожу Бланк, личную секретаршу подсудимого фон Риббентропа, спросили о соглашении. Ваша светлость вспомнит, что мой друг генерал Руденко возражал, но трибунал распорядился о том, что вопросы были допустимыми и свидетель сказала о том, что знала о существовании секретного пакта, но не привела детали.

Затем, 1 апреля в ходе перекрёстного допроса доктором Зейдлем подсудимого фон Риббентропа были оглашены письменные показания Гаусса и 3 апреля доктор Зейдль заявил ходатайства о вызове Хильгера[264] и Вайцзеккера в качестве свидетелей по данному пункту и 15 апреля доктор Зейдль заявил ходатайство о вызове посла Гаусса.

Итак, милорд, в трибунале 17 апреля обсуждалось, когда я сказал о том, что в виду предыдущего решения трибунала я не могу оспаривать вопрос соглашения, но я возражал свидетелям. Генерал Руденко, как я думаю, заявил о том, что он представил письменные возражения и трибунал сказал, что рассмотрит вопрос. Сегодня положение такое, взяв пять документов, что письменные показания доктора Гаусса уже в составе доказательств. Милорд, это первые письменные показания. Но вторые письменные показания доктора Гаусса не находятся в доказательствах. В отношении Пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом[265] это уже в доказательствах. Что касается секретного дополнительного протокола прилагаемого к Пакту о ненападении между Германией и Советским Союзом, суть уже есть в доказательствах. Это привели в письменных показаниях

[263] Фридрих Гаусс (1881 – 1955) – немецкий дипломат. Начальник правового департамента МИД Германии в 1923-1943.

[264] Густав Хильгер (1886 — 1965) — германский дипломат. В 1923 – 1941 сотрудник посольства Германии в СССР.

[265] Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова — Риббентропа) — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

Гаусса.

Затем, милорд, мы имеем германо-советский Пакт о дружбе и границе от 28 сентября 1939 и секретный дополнительный протокол к этому пакту. Обвинение полагает, что эти документы не могут иметь никакого отношения к защите подсудимого Гесса, и оно не видит никакой причины ожидать их. При необходимости, мой советский коллега может далее рассмотреть вопрос, но общая позиция такая. И мы также полагаем, что вторые письменные показания посла Гаусса не нужны в виду его предыдущих письменных показаний, и не говоря о них снова, я ссылаюсь и повторяю свои возражения свидетелям дискуссий предшествующих заключению соглашения. Точка зрения такая, что это вопрос который на самом деле не относится к делу и не нужно занимать время трибунала его рассмотрением. Милорд, я не знаю удобно ли…

Председатель: Сэр Дэвид, трибунал как я сказал, собирается рассмотреть вопрос. Пока у него не было возможности рассмотреть эти документы, но я хочу спросить вас есть ли какая-нибудь причина почему посла Гаусса нужно вызвать в качестве свидетеля.

Максвелл-Файф: Вообще никакой, милорд.

Председатель: Он уже заявил о сути этих документов, как и подсудимый фон Риббентроп, и если документы представят и предположив, что трибуналу следует их допустить, то вызов Гаусса совершенно не относится к делу.

Максвелл-Файф: По моему соображению это так, милорд.

Председатель: Что же, думаю трибуналу лучше рассмотреть эти документы, в том порядке как он сказал, когда документы будут представлены.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Итак, милорд, следующее ходатайство от имени подсудимого Функа, и он просит разрешения зачитать письменные показания свидетеля Каллуса. Ранее подсудимому Функу было дано разрешение представить Каллусу опросный лист, что было сделано, и опросный лист уже представили в качестве доказательства. Спорным письменным показаниям и дополнениям к опросному листу обвинение не возражает.

Следующее ходатайство от имени подсудимого Штрайхера и он желает вызвать свидетеля Гасснера в качестве свидетеля и он пожелал поговорить о «Sturmer[266]» и размере обращения и доходах. Обвинение полагает, что не нужно вызывать свидетеля по поводу формы «Sturmer» после 1933. Представительное количество копий находится перед трибуналом и форму газеты можно из них понять.

По второму пункту, и подсудимый Штрайхер и свидетель Гимер[267] дали

[266] «Штурмовик» — еженедельник, выходивший в нацистской Германии с 1923 по 1945 год (с перерывами). Издавался в Нюрнберге гауляйтером Франконии Юлиусом Штрейхером.

[267] Эрнст Гимер (1900-1974) – немецкий писатель. В 1938-1942 главный редактор «Der Sturmer».

показания об обращении «Sturmer» и я покорно полагаю, что сборы от «Sturmer» и их использование не относятся к делу.

Затем, милорд, следующее ходатайство от имени подсудимого Заукеля, о неком Бидермане[268] в качестве свидетеля, вместо ранее допущенного свидетеля которого не смогли найти. Обвинение не имеет этому возражения, и оно не возражает документам о которых просили, таким образом с одобрения трибунала я не буду вдаваться о них в детали.

Председатель: Сэр Дэвид, мы хотим знать, когда вы думаете самое удобное время, чтобы мы заслушали доказательства от имени тех подсудимых чьи дела уже представили, нужно ли заслушивать их в конце всех доказательств или заслушать раньше?

Максвелл-Файф: Я склонен думать, что лучше заслушать это раньше если трибунал сможет выделить для этого субботнее утро или как то так, до того как дела различных подсудимых окажутся сильно позади.

Председатель: Мы рассмотрим это и дадим вам знать.

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости. Итак, милорд, следующее ходатайство от имени подсудимого Зейсс-Инкварта и он просит опросный лист для доктора Штуккарта[269], чтобы дополнить показания свидетеля Ламмерса. Обвинение не имеет никакого возражения такому опросному листу. Оно оставляет право, или просит трибунал оставить за ним право направить перекрёстный опросный лист. Подсудимый Фрик просит о докторе Конраде в качестве свидетеля по вопросу церковного преследования и обвинение предлагает, что будет достаточно опросного листа по такому поводу. Думаю есть небольшая путаница, думаю то, чего хотели это письменные показания. Подлинник ходатайства гласит:

> «Вопреки обвинению о том, что подсудимый принимал участие в преследовании церквей, письменные показания свидетеля установят, что Фрик сильно защищал церковные интересы».

Таким образом это вопрос между письменными показаниями и опросным листом, а не между устными показаниями и опросным листом. Затем, если можно оставлю следующее ходатайство от имени подсудимого Геринга моему другу полковнику Покровскому, который рассмотрит его. Я перехожу к ходатайствам от подсудимых Гесса и Франка. Это ходатайство доктора Зейдля, и если я могу прочитать, что сказано в записке генерального секретаря, это официальная информация из военного министерства Соединённых Штатов Америки или от

---

[268] Бруно Бидерман (1904 – 1953) – нацистский политик. Оберфюрер СА. Заместитель гауляйтера Тюрингии в 1934 – 1945.

[269] Вильгельм Штуккарт (1902 — 1953) — государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь рейхсминистерства науки, искусств и народного образования (3 июля 1934 года — 14 ноября 1934 года), государственный секретарь министерств внутренних дел Рейха и Пруссии (30 июня 1936 года — 30 апреля 1945 года), исполняющий обязанности рейхсминистра внутренних дел и рейхсминистра науки, воспитания и народного образования (3 мая — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), Американским трибуналом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

другого сотрудника министерства из управления стратегических служб. Сказано, что такой отчёт желателен, чтобы показать, что свидетель Гизевиус совершил лжесвидетельство во время дачи показаний, и что он желает показать этим атаку на его достоверность. Предполагается, что лжесвидетельство состоит в его отрицании в ходе перекрёстного допроса, что он действовал от имени зарубежных держав и его отрицания в виде получения каких-либо благ от какой-либо державы находившейся в состоянии войны с Германией, что якобы рознится с его заявлением о том, что у него были дружеские и политические отношения с американской секретной службой и с какими-то впоследствии опубликованными докладами. Подтверждение этих двух факторов, предположительно противоречащих его предыдущим заявлениям, запрашивается путем запроса официального заявления и они просят военного секретаря Соединённых Штатов господина Паттерсона[270], в качестве свидетеля по существенным пунктам, в случае если трибунал не считает официальный доклад допустимым или достаточным, или военное министерство Соединённых Штатов откажет в информации.

Итак, милорд, я рассматриваю данный вопрос просто как вопрос юриспруденции о чём я хочу представить английский взгляд как самый обоснованный и которому должен следовать данный трибунал. Право Англии, как я его понимаю, заключается в том, что когда вы перекрёстно допрашиваете свидетеля на достоверность, вы связаны его ответами. Есть единственное исключение которое по моим воспоминаниям содержится в сноске в «Уголовных доказательствах» Роско, о том, что, когда вы перекрёстно допросили свидетеля на достоверность, вы можете вызвать свидетеля для того, чтобы сказать о том, что зная об общей репутации свидетеля которого допрашивали на достоверность об этой общей репутации и только об этой общей репутации, свидетелю нельзя верить в этом. Это единственное исключение, что я знаю в английском праве.

Председатель: И, конечно, если его перекрёстно допрашивали о преступлении или правонарушении, ему можно возражать.

Максвелл-Файф: Разумеется, ваша светлость совершенно прав. Я должен был указать это в качестве исключения, что если бы его перекрёстно допрашивали о конкретном правонарушении, тогда можно было доказывать правонарушение. Я очень благодарен вашей светлости. Но, милорд, что недопустимо в английской юриспруденции это, когда свидетеля перекрёстно допросили на достоверность по иным конкретным фактам нежели осуждение государством, доказательства можно приводить об этих конкретных фактах. Я хочу сказать, это принцип который я уверен находится во всех системах юриспрудении, interest rei publicae ut sit finis litium должен применяться и поддерживать это условие. Итак, я скажу по-английски – извиняюсь. «Интерес общества в том, чтобы правовые процедуры имели конец».

---

[270] Роберт Паттерсон (1891 — 1952) — американский политик. Занимал пост военного министра США в администрации президента США Гарри Трумена.

Милорд, если не применять ограничение применяемое англичанами, тогда нужно приводить доказательства для атаки достоверности свидетелей обвинения. Обвинение тогда бы обратилось к доказательствам в опровержение такой атаки на достоверность каждого из таких свидетелей, достоверность которых атаковали и не было бы ни конца ни края юридическим процедурам. Милорд, это пункт который главный – и я не хочу быть академичным, это пункт практического значения для сохранения какой-то достойной границы юридической процедуры – я бы сказал, что в этом ходатайстве следует отказать. Милорд, думаю это охватывает все пункты за исключением ходатайства подсудимого Геринга которое рассмотрит мой друг полковник Покровский.

Председатель: Да.

Покровский: Подсудимый Геринг, ходатайствует, милорд, о вызове дополнительных свидетелей по вопросу о расстрелах в Катынском лесу под углом зрения выявления роли вооружённых сил. То есть, он имеет в виду доказать, что германские вооружённые силы не имели никакого отношения к этой гитлеровской провокации. Советское обвинение решительно возражает…

Председатель: Полковник Покровский, мы полностью заняты этим вопросом, так как нам уже пришлось рассматривать это, поэтому вам не нужно подробно это рассматривать, так как я понимаю, что это новые свидетели о которых ранее не ходатайствовали. Это не прошло?

Покровский: Перевод поступает, милорд.

Председатель: Сейчас слышно?

Покровский: Да, я слышал раньше, милорд. Я имел в виду, что речь идёт о новых свидетелях и именно в этой плоскости я и хотел дать возможность трибуналу узнать нашу точку зрения, советского обвинения, под углом зрения вызова новых свидетелей, не собираясь детально обсуждать вопрос о Катынском эпизоде.

Советское обвинение с самого начала рассматривало Катынь как общеизвестный факт и по месту которое отведено этому преступлению в обвинительном акте, по тому, что мы сочли возможным ограничиться зачтением здесь лишь кратких выдержек из сообщения комиссии, трибунал мог видеть, что мы относимся к этому эпизоду именно как к эпизоду. Но если бы встал вопрос, о том, о чём только, что говорил мой друг сэр Дэвид, именно, что трибунал подвергает сомнению принятые доказательства или показания свидетелей, то мы в свою очередь вынуждены были бы представлять новые доказательства для того, чтобы опровергнуть материалы вновь представленные защитой.

Таким образом, если бы трибунал счёл нужным допустить этих двух новых свидетелей по вопросу о Катынском расстреле, советское обвинение сочло бы себя обязанным вызвать ещё около 10 новых свидетелей, экспертов и специалистов, предъявить суду новые имеющиеся в нашем распоряжении, полученные сейчас документы и кроме того вернуться к вопросу о полном оглашении того сообщения

комиссии выдержки из которого мы предъявили трибуналу. Мы думаем, что это привело бы к очень значительной затяжке процесса измеряемой не часами, а днями. По нашему мнению это не вызывается никакой необходимостью, и должно быть отклонено как совершенно нерациональное, нецелесообразное, не вызываемое никакой необходимостью мероприятие. Вот собственно, милорд, что я хотел сказать по вопросу о ходатайствах подсудимого Геринга.

Я должен дополнить ещё двумя словами сэра Дэвида, в отношении ходатайств доктора Зейдля. Я не буду излагать сейчас наши мотивы по которым мы полностью поддерживаем сэра Дэвида, считающего нужным отклонить ходатайство доктора Зейдля, я хочу только доложить вам, что сегодня утром я подписал в ваш адрес документ излагающий очень обстоятельно наши специальные соображения по этому вопросу. Этот документ передан трибуналу. Так что не отнимая времени у вас, я нашёл другой способ довести нашу точку зрения до сведения трибунала.

Председатель: Итак, думаю, не нужно просить защитника подсудимого Шираха выступать перед трибуналом, потому что нет никакого возражения этим двум ходатайствам в связи со свидетелем Маршалеком и опросным листом Кауфману.

В связи с вопросом Гесса, трибунал рассмотрит это. Он собирается рассмотреть это как он сказал об этом в своём предыдущем распоряжении.

В связи с подсудимым Функом нет никакого возражения письменным показаниям Каллуса и до тех пор пока защитник Функа не хочет выступить об этом, нас это не беспокоит.

В связи со Штрайхером, есть возражение Гасснеру в качестве свидетеля, таким образом, защитнику Штрайхера лучше сказать, что-нибудь, что он желает сказать.

[*Нет ответа*]

Председатель: Что же, трибунал это рассмотрит.

Что касается Заукеля, нет никакого возражения. Что касается Зейсс-Инкварта, опросного листа – нет никакого возражения.

Что касается подсудимого Фрика, сэр Дэвид предложил опросный лист. Не совсем ясно, что означало это ходатайство. Защитник подсудимого Фрика здесь или нет?

[*Нет ответа*]

Председатель: Что же, мы это рассмотрим. И в связи с Герингом, трибунал рассмотрит ходатайства для подсудимого Геринга.

И в связи с Гессом и Франком, что касается показаний Гизевиуса – доктор Зейдль, вы желаете, что-то об этом сказать?

Зейдль: Господин председатель, ходатайство в отношении получения официальной информации от военного министра было заявлено с единственной целью получения доказательств о достоверности свидетеля Гизевиуса. Потом я заявил ещё одно ходатайство, чтобы допросить военного секретаря Паттерсона с помощью опросного листа рассмотрев этот же самый предмет. На следующий день я заявил ходатайство о допросе начальника ОСС[271] генерала Донована[272], также при помощи опросного листа. Думаю это новое ходатайство в руках трибунала.

Я заявил дальнейшее ходатайство лишь потому, что первый свидетель, Паттерсон, был военным министром сравнительно небольшой период и потому что показалось, что будет польза иметь лично начальника этой организации как дополнительного свидетеля. Как причину этих ходатайств, я ссылаюсь на своё письменное заявление от 1 мая сего года, которое я также представил как приложение 1 к форме. Далее я ссылаюсь на приложение 2, сообщение «Associated Press[273]» об этом инциденте. Я хочу коротко ответить на заявление сэра Дэвида Максвелл-Файфа.

Кажется трибунал не связан никакими конкретными правилами при рассмотрении вопроса дополнительных свидетелей в связи с достоверностью других свидетелей. Ни устав Международного военного трибунала ни регламент не содержат никаких чётких правил. По моему мнению, скорее на вольное суждение трибунала оставлено то нужно ли допускать доказательство или нет ссылающееся на достоверность свидетеля и при каких обстоятельствах. В германском уголовном процессе такое доказательство безусловно допустимо.

Однако, поскольку трибунал создан не связанным никакими процессуальными нормами, я не вижу никакой причины, почему решение должно быть основано на какой-то привычной англо-американской юридической процедуре, поскольку устав основан ни на англо-американской юридической процедуре ни на континентально-европейской юридической процедуре. Данный трибунал и его процессуальные правила совершенно независимы и предоставляют полную свободу суждения суда.

Это всё, что я хотел сказать в связи с этим.

Председатель: Минуточку, доктор Зейдль. Вопросы которые вы желаете задать в связи со свидетелем Гизевиусом относятся исключительно к достоверности?

Зейдль: В своём письменном ходатайстве я уже сказал о том, что касалось меня, это не вопрос виновен ли при определённых обстоятельствах свидетель Гизевиус в деянии которое с немецкой точки зрения может составлять преступление

---

[271] Аббр. с англ. Office of Strategic Services – Управление стратегических служб.

[272] Уильям Донован (1883 — 1959) — американский юрист и сотрудник спецслужб, руководитель Управления стратегических служб во время Второй мировой войны и некоторое время после.

[273] Ассошиэйтед Пресс — одно из крупнейших международных агентств информации и новостей. Началось в 1846 году как кооператив новостей газетных издательств. Имеет экономическую и коммерческую службу «Доу Джонс», а также фото-, теле- и радиослужбы. Штаб-квартира расположена в Нью-Йорке.

государственной измены. Я ставлю этот вопрос в связи с исследованием достоверности свидетеля перед трибуналом.

Председатель: Об этом я и думал. Итак, я хотел задать вам ещё один вопрос. Эти пакты или соглашения, которые как вы говорите существовали между советскими республиками и Германией – они опубликованы в печати? Все документы которые вы желаете использовать отпечатаны или мимеографированы и розданы трибуналу?

Зейдль: Господин председатель, 13 ноября прошлого года, я вручил шесть копий пяти этих документов генеральному секретарю и также вручил соответствующее количество документов обвинению. Все эти документы отпечатаны или скорее, мимеографированы.

Председатель: Да.

Зейдль: Наверное я могу кое-что добавить. Ранее трибунал допустил в качестве доказательства письменные показания данные послом Гауссом. Эти первые письменные показания заявление о содержании этих секретных соглашений. Я считаю…

Председатель: Да, я это знаю.

Зейдль: …что если у нас имеются соглашения, мы должны ссылаться на сами соглашения, а не просто на сводку. Если трибунал того желает, и считает нужным, тогда я должен быть готов, сейчас или позднее, обсудить относимость к делу этих соглашений.

Я отметил восемь пунктов по которым эти соглашения кажутся относящимися к делу и наверное я могу отметить, что эти дополнительные соглашения…

Председатель: Трибунал уже приказал о том, что эти документы должны представить и он рассмотрит их и так он предлагает действовать, не нужно вдаваться в их детали. Мы рассмотрим вопрос.

Заутер: Господин председатель, во время допроса подсудимого Функа был показан фильм здесь на экране и письменные показания свидетеля – Пуля – прочитали – Эмиля Пуля, вице-президента Рейхсбанка. Затем, после моего ходатайства, трибунал решил о том, чтобы данный свидетель Эмиль Пуль был вызван сюда для допроса. Сейчас я хочу попросить вас изменить ваше решение в одном отношении. Думаю было бы полезно показать свидетелю Пулю фильм который вы видели на экране несколько дней назад, для того, чтобы он мог сказать выглядят ли на самом деле хранилища Рейхсбанка так как показано в фильме.

Поэтому я хочу попросить, господин председатель, чтобы вы распорядились, чтобы этот короткий фильм который мы недавно дважды смотрели также показали свидетелю Пулю перед его допросом. Конечно, не нужно, чтобы это было сделано во время заседания трибунала, это можно сделать в присутствии обвинителя и меня, вне зала суда. У меня есть различные вопросы к свидетелю Пулю, и для этого нужно, что сначала он посмотрел фильм. Я хотел заявить это

ходатайство сегодня для того, чтобы не было никакой задержки в допросе свидетеля Пуля.

Председатель: Свидетелю Пулю известны хранилища во Франкфурте которые фотографировали?

Заутер: Да.

Председатель: Он был директором в Берлине, не так ли?

Заутер: Да, но я полагаю, господин председатель, что свидетель Пуль который был управляющим вице-президентом, знал бы и о стальных хранилищах во Франкфурте. Кроме того, мне кажется, что эти хранилища в разных отделениях Рейхсбанка строились по одному плану и на практике с ними работали одинаково. Он также сможет сказать, типичен ли был метод хранения показанный в фильме для использования Рейхсбанком при хранении своих депозитов.

Председатель: Обвинению есть, что сказать на это?

Альбрехт: С позволения уважаемого суда, я думаю, так как документ относится к делу, мы были бы очень рады показать их свидетелю до перекрёстного допроса доктором Заутером.

Председатель: Да. И наверное удобнее всего будет, как предлагает доктор Заутер, чтобы ему показали фильм в какой-то комнате суда, не в этом зале, а в другой комнате.

Альбрехт: Да, мы можем сделать это в присутствии обвинения.

Председатель: Значит вы можете договориться с доктором Заутером?

Альбрехт: Очень хорошо, сэр.

Заутер: Большое спасибо.

Председатель: Доктор Заутер, какое-то время определено для вызова Пуля?

Заутер: Нет, пока ничего не определено. Насколько я слышал, свидетель уже здесь. Я не знаю, когда его должны заслушать. Я полностью оставляю это обвинению.

Председатель: Какое время было бы удобнее всего?

Максвелл-Файф: Милорд, господин Дальтон предлагает мне, в конце дела подсудимого Дёница.

Председатель: Это будет удобно? Не будет ли лучше поставить это после подсудимого Рёдера – не знаю, это довольно связанные дела?

Максвелл-Файф: Если трибунал предпочтёт, мы сможем сделать это после Рёдера.

Председатель: Я не знаю предпочтут ли это доктор Кранцбюлер и доктор Симерс.

Кранцбюлер: Да.

Председатель: Наверное вы сможете с ними договориться.

Максвелл-Файф: Разумеется, милорд.

Председатель: То есть, мы возьмем показания Пуля как только это будет удобно, либо после доказательств подсудимого Дёница или после доказательств подсудимого Рёдера, как вам удобнее.

Максвелл-Файф: Если ваша светлость предпочитает это, мы это сделаем.

Латернзер: Господин председатель, я хочу проинформировать трибунал о том, что ходатайства моего коллеги доктора Штамера для подсудимого Геринга, которые заявлены в виду разъяснения Катынского дела, также интересуют меня в связи с моими клиентами. Я понял из ходатайства русского обвинителя, что этот комплекс, тоже, направлен на то, чтобы уличить генеральный штаб и ОКВ, при том, что не представлено никаких доказательств о том, что эти события произошли либо по приказу или с одобрения генерального штаба и ОКВ.

Председатель: Разве это не интерес для всех подсудимых?

Латернзер: Да. Но я лишь хочу проинформировать трибунал о том, что я заинтересован в ходатайствах моего коллеги доктора Штамера и я также прошу вас разрешить их. Мы согласны разделить задачу, и в этом заключается причина моего коллеги Штамера заявить ходатайство. Я хотел сначала проинформировать трибунал о такой договорённости.

Я также хочу напомнить трибуналу о том, что некоторое время тому назад, когда мой коллега, доктор Нельте, действуя от имени подсудимого Кейтеля отказался от допроса свидетеля Гальдера[274], я заметил трибуналу, что такой поступок ущемил мои привилегии и что свидетель Гальдер должен быть для перекрёстного допроса русским обвинением. Тогда, мне сказали о том, что свидетель Гальдер наверное явиться на допрос, и я проверил это в стенограмме. Когда я ссылался на этот пункт во время заседания, трибунал сказал о том, что объявит о своём решении через несколько дней. Хотя с тех пор прошло значительное время, никакого объявления не сделали. Я просто обращаю на это внимание трибунала.

Председатель: Ваших свидетелей пока не рассматривали, не так ли? Вы пока не ходатайствовали о свидетелях? Их не предлагали? Вопрос не рассматривали?

Латернзер: Господин председатель, это повторение недопонимания которое возникло, когда я заметил вам тогда, что отказ от свидетеля Гальдера образует посягательство на мои права. Ситуация тогда было такой, что русское обвинение предъявило письменные показания генерала Гальдера и когда защита возразила, что тогда было сделано от моего имени, трибунал решил о том, что свидетелю Гальдеру нужно явиться для допроса. Я имею право перекрёстно допросить его и поэтому сейчас подходящее время обратить на это внимание трибунала.

Председатель: Да, но вопрос в удобном времени. У вас будет возможность его перекрёстно допросить. Но вопрос – когда. Вы хотите перекрёстно допросить его от имени высшего командования?

Латернзер: Да.

Председатель: Мы это рассмотрим, доктор Латернзер.

[274] Франц Гальдер (1884 — 1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник генерального штаба сухопутных войск Вермахта в 1938—1942 годах.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 13 мая 1946*]

День сто двадцать восьмой

Понедельник, 13 мая 1946

Утреннее заседание

Кранцбюлер: С разрешения трибунала я бы хотел предъявить свои оставшиеся документы и затем вызвать адмирала Вагнера в качестве моего первого свидетеля.

Следующий документ к которому я перехожу – Дёниц-37. Это фрагмент из «Dokumente der Deutschen Politik» о случае с «Altmark[275]». Я не предлагаю его читать. Речь идёт об отчёте капитана «Altmark», который показывает то как в моряков с «Altmark» стреляли при попытке скрыться по воде и по льду. Семеро убитых. Господин председатель, это можно найти на странице 78 тома II; со страницы 79 можно видеть, что данная акция в целом получила полное признание несмотря на жертвы о которых адмиралтейство без сомнения сожалело.

Следующий документ, Дёниц-39, частично читал сэр Дэвид Максвелл-Файф во время перекрёстного допроса. Это можно найти на странице 81 и следующих страницах. Это касается вопроса репрессалий после отчёта о расстреле выживших на германском миноносце «Ulm».

На странице 83 есть сводка относительно инцидентов о которых в то время сообщали штабу руководства войной на море и которая содержит примеры касательно случаев где в выживших стреляли союзные военно-морские силы. Меня не столько интересуют сами эти 12 примеров сколько отношение штаба руководства войной на море при передаче этих примеров в ОКВ. Это настолько важно, что я бы хотел зачитать три фразы. Они на странице 83, вверху:

> «Следующие отчёты касаются инцидентов о которых уже сообщали, и при их использовании также следует учитывать:
>
> a) какие-то инциденты произошли во время боя;
>
> b) потерпевшим кораблекрушение людям плавающим в воде легко подумать, что выстрелы мимо самой цели направлены в них;
>
> c) до сих пор нет вообще никаких доказательств, что был издан письменный или устный приказ расстреливать потерпевших кораблекрушение людей».

Идея репрессалий не приходила в голову не только командованию, но также личному составу служившему на кораблях на фронте.

---

[275] «Альтмарк» (нем.) — танкер, вспомогательное судно крейсера кригсмарине «Адмирал граф Шпее», подвергшееся в 1940 году абордажу со стороны британского корабля в территориальных водах нейтральной Норвегии с целью освобождения пленных. Спущен на воду в 1937, затонул из-за неисправности в 1942.

Итак, мы переходим к документу Дёниц-41, который на странице 87 и касается беседы между адмиралом Дёницем и командиром. Беседа состоялась в июне 1943 и она рассматривается в письменных показаниях данных корветтен-капитаном Виттом. После описания атак британских лётчиков на потерпевшие кораблекрушение экипажи германских субмарин, экипажи высказывали мнение, что в целях репрессалии выживших с вражеских кораблей тоже нужно расстреливать.

Письменные показания говорят в третьем абзаце:

> «Адмирал резко отклонил идею атак на противника оказавшегося беззащитным в бою, это было несовместимо с нашим способом ведения войны».

В связи с экземпляром обвинения GB-205, я предъявлю мой собственный документ который рассматривает вопрос террористических действий. Это фрагмент из экземпляра GB-194 обвинения, и его можно найти на странице 91. Он рассматривает вопрос о том нужно или нет спасать экипажи самостоятельно затопленных германских кораблей. Французская пресса склонна говорить, что нет, в виду постоянной нужды союзников в грузовом пространстве. Такая же запись содержится в отчёте согласно которому британские военные корабли тоже имели специальные указания предотвращать дальнейшее самозатопление германских кораблей.

Сейчас я попытаюсь доказать, что оправдан принцип согласно которому никакой командир не предпринимает спасательных действий если этим он угрожает ценному кораблю. С этой целью я ссылаюсь на документ Дёниц-90, который в томе IV документальной книги, страница 258. Это письменные показания вице-адмирала в отставке, Рогге[276]. Он сообщает, что в ноябре 1941 его вспомогательный крейсер был потоплен с большого расстояния британским крейсером и что выжившие сели в лодки. Германская субмарина отбуксировала их к германскому кораблю снабжения и этот корабль тоже, несколько дней спустя, был потоплен с большого расстояния британским крейсером. И снова выжившие сели на лодки и плоты. Письменные показания завершаются словами:

> «При обоих потоплениях не предпринималось никакой попытки, предположительно ввиду угрозы для британского крейсера, спасти хотя бы отдельных членов экипажа».

Принцип что ценным кораблем не следует рисковать в спасательных акциях даже для спасения членов собственного экипажа прямо высказан с классической ясностью и суровостью в приказах британского адмиралтейства которые я уже предъявил как Дёниц-67. Фрагмент напечатан на странице 96. Здесь сказано:

---

[276] Бернхард Рогге (1899 − 1982) — немецкий военно-морской деятель, вице-адмирал (1 марта 1945). С декабря 1939 назначен командиром вспомогательного крейсера «Атлантис», руководил его переоборудованием. С 31 марта 1940 вёл торговую войну на коммуникациях союзников в Южной Атлантике, в Тихом и Индийском океанах.

> «Помощь кораблям атакованным субмаринами: никакому британскому океанскому торговому судну атакованному субмариной нельзя оказывать помощь. Небольшим прибрежным судам, рыболовецким пароходам и другим небольшим судам малой осадки следует оказывать всевозможную помощь».

Следующий документ я предъявляю как Дёниц-44, который на странице 97. Это опросный лист вице-адмирала Крейша[277] который, согласно решению трибунала был допрошен в британском лагере военнопленных. С января 1942 по январь 1944 он был офицером ответственным за субмарины в Италии, что означает, что он был ответственным за подводную войну в Средиземноморье. Согласно его заявлениям ему неизвестно ни о каком приказе или предложениях относительно убийства выживших. Он уведомлял своих командиров о том, что спасательные меры не должны угрожать задаче и безопасности собственных кораблей.

В связи с вопросом о том являлся ли адмирал Дёниц членом правительства Рейха я хочу попросить трибунал вынести судебное уведомление о законе о германских вооружённых силах от 1935, который можно найти на странице 105 тома II моей документальной книги. Параграф 3 покажет, что был только один министр германских вооружённых сил и это был военный рейхсминистр. На следующей странице в параграфе 37 показано, что этому единственному министру было предоставлено право издавать законодательные приказы.

На странице 107 я снова имею указ который представлен трибуналу как документ PS-1915 в котором от 4 февраля пост военного рейхсминистра упразднялся и задачи его министерства передавались начальнику ОКВ. Не было создано никакое новое министерство армии или флота.

Обвинение описало адмирала Дёница как фанатичного последователя нацистской партии. Первый документ, чтобы доказать данное заявление датирован 17 декабря 1943, это экземпляр GB-185. Учитывая фактор времени, я воздержусь от оглашения немногих фраз из него, чтобы показать, что всё, что мог говорить адмирал Дёниц о политических вопросах говорилось с точки зрения единства и силы его моряков. Могу я попросить трибунал вынести судебное уведомление об этом документе, который снова оказывается на страницах 103 и 104 тома II.

Я лишь хочу обратить ваше внимание на последний абзац на странице 104. Это касается передачи морских верфей министерству вооружения осенью 1943. Это важный вопрос, важный для ответственности за использование рабочей силы на верфях и его постоянно затрагивали в суде. При этом единственная тенденция к единству становится ясной из ещё одного документа обвинения из которого я предлагаю прочитать одну фразу. Это экземпляр GB-186. В британском досье это страница 7. Я прочитаю только вторую и третью фразу: «Как офицеры мы имеем

[277] Лео Крейш (1895 – 1977) – вице-адмирал германского флота. В январе 1942 – январе 1944 командир подводных лодок в Италии, затем в Средиземноморье.

долг быть стражами такого единства нашего народа. Всякий разброд тоже повлияет на наши войска». Следующая фраза касается этой же мысли более длинно.

Председатель: Британское досье, страница 7? У меня только пять страниц. Вы имеете в виду документальную книгу?

Кранцбюлер: Это британская документальная книги, не досье, а документальная книга, вторая и третья фразы на странице 7, которые я прочитал, господин председатель.

Тот факт, что адмирал Дёниц не был фанатичным последователем партии, а напротив боролся против политического влияния оказываемого на вооруженные силы партией показан в моём следующем документе, Дёниц-91. Это страница 260 документальной книги 4. Это письменные показания начальника юридического управления высшего командования флота, доктора Иоахима Рудольфи. Советское обвинение уже использовало данный документ во время перекрёстного допроса. Я хочу дать краткую сводку о содержании:

Летом 1943 рейхсляйтер Борман предпринял через рейхсминистра юстиции попытку лишить суды вооружённых сил их компетенции по так называемым политическим делам. Их должны были передать Народным судам и другим судам. Однако, попытка не удалась. Она не удалась в виду доклада который адмирал Дёниц устно сделал фюреру по этому предмету и во время котого он жёстко возражал намерениям партии. После покушения 20 июля, Борман возобновил эту попытку. Снова адмирал Дёниц заявил возражения, но на этот раз безуспешно. 20 сентября 1944 был издан указ который лишал суды вооружённых сил компетенции по так называемым политическим преступлениям. Данный указ, который был подписан Адольфом Гитлером, не исполнялся во флоте по прямому приказу главнокомандующего флотом.

Я прочитаю предпоследний абзац письменных показаний, который гласит:

> «Такое отношение главнокомандующего флотом позволило флоту, как единственному роду войск до конца войны, не передавать Народным судам или специальному суду никакие уголовные дела политической окраски».

На странице 113 в томе II моей документальной книге, я включил длинный фрагмент из экземпляра GB-211, документа обвинения и это ходатайство главнокомандующего флотом адресованное фюреру с просьбой о поставках для строительства и ремонта военно-морских и торговых кораблей. Во время допроса и перекрёстного допроса адмирала Дёница на данный документ уже ссылались. Я лишь хотел отметить, что данный меморандум содержит больше 20 страниц, обвинение взяло два пункта содержащиеся в нём.

Возникновение документа рассмотрено в документе Дёниц-46, страница 117 и следующие страницы. Это письменные показания офицера который готовил меморандум. Я могу подытожить содержание. Меморандум касается мер которые на

самом деле не находились в сфере главнокомандующего флотом. Это возникло на основе дискуссии которая состоялась между всеми ведомствами принимавшими участие в строительстве и ремонте военно-морских и торговых судов. Все эти меры подытожены в данном меморандуме. Пункт которому особо возражает обвинение как рассматривающий предложение в пользу карательных мер против саботажа на верфях подробно рассмотрен на странице 119. Я хочу особо отметить, что тогда семь из восьми строившихся кораблей были уничтожены в результате саботажа.

Это не был вопрос террористических мер, а карательных мер предусматривающих лишение определённых преимуществ и при необходимости, концентрацию работников в лагерях примыкавших к верфям, таким образом отрывая их от всяких саботажных агентов.

Следующий экземпляр GB-209 обвинения, которые рассматривают предположительный отказ от Женевской конвенции, я предъявляю Дёниц-48, который на странице 122 и следующих страницах. Это показывает образцовое обращение оказанное союзным военнопленным в единственном лагере военнопленных который находился в компетенции адмирала Дёница как главнокомандующего флотом.

Для начала, документ содержит письменные показания двух офицеров которые занимались делами военнопленных в высшем командовании флота. Данное заявление о том, что следовали всем предложениям Международного красного креста относительно этих лагерей.

Следующий фрагмент – отчёт последнего коменданта этого лагеря, корветтен-капитана Рогге и я хочу прочитать второй параграф из этого отчёта:

> «В лагере Вестертимке в моё время размещалось около 5500-7000, в конце 8000 военнопленных и интернированных разных наций, в основном военнослужащие британского флота. Это было лучшее место в Германии. Это было прямо сказано на конгрессе британских и других врачей военнопленных о всех германских лагерях, которая состоялась в Шванвердере под Берлином на вилле Геббельса приблизительно в декабре 1944. Данное заявление подтверждалось британским главным врачом в Вестертимке, майором, доктором Харви, британская королевская армия, которого я называю в качестве свидетеля».
>
> Я также прочитаю последний абзац на странице 126:
>
> «Так как я был заместителем коменданта я оставался в лагере до капитуляции и сдал командование обычным образом британским войскам которые были вполне удовлетворены передачей. Лидер эскадры, А.Дж. Эванс вручил мне письмо подтверждающее это. Я прилагаю фотокопию письма».
>
> Данная фотокопия находится на следующей странице, и она гласит:

«Корветтен-капитан В. Рогге являлся 10 месяцев старшим офицером лагеря марлаг в Вестертимке. Без исключения все военнопленные в этом лагере сообщили о том, что он обращался с ними честно и внимательно».

Затем следуют письменные показания офицера разведки в этом лагере. Я хочу отметить, что данный офицер родился в феврале 1865 и хотя бы его возраст, как я думаю, исключает использование каких-нибудь террористических мер. Я прочитую со страницы 129, третий с конца абзац:

«В дулаге Норд не использовались никакие средства давления. Если человек говорил ложь его отправляли обратно в его комнату и не допрашивали 2 или 3 дня. Мне кажется, что в дулаге Норд никогда не было ни одного удара».

Я хочу кратко сослаться на обвинение выдвинутое против подсудимого согласно которому он как «фанатичный нацист» продолжал безнадёжную войну. Я предъявляю Дёниц-50, который содержит заявления сделанные адмиралом Дарланом[278], господином Чемберленом[279] и господином Черчиллем в 1940. Они находятся на страницах 132 и 133 документальной книги и они покажут, что вышеуказанные люди также считали уместным в критической ситуации взывать к нации – очасти успешно и отчасти безуспешно – чтобы оказывать всевозможное сопротивление.

Во время допроса адмирал Дёниц привел в качестве причины своих взглядов то, что он хотел спасти германских граждан на Востоке. В качестве доказательства этого я обращаю ваше внимание на экземпляр GB-212, который можно найти на странице 73 британской документальной книги. Это указ от 11 апреля 1945 и я прочитаю две фразы под заголовком 1:

«Капитуляция конечно означает оккупацию всей Германии союзниками вдоль линий раздела обсуждавшейся ими в Ялте. Таким образом это означает уступку России дальнейших значительных частей Германии к западу от реки Одер. Или же кто-то думает, что на этом этапе англосаксы не выполнят свои договорённости и будут возражать дальнейшему продвижению русских орд в Германию с помощью вооружённых сил и начнут ради нас войну с Россией? Довод: «Пустим англосаксов в страну, тогда хотя бы не придут русские» - такой же ошибочный».

Я также процитирую из экземпляра GB-188, который на странице 10 документальной книги обвинения – я прошу прощения, страница 11. Это приказ германским вооружённым силам от 1 мая 1945. Я процитирую второй абзац:

---

[278] Жан Дарлан (1881 — 1942) — французский адмирал флота, один из лидеров вишистского режима в 1940—1942 годах. Убит в результате покушения.

[279] Невилл Чемберлен (1869 —1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

> «Фюрер назначил меня своим преемником в качестве главы государства и верховным главнокомандующим вооружёнными силами. Я принимаю верховное главнокомандование всеми родами германских войск с готовностью вести борьбу против большевиков до тех пор пока сражающиеся войска и сотни тысяч семей из немецких восточных районов не будут спасены от рабства и уничтожения».

Это, господин председатель, конец моих документальных доказательств.

Всё ещё важны два опросных листа. Один от капитана цур зее Рёзинга[280] и ещё один от фрегаттен-капитана Зурена[281]. Кроме того – и это то о чём я особо сожалею – пока не пришёл опросный лист от главнокомандующего американским флотом, адмирала Нимица. Я предъявлю эти документы как только их получу.

И теперь с разрешения трибунала я хочу вызвать своего свидетеля, адмирала Вагнера.

Додд: Господин председатель, пока вызывают свидетеля, я бы хотел поднять перед трибуналом один вопрос. В субботу я понял, что перед трибуналом поднимался вопрос, когда нужно было вызвать свидетеля Пуля. И как я понимаю по записи, защитнику оставили решать вопрос о том нужно ли вызвать его до начала дела Рёдера или после дела Рёдера.

Я хочу сказать, что у нас есть кое-какие причины просить о том, чтобы его вызвали до дела Рёдера и их две: прежде всего, он в тюрьме под своего рода арестом отличающимся от того как его содержали французы на французской территории и во-вторых, лейтенант Мельтцер, который помгал по делу Функа очень стремится – вынужден по личным причинам – вернуться в Соединённые Штаты и конечно не сможет сделать это до тех пор пока мы не закончили дело Функа. И, господин председатель, по моему суждению не займет много времени заслушать этого свидетеля. Он здесь для перекрёстного допроса по его письменным показаниям и мы были бы признательны если бы он смог прийти по завершению дела Дёница.

Председатель: Очень хорошо, господин Додд, его можно доставить для перекрёстного допроса после дела Дёница.

[*Свидетель Вагнер занял место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, вы назовете своё полное имя?

Вагнер: Герхард Вагнер.

Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим

---

[280] Ганс-Рудольф Рёзинг (1905 — 2004) — немецкий офицер-подводник, капитан 1-го ранга (1 марта 1943 года). В марте—августе 1941 года командовал 3-й флотилией подводных лодок. В июле 1942 года Рёзинг назначен командующим подводными лодками на Западе, ему подчинены все подводные лодки, действовавшие с баз во Франции (за исключением Средиземного моря).

[281] Рейнхард Зурен (1916 – 1984) – немецкий подводник. В конце войны являлся командиром подводных лодок в Норвегии и Северном море.

и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Кранцбюлер: Адмирал, когда вы поступили на флот?
Вагнер: 4 июня 1916.
Кранцбюлер: Какие должности вы занимали в высшем командовании флота и в какое время?
Вагнер: С лета 1933 до лета 1935 я был консультантом в оперативном отделе высшего командования. Я был капитан-лейтенантом и затем корветтен-капитаном. В 1937, с января по сентябрь я занимал такую же должность. С апреля 1939 по июнь 1941 я был главой оперативной группы, известной как «IA», в оперативном отделе штаба руководства войной на море. С июня 1941 по июнь 1944 я был начальником оперативного отдела штаба руководства войной на море. С июня 1944 по май 1945 я был адмиралом по особым поручениям при главнокомандующем флотом.
Кранцбюлер: Таким образом в течение всей войны вы были сотрудником штаба руководства войной на море?
Вагнер: Да, это так.
Кранцбюлер: В чём заключались главные задачи штаба руководства войной на море?
Вагнер: Задачи штаба руководства войной на море включали всё то, что включала морская война, как на море так и при обороне побережья, а также защита своего торгового судоходства. Что касалось территориальных задач, штаб руководства войной на море не имел никаких, ни дома ни на оккупированных территориях.
Кранцбюлер: Штаб руководства войной на море являлся частью высшего командования флота, ОКМ?
Вагнер: Штаб руководства войной на море являлся частью высшего командования флота.
Кранцбюлер: В чём заключались отношения между штабом руководства войной на море и верховным главнокомандованием вооруженных сил, ОКВ?
Вагнер: ОКВ передавало указания и приказы Гитлера, который был верховным главнокомандующим вооружённых сил, по вопросу ведения войны, обычно, что касалось морской войны, после изучения и рассмотрения штабом руководства войной на море. В общих вопросах ведения войны решали без предварительных консультаций с сотрудниками штаба руководства войной на море.
Кранцбюлер: Каким образом проводились приготовления высшего командования флота к возможному ведению войны?
Вагнер: В целом, они включали мобилизационную подготовку, тактическую подготовку и стратегические соображения на случай возможного конфликта.

Кранцбюлер: Штаб руководства войной на море в ваше время получал приказ готовиться к явной возможности войны?

Вагнер: Первым примером был приказ по плану «Белый», войны против Польши. До этого, нам ставили только задачи о мерах безопасности.

Кранцбюлер: Разрабатывались планы для морской войны против Англии?

Вагнер: Плана войны против Англии вообще не существовало до начала войны. Такая война казалась нам за гранью реальности. Учитывая подавляющее превосходство британского флота, которое вряд ли можно выразить соответствующими цифрами и учитывая стратегическое доминирование Англии в морях такая война казалась нам абсолютно безнадёжной. Единственным средством которым Британии можно было причинить эффективный урон являлась подводная война, но даже подводному вооружению не придавался режим благоприятствования ни ускорялось его производство. Ему просто придавалось соответствующее место при создании хорошо сбалансированного однородного флота.

В начале войны всё, что мы имели было 40 субмарин готовых к бою, из которых, насколько я могу вспомнить, лишь половину можно было использовать в Атлантике. Это в сравнении с опоясывающими землю военно-морскими средствами в распоряжении первоклассной мировой державы Англии, ничего не стоило. В качестве сравнения, я бы хотел привести тот факт, что и британский и французский флот одновременно имели больше 100 субмарин каждый.

Кранцбюлер: Тогда капитан Дёниц, как начальник субмарин имел какое-нибудь отношение к планированию войны?

Вагнер: Тогда капитан Дёниц был подчинённым фронтовым командиром, под командованием начальника флота и он, в виду своего военного опыта, имел задачу подготовки и тактического руководства неопытным подводным личным составом.

Кранцбюлер: Он в свою очередь вносил какие-нибудь предложения или инспирировал какие-нибудь планы по войне?

Вагнер: Нет, эта подготовка и это военное планирование, в частности для плана «Белый» исключительно являлись задачей штаба руководства войной на море.

Кранцбюлер: Дёниц в какое-нибудь предыдущее время слышал о военных намерениях штаба руководства войной на море?

Вагнер: Нет.

Кранцбюлер: Адмирал Дёниц слышал о военных намерениях штаба руководства войной на море раньше чем за время необходимое для исполнения приказов отданных ему?

Вагнер: Нет, он слышал об этом из приказов приходивших к нему из штаба руководства войной на море.

Кранцбюлер: Адмирал Вагнер, вам известно Лондонское соглашение от 1936 о подводной войне. Штаб руководства войной на море делал какие-нибудь выводы из этого соглашения в своей подготовке к войне, в частности, для ведения возможной

экономической войны?

Вагнер: Существовавшие с прошлой войны призовые правила были пересмотрены и приведены в соответствие с Лондонским соглашением. С этой целью был сформирован комитет который включал представителей из высшего командования флота, министерства иностранных дел, рейхсминистерства юстиции и научных экспертов.

Кранцбюлер: Эти новые призовые правила были доведены до командиров за какое-то время до войны или их довели до них, когда они были опубликованы незадолго до начала войны?

Вагнер: Эти новые призовые правила были опубликованы в 1938 как внутренний указ флота, который был доступен для цели подготовки офицеров. В течение осенних манёвров флота в 1938 был организован ряд учений с целью ознакомления офицерского корпуса с этими новыми правилами. Лично, я тогда…

Председатель: Где вы ссылаетесь на новые призовые правила?

Кранцбюлер: Я говорю о правилах опубликованных 26 августа 1939, которые находятся в моей документальной книге. Они на странице 137, в томе III моей документальной книги.

Председатель: Спасибо.

Кранцбюлер: Прошу прощения, господин председатель, дата не 26, а 28 августа.

Председатель: Свидетель сказал, что проводились учения.

Кранцбюлер: Да, в 1938 году.

Председатель: Да.

Кранцбюлер: [*Обращаясь к свидетелю*] Какие концепции имел штаб руководства войной на море после начала войны в связи с развитием морской войны против Британии?

Вагнер: Штаб руководства войной на море думал, что Великобритания наверное начала бы там где она остановилась в конце Первой мировой войны. Это бы означало голодную блокаду против Германии, контроль торговли нейтральных стран, введение системы контроля, вооружение торговых судов и делимитацию оперативных вод.

Кранцбюлер: Я собираюсь показать вам боевой приказ от 3 сентября 1939. Это документ Дёниц-55. Его можно найти на странице 139, в томе III документальной книги. Вы увидите из этого, что субмарины, как и все военно-морские силы имели приказы придерживаться в экономической войне данного призового указа.

Затем, в конце, вы найдете приказ который я предлагаю вам прочитать. Это на странице 140:

> «Подготовлен приказ об интенсификации экономической войны ввиду вооружения вражеских торговых судов.
>
> 1) Следует ожидать вооружения, и таким образом сопротивления большинства английских и французских торговых судов.

2) Субмарины будут останавливать торговые суда только если нет угрозы собственным кораблям. Атаки субмаринами без предупреждения разрешены против явно опознанных вражеских торговых судов.

3) Крейсерам и вспомогательным крейсерам следить за возможностью использования вооружения торговыми судами в случае остановки».

Я хочу спросить вас, готовился ли этот приказ давно или же был импровизирован в последний момент?

Вагнер: В начале войны мы были вынуждены импровизировать очень много приказов которые издавали, потому что их тщательно не подготовили.

Кранцбюлер: Данный приказ вообще вступил в силу?

Вагнер: Нет.

Кранцбюлер: Почему нет?

Вагнер: После консультации с министерством иностранных дел, мы решили о том, что мы будем строго придерживаться Лондонского соглашения до тех пор пока не получим явных доказательств того, что британский торговый флот используют в военных целях. С прошлой войны мы помнили силу которую имела вражеская пропаганда и ни при каких обстоятельствах мы не хотели давать никакого повода снова хулить нас как пиратов.

Кранцбюлер: Когда, на каком этапе, военное использование вражеских торговых судов стало ясным штабу руководства войной на море?

Вагнер: Тот факт, что вражеские торговые суда вооружены выяснился спустя несколько недель войны. У нас было много докладов об артиллерийских боях которые случались между подводными лодками и вооружёнными вражескими торговыми судами. Точно одну, и наверное несколько лодок мы потеряли. Некий британский пароход, думаю он назывался «Stonepool[282]», публично восхвалялся британским адмиралтейством за своей успех в борьбе с субмаринами.

Кранцбюлер: Трибунал уже осведомлён о приказе от 4 октября позволявшем атаковать все вооружённые торговые суда противника, а также приказе от 17 октября позволявшем атаки на все вражеские торговые суда за некоторыми исключениями.

Эти приказы являлись результатом опыта который имел штаб руководства войной на море в связи с использованием вражеских торговых судов?

Вагнер: Да, исключительно.

Кранцбюлер: Оба приказа содержат благоприятствование пассажирским судам. Их не должны были атаковать даже, когда они были в составе вражеского конвоя. В виду чего были эти исключения?

Вагнер: Они были ввиду приказа фюрера. В начале войны он заявил о том, что

[282] «Стоунпул» - британский грузовой пароход. Спущен на воду в 1928. В 1939 благодаря действиям парохода была потоплена подводная лодка Ю-42. Потоплен подводной лодкой в 1941 году.

Германия не имела никакого намерения вести войну против женщин и детей. По этой причине он желал, чтобы также в войне на море следовало избегать любых инцидентов в которых могли погибнуть женщины и дети. Соответственно, была запрещена даже остановка пассажирских судов. Военные потребности морской войны затрудняли исполнение данного приказа та, в частности там где пассажирские суда шли во вражеских конвоях. Позднее, шаг за шагом, этот приказ изменялся, так как стало очевидно, что уже вообще нет никакого мирного пассажирского трафика и что вражеские пассажирские суда были в особенности сильно вооружены и всё больше использовались как вспомогательные крейсера и транспортные корабли.

Кранцбюлер: Приказы штаба руководства войной на море о борьбе с вооружёнными вражескими кораблями и позднее вражескими кораблями в целом доводились до британского адмиралтейства?

Вагнер: Ни одна сторона не уведомляет о своих военных мерах во время войны и это тоже правда в данном случае. Но в октябре, германская пресса не оставила вообще никакого сомнения в том, что каждое вооруженное вражеское торговое судно было бы потоплено нами без предупреждения и позднее было хорошо известно, что мы были вынуждены считать весь вражеский торговый флот находящемся под военным руководством и используемым для военных целей.

Эти заявления нашей прессы без всякого сомнения должны были быть известны британскому адмиралтейству и нейтральным правительствам. Кроме этого, я думаю это было в октябре, гросс-адмирал Рёдер дал интервью прессе на эту же тему.

Кранцбюлер: В середине октября был издан меморандум штаба руководства войной на море: «О возможностях интенсификации войны против торгового судоходства»; я собираюсь показать вам этот меморандум. Это номер GB-224. После просмотра данного меморандума, пожалуйста скажите мне в чём заключается его смысл и что содержит меморандум.

Господин председатель, некоторые фрагменты можно найти на странице 199, в томе IV документальной книги.

Вагнер: Данный меморандум был издан ввиду обстановки существовавшей с начала войны. 3 сентября 1939 Британия начала полную голодную блокаду Германии. Естественно это было направлено не только против сражавшихся, а также и против несражавшихся, включая женщин, детей, стариков и больных. Это означало, что Британия объявляла все продовольственные пайки, все предметы роскоши, всю одежду, а также всё сырье необходимое для этих вещей, контрабандой и вела строгий контроль за нейтральным судоходством которого Германия лишалась настолько насколько оно шло через воды контролируемые Великобританией. Кроме этого, Англия осуществляла нарастающее политическое и экономическое давление на европейских соседей Германии для того, чтобы прекратить всяческую торговлю с

Германией.

Такое намерение тотальной голодной блокады категорически подтвердил глава британского правительства, премьер-министр Чемберлен в речи в Палате общин в конце сентября. Он описал Германию как осаждённую крепость и он добавил, что не было заведено предоставлять пайки осаждённой крепости. Это выражение осаждённая крепость также взяла на вооружение французская пресса.

Кроме того, премьер-министр Чемберлен заявил приблизительно в начале октября – согласно данному меморандуму это было 12 октября, что в этой войне Британия воспользуется всей своей силой для уничтожения Германии. Из этого, с учётом опыта Первой мировой войны мы сделали вывод, что Англия вскоре под тем или другим предлогом ударит по немецкому экспорту.

С надвигавшейся тенью тотальной голодной блокады, которая без сомнения тщательно готовилась в предыдущие мирные годы, нам нужно было многое усвоить, так как мы не готовились к войне с Великобританией. Мы изучали, как с правовой так и военной точки зрения, возможности в нашем распоряжении которыми мы могли перерезать британские поставки. В этом заключался смысл и цель меморандума.

Кранцбюлер: Следовательно, вы говорите, что данный меморандум содержит соображения относительно средств противодействия британским мерам соответствующими германскими мерами?

Вагнер: Да, в этом чёткий смысл этого меморандума.

Кранцбюлер: Изучив меморандум вы найдете фразу – С. 1 параграф – согласно которой штаб руководства войной на море должен в основном оставаться в рамках международного права, но что решающие военные меры следовало проводить даже если существующее международное право не могло к ним применяться.

Это означало, что с международным правом в целом можно было не считаться со стороны штаба руководства войной на море, или в чём смысл данной фразы?

Вагнер: Этот вопрос надлежащим образом долго изучал штаб руководства войной на море. Я хочу отметить, что на странице 2 меморандума, в первом параграфе, сказано, что соблюдение рыцарских законов стоит прежде всего в морской войне. Этим с самого начала мы предотвращали варварское ведение войны на море. Однако мы думали, что современные технические разработки создадут условия для морской войны которые бы разумеется оправдывали и обсулавливали дальнейшее развитие законов морской войны.

Кранцбюлер: Какие технические разработки вы имеете в виду?

Вагнер: В основном я думаю о двух вещах: во-первых, масштабное использование самолёта в морской войне. В результате скорости и дальности самолёта, охраняемые военные зоны можно было создать у берегов всех воеваших наций и в отношении этих зон уже нельзя было говорить о свободе морей. Во-вторых, создание

оборудования электрического ориентирования которое позволило уже в начале войны, замечать невидимого оппонента и направлять против него боевые силы.

Кранцбюлер: В данном меморандуме сказано, что решающие военные меры следует предпринимать при том, что они создают новые законы на море. Возникали поводы для таких мер?

Вагнер: Нет, во всяком случае ни разу. Между тем, думаю 4 ноября, Соединённые Штаты Америки объявили так называемую американскую боевую зону и конкретной причиной указанной для этого было то, что в этой зоне боевые действия представляли угрозу для американского судоходства. В результате этого объявления некоторые пункты этого меморандума пришлось незамедлительно пересмотреть. Как правило мы оставались в рамках мер как они использовались обеими сторонами в течение Первой мировой войны.

Кранцбюлер: Под этими мерами вы имеете в виду предостережение от навигации в определённых зонах?

Вагнер: Да.

Кранцбюлер: Согласно некоторым экземплярам использованным обвинением, номерам GB-194 и 226, субмаринам разрешили атаковать все суда без предупреждения в определённых районах, начиная с января 1940. Атаки нужно было по возможности проводить незаметно, под предлогом, что суда столкнулись с минами.

Будьте добры сказать трибуналу, о каких морских линиях или районах шла речь? С этой целью я вручаю вам морскую схему. Я предъявляю его трибуналу как экземпляр Дёниц-93.

Будьте любезны объяснить, что можно понять из этой карты.

Вагнер: В середине карты вы найдете Британские острова. Большая часть океана которая заштрихована с края показывает вышеуказанную американскую боевую зону. Заштрихованные части моря рядом с британским побережьем это такие части о которых было приказано как об оперативных зонах германских субмарин. Им присвоены буквы от A до F в соответствии со временем, когда их создали.

Кранцбюлер: Вы можете сказать нам на какую глубину уходили германские оперативные зоны?

Вагнер: Думаю, наверное до 200 метровой линии.

Кранцбюлер: Такая глубина гарантирует благоприятное использование мин?

Вагнер: Да, до 200 метров использование якорных мин возможно без всякой трудности.

Кранцбюлер: В этих оперативных зонах вписаны определённые даты. Будьте любезны объяснить как получилось, что в эти конкретные даты и в таком порядке, эти территории сделали оперативными зонами?

Вагнер: Все те районы были объявлены оперативными зонами где наши боевые силы вступили в контакт с вражеским движением и концентрацией вражеской

обороны, что в итоге привело к основным боевым районам.

В начале, это были зоны северного и южного конца зон германского минирования объявленные вдоль британского восточного побережья и в Бристольском проливе. Так, вы можете видеть, что зона А лежит к востоку от Шотландии и датирована 6 января. Зона Бристольского пролива датирована 12 января и наконец южный конец этой опасной зоны, то есть к востоку от Лондона, датирован 24 января.

Позже, согласно колебаниям фактических боев, обозначались дальнейшие районы вокруг Британских островов и затем французского побережья.

Кранцбюлер: До какой даты это продолжалось?

Вагнер: Последняя зона была объявлена 28 мая 1940.

Кранцбюлер: Нейтралов предостерегали от навигации в этих зонах?

Вагнер: Да, официальная нота информировала нейтральные страны о том, что всю боевую зону США нужно было считать представляющей опасность, и что они должны были вести навигацию в Северном море к востоку и югу от германского заминированного района который находился к северу от Голландии.

Кранцбюлер: В чём заключалась разница между обстановкой показанной на этой карте и германской декларацией о блокаде от 17 августа 1940.

Это, господин председатель, декларация предъявленная мной как Дёниц-104, что можно найти на странице 214 тома IV документальной книги.

Вагнер: Что касалось границ опасной зоны, на самом деле не было никакой разницы. Об этом факте одно время также заявил премьер-министр Черчилль в Палате общин. Однако, разница которая существовала заключалась в том, что до этого времени мы ограничивали себя районом который я только, что описал, рядом с британским побережьем, в то время как теперь мы считали всю боевую зону США оперативной зоной.

Декларация о блокаде основывалась на том факте, что между тем Францию устранили из войны и что Британия теперь являлась точкой притяжения всех боевых действий.

Кранцбюлер: Зона германской блокады полностью соответствует или более менее боевой зоне США?

Вагнер: Она почти такая же как боевая зона США. Были несущественные поправки.

Кранцбюлер: Господин председатель, я предъявляю ещё один чертёж моря как Дёниц-92, в котором…

Председатель: Думаю, наверное было бы лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Кранцбюлер: Итак, господин председатель, как Дёниц-94 я предъявляю чертёж зоны германской блокады от 17 августа.

Адмирал Вагнер, ради повторения, какими были границы района германской блокады в соотношении с боевой зоной США?

Председатель: Я думал вы уже сказали нам об этом. Вы сказали нам о том, что зона блокады была такой же как американская зона, не так ли?

Кранцбюлер: Да, господин председатель, я думал, что мы не совсем правильно поняли это до перерыва.

[*Обращаясь к свидетелю*] В чём заключалась морская практика противника, что касалось оперативной зоны? Существовала какая-нибудь практика которой он следовал?

Вагнер: Да, практика со стороны противника была идентичной нашей. В районах контролируемых нами на Балтике, в восточной части Северного моря, вокруг Скагеррака и позднее в норвежских и французских водах противник использовал любое подходящее вооружение без предупреждения, без уведомления нас заранее о том какими вооружениями должны были топить другие суда – субмаринами, минами, авиацией или надводными кораблями. В этих регионах тоже самое относилось к нейтралам, и в особенности к Швеции.

Кранцбюлер: Сейчас я хочу предъявить вам заявление первого лорда британского адмиралтейства. Вы найдете это на странице 208 моей документальной книги, том IV. Данное заявление датировано 8 мая 1940 и я удостоверился, господин председатель, в том, что к сожалению это ошибочно воспроизведено в британской документальной книге, поэтому я буду цитировать из подлинника.

> «Таким образом мы ограничили наши операции в Скагерраке субмаринами. Для того, чтобы проводить такую работу как можно эффективнее обычные ограничения которые мы возлагали на боевые действия субмарин были ослаблены. Как я сказал палате, все германские суда днём и все суда ночью должны топить как только представиться возможность».

Я хочу предъявить это как экземпляр Дёниц-102.

Председатель: В чём разница с копией которая у нас: …все суда нужно топить днём и германские суда ночью…» - вот это?

Кранцбюлер: Да, господин председатель. Нужно это исправить и читать: «Все германские суда днём и все суда ночью нужно топить».

Председатель: Понимаю, я сказал неправильно: «Все суда ночью». Да, очень хорошо.

Кранцбюлер: Адмирал Вагнер, в чём заключалась значимость данного заявления и такая практика, что касалось германских судов?

Вагнер: Это означает, что все германские суда днём и ночью в данном районе должны были топить без предупреждения.

Кранцбюлер: А, что это означает для нейтральных судов?

Вагнер: Это означает, что без предупреждения все нейтральные суда в данном

районе ночью…

Председатель: Доктор Кранцбюлер, разумеется документ говорит сам за себя. Нам не нужна интерпретация свидетеля который не является юристом.

Кранцбюлер: Очень хорошо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Тогда, пожалуйста скажите мне, с какого по какой период согласно немецкому опыту, данная практика существовала в Скагерраке?

Вагнер: Точно с 8 апреля 1940, но мне кажется, что я вспоминаю, что уже к 7 апреля данная практика уже существовала.

Кранцбюлер: Данный район в тот период времени, то есть 7 или 8 апреля был объявлен опасной зоной?

Вагнер: Нет, первая декларация об опасной зоне в данном районе появилась 12 апреля 1940.

Кранцбюлер: Сейчас я передам вам для работы морскую схему британских опасных зон и это будет Дёниц-92. Пожалуйста, кратко объясните значение данной схемы для трибунала.

Вагнер: Данная схема показывает на основе немецких данных опасные зоны в европейских водах объявленные Англией. Следующие районы имеют особое значение:

Прежде всего район у Гельголандского залива который 4 сентября 1939, то есть на второй день войны, был объявлен опасным. Затем вышеуказанная опасная зона, Скагеррак и район вокруг юга Норвегии, который был объявлен 12 апреля 1940. Затем опасная зона на Балтике от 14 апреля 1940 и после этого, остальные опасные зоны объявленные в ходе 1940 года.

Я хочу также заметить, что по моим воспоминаниям все эти опасные зоны были объявлены 17 августа 1940 зонами минной опасности, за исключением зоны Канала и Бискайского залива. В целом это были опасные зоны.

Кранцбюлер: В этих районах на самом деле преобладали британские морские и воздушные силы или продолжалось немецкое движение?

Вагнер: В этих районах даже был очень оживлённый немецкий трафик. Таким образом, Балтийской море, которое идёт с Востока на Запад, приблизительно длинной в 400 морских миль, объявленное опасной зоной, на самом деле контролировалось нами в течение всей войны. В данном районе был обширный грузовой трафик, весь трафик руды из Швеции и соответствующий экспорт в Швецию.

Кранцбюлер: Там был трафик только германских судов или также нейтральных судов?

Вагнер: Данный трафик был из германских и шведских судов, но другие нейтралы также принимали участие в данном трафике, например Финляндия. Схожая ситуация применялась к Скагерраку, где, кроме германского трафика снабжения,

шла большая часть продовольствия норвежскому населению. Конечно, в это время теряли и германские и нейтральные суда.

Кранцбюлер: Таким образом, я полагаю, что гибли и германские и нейтральные моряки. Это верно?

Вагнер: Конечно, личный состав тоже нёс потери.

Кранцбюлер: Германские торговцы, в то время, когда были объявлены эти оперативные зоны, вооружались – то есть, в конце 1939 или начале 1940?

Вагнер: До середины 1940 германских торговцев вообще не вооружали. С того времени их вооружали сравнительно легко, в особенности противовоздушным вооружением.

Транспортные суда флота всегда вооружали, то есть, правительственные корабли, которые снабжали германские крейсера и вспомогательные крейсера в Атлантике.

Кранцбюлер: Сейчас я представлю вам документ обвинения, экземпляр обвинения GB-193, который находится в документальной книге обвинения на странице 29. Этот документ касается предложения командира подводных лодок о том, что: «…в Канале, затемнённые суда можно топить без предупреждения». Вы можете сказать чьи идеи мы рассматриваем в заявлениях изложенных в данном документе?

Вагнер: По подписи в данном документы кажется, что речь идет о документе подводного эксперта в штабе руководства войной на море.

Кранцбюлер: Кто это был?

Вагнер: Лейтенант Фресдорф, который был моим подчинённым.

Кранцбюлер: Эти заявления соответствуют фактическим обстоятельствам и они были одобрены штабом руководства войной на море или какой была ситуация?

Вагнер: Здесь речь идёт о довольно романтических идеях молодого эксперта, идеях которые никоим образом не соизмерялись с обстановкой. Обстановка скорее была следующей: тогда, то есть в сентябре 1939, вторая волна британского экспедиционного корпуса ушла из Англии во Францию. Траспорты шли в основном ночью и затемнёнными. В то же время существовал приказ согласно которому французские суда нельзя было ни атаковать ни останавливать, это было в силе по политическим причинам.

Совершенно очевидно, что ночью затемнённое французское судно нельзя было отличить от затемнённого английского судна, также как ночью торговое судно нельзя или очень трудно отличить от военного корабля.

Эти приказы, таким образом означали, что ночью, для того, чтобы избежать ошибки практически нельзя было стрелять, и поэтому английским войсковым транспортам совершенно не мешали. Это привело к на самом деле гротескной ситуации. Было установлено, что германская подводная лодка в благоприятной позиции для атаки позволила пройти полностью загруженному английскому транспортному судну в 20000 тонн, так как была возможность

совершить ошибку. Штаб руководства войной полностью согласился с командирами подводных лодок в том, что никакую морскую войну нельзя вести таким образом. Если затемнённое судно плывёт в районе боевых действий, лучше всё же, в районе где есть сильный трафик снабжения или войск, нужно подозревать и нельзя ожидать, что война прекратиться на ночь ради этого.

Следовательно это не был вопрос нашего объяснения или оправдания самих себя за потопление судна без предупреждения, потому что мы ошиблись, но очевидно имевшегося факт, что только затемнённое судно нужно было винить если оно не было опознано и было потоплено без предупреждения.

Кранцбюлер: В этих записях мы находим, что от командиров подводных лодок, потопивших торговое судно без предупреждения, требовалось внести заметку в свой журнал о том, что они приняли его за военный корабль и что приказ, устный приказ, об этом нужно было отдать командирам подводных лодок. Правильно, что это делалось на практике?

Вагнер: Нет, мы никогда не делали ничего такого.

Кранцбюлер: Флагман подводных лодок дал строгие и чёткие приказы о том, чтобы ночью затемнённые суда в Канале можно было атаковать без предупреждения?

Вагнер: Да. Был издан ясный приказ, но ничего больше.

Кранцбюлер: Если заявления этого молодого офицера неправильные, и если не было издано никаких приказов, как получилось, что такие вещи оказались в журнале боевых действий штаба руководства войной на море?

Вагнер: Данная бумага сама по себе не часть журнала боевых действий штаба руководства войной на море. Сам по себе журнал боевых действий, в который ежедневно вносили события, подписывался мной, начальником штаба руководства войной на море и главнокомандующим флотом. Здесь речь идёт о записи эксперта которая предназначалась для сбора материалов и была мотивирована журналом боевых действий.

Кранцбюлер: Значит, это означает, что соображения и мнения экспертов собирали и хранили независимо от того одобрялись ли они или вводились на практике?

Вагнер: Да. Все эти материалы собирали для других целей.

Кранцбюлер: Штаб руководства войной на море получал новости об инцидентах которые случились после потопления «Laconia», и он одобрял меры предпринятые командиром подводных лодок?

Вагнер: Штаб руководства войной на море, тогда как и всегда, прослушивал все радиограммы от главнокомандующего по делу «Laconia». Он одобрил предпринятые им меры, но было бы вовсе не удивительно, если бы командир подводных лодок прекратил всю спасательную работу при самой первой воздушной атаке на подводные лодки.

Кранцбюлер: Штабу руководства войной на море известен приказ командира подводных лодок от 17 сентября, в котором прямо запрещалась спасательная работа

подводных лодок?

Вагнер: Данный приказ отданный командиром подводных лодок тоже слышали по радио.

Кранцбюлер: Штаб руководства войной на море интерепретировал данный приказ как означавший, что это должен быть приказ расстреливать потерпевших кораблекрушение людей?

Вагнер: Нет, никому не пришла в голову такая мысль.

Кранцбюлер: Господин председатель, сейчас я хочу задать несколько вопросов которые относятся к достоверности заявлений сделанных свидетелем Хейцигом. Но я хочу заранее спросить есть ли какие-нибудь возражения тому, что я задам эти вопросы, поскольку мои документы относящиеся к свидетелю Хейцигу не были допущены.

Председатель: Цель вопросов которые вы предлагаете задать свидетелю заключалась в том, что свидетель Хейциг не тот свидетель которому можно верить в его присяге? В этом заключалась ваша цель?

Кранцбюлер: Главная цель показать то как возникли показания данного свидетеля, то есть показания предъявленные суду.

Председатель: Что вы имеете в виду под «возникли»?

Кранцбюлер: То есть, какое влияние на свидетеля Хейцига формирует основу данных показаний.

Председатель: Какой именно вопрос вы хотите задать? Вы можете сказать, и мы позволим свидетелю подождать пока мы не поймем в чём заключается вопрос.

Кранцбюлер: Я хочу спросить свидетеля: «Свидетель Хейциг сообщал вам о том как возникли его письменные показания которые он представил высокому трибуналу в качестве доказательства обвинения»?

Председатель: Вопрос, что вы сказали, как я это записал, был: «Что вам сообщил свидетель Хейциг о том как возникли его письменные показания»? Это вопрос?

Кранцбюлер: Да, ваша честь.

Председатель: Что вы намерены доказать, узнав о сообщении Хейцига данному свидетелю?

Кранцбюлер: Я хочу этим доказать, господин председатель, что Хейциг находился под определённым влиянием, то есть, что он ошибочно предполагал, что он сможет помочь этими показаниями своему товарищу.

Председатель: Кто просил у Хейцига письменные показания?

Кранцбюлер: Господин председатель, я не понял.

Председатель: Хейциг дал письменные показания, не так ли?

Кранцбюлер: Да.

Председатель: Обвинению, не так ли?

Кранцбюлер: Это так.

Председатель: И вы попросили его перекрёстно допросить?

Кранцбюлер: Я допрашивал его об этих письменных показаниях, господин председатель.

Председатель: Допрашивали?

Кранцбюлер: Да, я спрашивал его, и я обратил его внимание на противоречия между письменными показаниями и его показаниями здесь в суде.

Максвелл-Файф: Милорд, я не читал расшифровку об этом почти 10 дней. Но я читал её тогда, и вспоминаю, что свидетелю Хейцигу никогда не предлагали, что он дал свои письменные показания под давлением, что как я понимаю предлагают сейчас. Ваша светлость вспомнит, что хотя у нас имелись письменные показания, мы вызвали свидетеля Хейцига. Он сказал о том, что то, что было в его письменных показаниях было правдой, и затем он дал свои показания, дал подробный отчёт о всех относящихся к делу вопросам. Таким образом мы полностью позволили доктору Кранцбюлеру во время перекрёстно допросить его и показать любую разницу, как доктор Кранцбюлер сказал, что намерен доказать, между письменными показаниями и устными показаниями.

Председатель: Доктор Кранцбюлер сейчас сказал, как я думаю, что он на самом деле перекрёстно допрашивал его.

Максвелл-Файф: Он его перекрёстно допрашивал об этом – о любой разнице которая показалась между письменными показаниями и его устными показаниями. Но он был здесь для перекрёстного допроса и если собираются предложить, что письменные показания были получены неподобающими средствами, это предложение следовало сделать вовремя, и тогда мы бы могли это рассмотреть.

Милорд, я возражаю переходу к этому на данной стадии, после того как свидетеля Хейцига отпустили и таким образом у нас нет никакой возможности изучить дело или получить здесь показания, что можно было сделать, когда Хейциг давал свои показания и мы бы могли подготовить любые контрдоказательства.

Милорд, строго говоря, разумеется, если я могу так сказать, есть две разных линии. Если бы это был вопрос о том допустимы ли показания Хейцига или же они получены под давлением, тогда это было бы совершенно возможно проверить на данном процессе при вопросе о допустимости. Но если эти доказательства, в целом, просто направлены на достоверность показаний Хейцига, тогда я покорно полагаю это подпадает под тоже самое возражение, что я заявил в субботу об общих доказательствах направленных против достоверности свидетеля.

Председатель: Я не думаю, что предполагается, что было какое-нибудь давление обвинение на Хейцига. Я не понимаю, это вы этим предполагаете, доктор Кранцбюлер, не так ли?

Кранцбюлер: Нет, не давление, а картина как она описана была неправдой.

Максвелл-Файф: Я понял доктора Кранцбюлера – если я неправильно его понял, так даже легче – я понял, что он говорит о том, что он хотел привести эти показания про некое влияние. Я подумал это слово использовалось.

Председатель: Думаю, он имел в виду, не влияние оказанное обвинением, а ошибочным посылом в уме свидетеля, о том, что он помогает другу.

Максвелл-Файф: Понимаю, милорд, тогда это просто относится к достоверности и это подпадает под моё общее возражение, то есть, если мы собираемся иметь показания направленные на достоверность, мы продолжим ad infinitum[283].

Председатель: Доктор Кранцбюлер, трибунал разрешает данный вопрос в данном конкретном случае, но он не устанавливает никакого общего правила о допустимости подобных вопросов.

Кранцбюлер: Большое спасибо, господин председатель.

Адмирал Вагнер, в декабре вы находились здесь в тюрьме вместе со свидетелем Хейцигом. Это правильно?

Вагнер: Да с первого по пятое декабря.

Кранцбюлер: И что вам сказал Хейциг о соображениях лежащих в основе его письменных показаний?

Вагнер: Он лично сказал мне следующее: на допросе ему сказали о том, что лейтенант Хофманн, вахтенный офицер капитан-лейтенанта Экка свидетельствовал о том, что тогда он слышал речь адмирала Дёница в Готенхафене осенью 1942 и что он посчитал это требованием убивать выживших в кораблекрушении. Хейцигу сказали:

> «Если вы подтвердите показания Хофманна, тогда вы спасёте не только Экка и Хофманна, но также двух других кого могут приговорить к смерти. Вы предотвратите возбуждение любого рода судебного разбирательства в отношении капитана Мёле. Конечно, таким образом вы инкриминуете гросс-адмирала Дёница, но материал против адмирала Дёница такой огромный, что он всё равно поплатиться жизнью».

Далее он сказал мне, и без подсказки, что тогда, в связи с речью адмирала Дёница, он был глубоко потрясен. Он только, что вернулся из Любека где испытал и видел ужасные последствия воздушной атаки, это то чего он вероятно не испытывал, но по крайней мере он видел последствия. Его ум был настроен на месть за эти жестокие меры и он посчитал возможным, что такое эмоциональное состояние повлияло на его интерпретацию речи гросс-адмирала Дёница.

Кранцбюлер: Сейчас мы переходим к другому пункту.

Председатель: Сэр Дэвид.

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Председатель: Если обвинение желает это сделать, оно может, конечно повторно вызвать Хейцига с целью дальше это выяснить.

Максвелл-Файф: С позволения вашей светлости, Хейцига здесь уже нет, это сложно, когда это делается в таком порядке. Однако, мы рассмотрим вопрос,

---

[283] «До бесконечности» (лат.)

милорд, и мы благодарны трибуналу за разрешение.

Председатель: Хейциг не под арестом? Это вы говорите?

Максвелл-Файф: Да, милорд, он уже не под арестом.

Кранцбюлер: Он изучает медицину в Мюнхене, его можно легко найти.

Максвелл-Файф: Спасибо.

Кранцбюлер: С какого времени вы были адмиралом по особым поручениям при главнокомандующем флотом и в чём заключались ваши задачи в этой должности?

Вагнер: С конца июня 1944 и далее и цель моего назначения была следующей: после успеха англосаксонского вторжения в северной Франции, адмирал Дёниц рассчитывал на усиление напряженности в военной обстановке. Он верил в то, что однажды он будет вынужден покинуть штаб руководства войной на море, либо постоянно оставаясь в ставке фюрера или по крайней мере длительный период времени, для того, чтобы поспевать за развитием всей военной обстановки, или ввиду того, что мог потребоваться перевод штаба руководства войной на море из-за усилившихся воздушных атак на Берлин. С этой целью гросс-адмирал хотел старого и опытного морского офицера в его непосредственной доступности, офицера который был хорошо знаком с проблемами морской войны и который был знаком с обязанностями и задачами штаба руководства войной на море.

Таким образом, моя миссия заключалась в своего рода посредничестве между главнокомандующим флотом, штабом руководства войной на море и остальными ведомствами высшего командования на период отсутствия гросс-адмирала в высшем командовании.

Кранцбюлер: Вы регулярно сопровождали гросс-адмирала в его визитах в ставку фюрера?

Вагнер: Да, в указанный период я присутствовал регулярно.

Кранцбюлер: Сейчас я вручаю вам перечень этих визитов который представило обвинение как GB-207. Это можно найти в документальной книге обвинения на странице 56. Пожалуйста взгляните на этот перечень и скажите мне правильные ли по сути даты.

Вагнер: Даты по сути правильные. В конце перечень не полный, за период с 3-го – нет; 10 апреля по 21 апреля 1945 отсутствуют. В тот день гросс-адмирал последний раз принял участие в совещаниях в ставке фюрера. Кроме этого, мне кажется, что список присутствующих людей неполный. Я также не знаю согласно какой точке зрения это составлялось.

Кранцбюлер: Если вы внимательно изучите этот список людей, можете ли вы сказать мне, всегда ли адмирал Дёниц находился с этими людьми в указанные даты или это означает лишь то, что эти люди находились в ставке фюрера в то же время, что и он? Вы можете вспомнить это?

Вагнер: Да. Если эти люди принимали участие в военных совещаниях, тогда адмирал Дёниц по крайней мере их видел. Конечно, высокопоставленные люди

часто находились в ставке фюрера которые не принимали участия в военных совещаниях и которых гросс-адмирал не видел до тех пор пока они не имели с ним особой беседы.

Кранцбюлер: По какой причине гросс-адмирал Дёниц…

Максвелл-Файф: Милорд, по этому поводу, если свидетель говорит, что какие-то из протоколов неполные, я был бы очень благодарен если бы он уточнил это, потому что мы можем принести сюда подлинные немецкие протоколы и подтвердить письменными показаниями.

Кранцбюлер: Мне кажется свидетель сказал только о том, что дополнительные люди принимали участие в этих дискуссиях и что, в конце, отсутствуют какие-то совещания. Однако, я не знаю о каких именно деталях я должен его спросить. Вероятно обвинение рассмотрит этот вопрос позже в перекрёстном допросе?

Председатель: Но сэр Дэвид хочет, чтобы он уточнил какие это, если может.

Кранцбюлер: Очень хорошо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы можете уточнить о том, правильно ли названы те кто присутствовал или же присутствовали другие люди или же не присутствовал гросс-адмирал Дёниц в какие-нибудь из этих дат?

Вагнер: Я могу точно сказать, что этот перечень неправильный, потому что никогда не случалось, что ни фельдмаршал Кейтель ни генерал-полковник Йодль не присутствовали в ставке. Например, 4 марта 1945 не указан ни один из этих человек, ни 6 марта, ни 8 марта. Следовательно я делаю вывод, что этот перечень не может быть полным. Однако, в других местах, появляется имя Йодля, как например 18 марта 1945.

Кранцбюлер: Решающим, кажется будет то присутствовал ли гросс-адмирал Дёниц в ставке фюрера все эти дни. Вы можете это подтвердить?

Вагнер: Конечно, по памяти я не могу подтвердить это в отношении каждого дня. Однако, у меня сложилось впечатление, что перечень в этом правильный, так как частота визитов гросс-адмирала соответствует записям в перечне, и быстрая проверка показывает мне, что даты правильные.

Кранцбюлер: Зачем гросс-адмирал Дёниц приезжал в ставку фюрера? В чём заключались причины?

Вагнер: Основная причина частых визитов, которые стали ещё чаще в конце войны, заключалась в желании поспевать за развитием общей военной обстановки для того, чтобы он, Дёниц, мог возглавлять флот и соответственно вести морскую войну. Кроме этого, обычно возникали вопросы о которых адмирал не мог решать в рамках собственных полномочий и которые ввиду их важности, он хотел лично вынести или обсудить с представителями ОКВ и генерального штаба.

Кранцбюлер: В каждом из этих случаев бывал личный доклад гросс-адмирала фюреру?

Вагнер: Было так: о большинстве проблем и докладов фюреру заботились во время

совещания в связи с докладом адмирала о военно-морской обстановке.

Кранцбюлер: Один момент. Адмирал всегда присутствовал на военных совещаниях, когда он находился в ставке?

Вагнер: Адмирал по крайней мере принимал участие в обсуждении на основном заседании каждый день.

Кранцбюлер: И в чём заключалось основное заседание?

Вагнер: Каждый день в полдень было военное совещание которое длилось несколько часов. Это было основное совещание. В дополнение, месяцами, заседания, включая специальные заседания, проходившие вечером или ночью в которых адмирал принимал участие только когда должны были обсуждать очень важные вопросы – вопросы особого значения для ведения войны. Тогда, как я сказал, он принимал участие.

Кранцбюлер: Вы говорите, что о большинстве вопросов которые гросс-адмирал должен был ставить перед фюрером заботились на военном совещании. Кроме этого были какие-нибудь личные доклады?

Вагнер: Личные доклады со стороны гросс-адмирала Гитлеру бывали очень редко, с другой стороны личные дискуссии с ОКВ и другими военными ведомствами в ставке шли ежедневно.

Кранцбюлер: Итак, я бы хотел узнать, что-нибудь более подробно о так называемых совещаниях об обстановке.

Обвинение склонно считать это своего рода военным кабинетом на которых, например Риббентроп докладывал бы о внешней политике, Шпеер о вопросах производства, Гиммлер о вопросах безопасности. Это правильная картина? Кто принимал участие в этих заседаниях, какие люди принимали участие регулярно и кто присутствовал между делом?

Вагнер: Участиниками совещаний в целом были следующие:

Регулярные участники: от ОКВ, фельдмаршал Кейтель, генерал Йодль, генерал Буле[284], капитан цур зее Ассман, майор Бухс[285] и ещё несколько начальников штабов. Затем начальник генерального штаба армии с одним или двумя помощниками, и как правило начальник генерального штаба воздушных сил с одним помощником. Далее регулярными участниками были: начальник управления кадров армии, который был главным адъютантом фюрера; генерал Боденшац[286] до 20 июля 1944, вице-адмирал Фосс[287] который был постоянным заместителем гросс-

---

[284] Вальтер Буле (1894 — 1959) — немецкий военный деятель, генерал пехоты. Начальник штаба сухопутных войск при ОКВ.

[285] Герберт Бухс (1913 – 1996) – майор Вермахта. В 1943-1944 адъютант Альфреда Йодля в ставке верховного главнокомандования Вермахта.

[286] Карл-Генрих Боденшац (1890 — 1979) — немецкий офицер, генерал авиации во Вторую мировую войну, адъютант Германа Геринга.

[287] Ганс-Эрих Фосс (1897-1969) — немецкий военно-морской деятель; вице-адмирал (1944). С 1939 г. офицер Адмирал-штаба в штабе командования группой ВМС «Восток». С 1939 г. начальник Командного отдела (с января 1942 г. — Управленческой группы) Командного управления ОКМ. С 1 марта 1943 г. состоял представителем Главнокомандующего ВМФ гросс-адмирала К. Дёница в Ставке А. Гитлера. 30 апреля (по другим данным, 6 мая) 1945

адмирала; группенфюрер Фегелейн, как постоянный заместитель Гиммлера; посол Хевель; посланник Зоннлейтнер[288], постоянный заместитель министра иностранных дел, начальник прессы Рейха доктор Дитрих. Часто присутствовали следующие: главнокомандующий Люфтваффе, менее часто, Гиммлер. Кроме них было различное участие со стороны специальных офицеров, в основном из генерального штаба армии и со стороны высших фронтовых командиров армии и воздушных сил которые оказывались в ставке. Кроме это, в конце войны рейхсминистр Шпеер как министр боеприпасов также принимал нарастающие участие и в редких случаях рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп, оба как слушатели на совещаниях. Мне кажется это полный список.

Кранцбюлер: Кто докладывал на этих совещаниях и о чём докладывали?

Вагнер: Эти заседания имели единственной целью информировать Гитлера о военной обстановке – о восточной обстановке через генеральный штаб армии и через ОКВ про обстановку на всех остальных театрах боевых действий и касательно трех родов войск Вермахта. Доклад был следующим:

Прежде всего, начальник генерального штаба армии докладывал о восточной обстановке, затем генерал-полковник Йодль докладывал об обстановке на всех остальных театрах военных действий на суше. Потом, капитан цур зее Ассман из ОКВ докладывал о военно-морской обстановке. Между этим, часто, проходили часовые беседы которые рассматривали особые военные проблемы, танковые проблемы, авиационные проблемы и подобное. И после рассмотрения авиационных проблем дискуссия завершалась и мы уходили из комнаты. Я часто видел, что посол Хевель ходил к Гитлеру с пачкой докладов, видимо из министерства иностранных дел и докладывал о них не информирую нас о том, что в них содержалось.

Кранцбюлер: На этих совещаниях было голосование или были консультации, или кто отдавал приказы?

Вагнер: На этих совещаниях обсуждалась военная обстановка и фюрер часто приходил к решению, то есть, если для решения не требовались никакие дальнейшие приготовления.

Кранцбюлер: Что например делал министр иностранных дел фон Риббентроп, когда он присутствовал?

Вагнер: Я видел министра иностранных дел фон Риббентропа вероятно пять или шесть раз на этих совещаниях и не могу вспомнить, чтобы он, когда-нибудь, что-то говорил во время всего заседания. Он только присутствовал на совещании для собственной осведомлённости.

Кранцбюлер: Что насчёт министра Шпеера, что он делал?

г. взят в плен советскими войсками. Военным трибуналом Московского военного округа 16 февраля 1952 г. приговорен к 25 годам тюремного заключения. 22 декабря 1954 г. досрочно освобожден и 17 января 1955 г. передан властям ГДР.

[288] Франц фон Зоннлейтнер (1905 – 1981) – немецкий дипломат. Представитель МИД при ставке Гитлера в последние годы войны.

Вагнер: Министр Шпеер тоже очень редко поднимал проблемы вооружений во время дискуссий. Я знаю, что вопросы вооружений всегда обсуждались между Гитлером и Шпеером на специальных дискуссиях. Однако, могли быть какие-то исключения.

Кранцбюлер: Что там делал Гиммлер или его постоянный заместитель Фегелейн? Они обсуждали вопросы безопасности или в чём заключалась их миссия?

Вагнер: Нет. Во время военных совещаний проблемы безопасности никогда не обсуждали. Гиммлер и его заместитель очень часто являлись в связи с Ваффен-СС и Фегелейн всегда должен был докладывать о создании, организации, вооружении, перевозке и боях дивизий СС. В то время дивизии СС согласно моему впечатлению ещё играли очень важную роль, так как якобы они представляли стратегический резерв и много обсуждались.

Кранцбюлер: У меня есть запись встречи которая написана вами. Это номер GB-209. Этого нет в документальной книге. В третьем абзаце сказано – и я прочту одно предложение:

> «Заместитель рейхсфюрера СС в ставке фюрера, группенфюрер СС Фегелейн передаёт просьбу рейхсфюрера о том, когда он может рассчитывать на прибытие «Пантер[289]» - таких танков – «прибывающих из Либау».
>
> Это типичная работа группенфюрера СС Фегелейна?

Вагнер: Да. Такие вопросы рассматривали на каждом из этих заседаний.

Кранцбюлер: В конце войны несколько раз также появлялся Кальтенбруннер. Он говорил или докладывал?

Вагнер: Я не могу вспомнить ни одного высказывания Кальтенбруннера во время этих военных совещаний.

Кранцбюлер: Какую роль играл адмирал Дёниц в дискуссиях?

Вагнер: Даже, когда присутствовал гросс-адмирал Дёниц, о военно-морской обстановке докладывал заместитель из ОКВ, капитан цур зее Ассман. Однако, адмирал использовал этот повод, чтобы представить, в связи с отдельными театрами военных действий, в конце те вопросы о которых он думал. Адмирала не спрашивали и он не выражал никакого мнения по вопросам касавшимся воздушной или сухопутной войны, которые не имели никакой связи с ведением морской войны. В своих заявлениях он строго ограничивал себя сферой флота, и очень энергично возражал если кто-то ещё во время заседания пытался вмешиваться в вопросы морской войны.

Кранцбюлер: Господин председатель, я дошёл до перерыва. Если трибунал согласен объявить перерыв…

---

[289] «Пантера» (нем. Panzerkampfwagen V Panther, сокр. PzKpfw V Panther) — немецкий средний танк периода Второй мировой войны. Танк разработан фирмой MAN в 1941—1942 годах как ответ на появление на фронтах советского танка Т-34.

Председатель: Очень хорошо. Мы прервемся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Трибунал будет отложен этим вечером в 4 часа 30 минут, чтобы заседать в закрытом режиме.

Кранцбюлер: Адмирал Вагнер, с течением времени между адмиралом Дёницем и Адольфом Гитлером возникли тесные отношения. Это было из-за того факта, что адмирал в особенности был готов выполнять пожелания фюрера?

Вагнер: Нет, вовсе нет. Деятельность адмирала Дёница как главнокомандующего флотом началась с очень сильной оппозиции Гитлеру. Гитлер намеревался разобрать на лом крупные корабли флота, то есть, оставшиеся линкоры и крейсера. Адмирал Рёдер уже отказал в таком плане.

Кранцбюлер: Адмирал, эта история уже известна. Вам не нужно вдаваться в детали.

Вагнер: Очень хорошо. Кроме этого, уважение Гитлера к Дёницу было из-за того, что каждое заявление которое делал адмирал было абсолютно достоверным и абсолютно честным. Адмирал придавал особое значение тому факту, чтобы о неблагоприятных событиях, неудачах и ошибках должны были докладывать в ставку без отступлений, объективно и просто. В качестве примера я хочу сказать, что адмирал вручил мне приказ…

Председатель: Я не думаю, что нам нужны подобные примеры. Разумеется общего заявления вполне достаточно.

Кранцбюлер: Адмирал каким-либо образом выражал свою готовность выполнять политические пожелания фюрера или партии?

Вагнер: Нет. Такие пожелания партии, по моему мнению могли оказаться во флоте только в трёх случаях. Первым был церковный вопрос, который по большей части возникал во время адмирала Рёдера. Думаю общеизвестно, что флот сохранил свою изначальную религиозную организацию и фактически расширял её с увеличением флота.

Вторая просьба партии заключалась в том, что руководствуясь русским примером, нужно было создать политических комиссаров внутри вооружённых сил. По этому поводу адмирал Дёниц поехал к Гитлеру и предотвратил осуществление этого плана. Когда после 20 июля 1944 Борман несмотря на это смог добиться введения в вооруженных силах так называемых «НСФО» - офицеров национал-социалистического руководства, не получилось как того желала партия, чтобы она назначала политических комиссаров. Это было сделано при помощи использования офицеров которые находились в компетенции командира и которые никак не могли вмешиваться в командование войсками. Третьим случаем было намерение со стороны партии забрать у вооружённых сил уголовные политические дела.

Кранцбюлер: Адмирал, этот случай также известен. Вы вели протоколы визитов в ставку фюрера, это правильно?

Вагнер: Да.

Кранцбюлер: Ряд протоколов представлен в качестве доказательств в суде. Будьте любезны объяснить трибунал в чем заключался смысл ведения этих протоколов визитов главнокомандующего в ставку фюрера?

Вагнер: Начальник штаба руководства войной на море, начальник вооружений

флота и начальник главного управления флота – то есть три ведущих человека в высшем командовании флота – должны были быть информированы с помощью этих протоколов о всех событиях которые произошли в присутствии адмирала, поскольку они имели какой-нибудь интерес для флота. В этом заключалась одна из моих задач.

Кранцбюлер: Вы сказали «информировались о событиях которые происходили в присутствии адмирала». Это означает, что он лично слышал всё, что записано в этих протоколах?

Вагнер: Не обязательно. Довольно часто случалось, что во время докладов об обстановке, когда они проходили в большой комнате и когда обсуждались предметы которые его не интересовали так сильно, адмирал удалялся в другую часть комнаты и занимался своими делами или обсуждал вопросы флота с другими участниками встречи. Возможно, что по таким поводам я слышал вещи и вносил их в протокол о которых сам адмирал не слышал. Но, конечно, он бы узнал о них потом, когда смотрел мой протокол.

Кранцбюлер: Я собираюсь показать вам одну из ваших записей о дискуссиях от 20 февраля 1945. Это экземпляр номер GB-209 и он на странице 68 документальной книги обвинения. Это касается соображений об отказе от Женевской конвенции. Будьте любезны точно описать, что случилось как вы это помните?

Вагнер: Приблизительно за два или три дня до даты в этой записи – другими словами, приблизительно 17 или 18 февраля 1945 – адмирал Фосс позвонил мне из ставки, которая тогда находилась в Берлине и проинформировал меня о том, что в связи с англосаксонской пропагандой, чтобы убедить наши войска дезертировать на Западе Гитлер высказал своё намерение выйти из Женевской конвенции.

Кранцбюлер: На, что он надеялся?

Вагнер: Согласно моему первому впечатлению в то время, намерение очевидно заключалось в том, чтобы высказать войскам и немецкому народу, что плен больше не даст никакого преимущества. Потом, я сразу же позвонил в штаб руководства войной на море, так как считал намерение совершенно ошибочным, и я попросил у них военное мнение и мнение с точки зрения международного права.

19-го принимая участие в обсуждении обстановки Гитлер снова сослался на этот вопрос, но в этот раз не в связи с событиями на Западном фронте, а в связи с воздушными атаками западных противников на открытые германские города – атаки которые только, что произвели на Дрезден и Веймар.

Он приказал адмиралу изучить влияние выхода из Женевской конвенции с точки зрения морской войны. Немедленного ответа не требовали и его не дали. Генерал-полковник Йодль тоже сильно возражал этим намерениям и искал поддержки адмирала. Потом было согласовано провести совещание и это совещание указано в записи под цифрой 2.

Кранцбюлер: Адмирал, это совещание от 20 февраля?

Вагнер: Да.

Кранцбюлер: Кто принял участие в этом совещании?
Вагнер: Адмирал Дёниц, генерал-полковник Йодль, посол Хевель и я.
Кранцбюлер: В чем заключался предмет?
Вагнер: Предмет заключался в намерении фюрера отказаться от Женевской конвенции. Результатом было единогласное мнение о том, что такой шаг будет ошибкой. Помимо военных соображений мы в особенности разделяли убеждение в том, что в результате отказа от Женевской конвенции и вооружённые силы и немецкий народ утратят доверие к руководству, поскольку Женевская конвенция в целом считалась концепцией международного права.
Кранцбюлер: В ваших записях есть фраза: «Нужно осуществлять меры которые считаются нужными без предупреждения и любой ценой «сохраняя лицо» перед внешним миром». В чём суть данной фразы?
Вагнер: Фраза означает, что не нужно рассчитывать на какие-нибудь безответственные действия. Если руководство считало нужным вводить контрмеры против воздушных атак на открытые германские города или против пропаганды дезертирства на Западе, то нужно было ограничить себя только такими контрмерами которые казались необходимыми и оправданными. Нельзя выставлять свою ошибку перед миром и перед собственным народом полностью отказываясь от всех Женевских конвенций и объявлять о мерах которые выходят за рамки того, что казалось необходимым и оправданным.
Кранцбюлер: Обсуждались какие-нибудь конкретные меры в связи с этим или обдумывались какие-нибудь такие меры?
Вагнер: Нет. Я очень хорошо помню, что вообще не обсуждались никакие конкретные меры на различных совещаниях. Мы в основном говорили об общем вопросе о том нужно ли отказываться от Женевской конвенции или нет.
Кранцбюлер: Вы, когда-нибудь, что-то слышали о так называемом намерении Адольфа Гитлера расстрелять 10000 военнопленных в качестве репрессалии за воздушную атаку на Дрезден?
Вагнер: Нет, я никогда ничего об этом не слышал.
Кранцбюлер: Выражение «чтобы спасти лицо» не означает секретность, сокрытие подлинных фактов?
Вагнер: По моему мнению, точно не было вопроса секретности, так как ни контрмеры против воздушных атак ни меры устрашения против дезертирства не могут быть эффективными если их скрывают.
Кранцбюлер: Сколько длилась вся беседа которую вы записали?
Вагнер: Будьте любезны сказать мне о какой беседе вы говорите?
Кранцбюлер: Дискуссию от 20 февраля которая содержит фразы которые я вам прочитал.
Вагнер: Вероятно это заняло десять минут или четверть часа.
Кранцбюлер: Таким образом ваша запись очень краткий сжатый отчёт о беседе?

Вагнер: Да, она содержит только важные положения.

Кранцбюлер: Адмирал Дёниц тоже представил фюреру возражения?

Вагнер: Насколько я помню, до этого так и не дошло. Можно было убедиться, что Гитлер как только он задал свои вопросы адмиралу, смог понять по выражению адмирала и отношению остальных, что они отказали в его планах. Мы передали наши взгляды высшему командованию вооруженных сил в письменном виде и больше не слышали про это дело.

Кранцбюлер: Я собираюсь показать вам ещё одну запись которая предъявлена как GB-210. Это на следующей странице документальной книги обвинения и это ссылается на совещания в ставке фюрера с 29 июня по 1 июля 1944.

Вы найдете запись под датой 1 июля которая гласит: «В связи с всеобщей забастовкой в Копенгагене, фюрер говорит, что террор можно подавить только террором». Это заявление было сделано во время беседы между Гитлером и адмиралом Дёницем или в связи с чем?

Вагнер: Это заявление сделанное Гитлером во время обсуждения обстановки и не адресовано ни адмиралу Дёницу ни флоту.

Кранцбюлер: Что же, если это не адресовано флоту, тогда почему вы включили это в свою запись?

Вагнер: Я включал в свою запись все заявления которые могли представлять какой-нибудь интерес для флота. Высшее командование флота конечно, было заинтересовано во всеобщей забастовке в Копенгагене, потому что наши суда ремонтировали в Копенгагене и помимо этого Копенгаген являлся военно-морской базой.

Кранцбюлер: И кому вы передали эту запись? Кто её получил?

Вагнер: Согласно списку рассылки на странице 4, бумага пошла только главнокомандующему и отделу 1 штаба руководства войной на море.

Кранцбюлер: Штаб руководства войной на море имел какое-нибудь отношение к обращению с рабочими верфей в Дании?

Вагнер: Нет, вообще никакого. С 1943 верфи полностью находились в министерстве боеприпасов.

Кранцбюлер: Обвинение видит в данном заявлении и его передаче ведомству ОКВ приглашение беспощадно расправляться с жителями. Это как-нибудь совпадает со смыслом записи?

Вагнер: С этим нет никакого вопроса. Единственная цель данной записи заключалась в том, чтобы информировать ведомства высшего командования.

Кранцбюлер: Я собираюсь показать вам ещё один документ. Это экземпляр USA-544. Это в документальной книге обвинения на страницах 64 и 65. Это записка эксперта по международному праву в штабе руководства войной на море об обращении с саботажниками. Вам известна эта записка?

Вагнер: Да. Я поставил инициал на первой странице.

Кранцбюлер: В конце этой записки вы найдете фразу:

> «Что касается флота, нужно изучить нельзя ли использовать событие, после доклада главнокомандующему флотом, чтобы убедиться в том, что обращение с военнослужащими войск коммандос абсолютно понятно всем заинтерсованным ведомствам».

Данный отчёт был сделан адмиралу Дёницу который тогда являлся главнокомандующим флотом на протяжении десяти дней?

Вагнер: Нет, этот доклад не был сделан, что показывают разные замечания в заголовке.

Кранцбюлер: Пожалуйста, вы объясните это?

Вагнер: Эксперт по международному праву штаба руководства войной на море IA внёс это предложение через оперативный отдел IA мне как начальнику оперативного управления. Начальник отдела IA в рукописной пометке кроме инициалов написал: «Проинформировать подчинённых командиров». Это означает, что он возражал предложению эксперта по международному праву и считал, что объяснение приказов внутри флота было излишним. Я изучил эти вопросы и решил о том, что оперативный офицер был прав. Я послал за экспертом по международному праву, доктором Экардтом, проинформировал его устно о своём решении и вернул ему документ. Таким образом предложение доложить главнокомандующему флотом сделаное в связи с объяснением данного приказа на самом деле не состоялось.

Кранцбюлер: Вы можете вспомнить получал ли адмирал Дёниц когда-то позднее доклады об этом приказе о коммандос?

Вагнер: Нет, я это не вспоминаю.

Кранцбюлер: Я представил вам GB-208, что запись о случае моторного торпеднего катера в Бергене. Это случай который находится в британской документальной книге на страницах 66 и 67. Вы, когда-нибудь слышали об этом инциденте до процесса?

Вагнер: Нет. Я впервые услышал об этом в связи с допросами в связи с этим разбирательством.

Кранцбюлер: Я понял из материалов британского военно-полевого разбирательства, которые представило обвинение во время перекрёстного допроса, что перед расстрелом экипажа этой моторной торпедной лодки было две телефонные беседы, между начальником службы безопасности в Бергене и СД в Осло и между СД в Осло и Берлином. Вы можете вспомнить состоялась ли такая беседа между СД в Осло и вами или неким представителем высшего командования?

Вагнер: У меня разумеется не было никакой такой беседы, и насколько я знаю ни у какого другого офицера в моём ведомстве или в высшем командовании.

Кранцбюлер: Вы вообще считаете возможным, что СД в Осло могло связаться с высшим командованием флота?

Вагнер: Нет, я считаю это совершенно не обсуждается. Если бы СД в Осло хотело связаться с центральным управлением в Берлине тогда бы оно могло сделать это через свой вышестоящий орган, и это РСХА.

Кранцбюлер: Сейчас я предъявляю вам ещё один документ, это экземпляр GB-212, который на странице 75 документальной книги обвинения. Он упоминает пример коменданта германского лагеря для военнопленных и сказано, что у он внезапно и тихо устранил коммунистов которые привлекли внимание среди заключённых. Вам известно об этом инциденте?

Вагнер: Да, такой эпизод мне известен. Думаю мы получили доклад из лагеря военнопленных – человек который был тяжело ранен и которого обменяли – это немецкий комендант лагеря военнопленных в Австралии, в котором содержался экипаж вспомогательного крейсера «Cormoran», тайно убил человека из своего экипажа потому он действовал как шпион и предатель.

Кранцбюлер: Но приказ не упоминает слово «шпион». Он гласит «коммунист». В чём объяснение?

Председатель: Он не говорит «коммунист». Он говорит «коммунисты» в множественном числе.

Кранцбюлер: «Коммунисты» - множественное число.

Вагнер: По моему мнению единственное объяснение в том, что подлинное положение дел нужно было скрыть для того, чтобы предотвратить возможность вражеской разведки отследить инцидент и создать трудности для старшего унтер-офицера. Таким образом, выбрали другую версию.

Кранцбюлер: Советское обвинение посчитало, что этим показано, что был план тайного устранения коммунистов. Вы можете нам, что-нибудь сказать о происхождении этого приказа, существовал ли такой план и обсуждался ли он, когда-нибудь?

Вагнер: Прежде всего приказ был адресован тем кадровым ведомствам которые были ответственными за отбор молодых переспективных офицеров и унтер-офицеров на флот. Было приблизительно шесть или семь кадровых отделов. Кроме этого я могу сказать, что в ходе…

Кранцбюлер: Пожалуйста, минуточку, адмирал.

Председатель: Доктор Кранцбюлер нужно вдаваться во все эти детали? Вопрос в том был приказ, чтобы избавляться от подобных людей или не было – не детали о том как возник приказ.

Кранцбюлер: В таком случае я поставлю вопрос так: существовал какой-нибудь приказ или какое-нибудь желание во флоте убивать коммунистов тайно и систематически?

Вагнер: Нет, такой приказ или план не существовали. Конечно, во флоте было значительное количество коммунистов. Это было известно каждому вышестоящему офицеру. Подавляющее большинство этих коммунистов выполняли свой долг как

немцы также как любой другой немец на войне.

Кранцбюлер: Адмирал Дёниц обвинен в том, что даже весной 1945 он призвал свой народ упорно держаться до конца. Обвинение считает это доказательством того факта, что он был фанатичным нацистом. Вы и большинство флота считаете, что это так?

Вагнер: Нет, отношение адмирала не считалось политическим фанатизмом. Для них это означало то, что он выполнял свой обычный долг как солдат до последнего. Я убеждён в том, что таким был взгляд большинства всего флота, людей и унтер-офицеров, а также офицеров.

Кранцбюлер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-нибудь из других защитников хочет задать какие-нибудь вопросы?

Симерс: Адмирал Вагнер, вы уже кратко очертили должности которые занимали. В дополнение я хочу выяснить кто занимал ведущую должность в штабе руководства войной на море при гросс-адмирале Рёдере в решающие годы до и после начала войны. Кто был начальником штаба за два года до войны, и в начале войны?

Вагнер: Начальником штаба руководства войной на море с 1938 до 1941 был адмирал Шнивинд[290]. С 1941 до отставки Рёдера это был адмирал Фрикке[291].

Симерс: Таким образом это те кто был офицерами на высших постах в подчинении адмирала Рёдера в штабе руководства войной на море?

Вагнер: Они были непосредственными консультантами адмирала.

Симерс: И штаб руководства войной на море имел несколько управлений?

Вагнер: Да, он состоял из нескольких управлений, которым были присвоены соответствующие номера.

Симерс: И каким было самое важное управление?

Вагнер: Самым важным управлением штаба руководства войной на море было оперативное управление, которое было известно как номер один.

Симерс: И остальные управления, 2, 3 – что они делали?

Вагнер: Это были управления связи и сообщений и управление информации.

Симерс: Кто был начальником оперативного управления?

Вагнер: С 1937 по 1941 это был адмирал Фрикке. С 1941 до отставки Рёдера я был начальником этого управления.

Симерс: Другими словами, много лет вы работали в подчинении адмирала Рёдера. Прежде всего я хочу попросить вас кратко высказаться об основном отношении Рёдера в течение времени, что вы работали в штабе руководства войной на море.

Вагнер: При адмирале Рёдере флот работал над мирным развитием в согласии с Британией. Самыми важными вопросами были связанные с типами кораблей,

[290] Отто Шнивинд (1887 — 1964) — немецкий военно-морской деятель, генерал-адмирал (1 марта 1944 года). В 1938-1941 руководящий офицер верховного командования флотом.

[291] Курт Фрике (1889 – 1945) – немецкий адмирал. В 1936 – 1943 начальник оперативного отдела, а затем штаба ОКМ.

подготовкой и тактическим обучением. Адмирал Рёдер никогда не ссылался на агрессивные войны ни на каком совещании на котором я присутствовал. Как ни в какое время не просил нас вести какую-нибудь подготовку в таком направлении.

Симерс: Вы помните, что в 1940 и 1941 Рёдер категорически высказывался против войны с Россией?

Вагнер: Да, он сильно возражал войне с Россией по двум причинам, он считал, что разрывать договор о дружбе с Россией было неправильно и недопустимо, и во-вторых, по стратегическим причинам он был убежден в том, что вся наша мощь должна была быть сконцентрирована против Британии. Когда осенью 1940 оказалось, что вторжение в Британию нельзя осуществить, адмирал работал над стратегией в Средиземноморье, чтобы держать открытым выход против британской политики окружения.

Симерс: Флот имел довольно большое отношение к России в период дружбы между Россией и Германией в виде поставок. Насколько вам известно, всё в связи с этим шло гладко?

Вагнер: Да, я знаю, что большое количество поставок из запасов флота шло в Россию, например несобранные корабли, тяжёлые орудия и другие военные материалы.

Симерс: И флот, конечно всегда прилагал усилия, чтобы поддерживать дружественные отношения установленные в пакте?

Вагнер: Да, так считал адмирал.

Симерс: Адмирал Вагнер, адмирал Рёдер обвинён в том, что его никогда не волновало международное право и что он принципиально нарушал международно-правовые соглашения если это ему приносило пользу. Вы можете высказать общее мнение об отношении Рёдера к этому?

Вагнер: Да, это совершенно неправильно. Адмирал Рёдер считал самым важным, чтобы каждую меру морской войны изучали с точки зрения международного права. С этой целью у нас был эксперт по международному праву в штабе руководства войной на море с которым оперативное управление находилось в почти ежедневном контакте.

Симерс: Кроме того Рёдера обвиняют в рекомендации войны против Соединённых Штатов и попытке втянуть Японию в войну с Соединёнными Штатами. Могу я попросить ваше мнение об этом?

Вагнер: Я считаю данное обвинение полностью необоснованным. Я знаю о том, что адмирал Рёдер придавал особое значение тому факту, чтобы все военно-морские меры – в особенности в критический 1941 год – нужно было изучать очень внимательно на предмет их влияния на Соединённые Штаты Америки. Фактически он воздерживался от принятия довольно многих полностью военно-оправданных мер для того, чтобы предотвратить инциденты с США. Например, летом 1941 он отозвал субмарины из крупного района рядом с побережьем США, хотя этот район

точно можно было считать открытым морем. Он запретил миноукладку которая уже началась против британского порта Галифакс, Канада, чтобы любой ценой предотвратить возможность столкновения корабля Соединённых Штатов с миной. И наконец, он также запретил атаки на британские эсминцы в Северной Атлантике потому что пятьдесят эсминцев которые передали Англии Соединенные Штаты создали опасную возможность перепутать британские и американские эсминцы. Все это было сделано в то время, когда Соединённые Штаты являясь мирными, оккупировали Исландию, когда британские военные корабли ремонтировали на американских верфях, когда американские военно-морские силы имели приказы о том, чтобы обо всех германских подразделениях сообщали британскому флоту, и когда наконец президент Рузвельт в июле 1941 отдал своим силам приказ атаковать любые замеченные германские субмарины.

Симерс: Адмирал Рёдер, когда-либо делал заявление в штабе руководства войной на море о том, что не было никакого риска войны против Америки и что флот американских субмарин не достаточно хорош.

Вагнер: Нет, адмирал Рёдер как эксперт никогда бы не сделал такое заявление.

Симерс: Напротив, Рёдер прямо не говорил о силе американского флота и что нельзя было одновременно бороться с двумя такими великими морскими державами как Америка и Великобритания?

Вагнер: Да, для него и для нас было совершенно ясно, что вступление Америки в войну означало бы очень существенное усиление вражеских сил.

Симерс: Итак, по одному поводу адмирал Рёдер предложил в своём журнале боевых действий о том, что Япония должна атаковать Сингапур. В связи с этим как-нибудь в штабе руководства войной на море обсуждался Пирл-Харбор?

Вагнер: Нет, вовсе нет. Атаки японцев на Пирл-Харбор были полной неожиданностью, и для адмирала и для штаба руководства войной на море и по моему мнению для каждого другого германского ведомства.

Симерс: Не было постоянных военно-морских дискуссий и совещаний между Японией и Германией?

Вагнер: Нет, до вступления Японии в войну не было никаких военных дискуссий по моему суждению.

Симерс: Я хочу показать вам документ С-41, господин председатель, это экземпляр GB-69. Позднее, британская делегация представит документальную книгу 10а по Рёдеру. Я не знаю имеет ли её трибунал. Этого пока нет в досье против Рёдера. Во вновь составленной документальной книге 10а, это на странице 18.

Председатель: Вы можете приобщить это в качестве доказательства сейчас, если вы хотите сделать это, для того, чтобы вы могли предъявить это свидетелю.

Симерс: Обвинение предъявило это, да.

Председатель: Очень хорошо.

Симерс: Речь идёт о документе подписанном адмиралом Фрикке и датированным

3 июня 1940. Он озаглавлен «Вопросы расширения районов и баз». Этот документ содержит детальные заявления о будущих планах.

[*Обращаясь к свидетелю*] Я хочу спросить, отдавал ли Рёдер приказ подготовить этот меморандум или как получилось, что этот меморандум был написан?

Вагнер: Адмирал Рёдер не отдавал приказа подготовить этот меморандум. Это включает, личные, теоретические идеи адмирала Фрикке о возможном будущем развитии. Они довольно фантастические и не имели никакого практического значения.

Симерс: Это исследование или эту записку обсуждала какая-нибудь крупная группа в штабе руководства войной на море?

Вагнер: Нет, по моему мнению только оперативные офицеры имели сведения об этом документе, который по своей форме показывает, что это не проработанное исследование проведённое по приказу гросс-адмирала Рёдера, а ad hoc краткий набросок мыслей которые пришли в тот момент адмиралу Фрикке.

Симерс: Это было исследование или этот документ вообще передавали посторонним?

Вагнер: Думаю я могу вспомнить, что этот документ не направляли ни в какое внешнее ведомство, а оставили в оперативном управлении. Гросс-адмирал тоже, по моему мнению, не имел никаких сведений об этом, в частности поскольку документ показывает, что он не поставил на нём инициал.

Симерс: У вас есть фотокопия этого документа?

Вагнер: Да.

Симерс: Здесь есть какие-то другие инициалы которые могут показать, что это представили адмиралу Рёдеру? Как в целом обращались с подобной вещью в штабе руководства войной на море?

Вагнер: Каждый документ который должны были представить адмиралу имел на первой странице слева пометку на полях: «v.A.v.», что значит «представить до передачи», или «n.E.v.», «представить после получения» или же «доложить во время доклада об обстановке». И тогда в этом месте адмирал поставил бы инициал зелёным карандашом, или офицеры его личного штаба сделали бы пометку о том, что это ему представили.

Симерс: И никаких таких отметок нет на этом документе?

Вагнер: Нет.

Симерс: Я хочу показать вам документ С-38, который документ обвинения содержащий номер экземпляра GB-223. Это содержалось в документальной книге обвинения по Рёдеру, страница 11.

Война между Германией и Россией началась 22 июня 1941. Согласно предпоследней странице документа которая у вас имеется, ОКВ уже 15 июня – за неделю до начала войны – приказало об использовании вооружений против

вражеских субмарин к югу от мемельской линии, южной оконечности Эланда, по просьбе штаба руководства войной на море.

Обвинение основано на данном документе и снова ссылается на агрессивную войну. К сожалению, обвинение представило только последнюю страницу данного документа. Оно не представило первую и вторую страницу документа. Если бы оно сделало это тогда данное обвинение вероятно было бы снято. Могу я прочитать вам, свидетель, что там содержалось, и я цитирую:

> «12 июня в 20 часов 00 минут одна из субмарин размещённых на постах по обеим сторонам Борнхольма, в качестве предупредительной меры сообщила в 20 часов 00 минут о неизвестной субмарине в окрестностях Адлергрунда (20 миль юго-западнее Борнхольма), которая всплыла и проследовала курсом на Запад и которая ответила на опознавательный сигнал буквенным сигналом который не имел никакого особого значения».

На этом цитата заканчивается.

Могу я попросить вас объяснить, что значит то, что эта субмарина не ответила на позывной?

Вагнер: В военное время военные корабли своего флота имеют позывные, то есть, позывной сигнал и ответ который немедленно опознает корабль как принадлежащий к своему флоту. Если на позывной неправильно отвечают, это доказывает, что это чужое судно.

Симерс: Насколько вы можете вспомнить, были какие-нибудь признаки показываюшие, что корабли появлявшиеся в Балтийском море опознавались как вражеские корабли?

Вагнер: Да. Я помню, что были отдельные случаи, когда неизвестные субмарины наблюдались у германских балтийских портов. Соответственно было установлено, с помощью сравнения стоянок наших субмарин, что это на самом деле были вражеские корабли.

Симерс: Эти факты являлись причиной которая заставила штаб руководства войной на море просить использовать вооружение?

Вагнер: Да, эти самые факты.

Симерс: Похожий случай стал предметом обвинения в связи с Грецией. Здесь в суде установлено из журнала боевых действий, что 30 декабря 1939 штаб руководства войной на море попросил о том, чтобы с греческими судами в американской зоне блокады вокруг Великобритании обращались как с враждебными. Поскольку Греция была в то время нейтральной, в отношении Рёдера есть обвинение в нарушении нейтралитета.

Могу я попросить вас сказать нам о причинах которые заставили штаб руководства войной на море и начальника, Рёдера, сделать такой запрос в ОКВ?

Вагнер: У нас были новости о том, что Греция передала костяк своего торгового

флота в распоряжение Англии и что эти греческие суда плавали под британским командованием.

Симерс: И верно, что с греческими судами в целом не обращались как с враждебными, но только с судами в американской зоне блокады вокруг Англии?

Вагнер: Да.

Симерс: Следующий случай, который в чём-то похожий, тот, что случился в июне 1942, когда штаб руководства войной на море заявил ОКВ ходатайство о разрешении атаковать бразильские суда, хотя Бразилия в то время была нейтральной. Война с Бразилией началась два месяца спустя 22 августа. В чём заключались причины для подобного шага?

Вагнер: Мы получили доклады от субмарин из вод вокруг Южной Америки, согласно которым их атаковали корабли которые могли выходить только с бразильских баз. Первое, что мы сделали это выяснили и подтвердили эти вопросы. Более того, думаю я могу лично вспомнить, что тогда уже было общеизвестно, что Бразилия предоставила морские и воздушные базы Соединённым Штатам с которыми мы воевали.

Симерс: Значит это было из-за нарушения нейтралитета со стороны Бразилии?

Вагнер: Да.

Симерс: Я хочу предъявить вам документы С-176 и D-658. Документ С-176 имеет номер экземпляра GB-228. Эти два документа основаны на приказе о коммандос, то есть приказе уничтожать саботажные войска. Обвинение вменяет Рёдеру инцидент который случился в декабре 1942 в устье Жиронды у Бордо. В документе С-176, на последней странице, вы найдете нечто, что я хотел бы процитировать:

> «Расстрел двух пленённых англичан был произведён расстрельным взводом, насчитывающим одного офицера и 16 солдат, выделенных командиром порта в Бордо в присутствии офицера СД и в соответствии с приказом фюрера».

Предыдущие записи, которые я не хочу цитировать отдельно и которые рисуют такие же вещи, показывают, что СД прямо вмешалось и связалось напрямую со ставкой фюрера.

Я спрашиваю слышал ли штаб руководства войной на море, что-нибудь об этом деле до того как эти двое пленных были расстреляны или же он знал, что-нибудь о прямом приказе Гитлера который указан в связи с этим?

Вагнер: Штаб руководства войной на море не имел никакого отношения к прямому приказу о расстреле людей в Бордо. Штаб руководства войной на море знал тактический ход событий этого саботажного мероприятия в Бордо и ничего во время после этого.

Симерс: Таким образом, данный случай не доводился до штаба руководства войной на море или до адмирала Рёдера и не обсуждался ими?

Вагнер: Да. Я уверен в том, что такого не было.

Симерс: Господи председатель, могу я попросить трибунал принять к сведению тот факт, что данный журнал боевых действий никоим образом не журнал боевых действий который часто упоминался, журнал боевых действий штаба руководства войной на море, а журнал боевых действий военно-морского командира Запада и таким образом неизвестен штабу руководства войной на море. Вот почему штаб руководства войной на море не знал об этом случае.
Председатель: Вы сейчас ссылаетесь на документ С-176?
Симерс: Да, а также на D-658, что журнал боевых действий штаба руководства войной на море.
Председатель: В чём заключалась эта ссылка?
Симерс: Это D-658, который показывает следующее: согласно коммюнике ОКВ, этих двух солдат расстреляли. Мера соответствовала специальному приказу фюрера. Это предъявлено обвинением, и это показывает – и я сошлюсь на это позже, что штаб руководства войной на море ничего не знал об этом эпизоде, потому что это показывает запись датированную 9 декабря, в то время как дело случилось 11-го..
Председатель: Наверное лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Симерс: Адмирал, сейчас я предъявляю вам документ С-124.
Господин председатель, С-124 соответствует СССР-113. Данный документ рассматривает сообщение от штаба руководства войной на море от 29 сентября 1941 адресованное Северной группе, и оно рассматривает будущее города Петербурга. Данное сообщение Северной группе говорит о том, что фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. Сам флот не имел никакого отношения к этому докладу. Несмотря на это, данный доклад был направлен Северной группе.
Свидетель, я вернусь к этому, но я хотел бы сначала попросить вас – у вас есть фотокопия подлинника – сказать мне, мог ли Рёдер видеть этот документ до его передачи?
Вагнер: Согласно моим предыдущим заявлениям, адмирал Рёдер не видел этого документа, поскольку об этом нет никаких отметок или инициалов.
Симерс: И теперь более важный вопрос об этом. В виду ужасного сообщения которое упоминалось Гитлером во втором пункте, почему штаб руководства войной на море передал его при том, что сам флот не имел к этому никакого отношения?
Вагнер: Штаб руководства войной на море запросил о том, чтобы при бомбардировке, оккупации или нападении на Ленинград доки, причальные сооружения и другие специальные военно-морские сооружения нужно было пощадить для того, чтобы они могли быть использованы в качестве баз позднее. Эту просьбу отвергло заявление Гитлера содержащееся в этом документе, что можно видеть в пункте 3.

Нам пришлось сообщить о данном факте адмиралу Карльсу для того, чтобы он мог действовать соответственно, потому что в случае дальнейшей оккупации Ленинграда он не мог рассчитывать на этот порт в качестве базы.

Симерс: Ввиду значимости данных показаний, я бы хотел процитировать трибуналу решающий пункт на который сослался свидетель, и это III из СССР-130. Я цитирую:

> «Первоначальные просьбы флота пощадить доки, гавань, и другие сооружения важные с точки зрения флота известны высшему командованию Вермахта. Удовлетворение этих запросов невозможно, ввиду фундаментальной цели акции против Петербурга».

В этом заключался решающий пункт о котором СКЛ сказало адмиралу Карльсу как командиру Северной группы.

Вагнер: В этом заключалась единственная причина этого сообщения.

Симерс: Вам известно, сделал ли адмирал Карльс, что-то с этим документом? Он передал его кому-либо или вы ничего об этом не знаете?

Вагнер: Насколько я информирован, данное сообщение не было передано, и смысл не заключался в том, что его нужно передать так как оно предназначалось только для Северной группы. В силу этого документа, адмирал Карльс прекратил подготовку которую он уже проводил для использования военно-морских сооружений Ленинграда и направил личный состав для других задач. Это единственное мероприятие которое флот предпринял на основе этого сообщения и единственная мера которую можно было предпринять.

Симерс: Я должен сказать трибуналу, что соответственно я предъявлю, под номером 111 в моей документальной книге, письменные показания которые содержат тот факт о котором говорит свидетель, что Северная группа ничего не передавала, таким образом командиры так и не узнали об этом документе.

Речь идёт о письменных показаниях адмирала Бютова[292], который тогда был главнокомандующим в Финляндии и я вернусь к этому, когда представлю дело от имени адмирала Рёдера.

У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Какой-нибудь другой защитник желает задать какие-нибудь вопросы?

[*Нет ответа*]

Председатель: Обвинение может провести перекрёстный допрос.

Филлимор: С позволения трибунала, относительно вопросов заданных доктором Симерсом, я собираюсь оставить это на перекрёстный допрос подсудимого Рёдера, чтобы избежать любого задвоения.

---

[292] Ганс Бютов (1894 – 1974) – контр-адмирал германского флота. С апреля 1939 по мая 1942 командир торпедных катеров в Финском заливе.

[*Обращаясь к свидетелю*] Как я понял показания которые дал подсудимый Дёниц и дали вы, вы говорите трибуналу о том, что при обращении с нейтральными торговыми судами германский флот ни в чём не может себя упрекнуть. Правильно?

Вагнер: Да.

Филлимор: И подсудимый сказал о том, что германский флот тщательно придерживался приказов об отношении к нейтральному судоходству, и нейтралам было полностью известно о том, что они должны и не должны делать. Правильно?

Вагнер: Да.

Филлимор: Адмирал Дёниц также сказал, что не стоял вопрос обмана нейтральных правительств, им было дано честное предостережение о том, что их суда не должны делать. Вы согласны?

Вагнер: Да.

Филлимор: Итак, я хочу напомнить вам какие шаги предпринимались в отношении нейтралов, как они видны из документов защиты.

Прежде всего, 3 сентября были изданы приказы о строгом уважении всех правил нейтралитета и соблюдении всех международно-правовых соглашений которые признавались как подлежащие соблюдению.

Милорд, это D-55, страница 139.

Председатель: В британской документальной книге?

Филлимор: В документальной книге защиты – Дёниц-55.

И затем 28 сентября, предостережение было направлено нейтралам, чтобы избегать подозрительного поведения, менять курс, зигзагообразное движение, и так далее. Это Дёниц-61, на странице 150. 19 октября это предостережение повторили и нейтралам рекомендовали воздерживаться от сопровождения в конвое. Это Дёниц-62, на странице 153. 22 октября было повторение предостережения, то есть Дёниц-62, страница 162; и 24 ноября нейтралам сказали, что нельзя рассчитывать на безопасность их судов в водах вокруг Британских островов и поблизости от французского побережья. Это Дёниц-73, на странице 206; и затем с 6 января, определённые зоны объявили опасными. Правильно, не так ли?

Вагнер: Нет. 24 ноября было издано общее предостережение о том, что всю боевую зону Соединённых Штатов нужно было рассматривать опасной. Особые зоны которые с января использовались как оперативные зоны не доводились до публики, поскольку они подпадали в рамки первого предупреждения и служили только для внутреннего использования во флоте.

Филлимор: Это я хочу выяснить. Зоны которые вы объявили 6 января не были объявлены. Это так?

Вагнер: Да, нейтралов предупрелили 24 ноября о том, что все те зоны которые особо объявили оперативным зонами с января являлись опасными для судоходства.

Филлимор: Но, когда вы установили особые зоны с 6 января, не было дано никакого отдельного предостережения. Это так?

Вагнер: Правильно. После общего предостережения, мы не издавали никаких отдельных предупреждений о частях этой зоны.

Филлимор: Итак, вы не предлагаете, не так ли, что в результате этих предостережений и в результате объявления огромной опасной зоны, вы были вправе топить без предупреждения нейтральные суда?

Вагнер: Да. Я считаю, что в данной зоне, которую мы, как и Соединённые Штаты Америки до нас, считали опасной для судоходства больше было не нужно принимать во внимание нейтралов.

Филлимор: Вы хотите сказать, что с 24 ноября каждому нейтральному правительству было дано честное предостережение о том, что его суда будут потоплены без предупреждения если они будут где-то в этой зоне?

Вагнер: Что я хочу сказать, это то, что 24 ноября все нейтральные страны были официально уведомлены о том, что всю зону Соединённых Штатов Америки нужно было считать опасной и что Германский Рейх не мог принимать никакой ответственности за потери в этой боевой зоне.

Филлимор: Это совершенно другое дело. Не нужно вводить нас в заблуждение об этом. Вы говорите, что в результате этого предупреждения вы были вправе топить нейтральные суда везде в этой зоне без предупреждения, топить на месте?

Вагнер: Я не совсем уловил последние несколько фраз.

Филлимор: Вы предлагаете, что вы были вправе топить на месте нейтральные суда везде в этой зоне, с 24 ноября?

Вагнер: Я считаю, что мы были оправданы с этого периода, чтобы особо не принимать во внимание нейтральное судоходство. Если бы мы сделали исключения в наших приказах для наших подводных лодок, это бы означало, что в каждом случае они бы не могли топить вражеские суда без предупреждения.

Филлимор: Это не вопрос особого отношения. Вы говорите, что вы стали вправе топить на месте любое нейтральное судно, или топить его умышленно, признавали вы его нейтральным или нет?

Председатель: Уверен он может ответить на этот вопрос «да» или «нет».

Вагнер: Да, я так считаю.

Филлимор: Вы скажете мне как это согласуется с правилами о субмаринах?

Вагнер: Я не считаю себя компетентным высказывать правовое мнение об этих вопросах, потому что это вопрос международного права.

Филлимор: В любом случае, вы стали так делать, не так ли? Вы стали топить на месте нейтральные суда без предупреждения в этой зоне?

Вагнер: Да, не просто везде в этой зоне, а в оперативных районах установленных нами где нейтральные суда…

Филлимор: Однако повсюду где вы могли – везде где вы могли?

Вагнер: В оперативных зонах установленных нами, мы топили нейтральные суда без предупреждения, так как мы считали, что в данном случае речь шла о

безопасных зонах рядом с вражеским побережьем, что уже нельзя было считать открытым морем.

Филлимор: И вы желали делать это с самого начала войны, не так ли? Это то, что вы решили делать?

Вагнер: С начала войны мы решили строго придерживаться Лондонского соглашения.

Филлимор: Вы посмотрите на документ который предъявили вчера? Милорд, это D-851. Его предъявили как GB-451. Это меморандум от 3 сентября.

Председатель: Где это?

Филлимор: Милорд, это был единственный новый документ который предъявил сэр Дэвид Максвелл-Файф во время перекрёстного допроса.

[*Обращаясь к свидетелю*] Посмотрите на третий абзац:

> «Флот пришёл к выводу, что с наличными силами максимального урона Англии можно добиться только если подводным лодкам разрешить неограниченное использование вооружения против вражеского и нейтрального судоходства в запрещённом районе указанном на прилагаемой карте».

Вы всё так же говорите, что вы намеревались с начала войны топить без предупреждения нейтральное судоходство как только смогли получить на это согласие Гитлера? Вы всё также говорите это?

Вагнер: Да, абсолютно. В данном документе, в первом абзаце сказано:

> «В прилагаемых документах направленных флотом ОКВ обсуждался вопрос неограниченной подводной войны против Англии».

Я не мог бы судить об этих документах если бы мне их не представляли.

Филлимор: В то время вы находились в генеральном штабе. Вы были ответственным за управление IA. Эту точку зрения предложило ваше управление?

Вагнер: Да. Я уже сказал о том, что мы решили, после консультаций с министерством иностранных дел, строго придерживаться Лондонского соглашения до тех пор пока не получим доказательств, что английское торговое судоходство управлялось военными и использовалось в военных целях. Видимо здесь речь идёт исключительно об информации, обмена мнениями с министерством иностранных дел…

Филлимор: Я не просил у вас общего взгляда на документ. Мы сами можем его прочитать. Ваша цель заключалась в том, чтобы терроризировать небольших нейтралов и запугать их, чтобы они не плавали по обычным законным поводам. Это неправильно?

Вагнер: Нет.

Филлимор: И не поэтому в приказах изданных в январе 1940 вы исключили крупные страны из этого риска «потопления на месте»? Вы посмотрите на документ C-21. Это GB-194, на странице 30 документальной книги обвинения на английском

языке; страницы 59 и 60 немецкого языка. Итак, посмотрите на вторую запись на странице 5, 2 января 1940: «Доклад IA». Это вы, не так ли? Это были вы, не так ли?

Вагнер: Да, но я не могу найти пункт который вы цитируете.

Филлимор: Страница 5 подлинника, под датой 2 января 1940. Доклад IA о директиве высшего командования вооруженных сил от 30 декабря, относящейся к интенсификации мер в морской и воздушной войне по плану «Жёлтый»:

> «В результате директивы флоту будет разрешено, одновременно с началом общей интенсификации войны, потопление без всякого предупреждения подводными лодками всех судов в таких водах рядом с вражескими берегами в которых можно использовать мины. В таком случае, для внешнего потребления, будет симулировано использование мин. Поведение и использование вооружения подводных лодок следует скорректировать с данной целью».

Это не имело никакого отношения к вооружению британских торговых судов. Не эту причину приводили, не так ли? Причина в том, что это подходило к вашим операциям по плану «Жёлтый».

Вагнер: Я не понял последнюю фразу.

Филлимор: Вы не приводите в качестве своей причины то, что британцы вооружали свои торговые суда. Вы приводите причину о том, что это необходимо в связи с интенсификацией мер по плану «Жёлтый». Почему так?

Кранцбюлер: Немецкий перевод настолько неадекватный, что почти невозможно понять вопрос.

Филлимор: Я снова задаю вам вопрос. Предлогом для данной директивы должна быть интенсификация мер в связи с планом «Жёлтый». Вы заметите, не так ли, что не сказано ничего о вооружении британских торговых судов в качестве оправдания такого шага? Это верно, не так ли?

Вагнер: Можно мне время, чтобы сначала изучить бумаги?

Филлимор: Разумеется. Это было написано вами, как вам известно.

Вагнер: Нет, это не написано мной. Данная мера на самом деле входит в предостережение которое дали нейтралам 24 ноября 1939.

Филлимор: Ничего не сказано о предостережении от 24 ноября. Если вы были вправе, как вы нам сказали, согласно этому топить нейтральные суда, не было никакой необходимости в этой специальной директиве, не так ли?

Вагнер: Нет.

Филлимор: Нет. Итак, позвольте…

Вагнер: По военным и политическим причинам мы приказали о том, что столкновение с миной нужно было симулировать и это особый пункт данного приказа.

Филлимор: И перед тем как мы оставим этот документ, взгляните на запись от 18 января, не так ли? Вы нашли? 18 января.

Вагнер: Да.
Филлимор: Это сам приказ о потоплении без предупреждения. Отметьте последнюю фразу: «Суда Соединённых Штатов, Италии, Японии и России исключены из этих атак».

И карандашом добавлена Испания. Это неправильно, что вы терроризировали небольших нейтралов, но не шли на риск с крупными?
Вагнер: Нет, неправильно. Объяснение, конечно в том, что нужно ставить на кон военные неудобства если можно получить политические преимущества.
Филлимор: О, да, это просто был вопрос как это вам зачтётся политически. Вот, что это было, не так ли?
Вагнер: Конечно, на все военные акции сильно влияют политические интересы собственной страны.
Филлимор: И из-за того, что датчане и шведы были не в состоянии заявить какой-нибудь серьёзный протест, не имело значения топить их суда на месте. Правильно, не так ли?
Вагнер: Мотивация которую вы придаёте такому поведению совершенно неправильная.
Филлимор: Что же, но в чём разница?
Вагнер: Мы топили суда всех нейтралов в этих районах за исключением тех стран в которых мы имели особый политический интерес.
Филлимор: Да, но вы не имели никакого особого политического интереса в то время для Норвегии и Швеции и Дании, поэтому вы топили их суда на месте. Правильно, не так ли?
Вагнер: Мы топили их, потому что они входили в район несмотря на предостережение.
Филлимор: Да, но если бы русское или японское судно сделало это, вы бы его не потопили.
Вагнер: Нет, не в тот период времени.
Филлимор: Я хочу, чтобы вы посмотрели на то, что делали на самом деле. Вы посмотрите на документы D-846 и 847?

Милорд, есть два новых документа. Они будут GB-452 и 453.

[*Обращаясь к свидетелю*] Сначала вы посмотрите на тот, что D-846? Это телеграмма от вашего посланника в Копенгагене, от 26 сентября 1939. Это до вашего первого предостережения и до объявления какой-либо из зон. Вторая фраза:

> «Потопление шведских и финских судов нашими субмаринами вызвало большое волнение по поводу датских продовольственных транспортов в Англию».

Поймите, вы начали топить суда небольших нейтралов сразу же в первые недели войны, не так ли?
Вагнер: В единичных случаях, да, но для этого всегда была особая причина. Я знаю

о нескольких инцидентах случившихся с датскими и шведскими судами в которых суда повернули на подводную лодку и подводная лодка в свою очередь из-за такого сопротивления была вынуждена атаковать судно.

Филлимор: Вы не думаете, что это было, из-за того, что можно было обвинить мины?

Вагнер: В тот период вообще нет.

Филлимор: Посмотрите на вторую телеграмму, если угодно, 26 марта 1940, снова от германского посланника в Копенгагене. Первый абзац:

> «Король Дании сегодня вызвал меня к себе для того, чтобы сказать мне какое глубокое впечатление произвело на него и страну в целом, потопление шести датских судов за прошлую неделю, видимо без всякого предупреждения».
>
> И затем, пропуская две фразы:
>
> «Я ответил, что причина почему суда были потоплены пока не установлена. В любом случае, наши военно-морские подразделения всегда строго придерживаются призовых правил, однако суда плывущие во вражеских конвоях или поблизости от конвоя подвергают себя военным рискам. Если и были какие-то случаи потопления без предупреждения, оказывалось, что их можно отнести к германским уведомлениям до настоящего времени.
>
> В то же время я подчеркнул опасность вод вокруг британского побережья, где нейтральное судоходство неизбежно было бы вовлечено в угрожающие ситуации в связи с мерами предпринятыми британцами. Король категорически заверил меня в том, что ни одно датское судно не плыло в конвое, но вероятно никогда не будет возможно впоследствии выяснить без всякого сомнения какие инциденты привели к потоплению».

У вас есть какие-то сомнения в том, что эти шесть судов были потоплены умышленно согласно вашей политике «топить на месте»?

Вагнер: Не проверив отдельные случаи, я не могу ответить на этот вопрос, но я считаю, что возможно эти суда были потоплены в том районе английского побережья, где, из-за сильной военной обороны, уже не было никакого вопроса открытого моря.

Филлимор: Очень хорошо. Мы перейдем к инциденту в котором я смогу предоставить вам детали. Вы посмотрите на документ D-807?

Милорд, это новый документ, он станет GB-454.

[*Обращаясь к свидетелю*] Поймите, данный документ датирован 31 января 1940, и он ссылается на потопление трёх нейтральных судов, «Deptford[293]», «Thomas

---

[293] «Дептфорд» - британский грузовой пароход. Спущен на воду в 1931. Потоплен в реузультате торпедной атаки подводной лодки Ю-38 13.12.1939 года.

Walton[294]» и «Garoufalia[295]». Документ в трёх частях. Первая излагает факты как они известны вам. Вторая часть, записка в министерство иностранных дел, и третья, проект ответа для вашего министерства иностранных дел для нейтральных правительств, и если вы посмотрите на конец документа вы увидите «IA», он исходит от вашего управления.

> «Предложено в ответ на норвежские ноты признать только потопление германской подводной лодкой парохода «Deptford», но отрицать потопление двух других пароходов».
>
> Следите.
>
> «Согласно сведениям прилагаемым к нотам представленным норвежским правительством, основания подозревать торпеду как причину потоплений фактически выглядят одинаково сильными во всех этих случаях. Однако, согласно выступлению норвежского министра иностранных дел от 19 января, видимо, подозрение в Норвегии о торпедировании германской подводной лодкой сильней всего в случае парохода «Deptford», в то время как в двух других случаях по крайней мере следует полагать, что можно принять во внимание возможность столкновения с минами, это считается невозможным в случае парохода «Deptford», ввиду того, что другие суда проходили эту же точку.
>
> Вероятность, что пароход «Thomas Walton» столкнулся с миной можно подтвердить, поскольку торпедирование случилось ближе к вечеру и ничего не наблюдалось, и также ввиду того, что произошло несколько взрывов в том же районе ввиду промахов торпед.
>
> В случае парохода «Garoufalia», отрицание видится уместным, если только речь идёт о нейтральном пароходе, который был атакован без предупреждения. Поскольку он был атакован с помощью электрической торпеды, никакого торпедного следа не наблюдалось».

Вы в лицо говорите о том, что вы не обманывали нейтралов? Это ваш совет данный адмиралу Рёдеру как офицером штаба, не так ли?

Вагнер: Данный меморандум исходил не от меня, он исходил из «Iia».

Филлимор: Откуда он исходит?

Вагнер: Это помощник эксперта по международному праву.

Филлимор: Вы бы это не видели?

Вагнер: Я не помню этот документ.

Филлимор: Почему вы говорите, что он исходил из «Iia»? У него «Ia» в конце.

Вагнер: Если этот меморандум передали я тоже его видел…

---

[294] «Томас Уолтон» - британский грузовой пароход. Спущен на воду в 1917. Потоплен в результате торпедной атаки подводной лодки Ю-38 7.12.1939 года.

[295] «Гаруфалия» - греческий грузовой пароход. Спущен на воду в 1914. Потоплен 11.12.1939 торпедной атакой подводной лодки Ю-38 11.12.1939 года.

Филлимор: Я прочту следующую часть ноты, чтобы напомнить вам.

«Таким образом установлены следующие факты» - это то, что вы написали в министерство иностранных дел –

«Пароход «Deptford» был потоплен германской подводной лодкой 13 декабря…».

Извиняюсь. Нужно было начать раньше.

«Предложено, чтобы на норвежские ноты в связи с потоплением пароходов «Deptford», «Thomas Walton» и «Garoufalia» был дан ответ подобный следующему:

В результате сообщения от норвежского правительства, был тщательно расследован вопрос потопления пароходов «Deptford», «Thomas Walton» и «Garoufalia». Таким образом установлены следующие факты:

Пароход «Deptford» был потоплен германской подводной лодкой 13 декабря, так как был принят за вооружённый вражеский корабль. Согласно докладу командира подводной лодки, потопление произошло не в территориальных водах, а сразу же за ними. Германские военно-морские силы имеют строжайшие указания не вести никаких боевых действий в нейтральных территориальных водах. Если командир подводной лодки неверно рассчитал свою позицию, что, по-видимому, подтверждается выводами норвежских властей, и если в результате были нарушены территориальные воды Норвегии, правительство Германии искренне сожалеет об этом. В результате данного инцидента германские военно-морские силы вновь безусловно проинструктированы уважать нейтральные территориальные воды. Если на самом деле произошло нарушение норвежских территориальных вод этого не повторится.

Что касается потопления пароходов «Thomas Walton» and «Garoufalia» это нельзя отнести к операциям германских подводных лодок, так как во время потопления ни одна из них не находилась в указанном морской районе».

И затем есть проект ответа изложенный в тех же самых чертах.

И вы, перед лицом этого документа говорите, что германский военно-морской флот никогда не вводил нейтралов в заблуждение?

Вагнер: Нейтралов уведомили о том, что в этих районах можно столкнуться с военными угрозами. Мы считали, что мы не были обязаны полностью говорить им о том какие военные меры в этих районах были опасными или из-за каких военных мер были потеряны их суда.

Филлимор: Это на самом деле ваш ответ на данный документ? Это полная ложь, не так ли? Вы признаете одно потопление от которого вам не отмахнуться. И отрицаете остальные. Вы отрицаете, что там поблизости была германская подводная лодка, и

вы говорите трибуналу, что вы обоснованно скрывали вооружения которые использовали. Это самый лучший ответ, что вы можете дать?

Вагнер: Да, конечно. Мы вообще не были заинтересованы в том, чтобы противник знал о том какие методы мы использовали в этом районе.

Филлимор: Вы признали, что один из них был потоплен подводной лодкой. Почему вы не признаёте два других? Почему не сказать, что это была таже самая подводная лодка?

Вагнер: Я полагаю, что мы вели речь о другом районе в котором обстановка была другой.

Филлимор: В чём заключалась разница? Почему вы не сказали: «Одна из наших подводных лодок совершила ошибку или не подчинилась приказам, и ответственная за все эти три потопления?» Или же, почему вы не сказали: «Мы дали вам честное предупреждение, мы собирались топить на месте любого в этом районе. На что вы жалуетесь?».

Вагнер: Очевидно я не посчитал это уместным.

Филлимор: Считалось уместным обманывать нейтралов. И вы, адмирал германского флота десять минут назад сказали мне о том, что этого не делали. Фактически, эти три лодки были потоплены одной и той же подводной лодкой, не так ли?

Вагнер: Не могу сейчас сказать.

Филлимор: Я говорю, что их все потопила Ю-38 и даты потопления: «Deptford» - 13 декабря, «Garoufalia» - 11-го и «Thomas Walton» 7-го. Вы это оспариваете?

Вагнер: Я не понял последнюю фразу.

Филлимор: Вы оспариваете эти детали или не помните?

Вагнер: Я не помню, но мне на самом деле это кажется невозможным.

Филлимор: Я покажу вам ещё один пример обмана нейтралов, и на этот раз это были ваши друзья, испанцы. Вы посмотрите на С-105?

Милорд, это новый документ, он станет GB-455. Это фрагмент из журнала боевых действий СКЛ за 19 декабря 1940.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы вели журнал боевых действий СКЛ в то время, не так ли?

Вагнер: Нет, я его не вёл, но я его подписывал.

Филлимор: Вы его подписывали. Вы читали его перед тем как подписывали?

Вагнер: Важные части, да.

Филлимор: Понимаете, он гласит: «Новости от нейтралов» и это озаглавлено: «Испания»:

> «Согласно докладу военно-морского атташе, испанское рыболовецкое судно было потоплено субмариной неизвестной принадлежности между Лас-Пальмасом и мысом Хуби. В спасательных шлюпках экипаж подвергся пулеметному обстрелу. Трое были тяжело ранены.

Высадились в Лас-Пальмасе 18 декабря. Подозреваются итальянцы. (Возможно это была Ю-37).

Затем 20 декабря, следующий день:

«Командир флота субмарин, будет проинформирован об испанском инциденте в связи с потоплением испанского рыболовецкого судна субмариной неизвестной принадлежности 16 декабря между Лас-Пальмасом и мысом Хуби с просьбой провести расследование. Ответственность штаба руководства войной на море заключается в подтверждении нашему военно-морскому атташе в Мадриде того, что относительно потопления, это не вопрос германской субмарины».

Когда вы сообщили об этом, вы думали, что возможно, не так ли, это могла быть Ю-37, это не так?

Вагнер: Мне кажется, что между тем стало известно, что это была не Ю-37.

Филлимор: Я прочитаю. Это дата 21 декабря:

«Ю-37 сообщает: торпеда выпущенная в танкер типа «Kopbard» (7329) совершила круг и вероятно поразила субмарину «Amphitrite» в конвое танкера. Танкер сгорел. Испанский пароход «St.Carlos[296]» (300) без опознавательных знаков, в результате концентрированного орудийного огня. Осталось девять торпед.

Затем Ю-37 торпедировала французский танкер «Rhone[297]» и субмарину «Sfax[298]» и потопила испанское рыболовецкое судно».

И затем, если вы прочитаете следующую запись.

«Мы продолжим утверждать внешнему миру, что нет вопроса германской или итальянской субмарины в спорном морском районе ответственной за потопления».

Вы продолжаете говорить, что не обманывали нейтралов?

Вагнер: Данный случай несомненно обман, но я не помню по какой конкретной причине применялся обман.

Филлимор: Это весьма дискредитирующее, не так ли? Вы считаете это внушающим доверие к германскому флоту, такое поведение?

Вагнер: Нет, это…

Филлимор: Подсудимый Рёдер подписывал журнал боевых действий?

Вагнер: Да.

Филлимор: Вы говорили подсудимому Дёницу о вашем ответе испанцам и норвежцам?

---

[296] «Сан-Карлос» - испанский пароход. Спущен на воду в 1919. Потоплен взрывчаткой экипажем подводной лодки Ю-37 16.12.1940 года.

[297] «Рона» - французский танкер. Спущен на воду в 1910. Потоплен в результате торпедной атаки подводной лодки Ю-37 19.12.1940 года.

[298] «Сфакс» - французская подводная лодка. Спущена на воду в 1936. Потоплена в результате торпедной атаки подводной лодки Ю-37 19.12.1940 года.

Вагнер: Это я не помню.

Филлимор: Он бы получил копию, не так ли?

Вагнер: Я вас не понял.

Филлимор: Вы бы направили ему копию, не так ли, вашей ноты в министерство иностранных дел?

Вагнер: Возможно.

Председатель: Полковник Филлимор, подпись подсудимого Рёдера видна в конце данного документа, С-105?

Филлимор: Милорд, с сожалением скажу, что я не проверял это. Но свидетель сказал, практика заключалась в том, что он должен был подписывать журнал боевых действий и что главнокомандующий должен был его периодически подписывать.

Правильно, свидетель?

Вагнер: Да. На следующей странице, 21 декабря моя подпись и подпись адмирала Фрикке, адмирала Шнивинда и адмирала Рёдера.

Симерс: Господин председатель, я был бы благодарен обвинению если бы документы которые касаются подсудимого Рёдера также вручили мне, так как мне относительно трудно следить за обстановкой. Я не получил ни один из этих документов.

Филлимор: Я крайне извиняюсь, милорд. Это моя вина, и я прослежу за тем, чтобы доктор Симерс получил копии.

Председатель: Сейчас мы откладываемся до завтрашнего утра.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 14 мая 1946*]

День сто двадцать девятый

Вторник, 14 мая 1946

Утреннее заседание

[*Свидетель Вагнер вернулся на место свидетеля*]

Филлимор: Вы помните о потоплении «Monte Corbea» в сентябре 1942?
Вагнер: У меня есть кое-какие воспоминания об этом.
Филлимор: Это было судно в отношении которого подсудимый Дёниц направил телеграмму командиру подводной лодки, угрожавшую ему военно-полевым судом по возвращении, потому что он потопил судно опознанное как нейтральное. Итак, в 1942 дружба с Испанией была очень важной для Германии, не так ли?
Вагнер: Я так полагаю.
Филлимор: Вчера вы сказали нам о том, что адмирал Рёдер рассматривал средиземноморскую политику – рекомендовал о ней. В этом заключалась причина, не так ли, почему командиру подводной лодки угрожали военно-полевым судом, что если вы потопили испанское судно это оказалось имевшим значение в 1942?
Вагнер: Нет, причина была не в этом. Причина была в том, что командир подводной лодки очевидно не действовал в соответствии с указаниями командира подводных лодок.
Филлимор: Это не имело значения в 1940, когда вы думали, что выигрываете войну, но в сентябре 1941 я предлагаю вам, стало политически уместным потопить испанское судно, это не правильно?
Вагнер: Вам нужно спрашивать об этом политические ведомства Германского Рейха.
Филлимор: Если это ответ, вы считаете честным описать ваше отношение к потоплению нейтральных судов как циничное и оппортунистическое?
Вагнер: Нет, я это абсолютно отрицаю.
Филлимор: Я хочу задать вам один или два вопроса о свидетеле Хейциге. Вчера вы говорили о беседе здесь в тюрьме в первую неделю декабря 1945.
Вагнер: В декабре 1945?
Филлимор: Да. Вы знали в то время как говорили с Хейцигом, что он будет давать показания в качестве свидетеля, не так ли?
Вагнер: Это можно было полагать из его присутствия здесь в Нюрнберге.
Филлимор: И вы знали, что его вызовут в качестве свидетеля, не так ли?

Вагнер: Да.

Филлимор: Вы говорите трибуналу, что вы не говорили защитникам о беседе да какого-то недавнего времени?

Вагнер: Я не понял смысл вашего вопроса.

Филлимор: Вы говорите трибуналу, что не сообщали об этой беседе с Хейцигом защитникам до какого-то недавнего времени?

Вагнер: Думаю это было в феврале или марте, когда я рассказал защитнику об этой беседе.

Филлимор: Сейчас я хочу предъявить вам даты. Командир подводной лодки Экк был приговорён к смерти 20 октября. Вам это известно?

Вагнер: Я не знал дату.

Филлимор: Смертный приговор вынесен комиссией 21 ноября и он был казнён 30 ноября. То есть его казнили до вашей беседы. Вы знали об этом?

Вагнер: Нет. Я это понял только сейчас.

Филлимор: В любом случае, свидетель Хейциг знал об этом до того как дал свои показания, не так ли?

Вагнер: Очевидно, нет. В противном случае, он бы скорей всего сказал мне об этом. Ранее, у него было 10 дней…

Филлимор: Просто послушайте вопрос и ответ из его перекрёстного допроса. Это страница 2676 расшифровки. Это вопрос доктора Кранцбюлера:

> «Скажите, во время вашего допроса 27 ноября не говорили ли вам тогда, что смертный приговор, вынесенный капитан-лейтенанту Экку и лейтенанту Гофману, был уже утвержден?
>
> Ответ: Не знаю, было ли это 27 ноября. Я знаю только то, что мне стало известно только здесь, что смертная казнь была приведена в исполнение. Какого числа — я точно не помню, так как меня допрашивали несколько раз».
>
> Итак, правильно ли, что…

Председатель: Когда давали эти показания?

Филлимор: Их давали 14 января, милорд, страница 2676 расшифровки.

Вагнер: Я не понял, кто давал эти показания.

Филлимор: Свидетель Хейциг, когда он давал показания здесь в суде. Таким образом был он обманут или нет, как вы предлагаете, перед тем как он дал свои показания, он по крайней мере знал подлинные факты перед тем как дал показания трибуналу?

Вагнер: Значит, он сказал мне неправду.

Филлимор: Теперь я хочу задать один вопрос о приказе от 17 сентября 1942. Это приказ который как вы говорите отслеживали в штабе морских операций и вы не видели в нём ничего неправильного. Подсудимый Рёдер видел этот приказ?

Вагнер: Не могу сказать точно.

Филлимор: Вы были в то время начальником оперативного штаба?

Вагнер: Да, но нельзя ожидать, чтобы я помнил каждый инцидент за 6 лет войны.

Филлимор: Ах, нет, но это важный приказ, не так ли?

Вагнер: Разумеется, но было много важных приказов за шесть лет.

Филлимор: Вы бы обычно показали важный оперативный приказ главнокомандующему?

Вагнер: Моя задача заключалась в том, чтобы доносить все важные вопросы начальнику штаба руководства войной на море, и он решал о том какие вопросы нужно доводить до гросс-адмирала.

Филлимор: Вы говорите, что не показали бы это начальнику штаба?

Вагнер: Нет. Я уверен в том, что он об этом осведомлён.

Филлимор: У вас есть какое-нибудь сомнение в том, что этот приказ был бы показан адмиралу Рёдеру?

Вагнер: Не могу сказать, я не помню получал ли он его.

Филлимор: Сейчас я хочу задать вам один или два вопроса о ваших задачах как адмирала по особым поручениям. Вы стали адмиралом по особым поручениям в июне 1944, правильно?

Вагнер: Да.

Филлимор: И с этого времени вы присутствовали на важных совещаниях с адмиралом Дёницем и в его отсутствие представляли его, не так ли?

Вагнер: Я никогда не принимал участия ни в каких дискуссиях в качестве его представителя. Дёница представлял начальник СКЛ.

Филлимор: Итак, на этой стадии войны все вопросы были важными поскольку постольку тем или иным образом они влияли на военные операции, не так ли?

Вагнер: На каждой стадии войны важны все военные вопросы.

Филлимор: Что я говорю это то, что на этой стадии войны важность всех вопросов в основном зависела от того как они влияли на военную обстановку.

Вагнер: Да, нужно признать это так.

Филлимор: И во время этого периода Германией виртуально руководили при помощи решений принимаемых в ставке фюрера, не так ли?

Вагнер: Да.

Филлимор: Теперь я хочу, чтобы вы посмотрели на протокол одного из визитов адмирала Дёница – милорд, это D-863, это новый документ и он станет GB-456.

Это протокол о визите в ставку фюрера 28 и 29 августа 1943. Сами вы там не были, но ваш непосредственный начальник вице-адмирал Мейзель[299] сопровождал адмирала Дёница, и имена военно-морской делегации изложены в вверху страницы: адмирал Дёниц, вице-адмирал Мейзель, капитан цур зее Рем[300], и

---

[299] Вильгельм Мейзель (1891 – 1974) – немецкий адмирал. В 1943-1944 начальник штаба руководства войной на море.

[300] Ганс Рём (1903 – 1986) – деятель немецкого флота. Капитан 1-го ранга. В 1943-1944 референт минной службы ОКМ.

т.д. И ваша программа была такой: после прибытия в 11 часов 30 минут беседа с главнокомандующим флотом главнокомандующего Люфтваффе; 13 часов, совещание об обстановке с фюрером, завершение дальнейшей беседы между главнокомандующим флотом и главнокомандующим Лювфтваффе; затем в 16 часов главнокомандующий флотом убыл. После этого у адмирала Мейзеля была беседа с послом Риттером[301] из министерства иностранных дел. Затем беседа с генералом Йодлем, вечернее совещание с фюрером и затем полуночное совещание с рейхсфюрером СС Гиммлером. На следующий день обычное совещание с фюрером, затем совещание с начальником генерального штаба воздушных сил. И затем он убыл.

Итак, это честный пример того как производил посещения адмирал Дёниц, что у него были беседы, разные совещания с другими чиновниками?

Вагнер: Это типичный образец визита гросс-адмирала в ставку, постольку поскольку он принимал участие только в совещаниях об обстановке с фюрером и кроме того у него были военные дискуссии с главнокомандующим воздушными силами.

Филлимор: И это показывает, не так ли, общие дела правительства в ставке фюрера?

Вагнер: Нет, вовсе нет. Я уже сказал о том, что гросс-адмирал принимал участие только в совещаниях об обстановке, то есть, совещании о военной обстановке с фюрером, кроме этого на одной или даже двух дискуссиях с главнокомандующим воздушными силами.

Филлимор: И с генералом Йодлем и фельдмаршалом Кейтелем, кем-то из министерства иностранных дел, и так далее?

Вагнер: В противном случае, гросс-адмирал не имел никаких дискуссий подобного рода, как можно видеть из документа, так 28 августа в 16 часов он вернулся по воздуху. Остальные дискуссии были дискуссиями начальника СКЛ…

Филлимор: Но я говорю вам, что это был типичный визит. Если бы адмирал Дёниц не убыл, он бы проводил остальные беседы, а не адмирал Мейзель, это не так?

Вагнер: Нет, вовсе нет. Начальник штаба СКЛ очень редко имел возможность прийти в ставку, и согласно протоколу, очевидно он воспользовался возможностью связаться с несколькими ведущими…

Филлимор: Я не хочу тратить на это время. Я предлагаю вам, что, когда адмирал Дёниц приезжал он обычно встречался со многими другими министрами и вёл с ними беседы о делах влиявших на флот.

Вагнер: Естественно, адмирал обсуждал все вопросы влиявшие на флот с теми о ком вели речь.

Филлимор: Итак, я хочу задать вам один или два вопроса о стенограммах в связи с

[301] Карл Риттер (1883 — 1968) — дипломат, руководящий сотрудник рейхсминистерства иностранных дел Германии. В 1940-1945 офицер связи МИД при ОКВ.

Женевской конвенцией – это С-158, GB-209, страница 69 документальной книги обвинения, или страница 102 немецкого языка. Вы посмотрите на страницу 102.

Итак, вы, как вы нам вчера сказали, ставили инициалы на этих стенограммах, не так ли, и копию для вас отмечали, это неправильно?

Вагнер: Да, я подписал стенограммы.

Филлимор: Да, они были точными?

Вагнер: Они содержали ключевые пункты о вещах которые происходили в ставке.

Филлимор: Они были точными протоколами, не так ли?

Вагнер: Несомненно, мне казалось, что вещи происходили так как о них было записано.

Филлимор: Итак, вы согласились с рекомендацией адмирала Дёница о том, что было бы лучше проводить меры которые считали нужными без предупреждения и любой ценой сохраняя лицо перед внешним миром? Вы согласились с этим?

Вагнер: Я уже объяснял вчера, ясно и однозначно, то как я интерпретировал эту фразу которая была сформулирована мной, и мне нечего добавить к этому заявлению. В смысле о котором я сказал вчера, я согласен полностью.

Филлимор: И шаг который Гитлер хотел предпринять заключался в том, чтобы направить военнопленных в бомбардируемые города, не так ли? Это не являлось нарушением Женевской конвенции, что он хотел сделать?

Вагнер: Нет, это был отказ от всех Женевских соглашений не только от соглашения о военнопленных а также от соглашения о госпитальных судах, соглашения о Красном кресте и других соглашений которые заключили в Женеве.

Филлимор: Тогда, какие меры считали нужными которые можно было предпринять без предупреждения? Посмотрите на эту фразу.

Вагнер: Я это не понял.

Филлимор: Посмотрите на последнюю фразу: «Было бы лучше осуществлять такие меры которые считались правильными». Что это за меры?

Вагнер: Они вообще не обсуждались.

Филлимор: Вы видите какую-нибудь разницу между рекомендацией которую адмирал Дёниц дал им и рекомендацией которую вы описали как романтические идеи молодого эксперта в документе о потоплении без предупреждения ночью? Давайте я вам скажу; то что сказал военно-морской офицер в документе С-191 было:

«Топить без предупреждения. Не давать письменное разрешение.

Говорить, что перепутали с вооружённым торговым крейсером…».

У нас есть адмирал Дёниц, говоривший: «Не нарушать правила, не говорить об этом и любой ценой сохранять лицо перед миром».

Вы видите какую-нибудь разницу?

Вагнер: Вчера я уже свидетельствовал о том, что разница очень большая. Адмирал Дёниц возражал отказу от Женевской конвенции и сказал о том, что даже если меры запугивающие дезертиров или контрмеры против бомбовых атак на города нужно

было предпринять, нельзя было ни в коем случае отказываться от Женевской конвенции.

Филлимор: Итак, я хочу поставить вам несколько вопросов о военнопленных. Что касалось военно-морских пленных, они оставались в распоряжении флота, не так ли?

Вагнер: Я не информирован об организации лагерей военнопленных. По моим воспоминаниям сначала их помещали в транзитный военно-морской лагерь. Затем их направляли в другие лагеря, но я не знаю, находились ли эти лагеря в компетенции флота или ОКВ.

Филлимор: Вы не видели документы защиты о лагере марлаг говорящие нам о том как хорошо там обращались? Вы их не видели?

Вагнер: Нет.

Филлимор: Итак, военно-морские пленные, когда их пленили ваши силы, об их пленении сообщали военно-морскому штабу, не так ли?

Вагнер: О таких пленениях, в целом, сообщали как о части донесений об обстановке.

Филлимор: Итак, вы помните приказ о коммандос от 18 октября 1942?

Вагнер: Да.

Филлимор: Вы на самом деле подписали приказ передающий этот приказ фюрера командованиям, не так ли?

Вагнер: Да.

Филлимор: Милорд, документ С-179, и его предъявили как экземпляр Соединённых Штатов 543 (USA-543). Это в той сшивке которую сэр Дэвид Максвелл-Файф вручил трибуналу, когда перекрёстно допрашивал подсудимого. Думаю это либо последний документ или почти в самом конце сшивки.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы одобрили этот приказ?

Вагнер: Я сожалел о том, что нужно было обращаться к такому приказу, но в первом параграфе причины для него были изложены настолько ясно, что я вынужден был признать его обоснованность.

Филлимор: Вы знали о том, что означала передача СД? Вы знали о том, что это означало расстрел?

Вагнер: Нет, это могло означать многие вещи.

Филлимор: Что вы думали, это означало?

Вагнер: Это могло означать, что людей допрашивала контрразведка, это могло означать, что их могли держать под арестом в более суровых условиях, и наконец это могло означать, что их могут расстрелять.

Филлимор: Но у вас не было сомнения в том, что это означало, что их могли расстрелять, не так ли?

Вагнер: Возможность их расстрела несомненно существовала.

Филлимор: Да, и вам не пришло это в голову, когда вы подписывали приказ

направлявший их командованиям?
Вагнер: Я бы хотел сослаться на параграф 1 данного приказа, где…
Филлимор: Вы думаете отвечать на мой вопрос? Вам пришло в голову, что их могли расстрелять, когда вы подписывали приказ направлявший его командирам?
Вагнер: Да, такая возможность была для меня ясной.
Симерс: Господин председатель, свидетеля спросили одобрял ли он данный приказ. Я не думаю, что полковник Филлимор может обрывать ответ свидетеля говоря о том, что он не может ссылаться на параграф 1 приказа. Мне кажется этот параграф 1 приказа имеет решающее значение для свидетеля. Господин председатель, свидетель адмирал Вагнер…
Председатель: Вы имеете возможность повторно допросить свидетеля.
Симерс: Да.
Председатель: Тогда зачем вы прерываете?
Симерс: Потому что полковник Филлимор прервал ответ свидетеля и мне кажется, что ещё в перекрёстном допросе нужно по крайней мере выслушать ответ свидетеля.
Председатель: Что же, трибунал с вами не согласен.
Филлимор: Милорд, я понял, что он уже сказал тоже, что и подсудимый. Я прервал его только, когда он снова собрался сделать это.

[*Обращаясь к свидетелю*] Я снова ставлю вопрос. Когда вы подписывали приказ направлявший данный документ нижестоящим командирам, вам пришло в голову, что этих людей возможно расстреляли бы?
Вагнер: Возможность того, что этих людей которых передали СД могли расстрелять была мне ясной.
Филлимор: И также…
Вагнер: Я ещё не закончил. Но только тех людей которых взял в плен не Вермахт должны были передавать СД.
Филлимор: Вам также пришло в голову, что их бы расстреляли без суда?
Вагнер: Да, из приказа можно сделать вывод об этом.
Филлимор: И, что вы имеете в виду говоря, что это относилось только к тем кто не был взят в плен Вермахтом? Вы посмотрите на параграф 3.

> «С настоящего времени все противники в так называемых миссиях коммандос в Европе и Африке столкнувшиеся с германскими войсками, даже при том, что они выглядят как солдаты в форме или подрывники, вооруженные или безоружные, в бою или в сражении, подлежат истреблению до последнего человека. Нет никакой разницы высадились они с кораблей или выброшены с парашютов. Даже если эти лица, при обнаружении очевидно сдаются, принциально не следует давать им никаких поблажек. В каждом отдельном случае полную информацию нужно направлять ОКВ для публикации в коммюнике ОКВ».

Вы скажите это не относится к людям взятым в плен военными силами?

Вагнер: Да, я придерживаюсь этого заявления. Во всём параграфе нет ничего, что говорит, что тех людей которых взяли в плен Вермахт нужно было передавать СД. В этом был вопрос.

Филлимор: Итак, читаем в последнем параграфе.

> «Если отдельные члены таких коммандос, как агенты, саботажники и т.д., попадают в руки военных сил какими-либо иными способами, например с помощью полиции на оккупированных территориях, они подлежат немедленной передаче СД».

Вагнер: Да. Здесь прямо сказано о том, что нужно было передавать СД только таких людей которых взял в плен не Вермахт, а полиция, в этом случае Вермахт не мог их забрать.

Филлимор: На самом деле нет. Такой захват полицией приводится как единственный возможный пример. Но вам известно, вам известно на практике, не так ли, что было несколько случаев где коммандос были взяты в плен флотом и переданы СД согласно этому приказу? Вы не знаете об этом?

Вагнер: Нет.

Филлимор: Что же, давайте я вам напомню. Вы посмотрите на документ PS-512.

Это также в этой сшивке, милорд, как экземпляр Соединённых Штатов 546 (USA-546). Это второй документ. Согласно последней фразе приказа фюрера от 18 октября:

> «Отдельных саботажников можно в настоящее время пощадить для того, чтобы сохранить их для допроса. Значение данной меры доказано в случаях Гломфьорда, двухместной торпеды в Тронхейме, и планера в Ставангере, где допросы дали результат в виде ценных сведений о планах противника». И затем идёт ещё один случай, случай в Жиронде».

Вы говорите, что не помните об атаке двухместной торпеды на «Tirpitz[302]» во фьорде Тронхейма?

Вагнер: Нет, нет. Я не утверждаю, что я не помню это. Я это помню.

Филлимор: Да. Вы не видели в коммюнике Вермахта после той атаки, что случилось с человеком которого взяли в плен?

Вагнер: Сейчас не могу вспомнить.

Филлимор: Давайте я вам напомню. Был взят в плен один человек, Роберт Пол Эванс, при попытке пересечь шведскую границу, и он был – атака состоялась в октябре 1942 – он был казнён в январе 1943, 19 января 1943.

Милорд, может быть удобной ссылка, это документ UK-57, который

---

[302] «Тирпиц» — второй линкор типа «Бисмарк», входивший в состав Кригсмарине. В боевых действиях практически не участвовал, однако своим присутствием в Норвегии угрожал арктическим конвоям в СССР и сковывал значительные силы британского флота. Спущен на воду в 1939. Потополен английской авиацией в 1944.

предъявили как экземпляр GB-164.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы говорите, что не помните, что видели какой-нибудь доклад о его пленении или его расстреле или его допросе?

Вагнер: Нет, кажется я помню это, но этот человек…

Филлимор: Итак, что вы помните? Скажите, что вы помните. Вы помните, что видели сообщение о его пленении?

Вагнер: Я уже не помню это. Я помню, что был доклад о том, что значительное время спустя после атаки на «Tirpitz» был взят в плен человек, но по моим сведениям не флотом.

Филлимор: Вы посмотрите на документ D-864, заявление под присягой.

Милорд, из-за какой-то ошибки, боюсь, что у меня его здесь нет. Могу я представить факты, и если необходимо представлю документ если смогу вовремя это сделать.

[*Обращаясь к свидетелю*] Я предлагаю вам, что Роберт Пол Эванс, после его пленения, лично был допрошен главнокомандующим флотом на северном норвежском побережье. Вы скажите, что ничего об этом не знаете?

Вагнер: Да, я утверждаю, что не помню об этом.

Филлимор: Поймите, это была первая атака двухместной торпеды британского флота против германских военно-морских сил, не так ли? Это так, не так ли?

Вагнер: Да, возможно.

Филлимор: Нет, но вы должны знать это, не так ли? Вы были начальником оперативного штаба в то время.

Вагнер: Мне кажется это было впервые.

Филлимор: Вы скажете, что результаты этого важного допроса не докладывали вам в военно-морской штаб?

Вагнер: Их конечно докладывали, но несмотря на это я не могу вспомнить, что командующий адмирал в Норвегии на самом деле проводил допрос.

Филлимор: Вы видели доклад этого адмирала?

Вагнер: Я не знаю откуда он исходил, но я уверен в том, что я видел подобный доклад.

Филлимор: Вам было ясно, что этот доклад был основан на допросе?

Вагнер: Да, думаю так.

Филлимор: И вы говорите, что не знали, что этого человека – Эванса, спустя почти два месяца после пленения, забрали и расстреляли по приказу фюрера?

Вагнер: Да, я утверждаю, что я не помню этого.

Филлимор: Я приведу вам ещё один пример. Вы помните инцидент в Бордо в декабре 1942?

Милорд, это PS-526. Это тоже сшивка. Изначально его предъявили как экземпляр Соединённых Штатов 502 (USA-502).

[*Обращаясь к свидетелю*] Извиняюсь, это инцидент в Тофтефъорде я

предъявил вам PS-526? Вы помните этот инцидент в Тофтефъорде в марте 1943?

Вагнер: Я помню, что приблизительно в это время вражеский катер был захвачен в норвежском фъорде.

Филлимор: Да. И вы не видели в коммюнике Вермахта «Исполнен приказ фюрера»?

Вагнер: Если это сказано в коммюнике Вермахта, тогда я должен был прочитать это.

Филлимор: У вас есть какие-нибудь сомнения в том, что вы знали, что людей взятых в плен в той атаке расстреляли, и вы знали об этом тогда?

Вагнер: Видимо его застрелили, когда брали в плен.

Филлимор: Если вы посмотрите на документ:

> «Бой с вражеским катером. Катер подорван противником. Экипаж, 2 мертвых, 10 пленных».
>
> Затем ниже:
>
> «Приказ фюрера исполнен СД».
>
> Это означает, что эти 10 человек расстреляли, не так ли?

Вагнер: Должно означать.

Филлимор: Да. Теперь я хочу предъявить вам документ на который ссылался в эпизоде Тронхейма, D-864. Это письменные показания человека ответственного за СД в Бергене и позднее в Тронхейме и это второй параграф:

> «Я получил по телетайпу письмо или радиограмму от командира полиции безопасности и СД Осло, передать Эванса из отеля Тронхейма BdS, Осло.
>
> Я не могу сказать, кто подписал радиограмму или телетайп из Осло. Я не уверен в том кому я передал приказ, но я думаю это был гауптштурмфюрер Голак. Я знаю, что командующий адмирал северного побережья Норвегии лично допрашивал Эванса».

Я снова говорю вам: вы скажите, что лично не знали от адмирала северного побережья о том, что он допрашивал этого человека?

Вагнер: Да, я это утверждаю.

Филлимор: Что же, я рассмотрю с вами ещё один инцидент, о котором вы знали, как показывает ваш журнал боевых действий. Вы посмотрите на документ D-658.

Милорд, этот документ был предъявлен как GB-229.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, это фрагмент из журнала боевых действий СКЛ, не так ли?

Вагнер: Позвольте мне изучить это. У меня нет впечатления, что…

Филлимор: Вчера вы сказали, что это было из журнала боевых действий военно-морского командующего Западной Франции, но я думаю это была ошибка, не так ли?

Вагнер: Вчера я не делал никакого заявления о происхождении журнала боевых

действий.

Филлимор: Прочитаем первую фразу. Думаю это ясно показывает, что это был журнал боевых действий СКЛ.

> «9 декабря 1942. Военно-морской командующий Западной Франции, сообщает» - и затем излагается инцидент. И затем, третья фраза:
>
> Военно-морской командующий Западной Франции, приказал о том, чтобы оба солдата были немедленно расстреляны за попытку саботажа если их допрос, который начался, подтвердит то, что установлено к настоящему времени, однако их казнь отложена для получения дополнительной информации.
>
> Согласно сообщению Вермахта – думаю это неправильный перевод; должно быть: «Согласно коммюнике Вермахта» - оба солдата между тем расстреляны. Мера должна была быть в соответствии с особым приказом фюрера, но вместе с тем это нечто новое в международном праве, поскольку солдаты были в форме».
>
> Это журнал боевых действий СКЛ, не так ли?

Вагнер: Я не думаю, что это журнал боевых действий СКЛ, а скорее это кажется журнал боевых действий командования военно-морской группы Запад или командующего адмирала во Франции.

Филлимор: Что же, я принесу сюда подлинник и выясню вопрос позже, но я предлагаю вам, что это журнал боевых действий СКЛ, который тогда…

Вагнер: Я не могу признать это утверждение до тех пор пока это не подтвердит подлинник.

Филлимор: И я предлагаю вам, что вы, кто был начальником оперативного штаба в то время, должны были полностью знать об этом инциденте.

Вагнер: Я отрицаю – я утверждаю, что не помню об этом деле.

Филлимор: Вы скажите, что это такой вопрос о котором бы вам не докладывали?

Вагнер: Мне сказали о том, что приказ расстрелять этих людей был получен из ставки напрямую СД.

Филлимор: И, наконец, я покажу вам инцидент с пленением семерых моряков, шестерых из норвежского флота и одного из королевского флота, в Ульвене рядом с Бергеном в июле 1943. Это документ D-649 в документальной книге обвинения GB-208.

Вы помните этот инцидент? Вы помните пленение этих семерых людей адмиралом фон Шрёдером его двумя специальными подразделениями?

Вагнер: Я видел эту бумагу во время допроса, и вот почему я её помню.

Филлимор: Но вы помните инцидент?

Вагнер: Нет, не по личным воспоминаниям.

Филлимор: Вы также были начальником оперативного штаба.

Председатель: Какая страница?

Филлимор: Милорд, это страница 67 английской документальной книги, страница 100 в немецкой.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы скажете, что как начальник оперативного штаба не помните ни об одном из этих инцидентов?

Вагнер: Да, я утверждаю и говорю то, что я уже сказал об этом.

Филлимор: Вы как оперативный – ваши командиры не сообщали, когда они брали в плен коммандос?

Вагнер: Я должен признать, что об этих вещах также сообщали в докладах об обстановке.

Филлимор: Итак, вы на самом деле предлагаете, что вы забыли все эти инциденты?

Вагнер: Во всех своих показаниях я строго придерживался того о чём я лично помню.

Филлимор: Вы знаете о том, что случилось с этими людьми? Вам известно, что их взяли в плен в форме, не так ли? Был военно-морской офицер с золотой вязью на руке. Такую нашивку вы используете в германском флоте, не так ли?

Вагнер: Я сказал то, что помню об этом деле.

Филлимор: Что же, позвольте сказать вам и напомнить вам. После допроса военно-морскими офицерами и офицерами СД, которые оба рекомендовали обращение с военнопленными, этих людей флот передал СД для расстрела. Их забрали в концентрационный лагерь и в 4 часа утра их вывели по одному, с завязанными глазами, в кандалах, не сказав о том, что их расстреляют и расстреляли друг за другом из винтовок. Вам это известно?

Вагнер: Нет.

Филлимор: Вы знали о том, что означала передача СД?

Вагнер: Я уже сказал о том, что передача СД подразумевала несколько возможностей.

Филлимор: Вам известно, что их тела затопили во фъорде со взрывчаткой и взорвали, как сказано в документе: «Обычным порядком» - параграф 10 письменных показаний – и их вещи сожгли в концентрационном лагере?

Вагнер: Нет, я это не знаю.

Филлимор: Очень хорошо. Дальше: вы помните, что в марте или апреле 1945, в самом конце войны, вы помните, что этот приказ, приказ фюрера, был отменён Кейтелем?

Это параграф 11 письменных показаний, милорд.

Вы помните это? Прочитайте.

Вагнер: Да, я слышал об этом.

Филлимор: Да. Вы думали, что тогда проиграете войну и вам лучше отменить приказ о коммандос, это не факт?

Вагнер: Я не знаю о причинах отмены ОКВ этих приказов.

Филлимор: Это неправильно: вы не беспокоились об этом приказе в 1942, когда

думали, что победите в войне, но когда вы поняли, что проиграете её, вы начали беспокоится о международном праве. Не это случилось?

Вагнер: Мне абсолютно невозможно изучить этот приказ. Данный параграф приказа коммандос ясно и отчётливо говорит, что эти приказы коммандос – что эти коммандос составляли отчасти уголовные элементы с оккупированных территорий, что они имели приказы убивать пленных которых считали бременем, что другие коммандос имели приказы убивать всех плененных, и что приказ об этом попал в наши руки.

Филлимор: Вы, когда-либо делали какие-нибудь запросы о том правда ли это?

Вагнер: Мне абсолютно невозможно изучать официальную информацию которую я получаю от своих начальников.

Филлимор: Вы были начальником оперативного штаба, вы получали каждый доклад о рейдах коммандос, не так ли?

Вагнер: Я дал подробные показания в каждом отдельном случае, но я не могу сделать общее заявление.

Филлимор: Когда вы были начальником оперативного штаба, вы не получали полный доклад каждый раз, когда был рейд британских коммандос?

Вагнер: Я уже сказал о том, что кажется такие инциденты составляли часть докладов об обстановке СКЛ.

Филлимор: Я предлагаю, что вы могли бы ответить на этот вопрос совершенно прямо, если бы вы хотели. Бывали, у вас как старшего штабного офицера, рейды коммандос. Вы говорите, что лично не видели и не читали полного доклада о каждом таком?

Вагнер: Я это не утверждаю. Я ответил на каждый отдельный вопрос сказав именно то, что я помню.

Филлимор: Вы говорите, что забирать этих людей и расстреливать без суда, не говоря им, что их расстреляют, не дав возможности увидеться со священником, вы говорите, что…

Вагнер: Касательно флота…

Филлимор: Вы скажете, что это не убийство?

Вагнер: Я вообще не хочу это утверждать. Я утверждаю, что мне предположительно говорили о случаях в которых людей расстрелял флот, и я считаю, что те люди которых взяли в плен как саботажников не были солдатами, а преступниками которые согласно со своим преступным…

Филлимор: Давайте выясним. Вы говорите, что акция расстрела этих коммандос во всех этих случаях, была совершенно правильной и оправданной? Я думал вы согласились со мной, что это убийство. Что же это?

Вагнер: Я бы хотел ответить так в каждом отдельном случае.

Филлимор: Это очень простой вопрос, чтобы ответить в целом и занять меньше времени. Вы говорите, что людей взятых в плен в форме нужно было забирать и

расстреливать без суда?

Вагнер: Я не могу считать людей о которых знаю, что они имеют приказы совершать преступления, солдатами, в рамках международного права.

Филлимор: Вы говорите, что данная акция была совершенно уместной – не так ли?

Вагнер: Да, полностью и совершенно.

Филлимор: Расстреливать беспомощных пленных без суда, дурачить малых нейтралов, которые не могут пожаловаться? Такая ваша политика, не так ли?

Вагнер: Вовсе нет.

Филлимор: Какое преступление совершил Роберт Пол Эванс, который атаковал «Tirpitz» двухместной торпедой?

Вагнер: Я убеждён и это доказано, что он принадлежал к саботажной части, и что кроме чисто военно-морского характера атаки на корабль, были другие аспекты которые обозначали его как саботажника.

Филлимор: И сейчас вы говорили, что не помнили инцидент?

Вагнер: Да.

Филлимор: Вы согласитесь с этим, вы согласитесь со мной, что если расстрел СД был убийством, вы и адмирал Дёниц и адмирал Рёдер, которые подписывали приказы согласно которым его совершили, виновны также как люди расстрелявшие их?

Вагнер: За это ответственный человек который отдал приказ.

Филлимор: И тот человек который передал его и одобрял его, это не так?

Вагнер: Я признаю полную ответственность за передачу этого приказа.

Филлимор: Ваша светлость, больше нет вопросов.

Председатель: Полковник Филлимор, D-658 был старым экземпляром, не так ли?

Филлимор: Да, милорд.

Председатель: Вы присвоили новые номера экземпляров всем новым документам?

Филлимор: Я крайне обязан вашей светлости. Я опустил присвоение нового номера экземпляра письменным показаниям Флеша[303].

Председатель: D-864.

Филлимор: D-864. Милорд, это должен быть GB-457. Милорд, виноват. Мне не сказали, но я сделал.

Председатель: И всем остальным вы присвоили номера?

Филлимор: Да, милорд.

Председатель: Очень хорошо. Будет ещё перекрёстный допрос? Тогда, доктор Кранцбюлер желает провести повторный допрос? Доктор Кранцбюлер, я вижу уже почти половина одиннадцатого, поэтому нам лучше прерваться на десять минут.

[*Объявлен перерыв*]

---

[303] Герхард Флеш (1909 — 1948) — оберштурмбаннфюрер СС, командир полиции безопасности и СД в Бергене (с апреля 1940 по октябрь 1941) и Тронхейме (с октября 1941 по май 1945). Казнён по приговору норвежского суда.

Председатель: Перед тем как доктор Кранцбюлер продолжит свой повторный допрос, я объявлю решения трибунала в связи с ходатайствами которые недавно заявили в суде.

Первое ходатайство от имени подсудимого фон Шираха было о свидетеле Гансе Маршалеке для перекрёстного допроса и это ходатайство одобрено.

Второе ходатайство было об опросных листах свидетелю Кауфманну и оно одобрено.

Следующим вопросом было ходатайство от имени подсудимого Гесса о пяти документах, и что касается этого, трибунал распоряжается о том, что два документа о которых ходатайствовали под заголовками B и D в ходатайстве уже опубликованы в «Reichsgesetzblatt[304]» и один из них уже в доказательствах, и следовательно они допущены.

Трибунал считает, что документы о которых ходатайствуют в пунктах C и E ходатайства доктора Зейдля неудовлетворительные и не имеют никакой доказательственной ценности, и поскольку из ходатайства доктора Зейдля не видно к каким вопросам относятся предположительные копии или какие-нибудь подлинные документы, ходатайство отклонено в данном отношении. Однако доктору Зейдлю разрешено приобщить следующие письменные показания Гаусса по поводу его воспоминаний о том, что было в предполагаемых документах.

Ходатайство от имени подсудимого Функа о письменных показаниях свидетеля Каллуса одобрено.

Ходатайство от имени подсудимого Штрайхера отклонено. Ходатайство от имени подсудимого Заукеля во-первых о свидетеле Бидермане одобрено, и во-вторых о четырех документах, это ходатайство также одобрено.

Ходатайство от имени подсудимого Зейсс-Инкварта об опросном листе доктору Штуккарту одобрено.

Ходатайство от имени подсудимого Фрика одобрено об опросном листе свидетелю доктору Конраду.

Ходатайство от имени подсудимого Геринга в связи с двумя свидетелями одобрено в том смысле, что свидетелей нужно известить.

Ходатайство от имени подсудимых Гесса и Франка об официальной информации из военного министерства Соединённых Штатов Америки отклонено.

На этом всё.

Кранцбюлер: Я бы хотел задать вам ещё один вопрос по предмету приказа коммандос.

Штаб руководства войной на море играл какую-нибудь роль во введении данного приказа?

---

[304] «Правительственная газета» — газета правительства Германии издававшаяся с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.

Вагнер: Нет, вообще никакой роли.

Кранцбюлер: Вы, штаб руководства войной на море имели какую-нибудь возможность, либо до или во время подготовки приказа, изучить корректность характеристик указанных в параграфе 1 приказа?

Вагнер: Нет, такой возможности не существовало.

Кранцбюлер: Здесь обсуждали обращение с человеком который атаковал «Tirpitz» двухместной торпедой в октябре 1942. Вы знали о том, что годом позже, осенью 1943, была новая атака на «Tirpitz» двухместными торпедами, и что с британскими моряками которых взяли в плен флот который взял их в плен, обращался в соответствии с Женевской конвенцией.

Вагнер: Вторая атака на «Tirpitz» мне известна. Я не помню обращение с пленными.

Кранцбюлер: Вы упоминали, что штаб руководства войной на море получал доклады о заявлениях сделанных людьми из частей коммандос. С какого аспекта эти доклады интересовали штаб руководства войной на море? Вас интересовали оперативные вопросы или персональная судьба людей?

Вагнер: Естественно нас интересовали тактические и оперативные проблемы для того, чтобы мы могли собрать опыт и сделать из них выводы.

Кранцбюлер: Вы можете на самом деле вспомнить такой доклад?

Вагнер: Нет.

Кранцбюлер: Сейчас вам показали документ об обращении с отрядом коммандос взятым в плен в норвежском фьорде. Это номер PS-526. У вас еще есть этот документ?

Вагнер: Возможно, здесь лежат какие-то документы.

Кранцбюлер: Вы посмотрите на этот документ. Я вручу вам документальную книгу. В третьем абзаце вы найдете ссылку на тот факт, что этот отряд коммандос имел 1000 килограмм взрывчатки. Это верно?

Вагнер: Да.

Кранцбюлер: Вы поняли мой вопрос?

Вагнер: Я ответил: «Да».

Кранцбюлер: Извиняюсь, я вас не расслышал.

В пятом абзаце вы найдете, что подразделение коммандос имело приказы проводить саботаж против укреплённых пунктов, позиций батарей, войсковых бараков и мостов и организовать систему с целью дальнейшего саботажа. Это правильно?

Вагнер: Да.

Кранцбюлер: Эти задачи имели какое-нибудь отношение к флоту?

Вагнер: Нет.

Кранцбюлер: Вы можете видеть, какое-либо указание во всём документе, которое бы предполагало, что флот вообще имел какое-нибудь отношение к плену или обращению с этим подразделением коммандос?

Вагнер: Нет, документ не содержит подобного указания.

Кранцбюлер: Этим утром вас спросили о случае с «Monte Corbea». В связи с военно-полевым производством против командира, главнокомандующий флотом адмирал Рёдер тогда направил радиограмму всем командирам. Данная радиограмма зафиксирована в документе Дёниц-78 в документальной книге, том 4, страница 230. Я прочитаю вам эту радиограмму.

> «Главнокомандующий флотом лично и прямо повторяет свои указания о том, что все командиры подводных лодок должны строго придерживаться приказов по обращению с нейтральными судами. Любое нарушение этих приказов имеет бесчётные политические последствия. Данный приказ немедленно довести до всех командиров».

Вы видите какое-нибудь предложение о том, что приказ ограничивался испанскими судами?

Вагнер: Нет, в этом приказе нет такого предложения.

Кранцбюлер: Я предъявляю вам документ который использовался вчера, D-807. Он касается нот норвежскому правительству о потоплении нескольких пароходов и содержит проекты этих нот от высшего командования флотом. Данный документ приводит к какому-либо вообще указанию на то, что ноты на самом деле направили, или невозможно сказать из проектов, что сами ноты никогда не направлялись?

Вагнер: Поскольку нет никаких инициалов или подписей ни на одном из этих писем, это могут быть проекты. В любом случае, доказательство того, что их на самом деле направили не видно из данного документа.

Председатель: Вы указали нам номер страницы?

Кранцбюлер: Господин председатель, это предъявляли вчера. Этого нет ни в какой документальной книге.

Председатель: Да, я понимаю.

Кранцбюлер: Я прочту вам первую фразу из ещё одного документа, который предъявили вам вчера. Это номер D-846 и речь идёт о дискуссии с германским посланником в Дании, Ренте-Финком[305] от 26 сентября 1939. Я прочитаю вам первую фразу:

> «Потопление шведских и финских судов нашими субмаринами вызвало здесь значительную озабоченность в связи датскими продовольственными транспортами в Великобританию».

Данный доклад даёт какое-нибудь указание на то, что эти потопления состоялись без предупреждения, или эти суда были потоплены из-за захвата на них контрабанды во время законного обыска?

Вагнер: Фраза которую вы сейчас прочитали не показывает то как были потоплены

[305] Сесил фон Ренте-Финк (1885 – 1964) – германский дипломат. Посланник Германии в Дании с 1936 по 1940. В 1940-1942 уполномоченный Рейха в оккупированной Дании.

эти суда. Насколько я помню вчерашний документ, он не содержит никакой ссылки на способ которым были потоплены эти суда, таким образом нужно полагать, что само собой их потопили в соответствии с призовыми правилами.

Кранцбюлер: Вчера вас спросили о том рассматривали ли вы германскую ноту нейтральным странам от 24 ноября 1939 честным предупреждением против вхождения в определённые воды и вы ответили на вопрос утвердительно. Это правильно?

Вагнер: Да.

Кранцбюлер: И затем вас спросили обманывали ли вы нейтралов, и вы ответили на этот вопрос: «Нет». Данный отрицательный ответ относится к предыдущему вопросу о предупреждении против плавания в определённых водах или он ссылается на все политические меры в отношении нейтральных государств которые германское правительство предпринимало для того, чтобы скрыть собственные политические намерения?

Вагнер: Ответ в этом контексте ссылался на предыдущие вопросы, которые задали про надлежащее предупреждение нейтралов о мерах которым мы следовали в войне на море.

Кранцбюлер: Я хочу это выяснить. У вас есть какие-нибудь сомнения о каком угодно предлоге о минных полях в оперативных зонах вокруг британского побережья служившем не только с целью обмана вражеской обороны, но также с политической целью сокрытия от нейтралов вооружений которые мы использовали в войне на море?

Вагнер: Да, я прямо подтверждаю такую двоякую цель.

Кранцбюлер: Двоякую цель секретности?

Вагнер: Да.

Кранцбюлер: У вас есть какие-нибудь сомнения о том, что германское правительство отрицало нейтральным правительствам, что определенные суда были потоплены подводными лодками, хотя фактически их потопили подводные лодки.

Вагнер: Да. Или скорее, нет. Я не сомневаюсь в том, что отрицания формулировались таким образом, как общепринятая политическая мера принимаемая во всяком случае.

Кранцбюлер: Вчера вы признали возможность того, что адмирал Дёниц, командир подводных лодок, мог иметь сведения от штаба руководства войной на море о разрешении политических инцидентов вызванных подводными лодками. Вы можете, после тщательного воспоминания, назвать единстенный пример, когда он фактически получал от СКЛ информацию о принятых политических мерах?

Вагнер: Нет, я не помню никакой такой пример.

Кранцбюлер: У меня больше нет вопросов.

Симерс: Адмирал, вы объяснили основу приказа о коммандос, что касалось штаба руководства войной на море, сославшись на ясные утверждения Гитлера о том, что

он имел в своём распоряжении приказы говорившие о том, что пленных нужно было убивать. В связи с этим приказом о коммандос полковник Филлимор очень подробно рассматривал дело британского моряка Эванса. По моему мнению этот случай не выяснили. Полковник Филлимор говорил об убийстве солдата. Я думаю, что несмотря на солидность документов, обвинение ошиблось в фактах, также в юридическом отношении. Вы снова посмотрите на оба документа, документ D-864…

Господин председатель, это экземпляр GB-457, обсуждавшийся полковником Филлимором этим утром.

Это письменные показания Герхарда Флеша. Обвинение процитировало фразу которая заявляет о том, что командующий адмирал северного побережья Норвегии лично допрашивал Эванса. Адмирал Вагнер, эта фраза показывает, что Эванс был пленным флота?

Вагнер: Нет.

Симерс: Какой была ситуация согласно письменным показаниям Флеша? Будьте любезны разъяснить это?

Вагнер: Согласно второму абзацу этих письменных показаний, Эванс должен был быть в руках СД.

Симерс: Правильно.

И, господин председатель, могу я добавить, что в начале письменных показаний Флеш заявляет о том, что он был командиром полиции безопасности. Полиция безопасности захватила Эванса, следовательно он был заключённым СД.

[*Обращаясь к свидетелю*] Следовательно, правильно, что британский моряк Эванс был доступен германскому адмиралу в Норвегии с единственной целью допроса?

Вагнер: Несомненно.

Симерс: И адмирала просто интересовал его допрос, чтобы получить чисто фактическую информацию об атаке на «Tirpitz». Правильно?

Вагнер: Совершенно верно.

Симерс: Могу я попросить вас взглянуть на следующий параграф письменных показаний D-864? Там сказано об одежде Эванса:

> «Мне неизвестно о том, что Эванс был в форме. Насколько я помню, он носил синий комбинезон».

Это означает, что Эванса не признали за солдата?

Вагнер: Нет, наверное, нет.

Симерс: Вы перейдете к документу UK-57 предъявленному полковником Филлимором?

Господин председатель, это экземпляр GB-164 и должен быть в подлинной документальной книге Кейтеля, но я думаю его заново предъявили сегодня.

[*Обращаясь к свидетелю*] У вас есть фотокопия, не так ли?

Вагнер: Да.

Симерс: Пожалуйста, перейдите к четвёртой странице. Во-первых, вопрос: возможно, что этот документ был известен штабу руководства войной на море? Документ указывает на то, что его направили в штаб руководства войной на море?

Вагнер: Это записи о неформальных совещаниях из ОКВ которые видимо не направляли в штаб руководства войной на море.

Симерс: Если я правильно понимаю, это документ из разведывательной службы ОКВ, не так ли?

Вагнер: Да. Правильно.

Симерс: Под цифрой 2 сказано: «попытка атаки на линкор «Tirpitz». Первая часть оглашалась полковником Филлимором:

«Трое англичан и двое норвежцев задержаны на шведской границе».

Можно, в силу этого, сказать, что они предположительно были задержаны полицией, а не Вермахтом?

Вагнер: Предположительно, да. Разумеется не флотом, а наверное полицией, которая контролировала границы, насколько я знаю.

Симерс: Адмирал, вы не думаете, что это не только вероятно, а точно, если вы вернётесь к письменным показаниям Флеша от 14 ноября, командира полиции безопаности, который доставил Эванса с границы в Осло?

Вагнер: Если вы сопоставите это, тогда я считаю, это точно, я не думаю, что в этом есть какое-нибудь сомнение.

Симерс: Тогда вы посмотрите на следующую фразу?

Господин председатель, это цифра 2, последняя фраза первого абзаца. Я цитирую:

«Удалось взять только одного одетого в гражданскую одежду британского моряка Роберта Пола Эванса» - родившегося такого-то и такого-то числа - «под арест. Остальные скрылись в Швеции».

Таким образом, думаю мы можем точно полагать, что Эванса не признали за солдата.

Вагнер: Да, без сомнения.

Симерс: Затем, вы посмотрите на следующую фразу. Здесь сказано – я цитирую:

> «Эванс имел пистолетную кобуру для использования оружия под мышкой, и имел кастет».

Максвелл-Файф: Милорд, в английской копии ничего не сказано о гражданской одежде. Я не хочу ошибиться, но этого нет в моей копии.

Председатель: Боюсь у меня другой документ.

Максвелл-Файф: Милорд, английская копия, та, что у меня: «Однако, только британского моряка, Роберта Пола Эванса родившегося 14 января 1922 в Лондоне смогли арестовать. Остальные скрылись в Швеции».

Милорд, думаю это можно потом проверить.

Председатель: Точную ссылку на документ?

Максвелл-Файф: Милорд, это был документ UK-57 и это доклад из ОКВ, управления Ausland Abwehr[306], от 4 января 1944.

Председатель: Полковник Филлимор предъявлял его этим утром?

Максвелл-Файф: Милорд, я это предъявил, думаю это было – конечно в перекрёстном допросе подсудимого Кейтеля. Это было раньше, милорд.

Председатель: Понятно, его уже приобщили.

Симерс: Я был бы благодарен трибуналу если бы ошибку устранили в английском переводе. В немецком подлиннике включена фотокопия, таким образом формулировка «в гражданской одежде» должна быть исправлена.

Свидетель, мы обсуждаем фразу – я цитирую:

> «Эванс имел пистолетную кобуру для использования оружия под мышкой, и имел кастет».

Как это относится к тому факту, что он носил гражданскую одежду?

Вагнер: Это показывает, что он…

Симерс: Сэр Дэвид, хотел, чтобы я прочитал и следующую фразу:

> «Силовые акты вопреки международному праву нельзя доказать в отношении него. Эванс дал подробное заявление об акции и 19 января 1943 в соответствии с приказом фюрера был расстрелян».

Как это соотносится с тем фактом, что он носил гражданскую одежду? Это показывает, что он не действовал так как должен действовать солдат на вражеской территории?

Председатель: Секундочку. Трибунал считает это правовым вопросом о котором должен решить трибунал, а не вопросом к свидетелю.

Симерс: Тогда, я отзываю вопрос.

Могу я попросить вас перейти к следующей странице документа и вернуться к случаю в Бордо, похожему случаю который уже обсуждали. Вы уже объясняли случай Бордо постольку поскольку, сказали, что штаб руководства войной на море не был информирован об этом. Сейчас я обращаю ваше внимание на фразу внизу страницы 3:

> «После осуществления подрывов, они потопили лодки и попытались, при помощи французского гражданского населения, сбежать в Испанию».

Таким образом, люди о которых идёт речь в этой операции тоже не действовали как солдаты?

Вагнер: Это, согласно документа, совершенно ясно.

Симерс: Спасибо, и теперь последний вопрос. В конце допроса, полковник Филлимор спросил вас, считали ли вы гросс-адмирала Рёдера и гросс-адмирала Дёница виновными в обсуждавшихся случаях, виновными в этих убийствах как он

[306] «Зарубежная контрразведка» (нем.)

их обозначил? Я хотел дальше разъяснить эти случаи и хотел бы вашего ответа.
Вагнер: Я считаю, что оба адмирала не виновны в этих двух случаях.
Симерс: Больше нет вопросов.
Латернзер: Адмирал, во время перекрёстного допроса вы объясняли свои взгляды на приказ о коммандос. Я хотел спросить вас: ваши взгляды, возможно, основаны на предположении, что приказ изучался вышестоящим начальством на предмет обоснованности перед международным правом?
Вагнер: Да. Я полагал, что обоснованность приказа изучалась моими начальниками.
Латернзер: Кроме того, во время перекрёстного допроса, вы заявили о своей концепции о том, что происходило с человеком передаваемым СД. Я хотел спросить вас: вы уже имели такую концепцию в то время, или она возникла на основе большого материала который стал вам известен?
Вагнер: Нет вопроса о том, что на концепцию значительно повлияли сведения из большого количества материалов.
Латернзер: Таким образом, вы, в то время имели ясную концепцию о том, что передача человека СД конечно означала смерть?
Вагнер: Нет, у меня не сложилось такой концепции.
Латернзер: Итак, несколько вопросов о снаряжении частей коммандос. Вы не знаете о том, что автоматическое оружие обнаруживали у некоторых членов этих частей и что в частности, пистолеты носили таким образом, чтобы в случае захвата, когда человек поднимал руки, такое движение автоматически приводило к выстрелу который бы попал в человека стоящего напротив человека с поднятыми руками? Вам, что-нибудь об этом известно?
Вагнер: Я слышал об этом.
Латернзер: Вы не видели фотографий этого?
Вагнер: Сейчас я не могу вспомнить такие фотографии.
Латернзер: Немцы тоже проводили саботажные операции во вражеских странах?
Председатель: Какое это имеет отношение к этому, доктор Латернзер?
Латернзер: Я хотел установить с помощью этого вопроса имел ли свидетель сведения о германских саботажных операциях, и кроме того, о том получал ли он доклады об обращении с саботажными частями.
Председатель: Это именно то, что мы уже не допустили.

Вы не предлагаете, что эти акции были предприняты посредством репрессалий за то как обращались с германскими саботажными частями? Мы здесь не судим никакие другие державы за совершение нарушений международного права или преступления против человечности или военные преступления, мы судим здесь подсудимых.

Трибунал распорядился о том, что такие вопросы нельзя задавать.
Латернзер: Господин председатель, я не знаю, что за ответ даст свидетель. Я просто хотел, в случае о котором я не знаю…

Председатель: Мы хотели знать почему вы задали вопрос. Вы сказали, что задали вопросы для того, чтобы установить обращались ли с германскими саботажными частями способом противоречащим международному праву или слова об этом, и этот вопрос не относится к делу.

Латернзер: Но, господин председатель, это бы по крайней мере показало, что существовали сомнения в интерпретации международного права в отношении таких операций и это бы имело значение в отношении применения закона.

Председатель: Трибунал распоряжается о том, что вопрос недопустим.

Латернзер: Свидетель, вы также заявили во время перекрёстного допроса о том, что до 1944 вы были начальником оперативного управления штаба руководства войной на море. Вы можете дать информацию о том насколько сильными были германские военно-морские силы или военно-морские транспортные суда в Чёрном море?

Вагнер: Сила военно-морских сил и транспортных судов в Чёрном море была очень слабой.

Латернзер: Для каких целей они в основном требовались?

Вагнер: Для наших пополнений и их защиты.

Председатель: Доктор Латернзер, как это вытекает из перекрёстного допроса? Вы сейчас повторно допрашиваете, и вы вправе задавать вопросы которые вытекают из перекрёстного допроса. Не было никаких вопросов в связи с Чёрным морем.

Латернзер: Господин председатель, во время перекрёстного допроса я узнал о том, что свидетель долгое время был начальником оперативного управления и сделал из этого вывод, что он один из немногих свидетелей которые могли бы дать информацию о фактах очень серьёзных обвинений предъявленных русским обвинением, а именно, обвинение в том, что 144 000 человек погрузили на германские суда, что в Севастополе эти суда вышли в море и взорвали, и что военнопленных на судах утопили. Свидетель может прояснить этот вопрос в какой-то мере.

Председатель: Доктор Латернзер, вы знали, когда свидетель давал показания адвокату, какой была его должность, и таким образом, вы, могли бы сами его перекрёстно допросить в соответствующее время. Теперь вы повторно допрашиваете его, вы вправе только – потому что мы не можем тратить время суда – вы только вправе задавать ему вопросы которые вытекают из перекрёстного допроса. По мнению трибунала данный вопрос не вытекает из перекрёстного допроса.

Латернзер: Господин председатель, вы, в качестве исключения допустите этот вопрос?

Председатель: Нет, доктор Латернзер, трибунал предоставил вам большую свободу и мы не можем продолжать так делать.

Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Вы закончили, не так ли, доктор Кранцбюлер, с этим свидетелем?
Кранцбюлер: Да.
Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Кранцбюлер: Сейчас я хочу вызвать своего следующего свидетеля, адмирала Годта.

[*Свидетель Годт занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?
Годт: Моё имя Эберхард Годт.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу, чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Кранцбюлер: Адмирал Годт, когда вы поступили на флот как офицер-кадет?
Годт: 1 июля 1918.
Кранцбюлер: Сколько вы работаете с адмиралом Дёницем, и в какой должности?
Годт: С января 1938, прежде всего как офицер адмиралтейства при командире подводных лодок, и сразу же после начала войны как начальник оперативного отдела.
Кранцбюлер: Начальником оперативного отдела при начальнике субмарин?
Годт: Да, при начальнике субмарин, позднее флагмане подводных лодок.
Кранцбюлер: Вы сотрудничали с 1938 в подготовке всех оперативных приказов разрабатываемых флагманом подводных лодок?
Годт: Да.
Кранцбюлер: Сколько офицеров было в этом штабе к началу войны?
Годт: В начале войны было четверо офицеров, один главный инженер и два административных офицера этого штаба.
Кранцбюлер: Я покажу вам документ GB-83 из документальной книги обвинения на странице 16, которая письмо командира подводных лодок от 9 октября 1939. Оно ссылается на базы в Норвегии. Как возникло это письмо?

Годт: Тогда я посетил штаб руководства войной на море в Берлине по другим делам. В связи с этим визитом меня спросили заинтересован ли командир подводных лодок в базах в Норвегии и какие требования следует предъявлять в связи с этим.

Кранцбюлер: Вас информировали о том как базы в Норвегии должны были обеспечить для использования германским флотом?

Годт: Нет.

Кранцбюлер: Обвинение процитировало фрагмент из журнала боевых действий штаба руководства войной на море датированное тем же периодом.

Господин председатель, думаю этот фрагмент воспроизведен на странице 15 документальной книги.

[*Обращаясь к свидетелю*] Этот фрагмент содержит четыре вопроса. Вопросы (a) и (d) рассматривают технические детали о базах в Норвегии, в то время как (b) и (c) касаются возможности получения таких баз вопреки воле норвежцев, и вопроса их обороны.

Какие из этих вопросов вам задали?

Годт: Могу я попросить вас прежде всего детальнее повторить вопрос.

Кранцбюлер: Первый вопрос: какие места в Норвегии можно было считать базами?

Годт: Этот вопрос задавали.

Кранцбюлер: Вы покажите мне из письма командира подводных лодок, был ли дан ответ на вопрос и где этот ответ?

Годт: На вопрос был дан ответ в номере 1(с) в конце номера 1.

Кранцбюлер: Здесь сказано: «Тронхейм или Нарвик возможные места».

Годт: Да, правильно.

Кранцбюлер: Вопрос номер 2: «Если возможно получить эти базы без боевых действий, это можно сделать вопреки воле норвежцев в результате использования силы?». Это вопрос задавали?

Годт: Нет.

Кранцбюлер: Вы можете сказать мне, был ли дан ответ на этот вопрос в письме от командира подводных лодок?

Годт: На этот вопрос ответ на давали.

Кранцбюлер: Третий вопрос: «Каковы возможности обороны после оккупации?». Этот вопрос вам задавали?

Годт: Нет, этот вопрос не задавали.

Кранцбюлер: На него ответили в письме?

Годт: III-d ссылается на необходимость предпринять оборонительные меры.

Кранцбюлер: Эта ссылка связана с четвёртым вопросом, который я задаю сейчас:

> «Нужно будет развивать гавани в высшей мере как базы или они уже предоставляют решающие преимущества как возможные пункты снабжения»?

Годт: Эти два вопроса не связаны.

Кранцбюлер: Это был четвёртый вопрос заданный вам?
Годт: Да.
Кранцбюлер: На него ответили?
Годт: Не в этом письме.
Кранцбюлер: В чём значение цифр II и III? Они не отвечают на вопрос о том нужно ли было развивать эти порты как базы или же их можно было использовать как пункты снабжения?
Годт: Они указывают на то, что считалось нужным для того, чтобы развивать их в высшей степени как базы.
Кранцбюлер: Пожалуйста, вы прочитаете последнюю фразу документа? Здесь сказано: «Создание пункта снабжения топливом в Нарвике в качестве альтернативного пункта снабжения». Это не ответ на вопрос о том достаточно ли пункта снабжения?
Годт: Да, я просмотрел эту фразу.
Кранцбюлер: Могу я следовательно суммировать, сказав о том, что первый и четвёртый вопросы заданы вам и на которые вы дали ответ, в то время как 2 и 3 вам не ставили и вы на них не отвечали?
Годт: Да.
Кранцбюлер: В журнале боевых действий штаба руководства войной на море есть запись говорящая: «Командир подводных лодок считает такие порты крайне ценными даже в качестве временных баз снабжения и снаряжения для атлантических подводных лодок». Эта запись означает, что адмирал Дёниц работал над этим вопросом до вашего визита в Берлин: или в чём заключалась причина записи?
Годт: Это было моё собственное мнение, которое я был вправе указать как начальник оперативного отдела.
Кранцбюлер: Это был первый раз, что планы о базах довели до вашего сведения?
Годт: Нет. Мы рассматривали вопрос о том можно ли улучшить положение со снабжением подводных лодок используя корабли – в Исландии, например.
Кранцбюлер: Эти соображения каким-то образом связаны с вопросом о том нужно ли начинать войну против какой-то страны?
Годт: Нет.
Кранцбюлер: Я покажу вам документ GB-91. Это на странице 18 документальной книги обвинения. Это оперативный приказ изданный командиром подводных лодок 30 марта 1940 и рассматривающий норвежское предприятие. Это правда, что это ваш оперативный приказ?
Годт: Да.
Кранцбюлер: За сколько дней до начала норвежской акции был издан этот приказ?
Годт: Приблизительно за десять дней.
Кранцбюлер: Параграф II, пункт 5, содержит следующую фразу: «Во время входа в

гавань и до высадки войск, военно-морские силы вероятно будут идти под британским военно-морским знаменем, за исключением Нарвика». Это приказ отданный командиром подводных лодок, субмаринам под его командованием?

Годт: Нет. Этот фрагмент находится под заголовком: «Информация о наших боевых силах».

Кранцбюлер: И в чём смысл такого изложения?

Годт: Это означает, что подводные лодки проинформировали о том, что при определённых обстоятельствах наши военно-морские части могут ходить под другими флагами.

Кранцбюлер: Зачем это было нужно?

Годт: Это было нужно, чтобы предотвратить возможные ошибки в опознании.

Кранцбюлер: В этом приказе есть какие-то другие ссылки на ошибки при опознании?

Годт: Да.

Кранцбюлер: Где?

Годт: В параграфе IV, пункте 5.

Кранцбюлер: Вы будете любезны это прочитать?

Годт: Здесь сказано: «Берегитесь перепутать наши собственные подразделения с вражескими силами».

Кранцбюлер: Только эта фраза. Этот приказ инструктировал подводные лодки атаковать норвежские базы?

Годт: Нет.

Кранцбюлер: Пожалуйста укажите, что в приказе говорит об этом?

Годт: IV, a2 говорит: «Следует атаковать только вражеские военно-морские силы и войсковые транспорты».

Кранцбюлер: Что подразумевалось под «вражескими» силами?

Годт: «Вражескими» силами были британцы, французы и русские – нет, не русские. Он продолжает: «Нельзя предпринимать никакой акции против норвежских и датских сил до тех пор пока они не атакуют наши силы».

Кранцбюлер: Вы посмотрите на параграф VI-c?

Годт: Параграф VI говорит: «Пароходы можно атаковать только, когда они без сомнения опознаны как вражеские пароходы и войсковые транспорты».

Кранцбюлер: Командира подводных лодок информировали о политической акции предпринятой в отношении инцидентов вызванных субмаринами?

Годт: Да.

Кранцбюлер: Каким образом?

Годт: Подводные лодки имели приказы немедленно сообщать по радио в случае инцидентов и позднее дополнять доклад.

Кранцбюлер: Не думаю, что вы полностью поняли мой вопрос. Я спросил вас, командира подводных лодок информировали о том как инцидент вызванный

субмариной позднее нужно урегулировать с нейтральным правительством?
Годт: Нет, как правило нет.
Кранцбюлер: Вы можете вспомнить какой-нибудь отдельный случай в котором его информировали?
Годт: Я помню случай испанского парохода «Monte Corbea». Позднее я узнал, что Испании пообещали репарации. Сейчас я не могу вспомнить получал ли я информацию через официальные каналы или же случайно услышал об этом.
Кранцбюлер: Я хочу установить даты определённых приказов который я уже представил трибуналу. Я покажу вам действующий приказ номер 171, который на странице 159 тома III документальной книги. От какой даты был издан этот приказ?
Годт: Сначала мне нужно не него посмотреть.
Кранцбюлер: Пожалуйста.
Годт: Этот приказ должен был появится зимой 1939-1940. Наверное, 1939.
Кранцбюлер: Из-чего вы пришли к такому выводу?
Годт: Я руководствуюсь ссылкой сделанной в 4а про снаряжение глубинными бомбами. Такое было на более позднем этапе. Я также понимаю из ссылки сделанной в 5b на перестановку мачт и цветные огни, нечто, что тогда сформулировали впервые.
Кранцбюлер: Вы можете назвать нам точный месяц в 1939?
Годт: Я полагаю, что это был ноябрь.
Кранцбюлер: Я собираюсь показать вам ещё один приказ, действующий военный приказ номер 132. Это видно на странице 226 в томе IV моей документальной книги. До сих пор все, что мы знаем это то, что данный приказ был издан до мая 1940. Вы можете указать нам более точную дату?
Годт: Этот приказ должен был быть издан приблизительно в то же самое время, как и первый, то есть, приблизительно в ноябре 1939.
Кранцбюлер: Спасибо. Как было организовано на практике ведение подводной войны командиром подводных лодок? Вы объясните нам это?
Годт: Все приказы основывались на вопросах международного права, и т.д., исходивших из штаба руководства войной на море. Штаб руководства войной на море также оставлял за собой право определять локализацию центра операций – например, распределение подводных лодок на атлантическом театре, средиземноморском театре и северном театре. В этих различных районах операции подводных лодок в целом, полностью находились на усмотрении командира подводных лодок.
Кранцбюлер: Действующие приказы подводным лодкам отдавали устно или письменно?
Годт: Письменно.
Кранцбюлер: Не было также устных приказов?
Годт: Устные указания лично даваемые командиром подводных лодок, играли

особую роль и рассчитывали на личное влияние на командиров, а также в качестве пояснений к содержанию письменных приказов.

Кранцбюлер: По каким поводам оказывалось такое личное влияние?

Годт: В частности, когда командиры делали доклады после каждой акции. Должно быть очень немного командиров которые не делали личный и подробный доклад командиру подводных лодок после похода.

Кранцбюлер: Было возможно, что письменные приказы изменялись во время устной передачи, или даже менялись на противоположные?

Годт: Такая возможность могла существовать, но на самом деле такое никогда не происходило.

Кранцбюлер: Когда они делали устные доклады, командиры рисковали высказывать мнения которые не сходились с мнениями командира подводных лодок?

Годт: Абсолютно. Командир подводных лодок даже просил своих командиров высказывать ему своё собственное мнение в каждом случае, для того, чтобы он мог поддерживать прямой личный контакт с ними и таким образом оставаться в близком контакте с событиями на фронте, для того, чтобы он мог правильно вести дела, при необходимости.

Кранцбюлер: Такой личный контакт использовался для устной передачи сомнительных приказов?

Годт: Нет.

Кранцбюлер: Обвинение утверждает, что существовал приказ – видимо устный приказ – запрещавший внесение в журнал мер которые считались сомнительными или неоправданными с точки зрения международного права. Такой общий приказ существовал?

Годт: Нет, не было никакого общего приказа. В определённых случаях, я могу вспомнить два – был отдан приказ опустить определённые вопросы в журнале.

Кранцбюлер: О каких случаях вы помните?

Годт: Первым был случай «Athenia» и вторым было потопление германской подводной лодкой, прорвавшегося из Японии через блокаду, германской субмариной.

Кранцбюлер: Перед тем как я попрошу вас привести мне подробности, я хочу узнать о причине исключения таких вопросов из журнала.

Годт: Это делалось по причинам секретности. Журналы подводных лодок видело очень много людей: во-первых, на тренировочных станциях службы подводных лодок; и во-вторых, в многочисленных ведомствах высшего командования. Особое внимание нужно было уделять секретности.

Кранцбюлер: Сколько копий каждого журнала боевых действий подводной лодки делали?

Годт: Должен сказать от шести до восьми копий.

Кранцбюлер: Исключение такой записи в журнале означает, что все документальные доказательства в каждом ведомстве уничтожали или же определённые ведомства хранили эти документы?

Годт: Эти записи получал командир подводных лодок, и наверное также штаб руководства войной на море.

Кранцбюлер: Был действующий военный приказ предписывающий обращение с инцидентами?

Годт: Да.

Кранцбюлер: О чём было содержание?

Годт: Он говорил о том, что об инцидентах нужно немедленно докладывать по радио и что позднее нужно делать дополняющий доклад, как письменно или словами.

Кранцбюлер: Данный действующий приказ содержит какой-нибудь намёк на исключение таких инцидентов в журнале?

Годт: Нет.

Кранцбюлер: Будьте любезны сказать мне о том как такое изменение произвели в журнале в связи со случаем «Athenia»?

Годт: В случае «Athenia» оберлейтенант Лемп сообщил при возвращении, что он торпедировал это судно, предположив, что это вспомогательный крейсер. Я не могу сказать вам точно, было ли это в первый раз, что я понял, что существует такая возможность или же мысль о том, что его могла торпедировать германская субмарина уже принимали во внимание. Лемпа направили в Берлин, чтобы сделать доклад и была приказана абсолютная секретность в данном деле.

Кранцбюлер: Кем?

Годт: Штабом руководства войной на море, после издания временного приказа нашим отделом. Я приказал о том, чтобы данный факт нужно было удалить из журнала боевых действий подводной лодки.

Кранцбюлер: И это, конечно же было сделано по приказам адмирала Дёница?

Годт: Да, или я приказал по его указаниям.

Кранцбюлер: Вы принимали участие в дальнейшем обращении с этим инцидентом?

Годт: Только в отношении вопроса о том нужно ли наказывать Лемпа. Насколько я помню, командир подводных лодок предпринял в отношении него только дисциплинарную акцию, потому что в его пользу было то, что инцидент случился в первые часы войны, и говорилось, что в своём волнении он внимательно не изучил характер судна как можно было сделать.

Кранцбюлер: Я правильно понял, что вы говорите, что подробные документальные доказательства в связи с потоплением «Athenia» оставались как у командира подводных лодок, и как вам кажется, у штаба руководства войной на море?

Годт: Я могу уверено сказать только насчёт командира подводных лодок. Так было в этом случае.

Кранцбюлер: Вы говорили о втором случае где изменили судовой журнал. Что это за случай?

Годт: Инцидент был следующий: германский блокадопрорыватель, то есть, торговое судно на обратном пути из Японии, случайно торпедировала германская субмарина и он затонул в Северной Атлантике. Данный факт исключили из журнала.

Кранцбюлер: Таким образом это всего лишь вопрос сокрытия от германских ведомств?

Годт: Да. Насколько мне известно, британцы узнали о фактах из спасательных шлюпок и эти факты нужно было скрыть от экипажей других блокадопрорывателей.

Кранцбюлер: Документы предъявленные трибуналу защитой показывают, что до осени 1942, германские подводные лодки насколько возможно предпринимали шаги спасать экипажи не учитывая безопасность подводных лодок и собственную задачу. Это согласуется с вашим собственным опытом?

Годт: Да.

Кранцбюлер: Я хочу задать несколько вопросов в связи с так называемым приказом «Laconia» который все же требует прояснения. Я ссылаюсь на документ GB-199. Как вам известно, обвинение называет этот приказ приказом убивать выживших. Кто сформулировал этот приказ?

Председатель: Где это?

Кранцбюлер: Это документальная книга обвинения на странице 36, господин председатель.

Годт: Не могу сказать точно. В целом, такой приказ обсуждал командир подводных лодок, офицер адмиралтейства, и лично я; командир подводных лодок решил об общих условиях приказа и тогда он был сформулирован одним из нас. Вполне возможно, что я лично сформулировал приказ.

Кранцбюлер: Но, в любом случае, адмирал Дёниц подписал его, не так ли?

Годт: Должно быть, да.

Кранцбюлер: Адмирал Дёниц, думал, что он вспомнил, что вы и капитан Гесслер возражали этому приказу. Вы тоже помните это, и если так, почему вы были против него.

Годт: Я это не помню.

Кранцбюлер: В чём заключался смысл приказа?

Годт: Смысл приказа был ясным. Он запрещал попытки спасения.

Кранцбюлер: Почему это не было запрещено ссылкой на действующий военный приказ номер 154, который был издан зимой 1939-1940?

Председатель: Доктор Кранцбюлер, разумеется письменный приказ должен говорить сам за себя. До тех пор пока нет какого-то нелитературного смысла в конкретном слове использованном в приказе, приказ следует интерпретировать согласно обычному смыслу слов.

Кранцбюлер: Я не предлагаю далее исследовать вопрос, господин председатель.

[*Обращаясь к свидетелю*] Я хочу повторить свой последний вопрос. Почему, вместо того, чтобы издавать новый приказ, они просто не сослались для командиров на действующий военный приказ номер 154, который издали зимой 1939-1940?

Господин председатель, документ GB-196, на странице 33 документальной книги обвинении.

Вы помните этот приказ, не так ли. Я вам его показывал.

Годт: Да, помню. Этот приказ уже был отменен, когда был издан так называемый приказ «Laconia». Кроме этого, простая ссылка на уже изданный приказ не имела бы связи с действительностью которую должны иметь приказы.

Кранцбюлер: Этим вы имеете в виду то, что ваш штаб, принципиально, не издавал приказов со ссылками на более ранние приказы?

Годт: Этого по возможности избегали, то есть, почти всегда.

Кранцбюлер: Вы объясните мне почему этот приказ был издан как «совершенно секретный»?

Годт: Приказ появился после операции в которой мы почти потеряли две лодки и содержал суровый упрек соответствующим командирам. У нас не было заведено представлять такой упрёк в форме доступной кому-то кроме командиров и всех офицеров.

Председатель: Что за суровый упрёк?

Кранцбюлер: Будьте любезны объяснить в чём состоял суровый упрек командирам?

Годт: Он понятен в свете предыдущих событий – а именно, именно тех вещей которые запретили. Это в основном содержалось во фразе в начале: «Спасение противоречит самым элементарным требованиям» и это также включало жестокость, соответственно командира упрекали за добродушие.

Кранцбюлер: Это означает, что командиров обвиняли в том, что они ставили под угрозу свои лодки в основном в связи со спасением с «Laconia» и действуя таким образом, который не соответствовал диктату войны?

Годт: Да, и это после постоянных напоминаний, о необходимости в бою действовать в соответствии с диктатом войны.

Кранцбюлер: Вас допрашивали об этом приказе после капитуляции, как вы мне говорили, но вы не смогли сейчас вспомнить точную формулировку. Как получилось, что вы не помните этот приказ?

Годт: Были определённые приказы которые нужно было хранить в общих папках и те которые приходилось часто просматривать. Этот приказ не был одним из таких, но он хранился отдельно после того как его рассмотрели. После того как его издали я никогда не видел его до конца войны.

Кранцбюлер: Как выглядел приказ предназначенный для включения в такую

общую папку?

Годт: Он должен был быть «Текущим приказом» или «Предостережением».

Кранцбюлер: Так было с текстом приказа о котором шла речь?

Годт: Это было бы в заголовке приказа о котором шла речь. Здесь это не так.

Кранцбюлер: Таким образом мы можем сделать вывод о том, что он не озаглавлен ни «Предостережение» ни «Текущий приказ», который не относился к общим папкам?

Годт: Да.

Кранцбюлер: Но как тогда возможно, что корветтен-капитан Мёле читал лекции об этом приказе видимо до конца войны?

Годт: Корветтен-капитан Мёле имел доступ ко всем радиограммам командира подводных лодок. Он был вправе выбирать из этих сообщений всё, что считал подходящим для инструктажа командиров перед выходом в море. Не было разницы был отмечен приказ «Предостережением» или «Текущим приказом». Он очевидно взял это сообщение и включил в материал который нужно было использовать для инструктажа командиров.

Кранцбюлер: Мёле, когда-нибуль спрашивал вас об интерпретации этого приказа?

Годт: Нет.

Кранцбюлер: Вы, когда-либо слышали о каком-либо другом источнике интерпретирующем этот приказ как означавший, что выживших нужно было расстреливать?

Годт: Нет.

Кранцбюлер: Вы можете судить по собственному опыту о том имел ли этот приказ или мог иметь, какое-либо практическое влияние на военно-морские потери союзников?

Годт: Мне очень трудно судить об этом. В то время что-то вроде 80 процентов из всех атак подводных лодок наверное осуществлялись в условиях которые делали любую попытку спасения невозможной. То есть, эти атаки производили на конвои или на суда поблизости от побережья.

Тот факт, что какие-то 12 капитанов и инженеров доставили как военнопленных подводные лодки это указание на то, что происходило в других случаях. Сложно говорить с какой-нибудь уверенностью о том возможно ли было проводить спасательные мероприятия во всех случаях. Обстановка, наверное была такой, что союзные моряки чувствовали себя безопаснее в спасательных шлюпках чем например, на борту подводной лодки и наверное были рады видеть, что подводная лодка скрывается после атаки. Тот факт, что присутствие подводной лодки само по себе представляло угрозу доказан в этом же случае с «Laconia», где две подводные лодки атаковали с воздуха во время спасения выживших.

Я не думаю, что точно то, что данный приказ оказал какое-нибудь влияние тем или иным образом.

Кранцбюлер: Что вы имеете в виду под «тем или иным образом»?
Годт: Я имею в виду, увеличил ли он или снизил количество потерь вражеских моряков.
Кранцбюлер: Именно этот аргумент я не совсем понял. Вы отметили тот факт, что приблизительно 12 капитанов и главных инженеров стали военнопленными после издания приказа. Этим вы подразумеваете, что только в этих случаях было возможно, не угрожая субмарине, исполнить приказ о доставке таких офицеров со спасательных шлюпок?
Годт: Это слишком громко сказано, что это было возможно только в этих нескольких случаях, но это никак не указывает на количество случаев в которых это было возможно.
Кранцбюлер: Я покажу вам радиограмму которую направили капитан-лейтенанту Шахту. Это на странице 36 документальной книги обвинения. Это сообщение также, направлено как «совершенно секретное». В чём заключалась причина для этого?
Годт: Это явный и суровый упрек командиру.
Кранцбюлер: Насколько был оправдан этот упрёк? Шахт не получил предыдущую инструкцию спасать только итальянцев?
Годт: Нет, но предполагалось, что подводные лодки поняли бы, что главное то, что нужно спасать союзников, то есть, чтобы они не стали военнопленными. Кроме этого, было издано несколько напоминаний в ходе операций предупреждавших командиров быть особенно осторожными. После того как поступил доклад Шахта, который казалось указывал на то, что он не подчинился приказам. Глядя ретроспективно, действия Шахта должно быть произошли до того как командир подводных лодок издал спорный приказ, таким образом по крайней мере в этой части обвинения были необоснованными.
Кранцбюлер: Какие-то дальнейшие спасательные меры проводились подводными лодками после издания этого приказа в сентябре 1942?
Годт: В изолированных случаях, да.
Кранцбюлер: Командир подводных лодок, возражал таким спасениям?
Годт: У меня нет воспоминаний об этом.
Кранцбюлер: По вашим сведениям, германские подводные лодки умышленно убивали выживших?
Годт: Единственный случай который я знаю – и я услышал об этом после капитуляции – это капитан-лейтенант Экк. Мы слышали вражеское вещание которое намекало на эти события, но мы не смогли сделать из этого каких-то выводов.
Кранцбюлер: Сейчас я вручаю вам экземпляр обвинения GB-203, который обвинение считает доказательством расстрела выживших. Это журнал Ю-247 из которого я мимеографировал фрагмент на странице 74 тома II моей документальной книги. Данный фрагмент описывает атаку произведённую подводной лодкой на британский траулер. Вы уже видели этот журнал. После своего возвращения,

командир сделал доклад об этой акции?
Годт: Да.
Кранцбюлер: Он, что-нибудь сообщал о расстреле выживших в связи с этим?
Годт: Нет.
Кранцбюлер: Согласно заявлению сделанному выжившим по имени Маккалистер, «Noreen Mary» имела на борту орудие. Вам известно имели ли траулеры орудия на носу или корме?
Годт: Почти всегда они имели их на носу.
Кранцбюлер: Вы можете вспомнить, при помощи этой выдержки из журнала боевых действий и в силу ваших собственных воспоминаний из доклада командира, точные детали данного инцидента?
Годт: Изначально подводная лодка в погруженном состоянии столкнулась с рядом судов сопровождавших траулеры рядом с мысом Гнева. Она попыталась торпедировать один из траулеров.
Председатель: Свидететь пытается восстановить это по документу, восстановить инцидент?
Кранцбюлер: Я прошу его рассказать нам о том, что он помнит о событии, основываясь на его отчёте о собственных воспоминаниях о докладе командира дополнявшем запись в журнале боевых действий.
Председатель: Что же, разве он не сказал, что никогда не видел командира.
Кранцбюлер: О, да, господин председатель.
Председатель: Что же, всё, что он может сказать это, что сказал ему командир.
Кранцбюлер: Да.
Председатель: Что же, пусть он это сделает.
Кранцбюлер: Вы будете любезны сказать нам, что вы помните после чтения журнала.
Председатель: Минуточку. Если он помнит, что-то, что сказал ему командир, он может нам это рассказать, но журнал говорит сам за себя и он не может восстановить это по нему. Он должен рассказать нам, что он помнит о том, что сказал офицер.
Кранцбюлер: Очень хорошо, сэр.
[*Обращаясь к свидетелю*] Будьте любезны говорить по памяти.
Годт: Командир сообщил о том, что он столкнулся с рядом траулеров необычайно близко к побережью, учитывая условия времени. Неудачно торпедировав один из них, он потопил его орудийным огнём. Это было ещё заметнее, в первую очередь, потому как инцидент случился довольно необычно рядом с побережьем и во-вторых, командир рисковал в этом артиллерийском бою с учётом присутствия поблизости других судов.
Кранцбюлер: Эти остальные суда тоже были вооружёнными траулерами?
Годт: Нужно полагать, что тогда каждый траулер был вооружён.

Кранцбюлер: Свидетель Макалистер подумал, что субмарина подплыла на 50 ярдов от траулера. В свете ваших собственных воспоминаний и опыта, вы думаете это возможно?
Годт: Я не помню детали, но для командира подводной лодки было бы необычно так делать.
Кранцбюлер: Макалистер также заявил о том, что подводная лодка использовала снаряды с проволокой.
Председатель: Минуточку. Минуточку. Доктор Кранцбюлер, трибунал считает, что свидетель не вправе высказывать подобные мнения. Он должен давать нам показания о любых фактах которыми располагает. Он говорит нам своё мнение о том, что военно-морскому командиру невозможно подвести свою субмарину на 50 ярдов к другому судну.
Кранцбюлер: Да.
Председатель: Не ему говорить об этом.
Кранцбюлер: Господин председатель, далее я собирался спросить свидетеля о том использовали ли германские подводные лодки снаряды с проволокой как заявил свидетель Макалистер. Этот вопрос допустим?
Председатель: Снаряды с проволокой?
Кранцбюлер: Да, этот вопрос я хочу задать.
Вы ответите на этот вопрос, свидетель.
Годт: Не было никаких таких снарядов.
Кранцбюлер: Об этой атаке субмариной «Noreen Mary» сразу же сообщили по радио? Вам об этом, что-нибудь известно?
Годт: Вы имеете в виду доклад командира подводной лодки?
Кранцбюлер: Нет, британцев.
Годт: Насколько я помню, отправленную радиограмму перехватило британское судно, сообщив об атаке подводной лодки в этом районе.
Кранцбюлер: Сигнал записан в журнале боевых действий в 01 час 27 минут. Он предназначался для Матшулата[307], что означает, что вы отправили его командиру и он гласит: «Английский пароход сообщает об атаке германской подводной лодки к западу от мыса Гнева».
Годт: Это сообщение предназначалось, чтобы проинформировать подводную лодку о том, что радиограмма отправленная британским пароходом об атаке субмарины в этом районе была перехвачена.
Кранцбюлер: Я хочу спросить вас о действующем военном приказе номер 511. Это том I моей документальной книги, страница 46. Когда я представлял этот приказ, трибунал не был уверен в значении параграфа 2, который я собираюсь прочитать:
«Капитанов и офицеров нейтральных судов которые можно потопить

[307] Герхард Матшулат (1920 – 1944) – немецкий подводник. Погиб вместе с подводной лодкой в бою с канадским эсминцем.

согласно действующему приказу номер 101 (таких как шведские, за исключением трафика Гётеборга), не следует брать на борт, поскольку интернирование этих офицеров не разрешается международным правом».

Вы можете сказать мне об опыте отчётов которые привели к включению параграфа 2 в приказ?

Годт: В одном случае подводная лодка доставила уругвайского офицера – капитана судна которое потопили – в Германию. Мы опасались того, что если бы мы отпустили этого капитана он мог сообщить вещи которые он увидел находясь на борту подводной лодки. Причиной для этого приказа было избежать подобных затруднений в будущем, так как уругвайского капитана нужно было освободить и его на самом деле освободили.

Кранцбюлер: В чём смысл ссылки, что нейтральные суда которые можно топить согласно действующему военному приказу номер 101?

Годт: Могу я пожалуйста увидеть приказ на минуту?

[*Документ представили свидетелю*]

Годт: Действующий военный приказ номер 101 содержит следующие указания в связи с потоплением нейтральных судов: находясь в зоне блокады, все нейтральные суда можно было принципиально топить с двумя исключениями, или скажем так, двумя главными исключениями.

Начиная с судов относящихся к определённым нейтральным странам, с которыми были заключены соглашения о чётких каналах судоходства, их нельзя было топить, далее суда относящиеся к определённым нейтральным государствам о которых нельзя было предполагать, что они работают исключительно на службе противника. Снаружи зоны блокады нейтральные суда можно было топить, во-первых, если их не признавали как нейтралов и таким образом субмарины должны были относиться как к вражеским судам и во-вторых, если они не действовали как нейтралы.

Кранцбюлер: Как, например, те, что шли во вражеском конвое?

Годт: Да, те, что шли в конвоях или если они сообщали о присутствии подводных лодок, и т.д., по радио.

Кранцбюлер: Параграф 2 означает, что капитаны нейтральных судов оказались бы в будущем в худшем положении чем капитаны вражеских судов, или они оказались бы в лучшем положении?

Годт: Это не вопрос лучше или хуже, это вопрос взятия пленных. Их не должны были брать в плен, потому что их нельзя было держать как таковых. Означало ли это, что их положение было бы лучше или хуже это сомнительно. Капитаны вражеских судов обычно стремились избежать взятия на борт подводной лодки,

потому что они чувствовали себя безопаснее в своих спасательных шлюпках.
Кранцбюлер: Что вам известно о приказах уважать госпитальные суда в начале вторжения?
Годт: В начале вторжения, правило в данном районе как и во всех других районах заключалось в том, что госпитальные суда не должны были атаковать. Командиры действующие в зоне вторжения тогда докладывали о том, что там плавало очень много госпитальных судов.
Кранцбюлер: От куда и куда?
Годт: Между районом вторжения в Нормандии и Британскими островами. Командир подводных лодок тогда провёл исследование с компетентным ведомством о том на самом ли деле госпитальный трафик был настолько большим как предполагалось в этих докладах. Так и оказалось.
Кранцбюлер: Что вы имеете этим в виду?
Годт: Это означает, что ряд госпитальных судов о которых сообщили соответствовал оценочному количеству раненых. После этого прямо объявили о том, что госпитальные суда не должны атаковать в будущем.
Кранцбюлер: Такое строгое уважение госпитальных судов на данном этапе войны было в наших интересах?
Годт: Тогда мы имели госпитальные суда только на Балтике где Женевскую конвенцию не признавала другая сторона, таким образом мы не имели никакого особо интереса в уважении госпитальных судов.
Кранцбюлер: Вам известно о каком-либо случае вражеского госпитального судна потопленного германской подводной лодкой во время этой войны?
Годт: Нет.
Кранцбюлер: Случалось обратное?
Годт: Германское госпитальное судно «Tubingen[308]», как я думаю, было потоплено британским самолётом в Средиземноморье.
Кранцбюлер: Предположительно из-за ошибочного опознания.
Председатель: Доктор Кранцбюлер, вопрос о германских госпитальных судах которые потопили не относится к делу, не так ли?
Кранцбюлер: Я собирался показать этим, господин председатель, что ответственности за ошибочное опознание не существует и что госпитальное судно фактически затонуло вследствие такой ошибки. Таким образом мои доказательства предназначены показать, что из потопления судна не следует сделать вывод, что о потоплении было приказано.
Председатель: Трибунал совершенно понимает, что в морской войне могут быть ошибки. Это общеизвестный вопрос. Нам прерваться?
Кранцбюлер: Да, господин председатель.

---

[308] «Тюбинген» - французское пассажирское судно спущенное на воду в 1922. Конфисковано Германией в 1942 и переоборудовано в госпитальное судно. В 1944 потоплено английской авиацией.

[*Объявлен перерыв*]

Кранцбюлер: Адмирал Годт, вы хорошо знакомы с адмиралом Дёницем с 1934, и вы много работали с ним в течение этого времени. Он имел какое-нибудь отношение к политике в течение этого времени?

Годт: Вообще нет, по моим сведениям до того как он был назначен главнокомандующим флотом. Как главнокомандующий флотом, он произносил случайные речи вне флота, как например, он выступал перед докерами, произносил речь перед «Гитлерюгендом» в Шттетине, и выступал в эфире в «День героев» и о 20 июля; я не помню никакие другие случаи.

Кранцбюлер: Эти речи не всегда были связаны с задачами флота – например, выступление перед докерами – судостроительство?

Годт: Да, когда он выступал перед докерами.

Кранцбюлер: И к «Гитлерюгенду»?

Годт: И «Гитлерюгенду» тоже.

Кранцбюлер: И в чём здесь была связь?

Годт: Насколько я помню, речь касалась вербовки во флот.

Кранцбюлер: Он отбирал своих офицеров штаба по идеологическим или военным качествам?

Годт: Их военные и личные качества имели значение. Их политические взгляды не имели к этому никакого отношения.

Кранцбюлер: Вопрос о том знал ли адмирал Дёниц, или должен был знать об определённых событиях вне флота один из самых важных с точки зрения трибунала. Вы можете сказать мне кто были его сотрудники?

Годт: Его собственные офицеры и офицеры его возраста, почти исключительно. Насколько я знаю, у него было очень мало контактов кроме этих.

Кранцбюлер: Дело сильно изменилось после того как он был назначен главнокомандующим флотом?

Годт: Нет. Наверное он имел меньше контактов с людьми из других ведомств, но в целом его круг остался таким же.

Кранцбюлер: Где он на самом деле жил в это время, после его назначения главнокомандующим флотом?

Годт: После его назначения главнокомандующим, он в основном находился в ставке штаба руководства войной на море рядом с Берлином.

Кранцбюлер: Он жил со своей семьей или со своим штабом?

Годт: Он сделал это домом своей семьи, но основная часть его жизни проходила в его штабе.

Кранцбюлер: И где он жил, когда его штаб перевели в так называемую «коралловую» ставку по соседству с Берлином осенью 1943?

Годт: Он жил в своей ставке, где также жила его семья – по крайней мере некоторое время. Однако его официальные дискуссии длились до позднего вечера.

Кранцбюлер: Другими словами, с этого времени он постоянно жил в квартирах военно-морских офицеров?

Годт: Да.

Кранцбюлер: Вы могли лучше чем почти любой другой офицер наблюдать карьеру адмирала Дёница с близкого расстояния. Вы можете сказать мне, что вы думаете о мотивах военных приказов которые он отдавал?

Председатель: Вы не можете говорить о мотивах людей. Вы не можете давать показания о мыслях других людей. Вы можете давать показания только о том, что они говорили и делали.

Кранцбюлер: Господин председатель, я всё же думаю, что офицер который годами жил с другим офицером должен иметь определённые сведения о его мотивах, руководствуясь его действиями как офицера и тем, что офицер ему говорил. Однако, вероятно я могу задать вопрос немного по-другому.

Председатель: Он может давать показания о его характере, но не может давать показания о его мотивах.

Кранцбюлер: Тогда я спрошу его о его характере, ваша честь.

Свидетель, вы можете сказать мне выражал ли, когда-либо адмирал Дёниц эгоистичные мотивы в связи с какими-нибудь приказами которые он отдавал или каким-нибудь своими действиями.

Председатель: Доктор Кранцбюлер, это тоже самое, такой же самый вопрос.

Кранцбюлер: Прошу прощения, господин председатель. Я думал это будет другой вопрос.

Председатель: Никто не обвиняет его в эгоизме или чём-то подобном. Его обвиняют в различных преступлениях которые вменяются ему в обвинительном заключении.

Кранцбюлер: Тогда я задам прямой вопрос основанный на мнении обвинения.

Обвинение судит об адмирале Дёнице как цинике и оппортунисте. Это согласуется с вашим собственным суждением?

Годт: Нет.

Кранцбюлер: Как бы вы судили о нём?

Годт: Как о человеке чей ум полностью фиксирован на долге, на его работе, его военно-морских проблемах, и людях у него на службе.

Кранцбюлер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-нибудь из других членов защиты хочет задать какие-нибудь вопросы?

[*Нет ответа*]

Филлимор: Милорд, могу я сначала сказать о документе который я предъявил в перекрёстном допросе этим утром, или даже это был документ который был раньше. Это был D-658, GB-229. Этот документ о Бордо, и здесь была дискуссия о том был ли он от командования в Бордо. Спор о том был ли он из СКЛ, то есть журнала боевых действий военно-морского штаба или из журнала боевых действий какого-нибудь нижестоящего подразделения. Милорд, я подтвердил вопрос в адмиралтействе, и я представлю подлинник защитнику, он исходит из журнала боевых действий СКЛ, Tagebuch der Seekriegsleitung[309], и это из номера 1 Abteilung, Teil A – то есть часть A – за декабрь 1942. Таким образом это из журнала боевых действий подсудимого Рёдера и свидетеля.

Свидетель, вы сказали, что не помните протест приказу от 17 сентября 1942.

Годт: Да.

Филлимор: Я постараюсь освежить вашу память. Вы посмотрите на документ, D-865?

Милорд, это GB-458, это фрагмент из допроса адмирала Дёница от 6 октября. Я хочу сказать, что протокол вели на английском языке и таким образом перевод на немецкий не обязательно представляет подлинные слова адмирала.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы посмотрите на вторую страницу из этого документа в конце первого абзаца. Это конец первого абзаца на странице 207 английского текста. Адмирал рассматривает приказ от 17 сентября 1942, и в этой последней фразе этого абзаца, он говорит:

> «Я помню, что капитан Годт и капитан Гесслер возражали этой телеграмме. Они прямо сказали об этом, потому как они сказали: «Это можно неправильно понять». Но я сказал: «Я должен передать его сейчас этим лодкам, чтобы предотвратить этот 1 процент потерь. Я должен привести им причину, для того, чтобы они не чувствовали себя обязанными делать это».

Вы помните протест, говоривший: «Это можно неправильно понять»?

Годт: Нет, я это не вспоминаю.

Филлимор: И далее фрагмент на странице 3 английского перевода, внизу страницы 2 немецкого текста:

> «Поэтому я направил вторую телеграмму, чтобы предотвратить дальнейшие потери. Вторую телеграмму направили по моему предложению. Я полностью и лично ответственный за неё, потому что и капитан Годт и капитан Гесслер прямо сказали о том, что телеграмма двусмысленная или её можно неправильно интерепретировать».

Сейчас вы это вспоминаете?

---

[309] «Журнал боевых действий штаба руководства войной на море» (нем.)

Годт: Нет, я это не вспоминаю.

Филлимор: Вы посмотрите на дальнейшее заявление об этом же, на странице 5 английского языка, первый абзац; страница 4 немецкого текста, третий абзац. Ему задали вопрос:

> «Зачем нужно было использовать фразу подобную той которую я вам прочитал: усилия спасать членов экипажа противоречат самым элементартным требованиям войны в целях уничтожения вражеских судов и экипажей»?
>
> Это последняя часть первой фразы и он ответил:
>
> «Эти слова не соответствуют телеграмме. Они никоим образом не соответствуют нашим действиям в 1939, 1940, 1941 и 1942 годах, как я прямо показал вам с помощью инцидента «Laconia». Я бы снова хотел подчеркнуть ещё раз, что и капитан Годт и капитан Гесслер решительно возражали передаче этой телеграммы».

Вы также говорите, что не помните протесты против направления телеграммы?

Годт: Я постоянно заявлял о том, что не помню это.

Филлимор: Я покажу вам ещё один фрагмент, документ D-866, который станет GB-459. Это дальнейший допрос от 22 октября. Первый вопрос о документе:

> «Вам кажется, что данный приказ противоречит призовым правилам изданным германским флотом в начале войны?»
>
> И последняя фраза первого абзаца – ответ:
>
> «Годт и Гесслер сказали мне: «Не направляйте это сообщение. Поймите, однажды это будет выглядеть странно. Это можно неправильно понять».
>
> Вы не помните использование этих слов?

Годт: Нет.

Филлимор: Вы были опытным штабным офицером, не так ли?

Годт: Да.

Филлимор: Вы знали о значении подготовки оперативного приказа с абсолютной ясностью, не так ли?

Годт: Да.

Филлимор: Приказы которые вы отдавали, шли молодым командирам от 20-30 лет, не так ли?

Годт: Конечно не двадцатилетним. Наиболее вероятно, они были старше двадцати.

Филлимор: Да. Вы скажете, что данный приказ недвусмысленный?

Годт: Да. Вероятно если вы берёте одну фразу из контекста вы можете иметь какие-то сомнения, но ни тогда, когда прочитали весь приказ.

Филлимор: В чём заключался смысл слов: «Спасение противоречит самым элементарным требованиям войны об уничтожении вражеских судов и экипажей»?

[*Нет ответа*]

Филлимор: Покажете ему?

[*Документ передали свидетелю*]

Филлимор: В чём был смысл отмечать эти слова, если это просто был приказ о неспасении?
Годт: Это служило мотивировать остальных о приказе и поставить на один уровень все корабли и экипажи которые боролись против наших подводных лодок.
Филлимор: Поймите, все ваши приказы были настолько ясными, не так ли? У вас есть документы защиты?
Годт: Думаю так – нет.
Филлимор: Посмотрите на документ защиты номер Дёниц-8, страница 10. Это на странице 10 этой книги. Позвольте мне прочитать вам второй абзац:

> «Подводные лодки могут внезапно атаковать, всем вооружением в своём распоряжении, вражеские торговые суда точно опознанные как вооружённые или объявленными таковыми, на основе неопровержимых доказательств находящихся в распоряжении штаба руководства войной на море».

Следующая фраза:

> «Насколько позволяют обстоятельства, следует предпринимать меры по спасению экипажа, при исключении возможности угрозы для подводной лодки».

Итак, ни один командир не мог ошибаться в этом приказе, не так ли? Это совершенно ясно.

Посмотрите на ещё один, D-642, на странице 13. Это последний абзац приказа на странице 15. Итак, это приказ о неспасении. Вы нашли? Параграф E, действующий приказ 154:

> «Не спасать членов экипажей и не брать их на борт и не заботиться о шлюпках. Погодные условия и расстояние до суши не имеют последствий. Думайте только о безопасности собственной лодки и старайтесь как можно скорее добиться дополнительных успехов.
> В этой войне мы должны быть жестокими. Враг начал её для того, чтобы уничтожить нас, и мы должны действовать соответствующим образом».

Итак, это было совершенно ясно, не так ли? Это был приказ о «неспасении»?
Годт: Он был настолько же ясным как и приказ который мы обсуждаем.

Филлимор: Посмотрите ещё на один-два и затем позвольте мне вернуться к этому приказу; страница 45, ещё один приказ:

> «Приказ флагмана подводных лодок» - читая третью строчку – «брать на борт в качестве пленных капитанов потопленных судов с их бумагами, если возможно делать это не угрожая лодке или не ослабляя её боевые характеристики».

Любому совершенно ясно, что именно планировали, не так ли?

Годт: Это вообще не приказ, это просто воспроизводит фрагмент из журнала боевых действий.

Филлимор: Да, повторяющий слова приказа и затем на следующей странице в параграфе 4:

> «Старайтесь в любых обстоятельствах брать пленных если это может быть сделано без угрозы лодке». – снова, совершенно ясно.

Посмотрите на следующую страницу, страница 47, параграф 1 вашего приказа от 1 июня 1944, последняя фраза:

> «Таким образом, всяческие усилия нужно прилагать, чтобы доставлять таких пленных, насколько возможно, не угрожая лодке».

Итак, вы сказали нам, что данный приказ от 17 сентября 1942 предназначался как приказ о неспасении, правильно, не так ли?

Годт: Да, разумеется.

Филлимор: Я снова спрашиваю, что подразумевала фраза: «Спасение противоречит самым элементарным требованиям войны для уничтожения вражеских судов и экипажей»?

Годт: Это мотивация остального приказа, который заявляет о том, что суда и экипажи вооружённые и оборудованные, чтобы бороться с подводными лодками нужно было поставить на один уровень.

Филлимор: Почему вы говорите об уничтожении экипажей если вы не имеете в виду уничтожение экипажей?

Годт: Вопрос в том нужно ли было уничтожать суда и их экипажи и это совершенно отличается от уничтожения экипажей после покидания ими судна.

Филлимор: И это нечто совершенно другое нежели неспасение экипажей, это не факт?

Годт: Я не совсем понял вопрос.

Филлимор: Уничтожение экипажей довольно отличается от неспасения экипажей?

Годт: Уничтожение – до тех пор пока судно и экипаж вместе.

Филлимор: Вы не отвечаете на вопрос, не так ли? Но если вы хотите снова: уничтожение экипажей довольно отличается от неспасения экипажей?

Годт: Уничтожение экипажа отличается от неспасения выживших, да.

Филлимор: Эти слова просто вставили, чтобы данный приказ как вы описывали имел «живой характер», который должен иметь приказ?

Годт: Я не могу привести вам детали, я уже сказал о том, что я не помню детали событий которые привели к этому приказу.

Председатель: Полковник Филлимор, трибунал уже сказал свидетелю, что документ говорит сам за себя.

Филлимор: Да.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы посмотрите на следующий документ в книге обвинения, это D-663, последнюю фразу из этого документа? В виду желательного уничтожения экипажей судов, вы говорите, что ваше намерение не заключалось тогда в том, чтобы уничтожать экипажи если бы вы могли?

Годт: Я думал мы говорим о выживших.

Филлимор: Что же, это тоже самое, в какой то степени, не так ли; экипажи судов как только их торпедировали, становились выжившими?

Годт: Тогда бы они были выжившими, да.

Филлимор: Теперь вы ответите на вопрос? Ваше намерение в то время не заключалось в уничтожении экипажей, или выживших если хотите, если бы вы могли?

Годт: Если вы имеете в виду выживших, вопрос может относится к двум вещам. Что касается выживших – нет.

Филлимор: Если вы не готовы ответить на вопрос, я пропускаю.

Вы помните дело капитан-лейтенанта Экка?

Годт: Я услышал о деле капитан-лейтенанта Экка от американских и британских офицеров и только потом я вернулся в Германию.

Филлимор: Вам известно, что он был в своём первом путешествии, когда его подводная лодка потопила «Peleus» и затем расстреляла из пулемётов выживших? Вам это известно?

Годт: Да.

Филлимор: Он принадлежал к пятой флотилии в Киле где Мёле инструктировал командиров, не та ли?

Годт: Должно быть.

Филлимор: Да, итак, если бы – вместо принятия на себя вины за акцию которую он предпринял – если бы он защищал свою акцию согласно этому приказу от 17 сентября 1942, военно вы говорите, что он бы мог быть отдан под военно-полевой трибунал за неподчинение?

Годт: Такое могло быть возможно.

Филлимор: В виду формулировки вашего приказа, вы так говорите?

Годт: В этом вопросе решал бы военно-полевой суд. Более того, Экк, насколько я слышал, не ссылался на этот приказ.

Филлимор: Вы можете объяснить трибуналу как свидетелю Мёле разрешили инструктировать о том, что это был приказ об уничтожении, с сентября 1942 до конца войны?

Годт: Я не знаю как Мёле смог интерпретировать данный приказ подобным образом. В любом случае он меня об этом не спрашивал.

Филлимор: Вы понимаете, что он поставил свою жизнь под большую угрозу признав, что он инструктировал так как он делал, не так ли.

Годт: Да.

Филлимор: Вам также известно, не так ли, что ещё один командир которого он инструктировал впоследствии виделся с вами или с адмиралом Дёницем перед походом?

Годт: Да.

Филлимор: И снова, когда вернулся?

Годт: В целом да, почти всегда.

Филлимор: В целом. Вы серьёзно говорите трибуналу, что никто из этих офицеров которых инструктировали о том, что это приказ об уничтожении, что никто из них не поднял никаких вопросов ни при вас ни при адмирале Дёнице?

Годт: Ни при каких обстоятельствах этот приказ не обсуждался.

Филлимор: Но я предлагаю вам, что данный приказ был очень аккуратно подготовлен, чтобы быть двусмысленным; умышленно, для того, чтобы любой командир подводной лодки который был готов вести себя так как он делал был вправе делать это согласно приказу. Это неправильно?

Годт: Это утверждение.

Филлимор: И, что вы и Гесслер, вы попытались остановить принятие этого приказа?

Годт: Я уже сказал, что я это не помню.

Филлимор: Милорд, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Есть ещё перекрёстный допрос? Вы желаете допросить повторно, доктор Кранцбюлер?

Кранцбюлер: Вам известно, что корветтен-капитан Мёле свидетельствал в этом трибунале о том, что он сказал о своей интерпретации приказа о «Laconia» очень немногим офицерам?

Годт: Я прочитал это в письменных показания которые Мёле дал британским офицерам в прошлом году.

Кранцбюлер: Вам известно, что Мёле свидетельствовал здесь лично о том, что он не говорил с адмиралом Дёницем, с вами лично, или с капитаном Гесслером о своей интерпретации приказа «Laconia», хотя он постоянно посещал ваш штаб?

Годт: Я это знаю. Я не могу сейчас сказать знаю ли я это из письменных показаний которые Мёле дал в прошлом году или из другого источника.

Кранцбюлер: Вам предъявили показания адмирала Дёница о том, что вы и капитан Гесслер возражали приказу «Laconia». Вы заявили о том, что адмирал Дёниц привёл преувеличенный отчёт вашему возражению данному приказу, для того, чтобы взять всю ответственность на себя?

Председатель: Минуточку. Доктор Кранцбюлер, не думаю, что вы можете задать ему этот вопрос, возможно ли, что адмирал преувеличил то, что сказал.
Кранцбюлер: Ваша честь, тогда я не буду задавать этот вопрос, у меня больше нет вопросов к свидетелю.
Председатель: Свидетель может удалиться.
Кранцбюлер: Тогда с разрешения трибунала я бы хотел вызвать капитана Гесслера в качестве моего следующего свидетеля.
Председатель: Да.

[*Свидетель Гесслер занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя?
Гесслер: Гюнтер Гесслер.
Председатель: Повторите за мной присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Кранцбюлер: Капитан Гесслер, когда вы поступили во флот?
Гесслер: В апреле 1927.
Кранцбюлер: Каким было ваше последнее звание?
Гесслер: Фрегаттен-капитан.
Кранцбюлер: Вы родственник адмиралу Дёницу. Это правильно?
Гесслер: Да. Я женился на его единственной дочери в ноябре 1937.
Кранцбюлер: Когда вы поступили на службы подводных лодок?
Гесслер: Я начал свою подводную подготовку в апреле 1940.
Кранцбюлер: Вам предоставляли какую-нибудь информацию во время периода вашей подготовки об экономической войне согласно призовому указу?
Гесслер: Да. Я был информирован об этом.
Кранцбюлер: Использовался так называемый «призовой диск», который вам сейчас представили?
Гесслер: Да, меня инструктировали об этом.
Кранцбюлер: Вы кратко расскажите трибуналу в чём заключается смысл «призового диска»?
Гесслер: Это была система дисков с помощью которых, в результате простого механического процесса за очень короткое время можно было удостовериться в том как обращаться с нейтральными и вражескими торговыми судами – можно ли было, например топить или захватывать нейтральное судно которое перевозило контрабанду или же ему можно было проходить.

Этот диск имеет большое преимущество в том, что он одновременно указывает на конкретный параграф призового указа в котором можно найти спорный вопрос. Это позволяло сократить время необходимое для обследования торгового судна до минимума.

Кранцбюлер: Это означает, что диск был по характеру юридическим консультантом командира.

Гесслер: Да.

Кранцбюлер: Я предъявляю диск трибуналу как экземпляр Дёниц-95.

В вашей подготовке вам говорили об отношении которое требовали от вас в отношении потерпевших кораблекрушение выживших? Если так, в чём оно заключалось?

Гесслер: Да. Спасение выживших само собой разумеется в морской войне и должно осуществляться поскольку позволяют военные меры. В подводной войне совершенно невозможно спасать выживших, то есть, взять на борт весь экипаж, так как условия с пространством на подводной лодке не позволяют никакую подобную акцию. Осуществление остальных мер, таких как сближение со спасательными шлюпками, вылавливание плавающих и пересадка их на спасательные шлюпки, передача провизии и воды, как правило, невозможны, так как опасность для подводной лодки столь велика во всей оперативной зоне, что ни одну из этих мер нельзя проводить не угрожая слишком сильно лодке.

Кранцбюлер: Лично вы выходили в плавание как командир после получения этих инструкций?

Гесслер: Да.

Кранцбюлер: С какого по какое время?

Гесслер: С октября 1940 до ноября 1941.

Кранцбюлер: В каких районах вы действовали?

Гесслер: К югу от Исландии, к западу от Северного пролива, в водах между Зелёным мысом и Азорскими островами, и в районе к западу от Фритауна.

Кранцбюлер: Какие успехи вы имели против торгового судоходства?

Гесслер: Я потопил 21 судно, в общем более чем 130000 тонн.

Кранцбюлер: Вы получили Рыцарский крест?

Гесслер: Да.

Кранцбюлер: Как вы действовали в отношении выживших экипажей судов которые вы потопили?

Гесслер: В большинстве случаев обстановка была такой, что я был вынужден без промедления уходить с места крушения в связи с угрозой вражеских военно-морских или воздушных сил. В двух случаях опасность не была настолько большой. Я смог подойти к спасательным шлюпкам и помочь им.

Кранцбюлер: О каких судах идет речь?

Гесслер: Два греческих судна: «Papalemos[310]» и «Pandias[311]».

Кранцбюлер: Как вы помогали спасательным шлюпкам?

Гесслер: Прежде всего я предоставил выжившим их точную позицию и сказал им каким курсом нужно идти, чтобы добраться до суши в спасательных шлюпках. Во-вторых, я дал им воду, которая жизненно важна для выживших в спасательных шлюпках в тропических районах. В одном случае я также оказал медицинскую помощь нескольким раненым людям.

Кранцбюлер: Ваш личный опыт с торпедированными судами избавляет вас от осторожности в отношении спасательных мер?

Гесслер: Да. Опытный командир подводной лодки был обоснованно подозрительным в отношении каждого торговца и его экипажа, независимо от того насколько невинным они могли казаться. В двух случаях такое отношение спасло меня от уничтожения.

Это случилось в связи с пароходом «Kalchas[312]», британским судном в 10000 тонн которое я торпедировал к северу от Зеленого мыса. Судно остановилось после попадания торпеды. Экипаж покинул судно и находился в спасательных шлюпках и судно казалось потонет. Я хотел всплыть, чтобы хотя бы предоставить экипажу их позицию и спросить нужна ли им вода. Чувство которое я не могу объяснить удержало меня от этого. Я поднял свой перископ на максимум и как только перископ почти полностью вышел из воды, моряки которые спрятались за орудиями и за фальшбортом, выскочили, заняли орудия судна – которое казалось брошенным – и открыли огонь по моему перископу с очень близкой дистанции, вынудив меня погрузиться на полной скорости. Снаряды падали близко к перископу, но были не опасны для меня.

Во втором случае, пароход «Alfred Jones[313]» который я торпедировал у Фритауна, тоже казалось потонет. Я хотел всплыть, когда увидел в одной из спасательных шлюпок двух моряков из британского флота в полном обмундировании. Это вызвало мои подозрения. Я близко обследовал судно – я бы сказал с дистанции 50-100 метров – и установил тот факт, что его не оставили, а солдаты всё ещё скрывались на борту за всевозможными укрытиями и за надстройкой. Когда я торпедировал судно эта надстройка разлетелась. Я увидел, что судно по крайней мере имело четыре-шесть орудий калибром 10-15 сантиметров и большое количество направляющих глубинных бомб и противовоздушные орудия за фальшбортом. По чистой случайности, из-за того, что на глубинных бомбах не было

---

[310] «Папалемос» - греческий грузовой пароход. Спущен на воду в 1910. Потоплен торпедой и орудийным огнём подводной лодки Ю-107 28.05.1941 года.

[311] «Пандиас» - греческий грузовой пароход. Спущен на воду в 1912. Потоплен торпедой подводной лодки Ю-107 13.06.1941 года.

[312] «Калхас» - английский грузовой пароход. Спущен на воду в 1921. Потоплен после попадания торпеды подводной лодки Ю-107 21.04.1941 года.

[313] «Альфред Джонс» - английский грузовой пароход. Спущен на воду в 1930. Потоплен торпедой подводной лодки Ю-107 01.06.1941 года.

установлено время, я спасся от уничтожения.

Естественно после такого опыта, мне было ясно, что я больше не мог озадачивать себя экипажами или выжившими не угрожая собственному кораблю.

Кранцбюлер: Когда вы поступили в штаб командира подводных лодок?

Гесслер: В ноябре 1941.

Кранцбюлер: Вы были офицером адмиралтейства?

Гесслер: Да.

Кранцбюлер: Ваши задача заключалась в том, чтобы инструктировать командиров об изданных приказах до их выхода из порта?

Гесслер: Да, я это делал.

Кранцбюлер: И в чём заключалась связь между инструкциями данными вами и теми, что давали начальники флотилий – например, корветтен-капитан Мёле?

Гесслер: Командиры которых я должен был инструктировать получали полную сводку по всем вопросам касавшимся процедур в море. Начальникам флотилий поручалось установление того, что все командиры получат копию самых последних приказов изданных командиром подводных лодок. Я могу сказать, что это были ограниченные инструкции, в сравнении с полными инструкциями полученными от меня.

Кранцбюлер: Эти полные инструкции включали инструкции командирам про обращение с выжившими?

Гесслер: Да, по большей части в том же самом стиле, как инструкции которые я получал во время своей подготовке в школе подводных лодок.

Кранцбюлер: Какое-либо изменение в характере инструктажа произошло после приказа «Laconia» от сентября 1942?

Гесслер: Да. Я кратко ссылался на инцидент командирам и говорил им:

> «Теперь решение о том позволяет ли обстановка на море попытки спасения уже не зависит от вас. Спасательные мероприятия теперь запрещены».

Кранцбюлер: Вы хотите сказать, что в течение всего остатка войны – то есть, 2 ½ лет – командирам продолжали говорить об инциденте «Laconia» или это было только после самого инцидента осенью 1942?

Гесслер: Я бы сказал до января 1942 как самое позднее. После этого, это никак не упоминалось.

Кранцбюлер: Вы имеете в виду, никак не упоминался инцидент?

Гесслер: Никак не упоминался инцидент «Laconia».

Кранцбюлер: Но приказы изданные в результате него упоминали?

Гесслер: Да, этот особый приказ больше не проводить никаких спасательных мероприятий упоминали.

Кранцбюлер: Командиры, когда-либо получали приказы или предложения от вас или от кого-то из вашего штаба расстреливать выживших?

Гесслер: Никогда.
Кранцбюлер: Вы говорили командирам о приказе брать по возможности на борт капитанов и главных инженеров?
Гесслер: Да.
Кранцбюлер: В инструктажах подчеркивали, что это, должно происходить только, когда возможно не ставить под угрозу подводную лодку?
Гесслер: Да.
Кранцбюлер: Вам известно об инциденте с Ю-386 которая прошла мимо каких-то лётчиков сбитых в Бискайском заливе?
Гесслер: Я очень отчетливо помню этот инцидент.
Кранцбюлер: Значит вы также помните, что этот инцидент произошёл осенью 1943?
Гесслер: Да.
Кранцбюлер: Командир подводных лодок, как я думаю, считал в этом инциденте, что командир подводной лодки должен был расстрелять лётчиков на резиновой шлюпке?
Гесслер: Нет, напротив, его взволновало то, что экипаж самолёта не доставили на подводной лодке.
Кранцбюлер: Какие-либо другие люди в штабе высказывали взгляд который я сейчас высказал?
Гесслер: Нет, мы знали каждого в штабе, и не обсуждается, что кто-то из сотрудников штаба придерживался другого мнения.
Кранцбюлер: Корветтен-капитан Мёле свидетельствовал о том, что он просил у корветтен-капитана Купиша[314], который был сотрудником вашего штаба, объяснения приказа «Laconia» и что Купиш сказал ему об инциденте Ю-386, и сказал это так, что показалось будто командир подводных лодок приказал расстреливать выживших.
Гесслер: Это невозможно.
Кранцбюлер: Почему?
Гесслер: Потому что Купиш вышел в море в июле 1943 и не вернулся из этого похода. Инцидент с Ю-386 случился осенью 1943, что было позже.
Кранцбюлер: Корветтен-капитан Мёле в своём первом заявлении оставил открытой возможность, что эта история о Ю-386 могла прийти от вас. Вы обсуждали с ним этот вопрос?
Гесслер: Нет.
Кранцбюлер: Вы уверены в этом?
Гесслер: Абсолютно уверен.
Кранцбюлер: Вы слышали интерпретацию корветтен-капитана Мёле приказа

[314] Герберт Куппиш (1909-1943) – немецкий подводник. В декабре 1942 – июле 1943 находился в штабе ОКМ. Погиб вместе с подводной лодкой в бою с американской авиацией.

«Laconia»?

Гесслер: После капитуляции – то есть, после конца войны и от британского офицера.

Кранцбюлер: Как вы объясните тот факт, что очень немногие офицеры которые получили эти инструкции от Мёле, никогда не поднимали вопрос интерпретации данного приказа командира подводных лодок?

Гесслер: У меня есть только одно объяснение, это то, что эти офицеры думали, что интерпретация корветтен-капитана Мёле была совершенно невозможной и не согласовывалась с интерпретацией командира подводных лодок.

Кранцбюлер: Следовательно, они не думали, что требовалось разъяснение?

Гесслер: Они не думали, что требовалось разъяснение.

Кранцбюлер: Обвинение вменяемое адмиралу Дёницу в основном базируется на фрагментах из журнала боевых действий СКЛ и командира подводных лодок, документов которыми владеет британское адмиралтейство. Как получилось, что все эти данные попали в руки британского адмиралтейства - in toto[315]?

Гесслер: Это было желание адмирала, чтобы журналы боевых действий подводных лодок и командира подводных лодок, которые составляли часть военно-морских архивов нужно было сохранить и не уничтожать.

Кранцбюлер: Он, что-нибудь говорил вам об этом?

Гесслер: Да, в такой форме, когда я сказал ему о том, что данные нашего штаба полностью уничтожены.

Кранцбюлер: Он привёл какую-нибудь причину о том почему он не хотел уничтожать военно-морские архивы?

Гесслер: Он хотел сохранить эти данные после войны, и штабу руководства войной на море было нечего скрывать.

Кранцбюлер: Это ваше мнение или мнение высказанное вам адмиралом Дёницем?

Гесслер: Он сказал мне: «У нас чистая совесть».

Кранцбюлер: Сразу же после капитуляции вас постоянно допрашивали по вопросам подводной войны и вы спросили старшего присутствовавшего офицера о том будет ли британский флот обвинять германское подводное командование за преступные деяния. Правильно?

Гесслер: Да.

Кранцбюлер: И какой ответ вы получили?

Гесслер: Немедленное «нет».

Кранцбюлер: У меня больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать какие-нибудь вопросы?

[*Нет ответа*]

---

[315] «В целом» (лат.)

Председатель: Обвинение?

Филлимор: С разрешения трибунала я бы не хотел предлагать перекрёстно допрашивать и попросить отнести мой перекрёстный допрос к последнему свидетелю, потому что по сути это теже самые доводы.

Председатель: Очень хорошо.

Какой-нибудь другой обвинитель желает перекрёстно допросить?

Да, доктор Кранцбюлер?

Кранцбюлер: У меня больше нет вопросов к свидетелю, господин председатель.

Председатель: В допросе подсудимого Дёница он сказал о том, что Годт и Гесслер – это вы, не так ли…?

Гесслер: Да.

Председатель: …сказали ему: «Не посылайте этот сигнал. Поймите, однажды это будет неправильно, это можно неправильно понять». Вы это сказали?

Гесслер: Я не помню. Как консультантам нам часто приходилось возражать приказам которые готовили, мы были вправе так делать, но я не помню сделал ли так адмирал Годт и я.

Председатель: Затем позже в этом допросе подсудимый Дёниц сказал:

«Я полностью и лично ответственный за это» - этот приказ – «потому что капитаны Годт и Гесслер высказали, что они считали телеграмму двусмысленной и возможной к неправильной интерпретации».

Вы сказали, что эта телеграмма была двусмысленной или возможной к неправильной интерпретации?

Гесслер: Я это не помню. Я не думаю, что телеграмма была двусмысленной.

Председатель: И наконец подсудимый Дёниц сказал:

«Я бы хотел снова подчеркнуть, что и капитан Годт и капитан Гесслер решительно возражали направлению телеграммы».

Вы скажите, что не возражали решительно направлению телеграммы?

Гесслер: Возможно, что мы возражали передаче телеграммы, потому что мы не считали нужным снова ссылаться на вопрос.

Председатель: Вы вообще, что-нибудь говорили подсудимому Дёницу об этой телеграмме?

Гесслер: При подготовке телеграммы, мы её обсуждали, также как мы обсуждали каждую радиограмму которую готовили. Пока шло время, мы готовили сотни радиограмм, поэтому невозможно вспомнить, что говорили в каждом случае.

Председатель: Вы начали ваш ответ на этот вопрос: «При подготовке этой телеграммы…».

Вы помните, что происходило при подготовке этой телеграммы?

Гесслер: Я могу вспомнить только то, что в ходе так называемого инцидента «Laconia» отправляли и получали очень много радиограмм, что готовили много радиограмм, и что кроме того, операции подводных лодок шли в Атлантике, таким

образом я не могу вспомнить детали того, что происходило, когда готовилось сообщение.

Председатель: Сейчас вы сказали, что возможно, что вы и адмирал Годт возражали направлению этой телеграммы. Это ваш ответ?

Гесслер: Возможно, не могу сказать.

Председатель: Очень хорошо, доктор Кранцбюлер, свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Кранцбюлер: Господин председатель, этим утром я уже уведомил обвинение о том, что не буду вызывать четырёх запланированных свидетелей – то есть адмирала Экардта. Таким образом, мой допрос свидетелей завершен.

Председатель: И на этом ваше дело сейчас закончено?

Кранцбюлер: На этом моё дело завершается, но с разрешения трибунала я бы хотел разъяснить ещё один вопрос который касается документов.

Трибунал отказал во всех документах которые ссылаются на контрабанду, контроль портов, и систему навицерта. Эти вопросы имеют кое-какое значение, если мне потребуется представить правильную картину.

Могу я интерпретировать решение трибунала как означающее, что эти документы не нужно использовать сейчас в качестве доказательств, и что я могу получить разрешение использовать их позднее в своей юридической аргументации?

Председатель: Доктор Кранцбюлер, трибунал считает, что этот вопрос можно отложить до момента вашего выступления.

Кранцбюлер: Спасибо, господин председатель. На этом я завершаю своё дело.

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 15 мая 1946*]

День сто тридцатый

Среда, 15 мая 1946

Утреннее заседание

[*Свидетель Эмиль Пуль занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?
Пуль: Эмиль Иоганн Рудольф Пуль.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Заутер: Свидетель Пуль, вы бывший вице-президент Рейхсбанка?
Пуль: Да.
Заутер: Правильно ли я информирован, вы были членом дирекции Рейхсбанка ещё во время доктора Шахта?
Пуль: Да.
Заутер: Когда ушёл доктор Шахт, вы были одним из немногих господ которые остались в Рейхсбанке?
Пуль: Да.
Заутер: Затем по предложению подсудимого Функа, Гитлер назначил вас управляющим вице-президентом Рейхсбанка?
Пуль: Да.
Заутер: Когда это было?
Пуль: В течение 1939 года.
Заутер: В течение 1939 года. Вы сказали о том, что вы были управляющим вице-президентом, и я предполагаю вследствие того, что банковская деятельность не являлась специализацией подсудимого Функа в то время как вы были экспертом в банковской деятельности, и кроме того Функ был ответственным за рейхсминистерство экономики? Верно?
Пуль: Да, но была ещё одна причина, разделение полномочий между официальными делами с одной стороны и руководством кадрами с другой.
Заутер: Фактическое ведение дел видимо являлось вашей ответственностью?
Пуль: Да.

Заутер: Отсюда, должность управляющего вице-президента?
Пуль: Да. Могу я немного прокомментировать это?
Заутер: Только если это нужно в интересах дела.
Пуль: Да. Дела дирекции Рейхсбанка были разделены среди членов дирекции. Каждый член имел полную ответственность в своей сфере. Вице-президент был primus inter pares[316], его основная задача заключалась в том, чтобы действовать в качестве председателя на собраниях, чтобы представлять президента во внешнем мире и решать проблемы общеэкономической и банковской политики.
Заутер: Свидетель, подсудимый Функ ссылался на вас как свидетеля ещё в декабре. Вам это известно, не так ли? И соответственно вас допрашивали в лагере где вы сейчас находитесь, кажется в Баден-Бадене…
Пуль: Рядом с Баден-Баденом.
Заутер: …допрашивали 1 мая?
Пуль: Да.
Заутер: Два дня спустя вас снова допрашивали?
Пуль: Да.
Заутер: 3 мая?
Пуль: Да.
Заутер: Вам известно почему вопросы о которых вас спрашивали 3 мая не рассматривали во время допроса 1 мая?
Пуль: Передо мною письменные показания от 3 мая.
Заутер: 3 мая. Те, что касаются деловых отношений с СС?
Пуль: Да. Но меня спрашивали об этой теме уже 1 мая, очень кратко, и 3 мая был второй допрос с целью более подробного обсуждения.
Заутер: Вы не говорили об этих деловых отношениях с СС во время своего допроса 1 мая?
Пуль: Да.
Заутер: Вы о них говорили?
Пуль: Было сделано краткое заявление.
Заутер: Во время допроса от 1 мая?
Пуль: Да. Во всяком случае, заявление от 3 мая сделанное во время допроса было всего лишь подробной записью того, что уже кратко обсуждали раньше.
Заутер: У меня есть протокол вашего допроса от 1 мая, я снова прочитал его сегодня. Но, как я смог понять, он вообще не содержит ничего о деловых отношениях с СС. Вы должно быть говорите о другом допросе?
Пуль: Да.
Додд: Господин председатель, думаю, наверное я смогу помочь в этой путанице. Опросный лист разрешённый трибуналом был взят 1 мая, но в тот же самый день, и независимо от этих допросов, сотрудник из нашего штата тоже допросил данного

[316] «Первым среди равных» (лат.)

свидетеля. Но это была отдельная беседа. Это не относилось к опросному листу, и я думаю в этом источник путаницы.

Председатель: Очень хорошо.

Заутер: Вас дважды допрашивали об этих операциях с СС?

Пуль: Да, дважды в дни рядом с 1 мая, правильно.

Заутер: Вы помните письменные показания которые подписали 3 мая?

Пуль: 3 мая, да.

Заутер: Это письменные показания которые касаются этих операций с СС. Ваши заявления в этих письменных показаниях верные?

Пуль: Да.

Заутер: Свидетель, вас снова допрашивали об этих вопросах с того времени, с 3 мая?

Пуль: Да.

Заутер: Когда?

Пуль: Здесь в Нюрнберге.

Заутер: Когда вас допрашивали?

Пуль: В течение последних нескольких дней.

Заутер: Понятно. Сегодня среда, когда это было?

Пуль: Пятница, понедельник, вторник.

Заутер: Вчера?

Пуль: Да.

Заутер: Об этом деле?

Пуль: Да.

Заутер: Вам также здесь показали фильм?

Пуль: Да.

Заутер: Один раз или два?

Пуль: Один.

Заутер: Вы раньше видели фильм?

Пуль: Нет.

Заутер: Вы чётко опознали, что представлено в фильме?

Пуль: Да.

Заутер: Я спрашиваю, потому как, как вам известно, фильм идёт очень быстро и очень короткий, обвинение показало его дважды в зале суда для того, чтобы можно было хорошо понять. Одного показа достаточно, чтобы вы поняли, что содержалось в фильме?

Пуль: Да.

Заутер: Тогда скажите мне, что вы в нём увидели, только то, что увидели в фильме, или что как вы думаете, вы видели.

Пуль: Да. Фильм сняли перед сейфами нашего банка во Франкфурте-на-Майне, обычными сейфами со стеклянными дверями, за которыми можно видеть закрытые

коробки и контейнеры, которые видимо там хранились. Это была обычная картина из этих укреплённых комнат. Перед этими сейфами было несколько контейнеров которые открыли для того, чтобы можно было видеть их содержимое – монеты, украшения, жемчуг, банкноты, часы.

Заутер: Что за часы?

Пуль: Большие будильники.

Заутер: Ничего ещё? Вы не увидели ничего другого в фильме?

Пуль: Кроме этих предметов?

Заутер: Кроме этих, скажем так, ценностей, разве вы не увидели чего-то ещё, что предположительно там хранили?

Пуль: Нет, нет.

Заутер: Только эти ценности? Пожалуйста, продолжайте.

Пуль: Я заметил, что среди этих ценностей были монеты, видимо серебряные монеты, а также банкноты, очевидно американские банкноты.

Заутер: Верно.

Пуль: Удивительно, что эти вещи передали нам на хранение, потому что если бы это дошло до наших сотрудников, тогда бы без сомнения…

Заутер: Пожалуйста, говорите медленнее.

Пуль: …без сомнения банкноты были бы сразу же переданы отделу валюты, поскольку, как известно, существовал общий приказ о передаче иностранных банкнот в которых была большая потребность.

Нечто похожее относится к монетам. Их тоже следовало передавать в казначейство в соответствии с правилами и обычным распорядком, то есть, их должны были приобретать за счёт Рейха.

Заутер: Это то, что вы заметили в фильме?

Пуль: Да.

Заутер: И ничего другого.

Пуль: Нет.

Заутер: Свидетель, ценные вещи доверенные Рейхсбанку для хранения предполагалось хранить в Рейхсбанке подобным образом. Итак, я спрашиваю себя, на самом ли деле Рейхсбанк хранил доверенные ему ценности способом показанным в фильме и следовательно я хочу задать вам этот вопрос: вы как управляющий вице-президент Рейхсбанка знаете о том как ценности передавали на хранение в укрепленные комнаты, например в Берлине или во Франкфурте, где был снят фильм?

Пуль: Да.

Заутер: Пожалуйста расскажите суду.

Пуль: Внешний вид сейфовых сооружений в Берлине был довольно похож на Франкфурт и наверное похож на любой другой крупный банк. Эти вещи известны нам как «закрытые депозиты» - банковский термин, и хранились, как указывает

название, в закрытых контейнерах. Пространство для них обеспечивали мы и нам платили поклажедатели, согласно размеру каждого ящика.

Заутер: Эти вещи хранили – например, в Берлине или во Франкфурте – именно так как показано в фильме?

Пуль: Что же, у меня сложилось впечатление, что вещи о которых мы сейчас говорим поставили там с целью съемки.

Заутер: Для съемки. Вы припоминаете, что видели мешок, который, как я думаю, был показан в фильме с ярлыком «Рейхсбанк Франкфурт»?

Пуль: Да, я видел мешок с ярлыком «Рейхсбанк», не могу сказать был ли это «Рейхсбанк Франкфурт».

Заутер: Насколько я знаю, на нём имелось «Рейхсбанк Франкфурт». По этой причине мы полагали, что фильм был снят во Франкфурте, и обвинение подтвердило это.

Додд: Я не хочу прерывать, но я думаю, мы должны быть осторожными с таким заявлением. Уже было две небольших ошибки. Мы не показывали фильм дважды трибуналу и этот мешок не имеет бирки «Франкфурт». Сказано просто: «Рейхсбанк». Это фильм Шахта показывали дважды, потому что он шёл довольно быстро.

Заутер: Свидетель, продолжайте отвечать на вопрос. Я могу поставить его так: Рейхсбанк хранил золотые предметы и похожее в таких мешках?

Пуль: Если я правильно вас понимаю, вы спросили это: когда нам сдавали ценности на хранение, их хранили в открытых мешках? Верно?

Заутер: Я не знаю какой у вас было порядок?

Пуль: Мы во всяком случае имели закрытые депозиты, что подразумевает название. Конечно, мешок мог быть закрытым, это вполне возможно.

Заутер: До сих пор я видел банки в Мюнхене, вещи которые хранили там в нарастающем объеме во время войны без исключения хранились в закрытых коробках или ящиках и похожем, для того, чтобы банк вообще не знал о том, что находится в ящиках или коробках. Рейхсбанк использовал другой порядок?

Пуль: Нет, именно такой. И важная вещь по поводу мешка, как сказали, ярлык «Рейхсбанк». Очевидно этот мешок принадлежал нам, а не какому-то частному лицу.

Заутер: Значит, вы тоже, если я могу повторить это, чтобы избежать любого сомнения, вы тоже хранили ценности в закрытом контейнере, которые хранились как «закрытые депозиты»?

Пуль: Да.

Заутер: Или они шли в металлические ящики?

Пуль: Слово «депозиты» может вводить в заблуждение. Закрытые контейнеры шли в укреплённую комнату. Укреплённая комнаты состояла из металлических ящиков в которых хранились контейнеры или ящики. Совершенно независимо от этого

порядка, у нас имелись «открытые депозиты». Открытые депозиты это те, с которыми по изначальной договорённости обращались открыто. Укреплённые комнаты находились в совершенно другой части здания от так называемой главной укрепленной комнаты.

Заутер: Но, предположительно, здесь речь не идёт об открытых депозитах?

Пуль: Нет.

Заутер: Итак, свидетель, я перехожу к депозитам от СС. Эти депозиты находились не во Франкфурте, а предположительно в Берлине в основном банке.

Пуль: Да.

Заутер: Итак, вы приведете подробности о дискуссиях которые имел с вами подсудимый Функ о депозитах СС. И могу я попросить вас учитывать свои ответы и перед ответом на мои вопросы обращаться к памяти очень внимательно. Естественно я дам вам время.

Прежде всего, что обсуждали вы и подсудимый Функ, когда вы впервые беседовали об этих депозитах от СС?

Пуль: Здесь я ссылаюсь на мои письменные показания от 3 мая. У меня была очень простая беседа с господином Функом. Поступила просьба СС воспользоваться помещениями нашего банка для хранения ценностей для которых, как говорилось, не было достаточной защиты в подвалах здания СС. Вероятно, полноты ради, я могу добавить, что «СС», в связи с этим, всегда означает экономическое управление СС.

Заутер: Что в то время сказал подсудимый Функ? Он конкретно обозначил, что должны принять на хранение?

Пуль: Он упоминал ценности которые СС доставило с восточных территорий, которые были в их подвалах и которые прежде всего, требовалось хранить в безопасности.

Заутер: Подсудимый Функ сказал вам в деталях в чём заключались эти ценности?

Пуль: Нет, не подробно, но он сказал, что в целом они были золотом, валютой, серебром и ювелирными изделиями.

Заутер: Золото, валюта, серебро, ювелирные изделия…

Пуль: К этому я могу добавить, что золото и валюту конечно нужно было во всяком случае сдавать в Рейхсбанк.

Заутер: Золото, валюту, серебро и ювелирные изделия?

Пуль: Да.

Заутер: И это предположительно конфисковали на восточных территориях?

Пуль: Да.

Заутер: Подсудимый Функ сказал вам тогда, почему производились эти конфискации, или кого они затрагивали?

Пуль: Нет, об этом не говорилось, беседа, как я сказал, была короткой.

Заутер: И каким был ваш ответ?

Пуль: Я сказал о том, что подобные дела с СС были бы для нас как минимум

неудобными и я озвучил этому возражения. Я могу добавить, что мы, как Рейхсбанк всегда были очень осторожными в этих вопросах, например, когда нам предлагали ценности отделы валютного контроля, таможенники и подобное.

Заутер: В чём заключалась фактическая причина ваших возражений в случае СС?

Пуль: Потому что нельзя было не знать, какие неудобства могут вызвать подобные деловые связи.

Заутер: Свидетель, меня не удовлетворяет такой ответ. Вы или подсудимый Функ не желали иметь ничего общего с СС или была какая-то другая причина для ваших возражений?

Пуль: На первую часть вашего ответа я отвечаю «нет». Принципиального возражения не было, и быть не могло, так как, в конце концов, каждая германская организация или учреждение имела законное право пользоваться услугами Рейхсбанка.

Обстоятельства возникновения этих конфискаций были неприятными, как и конфискации отделов валютного контроля, и т.д, которые я упоминал, потому что никто не знал о том какие могут возникнуть трудности.

Заутер: Таким образом, если я правильно вас понимаю – пожалуйста поправьте меня если я это неправильно интерпретирую – вы озвучили возражения, потому что эти деловые отношения были в чём-то неприятными для Рейхсбанка, они ощущались как находившиеся за рамками обычного делового оборота и были настолько же малоприятными для вас, как например, депозиты таможенных властей или отделов валютного контроля и так далее? Только по этой причине?

Пуль: Да. Но я должен кое-что добавить; нас спросили не могли ли мы оказать СС содействие в обращении с этими депозитами. Конечно, сразу же было ясно, и было прямо сказано, что эти депозиты включали валюту, а также ценности и разного рода монеты, и т.д, и что эсэсовцы не совсем знали как работать с этими вещами.

Заутер: Эти вещи возникли потом?

Пуль: Да. Но до этого случилось кое-что ещё. После этой беседы глава экономического управления СС, по имени Поль, обергруппенфюрер Поль, связался со мной. Я попросил его прийти в моё ведомство, и там он повторил, то о чём я уже знал, а именно, что он бы приветствовал если бы мы как можно скорее приняли эти ценности.

Заутер: Каким был ваш ответ?

Пуль: Я подтвердил, что мы договорились и сказал: «Если вы назначите сотрудников вашего ведомства, я сообщу нашему ведомству и вместе они смогут обсудить технические детали».

Заутер: Обращаясь к более ранней стадии: что сказал подсудимый Функ, когда вы объясняли во время первой беседы с ним, что вы не хотели бы принимать эти вещи, потому что часто имели много проблем с такими делами?

Пуль: Мои возражения подчинялись более широкому соображению содействия СС,

к тому же – и это нужно подчеркнуть, потому что эти вещи предназначались за счет Рейха.

Заутер: Вы обсуждали нужно ли было переводить эти вещи, в частности золото, в Рейхсбанк или переплавить?

Пуль: Нет, в подробностях, нет, просто было сказано, что сотрудники Рейхсбанка окужут свои добрые услуги СС.

Заутер: Я не совсем понимаю. Добрые услуги сотрудников Рейхсбанка состояли в получении этих ценностей для сохранения и хранения под замком?

Пуль: Да.

Заутер: Услуги ваших сотрудников выходили за пределы этого?

Пуль: Да, постольку поскольку эсэсовцы должны были приходить и доставать из контейнеров все, что нужно было сдавать.

Заутер: Например, золотые монеты, валюту и т.д.

Пуль: Да.

Заутер: Значит вы видели – возвращаясь к уже поставленному вопросу – вы видели, что поступало, что привозили СС?

Пуль: Лично, нет. Это происходило далеко от моего кабинета, в совершенно другом здании, внизу в укреплённых комнатах, в которые я, как вице-президент Рейхсбанк не мог войти без особой причины.

Заутер: Вы, как вице-президент Рейхсбанка часто посещали эти укреплённые комнаты?

Пуль: У меня была привычка, иногда с промежутком в три месяца или дольше, ходить в укреплённые комнаты, если к этому был какой-то повод, например, когда нужно было проводить посетителя или обсудить какое-то новое помещение, или когда там было, что-то более важное кроме простого сопровождения клиентов к сейфам.

Заутер: Но, конечно, как вице-президент вы не имели никакого отношения к обслуживанию клиентов?

Пуль: Нет.

Заутер: И я хочу задать вам этот же вопрос в отношении подсудимого Функа. Подсудимый Функ, который более того принадлежал к Рейхсбанку лишь отчасти, часто ходил в укреплённые комнаты?

Если так, как часто и по какой причине? И он видел, что передавали СС?

Пуль: Ответ в том, что Функ тоже ходил в укреплённые комнаты по особым случаям, например, когда были зарубежные посетители. Естественно, я не знаю как часто, как и не знаю видел ли он депозиты СС. Это зависит от тех сотрудников которые сопровождали его в эти укреплённые комнаты.

Заутер: Вы, свидетель, видели вещи поступавшие от СС – вы лично их видели?

Пуль: Нет, никогда.

Заутер: Никогда.

Пуль: Никогда.
Заутер: Вы думаете, что подсудимый Функ их видел?
Пуль: Конечно, не могу сказать, это зависит от того указывали ли сотрудники укреплённых комнат особо: «Здесь депозит от СС».
Заутер: Тогда я предполагаю, вы не можете дать нам никакой информации о том как на самом деле хранились эти вещи из СС или о том как они складировались?
Пуль: Нет.
Заутер: Были коробки или…
Пуль: Нет, я не знаю об этом.
Заутер: Вы снова говорили про всё это дело депозитов из СС с подсудимым Функом?
Пуль: Вряд ли вообще, насколько я помню. Но я точно говорил с ним второй раз, после посещения меня господином Полем, так как, конечно, моя задача и мой долг заключался в том, чтобы держать Функа в курсе обо всём.
Заутер: Сотрудники дирекции Рейхсбанка, совета директоров, придавали особое внимание этому делу в целом для того, чтобы мог быть повод обсудить это более часто? Или к этому относились как неприятному, но важному делу?
Пуль: Нет. В начале, наверное был доклад об этом на собрании дирекции, но затем об этом снова не говорили.
Заутер: Вы не можете вспомнить последующую беседу по этому вопросу с Функом? Но это возможно, если я правильно вас понял, что после договорённости с обергруппенфюрером СС Полем, вы снова могли кратко об этом сообщить? Я правильно вас понял.
Пуль: Да.
Заутер: Итак, свидетель, в своих письменных показаниях под цифрой 5, вы говорите, что среди вещей хранившихся СС были ювелирные изделия, часы, оправы для очков, золотые коронки – видимо зубные коронки и другие вещи в больших количествах которые СС изъяли у евреев и жертв концентрационных лагерей и других людей. Откуда вам это известно?
Пуль: Я знаю об этом по моим допросам во Франкфурте.
Заутер: Вам говорили об этих вещах во время ваших допросов во Франкфурте после вашего ареста?
Пуль: И их мне показывали.
Заутер: Вы не имели никаких сведений о них будучи свободным и управляя Рейхсбанком как вице-президент?
Пуль: Нет, потому как, я снова повторю, мы никогда не обсуждали это в дирекции, поскольку это не имело большого значения для валюты или банковской политики или в каком-то другом отношении.
Заутер: Свидетель, если бы в то время в 1942 вы узнали, что это были вещи которые СС изъяли у многих жертв концентрационных лагерей, вы бы взяли их на хранение?

Пуль: Нет.

Заутер: Чтобы вы сделали?

Пуль: Тогда мы были пришли к каком-то решению об отношении которое банк как единое целое должен занять к этой проблеме.

Заутер: У кого было бы решающее слово?

Пуль: Решение принималось бы дирекцией Рейхсбанка как исполнительным органом, как корпоративным органом, и оно было бы представлено президенту для контрассигнации.

Заутер: Раньше – я должен заполнить пробел в связи с вашими письменными показаниями – вы высказались в довольно вводящей в заблуждение манере. Ранее вы заявили: «Это нам стало известно от членов СС, которые пытались превратить все эти ценности, в золото, в наличные». И сегодня вы говорите, что вы услышали об этом только после вашего ареста. Видимо, если я правильно вас понимаю, должно быть…

Председатель: Доктор Заутер, я не понимаю, почему вы говорите «ранее». Это фраза которая следует за фразой которую вы ему предъявили.

Заутер: Да, господин председатель.

Председатель: Тогда зачем вы говорите «ранее»? Зачемы вы говорите «ранее»?

Заутер: В письменных показаниях – если формулировка письменных показаний правильная и нет никакого недопонимания – свидетель сказал…

Председатель: Что я отмечаю вам, это то, что первая фраза гласит так: «Материал сданный на хранение СС, был захвачен членами СС у евреев, у жертв концентрационных лагерей и других лиц». И затем продолжает: «Это нам стало известно от членов СС, которые пытались превратить все эти ценности в звонкую монету». То, что вы предъявляете ему это то, что ему раньше предъявляли такое принятие. По крайней мере так я понимаю вы говорите.

Заутер: Нет, сегодня свидетель сказал, что ему только во время допросов во Франкфурте сказали о том, что эти вещи забирали у жертв концентрационных лагерей, и т.д. Однако письменные показания, можно и следует интепретировать по моему мнению как говорящие, что он получил сведения, уже до своего ареста, от сотрудников СС и видимо это неправда. По этой причине я спросил свидетеля не является ли такое выражение недопониманием.

Итак, свидетель, если я могу повторить это: вы впервые услышали об этих вещах относящихся к жертвам концентрационных лагерей на вашем допросе?

Пуль: Да.

Заутер: И когда вы узнали о том, что содержалось в этих депозитах, когда вы узнали о том, взяв один пример, в них содержались золотые зубы?

Пуль: Вообще нет. Никакие детали операции не доводили до дирекции сотрудники укреплённой комнаты или сотрудники сейфа.

Заутер: Значит и об этом, вы услышали только после вашего ареста?

Пуль: О деталях, да.
Заутер: Хорошо. Итак, вы говорите о договорённости которую согласно заявлению Функа, Гиммлер, рейхсфюрер СС как сказано имел с рейхсминистром финансов. Что вам известно об этой договорённости?
Пуль: Это договорённость о которой я уже говорил. С самого начала было ясно, что ценность вещей хранившихся у нас должна была определяться министерством финансов.
Заутер: Не СС?
Пуль: Нет, не СС.
Заутер: Почему нет? СС были поклажедателями, не так ли?
Пуль: Да, но они утверждали, что их действия проводятся от имени и по поручению Рейха и за его счёт.
Заутер: Свидетель, вам известно, передавали ли эти ценности конфискованные или похищенные СС на Востоке каким-то образом, принципиально в распоряжение рейхсминистерства финансов?
Пуль: Я не совсем понял вопрос. Вы говорите об этих вещах или конфискованных вещах, ценностях в целом?
Заутер: О всех ценностях. Я говорю о золоте, валюте, и так далее, все эти вещи СС взятые на Востоке, все их нужно было передавать в распоряжение рейхсминистерства финансов, а не Рейхсбанка?
Пуль: Эквивалетной стоимости?
Заутер: Да, эквивалентной стоимости.
Пуль: Эквивалентную стоимость доверяли рейхсминистерству финансов.
Заутер: В связи с этим, свидетель, могу я показать вам два отчёта. Я не знаю видели ли вы их. Это два отчёта из отдела главного кассира вашего банка.
Пуль: Да, нам.
Заутер: Я хочу, чтобы вы на них взглянули, и сказали мне, видели ли вы их раньше и что вам о них известно?
Пуль: Я видел эти две копии – фотокопии – во время моих допросов.
Заутер: Но не раньше?
Пуль: Нет, не раньше. И из этих фотокопий ясно – мы это уже обсуждали – что эквивалетную стоимость должны были доверять рейхсгаупткассе, как здесь сказано, рейхсгаупткасса являлась частью министерства финансов.
Заутер: Таким образом, видимо это связано с той договорённостью, о которой вы слышали, что в конце концов эти вещи принадлежали рейхсминистерству финансов, Рейху.
Пуль: Да.
Заутер: У меня есть ещё один вопрос по теме. И я бы хотел знать есть ли здесь недопонимание. В письменных показаниях вы говорите о том, что Функ сказал вам о том, что данный вопрос нужно было хранить в абсолютной тайне, такова

формулировка. Сегодня вы вообще не говорили об этом, хотя перед вами есть письменные показания. Вы скажете, это правда или недопонимание.

Пуль: О том, чтобы держать это в тайне? Нет.

Заутер: Да.

Пуль: Конечно, данный вопрос нужно было держать в тайне, но тогда всё, что происходило банк должен был держать в тайне.

Заутер: Свидетель, данное заявление конечно не может нас удовлетворить. Вы, во время допроса 3 мая, сказали то, что содержалось в этом документе, а именно, что дело нужно было хранить в абсолютной тайне, или вы высказались другими словами?

Пуль: Нет, формулировка письменных показаний правильная, вопрос нужно было держать в абсолютной тайне.

Заутер: Зачем?

Пуль: Зачем? Просто потому, что такие вопросы обычно держат в тайне и не публикуют, кроме того, эти вещи пришли с Востока. Я повторю, то, что сказал раньше, что наше отношение к конфискованным вещам всегда заключалось в том, чтобы избегать их.

Заутер: Вас не удивило как необычное то, что подсудимый Функ говорит о сохранении дела в тайне?

Пуль: Нет.

Заутер: И не удивило вас как необычное?

Пуль: Не как необычное.

Заутер: Не как необычное?

Пуль: Нет. В беседе просто решили, что раз уж мы были готовы принимать конфискованные вещи от отделов валютного контроля и таможенных ведомств, естественно, мы должны были, настаивать на секретности при принятии таких вещей.

Заутер: Да. Но согласно вашему вашему отчету о деле, кажется что, с одной стороны, вы считали дело совершенно законным, и вы сами говорите, что это было совершенно законно, с другой стороны, секретность была для вас, как старого банковского эксперта, само собой разумеющейся. Теперь возникает вопрос, зачем вообще тогда обсуждался вопрос сохранения дела в тайне?

Пуль: Господин Функ лично попросил насколько возможно держать дело в тайне и он передал эту просьбу.

Заутер: Функ сказал вам, что его попросили хранить дело в тайне?

Пуль: Я это не помню.

Заутер: Вы не спрашивали его зачем это нужно держать в тайне, абсолютной тайне, как вы говорите? Я не знаю вы всё также утверждаете об «абсолютной тайне»?

Пуль: Да, особая обязанность соблюдать секретность возлагалась на чиновников.

Заутер: Что же, что вы, как вице-президент, как управляющий вице-президент,

сказали об этом?

Пуль: Я ничего не сказал, потому что, если это было согласовано, тогда пришлось бы выполнять это пожелание.

Заутер: Но вы не знаете было ли это согласовано?

Пуль: Что же, полагаю, что это было согласовано.

Заутер: Вы считаете это возможным?

Пуль: Да.

Заутер: И, повторяя это – вы вообще не видели вещи которые приходили?

Пуль: Нет, вообще нет.

Заутер: И, наверное, вы не знаете сколько там было?

Пуль: Нет, этого я тоже не знаю, и как я сказал раньше, я никогда не видел отчет, это не соответствовало нашему порядку, так как индивидуальные операции не доводили до членов дирекции.

Заутер: Я спрашиваю, потому как, недавно, когда обсуждали это дело, утверждалось, что целые грузовики таких вещей, прибывали целые грузовики. Вы уже смеялись и вы будете смеяться, когда я скажу вам, что, как сказано, 47 грузовиков золота прибыли в ваш банк, и вы ничего о них не знали?

Пуль: Я никогда об этом не слышал.

Заутер: Вы ничего об этом не слышали? Свидетель, мы оставим этот пункт и перейдем ко второму пункту в ваших майских письменных показаниях, что мы можем рассмотреть очень коротко.

Думаю, вы знали господина Поля, обергруппенфюрера СС Поля, о котором вы сейчас говорили, уже в 1942?

Пуль: Да, но не много ни мало это был первый повод по которому Поль пришёл ко мне в кабинет.

Заутер: Это не упрёк, я лишь хотел установить факт. Вы знали его в результате той первой кредитной транзакции которая состоялась раньше.

Пуль: Да, может быть.

Заутер: Подсудимый Функ говорит, поймите, что насколько он может вспомнить кредитный вопрос – и он не придавал этому никакого особого значения в то время – обсуждали приблизительно в 1940, за некоторое время до ещё одной транзакции. Это может быть правдой? Приблизительно?

Пуль: Я не могу ни отрицать ни подтвердить это, я уже не помню дату кредита.

Заутер: Что же, в своих письменных показаниях вы заявляете, со ссылкой на этот кредит, что Рейхсбанк одобрил кредит в 10 или 12 миллионов для СС, мне кажется, чтобы выплатить займ который СС взяли в другом банке. И вы говорите, что этот кредит был использован для финансирования производства на фабриках под руководством СС, где использовались рабочие из концентрационных лагерей.

Свидетель, меня не интересует этот кредит в основном сам по себе, потому как, конечно он являлся частью вашего дела как банка, и цифра, как я думаю 10 или

12 миллионов тоже не необычная. Но меня интересует то откуда вы знали, что эти деньги должны были использоваться для фабрик СС на которых использовали рабочих из концентрационных лагерей. Откуда вам это известно?

Пуль: Заявление о кредите пришло из экономического управления СС о котором я уже говорил. Это управление руководило рядом фабрик в Германии, и нуждалось в деньгах с этой целью. «Gold Discount Bank» готов был предоставить этот кредит, но только в форме обычных деловых кредитов. Другими словами, должник должен был представить нам бухгалтерский баланс и в регулярные интервалы должен был сообщать о своём производстве, своём общем финансовом положении, своих планах на ближайшее будущее, короче, о всех вопросах о которых должник должен информировать своего кредитора.

Совет директоров «Gold Discount Bank» вёл эти переговоры, в которых представители экономического управления представили бухгалтерские балансы, естественно обсуждали свою производственную программу, которая была характерной постольку поскольку цифры заработной платы указанные в балансе были сравнительно небольшими. И естественно возник вопрос: почему ваш зарплатный счёт такой маленький? Директор «Gold Discount Bank» сообщил об этом на заседании совета директоров «Gold Discount Bank».

Заутер: Вы всегда ссылаетесь на «Gold Discount Bank». Трибуналу было бы интересно знать идентичен ли «Gold Discount Bank» Рейхсбанку, находился ли он также в компетенции подсудимого Функа и вашей, и в чём заключалось его положение?

Пуль: «Gold Discount Bank» был учреждением дополняющим Рейхсбанк, он был основан в двадцатых для различных целей, не только, чтобы способствовать экспорту, но также увеличивать производство. Капитальный характер…

Заутер: Нет, нас это не интересует.

Пуль: Практически все акции находились в руках Рейхсбанка. «Gold Discount Bank» имел совет директоров всегда возглавлявшийся президентом Рейхсбанка, он также имел заместителя председателя который был вторым вице-президентом Рейхсбанка и сам по себе совет директоров включал ряд членов дирекции Рейхсбанка, а также государственных секретарей из министерства экономики и министерства финансов.

Председатель: Нас не интересует, кто именно был директорами «Gold Discount Bank».

Заутер: Свидетель, фактически, я хотел прервать вас раньше, и сказать вам, что то на, что вы ссылались несущественно для процесса. Для меня и трибунала имеет единственный интерес услышать, имел ли сведения подсудимый Функ, насколько вы помните, об этих вопросах, о цели этого кредита и знал ли он о том, что на этих фабриках использовали людей из концентрационных лагерей? Вы знаете или нет?

Пуль: Я могу так полагать, но не могу знать. В любом случае, было известно, что кредит предназначался для фабрик.

Заутер: Свидетель, я не могу быть удовлетворен таким ответом, потому что СС, как вы наверное слышали, руководило различными предприятиями в которых не использовались заключённые концентрационных лагерей. По моим сведениям, например, фарфоровая фабрика в Аллахе видимо не использовала заключённых концентрационных лагерей. Затем, например, весь персонал на курортах…
Додд: Я возражаю показаниям защитника. Он практически даёт ответ свидетелю до того как задает вопрос.
Заутер: Вам известно, имели ли СС предприятия на которых не использовали заключенных концентрационных лагерей?
Пуль: Я, конечно, не знал о каждом отдельном предприятии СС, как и не мог знать о том использовались ли в каждом случае заключенные или нет.
Заутер: Подсудимый Функ вообще присутствовал на встрече где обсуждался кредит?
Пуль: Нет, он не присутствовал, представляли записи совещаний, мы всегда следовали такому порядку.
Заутер: Тогда подсудимый Функ вообще говорил с людьми которые предоставили информацию о необычных цифрах зарплатного счёта?
Пуль: Нет, это делал совет директоров «Gold Discount Bank».
Заутер: Это было сделано советом «Gold Discount Bank», не подсудимым Функом?
Тогда, господин председатель, у меня больше нет вопросов к свидетелю.
Додд: У меня есть несколько вопросов, ваша честь.
[*Обращаясь к свидетелю*] С кем вы говорили кроме представителей обвинения с того времени как прибыли в Нюрнберг? Вы смотрели в какие-нибудь бумаги?
Пуль: Я не знаю все их имена, мне кажется господин Кемпнер, господин Маргулис…
Додд: Я не спрашиваю вас о господах из обвинения. Я спрашиваю вас о ком-то ещё с кем вы говорили, если кто-то был, с момента вашего прибытия в Нюрнберг. Это не требует больших раздумий. Вы говорили с кем-либо ещё с момента прибытия сюда или нет?
Пуль: Только с другими заключёнными в коридоре нашей тюрьмы.
Додд: Ни с кем ещё?
Пуль: Ни с кем ещё.
Додд: Итак, вы абсолютно в этом уверены?
Пуль: Да, абсолютно.
Додд: Вы говорили с доктором Штуккартом в свидетельском крыле, и о ваших показаниях которые вы должны были дать этим утром? Ответьте на этот вопрос.
Пуль: Доктор Штуккарт один из заключённых в коридоре свидетельского крыла.
Додд: Я не спрашиваю об этом. Я спросил, говорили ли вы с ним день или два тому назад о ваших показаниях по делу?

Пуль: Нет.

Додд: Итак, думаю вам чрезвычайно важно напомнить, что вы находитесь под присягой. Я снова спрошу вас о том не говорили ли вы с доктором Штуккартом в свидетельском крыле о ваших показаниях или о фактах касательно Функа в данном деле?

Пуль: Нет, я говорил с ним о разного рода общих делах.

Додд: Вы тоже не говорили с четырьмя-пятью другими людьми о ваших показаниях или о фактах здесь?

Пуль: Нет, абсолютно нет.

Додд: Хорошо. Вам известен человек по имени Томс, Т-о-м-с?

Пуль: Т-о-м-с? Он был сотруднком Рейхсбанка который работал в хранилищах Рейхсбанка в Берлине.

Додд: Вы знаете человека, вы его знаете?

Пуль: Да.

Додд: Итак, вы говорили с ним об этих депозитах от СС, не так ли, господин Пуль?

Пуль: Господину Томсу, нет.

Додд: Вы с ним не говорили?

Пуль: Нет, я вообще не видел господина Томса в Нюрнберге, и только с расстояния во Франкфурте.

Додд: Сейчас я не ссылаюсь на Нюрнберг. Мы отойдем от этого на минуту. Я имею в виду, в то время, когда эти депозиты находились в Рейхсбанке. Вы не говорили с господином Томсом о депозитах?

Пуль: Да, я заявил это в письменных показаниях.

Додд: Что же, на несколько минут забудем про письменные показания. У меня есть к вам несколько вопросов. Меня особо интересует вопрос секретности. Что вы сказали Томсу о требовании секретности в отношении этих депозитов от СС? Вы сказали Томсу о требовании секретности в отношении этих депозитов СС?

Пуль: Я должен добавить, что я на самом деле говорил с господином Тонетти, потому что он был ответственным лицом, и господину Томсу только позвонили. Я сказал обоим господам, что желательно хранить это дело в тайне.

Додд: Вы сказали, что нужно было хранить это в тайне и что они не должны обсуждать это с кем-то ещё, что это весьма секретная, специальная транзакция, и если бы кто-то спросил о ней, ему нужно было сказать, что ему запрещено говорить об этом? Вы говорили это господину Томсу в Рейхсбанке?

Пуль: Да, в этом был смысл сказанного мной.

Додд: Что же, об этом я и спрашиваю. Почему вы сказали Томсу о том, что он не должен был говорить об этом, что это было абсолютно запрещено, что это было весьма секретно, если это просто было обычное обязательство возложенное на сотрудников занимашихся деловыми отношениями?

Пуль: Потому что президент Рейхсбанка Функ лично довёл до меня это пожелание.

Додд: Что же, думаю, вероятно есть какая-то путаница в наших умах. Поймите, я чётко понял, и ожидаю, что поняли и другие, как трибунал мог понять этим утром в зале суда, что вы сказали защитнику Функа, что секретность присвоенная этим транзакциям не была экстраординарной, а просто обычной секретностью или конфиденциальностью, которая возложена на банкиров в их взаимоотношениях с клиентами. Теперь, конечно, это не так?

Пуль: Положение, как я уже объяснял такое: в этих конфискованных ценностях мы обычно отказывали, когда их доставляли в банк, и если было сделано исключение, тогда само собой, что гораздо большую секретность, специальное обязательство сохранять секретность, нужно было соблюдать.

Додд: Я желаю, чтобы вы ответили на мой вопрос очень прямо. Не было особой причины для особой секретности в отношении этих депозитов СС? Вы можете ответить «да» или «нет».

Пуль: Нет, я не увидел никакой особой причины.

Додд: Тогда почему вы говорили Томсу, что это было весьма секретно и он должен был говорить каждому кто спрашивал его об этом, что ему запрещено говорить об этом? Обыкновенно вы не инструктировали своих людей по этому поводу, не так ли?

Пуль: Потому что лично я получил такую инструкцию.

Додд: Может быть так, но это была особая секретность, не так ли? Это не было обычным и привычным способом ведения дел?

Пуль: В конфискованных вещах обычно отказывали, когда они к нам приходили, если исключение которые мы сделали в данном случае стало бы известно, тогда это послужило бы образцом для остальных, и мы хотели избежать этого при любых обстоятельствах.

Додд: Вы не обсужали этот вопрос по телефону с Полем из СС, не так ли? Вы попросили его прийти к вам в кабинет нежели говорить по телефону?

Пуль: Да.

Додд: К чему это, если это просто обычная деловая транзакция?

Пуль: Потому что никто не знал в какой степени к телефонам подключались, и таким образом транзакция могла стать известной другим.

Додд: Что же, вы ни с кем не говорили по телефону, правильно? Вы были человеком который никогда не пользовался телефоном в Рейхсбанке? Итак, думаю вы полностью сознаете, что в данном случае была особая причина вам не хотеть говорить по телефону и думаю, вы должны сказать трибуналу в чём она заключалась.

Пуль: Да, причина заключалась, как я постоянно говорил, в том, что с начала желали особой секретности, это желание уважали и придерживались повсюду, также при телефонном звонке.

Додд: Вы всё также настаиваете на том, что данная транзакция не являлась

специальной тайной транзакцией, которая, как вы сказали доктору Кемпнеру была «Schweinerei[317]». Вам известно, что означают эти слова?

Пуль: Да.

Додд: Что это означает? Это означает дурно пахнуть, не так ли?

Пуль: Что мы не должны были делать это.

Додд: Итак, вы вызывали Томса ещё раз по одному поводу и спрашивали его как поступали депозиты от СС, не так ли?

Пуль: Нет, я видел Томса относительно редко, часто месяцами не видел, так как он вряд ли мог прийти ко мне в кабинет.

Додд: Я не спрашивал, видели ли вы его часто. Я спросил вас не звонили ли вы ему по телефону и спрашивали о том как пришли депозиты?

Пуль: Нет, я не проявлял никакого дальнейшего интереса к проведению конкретной транзакции. Более того, запрос отчёта у кассира был бы правильной процедурой.

Додд: Вы не сказали ему связаться с бригадефюрером Франком[318] или группенфюрером или обергруппенфюрером Вольфом[319] из СС? Вы говорили это Томсу?

Пуль: Да, я повторяю то, что уже говорил, когда Поль находился в моём кабинете, он сказал мне о том, что он назначит двух людей для ведения переговоров о транзакции с Рейхсбанком, и они были двумя названными людьми, я передал их имена в кассовый отдел.

Додд: Под каким названием эти депозиты были известны в Рейхсбанке?

Пуль: Я впервые услышал название под которым эти депозиты были известны в Рейхсбанке во Франкфурте, когда я увидел материалы.

Додд: Вам известно имя Мельмер[320], М-е-л-ь-м-е-р?

Пуль: Да, с моего времени во Франкфурте.

Додд: Разве вы по одному поводу не звонили господину Томсу по телефону и не спрашивали о том как поступали депозиты «Мельмер»?

Пуль: Боюсь я не понял вопроса.

Додд: Что же, я скажу, разве хотя бы по одному поводу вы не звонили господину Томсу по телефону в Рейхсбанке и не спрашивали его о том как поступали депозиты «Мельмер»?

Пуль: Нет, я бы не мог задать этот вопрос, потому что я не знал слово «Мельмер».

Додд: Вы не знаете, что Мельмер было именем эсэсовца? Вы это не знаете?

Пуль: Нет, я это не знал.

---

[317] «Свинство» (нем.)

[318] Август Франк (1898 – 1984) – обергруппенфюрер СС. В 1942-1943 начальник управления войск в главном административно-хозяйственном управлении СС, в это же время заместитель начальника главного управления. Американским трибуналом приговорён к пожизненному лишению свободы. Освобождён досрочно.

[319] Карл Вольф (1900 — 1984) — один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал войск СС. Главный адъютант Г. Гиммлера в 1935-1945.

[320] Бруно Мельмер (1909 – 1982) – гауптштурмфюрер СС. В 1942-1945 руководитель казначейского отдела главного административно-хозяйственного управления СС. Судом по денацификации приговорён к 3 годам лишения свободы.

Додд: Я хочу, чтобы вы посмотрели на письменные показания господина Томса, данные 8 дня май 1946. Кстати, вы видели их раньше, не так ли, вы видели их вчера? Будьте любезны ответить на вопрос, господин свидетель. Вчера вы видели эти письменные показания, те, что я сейчас вам направил? Вчера вы их видели, не так ли?

Пуль: Да.

Додд: Вы заметите в параграфе 5, что Томс, который дал письменные показания, сказал, что пошёл на встречу с вами и что вы сказали ему, что Рейхсбанк собирался действовать в качестве хранителя для СС и принять и разместить депозиты, и что СС доставят имущество, а именно золото, серебро, валюту, и вы также объяснили, что СС намеревались доставить много другого имущества такого как ювелирные изделия и мы «должны найти способ это разместить», и что он предложил вам, господин Пуль это:

> «Ме передадим вещи в рейхсгаупткассу, как мы делали в случае трофеев Вермахта или чтобы рейхсфюрер мог передавать вещи напрямую, для того, что Рейхсбанк не имел к этому никакого отношения кроме как в случае конфискованного еврейского имущества. Пуль сказал мне, что это не обсуждается и что нужно, чтобы мы организовали порядок обращения с таким необычным имуществом для того, чтобы сохранить всё дело в тайне».

Затем он продолжает:

> «Данная беседа произошла за короткое время, приблизительно за две недели, до первой поставки, которая состоялась 26 августа 1942. Беседа была в кабинете господина Пуля, никто другой не присутствовал. Я не помню присутствовал ли господин Фроммкнехт всё время, и Пуль сказал, что очень важно не обсуждать это ни с кем, что это должно быть весьма секретно, что это была особая транзакция и если кто спросит об этом, я должен сказать, что мне запрещено говорить об этом».

И на следующей странице вы найдете, в параграфе 8, господин Томс говорит:

> «Господин Пуль сказал мне, что если у меня имеются какие-нибудь вопросы в данном деле, я должен был связаться с бригадефюрером Франком или с группенфюрером или обергруппенфюрером Вольфом из СС. Я помню как взял телефонный номер этого ведомства, и думаю помню, что это организовал для меня господин Пуль. Я позвонил бригадефюреру Франку в связи с этим и он заявил, что поставка будет проведена при помощи грузовика и будет ответственностью эсэсовца по имени Мельмер. Обсуждался вопрос о том должен ли Мельмер явиться в форме или гражданской одежде и Франк решил о том, что

Мельмер должен быть без формы.

И так далее.

Затем, двигаясь ниже, он говорит, в параграфе 10:

«Однако, когда пришла первая доставка, при том, что Мельмер явился в гражданской одежде, один или двое эсэсовцев стояли на страже, и после одной или двух доставок большинство людей в главной кассе и почти все в моём отделе знали обо всех эсэсовских доставках».

Затем, двигаясь ниже, параграф 12:

«Включено в первое заявление направленное в Рейхсбанк и подписанное мной, к Мельмеру был вопрос касательно названия счёта на который нужно было выделять кредит. В ответ на это Мельмер устно уведомил меня о том, что поступления нужно кредитовать на счёт «Макс Хейлигер». Я подтвердил это по телефону у министерства финансов и в своём втором заявлении Мельмеру от 16 ноября 1942, я подтвердил устную беседу».

Итак, следующий параграф 13:

«Спустя несколько месяцев, Пуль вызвал меня и спросил о том как идут поставки Мельмера и предположил, что они скоро должны были прекратиться. Я сказал Пулю о том, что то как проводились поставки выглядело будто они увеличиваются».

И затем, я обращаю ваше внимание на следующий параграф:

«Один из намёков на источник возникновения этих вещей появился, когда заметили, что пачка банкнот была проштампована резиновым штампом «Люблин[321]». Это случилось где то уже в 1943. Ещё один намек появился, когда вещи имели штамп «Аушвиц». Все мы знали о том, что эти места была концентрационными лагерями. Это была десятая доставка, в ноябре 1942, когда появилось зубное золото. Количество зубного золота стало необычайно большим».

Итак, есть ещё один параграф, но я особо хочу обратить ваше внимание на тот факт, что Томс говорит, что вы вызвали его и спросили о том как шли поставки Мельмера, а также тот факт, что вы, как он здесь говорит, произвели на него впечатление требованием абсолютной секретности.

И теперь, я хочу спросить вас, после того как вы просмотрели письменные показания - и вы вспомните, что вы говорили нашим людям вчера, что эти письменные показания, поскольку речь идёт о вашей осведомленности, были абсолютной правдой - и собираюсь спросить вас о том разве не факт, что была особая причина хранить эту транзакцию в тайне.

Пуль: Читая заявление, очевидно, что желание секретности исходило от СС, и это

[321] Майданек, также концентрационный лагерь Люблин — лагерь смерти Третьего рейха на окраине польского города Люблина.

полностью согласуется с тем, что я говорил раньше, а именно, что СС подчеркнули это желание секретности исходящее от них. И, как мы слышали, они дошли до того, что придумали счёт – «Макс Хейлигер» - который очевидно был, как ясно видно из заявления, счётом для рейхсминистерства финансов. Другими словами, это согласуется с тем, что говорю я, а именно, что обязательства хранить дело в тайне, это особое обязательство, желало и осуществляло СС. В отношении второго пункта, что я предположительно говорил с Томсом, вчера я уже сказал о том, что не помню такую беседу среди большого количества бесед которые у меня ежедневно были в банке. И я не могу представить, чтобы видел его. Это было бы очень необычно.

Я не помню выражение «поставки Мельмера», в связи с этим, но я предполагаю, что это использовалось в данном заявлении простоты ради, чтобы кратко иметь в виду предмет дискуссии.

Додд: Это не очень важно, но конечно он говорит, что вы позвонили ему по телефону, что вы не видели его. Однако, я приобщаю это как экземпляр USA-852.

Председатель: Данное заявление кажется не имеет присяги.

Додд: Что же, свидетель здесь в Нюрнберге. Я отзываю это и сделаю присягу и предъявлю позже. Мне не было известно, что оно не под присягой. Он здесь и доступен. Я доставлю его сюда в случае любого вопроса по поводу него.

[*Обращаясь к свидетелю*] Итак, подсудимый Геринг тоже, что-то знал об этих депозитах, не так ли? Итак, о том, о чём мы говорили, что насчёт этого?

Пуль: Я не знал о том, что господин Геринг, что-то об этом знал.

Додд: Я покажу вам документ который обнаружен в материалах казначейства Рейха, даже Рейхсбанка. Это номер PS-3947, и это новый документ. Кстати, вы его не видели.

Итак, этот меморандум в материалах, от 31 марта 1944, и он гласит, его предмет:

> «Использование ювелирных изделий, и тому подобного, которые приобретены официальными ведомствами в пользу Рейха.
>
> Согласно устной конфиденциальной договорённости между вице-президентом, господином Пулем и начальником одного из публичных ведомств, Рейхсбанк принял конвертацию внутренних и зарубежных монет, золотых и серебряных монет, драгоценных металлов, сбережений, ювелирных изделий, часов, бриллиантов и других ценных вещей. Эти депозиты будут обрабатывать под кодовым наименованием «Мельмер».
>
> Большое количество ювелирных изделий, и тому подобного, приобретённые настоящим образом, переданы – после инвентаризации и поскольку они не переплавлялись, по приблизительному весу передавались муниципальному ломбарду, отдел III, главное управление, Берлин N 4, Эльзассерштрассе, 74 для

реализации по наилучшей стоимости».

Я не собираюсь читать всё это. Продолжается материал о ломбарде, но я хочу обратить ваше внимание на параграф начинающийся:

> «Рейхсмаршал великогерманского Рейха, делегат четырёхлетнего плана, информирует Рейхсбанк в своём письме от 19 марта 1944, копия которого прилагается, о том, что значительное количество золотых и серебряных предметов, ювелирные изделия и тому подобное в главном доверительном управлении Востока (Haupttreuhandstelle Ost) следует доставлять в Рейхсбанк в соответствии с приказом принятым рейхсминистром Функом и графом Шверином фон Крозигом. Конвертирование данных предметов следует завершить таким же образом как доставки «Мельмер».
>
> В то же самое время рейхсмаршал информирует нас о конвертировании подобных объектов которые приобретены на оккупированных западных территориях. Мы не знаем какому ведомству доставлены эти предметы и как они ликвидировались».

Затем есть ещё про запросы и еще, про всё это дело, ломбарды и тому подобное. Но, прежде всего, я хочу спросить вас: в первом параграфе сказано: «Согласно конфиденциальной устной договорённости между вами и начальником одного из берлинских публичных ведомств» - кто был этим начальником берлинского публичного ведомства, который имел с вами конфиденциальную договорённость о ведении с вами дел?

Пуль: Это был господин Поль. Это договорённость о которой мы говорили этим утром.

Додд: Это был господин Поль из СС, не так ли?

Пуль: Да.

Додд: И в этом заключалась вся транзакция, об этой транзакции СС этот меморандум, в основном об этой?

Пуль: Это отчёт нашего кассира, и в соответствии с обязательством о секретности слов «экономическое управление СС» избегали и использовали более общий термин «глава берлинского публичного ведомства».

Додд: И далее в параграфе это ссылается на поступившие предметы подлежавшие обработке под кодовым наименованием «Мельмер», М-е-л-ь-м-е-р. Об этом имени я спрашивал несколько минут назад, если вы поняли, не так ли?

Пуль: Я не понял вопрос.

Додд: Что же, последняя фраза в данном параграфе гласит: «Все поступившие депозиты будут обработаны под кодовым названием «Мельмер». М-е-л-ь-м-е-р. Про это имя я спрашивал несколько минут назад, и вы сказали, что не знали это.

Пуль: Да, и это заявление тоже показывает, что я не мог знать об этом, потому что

лишь сейчас, в данном заявлении, раскрыто, что использовали имя «Мельмер».

Додд: Думаю если вы прочитаете то увидите, что это показывает прямо противоположное. Оно говорит, согласно устной конфиденциальной договорённости между вами и Полем из СС, Рейхсбанк принял имущество, и так далее, из золотых, серебряных монет и так далее. «Все поступившие депозиты будут обработаны согласно кодовому названию «Мельмер».

Вы не говорите трибуналу, что подобная транзакция происходила в вашем банке, в котором вы были вице-президентом, под кодовым именем, и вы этого не знали, и что вы были тем человеком, который имел дело непосредственно с эсэсовцем. Вы серьёзно говорите это суду?

Пуль: Да. Слово «Мельмер» никогда не использовали в моём присутствии. Но наше руководство кассы могло использовать кодовые слова для счётов клиентов которые предпочитали не указывать свои имена и имена своих учреждений, и касса в этом случае также пользовалась кодовым наименованием.

Додд: Вы заметите, что это второй раз за утро, что мы пересекаемся с именем Мельмер. Господин Томс говорит, что вы использовали этот термин говоря с ним, и теперь мы находим это в одном из ваших собственных банковских меморандумов, который захваченный документ. Вы всё также говорите, что не знакомы с термином?

Пуль: Этот меморандум был подготовлен не мною, а ответственным сотрудником кассы. И именно для того, чтобы ознакомить его с мероприятиями подготовленными кассы, меморандум говорит о том под каким кодовым наименованием будет проводиться эта транзакция.

Додд: Господин Пуль, посмотрите на меня на минуту. Разве вы не говорили лейтенанту Мельтцеру, лейтенанту Маргулису и доктору Кемпнеру, когда они собрались вместе с вами, что все дела с СС были общеизвестной сплетней в Рейхсбанке? Эти господа сидят прямо здесь, два из них за столом Соединённых Штатов и один рядом. Вы их знаете. Теперь я хочу, чтобы вы минутку подумали перед тем как отвечать.

Пуль: Мы говорили о том факте, что секретность не соблюдалась, и в долгосрочном периоде невозможно постоянно хранить это в тайне в банке, но это не имеет никакого отношения к этому. О чём мы говорили это технические детали, как проводилась такая транзакция, эти детали не стали общеизвестными. Чего нельзя было избежать это, чтобы транзакция не стала известной.

Додд: Итак, в случае если вы меня не понимаете, мы не говорим об этом. Думаю вы не сможете помочь, но вспомните, потому что это день назад или где-то так и в этом здании, вы имели беседу с этими господами, не так ли? И теперь я спрашиваю вас это ли не факт, что вы сказали им о том, что вся транзакция с СС была общей сплетней в банке.

Пуль: Было перешёптывание в банке об этой транзакции, но детали, конечно были

неизвестны.

Додд: Вас беспокоило ваше участие в этом? Думаю это честный вопрос в виду вашего аффидевита и ваших показаний. Вас интересовало, какое отношение вы имели к этому делу? Не так ли?

Пуль: Нет. Лично я, как только дело началось, больше не имел к нему никакого отношения. И в этом заявлении, которое вы предъявили, сам господин Томс признает, что он месяцами меня не видел. Дирекция никогда не обсуждала этот вопрос на своих собраниях и к ней никогда не обращались за решением.

Додд: Вам известно, когда подсудимый Функ давал показания, он сказал о том, что вы были одним из первых кто рассказал ему о делах СС. Ваша версия такая?

Пуль: Нет. Я вспоминаю, что первая беседа состоялась в кабинете президента Функа, и он сказал мне, по причинам которые я заявил раньше, что мы хотели обязательства перед СС по принятию этих «депозитов» - использовалось такое слово.

Додд: Вы говорите более сильно, чем недавно, когда вы думали об этом, когда вы сказали: «Вы можете представить, чтобы Гиммлер говорил со мной вместо Функа»? Вы помните как говорили это этим господам?

Пуль: Извиняюсь я не понял последний вопрос.

Додд: Что же, он не очень важный. Я говорю, вы не помните, что вы говорили этим господам, лейтенанту Мельтцеру, лейтенанту Маргулису, не помните заявление о том, что Гиммлер не говорил бы с вами как вице-президентом банка, а что он бы говорил с Функом. Вы были довольно взволнованы, когда мы сказали вам о том, что Функ сказал о том, что вы были человеком который придумал это.

Пуль: Да.

Додд: Вас это ужасно взволновало. Вы это не помните?

Пуль: Да.

Додд: Наконец, последний вопрос: вы серьезно говорите о том, что не знали об этих депозитах до тех пор пока не оказались на допросе во Франкфурте или об их характере? В виду письменных показаний Томса, экземпляра который я вам показывал и всего допроса этим утром, вы хотите, чтобы ваши показания завершились тем, что вы на самом деле не знали о том, что находилось в то время в депозитах?

Пуль: Я видел заявление предъявленное мне сегодня, заявление сотрудника кассы предъявленное мне сегодня, впервые во Франкфурте, и никогда раньше. Более того, я не занимался и не мог заниматься как вице-президент деталями транзакции, так как я был ответственным за общеэкономическую и валютную политику и за кредиты и подобные вещи. Кроме это, мы имели целый штат высококвалифицированных сотрудников в кассовом отделе, и если нужно, они бы подготовили доклад дирекции Рейхсбанка.

Додд: Конечно, вы не отрицаете, что вы знали о том, что там в депозитах были

ювелирные изделия и серебро и все остальные вещи, не так ли?

Пуль: Всегда использовался немецкий термин, ювелирные изделия.

Додд: Хорошо! Давайте посмотрим, что вы знали о находившемся в депозитах? Вы знали, что там были ювелирные изделия, какие-то ювелирные изделия. Вы знали о том, что там была какая-то валюта. Вы знали, что были монеты. Вы знали, что были другие вещи. Итак, единственная вещь о которой вы не знали было зубное золото, это так?

Пуль: Разумеется, это правда. С самого начала это было известно и господин Поль сказал мне, что большая часть этих депозитов состояла в основном из золота, валюты, серебряных монет и он добавил: «Каких-то ювелирных изделий».

Додд: Что же, теперь вопрос на который думаю вы можете просто ответить: обо всём, что упоминалось в ваших письменных показаниях за исключением зубного золота вы знали, как о находившемся в депозитах СС? Вы не понимаете вопрос? Я не думаю, что он слишком сложный. Вам ничего не нужно читать, господин Пуль. Просто посмотрите сюда, я спрашиваю вас, знали ли вы обо всём, что упоминалось в письменных показаниях за исключением зубного золота.

Пуль: Что же, я знал о ювелирных изделиях, но я не знал деталей о том, что за ювелирные изделия это были.

Додд: Я не спрашиваю про детали. Я просто спрашиваю, знали ли вы о том, что там было. Вы знали, что там была валюта, и вы знали, что там были другие вещи. Это только про те вещи которые упоминались за исключением зубного золота и это единственная вещь, которая как вам кажется не известна.

Пуль: Да, я знал, в целом, о том, что депозиты содержали золото и валюту, и я повторяю, что ювелирные изделия…

Додд: И ювелирные изделия?

Пуль: Я знал, что были ювелирные изделия.

Додд: Таким образом единственная вещь о которой вы говорите не знали заключалась в зубном золоте. Это всё о чём я вас спрашиваю. Почему вы не отвечаете на это? Это не займет много времени. Разве не так? Единственная вещь о которой вы не знали была зубным золотом?

Пуль: Нет.

Додд: Что же, что ещё упоминалось, о чём вы не знали?

Пуль: Оправы для очков, например, тоже упоминались.

Додд: Вы об этом тоже не знали? Хорошо, включу и это, оправы для очков и зубное золото. Об этих двух вещах вы не знали?

Пуль: Информация которую я получал содержала только общий термин «ювелирные изделия».

Додд: Это два вопроса о которых вам нужно сильней всего беспокоится, не так ли, оправы для очков и зубное золото?

У меня больше нет вопросов, господин председатель.

Председатель: Минуточку, пожалуйста. Не уводите этого человека.

[*Обращаясь к свидетелю*] У вас перед есть копия письменных показаний?

Пуль: От 3 мая, да.

Председатель: У вас только одна копия?

Пуль: Нужно посмотреть – да у меня есть ещё одна копия.

Председатель: Будьте добры дать мне её?

Этот документ будет идентифицирован и сформирует часть материалов дела. Лучше присвоить ему какой-нибудь подходящий номер.

Додд: Господин председатель, кажется он уже в доказательствах.

Председатель: Не этот конкретный документ, нет. Этот конкретный документ который у него, у него номер с рукописной пометкой, и на английском языке.

Господин Додд, вам лучше посмотреть.

Додд: Хорошо, сэр.

Мне кажется, он станет экземпляром USA-851, думаю это следующий порядковый номер.

Председатель: Экземпляр USA-851, очень хорошо.

Додд: Могу сказать, думаю есть один вопрос который может помочь трибуналу в отношении этих письменных показаний.

Господин Пуль, лично вы напечатали большую часть этих письменных показаний, или нет, или написали их, или продиктовали?

Пуль: Мне представили полный проект, и я соответственно его изменял.

Председатель: Минуточку, и затем подписали после внесения в него изменений?

[*Свидетель утвердительно кивает*]

Председатель: Не надо кивать, пожалуйста, ответьте. Вы сказали: «Полный проект представили мне, я его изменял». И я спросил вас, вы его потом подписали?

Пуль: Да.

Додд: И вы также поставили инициалы в тех местах которые вы изменили в подлиннике? Вы не ставили свои инициалы в каждом месте в которое хотели внести изменения.

Это не так?

Пуль: Нет, мы снова это скопировали, его полностью переписали…

Додд: Я знаю, вы заново скопировали. Вы не отмечали места которые вы хотели изменить и сказать как вы хотели их изменить? Изменяли, не так ли?

Пуль: Да, но это несущественно, например, слово «Рейхсбанк» было заменено на «Gold Discount Bank» и были похожие редакторские правки.

Додд: Что же, я думал трибунал могло помочь знать, что это было переписано и поставлены инициалы.

Председатель: Очень хорошо.

Биддл: Господин свидетель, я хочу задать несколько вопросов. Сначала вы услышали об этих транзакциях от подсудимого Функа, не так ли?
Пуль: Да.
Биддл: Функ сказал вам, кто сказал ему в СС?
Пуль: Гиммлер.
Биддл: Гиммлер переговорил с Функом об этом? Кто ещё, кроме Гиммлера и Функа, присутствовал, когда Функ беседовал с Гиммлером об этом?
Пуль: Это я не знаю.
Биддл: Вы не знаете, был ли там Поль?
Пуль: Я не могу это сказать, но могу сказать, что с самого начала в связи с этим упоминалось имя министра финансов. Но присутствовал ли он лично, я не знаю.
Биддл: Функ говорил вам о том, что ему сказал Гиммлер?
Пуль: Он попросил о том, чтобы Рейхсбанк предоставил в распоряжение СС помещения для этого.
Биддл: Значит вскоре после этого, вы подняли вопрос на заседании совета директоров?
Пуль: Да.
Биддл: Функ был на этом заседании?
Пуль: Нет, не был.
Биддл: Что вы сказали совету директоров?
Пуль: Я кратко сообщил дирекции о транзакции.
Биддл: Что вы им сказали?
Пуль: В нескольких словах я описал свою беседу с господином Функом и о своей беседе с господином Полем и, я подтвердил тот факт, что Рейхсбанк возьмет ценности от СС в свои хранилища.
Биддл: И затем совет директоров одобрил эту акцию?
Пуль: Да, не было никакого возражения.
Биддл: Итак, подсудимый Функ сказал вам, что эти предметы поступали «с Востока», не так ли?
Пуль: Да.
Биддл: Что вы понимали под фразой «с Востока»?
Пуль: Принципиально Польшу. Но в эту фразу могли включаться какие-то русские территории.
Биддл: Я полагаю, вы знали о том, что это было конфискованное имущество,?
Пуль: Да.
Биддл: Итак, вы сказали Полю, что банк окажет определённые услуги по обращению с имуществом, не так ли?
Пуль: Поль попросил меня оказать добрые услуги банка его людям. С этим я согласился.
Биддл: И эти услуги включали работу с имуществом, помещение их в мешки и их

описание?
Пуль: Об этом не говорили.
Биддл: Я не спрашивал вас о чём вы говорили. Я спросил, включали ли эти услуги работу с имуществом и складирование этого в разного рода контейнеры и мешки. Это то, что вы делали?
Пуль: Да, это был вопрос для решения руководством кассы, если оно считало нужным, оно могли это делать.
Биддл: Это было сделано?
Пуль: Это я не знаю. Это вопрос кассы.
Заутер: Господин председатель, могу я задать ещё два вопроса, два коротких вопроса?
Председатель: Очень хорошо, доктор Заутер.
Заутер: Первый вопрос, свидетель, такой: здесь вас постоянно спрашивали, с кем вы говорили в течение прошедших нескольких дней.
Пуль: Здесь в Нюрнберге?
Заутер: Да, в Нюрнберге. Вам известно, что несколько сотрудников обвинения обсуждали это с вами прошедшие несколько дней. Я хочу установить: я говорил с вами?
Пуль: Нет, я вижу вас впервые в жизни.
Заутер: Я только хотел установить это, точности ради. И второй вопрос такой – вы на самом деле уже подтвердили это, но после обвинения я хочу услышать от вас это снова, во всех этих переговорах или в документах которые предъявляли и которые вы конечно читали, когда-либо упоминался факт, что эти вещи пришли из концентрационных лагерей?
Пуль: Слово «концентрационные лагеря» не использовалось ни во время беседы с господином Функом ни во время беседы с господином Полем.
Заутер: И господин Функ тоже не дал вам никакого подобного указания.
Пуль: Нет.
Заутер: Тогда у меня больше нет дальнейших вопросов, господин председатель; спасибо.
Председатель: Свидетель может удалиться и трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Господин Додд, вы приобщили PS-3947 как экземпляр, не так ли?
Додд: Да, сэр, как экземпляр USA-850, мне кажется такой.
Председатель: 850, не так ли? Да, и тогда копия письменных показаний Пуля был USA-851?
Додд: Да, сэр, правильно. Я не приобщил ещё одни письменные показания, потому что мы обнаружили, что они не даны под присягой. Я предлагаю сделать так и с

вашего разрешения я отсрочу дату. Свидетель здесь. Эту вещь нельзя продолжать бесконечно и я не хочу затягивать, но я бы хотел приобщить письменные показания, когда я получу присягу и если, что-то потребует его, я могу покорно предложить, чтобы доктор Заутер сказал это сейчас. Он не пленный, господин председатель, свидетель Томс. Он свободный человек в этой стране.
Председатель: Вы предлагаете, чтобы он был вызван сейчас?
Додд: Если его собираются вызвать, я бы предложил, чтобы это сделали как можно скорее.
Председатель: Если он хочет перекрёстно допросить его, он должен быть вызван сейчас.
Додд: Я был бы рад доставить его сейчас.
Зейдль: Господин председатель, я представляю адвоката, доктора Кауфмана от имени подсудимого Геринга. Подсудимый Геринг попросил меня задать два вопроса свидетелю Пулю во время повторного допроса. Вопросы, наверное были бы связаны с документом который обвинение предъявило в перекрёстном допросе свидетеля Пуля, документ PS-3947, из которого обвинение прочитало страницу 2, параграф 3, начиная: «Рейхсмаршал великогерманского Рейха, делегат четырёхлетнего плана…»
Председатель: Минуточку, доктор Зейдль. Если вы хотите задать вопросы свидетелю Пулю от имени подсудимого Геринга вы можете сделать это и Пуля вызовут с этой целью.
Зейдль: Господин председатель, сложность состоит в чём-то другом. Подсудимый Геринг говорит и я думаю правильно, что он может задать свидетелю обоснованные вопросы только если у него будет возможность посмотреть на документ на который ссылалось обвинение. Таким образом, во время перекрёстного допроса я хотел получить пропуск к документу PS-3947 для подсудимого Геринга. Однако, в этом отказал комендант тюрьмы, на том основании, что во время разбирательста нельзя передавать документы тем подсудимым чьи дела уже закончились.
Председатель: С учётом того, что документ был прочитан по наушникам, подсудимый и вы сами, разумеется понимаете документ, но свидетеля нужно вызвать во время этого заседания. Вы можете посмотреть документ и подсудимый Геринг может увидеть документ, но свидетеля нужно вызвать повторно для любых вопросов.
Зейдль: Господин председатель, из документа прочитали только фрагменты. По моему мнению подсудимый Геринг вправе говорить: если мне нужно задать осмысленный вопрос я должен знать весь документ. Думаю есть только две возможности, либо обвинение должно воздержаться от представления нового материала во время перекрёстного допроса подсудимых чьи дела, как сказали уже закончились, или подсудимому нужно предоставить возможность видеть эти доказательства.
Председатель: Не торопитесь!

Зейдль: …или подсудимому должна быть дана возможность видеть вновь представленные доказательства и когда только фрагменты документа читают, он должен иметь доступ к документу в целом.

Председатель: Документ всего на одной странице и есть только один параграф в котором он ссылается на Геринга. И этот параграф уже прочитали. Когда я говорю одна страница, это страница в английской копии. Думаю у вас есть немецкий перевод.

Зейдль: У меня 3 ½ страницы.

Председатель: Там только один параграф который относится к Герингу.

Зейдль: Господин председатель, это вопрос того могу ли я во время разбирательства вручить фотокопию подсудимому Герингу или нет. Если это возможно, и…

Председатель: Вы слишком торопитесь!.

Зейдль: …и я не вижу никакой причины почему это не возможно, тогда я коротко смогу задать вопросы свидетелю Пулю, но я думаю подсудимый прав, говоря о том, что он бы хотел увидеть всё содержание документа из которого прочитали только фрагменты.

Додд: Господин председатель, может быть я смогу немного помочь. Я бы хотел отметить, что доктор Зейдль во всяком случае имел документ 10 минут во время перерыва, и я также хотел бы отметить, что мы не мешаем ему, как члены обвинения, получить его. Это просто мера безопасности.

Председатель: Вероятно вас удовлетворит, доктор Зейдль, если мы прикажем о том, чтобы свидетель Пуль был повторно вызван в 2 часа для того, чтобы доктор Зейдль задал любые вопросы которые вы желаете. И конечно у него будет документ. У него есть документ и конечно у Геринга тоже будет документ.

Зейдль: В этом сложность, господин председатель. У меня есть документ, но в связи с существующими инструкциями я не могу вручить его подсудимому Герингу.

Председатель: Вы можете вручить документ Герингу сейчас.

Зейдль: Мне не разрешено это делать.

Председатель: Я говорю вам сделать это, и они позволят вам сделать это.

Доктор Заутер, вы желаете провести перекрёстный допрос человека который сделал заявление? Вы желаете перекрёстно допросить Томса?

Заутер: Да, если можно.

Председатель: Будете?

Заутер: Да, господин председатель, могу я прокомментировать то, что сейчас сказал доктор Зейдль? Это не только вопрос касательно этого одного документа который доктор Зейдль хотел вручить подсудимому Герингу, но это общий вопрос о том разрешено ли защитнику вручать подсудимому документы которые предъявляют. До сих пор это разрешали, но теперь правила безопасности такие, что в настоящее время подсудимые чьи дела уже завершены не могут получать от своих защитников никакие документы в зале суда. Защита чувствует, что это несправедливое

распоряжение, поскольку, как показывает случай с Герингом, очень легко может получиться, что подсудимый каким-то образом будет вовлечен в следующее дело. И просьба которую мы направляем вам и суду заключается в том, чтобы защите снова разрешили вручать подсудимым документы во время заседания, даже если дело соответствующего подсудимого уже завершилось. Вот о чём хотел попросить доктор Зейдль.

Господин председатель, могу я сказать, что-то ещё?

Председатель: Да, доктор Заутер? Вы хотели сказать, мне, что-то ещё?

Заутер: Могу я также отметить следующее: в комнате допросов в тюрьме нам до сих пор не разрешали вручать какие-либо документы заключённым с которыми мы говорили. Таким образом, если я хочу обсудить документ с моим клиентом, я должен читать его ему. И, когда 10, 12 или 15 защитников здесь вечером, то почти…

Председатель: Доктор Заутер, трибунал считает, что любой документ который вручили защитнику можно вручать самим подсудимым защитниками и что нет никакой разницы в том завершилось ли дело конкретного подсудимого в связи с этим правилом.

Заутер: Господин председатель, мы вам очень благодарны, и мы надеемся, что ваше распоряжение не создаст на практике никаких затруднений.

Председатель: А теперь, вы хотите провести перекрёстный допрос Томса?

Заутер: Да.

Председатель: Томс здесь? Можно его сейчас доставить?

Додд: Он в пути – наверное сразу за дверью.

Председатель: Что же, не посмотрит ли пристав доступен ли он.

Додд: Господин председатель, у меня не было времени составить письменные показания под присягой, потому что я не видел человека.

Председатель: Нет, что касается его перекрёстного допроса, он может быть здесь привидён к присяге.

Пристав: Нет, сэр, его пока нет.

Додд: Он в пути.

Председатель: Не доступен.

Додд: Он в пути. Он был в кабинете лейтенанта Мельтцера минуту назад и он пошёл за ним.

Председатель: Что же, его можно вызвать в 2 часа после других свидетелей.

Итак, доктор Симерс, вы готовы?

Симерс: Уважаемый суд, могу я, прежде всего, рассказать, как я намерен проводить представление своего дела?

В соответствии с предложением суда я хочу вызвать Рёдера в качестве свидетеля по всем документам, которые обвинение представило против него. Я дал все эти документы Рёдеру, чтобы они у него были во время дачи показаний, и не тратить время на вручение каждого из них по отдельности. Британская делегация

любезно составила документы, которые не были включены в документальную книгу Рёдера, в новой документальной книге 10a. Я полагаю, что у трибунала имеется эта документальная книга.

Таким образом, упрощая дело, я буду приводить номер страницы из английской документальной книги 10a или английской документальной книги 10 в случае каждого документа.

В то же время, если трибунал согласен, я намерен уже сейчас приобщить из моих собственных документальных книг те документы, которые в каждом случае связаны с обсуждаемыми вопросами. Спасибо.

Могу я тогда попросить, чтобы адмирал Рёдер был вызван для дачи показаний.

[*Подсудимый Рёдер занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё имя.
Рёдер: Эрих Рёдер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторяет клятву*]

Председатель: Вы можете сесть.
Симерс: Адмирал Рёдер, могу я сначала попросить вас кратко рассказать трибуналу о вашем прошлом и вашей профессиональной карьере?
Рёдер: Я родился в 1876 в Вандсбеке рядом с Гамбургом. Я поступил во флот в 1894 и стал офицером в 1897. Затем обычное повышение: два года в военно-морской академии; каждый год, трехмесячное обучение языкам; в России во время русско-японской войны[322]. С 1906 по 1908 в управлении военно-морского флота Рейха, в отделе разведки фон Тирпица[323], ответственном за иностранную прессу и публикации «Marine Rundschau[324]» и «Nautikus».

1910-1912, штурман на императорской яхте «Hohenzollern[325]». 1912 по начало 1918, первый заместитель начальника военно-морского штаба и начальник штаба адмирала Хиппера[326], который командовал линкорами.

---

[322]Русско-японская война (27 января (9 февраля) 1904 — 23 августа (5 сентября) 1905) — война между Российской и Японской империями за контроль над Маньчжурией и Кореей. После перерыва в несколько десятков лет стала первой большой войной с применением новейшего оружия: дальнобойной артиллерии, броненосцев, миноносцев.
[323] Альфред фон Тирпиц (1849 — 1930) — германский военно-морской деятель, в 1897-1916 государственный секретарь военно-морского ведомства, гросс-адмирал (27 января 1911).
[324] «Морское обозрение» - газета военно-морского ведомства Германии. Издавалась с перерывами с 1890 по 1989 гг.
[325] «Гогенцоллерн» - императорская германская яхта кайзера Вильгельма II с 1893 по 1914.
[326] Франц Риттер фон Хиппер (1863 — 1932) — адмирал германского флота. Командовал авангардом германского флота открытого моря в Ютландском сражении, одном из крупнейших морских сражений в истории.

После Первой мировой войны в адмиралтействе, в качестве начальника центрального управления с адмиралом фон Трота[327]. Затем два года работы с военно-морскими архивами: история морской войны. С 1922 по 1924, в звании контр-адмирала, инспектор по подготовке и обучению на флоте. 1925-1928, как вице-адмирал, начальник балтийской военно-морской станции в Киле.

С 1 октября 1928 рейхспрезидент фон Гинденбург назначил меня начальником командования флотом в Берлине, по предложению рейхсминистра обороны Грёнера[328].

В 1935 я стал главнокомандующим флотом, и с 1 апреля 1939 гросс-адмиралом.

30 января 1943 ушёл в отставку с главнокомандующего флотом; я получил титул адмирал-инспектора флота, но остался без каких-либо официальных обязанностей.

Симерс: Я хочу вернуться к одному положению. Вы сказали, что в 1935 вы стали главнокомандующим флотом. Это было, если я прав лишь переименованием?

Рёдер: Это было лишь переименование.

Симерс: Значит, вы были главой флота с 1928 по 1943?

Рёдер: Да.

Симерс: После Версальского договора у Германии была армия в 100 000 человек, и флот в 15 000 человек, с офицерами. В соотношении к размеру Рейха, Вермахт, таким образом, был чрезвычайно мал.

Германия в двадцатых была в состоянии защитить себя с таким небольшим Вермахтом против возможных атак соседних государств, и с какими опасностями Германия должна была считаться в двадцатых?

Рёдер: По моему мнению, Германия вообще была не в состоянии защитить себя эффективно против атак, даже небольших государств, поскольку у неё не было современных вооружений; окружающие государства, Польша в частности, была обеспечена самым современным оружием, в то время как современные укрепления забрали у Германии. Опасностью с которой Германия постоянно сталкивалась в двадцатых…

Симерс: Момент. Теперь, пожалуйста, продолжайте.

Рёдер: Опасностью, с которой Германия постоянно сталкивалась в двадцатых, была польская атака на Восточную Пруссию с целью расчленения этой территории, уже отрезанной от остальной Германии коридором, и её оккупации. Опасность в особенности была ясна Германии, потому что тогда Вильно[329] был оккупирован

---

[327] Адольф фон Трота (1868 —1940) — немецкий военно-морской деятель, адмирал, командующий флотом. С марта 1919 по октябрь 1920 начальник адмиралтейства флота Рейха.

[329] В 1919 – 1939 наименование г. Вильнюс – столицы республики Литва, в октябре 1920 был оккупирован польскими войсками.

поляками, в разгаре мира с Литвой; Литва забрала район Мемеля[330]. На юге, также был взят Фиуме[331], без заявления возражений Лигой Наций или кем-либо ещё. Однако, германскому правительству тех дней было совершенно ясно, что нельзя было позволить случиться такой вещи как оккупации Восточной Пруссии и её отделения от Рейха. Следовательно, наши усилия были нацелены на собственную подготовку, чтобы противостоять польскому вторжению из Восточной Пруссии всеми возможными средствами.

Симерс: Вы сказали, что было опасение, что такое вторжение может случиться. В двадцатых действительно произошли несколько пограничных инцидентов?

Рёдер: Так точно.

Симерс: Это правда, что эти опасности сознавали не только вы и военные круги, но также правительства двадцатых, в особенности социал-демократы и Штреземан[332]?

Рёдер: Да. Я уже говорил, что правительство тоже, сознавало, что нельзя было позволить случиться такому вторжению.

Симерс: Итак, обвинение вменяет вам поведение, противоречащее международному праву и противоречащее существующим договорам, даже во времена до Гитлера.

С 1 октября 1928 вы стали начальником морского командования, и таким образом достигли высшей должности в германском флоте. Вы, в виду описанных вами опасностей, использовали всю свою власть для строительства германского флота в рамках Версальского договора, в частности с целью защиты Восточной Пруссии?

Рёдер: Да, я прилагал все свои силы для восстановления флота, и я считаю это работой своей жизни. На всех стадиях этого периода реконструкции флота, я встречал огромные трудности; и как результат, я постоянно сражался тем или иным образом за эти годы с целью ввести в действие эту реконструкцию. Вероятно, я стал довольно односторонним, поскольку эта борьба за восстановление флота занимала всё моё время и не давала мне участвовать в иных вопросах прямо не связанных с ней. В дополнение к материальному восстановлению, я прикладывал все усилия для формирования компетентного офицерского корпуса и хорошо подготовленных, в особенности хорошо дисциплинированных экипажей.

Адмирал Дёниц уже прокомментировал результат этой подготовки наших людей и офицеров, и я хочу лишь подтвердить, что эти немецкие моряки заслужили полное признание в мирное время, как дома так и за рубежом, за их достойное и хорошее поведение и их дисциплину; и также во время войны, когда они образцово

---

[330] Немецкое название литовского города Клайпеда – в январе 1923 вооруженным путём был присоединен к Литве.

[331] Свободный город Фиуме — независимое государство (свободный город), просуществовавшее с 1920 по 1924 годы. Его территория составляла 28 км² — город Риека (итал. *Fiume*) и коридор, соединявший город с Италией. В январе 1924 аннексирован Италией.

[332] Густав Штреземан (1878 — 1929) — немецкий политик (Немецкая народная партия), рейхсканцлер и министр иностранных дел Веймарской республики. Лауреат Нобелевской премии мира 1926 года (вместе с Аристидом Брианом) за заключение Локарнских соглашений, гарантировавших послевоенные границы в Западной Европе.

сражались до конца, в полном единстве, с безукоризненной боевой этикой, и в целом не участвовали ни в каких жестокостях. Также в оккупированных районах, в которые они приходили, например, в Норвегии, они заслужили полное одобрение населения за их хорошее и достойное поведение.

Симерс: За пятнадцать лет вашего пребывания главой флота и его восстановления в эти годы, можно сказать, что как начальник флота вы ответственны за всё происходившее в связи с этим восстановлением?

Рёдер: Я полностью ответственный за это.

Симерс: Если я прав, единственной квалификацией будет дата 1 октября 1928.

Рёдер: Что касается материального восстановления.

Симерс: Кто были ваши начальники, относительно реконструкции флота? Вы, конечно, не могли действовать полностью самостоятельно.

Рёдер: Во-первых я подчинялся министру Рейхсвера, и через него правительству Рейха, поскольку я не был членом правительства Рейха; и во-вторых по таким вопросам, я также должен был подчиняться главнокомандующему Вермахтом. С 1925 по 1934 главнокомандующим Вермахтом был рейхспрезидент фон Гинденбург, и после его смерти 1 августа 1934, Адольф Гитлер.

Симерс: Господин председатель, в этой связи могу я предъявить экземпляр номер Рёдер-3, короткую выдержку из Конституции Германского Рейха[333]. Это номер Рёдер-3, в документальной книге 1 на странице 9. Статья 47 гласит:

> «Рейхспрезиденту принадлежит верховное командование всеми вооруженными силами Рейха».

Я также предъявляю закон об обороне Рейха, в качестве экземпляра номер Рёдер-4, документальная книга 1, страница 11. Я вернусь к нему позже, а сейчас я ссылаюсь на статью 8 закона об обороне Рейха, которая гласит следующее:

> «Командование исключительно в руках законного начальника…
> Рейхспрезидент это главнокомандующий всеми вооруженными силами. Подчиненный ему рейхсминистр обороны имеет полномочия над всеми вооруженными силами. Глава армии Рейха это генерал, в качестве начальника командования армией; глава флота Рейха, адмирал, в качестве начальника морского командования».

Эти параграфы оставались в полной силе при национал-социалистическом режиме. Я ссылаюсь на них лишь потому, что они подтверждают то, что сказал свидетель. Относительно морской реконструкции, он, таким образом, был третьим во власти: рейхспрезидент, рейхсминистр обороны, и затем главы родов войск Вермахта.

---

[333] Веймарская конституция — первая действовавшая в Германии демократическая конституция. Была принята 31 июля 1919 года в Веймаре. Веймарская конституция учредила в Германии республику, действующую на принципах парламентской демократии и федерализма.

Адмирал, обвинение вменяет вам строительство флота: во-первых, в нарушение Версальского договора; во-вторых, за спиной Рейхстага и правительства Рейха; и в-третьих, с намерением ведения агрессивных войн.

Я хочу вас сейчас спросить предпринималась ли реконструкция флота для агрессивных или оборонительных задач. Однако сделайте хронологическое разграничение, и сначала расскажите о периоде, омраченном Версальским договором, то есть, с 1928 до Морского соглашения[334] с Англией от 18 июня 1935.

Мой вопрос: реконструкция флота в этот период имела место для задач агрессии как утверждает обвинение?

Рёдер: Реконструкция флота ни в каком отношении не имела задачей агрессивную войну. Несомненно, она включала некоторое отклонение от Версальского договора. Прежде чем я дойду до подробностей, я хочу попросить разрешения зачитать несколько коротких цитат из речи произнесенной мной в 1928 в Киле и Штральзунде, двух крупнейших гарнизонах моей морской станции. Эта речь произнесена публично во время недели посвященной исторической годовщине; и когда я приступил к своим обязанностям в Берлине, она была вручена мне в качестве моей программы министром Зеверингом, который тогда относился ко мне с некоторым подозрением. Это…

Симерс: Момент. Заявления Рёдера в 1928 демонстрируют его отношение в то время, гораздо яснее чем его нынешние воспоминания, и по этой причине я думаю трибунал согласится, чтобы я приобщил эту речь как экземпляр номер Рёдер-6, документальная книга 1, страница 15. Сама речь начинается со страницы 17. Я зачитаю…

Председатель: Да?

Симерс: Господин председатель, это заняло бы пять или десять минут, поэтому могу я спросить удобное ли время для перерыва? Однако я готов продолжить.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Серватиус: Господин председатель, вы дадите разрешение подсудимому Заукелю отсутствовать в зале суда с заседаний 16-го по 18-е включительно, для того, чтобы он мог подготовить свою защиту?

Председатель: Отсутствовать, чтобы подготовить свою защиту? Да, конечно.

[334] Англо-германское морское соглашение 1935 года — договор о соотношении военно-морских сил, заключённый между Великобританией и нацистской Германией в июне 1935 года.

Додд: Господин председатель, я бы хотел предложить, чтобы до того как будет повторно вызван свидетель Пуль, был вызван свидетель Томс. Думаю это сэкономит для трибунала какое-то время. Думаю, из того, что мне известно о соответствующих показаниях, могут быть вопросы которые возникнут у трибунала, которые он может захотеть задать свидетелю Пулю после заслушивания свидетеля Томса.

И я также хотел бы, для того, чтобы быть абсолютно честным в отношении всех заинтересованных лиц, чтобы свидетель Пуль был в зале суда, когда свидетель Томс будет давать показания. Я думаю ему нужно предоставить такую возможность.
Председатель: У вас есть какие-нибудь возражения, доктор Заутер?
Заутер: Нет, у меня нет никаких возражений.
Додд: Мы можем вызвать свидетеля Томса?
Председатель: Да, вызывайте Томса и посадите Пуля где-нибудь в зале, где он сможет слышать.

[*Свидетель Томс занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя?
Томс: Альберт Томс.
Председатель: Повторяйте за мной следующую присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Додд: Господин председатель, мне известно, что его вызвали для перекрёстного допроса. Однако, есть один или два вопроса, материальные сейчас, которые не попали в письменные показания и чтобы сэкономить время я бы хотел поднять их до того как состоится перекрёстный допрос.
Председатель: Очень хорошо.
Додд: Господин Томс вы составили заявление от 8 мая 1946. Это так?
Томс: Да.
Додд: И подписали его?
Томс: Да.
Додд: И в них всё правда?
Томс: Да.
Додд: И сейчас это конечно, правда?
Томс: Да.
Додд: Я хочу, чтобы вы посмотрели на них в целях точности и идентичности. Вы

подписали это заявление, господин Томс?

Томс: Да.

Додд: Хорошо. Итак, у меня есть один или два вопроса к вам. Я желаю приобщить их, господин председатель, как экземпляр USA-852. Вам знаком господин сидящий слева от вас, не так ли?

Томс: Да.

Додд: Это господин Пуль, не так ли?

Томс: Да.

Додд: Он был вице-президентом Рейхсбанка, когда вы там работали.

Томс: Да.

Додд: Итак, у вас, когда-либо была беседа с господином Пулем о каком-нибудь специальном депозите который поступил в Рейхсбанк и в отношении которого вы должны были поддерживать наивысшую секретность?

Томс: Да.

Додд: Скажите нам, когда состоялась эта беседа, что было сказано, и присутствовал кто-либо ещё в тот момент.

Томс: Эта беседа состоялась летом 1942. Казначей, господин Фроммкнехт, вызвал меня в кабинет вице-президента Пуля. Господин Фроммкнехт отвёл меня к господину Пулю и там господин Пуль раскрыл тот факт, что нужно провести специальную транзакцию с рейхсфюрером СС. Вы хотите, чтобы я подробнее это объяснил?

Додд: Расскажите нам всё, что он вам сказал.

Томс: Господин Пуль сказал мне, что дело нужно было держать в абсолютной тайне и конфиденциальности. Доставлялись бы вещи которые не только автоматически принимались в ходе обычной деятельности Рейхсбанка, но это также затрагивало распоряжение ювелирными изделиями и другими вещами. На моё возражение, что у нас не было никаких экспертов по таким вопросам, он ответил, что нам нужно найти способ конвертировать эти вещи. Сначал я предложил, чтобы эти специальные вещи должны были направить в рейхсгаупткассу – то есть, главную кассу правительства Рейха – которая также хранила все трофеи армии. Однако, господин Пуль подумал, что данный вопрос не нужно проводить через рейхсгаупткассу, но я должен был тем или иным образом заняться им в Рейхсбанке. Потом я предложил, что эти вещи можно было направить в муниципальный ломбард Берлина, точно также как мы делали до этого с конфискованным еврейским имуществом. Господин Пуль согласился с этим предложением.

Додд: Итак, когда пришли первые партии?

Томс: Первая партия, насколько я помню, пришла в Рейхсбанк в течении августа месяца 1942.

Додд: 1942?

Томс: 1942.

Додд: Имя Мельмер имеет для вас какое-то значение?

Томс: Мельмер было именем эсэсовца который впоследствии доставлял эти ценности в Рейхсбанк. Под этим кодовым словом все поставки СС позже вносили в книги банка.

Додд: Вы, когда-либо упоминали имя или слово «Мельмер» Пулю, и он, когда-либо упоминал вам это?

Томс: Имя «Мельмер» вице-президент Пуль не упоминал, но я называл это имя вице-президенту Пулю, так как я должен был информировать его о начале всей транзакции и в частности проведении транзакции по конверсии ценностей. В соответствии с предложением ведомства рейхсфюрера СС, денежную стоимость переводили в рейхсминистерство финансов на счёт которому присвоили имя «Макс Хейлигер». Я надлежащим образом кратко проинформировал вице-президента Пуля об этих фактах.

Додд: Вы, когда-либо говорили Пулю о характере материала который вы получали в партиях от СС?

Томс: Спустя несколько месяцев вице-президент Пуль спросил меня о том как продвигалось дело «Мельмер». Я объяснил ему, что вопреки ожиданию, что на самом деле будет немного партий, партии увеличивались и что кроме золотых и серебряных монет, они содержали в особенности много ювелирных изделий, золотых колец, обручальных колец, золотых и серебряных фрагментов, зубное золото и всевозможные золотые и серебряные вещи.

Додд: Что он сказал, когда вы сказали ему, что там были ювелирные изделия и серебро и зубное золото и другие вещи?

Томс: Могу я для начала добавить несколько вещей. Я обратил его внимание в особенности на тот факт, что по одному поводу что-то вроде 12 килограммов жемчуга было собрано и что я никогда не видел такого необычного количества за всю свою жизнь.

Додд: Минуточку! Что это было?

Томс: Жемчуг и жечужные ожерелья.

Додд: Вы также сказали ему о том, что получили массу оправ для очков?

Томс: Не могу сейчас поклясться, но я описал ему общий характер этих партий. Таким образом, думаю, я наверное использовал «очки» и похожие слова, но я бы не хотел заявлять это под присягой.

Додд: Пуль, когда-либо бывал в хранилищах, когда этот материал осматривали?

Томс: По нескольким поводам он посещал укреплённые комнаты банка, чтобы проинспектировать хранившееся там золото и в частности, чтобы осведомиться о типах хранения. Партии от транзакций «Мельмера» хранились в специальной части одного из основных сейфов, поэтому по таким поводам господин Пуль тоже должен был видеть коробки и мешки полные этими партиями. Рядом в коридоре хранилища разбирали поставки от «Мельмера».

Я твердо убеждён в том, что, когда он проходил по укреплённым комнатам, господин Пуль должен был видеть эти предметы, так как они лежали совершенно открыто на столе и каждый кто посещал укреплённую комнату мог их видеть.

Додд: Было приблизительно 25 или 30 человек которые сортировали эти вещи, не так ли, перед тем как отправить их на переплавку и для продажи в ломбардах?

Томс: Я бы сказал, что было не 25-30 человек, которые сортировали эти вещи – в течение дня, вероятно 25-30 человек посещали укреплённые комнаты, чтобы заниматься там делами. Для этого конкретного дела было четыре-пять сотрудников занятых сортировкой вещей, их подготовкой.

Додд: И каждый находившийся под вашим надзором давал подписку о неразглашении? Они не говорили об этом деле, им было запрещено делать это, не так ли?

Томс: В банке были строгие указания о том, что секретные вопросы не следовало обсуждать даже с коллегой из своего же отдела, если этот коллега тоже не работал над этим. Таким образом…

Додд: Что же, это был суперсекретный вопрос, не так ли? Это не была обычная секретность которая была принята. Не было никакой особой секретности вокруг этих поставок?

Томс: Совершенно верно. Это было совершенно исключительное дело и это нужно было хранить в особой тайне. Я бы сказал, что это выходило за рамки границ «совершенно секретно». Так, даже мне было строго запрещено говорить с кем-нибудь об этом, и тогда, когда я уходил, я сказал вице-президенту Пулю, после первой беседы, что я бы, однако, проинформировал ведущих сотрудников кассы, потому что в конце концов все мои начальники должны были быть информированы о таких делах.

Додд: Для дирекции был подготовлен доклад об этих депозитах «Мельмер»?

Томс: Нет. Вопрос решался в устном порядке. В конце концов это было исключительное дело и вели только один счёт для поставок, который назывался «счёт Мельмер». Этот счёт главный кассир передал в валютный отдел, который в свою очередь, должен был предпринять дальнейшие шаги вместе с дирекцией Рейхсбанка.

Додд: Что же, дирекция должна было одобрить работу с подобной вещью, не так ли? Вам не разрешали работать с материалами подобными этим без одобрения дирекции банка?

Томс: В вопросах касающихся золота требовались конкретные инструкции совета директоров и одобрение соответственно. Поэтому я не мог действовать самостоятельно. В целом инструкции давали кассе в письменном виде и они подписывались по крайней мере двумя сотрудниками и одним членом совета директоров. Таким образом было совершенно уникально, что в данном случае

инструкции дали в устной форме.

Додд: Кстати, господин Томс, вы видели фильм в этот полдень? Мы показали вам фильм, не так ли?

Томс: Да.

Додд: После просмотра этого фильма, вы способны сказать, представляет ли это или нет честную презентацию внешнего вида каких-то из этих поставок, которые Рейхсбанк получил от СС?

Томс: Я могу сказать, что данный фильм и фотографии которые я видел в нём, типичны для поставок «Мельмера». Вероятно мне нужно уточнить это, сказав, что количество показанное в этом фильме в основном из зубного золота и в частности ювелирных изделий, которые пришли в первых поставках. Лишь позднее эти количества возросли, таким образом количество которое мы увидели в этом фильме на самом деле ещё не видели в Рейхсбанке, потому что они содержались в коробках или ящиках оставаясь закрытыми. Но в целом материал который я увидел в этом фильме типичный для поставок «Мельмер».

Додд: Хорошо, сэр. Итак, приблизительно – я не ожидаю полностью точного ответа, но приблизительно сколько партий этих вещей вы получили от СС?

Томс: Почти как я сейчас могу вспомнить, должно быть было больше 70 партий, возможно 76 или 77. Сейчас не могу сказать точно, но должно быть это правильная цифра.

Додд: Очень хорошо, у меня больше нет вопросов.

Заутер: Свидетель, чем вы занимаетесь?

Томс: Советник Рейхсбанка.

Заутер: Где вы проживаете?

Томс: Берлин-Штиглиц. Потом я – после того как мой дом разбомбили, я жил в Потстдаме, Ной-Фарланд.

Заутер: Вы добровольно вызвались на допрос обвинения или как получилось, что вас допросили…

Томс: Я был…

Заутер: Пожалуйста, вы подождете до тех пор пока я не закончу свой вопрос для того, чтобы переводчики могли нас понимать? Пожалуйста делайте паузу между вопросом и ответом.

Томс: Мне приказали явиться сюда.

Заутер: Кто?

Томс: Наверное обвинение.

Заутер: Вы свободный человек?

Томс: Да, я свободен.

Заутер: Вы получили письменную повестку?

Томс: Нет. Вчера меня устно попросили во Франкфурте приехать в Нюрнберг.

Заутер: Франкфурт? Вы сейчас проживаете во Франкфурте?

Томс: Да.
Заутер: Господин Томс, где вы проживали 8 мая? Это неделя тому назад?
Томс: 8 мая этого года?
Заутер: Вы господин Томс, не так ли?
Томс: Да.
Заутер: Да, 8 мая, неделю тому назад.
Томс: Во Франкфурте.
Заутер: Вас допрашивали там, не так ли?
Томс: Совершенно верно. Меня допрашивали во Франкфурте.
Заутер: Это письменные показания которые вам предъявил обвинитель?
Томс: Да.
Заутер: Как получилось, что вы дали письменные показания? Вы добровольно вызвались свидетелем или как это случилось?
Томс: Я хочу заметить вам, что уже год назад, когда я работал во Франкфурте, я добровольно предоставил американским ведомствам детали транзакций которые были мне известны по вопросу золота Рейхсбанка.
Заутер: Понимаю. Значит последний год вы уже предоставляли себя в качестве свидетеля?
Томс: Я бы не сказал как свидетеля по данному вопросу. Я просто предоставил себя в их распоряжение для выяснения дел Рейхсбанка для американских целей.
Заутер: Да. Вы, когда-либо обсуждали данный вопрос с президентом Рейхсбанка Функом?
Томс: Нет. Во время моей службы, я никогда не имел возможности поговорить с министром Функом.
Заутер: У вас имеются какие-нибудь положительные сведения, вероятно из какого-то другого источника о том имел ли президент Рейхсбанка Функ точные сведения об этих вещах, или ему тоже неизвестно?
Томс: Я тоже ничего не могу сказать об этом, потому что эти вещи происходили на высшем уровне, о чём я не могу судить.
Заутер: Тогда меня бы интересовало выслушать что-нибудь об этих депозитах или как бы это ни называли, что имело название «Мельмер»?
Томс: Я хочу отметить, что это был не депозит, а то, что это поставки которые шли под именем «Мельмер». Поскольку транзакции были такими которыми Рейхсбанк вынужден был заниматься, Рейхсбанк принимал эти вещи напрямую, и поскольку это был вопрос дел не относящихся к банку, Рейхсбанк в определённой степени был доверительным управляющим при конверсии этих вещей.
Заутер: Помедленнее, помедленнее. Почему этим вопросом, назовём мы его депозитом или чем-то ещё, не занимались под названием «СС», почему ему дали имя «Мельмер»? Вы, кого-нибудь спрашивали об этом, свидетель?
Томс: Я уже упоминал в начале допроса, что это было особо секретное дело в связи

с которым имя поклажедателя не должно было появляться. Следовательно, в связи с этим, это был вице-президент Пуль который должен был решать о том как заниматься этим делом, и он пожелал и приказал это.

Заутер: Только сотрудники Рейхсбанка приходили в укреплённую комнату где хранили эти вещи, или другие люди тоже имели к ним доступ, люди которые имели сейф в укреплённой комнате?

Томс: Рейхсбанк не имел никаких частных поклажедателей, то есть, мы не имели никаких закрытых депозитов которые принадлежали клиентам Рейхсбанка – по крайней мере не в тех хранилищах. Депозиты от частных клиентов находились в ещё одном хранилище для того, чтобы не было никакого контакта между депозитами банка и депозитами клиентов.

Заутер: Но довольно много сотрудников ходили туда. Вы уже говорили об этом.

Есть одна вещь которая мне не ясна: с одной стороны, вы сказали нам, что эти вещи лежали почти открытыми на столах, так что каждый мог их видеть, и с другой стороны, вы ранее сказали ближе к концу своего заявления, что эти вещи хранили в закрытых коробках и ящиках. Как это совместить?

Томс: Я заявил, что эти вещи доставляли в закрытых коробках и ящиках и хранили в них. Когда время от времени, поставки инвентаризовались, партии с которыми нужно было работать, естественно нужно было открывать и считать содержимое, обследовать и перевзвешивать. Это, конечно, можно было делать только разложив содержимое, пересчитывая его, взвешивая и затем закрывая их в новых контейнерах.

Заутер: Вероятно вы по собственной инициативе сказали господину Пулю – в конце концов вы были советником банка, следовательно также старшим чиновником, что вы имели сомнения во всём мероприятии? Пожалуйста подумайте над вопросом и дайте свой ответ очень осторожно, потому что вы под присягой.

Томс: Прежде всего, я должен сказать, что я относился к группе сотрудников среднего звена, но это попутно. Затем, конечно – или давайте скажем так, когда сотрудник проработал тридцать лет или дольше на концерн и если за эти долгие годы своей карьеры он всегда ощущал, что директора были безупречными, тогда, мне кажется, он бы мог не иметь никаких сомнений если бы в особом случае его проинструктировали хранить молчание об определённых транзакциях. Он бы не возражал исполнению этого приказа. Я уже сказал, что термин «трофеи» был неизвестен нам, сотрудникам Рейхсбанка, потому что был приказ о том, что всё трофейное имущество которое поступало из армии должно было доставляться напрямую в кассу, то есть кассу правительства Рейха, и мы в банке, конечно думали, что трофеи войск СС должны были проходить через Рейхсбанк. Сотрудник Рейхсбанка не сильно мог возражать такому приказу. Если директора банка дали ему указания, тогда он должен был выполнять их, в силу присяги.

Заутер: Значит, свидетель, если я правильно вас понимаю, вы говорите нам, что в

начале, в любом случае, вы считали, что это дело в порядке, и с этим не было ничего плохого?

Томс: В начале? Фактически, я считал правильным, что нужно было тщательно этим заниматься.

Заутер: У вас, когда-либо были какие-нибудь сомнения о том, что это может быть, скажем так, преступным?

Томс: Разумеется, я бы имел сомнения если бы я имел сведения и опыт которые я имею сегодня.

Заутер: Тоже самое для каждого.

Томс: Да, совершенно верно. В данном случае, я должен был подавить любые сомнения, я бы не признал никаких сомнений, потому что дело было известно не только мне, оно было известно дирекции Рейхсбанка и администрации главной кассы. Ценности в укреплённой комнате каждую ночь проверял заместитель директора главной кассы, поэтому я был ответственным только за техническое исполнение этого дела, и ответственность за правильность транзакции не находилась в моей компетенции.

Заутер: Я не знаю об ответственности, но свидетель, я спросил вас, вы, когда-либо имели какие-нибудь сомнения, в тот конкретный момент, вы считали всё дело преступным? Вы считали это преступным?

Томс: Мы полагали, что это было имущество которое СС – после того как они частично сжигали города на Востоке, в частности в битве за Варшаву, мы думали, что потом они захватывали эти трофеи в домах и затем доставляли трофеи в наш банк.

Заутер: В качестве трофеев?

Томс: Да. Если военное ведомство доставляет трофейное имущество, то не следует, что сотрудник которому поручили работу с этими вещами должен был считать, что эти поставки были преступными.

Заутер: Принимая эти вещи, вы думали или вам сказал вице-президент Пуль, или по крайней мере намекнул вам, что эти золотые вещи могли забирать у жертв в концентрационных лагерях?

Томс: Нет.

Заутер: Вы не думали об этом, не так ли?

Томс: Нет.

Заутер: Вообще нет?

Томс: Однажды мы увидели название «Аушвиц» и в другой раз название «Люблин» на каких-то кусках бумаги которые мы нашли. Я сказал, что в связи с Люблином мы нашли эту надпись на каких-то пачках банкнот с которыми нужно было работать и которые мы затем вернули в польский банк на инкассацию. Довольно странно, те же самые пакеты вернулись после того как их обработал банк. Соответственно, здесь объяснение заключалось в том, что это не могли быть поставки из

концентрационного лагеря, поскольку они доходили до нас по официальным банковским каналам. Что касается лагеря Аушвиц, что же, сегодня я не могу сказать с какого рода поставками находили эти кусочки бумаги, но возможно, что они были скреплены с какими-то записками, и вероятно они могли быть партиями зарубежных банкнот, из концентрационных лагерей. Но тогда было предусмотрено, что военнопленные или заключённые могли обменять свои банкноты на другие деньги в лагере, поэтому такие поставки могли производится по легальным каналам.

Заутер: Если я правильно вас понимаю, свидетель, значит, смысл того, что вы сейчас сказали в том, что вы всё ещё считали это дело законным даже, когда увидели надпись «Аушвиц» и «Люблин» на каких-то вещах. Даже тогда вы считали это дело законным, не так ли?

Томс: Да.

Заутер: Что же, тогда, почему в своих письменных показаниях от 8 мая 1946 – это правда, что это не показания под присягой, история рассказана немного по другому? Вероятно я могу прочитать вам фразу…

Томс: Пожалуйста.

Заутер: …и вы сможете сказать правильно ли я понял вас или же сотрудник неправильно это записал. Там сказано, после прежде всего сказанного, что вы считали дело легальным:

> «Одним из первых признаков происхождения этих вещей было то, когда заметили пачку, предположительно облигаций…».

Томс: Нет, это были банкноты.

Заутер: «…проштампованных «Люблин».

Томс: Это случилось уже в 1943.

Заутер:

> «Ещё одним указанием был тот факт, что какие-то вещи имели штамп «Аушвиц». Все мы знали эти места как концентрационные лагеря. В связи с десятой партией в ноябре 1942» - то есть, раньше – «появились золотые зубы, и количество золотых зубов возросло в необычной степени».

Довольно с цитатой из вашего заявления не под присягой от 8 мая 1946. Итак, вы скажите нам: это означает тоже самое, что вы сказали раньше, или это означает нечто совершенно другое по вашему мнению?

Томс: Это по моему мнению согласуется с моим заявлением. Мы не могли полагать, что поставки которые проходили через концентрационные лагеря должны были быть абсолютно незаконными. Мы только замечали, что постепенно эти поставки становились больше. Партии банкнот из концентрационных лагерей не обязательно были незаконными. Может быть это был официальный сбор, в особенности так как мы не знали правил применяемых к концентрационным лагерям. Было бы совершенно возможно, что эти люди имели право продавать имеющиеся вещи или

передавать их в качестве платежа.

Заутер: Доллары которые вы также видели в этом фильме вряд ли были бы кем-то проданы.

Томс: Могу я вам заметить, что я не считал, что эти банкноты обязательно поступили из концентрационных лагерей. Я просто сказал, что слово «Люблин» было на каких-то из пачек банкнот. Это могло указывать на то, что они поступили из концентрационного лагеря, но не обязательно это означает, что эти конкретные банкноты пришли из концентрационного лагеря, и тоже самое относится к «Аушвицу». Появилось название «Аушвиц». Могло быть определённое подозрение, но у нас не имелось никаких доказательств, и мы не чувствовали, из-за этого нам нужно возражать этим поставкам от СС.

Заутер: Соответственно, свидетель, видимо из-за того, что вы так это сконструировали, вы не имели повода составить доклад вице-президенту Пулю или дирекции, или озвучить какие-нибудь сомнения, вы не имели для этого никакого повода?

Томс: Я обратил внимание вице-президента Пуля на состав этих партий уже в первые месяцы после прибытия первой партии. Таким образом, общий характер этих поставок был известен господину Пулю. Он знал о содержании поставок.

Заутер: Но вы сказали нам ранее, что характер этих поставок не показался вам необычным. Вы считали, что это были трофеи. И теперь вы хотите сказать, что вы обратили на это внимание вице-президента Пуля и, что он должен был заметить, что-то необычное.

Томс: Я так не сказал. Я не сказал, что господин Пуль должен был заметить что-то необычное. Я просто сказал, что если бы пришлось заявлять какие-нибудь возражения, тогда они должны были исходить от господина Пуля, поскольку он хорошо знал о характере этих поставок также как и я. И, если бы было какое-нибудь подозрение, тогда подозрение господина Пуля наверное бы выросло больше чем моё.

Заутер: Свидетель, ранее вы нам сказали, что в связи с этим была приказана особая секретность, но в то же время вы упоминали, что совершенно помимо этого дела СС, были и другие дела с которыми обращались с особой секретностью. Это правда?

Томс: Да.

Заутер: Вам не нужно называть нам никакие имена, но я бы хотел знать, что это были за дела?

Томс: Это вопросы которые имели отношение к ведению войны. Это транзакции в золоте, и вероятно также в валюте, и т.д.

Заутер: Следовательно это не были преступные дела?

Томс: Нет, не преступные.

Заутер: Тогда, свидетель…

Председатель: Доктор Заутер, трибунал считает, что это слишком далеко от

смысла, спрашивать его про другие поставки.

Заутер: Да, но на вопрос уже дан ответ, господин председатель.

Свидетель, ввиду такой секретности с поставками СС, которые приходили в Рейхсбанк, меня интересует знать, поскольку они реализовывались Рейхсбанком, выдавали ли какие-нибудь счета, как я полагаю должно было быть в случае из документов перед нами?

Томс: Да.

Заутер: Вашей главной кассой?

Томс: Да.

Заутер: Кому отправили эти счета?

Томс: Их отправляли напрямую в ведомство рейхсфюрера СС, то есть, их забирал напрямую Мельмер из банка.

Заутер: Они не шли ни в какое другое ведомство?

Томс: И затем их официально передавали в валютное управление.

Заутер: Валютное управление, то есть государственное ведомство?

Томс: Нет, это управление Рейхсбанка которое в свою очередь связано с дирекцией.

Заутер: Эти счёта также не передавали, или они не шли в рейхсминистерство финансов?

Томс: Связной, Мельмер, всегда получал два счёта, то есть, дубликат. Посылало ли ведомство рейхсфюрера одну копию в рейхсминистерство финансов, я не знаю.

Заутер: С этими счетами обращались конфиденциально, то есть, хранили в тайне?

Томс: Да.

Заутер: Например, счета с муниципальным ломбардом?

Томс: В счёте муниципальному ломбарду не называли вкладчика.

Заутер: Что происходило с золотыми зубами?

Томс: Их переплавлял прусский государственный монетный двор. Затем золото очищалось и чистое золото возвращали в Рейхсбанк.

Заутер: Свидетель, ранее вы сказали о том, что в начале 1943 прибыли определённые вещи со штампом «Аушвиц». Думаю вы сказали в начале 1943.

Томс: Да, но я не могу сказать сейчас точную дату.

Заутер: Вы сказали: «Все мы знали, что там был концентрационный лагерь». Вы на самом деле знали это уже в начале 1943, свидетель?

Томс: Естественно, сейчас я могу…

Заутер: Да, сейчас, конечно все мы знаем. Я говорю о времени, когда это происходило.

Томс: Не могу сказать точно. Я сделал заявление в силу – прошу прощения, то есть, наверное – эти поставки, наверное не обрабатывали до 1945 или поздней осени 1944. Возможно, что про Аушвиц уже, что-то просочилось.

Заутер: Итак, вы сказали под номером 14 своего заявления, что одним из первых ключей об источнике этих вещей – видимо означавшем концентрационные лагеря –

был тот факт, что кусок бумаги имел штамп «Люблин». Это было уже в 1943. И ещё одним указанием был тот факт, что какие-то вещи имели штамп «Аушвиц». «Все мы знали» - я уже подчеркнул это по самой подходящей причине – «все мы знали, что эти места были местами концентрационных лагерей». Это ваше заявление, и я повторяю вопрос. Конечно сейчас все мы это знаем, но вы, господин советник Рейхсбанка, знали в начале 1943 о том, что там в Аушвице был крупный концентрационный лагерь?

Томс: Нет, на такой утвердительный вопрос я должен сказать нет, я не знал, но…

Председатель: Он ничего не говорил о крупном концентрационном лагере в Аушвице.

Заутер: Нет, это моё риторическое преувеличение. Я сказал о том, что на процессе мы узнали, что там был крупный концентрационный лагерь.

Председатель: Он знал это? Он знал, что там был крупный концентрационный лагерь в 1943? Он так не сказал.

Томс: Я могу ответить «нет» на ваш вопрос, но вот, что: я полагаю, что эта бумага помеченная «Аушвиц» пришла из партии которую вероятно провели в 1943, но не разбирали очень долго, и я сделал это заявление, когда уже находился во Франкфурте, поэтому название «Аушвиц» мне знакомо. Я признаю, что могло быть преувеличение поскольку я ретроспективно сказал себе, что это был концентрационный лагерь, поймите. Но я знаю, что тогда, название «Аушвиц» почему-то привлекло наше внимание, и думаю мы даже задавали вопросы в связи с этим, но мы не получили никакого ответа и больше никогда не спрашивали.

Заутер: Тогда, свидетель, у меня один последний вопрос. Обвинение показало нам документ PS-3947. Я повторяю PS-3947. Видимо это проект меморандума который какое-то ведомство Рейхсбанка кажется подготовило для дирекции Рейхсбанка. Он датирован 31 марта 1944 и содержит фразу на странице 2 которую я вам прочитаю, потому что она ссылается на подсудимого Функа и подсудимого Геринга. Это фраза:

> «Рейхсмаршал великогерманского Рейха, делегат четырёхлетнего плана, в письме от 19 марта 1944, копия которого прилагается настоящим информирует германский Рейхсбанк» - между прочим, копии здесь нет, по крайней мере у меня её нет – «о том, что значительное количество золотых и серебряных предметов, ювелирных изделий и тому подобного, в главном доверительном управлении следует доставить в Рейхсбанк в соответствии с приказом изданным рейхсминистром Функом» - подсудимым – «и графом Шверин-Крозигом, рейхсминистром финансов. Конверсия этих предметов должны быть проведена таким же образом как поставки «Мельмер».
>
> Это конец моей цитаты.

Однако, подсудимый Функ говорит мне, что он ничего не знал о таких указаниях, и что такая договорённость или подобное письмо совершенно ему неизвестно, и что он вообще ничего не знал о поставках «Мельмер».

Додд: Я должен возразить форме вопроса. Я возражал раньше, что это очень длинная история предполагающая ответ на вопрос заданный свидетелю. Думаю это нечестный способ допрашивать.

Председатель: Доктор Заутер, вам известно, не так ли, что вы не вправе сами давать показания? Вы не вправе говорить то, что сказал вам Функ, до тех пор пока он не дал показания.

Заутер: Господин председатель, это не один из наших свидетелей. Это свидетель который вызвался добровольцем для обвинения.

Председатель: Доктор Заутер, это не вопрос о том чей он свидетель. Вы заявляете о том, что сказал вам Функ, и вы не ссылались ни на что, что сказал Функ в показаниях, и вы не вправе это делать.

Заутер: Так как вы были рейхсбанкратом, меня интересует знать, знали ли вы, что-нибудь об этих приказах которые упоминались в письме от 31 марта 1944 из ведомства Рейхсбанка и шла ли речь о подсудимом Функе?

Томс: Думаю могу припомнить, что на самом деле существовали инструкции которые говорили о том, что золото из главного доверительного управления Востока нужно было доставлять в Рейхсбанк. Я абсолютно не уверен в том, написана ли эта фраза в то время заместителем директора главной кассы, господином Кроппом в дирекцию Рейхсбанка. Я вполне уверен, что первоначально такие инструкции на самом деле давали, но я хочу отметить, что главная касса через отдел ценных металлов была против принятия этих ценностей, потому что технически не могла постоянно брать ответственность за такие значительные поставки разнообразных вещей. Данную инструкцию позже отменили из-за вмешательства господина Кроппа. Поставки из главного доверительного управления Востока в Рейхсбанк, в особенности в главную кассу, не проводили. Однако, мне кажется, я прав говоря о том, что первоначально существовало то, что вы описали.

Заутер: Вы лично видели инструкцию?

Томс: Думаю она в материалах отдела благородных металлов, которые в руках американского правительства, там будут копии этих инструкций.

Заутер: Эта инструкция была подписана подсудимым Функом?

Томс: Не могу сказать.

Заутер: Или каким-то другим ведомством?

Томс: Я на самом деле не могу вам сейчас сказать, но я не могу полагать, что это тот случай, когда текст гласит: «От министра финансов и господина Функа», чтобы какое-то другое ведомство должно было его подписать.

Заутер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Додд: Могу я задать один или два вопроса в повторном допросе?

Председатель: Да.
Додд: Господин Томс, не было преувеличения в том факте, что вы нашли кусок бумаги со словом «Аушвиц» написанном на ней среди прочих партий, не так ли?
Томс: Нет, я нашёл записку.
Додд: Итак, я полагаю вы находили много вещей среди этих партий с названиями написанными на них. Должно быть, что-то что заставило запомнить «Аушвиц», это так?
Томс: Да.
Додд: Что же, что это было?
Томс: Я должен полагать – я имею в виду, что я знаю по воспоминаниям, что была какая-то связть с концентрационным лагерем, но я не могу сказать. Я считаю, должно быть это случилось позже. На самом деле…
Додд: Что же, я не хочу давить на это. Я лишь хотел, чтобы трибуналу было совершенно ясно, что вы сказали нам, что вы помнили «Аушвиц» и это значение о котором вы запомнили уже после капитуляции Германии. Это так, не так ли?
Томс: Да.
Додд: Больше нет вопросов.
Биддл: Вы сказали, было около 77 партий, правильно?
Томс: Да, было больше 70.
Биддл: Насколько крупными были партии? Они были в грузовиках?
Томс: Они отличались. В целом они приходили в обычных машинах, но иногда прибывали на грузовиках. От этого зависело. Когда были например, банкноты, было меньше и меньше веса. Если это было серебро или серебряные вещи, тогда вес был больше и их привозил небольшой грузовик.
Биддл: Обычно было несколько грузовиков, или тягачей в каждой поставке?
Томс: Нет, партии не были настолько крупными. Был как самое большое один грузовик.
Биддл: И ещё один вопрос: я понимаю, что вы говорите, что эти вещи перемещали в новые контейнеры?
Томс: Да, их перекладывали в обычные мешки Рейхсбанка. Мешки с ярлыками «Рейхсбанк».
Биддл: Мешки с названием Рейхсбанк?
Томс: Да, на которых было написано слово «Рейхсбанк».
Председатель: Свидетель, может удалиться.

[*Свидетель Пуль занял место свидетеля*]

Председатель: Итак, доктор Зейдль, вы хотите задать свидетелю Пулю несколько вопросов?

Свидетель, вы помните, что находитесь под присягой?

Зейдль: Свидетель в связи с документом PS-3947, USA-850, у меня есть к вам несколько вопросов.

Ранее вы слышали, когда допрашивали свидетеля Томса о том, что это письмо содержит абзац который ссылается на рейхсмаршала Геринга и который связан с главным доверительным управлением Восток. Это правда, что это главное доверительное управление было ведомством которое было создано законом Рейха и, что его право конфисковать тоже специально очерчивалось в законе Рейха?

Пуль: Я не могу ответить на вторую часть вашего вопроса не посмотрев на это, поскольку я юридически не подготовлен. Главное доверительное управление Востока было официально созданным ведомством – будь то законом или указом, это то о чём я не могу вам сейчас сказать.

Зейдль: По вашим сведениям, главное доверительное управление Востока имело какую-либо связь с штабом экономической администрации СС, то есть ведомством Поля?

Пуль: Я никогда этого не наблюдал.

Зейдль: Очевидно не обсуждается, по крайней мере, когда вы читали письмо, что главное доверительное управление Востока и его поставки могли быть как-то связаны с акцией «Мельмер»?

Пуль: Вероятней всего так, да.

Зейдль: Вы имеете в виду не было никакой связи?

Пуль: Не было никакой связи.

Зейдль: Вы упомянули сегодня утром, что среди деловых операций, которые Рейхсбанк проводил очень неохотно были те, что связаны с таможенным следствием и отделами валютного контроля. Последняя часть данного абзаца которая ссылается на подсудимого Геринга содержит фразу которая ссылается на конверсию похожих предметов которые изымали на оккупированных западных территориях. Это правда, что в частности на оккупированных западных территориях, и отделы валютного контроля и таможенное следствие получали богатые трофеи?

Пуль: Общее количество ценностей которые доставили оба эти ведомства мне неизвестно. Скорее я сомневаюсь, что оно было чрезывачайно большим. Однако, были довольно крупные суммы, в основном, конечно, в валюте.

Зейдль: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Господин Додд, вы хотите о чём-то спросить?

Додд: После заслушивания показаний господина Томса, вы желаете изменить, что-нибудь в своих показаниях которые вы дали этим утром?

Пуль: Нет.

Додд: И ваши письменные показания которые вы дали под присягой, вы желаете, чтобы они остались как есть?

Пуль: Да.

Додд: У меня всё.

Председатель: Вам известен Кропп, который подписался под словом «Hauptkasse» в письме от 31 марта 1944, документ PS-3947?
Пуль: Господин Кропп был сотрудником кассы. Он имел сравнительно ответственную должность.
Председатель: В каком отделе?
Пуль: В кассовом.
Председатель: Спасибо. Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Председатель: Доктор Симерс.
Симерс: Адмирал Рёдер, вы пройдете на место свидетеля?

[*Подсудимый Рёдер занимает место свидетеля*]

Симерс: Могу я вам напомнить, что я поставил основной вопрос, служила ли реконструкция флота агрессивным или оборонительным задачам.

Свидетель пожелал ответить на этот вопрос, сославшись на части из речи произнесенной им в 1928. Это экземпляр номер Рёдер-6, документальная книга 1, страница 5, и сама речь начинается на странице 17.

Пожалуйста, начинайте.
Рёдер: Прежде всего, я хочу сказать, что министр Зеверинг, которого я попросил в качестве одного из своих свидетелей, привёз эту речь с собой по своей воле, так как он ещё помнит 1928 год.
Симерс: Господин председатель, это находится на странице 16 документальной книги. Это письмо Рёдера министру Зеверингу, датированное 8 октября 1928. Зеверинг вручил мне эту речь, когда он прибыл в Нюрнберг, чтобы явиться в качестве свидетеля.
Рёдер: Я процитирую со страницы 17, пятая строка внизу, в какой-то степени сокращая фразу для переводчиков:

> «Вооруженные силы - я, конечно, говорю в основном о флоте, но сегодня мне известно, то же самое в отношении армии, из-за того, что с 1919 их внутренняя солидарность и подготовка совершенствовались с величайшей преданностью и верностью долгу – в своей нынешней структуре, будь-то офицер или солдат, в своей нынешней форме развития и своём внутреннем отношении, твёрдая и надёжная поддержка, даже могу сказать, ввиду, присущей им военной мощи и в виду условий внутри Рейха, самая твёрдая и самая надежная поддержка нашего немецкого отечества, Германского Рейха, германской республики, и её конституции; и вооруженные силы горды

этим».

Затем я перехожу к странице 3, и это шестая строка:

«Однако, если государство должно выстоять, эта сила должна быть доступна только конституционным властям. Никто другой не может иметь её; то есть, даже политические партии. Вермахт должен быть полностью аполитичен и состоять только их военнослужащих, которые полностью сознавая необходимость, откажутся принимать участие в любой деятельности во внутренней политике. Осознав этого с самого начала и организовав Вермахт в соответствии с великим и стойким достижением Носке[335], бывшего министра Рейхсвера, за которым с глубочайшим убеждением последовал достойный похвалы министр, доктор Гесслер[336]».

Затем я говорю о составе флота, и на четвёртой странице, я продолжаю, строка 7. Вероятно это самая важная фраза:

«По моему мнению, конечно единственная вещь это предпосылка для внутреннего отношения военнослужащего, а именно, что он готов воплотить свою профессию на практике, когда его позовёт отечество. Люди, которые никогда снова не захотят войны, возможно, не пожелают становиться солдатами. Нельзя считать нечестным, если Вермахт вливает в своих военнослужащих мужественный и воинственный дух, не желая войны или даже войны-отмщения или агрессивной войны, не для того, чтобы стремиться к тому, что по общему немецкому мнению было бы преступлением, но вдохновляя взяться за оружие в защиту отечества в час нужды».

Затем я перехожу к последнему параграфу на странице 4.

«Следует понимать – так как это соответствует сущности Вермахта – если он стремится быть в состоянии, насколько это возможно, выполнять свои задачи, даже в сегодняшних условиях, продиктованных ограничениями Версальского договора».

Затем я ссылаюсь на задачи небольшого флота, и это на странице 5, второй параграф, строка 6:

«Учитывая протяженность немецкой береговой линии в Балтийском и Северном морях, в основном прусскую береговую линию, которая открыта для вторжения и разорения даже самой малой морской нации, у нас в распоряжении не имелось современных подвижных военно-

[335] Густав Носке (1868 —1946) — немецкий социал-демократический политик и государственный деятель, один из лидеров правого крыла СДПГ. В Германской империи — депутат Рейхстага. Занимал пост министра обороны Веймарской Германии в 1919—1920 годах. С 1920 по 1933 возглавлял администрацию провинции Ганновер. В Третьем Рейхе арестовывался за участие в антигитлеровском заговоре.

[336] Отто Гесслер (1875 — 1955) — немецкий политик, член Немецкой демократической партии, министр обороны Веймарской республики с 1920 по 1928 годы.

морских сил по крайней мере по силе допускаемой положениями Версальского договора. Прежде всего, размышляя о положении Восточной Пруссии, которая в случае перекрытия коридора полностью зависела бы от зарубежного импорта, импорта, который нужно было доставлять со складов зарубежных наций и в случае войны который был бы поставлен под угрозу, или даже стал невозможным, если бы мы не имели боевых кораблей. Я прошу вас вспомнить доклады о визитах наших учебных кораблей и нашего флота в зарубежные страны, когда, уже в 1922, образцовое поведение наших экипажей свидетельствовало об улучшении внутренних условий в Рейхе и значительно усилило уважение к Германскому Рейху».

Довольно с этой речью.

Председатель: Поскольку вы её прошли, вероятно, мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Симерс: Адмирал, над этим процессом нависают слова: «Агрессивные войны являются преступлением».

Мы только, что увидели из вашей речи, уже в январе 1928, вы использовали эти слова, до пакта Келлога[337]. В заключение я хочу вас спросить, этот принцип января 1928 оставался вашим принципом всё время вашего командования флотом?

Рёдер: Конечно.

Симерс: В связи с Версальским договором, сейчас я хочу приобщить письменные показания, потому что здесь необходимы кое-какие цифры которые упростят представление в письменном виде, нежели допросом. Я предъявляю письменные показания II от вице-адмирала Ломана[338], экземпляр номер Рёдер-8, документальная книга 1, страница 39.

Для удобства трибунала, чтобы не было никакого недопонимания, я хочу отметить, что вице-адмирал Ломан не имеет никакого отношения к капитану Ломану[339], который был хорошо известен, почти знаменит, в двадцатые.

Трибунал может вспомнить, что дело Ломана упоминалось в связи с

---

[337] Пакт Бриана — Келлога, Парижский пакт — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; получил название по именам инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога. Подписан 27 августа 1928 года представителями 15 государств (позже к ним присоединились почти все существовавшие в то время страны). Заключение договора означало первый шаг на пути создания системы коллективной безопасности в Европе.

[338] Вальтер Ломан (1891-1955) – офицер немецкого флота. Вице-адмирал (1942). Во время Второй мировой войны командующий рядом региональных командований военно-морских сил Германии.

[339] Вальтер Ломан (1878 – 1930) – офицер германского флота являвшийся в 1920 начальником департамента транспорта флота организовал схему получения денежных средств в обход Версальского договора путем фиктивных фирм, действуя с ведома правительства Германии.

нарушениями Версальского договора. Капитан Ломан умер в 1930, и не имел никакого отношение к автору настоящих письменных показаний, вице-адмиралу Ломану. Я также напомню суду, что дело Ломана состоялось до вступления адмирала Рёдера в должность, до 1928.

Я цитирую из письменных показаний Ломана заявление под цифрой I.

Председатель: Вы хотите вызвать адмирала Ломана в качестве свидетеля?

Симерс: Нет, я не называл его в качестве свидетеля; из-за множества цифр, я удовлетворен письменными показаниями. Британское обвинение уже согласилось с приобщением письменных показаний, но попросило, чтобы адмирала Ломана можно было перекрестно допросить. Это было оговорено между сэром Дэвидом и мной.

Председатель: Понимаю, да. Вам не потребуется вдаваться во все эти данные о тоннах, не так ли? Вам нет необходимости всё это зачитывать, не так ли?

Симерс: Нет. Я не хочу зачитывать отдельные цифры. В этих письменных показаниях я укажу на то, что не касается тоннажа; речь идёт о номере Рёдер-8, страница 39.

Председатель: Да, у меня есть одни. Хотя и тут очень много тонн.

Симерс: Я хочу зачитать под цифрой I:

> «Согласно Версальскому договору, Германии было разрешено построить восемь броненосцев. Однако, Германия построила только три броненосца, «Deutschland», «Admiral Scheer[340]» и «Graf Spee» - я пропускаю следующее.
>
> II. Согласно Версальскому договору Германии разрешалось построить восемь крейсеров. Однако, Германия построила лишь шесть крейсеров».
>
> Я опускаю подробности согласно пожеланию трибунала.
>
> «III. Согласно Версальскому договору, Германии разрешалось построить 32 эсминца и/или торпедных катера. Однако, Германия, построила лишь 12 эсминцев и ни одного торпедного катера».

В соответствии с этим, при строительстве флота, Германия никоим образом не воспользовалась возможностями Версальского договора, и если я правильно понимаю, она особо опустила постройку наступательных вооружений, а именно, крупных кораблей.

Могу я попросить вас сделать об этом заявление.

Рёдер: Это совершенно верно. Удивительно, что в тот период времени там мало воспользовались преимуществом из Версальского договора. Позднее когда национал-социалистическое правительство пришло к власти за это меня упрекали.

---

[340] «Адмирал Шеер» — немецкий тяжёлый крейсер типа «Германия» времён Второй мировой войны. Корабль назван в честь адмирала Рейнхарда Шеера. Изначально был классифицирован как броненосец, но в феврале 1940 года классификация была изменена на тяжёлый крейсер. 10 апреля 1945 потоплен в результате бомбардировки.

Однако они не подумали, что правительство того времени, и Рейхстаг, не были склонны позволять нам иметь такие корабли. Нам приходилось бороться за разрешение. Но такое упущение в постройке флота до разрешенной силы не имело никакого отношения к небольшим нарушениям Версальского договора, которые мы допускали в основном для того, чтобы выстроить, можно сказать, жалкую оборону на побережье на случай непредвиденной ситуации.

Симерс: Я вернусь к документу С-32. Он установил, что во время Версальского договора, Германия не пользовалась преимуществами положений договора, в особенности в отношении наступательных вооружений. С другой стороны, на основании документов предъявленных обвинением, установлено и также исторически известно, что флот во время собственного строительства совершал нарушения Версальского договора в других направлениях. Я хочу обсудить с вами отдельные нарушения, которые с большим вниманием представило обвинение. Но сначала я хочу обсудить общее обвинение, которое я уже упоминал, что эти нарушения совершались за спиной Рейхстага и правительства.

Такое обвинение оправдано?

Рёдер: Вовсе нет. Я должен повторить, что я был связан с этими нарушениями лишь когда 1 октября 1928, я стал начальником военно-морского командования в Берлине. Я не имел никакого отношения к вещам совершенным ранее.

Когда я прибыл в Берлин, дело Ломана, которые вы ранее упоминали, уже завершилось. Оно было в процессе завершения и рейхсминистр обороны Грёнер, когда дело впервые обнаружили, приказал армии, а также флоту доложить ему обо всех нарушениях, которые совершались; и с тех пор он занимался этими вещами вместе с полковником фон Шлейхером[341], своим политическим советником. Он ликвидировал дело Ломана и эта ликвидация ещё шла, когда я пришёл.

1 октября 1928 он уже пришёл к решению полностью передать ответственность за все отклонения и нарушения Версальского договора правительству Рейха, в то время правительству Мюллера[342]-Зеверинга-Штреземана, поскольку он считал, что он больше не может нести ответственность в одиночку.

Как результат, 18 октября, когда я только стал знакомиться с этими вопросами, он созвал заседание кабинета на котором были вызваны начальник командования армией, генерал Хейе[343], и я, а также некоторые начальники управлений в обеих ведомствах. На этом заседании кабинета, генерал Хейе и я должны были открыто и полностью доложить всем министрам о нарушениях со стороны армии и флота. Правительство Мюллера-Зеверинга-Штреземана взяло на

---

[341] Курт фон Шлейхер (1882 — 1934) — рейхсканцлер Германии с декабря 1932 по январь 1933 года, предшественник Гитлера на этом посту и, таким образом, последний глава правительства Веймарской республики. В 20-е годы начальник ряда ведомств в Рейхсвере.

[342]Герман Мюллер (1876- 1931) — немецкий политик, член Социал-демократической партии Германии. Рейхсканцлер Германии в 1920 и 1928—1930 годах.

[343] Вильгель Хейе (1869 – 1947) - немецкий военачальник. Участник Первой мировой войны. С 1926 по 1930 начальник командования армией Германии.

себя полную ответственность и оправдало рейхсминистра обороны, который, однако, продолжал быть ответственным за тщательное исполнение дел. Нам нужно было докладывать рейхсминистру обороны обо всём, что случиться в будущем и не позволялось предпринимать никакие шаги в самостоятельно. Рейхсминистр обороны руководил делами совместно с рейхсминистром внутренних дел Зеверингом, который выражал большое понимание различным требованиям.

Симерс: На этом заседании кабинета, вы и генерал Хейе как начальник командования армии представили список отдельных небольших нарушений?

Рёдер: Да.

Симерс: И потом правительство сказало вам: «Мы примем ответственность»?

Рёдер: Да.

Симерс: Соответственно, в следующие годы вы всегда действовали по договоренности с правительством Рейха?

Рёдер: Да, рейхсминистр обороны, Грёнер, был чрезвычайно чувствительным в этом. Он расформировал все так называемые «черные» фонды которые существовали и абсолютно настаивал на том, что он должен знать обо всём и санкционировать всё. Он думал, что только таким способом он мог брать ответственность в отношении правительства.

Я вообще не имел никакого отношения к Рейхстагу. Военным руководителям было запрещено иметь по таким вопросам контакты с членами Рейхстага. Все переговоры с Рейхстагом вели через рейхсминистра обороны или от его имени полковником фон Шлейхером. Следовательно, я не мог каким-либо образом действовать за спиной Рейхстага. Я мог обсуждать бюджетные вопросы с членами Рейхстага только в так называемом бюджетном комитете, где я сидел рядом с рейхсминистром обороны и делал технические пояснения к его заявлениям.

Симерс: С 1928, то есть с вашего времени, больше не было никаких секретных бюджетов в рамках строительной программы флота без одобрения правительства Рейха?

Рёдер: Без одобрения правительства Рейха и прежде всего, рейхсминистра обороны, который выделял нам деньги также как выделялись остальные бюджеты.

Симерс: Могу я попросить трибунал взглянуть в связи с этим на документ экземпляр номер Рёдер-3, который уже был предъявлен «Конституцию Германского Рейха», документальная книга 1, страница 10, статья 50, она короткая и гласит:

> «Все указы и распоряжения рейхспрезидента, в том числе в отношении вооруженных сил, действительны лишь после их контрассигнации рейхсканцлером или соответствующим рейхсминистром. Контрассигнация означает принятие ответственности рейхсканцлером».

Это конституционный принцип, на котором правительство Рейха того времени – Штреземан, Мюллер, Зеверинг – настаивало в октябре 1928.

Важная часть строительства флота состояла в модернизации устаревших с прошедшей войны линкоров и крейсеров. В связи с этим, я возьму смелость предъявить трибуналу экземпляр номер Рёдер-7, документальная книга 1, страница 23. Этот документ касается так называемого плана замещения кораблей. Данный план строительного замещения кораблей был, как показано на странице 24 документальной книги, параграф 2, цифра 2, представлен согласно резолюции Рейхстага. Я хочу, чтобы вы обратились к странице 24, цифре 3, из документа который демонстрирует, что план строительного замещения кораблей охватывал три броненосца, и он добавляет, что строительство последнего может идти до 1938.

С позволения трибунала, это важная цифра. Обвинение пожелало толковать случайный факт, что в 1933 был подготовлен строительный план в степени вплоть до 1938, как означающий, что были агрессивные намерения.

Этот строительный план замещения кораблей 1930 года имел такую же цель и в 1938 и, как признает обвинение, не мог иметь никакого отношения к агрессивной войне.

Свидетель, план тогда был представлен через правительство Рейха и вы проводили только подготовительную работу?

Рёдер: Да.

Симерс: Это единственно верно о плане замещения кораблей для 1930, или с этим обращались также и в последующие годы?

Рёдер: План как он был представлен, был принципиально одобрен Рейхстагом. Однако, каждый отдельный корабль, нужно было снова одобрять в проекте бюджета на год в котором начиналось строительство. Вся строительная программа, таким образом, всегда согласовывалась с правительством Рейха и Рейхстагом.

Симерс: В связи с этой программой замещения кораблей в рамках документальных доказательств, я хочу сослаться на два пункта, которые сильно сократят опрос свидетеля.

В настоящее время я не хочу цитировать со страницы 26. Я прошу вас принять судебное уведомление об остальном содержании, и просто желаю отметить, что это ссылается на большой возраст всех линкоров, и их замещение которое этим обосновывалось.

На странице 27 документальной книги прямо сказано, что на 89-й сессии от 18 июня 1929 Рейхстаг попросил правительство Рейха увеличить период строительной программы. Общее мнение того времени в отношении программы замещения кораблей, изложено в «Frankfurter Zeitung» от 15 августа 1928, где «Frankfurter Zeitung» отмечает, что броненосец представляет настоящую ценность лишь, когда он является частью эскадры. «Frankfurter Zeitung» была, как хорошо известно, лучшей немецкой газетой, и она была запрещена национал-социалистической диктатурой которая стала ещё жестче только в 1943, во время войны.

Я хочу сослаться на страницу 29 и процитировать одну фразу:

> «Строительство линкоров будет пролонгировано насколько возможно, для того, чтобы постоянно задействовать судоверфи в Вильгельмсхафене. Идеальное время постройки приблизительно три года; и это объяснялось тем что, что работает принцип как можно более длительного трудоустройства как можно больше увеличивая время».

Мне кажется это показывает, что агрессивного намерения не было, поскольку в противном случае строительная программа была бы ускорена.

Затем я прошу вас принять судебное уведомление о странице 30, сметной стоимости броненосца имевшего тоннаж в 10 000 тонн, где упоминается, что она была около 75 миллионов марок. Данная цифра важна для меня в качестве доказательства, в виду дальнейших показаний, где будет показана стоимость нарушений Версальского договора.

Наконец, могу я процитировать со страницы 30 несколько строк, которые приводят принцип использования Вермахта. Я цитирую:

> «С момента осуществления программы разоружения, в которой германская республика одинока среди всех великих держав, для Вермахта, который служит, чтобы защищать границы и мир, принимаются во внимание следующие возможности: (a) оборона против похищения территорий, (b) оборона нейтралитета при конфликтах третьих сторон».

[*Обращаясь к подсудимому*] Я хочу сослаться на отдельные нарушения договора, которые вменяет вам обвинение. В этой связи, я предъявляю экземпляр Рёдер-1, в документальной книге 1, страница 1, и я ссылаюсь на страницу 3, статья 191. Это касается обвинения в том, что Германия в нарушение Версальского договора строила субмарины. Статья 191 гласит, и я цитирую: «Постройка и приобретение всяких подводных судов, даже торговых, будут воспрещены Германии».

Я скоро поставлю вам вопрос в отношении установленного факта, что флот был заинтересован в фирме, которая занималась разработкой субмарин в Голландии и в общей строительной программе кораблей и субмарин, которая проводилась в Голландии, но для того, чтобы сэкономить время, будет проще, если я зачитаю из письменных показаний Ломана, которые я предъявляю как экземпляр Рёдер-2, в документальной книге 1, страница 4. Я процитирую короткий параграф под 1:

> «В соответствии с Версальским договором, Германскому Рейху нельзя было ни строить, ни приобретать подводные лодки. Когда в июле 1922, в Гааге была создана фирма «N. V. Ingenieurskantoor Voor

Scheepsbouw[344]», флот проявлял к ней интерес с целью быть в курсе современного конструирования подводных лодок. Намерение заключалось в том, чтобы использовать соответствующий опыт для германского флота, когда позднее условия Версальского договора были бы аннулированы в результате переговоров и Германии снова разрешили бы строить подводные лодки. Более того, флот хотел, с той же целью, подготовить небольшое ядро опытного личного состава. Голландская фирма была строго проектным бюро».

С позволения трибунала, в качестве предосторожности я хочу отметить, что в этом отрывке есть ошибка в переводе английской копии. Слово «konstruktion» здесь перевели как «строительство» и строительство означает «постройку» в немецком. Это было не строительное бюро. Насколько мне известно, «konstruktion» следует переводить как «конструкторское». Поскольку в виду статьи 191 этот пункт важен, я хочу это поправить.

Я цитирую дальше:

«Первая германская подводная лодка была принята 29 июня 1935. Приобретение комплектующих для строительства подводных лодок началось соответственно раньше».

Я желаю напомнить вам о том, что когда первая субмарина была принята, уже существовало Англо-германское морское соглашение, согласно которому разрешалось строительство субмарин. Я спрашиваю, верно, ли это заявление адмирала Ломана.

Рёдер: Да. Оно полностью соответствует фактам.

Симерс: Тогда я перехожу к документу обвинения С-141, экземпляр USA-47. Это в документальной книге Рёдера номер 10, на странице 22, в подборке британской делегации. Это ваше письмо от 10 февраля 1932 в отношении торпедного вооружения скоростных лодок.

Председатель: Это в документальной книге 10а или 10?

Симерс: Документальная книга 10. Старая документальная книга.

Председатель: У меня почему-то страницы неправильно пронумерованы. Всё правильно.

Симерс: Пожалуйста, извините меня. Такие номера страниц мне дали.

Председатель: В книгах остальных членов они правильные.

Симерс: Версальским договором прямо не допускалось торпедное вооружение скоростных лодок и по этой причине вы обвиняетесь в связи с этим. Это включает только пять скоростных лодок указанные в этом документе?

---

[344] «Инженерная судостроительная контора» (нидерл.) — голландская подставная компания, основанная немецкими Рейхсмарине после Первой мировой войны, для создания новых разработок по проектам подводных лодок, в связи с запретами, установленными Версальским мирным договором. Компанией были спроектированы несколько типов подводных лодок для различных стран, в том числе проекты подводных лодок типа «Средняя» для СССР и подводных лодок типа II и типа VII для Германии.

Рёдер: Да. Было пять лодок, которые мы заказали для использования в качестве патрульных лодок по программе судостроительного замещения и которые сами по себе не имели вооружения.

Симерс: Насколько большими были эти лодки?

Рёдер: Точно не больше 40 тонн, вероятно значительно меньше.

Симерс: Лодки такого типа строились во время Версальского договора?

Рёдер: Не могу точно сказать. В любом случае, у нас не было дополнительных вооруженных лодок.

Симерс: Да, простите меня, это, то, что я имею в виду – больше вооруженных лодок.

Рёдер: Нет. Мы могли построить 12 плюс 4, что составляет 16 торпедных катеров по 200 тонн. Торпедный катер в 200 тонн в то время нельзя было производить по практическим проблемам, из-за вопроса моторов и вопроса мореходности. По этой причине в настоящее время, мы не строили эти торпедные катера, но сохраняли на службе ряд довольно старых торпедных катеров, построенных в начале века, для того, чтобы можно было готовить на них экипажи. Мы больше не могли использовать эти катера в бою. Но таким образом – до тех пор пока мы не могли заменить эти катера – мы могли иметь несколько катеров пригодных для боя, однако небольших, которые можно было использовать при блокаде Балтики, я приказал, чтобы эти патрульные катера оборудовали торпедными трубами.

Однако, таким образом в 1932 нам не нужно было ухудшать свою ситуацию открытыми нарушениями договора, когда мы надеялись на то, что на Конференции по разоружению[345] мы сможем добиться некоторого прогресса, я имел одну лодку вооруженной с целью настройки и проверки вооружения, и затем я снова демонтировал вооружения, для того, чтобы всегда был только один катер с вооружением в любое время. Мы планировали поставить торпедные трубы на борт скоростных лодок только если политическая ситуация, то есть, ситуация после Конференции по разоружению, позволила бы это. Вот о чём я говорю в номере 3 в завершающей фразе.

Симерс: Могу я понять, что тогда нам позволяли построить 16 торпедных катеров вместе составляющих 3200 тонн?

Рёдер: Да.

Симерс: И вместо этого мы построили только пять скоростных лодок составляющих 200 тонн?

Рёдер: Да.

Симерс: Касательно предъявленного обвинения о том, что вы не учитывали скоростные катера против торпедных катеров вы на самом деле не намеревались, что-то утаивать, но вы хотели обсудить это с контрольной комиссией, когда придет

[345] Конференция по снижению и ограничению вооружений Лиги Наций проходившая с 1932 по 1934 в Женеве. В октябре 1933 Германия покинула конференцию.

время?

Рёдер: Да.

Симерс: Теперь я перехожу к самому обширному документу в отношении нарушений, которые представило обвинение, документ С-32, USA-50. Документ в документальной книге 10а, страница 8, в новой документальной книге британской делегации.

В этом списке все нарушения включены под датой 9 сентября 1933. Обвинение справедливо отмечает, что эта подборка является очень тщательной и обвинение представляет это столь же основательно, хотя, как мне кажется, я могу подтвердить они, в окончательном анализе небольшие предметы. Я вынужден попросить свидетеля ответить на эти пункты детально, поскольку они представлены в подробностях. Нарушение номер 1 касается превышения допустимого количества мин. В столбце 2 сказано, что в соответствии с Версальским договором, то есть, комиссией, допускалось 1665 мин, но мы владели 3675 минами. То есть на 2000 больше. Будьте любезны рассказать трибуналу о существенности этого нарушения, несомненно, это было нарушением.

Рёдер: Я хочу заранее сказать, что этот список был подготовлен для нашего флотского представителя на Конференции по разоружению, для того, чтобы если бы про эти вещи сказали, он мог бы дать объяснение. Вот почему это было настолько откровенным, при том, что большинство вещей содержащихся в нём малозначительные. Я хочу добавить, к тому, что я уже сказал, относительно угрозы нападений Польши, что в виду политической ситуации того времени, мы всегда опасались, что поляки, если бы они предприняли вторжение в нашу страну, могли получить определенную поддержку с моря от Франции, поскольку французские корабли, которые тогда часто посещали польский порт Гдыня, могли атаковать наше побережье через балтийские проходы, Бельт и Зунд. По этой причине оборона балтийских входов минами играла важную роль. Таким образом, мы предприняли это нарушение договора для того, чтобы можно было закрыть по крайней мере балтийские входы в узких точках, что, конечно, было возможно лишь на некоторое время. Этими минами можно было закрыть полосу в 27 морских мин. Таким образом, мы бы смогли закрыть часть Данцигского залива, в котором располагался Гдыня, или часть Бельта, поставив несколько рядов мин. Это был единственный метод, который мог быть эффективных какое-нибудь длительное время. Это был чисто оборонительный вопрос, но они всё же превышали количество мин допущенных из доступных военных припасов.

Симерс: Вычисляя из 27 морских миль вы включили общее количество которое в то время имела Германия.

Рёдер: Да.

Симерс: Не то количество, которое превышало то, что допускалось?

Рёдер: Нет, общее.

Симерс: Таким образом превышение, только половина от этого количества?
Рёдер: Да.
Симерс: И затем я хочу попросить провести приблизительное сравнение. Мне сказали, в результате сравнения, что британцы в Первую мировую войну разместили приблизительно 400 000-500 000 мин в Северном море. Вы вспоминаете это количество как приблизительно правильное?
Рёдер: Приблизительно это может быть правильно. Я не могу сказать точно по памяти.
Симерс: Мне кажется, приблизительности достаточно, чтобы дать картину относительных величин.

Теперь второй небольшой вопрос. Это правда, что для минирования английских портов лишь в одной акции Люфтваффе рейхсмаршала Геринга использовали 30 000-50 000 мин? Вам это известно?
Рёдер: Я об этом слышал.
Симерс: Затем есть второй пункт. Я цитирую: «Постоянное складирование орудий из района Северного моря для батарей балтийской артиллерии».

Это включает 96 орудий, только 6 из которых крупного калибра, остальные меньшего калибра. Могу я попросить вас объяснить это нарушение договора?
Рёдер: Это довольно небольшое нарушение. Нам разрешалось сравнительно большое количество орудий на побережье Северного моря. С другой стороны, в соответствии с планами балтийское побережье было сравнительно безоружно поскольку они хотели оставить свободным вход на Балтику, в то время как у нас был самый большой интерес в закрытии Балтики от нападений. По этой причине мы складировали орудийные стволы, которые относились к Северному морю, но которые доставили на Балтику для ремонта, на складах балтийского района на длительное время, для того, чтобы можно было установить эти орудия на балтийском побережье в случае нападения. Побережье Северного моря имело много орудий, и ввиду мелководья, было гораздо проще оборонять его, чем балтийское побережье. В этом заключалось нарушение.
Симерс: На практике это включало только их перевозку с Северного моря на балтийское побережье. То есть, не их установку, а просто их хранение.
Рёдер: Да.
Симерс: Затем под цифрой 3, ещё одно обвинение, «не разборка орудий». Всего указано 99 орудий из которых десять самых крупных, от 28-ми сантиметров на самом деле пустили на лом. Пожалуйста, прокомментируйте это.
Рёдер: Приобретая новые орудия, как например, для линкора «Deutschland», построив шесть 28-ми сантиметровых орудий для «Deutschland» или крейсеров, сорок восемь 15-ти сантиметровых орудий, мы должны были разобрать на лом соответствующее количество старых орудий. Десять из этого количества на самом

дел разобрали. Все орудия передали армии для разборки на лом, и мы получили от неё расписку, что эти орудия пустили на лом. Однако, мы узнали, что фактически армия не пустила на лом орудия, но за исключением десяти 28-ми сантиметровых орудий, она намеревалась использовать их для вооружения укреплений построенных на случай нападения, поскольку у армии вообще не имелось таких орудий.

Симерс: Я хочу выяснить время. Должно быть это нарушение договора, которое случилось задолго до вашего прихода как начальника морского командования.

Рёдер: По большей части это случалось между 1919 и 1925. В любом случае я не имел никакого отношения к этим вопросам.

Симерс: Номер 4 самый простой: «Отклонение от мест, установленных Антантой[346] для размещения береговых батарей».

Рёдер: Ранее, до времени мировой войны, в особенности тяжелые батареи и средние батареи размещались очень близко друг к другу, или даже орудийные батареи размещались очень близко друг к другу. В соответствии с нашим опытом мировой войны тяжелые и средние орудия в батареях размещались подальше, для того, чтобы одно попадание сразу не уничтожило несколько орудий. По этой причине мы переоборудовали эти тяжелые и средние батареи и переместили орудия подальше. По этой причине они больше не находились именно в тех местах, где находились во время договора. В противном случае ничего не изменилось.

Симерс: Такие вещи не одобрила бы контрольная комиссия, потому что они были чисто техническими?

Рёдер: Я не могу сказать, я никогда не принимал участие в этих переговорах.

Симерс: Номер 5 касается размещения орудийных платформ для артиллерийских батарей и складирования боеприпасов ПВО. В столбце 2 снова вопрос изменения места разрешенного Антантой. Тоже самое относится к номеру 4?

Рёдер: Нет, не полностью. Мы хотели разместить батареи ПВО, там где они были особенно полезными и могли быть полностью использованы, в то время как комиссия не хотела их размещения в этих местах. Как результат мы оставили батареи ПВО там, где они были; но в других точках мы подготовили так называемые орудийные платформы, которые были импровизированными деревянными платформами, для того, чтобы на случай нападения любого противника мы могли разместить орудия ПВО с целью использовать их наиболее эффективно. Таким же образом…

Симерс: Это только вопрос тех платформ для батарей ПВО, только приготовления к обороне?

Рёдер: Да, единственное предназначение.

Симерс: Затем следует номер 6: «Размещение орудийных платформ в районе Киля».

Рёдер: Район Киля был в особенности безоружным, потому что вход через Бельт в

---

[346] Антанта (фр. entente соглашение, согласие) — военно-политический блок России, Великобритании и Франции.

Киль должен был быть слабо вооружен и быть как можно более открытым. По этой причине размещение орудий в районе Киля в особенности запрещалось и для того, чтобы быстро размещать эти орудия в спешке, в случае необходимости, там тоже подготовили орудийные платформы.

Симерс: Следующий пункт обвинение приводит под номером 7: «Превышение допустимого калибра береговых батарей». «Береговые батареи» показывает, что это было для обороны, но вместе с тем, это предъявлено как обвинение.

Рёдер: Да. Здесь сказано, что вместо шести 15-ти сантиметровых, были построены три 17-ти сантиметровых орудия. Конечно, это отклонение, поскольку орудия должны были там оставаться, но сомнительно то, не могли бы эти шесть 15-ти сантиметровых орудий быть лучше чем три 17-ти сантиметровых орудия.

Симерс: Понимаю, вы имеете в виду, что их на самом деле меньше чем разрешали?

Рёдер: Да.

Симерс: Вместо пяти 15-ти сантиметровых было только три 17-ти сантиметровых?

Рёдер: Вместо шести.

Симерс: Да, вместо шести только три, и калибр был на 2 сантиметра больше.

Рёдер: Да.

Симерс: Затем следует номер 8, вооружение минных лодок. Минные лодки были минными тральщиками.

Рёдер: У нас имелись старые минные тральщики, которые в случае нападения на Балтике должны были служить двойной задаче поиска мин и охране минного заграждения, которые мы хотели поставить на выходах из Бельта с целью закрыть Балтику, и оборонять её от легких вражеских сил. По этой причине мы дали каждому 10,5 сантиметровое орудие и по одному пулемёту С-30.

Симерс: На самом деле минимальное вооружение?

Рёдер: Да, совершенно минимальное вооружение.

Симерс: Мне кажется, номер 9 можно быстро разрешить: «Вооружение шести скоростных лодок и восьми минных тральщиков».

Шесть скоростных лодок являются теми, которые обсуждались в документе С-141?

Рёдер: Да, здесь сказано о лодках вооруженных торпедами.

Симерс: Номер 10: «Проведение учений батарей ПВО».

Это нарушение договора?

Рёдер: Да, это были, в конце концов, батареи ПВО. Это было лишь потому, что рядом с гарнизонами, где были бараки наших людей, мы хотели попрактиковаться в упражнениях по стрельбам ПВО. Вот почему мы размещали эти батареи возле бараков. Не было намерения использовать их в этом месте для обороны. Это был вопрос удобства для подготовки.

Симерс: Затем идёт номер11.

Рёдер: Отдельные случаи постепенно становились еще смешнее. Я считаю это

тратой времени.

Симерс: Адмирал, я извиняюсь, что я вынужден затруднять вас этим, но мне это кажется нужным, поскольку обвинение прочитало почти все эти пункты под протокол и захотело составить из них конструкцию которая поставит вас в затруднение.

Рёдер: Затем есть «салют батареи Фридрихсорта»

Фридрихсорт это вход в Киль где зарубежные корабли салютовали, когда они входили, и им отвечали на салюты. Два 7,7–ми сантиметровых полевых орудия которые были непригодны к службе использовали для этой цели. Из этих орудий, точная стрельба была невозможной, это было с тех пор как там уже была быть основана батарея, чтобы вместо двух 7,7-ми сантиметровых орудий мы должны были установить 8,8-ми сантиметровые орудия ПВО, которые уже вовсю использовали. Но это было задолго до времени, когда я был главнокомандующим флотом.

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 16 мая 1946*]

